

ВЫДАЮЩИЕСЯ
ЛИЧНОСТИ
БАШКОРТОСТАНА

Р. Т. Бикбаев

РАМИ

КНИГА О ПОЭТЕ

Р. Т. Бикбаев

РАМИ

КНИГА О ПОЭТЕ

КИТАП
УФА • 2022

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос)-4
Б60

РАМИ
КНИГА О ПОЭТЕ

Бикбаев, Р. Т.

Б60   **Рами : книга о поэте / Равиль Бикбаев [перевод с башк. Г. Я. Хамматовой]. – Уфа : Китап, 2022. – 680 с.**

ISBN 978-5-295-07746-3

О Рами Гарипове немало было написано при его жизни и особенно за годы, прошедшие после его кончины. Между тем богатое творческое наследие народного поэта Башкортостана оставалось до настоящего времени фактически не изученным. Данная книга является результатом всестороннего, основанного на многочисленных документах и свидетельствах исследования жизненного и творческого пути Рами Гарипова.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос)-4

ТП – 031/22

ISBN 978-5-295-07746-3

© Бикбаева Ф. Я., Бикбаев А. А.,
Бикбаев Э. А., 2022
© Хамматова Г. Я., наследники,
перевод на русский язык, 2022
© ГУП РБ Би «Китап»
им. Зайнаб Бишевой,
оформление, 2022

Часть первая

НАЧАЛО ПУТИ

25 июня 1946 года был сдан последний экзамен, и сразу возник вопрос: что дальше? Самое большое желание — уехать в Уфу, чтобы продолжить учебу. Он хочет этого все сильнее, да и товарищи советуют. Только вот мать пока колеблется. То соглашается, то опять противится. Понять ее состояние нетрудно. Будучи самым старшим из детей, Рами не мог не сознавать, как нелегко ей будет смириться с его отъездом. Разве мало досталось Гюльмарьям Хизбулловне в военные годы? А самое страшное из того, что пришлось ей пережить, — это черная весть о гибели 23 февраля 1943 года в сражении под Сталинградом любимого мужа, ушедшего на фронт вместе с первыми добровольцами-коммунистами их района.

После женитьбы Ягафар и Гюльмарьям прожили в родной деревне всего лишь год. В Аркауле родился их первенец Рамиль. Потом отца забрали на военную службу, и молодая семья провела какое-то время в Миассе. Ягафар был не против обосноваться в городе, но Гюльмарьям, стоковавшаяся по родным местам и сельскому труду, даже слышать об этом не желала.

По возвращении в Аркаул Ягафар Мухаметрахимович Гарипов возглавил сельсовет, потом — колхоз. В качестве транспортного средства за правлением был закреплен игреневый жеребец. На этом рыжем аргамаке председатель поспевал повсюду: навещал комбайнеров и трактористов, наведывался туда, где шел сев или кипела уборка урожая.

При нем не оставалось ни клочка невспаханной и нескошенной земли. А как-то раз его стараниями колхоз приобрел в Уфе великолепную новенькую машину.

В финскую Ягафар все порывался уйти воевать, но его не отпускали. В 1939—1941 годах Гарипов руководил ОСОАВИАХИМом Салаватского района. А в марте 1941 года односельчане вновь избрали его на должность председателя колхоза...

Солдатской жене Гюльмарьям не исполнилось еще и тридцати, когда она овдовела, оставшись одна с четырьмя ребятишками. Рамилю было в то время одиннадцать, братишке Равилю — семь, Уралу — три. А сестренка делала еще только первые шаги. Равиль и Рамиль вместе ходили в школу. Они занимались в одной комнате, поскольку учительнице Галиме-апай Абдуллиной приходилось объединять второй класс с четвертым.

Учиться рядом с братом Равилю нравилось. Да вот только тот не давал ему спуска, постоянно контролируя и подгоняя, дескать: смотри у меня, не будешь стараться — пеняй на себя. Их мать трудилась в колхозе с рассвета до темна. Поэтому малыши — Урал с Маршидой — были, фактически, на попечении двух старших братьев. Основные же хлопоты по хозяйству доставались Рамилю. Мальчишка брался за дела, не дожидаясь напоминаний и просьб матери и, справляясь с основными своими обязанностями, попутно наставлял и воспитывал младших.

Своим трудолюбием Гюльмарьям Гарипова прославилась не только на весь Аркаул, но и далеко за его пределами. В годы войны ее даже любовно называли «Комбайном Салаватского района». Во время жатвы 1942 года хлебороб Гюльмарьям одна собрала урожай с восемнадцати гектаров. И первой из женщин их района удостоилась государственной награды.

Стоит ли после этого удивляться тому, что воспитанные этой женщиной дети оказались столь упорными и работящими. А больше всех трудился, естественно, Рамиль. И не только по домашнему хозяйству. В военные и послевоенные годы ему приходилось пасти овец, коров, лошадей, косить наравне со взрослыми траву, проливать пот на уборке урожая, вкалывать на лесоповале, сплавлять

по бурной Юрюзани плоты. Возился он также с жеребятами-стригунками и вместе с другом Альтафом приучал ходить в упряжке бычков и телок.

Свободные от домашних и колхозных работ часы Рамиль посвящал чтению. Он постоянно рылся в книгах, оставшихся после отца, который был в их деревне одним из самых передовых и образованных людей. Но при всей своей страсти к чтению мальчик не мог себе позволить подолгу засиживаться за любимым занятием, поскольку надо было экономить керосин. Поэтому на ночь он предпочитал уходить в правление колхоза, чтобы послушать баиты и сказки, которые рассказывала ему сторожиха Гиззиямал-апай. На его счастье, в подвале сохранилось много старых документов. Отобрав чистые листы, Рамиль и его братишка сшили себе тетради и блокноты.

За какое бы дело ни брался Рамиль, он выполнял его на совесть, старался все доводить до конца. «В ауле брата называли Муравьем», — вспоминал потом Равиль Гарипов.

В их деревне не осталось, наверное, ни одной книжки, которую бы не прочел Рамиль. И чтобы запастись новым чтивом, во время каникул он отправлялся к Хусаин-бабаю, проживавшему в деревне Дуван-Мечетли. Для пешего путь был совсем неблизкий, но любознательный мальчик готов был его преодолеть, лишь бы взять в руки новую книгу и насладиться ею.

Заслуженный учитель РСФСР, ставший кавалером ордена Ленина еще до войны, Хусаин Фаткуллин, близкий родственник Ягафара Гарипова, всю свою жизнь учил детей. Для жадного до чтения Рамиля дом старого учителя стал настоящим кладом. Хозяин показывал ему книги, среди которых было немало толстых томов. Один из них, что в красном переплете, показался мальчишке особенно тяжелым, и он с удивлением спросил: «Бабай, а сколько эта книга весит?» Тот лукаво взглянул на пытливого юного родственника и, то ли в шутку, то ли всерьез, ответил, важно оглаживая бородку: «Больше восьми килограммов».

Как оказалось, этот увесистый фолиант был выпущен к 60-летию Сталина. Там были фотографии, на внимательное изучение которых Рамиль потратил четыре дня.

А однажды он принес домой от учителя целую пачку книг, среди которых были напечатанные на латинице романы Даута Юлтыя и Афзала Тагирова.

После сдачи последнего экзамена прошло уже больше месяца. Но желание продолжить учебу в Уфе не только не прошло – с каждым днем оно все больше крепло. «Если уж поставил перед собой цель, разве я могу от нее отказаться?! Сказал – и все. Чтобы я выбросил это из головы? Такому не бывать!» – эти мысли постоянно будоражили Рамиля, и чем дальше, тем тревожнее становилось у него на душе. Он был не из тех, кто мог изменить поставленной цели, остановиться на полпути. Его давно уже одолевала дерзкая идея бежать из дома тайком. Но мысли о матери, о братишках и сестренке всякий раз удерживали его. Разве сможет он поступить так с самыми дорогими людьми? И ему не оставалось ничего другого, кроме как уповать на то, что мать все-таки сдастся.

Больше года минуло, как кончилась война. Большинство оставшихся в живых фронтовиков вернулись домой. Родственники же пропавших без вести пока продолжали верить, что те возвратятся, хотя и эта призрачная надежда постепенно таяла. А на что было рассчитывать получившим похоронку? Но и они надеялись втайне на чудо. Сколько раз перечитывала Гюльмарьям письма от Ягафара при свете луны или сидя подле растопленной печки. И тихонько плакала, пока дети не видели.

Несмотря на мирную жизнь, легче не стало. И неоценимую помощь бедной женщине в ту тяжелую пору оказывал трудяга Рамиль, на которого можно было всерьез положиться. Наблюдая за тем, как он хлопочет, оформляя в школе и в сельсовете нужные документы, она то радовалась, то печалилась.

Ребят его возраста нередко манит романтика приключений. В эти годы крылья мечты могут занести куда угодно. Вот и Рамиля подмывало иной раз сорваться куда-нибудь с места, вылететь из родного гнезда. Однако его стремление попасть в Уфу было продиктовано вовсе не прихотью беспечного подростка. Он прекрасно понимал, что, оставшись в деревне, мог бы быть для семьи

надежной опорой. Да и мама была бы рядом. А для матери и ребенка очень важно быть вместе. Так уж повелось с незапамятных времен, что взрослые связывали со своими детьми надежды на будущее, когда они, состарившись, будут нуждаться в помощи молодых. Ну а деревня с той же надеждой взирала на мальчишек, отцы которых полегли на фронтах войны.

Что касается Рамиля, то его помыслы были устремлены гораздо дальше. Ему хотелось стать человеком, нужным не только матери и родному аулу, но и всей стране. Испытывая тягу к знаниям, страстную, безудержную любовь к литературе, он ощущал в себе потребность в творчестве. Рамиль уже не мог жить, не сочиняя, и не сосчитать, сколько страниц исписал он за последние годы. Этот настырный мальчишка предъявлял к себе самые жесткие требования: ни на шаг не отступать от заданного направления, не тратить впустую ни одного дня!

Мечта стать поэтом, увидеть свои стихи напечатанными пока еще не столь явственна. А между тем этой весной он дал себе слово писать чаще и даже завел дневник. Рамилю он был необходим, чтобы было где фиксировать мысли и увиденное, анализировать и оценивать свои поступки и дела, судить себя за совершенные ошибки и для того, чтобы более четко определить цели на будущее.

Вот какой была первая запись Рами Гарипова: «1946 год. 5 апреля. Начиная с сегодняшнего дня, я буду вести дневник. Сейчас мне 14 лет, но будем считать, что 14 дней. Итак, мне всего 14 дней, и сегодня я получил имя. Какое прекрасное это имя! Я так рад... И с гордостью восклицаю:

«Я – КОМСОМОЛЕЦ! –

Вот мое главное имя!

Было собрание – меня приняли единогласно.

– Будьте знакомы с новым юным комсомольцем!»

Чувство ответственности, которое ощутил Рамиль, вступив в комсомол, возможно, покажется кому-то преувеличенным. Большинству из поколения теперешних читателей

трудно понять, почему молодые люди придавали столь огромное значение такому событию, как прием в комсомол. Но в ту эпоху оно и в самом деле воспринималось как праздник, как своего рода экзамен. Особенно серьезно отнесся к нему Рамиль, судя по надписи, сделанной им на первой странице дневника: «Мое главное имя – комсомолец».

В середине августа он принимает окончательное решение. А чтобы заработать на дорогу деньги, мальчик перетаскал к дому Гайниял-абей сено.

14 августа он записал в своем дневнике следующий диалог:

«Вернулся вечером домой и говорю:

– Делай, что хочешь, инэй, но я уеду!

– С кем поедешь-то? Попутчиков же нет.

– Поеду сам, а попутчики найдутся. Собери меня в дорогу, инэй.

Мать не ответила. Ей было тяжело. Я тоже больше не проронил ни слова. Отобрал нужные мне вещи и книги, остальное убрал обратно в сундук. И вот я уже на старте. Осталось лишь взлететь».

Этим все сказано. Лучше и не передать душевное состояние подростка, собравшегося в дальний путь. Он готов к взлету!

На следующее утро Гюльмарьям узнала, что их соседи надумали ехать в Уфу. Обстоятельства складывались в пользу Рамиля. Вот как он описывает, что произошло дальше.

«Я поеду с ними! – заявил я. И тогда мать, немного смягчившись, сказала:

– Так ведь ничего еще не готово!

После этого она принялась хлопотать. Наготовила еды. Затопила баню. Вечером я вышел на улицу. У околицы собрались парни и девушки. Поют. Смеются».

Накануне отъезда Рамиль обращает внимание на каждую деталь. Последняя ночь, которую он проводит в деревне, прохладна, но дивно прекрасна. При лунном свете хорошо видна Юрюзань. Ясное небо усыпано звездами. Алеющая на западе кромка над горизонтом и на завтра обещает погожий день. С поля доносится стук молотилки.

Где-то возле Габовки поет под гармошку молодежь. Вот и здесь собравшиеся за околицей сверстники уже вовсю разошлись, разыгрались не на шутку. Только Рамиля почему-то не тянет к ним. Ему не по себе.

Переговорив в сторонке с Альтафом, он подошел к веселившимся ребятам и сказал: «Ну что, товарищи, будьте здоровы и, как говорится, не поминайте лихом... Мне пора». Те опешили было от неожиданности, потом опомнились и бросились к Рамилю с расспросами. Когда же парнишка сообщил, что уезжает в Уфу учиться, не поверили и принялись упрашивать: «Не уходи, поиграй с нами немного».

Рамиль на уговоры не поддался. Ему не до игр. Голова занята лишь мыслями о предстоящей дороге. И даже улегшись спать, он не мог заснуть. Проворочавшись без толку, Рамиль снова решил выйти из дома, чтобы насладиться последней ночью в родной деревне. С уходом месяца ярче засверкали звезды. А молодежь возле околицы так и продолжала резвиться. К их шуму примешивались доносившиеся издали голоса перепелов и коростелей.

Несмотря на то что сон пришел к Рамилю лишь перед самым рассветом, поднялся он раньше времени. «Слышно, как мать доит корову. По земле стелется туман», — записал он в дневнике.

16 августа его тетрадь пополнилась следующей записью: «Сбегал к Шарип-агаю. Надел лапти и закрепил их как следует. Перекусили. После того как туман рассеялся, начало припекать... Машину уже подогнали. Мы уехали».

— До свидания, инэй! Хуш!

— Ты уж старайся там, — сказала мне напоследок мать. Как же ей было тяжело.

Машина помчалась вперед. И вот уже позади знакомые места, заросли Сеялетау и Байка. А у меня будто ком в горле застрял. Перед глазами стояла мать. Утирая слезы кончиком платка, она помахала мне вслед рукой, когда я взмахнул фуражкой... Эх, инэй, инэй! Именно тогда я понял, что мама была для меня самым близким на свете человеком. И пусть она меня простит, если я причинял ей обиды

(а без них при такой жизни никак не обходится). Мне было ее жалко. Еще бы, ведь я так наскоро собрался и уехал».

Сосед Гариповых, учитель Шарип Валиев, пишет в своих воспоминаниях «Поездка на крыше вагона»: «В послевоенном 1946 году мы с женой отвезли Рами в Уфу. В то время на весь колхоз была только одна машина».

Его супруга Галима Гатаулловна учила Рамиля в 3–4 классах. Так что мальчику повезло в том, что его попутчиками оказались такие хорошие, надежные люди.

Посматривая по сторонам, Рами мчится вместе с ними в машине, весь до краев наполненный радужными надеждами и мечтаниями: «Кажется, что Уфа ждет меня с нетерпением. И я чувствую, как близка она моему сердцу».

К сумеркам путники добираются до Сулеи. На станции скопилось много народу. Резкие гудки паровозов заставляют всех каждый раз вздрагивать. Люди ждут пассажирский поезд, а вместо него подходит и останавливается товарняк, груженный металлоломом, углем и кирпичом. Решившись, будь что будет, двое учителей вместе с учеником забираются в грузовой состав. И вот они уже едут. Холодный ветер хлещет по лицам «пассажиров» черным дымом, выпускаемым паровозной трубой, осыпает их угольной пылью.

К рассвету поезд прибывает в Кропачево. Путешественники спускаются с тамбура цистерны и крадучись, точно воры, влезают на крышу вагона ожидавшегося отправления пассажирского поезда. Вначале наверху было страшновато, но куда денешься. Приходилось соблюдать осторожность, иначе сдуло бы. Так путники доехали до станции Тавтиманово. Там они пересели в так называемый «рабочий» поезд и припеваючи добрались до Уфы.

Вот так, преодолев с приключениями опасный и длинный путь, Рамиль Гарипов впервые в своей жизни ступил на каменную мостовую столицы. Поглядывая в записку, которую вручил ему Шарип-агай, он брел, как зачарованный, по городской улице и тут нечаянно столкнулся с проходящей мимо женщиной. Мальчик был ошарашен, услышав, как та воскликнула: «Ой, простите!», и тут же отметил про себя: «Какие вежливые эти городские». А у самого

не хватало духу взглянуть на кого-нибудь. Понятное дело! Попробуй-ка явиться в город в лаптях да в латаной рубахе... И представлявшаяся ему до этого такой родной и близкой Уфа показалась враждебной и чужой. Каково же было деревенскому подростку, с вещмешком на спине и мелочью в кармане, очутиться в незнакомом городе совершенно одному! Куда податься, кому довериться?

Впрочем, город — городом, а Рамиль Гарипов, родившийся и выросший в древнем башкирском селении Аркаул, был вовсе не робкого десятка. Вечно при деле, будь то хлопоты по домашнему хозяйству или бесконечный колхозный труд, он получил отличную закалку, когда в трескучие морозы продирался из леса сквозь высокие сугробы, когда с песнями волок вместе с товарищами дрова на маленькой арбе, пас скотину, косил траву в июльский зной, сплавливал по реке плоты, переправлялся вплавь по Юрюзани с весны до осени, когда лакомился в родном лесу диким луком и балтырганом-борщевиком, мок под дождем, загорал дочерна под палящими лучами солнца. Прошедшему через такие испытания должно быть все нипочем. Это был уже далеко не ребенок. Детство его закончилось раньше времени. Да и как тут не повзрослеешь, если рядом с тобой почерневшая от горя мать с похоронкой в руке, и по всей округе — подобные ей горемычные вдовы, выплакавшие все глаза.

Все это Рамиль пропустил сквозь собственное сердце. К тому же нельзя забывать, что он был земляком самого Салават-батыра. Одна только мысль об этом наполняла его гордостью, придавала уверенности в своих силах. Прежде чем его ступни коснулись уфимских мостовых, они впитали в себя энергию и тепло родной земли Салавата. Его ноги кровоточили от колючих стеблей на жнивье и на пастбищах, немели от холодной росы на осенних лугах и в то же самое время впитывали в себя ее целебную силу, которая распространялась затем по всему телу, закаляя и укрепляя его. Отправляясь в дорогу, он получил добрые напутствия от любимой матери, от родного аула, от окрестных лесов, от задумчивой Юрюзани и от величественного Каратау. Благословляя Рамиля, все они

возлагали на него большие надежды, которые он не вправе был обмануть.

Жизнь человека начинается с младенчества, с ласкового взгляда матери, склонившейся над колыбелью, с самых первых неуверенных шагов, с первого падения и подъема, с первого школьного звонка и с первой дружбы. Именно в это время закладывается фундамент нашего бытия. И хотя детство Рамиля Гарипова пришлось на военное лихолетье, корни его были глубоки, а основа — прочной и надежной, потому что таковой являлась его родная благословенная земля, обильно политая потом и кровью многих поколений батыров, дедов и отцов. Даже если человек редко вспоминает об этих ценностях, заложенные в нем лучшие качества, благословение и добрые пожелания от самых близких ему людей незаметно охраняют его в самых разных ситуациях и, когда требуется, защищают от всевозможных напастей. Эти силы будут оберегать Рамиля всегда и везде, благодаря им он сможет сопротивляться невзгодам и устоит перед превратностями судьбы.

Несмотря на невеликий рост, юноша имел крепкое, мускулистое, плотное телосложение и натруженные руки с налитыми мышцами. Взгляд у него был просветленный, открытый и прямой. Приехав в Уфу, он, не отвлекаясь на мысли о покинутых им родных местах, сосредоточился на поиске улицы Зенцова, желая как можно скорее добраться до дома, где проживали его односельчане. Озираясь по сторонам и читая на калитках предупредительные таблички типа «Осторожно, злая собака!», мальчик не без опаски продвигался вперед. Откуда было ему тогда знать, что остерегаться следовало не столько злых собак, сколько недобрых людей.

Рамиль явился в город не в поисках легкой и красивой жизни, не за тем, чтобы лакомиться белыми калачами, а за образованием. Ради этого он даже рисковал жизнью, отважившись ехать на крыше вагона. Волю мальчика поддерживала уверенность, что для достижения цели ему хватит усердия, выдержки и умений.

Бережно неся одежду и запас продуктов, дорожа спрятанной в кармане более чем скромной суммой денег, он еще не понимал, что самым ценным из его имущества

были вызревающие в его душе стихи и дневники, лежащие на дне дорожного мешка.

Стихов у Рамиля пока немного. Да и качество оставляет желать лучшего: обилие лишних слов, хромающие рифмы, сбивающие ритм. А образности нет еще и в помине. Однако пером паренек владеет уже достаточно хорошо, что видно даже по первым страницам дневника, где он живописует свои ощущения, явления природы и происходящее с ним. При чтении этих записей перед глазами явственно возникают целые картины. Отмечая ровный стиль, правильное построение предложений и богатство лексики, просто диву даешься, что их автор — четырнадцатилетний подросток. Главные же его достоинства: рассудительность, серьезное отношение к себе и к окружающим, попытка оценивать те или иные явления сквозь призму собственного жизненного опыта, умение трезво, по-взрослому, мыслить и ясно излагать свои взгляды.

Сколько же таких мальчишек с котомками на плечах или с фанерными чемоданами в руках устремились тем послевоенным летом в Уфу учиться. Многие из них росли сиротами и уже хорошо знали, почем фунт лиха. Но далеко не все были философами и записывали свои мысли в дневники, как Рамиль Гарипов. А может быть, больше таких, как он, и вовсе не было...

САМЫЙ БЛИЗКИЙ ДРУГ

В конце августа прошли экзамены по математике, по русскому и башкирскому языкам. Рамиль Гарипов успешно их выдержал и был принят в Башкирскую школу-интернат. Теперь он уже мог переехать от Мукмины-абей в общежитие.

Самое счастливое время, будто заново родился! Наконец-то настал тот день, когда сбылась давнишняя, взлелеянная Рамилем мечта, произошло событие, сулившее ему большие перемены в жизни. И отныне он жаждал лишь одного — прилежно учиться, чтобы стать полезным Родине человеком.

Чуть ли не каждый день дневник пополнялся новостями: «30 августа. Выдали одежду: черную тужурку, защитного цвета брюки. На ногах – скрипучие ботинки. Только фуражка не подошла. Мы стали похожи на городских. А лапти я решил выбросить на помойку. Теперь осталось выучиться и стать настоящим человеком.

31 августа. Вот и все, приступаем к учебе. Сходил на базар, купил ручку, тетрадки и еще всякую всячину. В обновке снялся на фото. Написал письмо, мол, “Вы меня теперь не узнаете”, и отправил вместе с карточкой домой в деревню. Другое фото отослал Хусаин-бабаю».

«1 сентября. Новый учебный год начался весело и шумно. Меня прямо распирало от радости. В классах были проведены беседы. По каждому предмету здесь свой учитель. Преподаватели в этой школе совсем другие. Я слушаю их, открыв рот. И много чего узнаю».

Эти коротенькие сведения дают любопытную информацию о том, сколько нового приносил юноше каждый день, какие перемены с ним происходили. Ему нравились одноклассники и даже математика с биологией, которые он прежде недолюбливал. Рамиль с упоением слушал учителей, отмечая про себя, с каким воодушевлением они объясняют материал, внимательно наблюдая за их мимикой и жестиком.

Отправленная в родной аул еще в самом начале фотокарточка, на которую он снялся в выданной в школе новенькой одежде, сохранилась донныне. Образ его впечатляет: волевое лицо, сомкнутые губы, пронзительный взгляд, ладная фигура, гордая осанка. Левую руку он держит в кармане, из правой торчит свернутая в трубочку белая бумага, воспринимаемая как некий знак, как символ его судьбы. Изображенный на фотографии предстает перед нами как воплощение целеустремленности, силы, решительности и надежности. Этот человек внушает уверенность, что он обязательно доведет начатое до конца, что он не дрогнет ни перед какими трудностями, не свернет с намеченного пути.

Уже на пятый день Рамиль, размышляя о том, сколько сил ему потребуется для преодоления предстоящих испы-

таний, а особенно для усвоения так трудно дававшихся ему алгебры и тригонометрии, делает единственно правильный вывод и записывает в своем дневнике: «Надо бороться!»

Жизнь на новом месте, среди новых людей далеко не всегда протекает гладко. Бывает, что, испытывая человека на прочность, она дает ему серьезную встряску. Еще до начала занятий Рамиль стал участником одного инцидента, после которого долго не мог прийти в себя. А дело было так.

В конце августа после приема в школу его с товарищами отправили на несколько дней в колхоз на уборку помидоров. Деревенским такая работа не в тягость. Они только рады были случаю побывать на природе. Выйдя из поезда на станции Алкино, ребята, прежде чем добраться до хозяйства, которое шефствовало над их школой, восемь километров прошагали лесом пешком. Многим казалось, будто они вернулись в родные места. Вместе с Рамилем шел Равиль Гайнетдинов, приехавший из деревни Махмутово. Это здорово, когда рядом с тобой не только твой одноклассник, но и земляк.

После работы школьников повели к двухэтажному кирпичному зданию, где им выделили помещение на втором этаже. Для изнемогающего от усталости человека и камень — что мягкая подстилка. А тут на полу — и сено, и солома. Все бы хорошо, да вот только не было среди ребят согласия. Мальчишки, учившиеся в школе-интернате не первый год, вели себя заносчиво и нагло. Они и во время работы постоянно задирали новеньких, и вечером не давали им расслабиться, то и дело дразня и подталкивая. А уж к ночи и вовсе обнаглели: то одеяло стянут, то бросаются осколками кирпича. Новичкам приходилось молча сносить все эти издевательства. От страха Равиль придвинулся поближе к Рамилю. Тот, заметив еще раньше железную лопату, потихоньку достал ее и положил на всякий случай под голову. Вооружившись, он обрел уверенность, позволяя себе невозмутимо отвечать на колкости «старожилов» и даже отпускать шутки, чтобы рассмешить их. Но когда те перешли все рамки, не выдержал и, резко вскочив, крикнул:

— Эй вы, пацаны, хотите драться? Тогда вставайте, будем драться по-настоящему. Если кто захворал, могу полечить. А ну, выходи! Кто готов?

Раздался гогот, после чего послышался чей-то насмешливый голос:

— Кто это там пищит? Говори, чего надумал, заморыш!

После этих слов Рамиль совсем расхрабрился.

— Ну-ну, давайте померяемся силой. Хотите на кулаках, братки, найдутся и у нас кулаки! У кого из вас зубы покрепче, может, пересчитаем?

Задиры принялись уговаривать друг друга, но никто не решался принять вызов. И все же желающий, в конце концов, нашелся. Он встал и швырнул кирпич.

— Подойти поближе! — приказал Рамиль.

Тот послушался и приблизился. В темноте белела его светлая рубашка. Рамиль же оставался невидим. «На тебе, получай!» — заорал противник, замахаясь палкой. Но Гарипов оказался проворнее, ударив его своим оружием по голове. Послышался рев. А отважный новичок все не унился.

— Ну, чего притихли? Знаете, кто стоит перед вами с русской винтовкой в руках? Есть еще среди вас батыр? Выходи! — подзадоривал он «старожилов». Но достойный его смельчак так и не сыскался.

«Вот это да!» — ликовали новички.

Благодаря Рамилю, нападки на них прекратились, и ночь прошла спокойно.

После такого случая другой на его месте, скорее всего, зазнался бы. Что там ни говори, а одержать столь сокрушительную победу удается далеко не каждому. Поэтому никто из мальчишек не удивился бы, если бы храбрец возгордился. Только вот иной раз бывает, что одержанная победа приносит победителю не только лавры, но и душевные муки.

В связи с этим обратимся в очередной раз к дневнику: «28 августа. Поднялся сегодня очень рано. Все еще дрыхнут. На улице холодно. С востока дует осенний ветер. Внизу, неподалеку от дома, где нас устроили, есть большой пруд. Я решил сходить туда помыться. Вода тоже очень

холодная. Уселся я на камень и застыл. Как-то тоскливо стало на душе, одиноко. Тут я вспомнил про то, что было ночью, и устыдился. Разве я приехал сюда за тем, чтобы кулаками махать?.. Ох, уж эти шайтановы руки!.. Хоть отрубай!

К горлу будто ком подкатил. И так захотелось плакать. Да кто ж тебя держит? Рядом никого нет. Поплачь, если охота. И я отвел душу. Плакал, представляя себя одиноким парусником в огромном море. Потом умылся, посидел еще какое-то время и вернулся назад. Мальчишки только начали просыпаться».

Авторитет Рамиля сразу же вырос. Ребятам захотелось познакомиться и сойтись с ним поближе. Начались расспросы. Только и было разговоров, что о вчерашней драке. Все в один голос славили победителя. Вспоминали об этом и по возвращении в Уфу. Именно с тех пор за Рамилем и закрепилась кличка «русская винтовка». Между тем никто не догадывался, какой неприятный осадок оставила та победа в его душе.

Очень часто в минуты душевных страданий Рамиль ощущал себя плывущим по морю одиноким парусником. Без влияния Лермонтова тут явно не обошлось. Что ж, нет ничего удивительного в том, что оторванный от отчего дома мальчик, плачущий на берегу пруда и видящий, как холодный восточный ветер теребит воду, поднимая волны, вспоминает замечательное стихотворение поэта «Белеет парус одинокий...» Почти та же ситуация: «Играют волны, ветер свищет...» А уж эти строки и вовсе про него, про тогдашнего Рамиля: «Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?..» Тонкое чутье поэта подсказывает, что ему уготована нелегкая судьба. Наступит время отчаянных схваток, когда его непокорный дух в одиночку будет противостоять беспощадной стихии. И это тоже про него: «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой...»

На этот раз Рамиль вышел победителем при помощи кулаков. Но сложные жизненные проблемы таким примитивным способом не решаются. Чтобы добиться чего-то в жизни, нужны ум и солидный багаж добротных знаний.

Именно с этой целью он и стремился попасть в Уфу — чтобы выучиться, стать образованным человеком. С каждым уроком, изо дня в день эта мысль укреплялась в сознании Рамиля все прочнее.

Несмотря на то что приехавших из сельской местности ребятишек облачили в одинаковую форму, Рамиль с самого начала выделялся из общей массы. Его уважали за прямоту, отзывчивость, необыкновенное усердие и трудолюбие. Да и руки у него, как говорится, были на своем месте. Например, сразу же по приезде он соорудил себе прикроватную тумбочку, сидя за которой в свободное время писал или читал.

За книги Рамиль хватался при каждом удобном случае. К урокам готовился добросовестно и систематически. Тетради у него были опрятными и в полном порядке, почерк — красивым и четким. Поэтому легко понять учителей аркаульской школы, которые в качестве эталона с гордостью и удовольствием демонстрировали перед новыми поколениями учеников тетрадки своего выпускника Рамиля Гарипова, приговаривая при этом: «Вот какой должна быть тетрадь!»

На новом месте он тоже мог служить для многих примером, будучи прилежным и аккуратным, собранным и внимательным. Ложился Рамиль позже других и вставал раньше всех. Он отлично понимал: если не дорожить каждой минутой, успевать будет трудно. А режим в интернате был очень строгим. Распорядок дня Рамиль даже зафиксировал в своем дневнике: «15 сентября. Военная дисциплина. В 7 часов утра раздается крик: “Подъем!” Мы встаем. Умываемся. Пьем чай с 200 гр. хлеба и в 8 часов отправляемся в школу. Занятия начинаются в 9. Обед — в 2. После обеда до 6 часов готовим уроки или ходим в школу на консультации. Ужин — в 7. С 8 до 11 снова учим уроки. Потом — “отбой”. Все остальное после отбоя время — мое. Можно сидеть хоть до утра!»

Как видим, все было расписано по часам. Такой режим был необходим. Он дисциплинировал школьников, не позволял разбрасываться временем. Однако следует обратить внимание на два последних предложения. Дело

в том, что привычку работать ночи напролет, не поднимая головы, Рами Гарипов сохранит на всю жизнь.

Только вот понимал ли он тогда, какое счастье ему подарила судьба, дав возможность учиться в этой замечательной школе, мог ли догадываться, какую роль предстоит ей сыграть в духовном развитии Башкортостана? Об этом не ведали не только учащиеся, но даже учителя и воспитатели. А чтобы оценить по достоинству значение этого учебного заведения, совершим небольшой экскурс в историю.

После того как в 1922 году столицей Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики стала Уфа, в городе открыли первую областную среднюю башкирскую школу, которой было присвоено имя Ленина. В этом учебном заведении с хорошо оборудованными классами, кабинетами и богатой библиотекой работали опытные педагоги и проходили апробацию первые учебники, разработанные специально для башкирских школ. Учеников, приезжавших сюда из разных районов республики и из соседних областей, размещали в интернате, рассчитанном на 250 мест.

С этой школой, ставшей настоящей кузницей национальных кадров, была связана деятельность языковеда Габбаса Давлетшина, драматурга Сагита Мифтахова, художника Александра Тюлькина, известного государственного деятеля Фатимы Мустафиной и других выдающихся личностей. Здесь пестовали таланты поэтов Рашита Нигмати, Батыра Валида, Мухамедьярова Хая, прозаика Амира Чаныша.

Однако просуществовало учебное заведение совсем недолго — всего лишь десять лет. В 1933 году принадлежавшее ему здание, находившееся в самом центре города, было передано в распоряжение только что открывшегося сельскохозяйственного института. А саму школу, которая к тому времени многого достигла, успев внести ощутимый вклад в процесс формирования национальной интеллигенции молодой республики, и переживала свой расцвет, перевели в Стерлитамак. После ее закрытия для обучения детей

на родном башкирском языке был предоставлен всего лишь один из начальных классов школы № 17. С переходом же в четвертый класс ребятишки вынуждены были учиться на татарском.

Задумываясь над причинами столь опрометчивого решения, из-за которого на фоне происходившей в СССР культурной революции столица Башкортостана, первым в России завоевавшего автономию, лишилась единственной национальной школы, готовившей к поступлению в вузы представителей коренной национальности, невольно приходишь к выводу, что его принятие было следствием либо политической недалекости, либо произвола неких сил, стремившихся во что бы то ни стало воспрепятствовать развитию и процветанию башкирского народа. Так или иначе, но в результате такого вмешательства наладившийся было процесс подготовки национальных кадров оказался под угрозой срыва. И чтобы исправить создавшееся положение, пришлось принимать срочные меры.

Первой из них стало ходатайство комиссара народного образования республики Г. А. Давлетшина об открытии в Уфе новой башкирской школы. Далее встал вопрос о комплектовании классов, в связи с чем руководителей городских школ обязали подготовить списки детей из башкирских семей. Как выяснилось впоследствии, некоторые из них, решив воспользоваться ситуацией, дабы избавиться от неугодных им учеников, поспешили включить в списки отстающих и переростков.

Как бы то ни было, башкирская школа была открыта, и 1 сентября 1937 года к учебе смогли приступить 155 ее учеников. Этому событию предшествовала огромная работа, потребовавшая усилий очень многих людей, которым приходилось решать разного рода проблемы, в том числе и с помещением. А о том, как непросто было уладить последний вопрос, можно судить по следующему документу:

«10. Бывшее школьное здание, где размещались начальные классы школы № 9 (по улице Зенцова, 49), в данное время занятое под квартиры, предложить Ленинскому

райсовету освободить и передать это здание под классы башкирской школе № 9 не позднее 15 июля с/г.

Председатель
СНК БАССР
Управделами
СНК БАССР

Шагимарданов

Султанов»

Итак, новая школа расположилась в двухэтажном доме по адресу Зенцова, 49. Вначале ей была предоставлена лишь часть здания, а в 1939 году она заняла его уже полностью. Будучи по статусу городской, эта школа во многом уступала прежней, областной, где условия были намного лучше. Занятия здесь проходили в тесных классах, учебников, ввиду отсутствия собственной библиотеки, на всех не хватало. Интерната, естественно, не было.

Но настоящий кризис пришлось пережить учебному заведению в военные годы, когда количество учеников по ряду объективных причин стало сокращаться. Складывалась тревожная ситуация, единственно правильным выходом из которой могло бы стать преобразование школы в областную, при которой был бы интернат. Именно с таким предложением обратился к секретарю Башкирского обкома ВКП(б) С. Д. Игнатьеву и председателю Совнаркома БАССР С. А. Баталову народный комиссар образования Зайнашев. Руководство республики отнеслось к инициативе с пониманием. В результате на государственном уровне было принято чрезвычайно важное для башкирского народа судьбоносное решение:

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 291

от 25 марта 1944 года, г. Москва

Об организации при средней школе № 9 г. Уфы интерната для детей коренной национальности.

Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляет:

Разрешить Совнаркому Башкирской АССР организовать с 1 сентября 1944 года при средней школе № 9 г. Уфы интернат с полным пансионом на 200 детей коренной национальности.

Председатель

Совета Народных Комиссаров РСФСР

А. Косыгин

Управляющий делами

Совета Народных Комиссаров РСФСР

А. Болдырев.

Благодаря этому к сентябрю 1944 года школа-интернат приняла около полусотни учеников, среди которых были будущий академик Гайса Хусаинов и нефтяник Акрам Закиров. С каждым годом количество детей, приехавших сюда из районов, неуклонно росло. Менялись к лучшему условия быта и учебы. Почти все эти добрые перемены происходили на глазах Рамиля, успевшего застать трудности нелегкого послевоенного времени. Вот что он пишет в своем дневнике: «Приходится все ту же затягивать пояс. Интернат еще очень беден. Хозяйственная база слаба. И все равно здесь весело! Шум-гам. Жизнь в общежитии бьет ключом».

Изведавшим лишения, голод и нужду детям войны, которые в зимнюю стужу бегали в школу полураздетыми и тряслись от холода в нетопленных классах, к трудностям не привыкать. Самое главное — здесь было достаточно учебников, тетрадей, карандашей и ручек, чего в деревне им так не хватало. И ребята умели это ценить, особенно Рамиль. Он не только усердно занимался, успешно справляясь с заданиями, но и много читал помимо школьной программы.

Знакомясь с записями, сделанными Рамилем в первые дни пребывания в школе, поражаешься его ненасытности: «Как бы записаться в какую-нибудь библиотеку? Ох, и начитался бы я тогда досыта! А еще лучше было бы иметь собственную большущую библиотеку и выбирать все, что душе угодно!» (13.09.1946).

На следующий же день он отправился в Республиканскую библиотеку. Первая книга, которую Рамиль там взял,

называлась «Приключения барона Мюнхгаузена». Читая ее, он то и дело прыскал со смеху, пока сидевший рядом товарищ не ткнул его в бок, мол, здесь нельзя себя так вести.

К правилам поведения в библиотеке мальчик быстро привык. Этот очаг культуры и знаний с огромным количеством книг и журналов в первый же месяц стал для него самым любимым после школы местом в Уфе. Он называл его второй своей школой, дорогу к которой никогда не забывал.

Со школьных лет книги были постоянными спутниками Рамиля. За короткий срок он столько всего перечитал: стихи Мажита Гафури, повесть Сагита Агиша «Махмутов», «Приключения Рустама» Гаделя Кутуя, роман Николая Островского «Как закалялась сталь», «Торопыгу» Ахнафа Кирея, «Инженера Никольского» Али Карная, произведения Пушкина, Горького, Маяковского, Жюль Верна, Камала, Кудаша, Полевого, Горбатова. Кроме того, Рамиль регулярно просматривал журналы «Октябрь» и «Советская литература».

Бесконечная вереница книг, беспрестанная работа ума. И ради этого любимейшего занятия парнишка готов был жертвовать часами отдыха и сном.

Из дневника: «29 октября, 1946 год. Мальчишки, сделав домашнее задание, улеглись спать. А мне спать не хочется. Читаю роман Пушкина «Евгений Онегин». Дошел до IV главы. Глаза болят, пора ложиться».

«30 октября... До театра успел прочитать V главу «Евгения Онегина». Книжки, которые поменьше, ношу в кармане».

С книгами Рамиль не расставался и в деревне, куда приезжал на каникулы. Вот что он пишет во время зимних каникул 1947 года: «Был в гостях. Нашел себе там товарища – книгу М. Горького “О литературе”... Вот теперь мне по-настоящему хорошо! Рядом со мной друг, самый близкий мой друг. Кто он? Это – книга, без которой мне уже не жить. За чтением просидел сегодня полночи».

Тому, что Рамиль самым близким своим другом считает книгу, удивляться не приходится. А вот сам факт, что при этом он имеет в виду сборник Максима Горького

«О литературе», действительно, впечатляет. Ибо, будучи всего лишь школьником, он, даже при всем желании, не мог постичь всей глубины некоторых суждений великого писателя.

В летние каникулы Рамиль решил присоединиться к братьям, которым было поручено пасти колхозное стадо. Здесь он тоже не теряет времени даром: «18 июля. Согнал коров к реке, а сам, устроившись на зеленой травке, принялся за “Рассказы” (Афзала Шамова. — Р. Б.)».

Подростковая пора, когда происходит «ломка», процесс взросления, когда закладывается основа для формирования будущей личности, пришлась у Рамиля на уфимский период. Несмотря на происходящие с человеком перемены, его характер, физическое и духовное начало радикальных изменений не претерпевают. Свою изначальную суть он сохраняет на протяжении всей жизни, оставаясь самим собой. Как говорят, куда бы ты ни пошел, твоя черная борода всегда при тебе. Но вместе с тем очень многое зависит и от обстоятельств. Если молодой человек будет окружен вниманием, заботой и теплом, заложенные в нем положительные качества расцветут пышным цветом, а в атмосфере ненависти, зла, жестокости и насилия он может сломаться.

На долю тех, кто вступал на большую дорогу жизни в послевоенные годы, испытаний выпало немало. И не каждому было суждено устоять перед ними. Сколько же многообещающих, способных ребят было втянуто в тряси-ну преступного мира, сколько судеб загублено. Рамиль этой участи избежал. А ведь и его не раз подстерегала беда. Чтобы попасть домой или обратно в Уфу, ему неоднократно приходилось ездить с товарищами на крыше вагона или в товарняке, откуда они вылезали перемазанными углем и сажей. В морозы же, бывало, ноги у Рамиля промерзали до такой степени, что чуть сердце не останавливалось. И это далеко не все, что пришлось ему изведать в тот период. В январе 1948 года, когда мальчик возвращался в Уфу, в Тавтиманово у него вспороли мешок и вытащили из него все, что там было, в том числе и масло. А ведь могло быть и хуже, попадись он в руки бандитов сам. К счастью, этого

не произошло. С помощью Всевышнего Рамилю удалось преодолеть все трудности и окончить школу живым и невредимым. Ему крупно повезло, ибо, кроме образования, он получил еще и хорошее воспитание, которое дали ему замечательные педагоги.

Отслеживая этапы становления Уфимской средней школы-интерната № 9, попутно получаешь представление о том, как развивалась система просвещения Башкирской республики, какие успехи были достигнуты в этой сфере в описываемый период. С высоты сегодняшнего дня происходившие тогда события воспринимаются уже как история, как седая старина.

Многих из тех ребят, что приехали в столицу учиться, война лишила отцов. И поскольку им не на кого было рассчитывать, все свои надежды и помыслы они связывали именно с этим учебным заведением. В принятом Уфимским горсоветом 5 марта 1948 года решении об открытии при школе № 9 интерната со штатом сотрудников в тридцать три единицы делался упор на то, что эта школа предназначена «для воспитания двухсот детей, чьи отцы погибли во время Великой Отечественной, и круглых сирот, а также для подготовки кадров из числа детей коренной национальности». Так что работавшие там педагоги были для школьников не только учителями, но и старшими товарищами, к которым те обращались в трудные моменты за советом, поддержкой и помощью, доверяя им, как собственным родителям.

Иногда это учебное заведение, воспитавшее для нашей республики тысячи национальных кадров и немалое число выдающихся личностей, приумноживших цвет башкирской нации, сравнивают со знаменитым Царскосельским лицеем, в котором учился Пушкин. Что ж, подобное сравнение вполне допустимо, если не выходить за рамки рассуждений о благородной миссии, которая каждому из них выпала. По большому же счету, общего между ними гораздо меньше, чем различий: разные, далекие друг от друга эпохи, несовместимые социальные слои, иные права и непохожие судьбы. Как известно, Царскосельский лицей был доступен лишь избранным — отпрыскам самых

родовитых дворянских семейств России, детям графов и князей. Туда поступали благовоспитанные и благополучные, не ведавшие ни в чем нужды мальчики с разносторонним домашним образованием и знанием нескольких языков. Списки принимаемых в лицей утверждались в императорском дворце. Лицейстов опекали со всех сторон и холили. А в уфимской школе № 9 учились в большинстве своем дети из неполных семей и круглые сироты, которые ни разу не ели досыта даже хлеба. И при поступлении почти все выглядели как на подбор: на ногах — лапти, одежда — в заплатках. Принесенные жестокой войной беды и лишения не обошли ни одну советскую семью. Бедные ребята привыкли к суровым условиям и иной жизни себе просто не представляли. Ну а то, что было до этого, давно забылось и вспоминалось лишь как смутный сон.

Исходный уровень знаний у поступавших в школу был разным. И зависел он не столько от способностей, сколько от разного рода обстоятельств. Из-за материальных трудностей некоторые были вынуждены пропускать занятия, а то и вовсе переставали посещать школу. Такие ребята имели существенные пробелы в знаниях. Очень многие испытывали серьезные проблемы с русским языком. О том, сколько сил было затрачено, чтобы сельские дети им овладели, знали только сами учителя. Одно было отрадно: в этой школе собрались в большинстве своем башковитые, способные ребята, приехавшие в город с твердым намерением учиться и многого достичь. В первое время новички чувствовали себя, как правило, потерянными, всякий раз робели и часто грустили, но пройдя неизбежный период адаптации, рано или поздно осваивались, становились бойчее и решительнее, в глазах появлялся огонек.

За десятки лет своего существования учебное заведение превратится в уникальное явление системы образования Башкортостана. Тысячи его выпускников по окончании самых разных вузов страны будут регулярно пополнять банк национальных кадров, способствуя не только росту их количества, но и качества. Они поднимут уровень башкирской интеллигенции на новую ступень. В этом отношении школа-интернат напоминает существовавший

в оренбургском Караван-сарая в 20–30-е годы прошлого столетия педагогический техникум, который, предоставляя приют несчастным башкирским детям, доведенным до крайности ужасающими последствиями Гражданской войны, воспитал будущих видных деятелей и тем самым внес заметный вклад в дело подготовки нового поколения национальной интеллигенции. Только у Уфимской школы судьба оказалась более счастливой, масштабы ее деятельности – значительно шире, а результаты – намного весомее и прочнее. Впереди ее ожидают громкие успехи, достойные гордости и всеобщего восхищения. А пока она лишь приступает к работе, собирая под своей крышей первых учеников.

В то время как занятия проходили в здании на улице Зенцова, постоянного общежития школа не имела. Сначала учеников разместили в детском доме, потом перевели на улицу Социалистическую. И вместе с Рамилем кочевала его напичканная тетрадками и книжками самодельная тумбочка. При очередном переезде из-за этой тумбочки возник конфликт. Когда мальчика попытались остановить, мол: «Куда ты ее тащишь?», он не подчинился и забрал с собой дорогую ему вещь. «Даже если меня убьют, все равно я ни за что не откажусь от своего слова. Сказал – и все!» – прокомментировал тот инцидент Рамиль. Такую же фразу он произнес, собираясь ради учебы в Уфе покинуть родной аул. Уж этот, точно, никогда не отступится от своего слова.

ВНУТРЕННИЕ ЧАСЫ

Самое ценное в жизни человека – Время. Потерянную вещь найти можно. Можно также исправить ошибку и даже собрать воедино и склеить то, что разбилось, казалось бы, вдребезги. А сколько раз за свою жизнь мы приходим в себя, выздоравливаем после тяжелой болезни, встаем на ноги. И только потерянные мгновения никогда не возвращаются назад. С малых лет человек слышит песни, в которых поется про время, которое невозможно

повернуть вспять, сколько мудрых пословиц и поговорок на эту тему хранит его память. Умом-то он все это понимает, но тем не менее живет так, как будто пришел в этот мир навечно. Если бы мы ежечасно и ежеминутно думали о безвозвратности уходящего Времени, наша жизнь превратилась бы в сущий кошмар. И хорошо, что наши будни проходят в текущих хлопотах, которые отвлекают нас от грустных мыслей, не оставляют возможности горевать о том, как стремительно мелькают дни. Многие из нас так и плывут смиренно и безоглядно по течению Времени.

А между тем Великая природа наделила человека внутренними часами. Когда младенец появляется на свет в оболочке, говорят, что он «родился в рубашке», и это расценивается как признак исключительности, как залог его будущего везения и счастья. Та «рубашка» видна, зато биологические часы недоступны взору, хотя заводятся они с самого первого вдоха и с того самого момента непрерывно отстукивают ускользающие секунды, минуты, часы... Некоторые из нас ощущают в себе эти часы, постоянно чувствуют, как они работают, другие же предпочитают не обращать на них внимание.

Часы Рамиля уже с ранних лет напоминали ему о бренности бытия, как и о том, что каждый день предъявляет новые требования, накладывает на него все большую ответственность. Как и всякий ребенок, в детстве он, должно быть, тоже любил играть, резвиться. Так, по словам Равиля Гарипова, его старший брат сам мастерил игрушки. Ну а сверстники запомнили Рамиля постоянно чем-то занятым — чтением либо каким-нибудь другим делом. Война преждевременно оборвала детство его поколения. Рамиль и без того выглядел старше своих лет, а уж своим поведением и привычками, необычайной рассудительностью, степенностью и вовсе походил на взрослого. В Уфе эти качества проявились еще ярче, а внутренние часы беспрестанно торопили, заставляя его везде успевать. И если в Аркауле за трудолюбие и добросовестное отношение к работе мальчика прозвали Муравьем, то в Уфе, благодаря своей серьезности и солидности, он удостоился прозвища Бабай. Нареченный родителями Рамилем, во время учебы

в Уфе он превратился в Рами. И с каждым годом Рами Гарипов завоевывал все больший авторитет, прославив одним из лучших учеников школы.

Из воспоминаний его одноклассника Ирека Рахимгулова: «Не помню, чтобы Рами с кем-то ругался. Хотя он всегда был готов постоять за правду. По характеру был уравновешенным, спокойным, говорил медленно, с расстановкой, глядя тебе прямо в глаза, и при этом улыбался. Держался с достоинством, не суетился, ходил неторопливо. Поэтому очень скоро за ним закрепилась кличка “Бабай”, на которую он не обижался».

О том памятном эпизоде, когда Рами Гарипов дал отпор измывавшимся над новичками «дедам», Рахимгулов тоже упоминает: «...от страха мы лежали тихо, но Рами оказался самым смелым среди нас».

В дальнейшем такое больше не повторялось, ибо тот обладал достаточной силой воли, чтобы не допускать подобных стычек. Иначе его одноклассник не стал бы писать, что он ни с кем не ругался.

Внутренние часы Рами, как и установленные в интернате порядки, не позволяли ему расслабляться и работать спустя рукава. Они учили его ценить время, то и дело подстегивали и подтягивали. Каждый день, проведенный в Уфе, приносил Рами что-то новое, открывал перед ним невидимые доселе стороны жизни. И больше всего его притягивала к себе Республиканская библиотека, куда он постоянно рвался, даже когда времени было в обрез. Находилась она почти рядом, и добежать до нее можно было за считанные минуты. Как же повезло Рами в том, что здание школы, интернат и эта чудесная, так любимая им «китапхана» располагались в центре города недалеко друг от друга.

Однажды в руки мальчику попала книга об Аbugалиси-не. В ней рассказывалось, что в древности в одной из горных пещер где-то на Востоке была невиданная по своему богатству библиотека, молва о которой распространилась по всему свету. Хранившимся в ней манускриптам не было числа. Но библиотека была доступна людям только раз в год да и то — всего лишь на один день. Сколько успеешь,

столько и прочтешь. Потом библиотека снова запиралась на один год.

Абугалисина и его товарищ, такой же любознательный, как и он сам, запаслись пищей впрок на целый год, отварив ее в оливковом масле, и вошли в один из таких дней в знаменитую сокровищницу. По истечении дня двери библиотеки замкнулись, а друзья остались, успев укрыться, и на протяжении двенадцати месяцев читали книги, одну мудрее другой. Почерпнув из многочисленных трудов драгоценные сведения и знания, Абугалисина-Авиценна стал великим ученым и врачом.

Рами Гарипову и его товарищам не было нужды прятаться в горной пещере, чтобы набраться знаний. Двери прекрасного двухэтажного здания Республиканской библиотеки, находившегося на улице Ленина, были распахнуты для посетителей с утра до вечера. Рами нередко выходил оттуда одним из последних перед самым закрытием, незадолго до двадцати двух часов, и потом шагал по улице, как одержимый, все еще пребывая под впечатлением от прочитанного. А вернувшись в интернат, еще не успев как следует прийти в себя, снова погружался в этот удивительный мир и порою зачитывался до такой степени, что не замечал, как наступало утро.

В его дневнике есть такая запись: «После обеда пошел в библиотеку. Пришлось там надолго задержаться. Пропустив ужин, решил перейти на уразу». Ради самого близкого друга, каковым была для него книга, Рами готов был голодать, лишь бы не лишиться возможности читать.

А ведь это были послевоенные годы, когда изголодавшаяся страна еще не успела насытиться хлебом и школьникам приходилось иной раз потуже затягивать пояса. Однако Рами, мечтавший, не менее, чем другие, досыта наесться, заботился в первую очередь о пище духовной. В его жизни будут моменты, когда не надо будет думать о еде, но потребность читать, жажду познания ему не удастся утолить до конца.

В библиотеку Рами ходил, как правило, не один, а с приятелями, которых старался увлечь своей страстью. В тот период, когда интернатовцы проживали в детдоме, он много общался с местными воспитанниками и сумел

на них повлиять. А когда некоторые из ребят, приходя в библиотеку, сидели в читальном зале в головных уборах, либо лузгали семечки и грызли морковку, Рами сердился и одергивал их: «Вы что, скоты? Не знаете, где находитесь? Так знайте же – это Башкирская Республиканская библиотека!» И вот так постепенно запущенные деревенские ребяташки приобщались не только к литературе, но и к культуре.

Проводя почти все вечера в библиотеке, Рами время от времени ходил и в кино, посещал театр и музеи. И таким образом развивался всесторонне.

Посмотрим, чем был примечателен январь 1947 года:

«13 января. С новыми силами и вдохновением приступили к занятиям. Хорошо устроились. / 14 января. Ходили всем интернатом в театр, смотрели пьесу “Тансулпан”. / 19 января. В кинотеатре “Салават” посмотрел кинофильм “Свинарка и пастух”. / 21 января. Особенно интересуют меня сейчас журналы. Чего только в них нет! Все, что душе угодно... А книги можно найти в любом месте. Сегодня читал татарский журнал “Совет эдэбияты”... / 22 января. Сказали, что сегодня будем смотреть “Тукая”. Ходили в театр всем интернатом... / 25 января. После уроков пошел в библиотеку. Начал читать “Салавата Юлаева” Степана Злобина...»

По этим двум насыщенным событиями январским неделям можно судить, в каком ритме жил Рами. Не успели еще толком после зимних каникул начаться занятия, как он тут же по возвращении в Уфу помчался в библиотеку. За полмесяца трижды побывать в театре – такого себе, наверное, не позволяли даже коренные уфимцы. И при большой занятости мальчик успевал вести дневник, регулярно записывая туда все, что с ним происходило, включая встречи с разными людьми, и анализируя прочитанные книги, – иногда во всех подробностях, а бывало, обходясь лишь парой строчек.

Выше были приведены фрагменты январских записей Рами 1947 года. Проучился же он в Уфе до июля 50-го. И если уж мальчик с самого начала сумел впрячься

* Советская литература.

в работу, что называется, на полную катушку, то можно себе представить, насколько преуспел он за четыре долгих года беспрестанного интеллектуального труда! Внутренние часы Рами не давали ему расслабиться ни на один день. И эти напряженные дни складывались в недели, месяцы и годы... Где бы он ни был — дома ли на каникулах, в школе, на природе, в гостях и даже в театре — он брал с собой книги и ручку с бумагой.

На своем жизненном пути Рами Гарипов неоднократно сталкивался с несправедливостью и изменой, сколько ран нанесли его сердцу одиночество и коварство окружающих. Были в Уфе учреждения и здания, где его унижали, пытались затоптать. И только библиотеки и книги ни при каких обстоятельствах не предавали его. В течение четырех очень нелегких послевоенных лет, проведенных в Уфе, его вдохновителями и опорой были Республиканская школа-интернат и главная библиотека республики.

ОТКРОЮТСЯ ЛИ СЕКРЕТЫ ТВОРЧЕСТВА?

Первый сентябрь и первый учебный год в Уфе. Поначалу у приехавших из сельской местности ребяташек просто голова шла кругом: незнакомая среда, чужие люди, устройство на новом месте и прочие хлопоты, непривычная городская суматоха, шум, а кроме этого — тоска по дому. Естественно, не обходилось и без слез... Но вот начались занятия, и по прошествии семи—десяти дней многие успели освоиться, в том числе и Рамиль. Его снова потянуло на стихи. Мальчик с удовольствием наблюдал, как вечерами в окнах жилых домов зажигались многочисленные огни, по улицам проезжали, светя фарами, автомобили. А тем временем на ясном синем небе красиво поблескивали звезды.

Все это располагало к творчеству, и в такие минуты Рамилю казалось, что ему по плечу не только стихи, но и более серьезные вещи: «Вот рука твоя тянется к карандашу, и будто сама собой на шуршащей бумаге вдруг появляется строка “Шумный день после тревожной ночи...” — Разве плохо звучит? Так можно было бы назвать поэму.

Только получится ли... Я ведь впервые берусь за такое большое дело. Прямо дух захватывает. В голове кишмя кишат какие-то события, то, что когда-то видел, слышал или читал, вперемешку с моими собственными мыслями. Карандаш то строчит, еле поспевая за ними, то замирает... И так незаметно проходит полночи».

Трудно сказать наверняка, как сложилась бы судьба Рами, если бы он не попал в эту замечательную среду. Что толку гадать. Но в одном можно быть совершенно уверенным — безудержная страсть к книгам, потребность писать стихи, обостренное, эмоциональное восприятие действительности, желание фиксировать наблюдения в дневнике, умение осмысливать увиденное и услышанное, а также упорство и целеустремленность рано или поздно привели бы его в литературу. Только не будь той благоприятной обстановки, в которую ему посчастливилось попасть, путь в этот мир был бы более долгим, извилистым и сложным. И это вовсе не умозрительное, а основанное на реальных фактах заключение. Ибо данное учебное заведение сыграло свою огромную роль не только в судьбе одного Рами Гарипова, но и помогло тысячам других своих питомцев определиться, найти свою дорогу в жизни, стать настоящими людьми и выдающимися деятелями, заслугами своими принесшими неоценимую пользу не только народу Башкортостана, но и всей стране.

Довольно рано, еще мальчиком, Рами познал трепетное состояние высокого вдохновения, выраженное Пушкиным словами «И пальцы просятся к перу, перо к бумаге, минута — и стихи свободно потекут». Однако своим новым товарищам по уфимской школе открылся он далеко не сразу. Поэтому вначале вряд ли кто догадывался, что ученик Гарипов занимается сочинительством. Об этом узнали лишь на второй год, когда в стенгазетах стали появляться написанные им заметки и стихи.

Он постоянно пишет, втайне уже мечтая о создании поэм и романов, но говорить об успехах пока рановато. Его стихи, еще очень далекие от совершенства, пестрят общими фразами и типичными для послевоенного времени громкими лозунгами...

В день своего рождения, 12 февраля 1948 года, Рами написал стихотворение, которое начинается так:

*День рождения!
Лучший праздник!
Сердце радости полно.
Мне исполнилось шестнадцать,
А в семнадцать суждено
Юность увенчать поэмой.
Я великую поэму —
слово дам —
В скором времени создам.*

Вот так, ни много и ни мало, — джигит, которому пошел всего лишь семнадцатый год, замахнулся на «великую поэму»! А зачем ему, собственно, мелочиться?

Школьные товарищи и учителя помнят Рами скромным, трудолюбивым, старательным и не очень многословным. Таким он был и оставался до конца. Только эта характеристика никак не вяжется со столь самоуверенным заявлением. Что ж, было бы даже странно, если бы увлеченный поэзией парнишка не грезил, не жил столь высокими мечтами и дерзновенными порывами. Юности это свойственно. Именно в этом возрасте человек может так легко и свободно парить между небом и землей.

Свои грандиозные планы Рами поверяет лишь дневнику, а все личное время, выкраиваемое из ночных часов, предназначенных для сна, посвящает стихам и книгам. При этом он активно занимается общественной работой, являясь генератором всевозможных новых идей. Как признается один из воспитанников школы, горный инженер Сафуан Фахретдинов: «Мы любили ребячиться, играть. Но я ни разу не видел, чтобы в этих мальчишеских забавах участвовал Рами».

«В 1945—1950 годы я преподавала русский язык и литературу в 8—10 классах Уфимской башкирской школы», — делится своими воспоминаниями профессор Мусалия Хайруллина. — И хорошо помню, как мои ребята писали сочинения об образах Екатерины из “Грозы” Александра

Островского, Рахметова из романа Чернышевского “Что делать?” и Павки Корчагина из произведения Николая Островского “Как закалялась сталь”. Так вот Рами старался потом подражать Рахметову. И как раз за это его Рахметовым и прозвали».

Литературный герой действительно оказал на Гарипова столь мощное влияние, что тот решил в подражание ему закаляться. Рами, которому с детства приходилось трудиться наравне со взрослыми, и без того отличался крепким здоровьем и выносливостью. Но тем не менее, приехав в Уфу, он поставил перед собой цель стать не только образованным, но и сильным, волевым человеком. По утрам мальчик делал зарядку и призывал к этому своих товарищей.

Из воспоминаний Ирека Рахимгулова мы узнаем, что он организовал «Отряд закаливания», состоявший из 20–25 учеников. «В то время никто еще и знать-то не знал, что такое “бег трусцой”. А Рами будил нас спозаранок, и мы бегали по Социалистической и Чернышевского, удивляя прохожих. Вернувшись, переходили к силовой гимнастике. Таких вещей, как гири, гантели или эспандер, у нас не было. И для наращивания мышц мы подтягивались, держась за спинки стоявших рядом кроватей. После этого умывались на улице.

Зимой мы с Рами стали настоящими “экстремалами”: я до пояса обтирался снегом, а он обливался водой из колонки. От нас даже исходил пар. Но вскоре директор Юзефа Матвеевна запретила нам этим заниматься. Боялась, что простудимся. А мы даже не чихнули ни разу.

Однако Рами все равно продолжал делать по-своему: всю зиму, пока было более или менее терпимо, ходил без шапки. Шевелюра у него была густая и пышная».

Как видим, он всецело оправдывал свое прозвище. Однако парнишка решил не ограничиваться этими тренировками. Чтобы воспитать железную волю, он доходил порою до самоистязания, производя над собой жестокие опыты. Невольным участником одного из них стал Ирек Рахимгулов:

«Хотел бы поведать еще об одном случае, который показывает, насколько Рами был вынослив. Некоторые

ребята, в дополнение к интернатовскому питанию, готовили себе пищу из продуктов, которые им присылали из деревни, на электроплитках. И вот как-то раз Бабай решил сварить суп. Поставил он на плитку кастрюлю, сунул туда железную ложку и держит ее. Увидев меня, кивнул, чтобы я подошел, и, ни слова не говоря, всучил мне эту самую ложку. Я тут же отдернул руку, так как меня ударило током. А Бабай улыбнулся, снова опустил ложку и протянул мне вторую руку. Я взялся за нее и, почувствовав удар током, снова отдернул руку. А он так и продолжал стоять. Таким уж человеком был наш Рами!»

Ну что тут скажешь. Встремлении испытать свою волю иные подростки, переходя грани юношеского максимализма, искусственно создают экстремальные ситуации и подвергают себя изощренным пыткам. Для большинства из нас подобное поведение — не более, чем сумасбродство, но обвинить в безрассудстве Рами Гарипова было бы несправедливо. Ибо в тренировках и опытах с закаливанием, когда парнишка в трескучие морозы бегал на лыжах в одной рубашке, был смысл: таким образом он сознательно готовил себя к будущей титанической работе и неизбежным трудностям, для которых потребуются недюжинное здоровье, терпение, выдержка и силы. Именно из таких волевых, целеустремленных ребят вырастают, как правило, личности, способные на самопожертвование и на героические поступки.

Жить, как Рами, в постоянном напряжении, занимаясь систематической физической закалкой, изводя себя суровым спартанским режимом, способен далеко не каждый. Однако было у этого юноши еще более изнурительное занятие — не что иное, как творчество, сопряженное с беспрестанной работой ума, бесконечными утомительными поисками и тратой душевных сил. Бывали дни, когда он, сам того не замечая, исписывал стихами множество страниц. Рами настолько любил литературу, что мечтал пробудить тягу к творчеству и у других. И для этого он предпринял даже конкретные шаги.

24 октября 1947 года, на втором году пребывания в Уфе, Рами записывает в своем дневнике: «Очень много дел.

Пишу для стенгазет заметки и стихи... С прошлого года ношусь с идеей создания рукописного журнала. Силенок не хватило. А ведь как было бы здорово. Но нет, все равно я добьюсь своего. Пускай я “бабай”, но энергии у меня хоть отбавляй! Я прямо чувствую, как она во мне кипит и клокочет. Как говорится, сказано — сделано. Только вот до дела-то пока не дошло. Неужто нет у нас талантов? А ведь великий Пушкин во время учебы в лицее выпускал со своими товарищами рукописный журнал... И мы будем! Как он будет называться? Название уже есть — “Сигнал!” Прекрасное название! Наш журнал будет сигналить обо всем!»

Ко дню Великой Октябрьской социалистической революции Рами написал статью и выпустил первый номер «Сигнала», будучи и редактором, и автором, и художником в одном лице. Взвалив на себя основную работу по организации выпуска рукописного журнала и по подготовке первых его номеров, он стал привлекать к ней других и тем самым заложил в школе новую традицию. С каждым разом число авторов росло и среди них выявлялись наиболее способные, вроде Рифгата Алгушаева и Ханифа Сафарова. Всерьез увлекшись литературой, школьники стали регулярно устраивать диспуты по прочитанным книгам и проводить читательские конференции. Например, однажды обсуждался вопрос: «Кош можно считать поэтом?», вызвавший шумную дискуссию. Иногда занимались критическим разбором написанного и некоторым авторам при этом сильно доставалось. Вначале было немало споров вокруг диалектов, когда кто-нибудь позволял себе насмеяться над местным говором своего товарища. Чуть ли не каждый из ребят пытался доказать, что наречие, на котором говорят в его районе, лучше всех остальных. Рами Гарипов положил конец этим распрям раз и навсегда, авторитетно заявив: «Запомните: нельзя возвышать один язык, принижая другие. Настоящий башкирский язык, один на всех — это литературный язык». Между тем у юноши было собственное представление о его нормах. Он выдвигал свои варианты написания тех или иных слов, наиболее близкие произношению. И последующее развитие литературного языка подтвердило его правоту.

Судя по записям от 19 января 1950 года, учебное заведение, в котором Рами учился, называлось в то время «школой № 9 имени Сайфи Кудаша». Оно по праву носило имя поэта, ибо являлось местом, где постоянно устраивались встречи с литераторами. 4 ноября первого года обучения Рами пишет, охваченный волнением: «Сегодня будет собрание. Мы встретимся с башкирскими советскими писателями! Я с таким нетерпением ждал этого дня. И даже пытался себе представить, как это все будет». Из-за столь желанного мероприятия мальчик, который собирался домой на праздник, решил отложить отъезд и уехать последним поездом. И он не обманулся в своих надеждах: встреча с Сагитом Агишем и Акрамом Вали ему очень понравилась. Описав в дневнике портреты обоих, Рами добавляет: «Напоследок мы попросили их бывать у нас почаще».

Писателям здесь всегда были рады, и те в свою очередь с удовольствием сюда приходили. Как никак, это была единственная на всю столицу школа, где они могли говорить на родном башкирском языке, читать свои стихи и рассказы, будучи уверенными в том, что публика их понимает.

Бывало, подобные встречи с известными людьми, в том числе и артистами, проходили здесь чуть ли не ежедневно. А 9 июля 1947 года школа принимала Степана Злобина, поведавшего любопытную историю создания своего романа «Салават Юлаев», который Рами прочитал еще зимой. Во время такого рода общений юный литератор получал начальные уроки творчества, старался постичь его секреты. Только вот раскрываются эти секреты не так просто и далеко не сразу.

Фронтовики Хаким Гиляжев, Гилемдар Рамазанов и Шариф Биккул, учившиеся в то время в Башкирском педагогическом институте и уже успевшие издать свои первые книжки, проходили в школе № 9 педпрактику. Они любили здесь бывать и потому хорошо знали всех пишущих учеников. Рами, который не сразу решился показать свои стихи одноклассникам, не побоялся обратиться к настоящим поэтам. Ознакомившись с его стихами,

Хаким Гиляжев дал ему немало ценных советов. Юноше даже довелось побывать у него дома.

Рами Гарипов удостоился также чести выйти на одну сцену с видными поэтами. Самое первое его выступление можно датировать 3 января 1948 года, когда на школьном новогоднем празднике в присутствии огромного числа людей, среди которых было немало именитых гостей, он прочитал вслед за Кадыром Даяном и Саляхом Кулибаем свое стихотворение «Поздравление». Вот как Рами описывает то выступление: «Сперва я трусил. Но, поднявшись на сцену, вдруг рассмеялся и начал громко читать».

То, что Рами Гарипов продекламировал тогда со сцены и зафиксировал потом в дневнике, вряд ли можно было бы назвать стихотворением. Тем не менее подобных написанных им в стихотворной форме произведений с каждым годом становилось все больше, а литература притягивала и увлекала его все сильнее, пока наконец не поглотила полностью. Ему уже недостаточно было встречаться и общаться с писателями в рамках школы. Он всеми силами стремился попасть в литературную среду. А условия для этого в Уфе имелись, ибо молодым талантам здесь уделялось большое внимание, что уже само по себе вдохновляло на творчество.

Когда Рами учился в восьмом классе, он принял участие в конференции юных литераторов, проходившей во Дворце пионеров с 29 по 30 ноября 1948 года. В прошлом году он пришел туда, чтобы заниматься в кружке авиамоделлистов, а теперь явился на форум творческих людей. На этой конференции Рами встретил уже знакомых ему Сагита Агиша, Ахнафа Кирея, Назара Наджми, Хакима Гиляжева и бывшего ученика их школы, а ныне студента пединститута Гайсу Хусаинова. В дневнике он перечисляет также имена выступавших: Нажиба Идельбая, Камала Хабиба, Вали Нафикова, а также Ахнафа Хариса, Гилемдара Рамазанова, Габдуллы Ахметшина.

Первым взял слово Сайфи Кудаш. Подчеркнув вначале, что писатели, в большинстве своем, ударились в поэзию, он заговорил об отсталости драматургии и прозы, сокрушаясь, что по-прежнему никто не желает браться

за романы. Рами с большим вниманием прослушал все выступления, которые помогли ему многое уяснить. Это мероприятие стало для начинающего поэта очередным уроком. Он уходил оттуда окрыленным, получив мощный толчок для дальнейшего творчества.

Кровавые репрессии 1937 года, приведшие к уничтожению лучших представителей национальной интеллигенции, не обошли и башкирскую литературу, лишив ее главных столпов: Даута Юлтыя, Афзала Тагирова, Тухвата Янаби, Имая Насыри, Габдуллы Амантая, Губая Давлетшина и др. Не исключено, что в ту пору, когда Рами еще только мечтал попасть в манивший его мир, он мог видеть среди встречавшихся ему литераторов Хадия Давлетшину, с упорством и отчаянием добивавшуюся, чтобы руководство Союза писателей приняло к рассмотрению лежавшую в ее сумке рукопись романа «Иргиз», работу над которой эта измотанная невзгодами, полуголодная женщина, перебивавшаяся работой ночным сторожем, закончила в 40-е годы буквально из последних сил. С каждым отказом огонек надежды в ее прекрасных глазах тускнел все больше. Пусть даже Рами Гарипов и встречал ее, откуда же ему было знать, что это за личность?! А если бы он знал, то непременно подошел бы к ней и помог — взял бы из ее слабеющих рук тяжелую сумку с заветной рукописью и они вместе отправились бы на поиски справедливости и защиты. Может быть, Хадия-апай сказала бы ему: «Ладно уж, Рами-кустым, не трать время попусту. Пиши свои стихи. И пусть тебя минует доля моя».

Полный радужных надежд, юный поэт и предполагать не мог, что спустя годы, когда он будет лишен возможности печататься, ему самому придется обивать пороги разных учреждений в поисках правды.

Большинство читателей, которые успели ознакомиться с первыми башкирскими романами и тепло приняли их, формировались в 30-е годы, когда литература несла невосполнимые потери, и привыкли верить ложным обвинениям и в непогрешимость «справедливого суда». А уж про новое поколение, не имевшее доступа к этим книгам, про неопытных юнцов, с открытым ртом глядящих в рот куми-

ру и слепо веривших каждому его слову, и говорить нечего. Рами Гарипов был одним из них, однако в отличие от многих, он не удовлетворялся тем, что слышал, а пытался сам дойти до сути происходившего в предыдущем десятилетии, раздобыть информацию, не взирая на замалчивание и всевозможные запреты.

2 марта 1947 года он записывает в своем дневнике: «Хожу в библиотеку, читаю самые первые номера журнала “Октябрь” за 1930 год. В них описывается борьба с кулаками в период организации колхозов и много места отводится “произведениям” случайно затесавшихся в башкирскую литературу врагов народа, обнаруживших впоследствии свое истинное классовое лицо. Ради нас их как раз и запретили. Но я должен сам все разузнать и проверить. Считаю, что на такие вещи нужно смотреть зорким критическим взглядом. С интересом просматриваю и критические статьи. Среди них попадаются такие, что коробят. Какие-то типы объявляют себя пролетарскими писателями, а так называемые “критики” возносят их до небес! Один из них, расхваливая чье-то “стихотворение”, даже заявил, что “не променял бы его на “Евгения Онегина”. Надо же, замахнулся не на кого-нибудь, а на великого русского поэта Пушкина! В общем, читаю я эту “писанину” и поражаюсь: как могли пропустить и напечатать такое?! Бывают же на свете люди, которые не в состоянии отличить стихи от “стихов”, а поэтов — от “поэтов”! Да и зачем им это? Ведь те, кому положено различать, по сути своей — те же самые волки в овечьей шкуре, которых погоняют одним хлыстом!

Хорошо еще, что там есть произведения наших любимых писателей — М. Гафури, С. Кудаша, С. Агиша. Я дал себе слово перечитать все номера этого журнала».

Отрывок хорошо передает искания юного человека, типичные для его поколения убеждения и заблуждения. Благодаря своему тонкому чутью ученик восьмого класса сумел распознать симптомы распространенной в критике 30-х годов болезни, каковой являлся вульгарный социологизм, обратил внимание на ограниченность тех, кто

оценивал произведения, и на неприязненное, отрицательное отношение к литературному наследию. Но здесь же мы видим, сколь велика его ненависть к писателям с клеймом «врага народа». И никаких сомнений в том, что они враги.

Читая 3-й номер журнала «Октябрь» за 1930 год, Раши Гарипов не мог не заметить статью Сайфи Кудаша о Шайхзаде Бабиче и не принять на веру содержащиеся в ней ложные обвинения. Было бы даже странно, если бы в то время он отнесся к ним как-то иначе. Лишь спустя несколько лет Раши прозреет и те же самые вещи будет воспринимать уже совершенно по-другому. Об этом речь впереди. А пока вернемся к теме о том, какое повышенное внимание уделялось молодой поросли в послевоенный период.

В 1947 году в Москве состоялось первое всесоюзное совещание молодых писателей, ставшее очень важным событием в жизни всей страны. Подобные мероприятия регулярно проводились в те годы и на республиканском уровне. Время от времени в Уфе выходил альманах под названием «Молодые голоса». С 1951 года возобновилось приостановленное на период войны издание журнала «Пионер» и газеты «Ленинсе», предназначенных для детей и юношества.

Основными причинами, побудившими государство заботиться о молодых, стали неисчислимы потери, к которым привели война и репрессии 30-х годов. Большой урон был нанесен среди прочих и башкирской литературе. Лишившись большинства представителей старшего поколения писателей, она была практически обескровлена.

Жертвами репрессий стали не только сами писатели, но и их творчество. Их произведения попали под запрет и были выкорчеваны из литературного наследия. Как будто и не было ни их самих, ни созданных ими первых башкирских романов.

В более выгодном положении, по сравнению с репрессированными, оказались писатели, погибшие на полях сражений: Али Карнай, Сагит Мифтахов, Малих Харис, Мухамедьяров Хай, Низам Карип, Хусаин Кунакбай. Их

гибель не повлекла за собой потери и забвения творческого наследия, часть которого вошла в учебники. Именно благодаря этому удалось избежать бреши в развитии башкирской литературы, сохранить связующее звено между прошлым и настоящим, что было очень важно для становления новой смены башкирских литераторов.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что сформированные господствовавшей идеологией литературные и эстетические вкусы прежних писателей, их предубеждения и ограниченные представления об истории, отсталые взгляды на систему воспитания не лучшим образом повлияли на поколение Рами Гарипова. Наглядный тому пример — материал, подготовленный им для первого номера рукописного школьного журнала. Свою статью он начинал словами о том, что «у башкирского народа до Великой Октябрьской революции не было своей письменности». Это расхожее, набившее оскомину лживое утверждение тиражировалось, перекочевывая из книги в книгу, из учебника в учебник, вплоть до перестройки 80-х годов прошлого столетия. А все потому, что огромные пласты многовекового духовного наследия нашего народа, в силу целого ряда причин, были недоступны широким массам. Если бы начинающие литераторы могли им пользоваться, их кругозор и база для самоусовершенствования и новаторства были бы гораздо шире. В том, что они были лишены такого мощного фундамента, оторваны от богатейших традиций, никоим образом нельзя винить ни литературных наставников — маститых поэтов и писателей прошлого, ни, тем более, их учеников-шакирдов. Как бы то ни было, старшее поколение всегда старалось проявлять заботу об одаренных молодых людях, опекать их со школьных лет.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ И МАЯКИ

15 января 1948 года учившаяся в школе № 9 дочь Сагита Агиша по имени Лена передала Рами записку следующего содержания:

«Товарищ Гарипов!

15 января в 19 часов правление Союза писателей Советской Башкирии проводит в зале радиокомитета общее собрание.

Повестка дня: «О состоянии литературной критики» (докладчик — Ж. Лукман).

Просим Вас явиться к назначенному часу.

Правление СП СБ».

Это отпечатанное на пишущей машинке обращенное лично к нему приглашение привело Рами в неопишуемый восторг. Собрание прошло по-деловому. Было много выступающих и прозвучало немало критических замечаний. Само присутствие Рами на этом мероприятии, возможность послушать интересный разговор заставили увлеченного поэзией школьника ощутить еще более сильную тягу к литературному миру.

Через день после собрания Рами Гарипову вручили еще одно послание, тоже отпечатанное на машинке:

«Дорогой Рами!

Большое спасибо за Ваше письмо! Чтобы обсудить поднятые Вами вопросы, прошу Вас зайти в Башрадиокомитет.

Было бы хорошо, если бы Вы подошли между 3—6 часами.

С приветом, А. Ихсан. 16 января».

Уважительное обращение «дорогой Рами», да при том на «Вы», несказанно удивило и обрадовало его. Но, как оказалось, точно такое же приглашение получил и Рифгат Алгушаев. Так получилось, что и тот и другой, не договариваясь друг с другом, отправили в радиокомитет в один и тот же день, 14 января, свои стихи. И уже 16 января Ахтям Ихсан отослал им обоим ответ, который они получили 17-го. С одной стороны, впечатляет качество работы тогдашней связи, а с другой стороны, умиляет столь почтительное отношение к юным авторам. Сейчас, в наше беспардонное время, такие знаки внимания, как и расторопность почтовой службы, кажутся просто невероятными.

Судя по содержанию ответа Ахтяма Ихсана, обещавшего обсудить с Рами поднятые им вопросы, тот, кроме стихотворения «Слова Деда Мороза», отослал письмо с некоторыми своими соображениями. Данный факт говорит о том, что он уже в школьные годы активно занимался творческим поиском и экспериментировал с формами выражения мыслей как в поэзии, так и в прозе. Это видно, прежде всего, по его записям, которые год от года становились все масштабнее, в то время как рассуждения — более глубокими и серьезными.

Примчавшиеся в радиокomiteeт по первому зову друзья-одноклассники Ахтяма Ихсана не застали. Как выяснилось, тот выехал недавно в Москву. По дороге в интернат Рами рассказал Рифгату, как в мае прошлого года читал по радио стихотворение, посвященное творчеству Сайфи Кудаша «Приветствую тебя!», как назвал поэта «инженером человеческих душ» и как потом его товарищи восхищались его выступлением, говоря: «Хай-хай, ну ты даешь, Бабай, прочитал прямо как заправский поэт. И таким низким голосом...»

В классе, где учился Рами, довольно многие ребята сочиняли стихи. А по всей школе поэтов-любителей было еще больше. У кого-то даже возникла идея организации своего школьного союза, который бы объединил пишущих ребят. Одним из самых способных среди них был как раз тот самый Рифгат Алгушаев — выходец из Хайбуллинского района. С ним Рами очень часто беседовал о литературе, и они вместе выполняли основную работу в кружке. Оба были знакомы со многими поэтами и писателями. А в Союзе писателей на этих двоих и на учившегося в той же школе Ханифа Сафарова смотрели как на подающих большие надежды начинающих поэтов.

Только вот по-настоящему проявить себя эти юные дарования пока еще не успели, поскольку повторяли избитые штампы и выбирали заезженные темы. Взять к примеру третий выпуск рукописного журнала «Сигнал» за 1948 год, посвященный дню памяти Ленина. Рами перечисляет в дневнике вошедшие в тот номер произведения.

Сам он подготовил стихи «Ленин», «Слово Ленина», Алгушаев дал «Нет, ты не умер, вождь», Марат — «Ильич с нами», Равиль — «Ильич — живой», Кулуй — «Ленин», Сагит — «Знамя Ленина», Миннулла — «21 января». Их названия говорят не только о наивности авторов, но и о состоянии башкирской поэзии в целом, насквозь пропитанной духом того времени.

Разгром фашизма, увенчавшийся водружением на куполе Рейхстага знамени Победы, восхищенные взоры народов мира, прикованные к нашей стране, пробудили в советских людях небывалую гордость и усилили чувство патриотизма. Лейтмотивом литературы того периода стало прославление победителей и вера в светлое будущее. Наибольшим же пафосом была проникнута поэзия, воспевавшая происходившие в жизни перемены.

Еще совсем недавно, в разгар войны, деятели литературы считали своим священным долгом вдохновлять сражавшихся на фронтах солдат на подвиги, а тружеников тыла — на героический труд. Башкирские поэты тоже не оставались в стороне. В самые ответственные, переломные моменты они обращались к современникам с пламенными призывами, тщательно подбирая нужные слова и прибегая к традициям народного творчества — к кубаирам, стихотворному письму и песне. Самыми выдающимися достижениями башкирской поэзии того периода стали стихи Рашита Нигмати «Убей, сын мой, фашиста!», «Письма твоей невесты», фронтовая лирика и поэмы «Ответ башкирскому народу», «Ульмасбай» Мустая Карима. В вышедшем в свет сборнике «Эпос о батырах» ожил боевой дух, характерный для древних башкирских героических сказаний-дастанов. Героика, верность Родине определяли большинство произведений военных лет.

На исходе войны Мустай Карим написал стихотворение «Цветы на камне», воспринимаемое ныне как классика. Точно так же был назван и сборник, в который оно вошло. Вот как звучит его последняя строфа в переводе на русский язык Вероники Тушновой:

*Когда бы сердце впрямь окаменело
Среди боев без края и числа,
Моя любовь, которой нет предела,
Цветами бы на камне расцвела.*

Выросшие на камне цветы оказались пахучими и колючими. А в поэзии, рожденной войной, громкие и жесткие лозунги перемежались с душераздирающей тоской, горем и радостью.

В послевоенное десятилетие на смену стихам, проникнутым гордостью за советский народ, победивший фашизм, стали появляться правильные, но декларативные произведения, призывавшие к миру. Преобладавшая в поэзии того периода риторика почти не оставляла места лирике. Вошло в традицию любой поэтический сборник начинать стихами, прославлявшими вождя и партию. Лирические же стихи, в особенности о любви, соответственно, задвигались на задний план. И это негласное правило неукоснительно соблюдалось.

К философским рассуждениям о сущности бытия, о смысле жизни и смерти, о сложной внутренней борьбе человека, о покаянии за совершенные им грехи и ошибки критика относилась с настороженностью и не приветствовала их. Поэтому многие предпочитали этих тем не касаться. И как раз в ту пору развелась масса бесцветных произведений без каких-либо коллизий, что, естественно, сужало их проблематику и не оставляло простора для мыслей. Не избежали этой односторонности, ограниченности даже некоторые очень талантливые литераторы, в том числе и Рашит Нигмати. Написанные им в годы войны произведения, вне всякого сомнения, можно назвать вершиной его творчества. Однако закрепиться на этом уровне поэту не удалось. Поэма «Большевик», которую он не единожды перерабатывал, не идет ни в какое сравнение с его прежними вещами, и создается такое впечатление, будто она принадлежит перу другого человека. Там, где речь идет об истории большевистской партии, не всегда согласуются рифмы, что в свою очередь порождает иллюстративность, а излишняя риторика в прославлении Сталина вытесняет

образность. Такая поэма, естественно, не могла принести автору успех.

Несмотря на все старания, поэт так и не смог угодить критике, являвшейся собой образчик политического чутья. Ознакомившись с его произведением, блюстители норм, под которые подгонялась общественная мысль, проявили свойственную им бдительность, вследствие чего в октябре 1947 года в газете «Кызыл Башкортостан» была опубликована статья за подписями Ш. Вахитова и М. Даукаева, которая называлась «О поэме Рашита Нигмати “Большевик”». Журнал «Октябрь» опубликовал редакционный материал с таким же названием. А «Красная Башкирия» откликнулась на поэму «Большевик» статьей «Ошибка тов. Нигмати и других», начинавшейся так: «Р. Нигмати в своей поэме развернул антинаучную концепцию о коммунизме...» Досталось и партийной организации Союза писателей, обвиненной, как и поэт, в политической близорукости. А Ахнаф Харис, позволивший себе заметить во время обсуждения поэмы, что «поэт может ошибаться», был уличен в «прямом призыве к аполитизму». Особенно возмутили критиков слова Нигмати о том, что к моменту наступления коммунизма его поколение уйдет, уступив место на земле новым поколениям. Дескать, автор не верит в то, что его современники доживут до коммунизма. Отсюда и обвинение в пропаганде ложной концепции.

Такого рода нападкам в этих статьях несть числа. А чтобы нынешний читатель мог судить о характере предъявляемых поэту обвинений, выдержанном в стиле сурового политического приговора, хочу привести следующий фрагмент: «Рашиту Нигмати не удалось в своей поэме должным образом передать все величие товарища Сталина. Фигура великого Сталина предстает как бы издалека. Совершенно не показана роль товарища Сталина как вдохновителя всего советского народа в военные годы, как организатора народных масс и как непосредственного руководителя разгрома вражеских сил. Это главный недостаток поэмы и непростительная оплошность ее автора...»

Вот такое клеймо было наложено на злополучное произведение Рашита Нигмати. Заставшие ту эпоху люди не понаслышке знают, каким санкциям подвергался чело-

век, особенно если это был писатель, допустивший политическую ошибку по отношению к вождю. Короче говоря, поэта обвинили во всех смертных грехах.

После столь оглушительного удара по голове увесистой политической дубинкой опомнишься не сразу. И попробуй-ка после этого еще и творить... Сколько же мужества потребовалось Рашиту Нигмати, чтобы не опустить руки после травли, устоять под шквалом несправедливых обвинений.

Теперь попробуем представить себе эстетические вкусы юных авторов, сформировавшиеся под влиянием издававшихся после войны в огромных количествах напыщенных, низкопробных стихотворений и поэм, которые были одна длиннее другой. Если уж Рашит Нигмати, чьи стихи в военное лихолетье ходили по рукам, переписывались и отправлялись в письмах любимым, не был свободен от риторики, свойственной послевоенной поэзии, о бездарностях, кои никогда не переводятся, и говорить нечего. А уж эпоха расцвета декларативности тем более благоприятствует распространению рифмоплетства.

Безусловно, поэзия не бывает сплошь безликой. И в описываемый период, пусть хоть изредка, появлялись настоящие жемчужины. Но даже если они не терялись на фоне всеобщей серости, неопытный глаз подростка вряд ли способен был их различить. Между тем гремучие рифмованные фразы шли через печать нескончаемым потоком, да и по радио звучали назойливо чуть ли не каждый день. Молодые же налету схватывали эти штамповки, воспринимая их едва ли не как эталон. А тут еще и критики изо всех сил старались, призывали на все лады расхваливать Сталина и при этом стращали, мол, если не будешь верить в скорый приход коммунизма, тебя могут обвинить в политической близорукости.

Такая нездоровая обстановка с подменной ориентиров была, разумеется, не на пользу молодым, еще не сложившимся поэтам. Ограничивая кругозор и способствуя формированию извращенного вкуса, она не только сдерживала их творческое развитие, но и задавала ему неверное направление.

Сохранился один из первых «опытных образцов» Рами Гарипова, написанный им еще до приезда в Уфу. Это стихотворение называлось «Маленькие партизаны». Дата написания — 12 апреля 1946 года. Подпись — Г. Рамиль, жанр — баллада. Вот что он пишет о нем почти два года спустя, 23 января 1948 года: «Копался в своих записях... Наткнулся на “Маленьких партизан”. До чего же люблю я это стихотворение... Когда я начал его писать, стояли погожие апрельские дни. Возился с ним долго, переписывая много раз. Готовился к экзаменам и одновременно занимался этими маленькими партизанами.

Вот и настоящая летняя жара. Дел невпроворот. Выкроил время и, скрывшись от глаз старушки-матери на крыше, дописал стихотворение “Маленькие партизаны”. Наверное, поэтому оно у меня одно из самых любимых. Но придется поработать над ним еще раз. Постоянно находятся какие-то недостатки...

Я начал читать “Маленьких партизан” вслух. И когда заметил, с каким вниманием меня слушают мальчишки, разошелся вовсю. А после того как кончил, Калмурзин вдруг спрашивает: “Гарипов, ты никак сам это сочинил? Или...” “Или списал?..” — досказал я за него и тут же ответил: “Ну да, списал”. Все засмеялись. “Поди-ка разбери этого Бабая...” — говорят.

В стихотворении, которое он так вдохновенно читал перед соседями по комнате, в духе приключенческого жанра рассказывалось о трех юных партизанах, погибших в борьбе с фашистами. Эти отважные ребята, примерно того же возраста, что и Рами, были дороги ему. А в том, что он решил назвать свое произведение балладой, просматривается влияние Галимова Саляма. Среди башкирских поэтов, кажется, не было равных ему по популярности. Несколько поколений читателей выросло на его стихах. Увлеченные поэзией Саляма, начинающие литераторы 40-х годов знали наизусть «Утро республики» и часто спорили, обсуждая образы из поэмы «Дитя».

В начале марта 1950 года по инициативе Рами и благодаря его усилиям в школе вышла газета «Родной язык», посвященная Г. Саляму, и был организован вечер памяти,

на который по совету студента Нура Зарипова пригласили близко знавших поэта Сагита Агиша, Баязита Бикбая, Мухитдина Тажи и Жана Лукмана.

Ученики с большим интересом слушали их воспоминания. А Рами Гарипов подготовил для этой встречи выступление о поэме «Дитя», которое закончил поэтическими строками:

Вся жизнь твоя недолгая прошла в борьбе.

Но ты не унывал, не раскисал от жалости к себе.

Ну а задора в сердце твоём пылом столько было —

На десять жизней бы с лихвой хватило.

Пройдя под аплодисменты к своему месту на скамейке в первом ряду, Рами стал слушать сменившего его на сцене земляка Саляма — критика Жана Лукмана. «Салям был бы безмерно счастлив, будь он сегодня на этом вечере. Очень меня порадовал сейчас Гарипов. Ему удалось образно передать то, что хотел сказать поэт, показать его гуманность и цели, к которым он стремился. Салям действительно всем сердцем любил человечество и в то же самое время люто ненавидел никчемных, трусливых людей. Он и сам был, подобно Маяковскому, в полном смысле слова человеком и хорошим товарищем».

Говоря о Саляме, известный критик неспроста упомянул имя Маяковского, ибо тот относился к нему как к своему учителю. А Рами почитал их обоих. Они были его кумирами. О горячей любви к Маяковскому он не раз писал в своих дневниках.

Что же касается его стихотворения, посвященного Саляму, то я считаю необходимым выделить в нем следующую строчку: «Но ты не унывал, не раскисал от жалости к себе».

«В моем сердце не осталось места не только для гнева, но и для радости», — признавался поэт. Он раскрылся в полную силу не тогда, когда предавался философским размышлениям о жизни, рассуждениям о смысле бытия, а в моменты искреннего прославления победы новой эпохи. Оптимизм, непоколебимая вера, пафос — вот что в первую

очередь определяло поэзию Саляма. Поэтому слова «но ты не унывал...» подходят ему как нельзя кстати. Между тем перечисленные качества были присущи не только его творчеству, но и всей башкирской советской литературе, а также отдельным книгам и учебникам, газетам и журналам, на которых выросли Рами Гарипов и его юные собратья по перу. Этот всеобщий пафос придавал людям твердую веру и сильную волю, вдохновлял талантливых поэтов на создание крылатых строк. Но шло время, и исторгнутые некогда в минуту наивысшего духовного подъема призывы, вследствие многократного и механического повторения, стали постепенно превращаться в громкие, пустые лозунги, что подготовило почву для декларативности. И наиболее восприимчивой к этой болезни оказалась молодежь.

Возможно, готовясь к вечеру Саляма и повторяя в очередной раз посвященное любимому поэту стихотворение, десятиклассник Рами Гарипов споткнулся на той примечательной строчке и призадумался: «А у наших людей есть право на уныние?» Впрочем, скорее всего мальчишке было не до этого, ведь именно в то время он пребывал в эйфории от радостного события. Дело в том, что в разгар подготовки к мероприятию к Рами подскочили взбудораженные какой-то невероятной новостью ребята и один из них с ходу выпалил: «Давай, Бабай, руку! Твоего “Ленина” в “Эдэби Башкортостан” * напечатали!»

Это было то самое стихотворение, о котором зашла речь, когда Рами заходил в редакцию. «Молодец, кустым, — похвалил его Сагит Агиш. — Такого Ленина у нас отродясь не бывало. Очень образно, четко и лаконично». Ему вторил Назар Наджми: «В нашей литературе даже седовласые агаи не писали так о Ленине». А тот надулся, решив, что над ним смеются, ведь Сагит Агиш слыл большим шутником.

Чтобы посмотреть журнал, Рами при первой же возможности помчался в радиокomitee, находившийся на углу улиц Ленина и Сталина. Там он встретил Ахтяма Ихсана. «Хорошо получилось, — сказал тот и добавил: — А почему бы тебе не приходиться к нам почаще? Микрофон предоставим».

---

* Литературный Башкортостан.

Когда мальчик узрел в журнале свое имя, набранное печатным шрифтом, его прошиб озноб. «Это похоже на сон! Напечатали только мое стихотворение!» Но, перечитав его, он расстроился: это был начальный вариант.

Рами имел обыкновение возвращаться к написанному, перерабатывать свои стихи вновь и вновь, оттачивать их, доводить, насколько это было возможно, до совершенства. Не стало исключением и напечатанное в журнале стихотворение «Ленин».

В апреле Рами побывал в редакции газеты «Кызыл тан». Узбек Гимадиев прочитал его «Ленина» вслух и, приветливо улыбнувшись, сказал: «Надо же, какое стихотворение! Таких у нас еще не было. Это ты написал? Ну что ж, будем печатать!»

И тем не менее сам Рами был еще не вполне удовлетворен. По дороге в милицию, где ему должны были выдать паспорт, он на все лады перекраивал одну не дававшую ему покоя строчку. «Нет, это не годится, надо поменять», — пробормотал парень в очередной раз и вдруг услышал, как проходившая мимо женщина воскликнула: «Что это с ним? Никак помешался?» Услыхав это, Рами призадумался: помешанный, фантазер и мечтатель обозначаются в башкирском языке одним и тем же словом — «хыялый». А «хыял» — это мечта, которая уносит человека в необозримые дали, в бесконечность. Бесконечной же может быть только вселенная. Она вечна и безгранично велика... И вдруг юного поэта осенило: он нашел-таки то, что искал! Спасибо тетеньке!

*Ты, как вселенная, велик!
Как правда, чистый и простой,
О, Ленин!
Светоч наших глаз,
Ты в сердце каждого, родной!*

Вот так родился седьмой вариант стихотворения.

Когда газета «Кызыл тан» опубликовала его к 80-летию Владимира Ильича Ленина, Рами купил двадцать экземпляров, чтобы подарить друзьям. На вопрос удивленной

киоскерши, зачем ему столько, он ответил так, как есть, и, не удержавшись, прочел ей свое стихотворение.

Так получилось, что его напечатали и в журнале, и в газете. Раши был и так вне себя от счастья, а тут еще и паспорт вручили, и теперь он ощущал себя полноправным гражданином великого Советского Союза. Достигнув совершеннолетия, парень получил почетное право принимать участие в выборах.

Каждый раз он с волнением вспоминал, как в марте этого года впервые ходил вместе с одноклассниками голосовать. Поднялись они в тот день в пять утра. На улицах трепетали установленные повсюду флаги. На избирательном пункте, где было уютно, тепло и празднично, с портретов смотрели на ребят, впервые пришедших на выборы, государственные деятели, словно поздравляя их. Все это наполняло сердца юных избирателей неопишуемой гордостью.

На каждое происходившее в стране важное событие Раши откликался всей душой, радуясь добрым переменам. Мальчишка не знал покоя ни днем, ни ночью. Вдохновение могло настичнуть его в любую минуту, заставляя беспрестанно писать. А мыслей было столько, что он еле успевал их фиксировать, начиная и кончая одну тетрадку за другой. «Ты же околеешь, Бабай!» – кричали Гарипову вдогонку товарищи, когда тот, преследуемый стихами, мчался в мороз на лыжах в легкой тенниске с короткими рукавами. И после просмотра кинофильма «Падение Берлина» на него опять находил такое вдохновение, что уже терпеть не мог.

Где бы Раши ни находился – в сквере Ленина или возле книжного киоска, он все время сочинял, бормоча себе что-то под нос, и то и дело хватался за блокнот, бывший у него всегда под рукой.

Сначала он записывает: «Счастлив я, великий Вождь, оттого что на земле одной живу с тобой!» Потом пошли не вполне созвучные этому пылкому признанию противоречивые строки типа: «Не вмещает сердце грудь моя... Мое сердце – словно шар земной... Не лишиться бы мне ума от чувств!» Они были записаны наспех, чтобы не забылись.

Его записи, которые делались на ходу, чаще всего представляли собой наброски и обрывки, к которым Рами далеко не всегда имел возможность вернуться. И большая их часть так и осталась не востребованной, в черновиках. Пусть так. Все равно работа, на которую были потрачены вдохновение, время и силы, не прошла для него бесследно. Мозг ведь тоже нуждается в упражнениях.

В годы, проведенные в Уфе, Рами Гарипов закалял не только свое тело, но и дух. Он неустанно занимался как физической, так и интеллектуальной тренировкой, развивая свой талант и поэтическое чутье, оттачивая перо и постоянно совершенствуясь.

В тот период Рами интенсивно накапливал знания и одновременно занимался поиском ответов на мучившие его вопросы. Продолжая свято верить в навязываемые народу идеалы и по-детски искренне преклоняясь перед вождями, он в то же самое время испытывал неприязнь к шаблонному мышлению. Последнее привело к тому, что Рами стал смотреть на обожаемую им литературу более трезвым взором и критически относиться к произведениям даже опытных писателей. Вот как он воспринял, например, пьесу по произведению Ражапа Хайруллина «Сагида», которую смотрел 9 ноября 1949 года в Башкирском драмтеатре: «Пьеса практически лишена динамики... Словами производство передать невозможно». Эти рассуждения, как и то, что он упоминает пресловутое чеховское ружье, говорят, что он уже понимает, в чем заключается своеобразии жанра драматургии.

Во время спектакля Рами наблюдал за присутствовавшими в зрительном зале Рашифом Нигмати, Мустаем Каримом и Акрамом Вали, который сидел вместе с супругой, и обрисовал их потом в своем дневнике, дав всем очень емкие, запоминающиеся характеристики. Следя за реакцией Нигмати, юноша вскоре понял, что тот от пьесы не в восторге. «Он то хмурился, то принимался от скуки крутить пуговицу или теребить черные усики, а временами откровенно зевал, после чего снова переводил полусонный взгляд на сцену», — писал начинающий литератор.

Наутро Рами Гарипов явился по приглашению Гайнана Амири в Союз писателей. Здесь он был впервые, несмотря на то, что принимать участие в писательских собраниях ему уже доводилось. Однако, судя по тому, что двери кабинетов оказались запертыми, парня никто не ждал. Коридор был замусорен, повсюду валялись окурки. Одним словом, первое посещение Союза писателей произвело на него удручающее впечатление.

Во второй раз Рами пришел сюда спустя неделю вместе с Рифгатом Алгушаевым и Сагитом Файзуллиным. Все трое чувствовали себя настолько неуверенно, что не сразу отыскивали нужную им комнату. Отворив дверь, они увидели перед собой целую группу известных писателей. Были там Мустай Карим, Сагит Агиш, Ханиф Карим, Кадир Даян, Акрам Вали, Мухитдин Тажи, Назар Наджми, сыновья Бурангула и Гафури, собравшиеся, чтобы обсудить стихи для детей, написанные Ахтямом Ихсаном, которого Рами и Рифгат хорошо знали. Чтобы разместить в небольшом кабинете пришедших в гости ребят, писатели вынуждены были потесниться.

После этого мероприятия у Рами Гарипова было такое состояние, как будто его поколотили. Во-первых, его потрясло то, что большинство участвовавших в собрании башкирских писателей, по сути дела, по-башкирски не говорили. Во-вторых, он был крайне разочарован их суждениями, отметив про себя: «Вот, оказывается, почему наша литература отстает от жизни!» Юный максималист чуть было не вскрикнул от возмущения: «Торгаши! Теперь-то я знаю, где у нашей литературы слабое место! Да они же невежественнее читателей. Плетутся в хвосте. В них нет огня боевого духа. Вместо него мерцает лишь страсть наживы».

Еще вчера этот мальчик с упоением слушал рассказы уважаемых всеми писателей, с увлечением читал их произведения, а сегодня он позволяет себе по отношению к ним такие упреки. Не слишком ли серьезные обвинения он им предъявляет? Впрочем, эти и некоторые другие замечания Рами высказывает не от своего имени, а вкладывает их в уста Вахита — героя задуманного им романа. Но ведь тот всего лишь озвучивает мысли автора. Да и ведет себя ему под стать.

И все же, отчего же так резко переменялся юный подмастерье к именитым мастерам? Ведь поначалу любая встреча с ними была для Рами и его товарищей сродни празднику. А еще совсем недавно они, сами того не сознавая, старались подражать любимым поэтам, воспринимая едва ли не каждое их произведение как шедевр.

Ребята имели возможность слушать их выступления как у себя в школе, так и во время различных мероприятий, проводившихся в городе. Но в здание, в котором находился Союз писателей, попали не скоро. Еще ни разу не переступившим его порог начинающим поэтам оно представлялось едва ли не обиталищем небожителей. И вот наступил тот день, когда Рами, испытывая благоговейный трепет, впервые вступил в этот храм литературы. Однако то, что предстало его взору, даже отдаленно не напоминало порожденный его воображением воздушный замок. С запертыми дверями, замусоренным коридором, главный дом писателей показался парню убогим и неприглядным.

На этот раз прием оказался более теплым и обстановка — получше, но Рами уже с самого начала был настроен скептически. По мере обсуждения настроение у него портилось все больше, а под конец он уже еле сдерживал свой гнев. Сделав неприятное открытие, что литература хромает из-за невежества писателей, он весь встрепенулся и озабоченно взглянул на своих товарищей. В отличие от него, те почтительно внимали выступавшим без тени сомнения и уж тем более, без мины разочарования на лице.

Беспощадные слова и выражения, которые школьник Гарипов допустил по отношению к солидным писателям, он будет повторять в дальнейшем не раз. Сейчас Рами пока не смеет произносить их вслух, но настанет время, когда он, уже будучи сам признанным поэтом, не захочет молчать. Обычно деликатный в общении с окружающими, он, когда дело касалось творчества, становился порою резким и даже грубым. В такие мгновения Рами уже не церемонился с оппонентами, не боялся кого-либо обидеть. Прямолинейность, принципиальность и непримиримость будут крайне осложнять его и без того непростую жизнь.

В последнее время вспышки негодования у Рами случались все чаще. Предъявлявший к себе высокие требования, он, если давал слово, привык выполнять обещанное, чего бы это ему ни стоило и, в свою очередь, требовал того же от других. Но далеко не все соответствовали установленным им строгим меркам и нередко обманывали его доверие и ожидания. Рами очень хотел видеть созданные им идеалы, которым он старался соответствовать, в реальной жизни, только такие ему почти не попадались.

Стремясь искоренить раздражавшие его в окружающих недостатки, он прибегал к действенным мерам: критиковал и немилосердно высмеивал нерадивых учеников в сатирических стихах, едких эпиграммах и язвительных статьях, подписывая их категорическим «Не Бэбэй – Бабай». Выносил волнующие его вопросы на комсомольские собрания. Они вызывали жаркие дискуссии, продолжавшиеся порою на страницах школьной газеты. Ну а то, что не доходило до публикации, оставалось в его дневниках.

Отчаявшись найти в реальной жизни соответствие своим юношеским идеалам, Рами вновь погружался в мир книг. Если ему не удавалось отыскать для чтения по ночам освещаемое помещение, он уходил в школьную кочегарку. А иной раз ночные бдения за книгой проходили в комнате для воспитателей.

Если бы этот помешанный на литературе юноша жертвовал сном ради увлекательных приключенческих романов, его легко было бы понять. Но в том-то и дело, что среди книг, которые он читал, забывая о времени, было немало таких, к коим большинство молодых людей его возраста даже не притронулись бы. Вряд ли кого-нибудь из них прельстили бы, например, «Логические законы мышления» Курсанова, «Воля и ее воспитание» Ковалева, «Психология музыкальных способностей» Теплова, «Любовь, брак и семья в социалистическом обществе» Колбановского, «Исторический идеализм и материализм» Лафарга, «О материалистическом понимании истории» Плеханова, «О бытовых вопросах» Крупской, «Мораль с марксистской точки зрения» Луначарского и т. д. А Рами Гарипову эти труды были интересны. И это, наверное, редчайший случай не только в масштабах Уфы и Башкортостана.

стана, но и всего мира. Ценнее всего то, что он подбирал такие книги и читал их отнюдь не ради сдачи какого-либо зачета или экзамена, а исключительно из собственных побуждений с целью самообразования. Вот какая сильная была у Рами тяга к знаниям. А уж произведения Ленина и Сталина упоминаются им и вовсе часто. Один знакомый подарил ему к Новому, 1950 году, третий том Ленина. Этот том был дорог Рами Гарипову «не только как подарок, а как чрезвычайно нужная книга, которую он просто жаждал иметь». В нем было до десятка статей. Рами перечисляет их с таким удовольствием, как если бы это были его любимые стихи. И вот что любопытно: юноша, только что восторгавшийся статьями Ленина, бежит вдруг, обуреваемый поэтическим вдохновением, в воспитательскую комнату, где пишет в стихотворной форме длинное, чуть ли не на целую тетрадь, письмо любимой девушке. Очевидно, оно задумывалось как поэма, иначе Рами не написал бы, что «Эта поэма должна пробираться до самого сердца».

Факт и в самом деле весьма примечательный: каким образом в душе влюбленного восемнадцатилетнего юноши уживались такие абсолютно несовместимые вещи, как классика марксизма-ленинизма и поэма о любви? Воспринимаемый с точки зрения сегодняшнего дня как парадокс, этот странный симбиоз был обусловлен не только эпохой, но и, прежде всего, личными качествами самого Рами Гарипова.

Заводя для дневниковых записей новую тетрадь, он предварял ее, как правило, эпиграфом, в качестве которого использовал сентенцию какого-нибудь мудреца или крылатое выражение. Нетрудно догадаться, что молодой человек руководствовался ими и в жизни, выбирая в качестве девиза. Если взять на себя труд собрать все эти изречения вместе, получился бы целый сборник афоризмов «В мире мудрых мыслей». Вот некоторые из них:

«Лучше быть честным врагом, чем фальшивым другом» (Ленин).

«Без человеческих эмоций никогда не бывало и быть не может человеческого искания истины... История людей, история смены и, следовательно, борьбы идей» (Ленин).

«Я создан мыслью затем, чтоб опрокинуть, разрушить, растоптать все старое и грязное, все злое, — новое создать на выкованных мыслью, незыблемых устоях свободы, красоты и — уважения к людям» (М. Горький).

«Когда пьешь воду, помни об источнике» (Китайская народная пословица).

«В бумагу огонь не завернешь» (Китайская народная пословица).

В качестве девиза Рами Гарипову служили также чьи-либо стихотворные строки или строфы. Так, например, в самые трудные периоды своей жизни он черпал силу в словах великого Гете:

*Лишь тот достоин
счастья и свободы,
Кто каждый день
за них идет на бой.*

А после афоризма Горького Рами приводит строчки из стихотворения Гайнана Амири:

*Сколько радости, сколько горя,
Мыслей, песен, желаний, задора,
Сколько ненависти и любви
У меня клоочет внутри.*

Эти слова можно было бы отнести к нему самому, к этому сдержанному на вид, но очень темпераментному по своей природе человеку.

Обращает на себя внимание тот факт, что в школьных записях Рами, который постоянно читал книги, газеты и журналы, как по-башкирски, так и по-татарски, такие фрагменты встречаются редко. Зато по мере знакомства с русской литературой его «копилка» стала заметно пополняться. Он не ленился переписывать в свои тетради целые страницы. А иногда нет-нет да и сам перейдет на русский язык.

Прекращенный в годы войны выпуск республиканских детских изданий на башкирском языке возобновился не сразу. Поэтому в тот период Рами Гарипов читал лишь

московские газеты и журналы, с нетерпением ожидая каждый номер. При этом он не ограничивался чтением, но и посылал иногда в редакции письма.

Вот какой ответ получил он на одно из своих посланий в московский журнал «Дружные ребята»* в феврале 1949 года: «Дорогой Рами! Твое стихотворение “Наш капитан” написано с большим чувством и теплотой. И мысль в нем хорошая. Но литературно оно сделано еще не очень хорошо и поместить его в журнале нельзя». И в конце, чтобы подбодрить юного поэта, ему посоветовали продолжать писать.

Несмотря на отказ, Рами не только не расстроился, но и был польщен, ведь письмо подписал не кто-нибудь, а сам Валентин Катаев — автор известных книг «Сын полка» и «Белеет парус одинокий».

Следует заметить, что близкий Рами Гарипову образ одинокого парусника то и дело мелькает в его записях того периода. Между тем вокруг паренька кипела, как бушующее море, школьная и городская жизнь. Только он не был сторонним наблюдателем, созерцателем происходивших на его глазах событий. Рами принимал в них самое активное участие, будучи инициатором и организатором самых разных дел.

Вот что пишет о его деятельности Мусалия Хайруллина: «По инициативе Рами выходил литературный альманах. Он был его автором, редактором и оформителем. Писал эпиграммы и фельетоны, правил стихи своих товарищей. Кроме того, выпускал газету литературного кружка “Родной язык” и журнал под названием “Сигнал”. В детдоме был председателем детского совета, в комнате — старостой, в классе — комсоргом. Являлся редактором школьной газеты “Молодая гвардия” и председателем литературного кружка. В девятом классе посещал аэроклуб. Уже со школьных лет интересовался народным творчеством, собирал фольклор, заведя для этого отдельную тетрадь».

Сколько же общественных обязанностей взвалил он на свои плечи! Если подсчитать, наберется с целый десяток.

* Журнал ЦК ВЛКСМ для сельских пионеров и школьников.

Даже одной из них хватило бы за глаза, чтобы гордиться тем, что тебя ценят. Ведь ответственное дело можно доверить далеко не каждому. Бывают, конечно, ученики, что называется «ко всякой бочке затычка», которые везде и всюду суют свой нос, лишь бы выделиться, покрасоваться перед всеми. Однако дальше разглагольствований такие «деревянные активисты», как правило, не идут и только мешают, путаются под ногами. Что касается Рами, то он по-настоящему, искренне радел за общее дело на пользу классу и на благо всей школе. Его беспокойная, кипучая жизнь проходила у всех на виду. И он пользовался заслуженным уважением как среди педагогов, так и одноклассников.

Пишу об этом с некоторой опаской, предвидя упреки: похоже, автор намеренно идеализирует своего героя – уж слишком правильным получился у него образ школьника. Но что бы там ни говорили, изложенные мною события и факты достоверны. Эта книга основана исключительно на документальных материалах, которые действительно представляют нам Рами Гарипова как воплощение добродетели. В данном случае мы имеем дело с положительным героем, который выдуман не писателем, а создан самой жизнью. А вот сумеют ли его понять и оценить по достоинству современники – это уже другой вопрос. Да и судьба, к сожалению, не всегда благосклонна к хорошему человеку.

Так почему же все-таки Рами, кипевший в самой гуще общественной жизни, ощущал себя порою кочующим в море одиноким парусником? Одно дело, когда он, сидя на холодном камне на берегу пруда, плакал от тоски по родному дому, который только что покинул. А теперь какая у него на то причина? Он давно уже освоился, ходит в лидерах, постоянно чем-то занят и увлечен. Казалось бы, ему ли жаловаться на одиночество? Так ведь нет, временами парня вдруг охватывали щемящая грусть и необъяснимая тревога, от которой просто некуда деваться. В такие мгновения он не находил себе места ни в любимой школе, ни в святой святых, республиканской библиотеке.

Даже самые близкие друзья не смогли бы понять, чего он хочет, ведь они постоянно видели Рами неугомным,

деятельным, не щадящим ни сил, ни времени для школы, книг и стихов. Откуда им было знать о том, какая сложная внутренняя борьба происходила в глубинах его души, что он мечтал о единомышленнике, который бы соответствовал его представлениям об идеале, кому без страха можно было бы открыть чувства и доверить сокровенные мысли? Не потому ли Рами с готовностью хватался за любую возможность, которая позволяла ему расширить горизонты, получить доступ в новые миры. Порою он сам искал и находил такие возможности, а иногда получал их как дар судьбы.

И МАНЯТ МЕНЯ НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ

(В донских степях)

Восьмой класс Рами окончил достаточно успешно. По родной литературе и истории в течение года он получал одни пятерки. Соответственной была и годовая оценка. По большинству остальных предметов ему выставили за год четверки. И только алгебра с геометрией были самым большим его местом. Судя по оценкам за четверти, больше, чем на тройку, по этим дисциплинам рассчитывать он не мог. Хорошо еще, что по математике не оставили на осень, как это было в прошлом году. Вряд ли Рами пережил бы такой позор еще раз. Он не забыл, как ребята смеялись над ним: «Лафа Бабаю!» А тот им с горечью в ответ: «Я отстал от жизни на один шаг! Я — бедный солдат, которого отстранили от штурма крепости! Говорите “лафа Бабаю”? Да какая уж там лафа! Я сейчас все равно что в аду!» Так что в этом году дела у него обстояли значительно лучше.

Рами вспоминал, как, будучи еще в деревне, ненавидел немецкий. «Это фашистский язык, я не буду его учить!» — протестовал он. И лишь после того как учительница разъяснила, какие великие люди на нем говорили и что ни один язык сам по себе ни в чем не виноват, постепенно изменил к нему отношение. Сейчас Рами, конечно,

понимает, что иностранные языки знать нужно, но тем не менее выше удовлетворительной оценки подняться не может. Тут уж ничего не поделаешь...

Зато на письменном экзамене по родному языку он взял реванш. Тот день Гарипов запомнил на всю жизнь. Учительница Нафиса-апай написала на доске три темы: по творчеству Гафури, Тукая и свободную – «За что мы любим Москву?». Рами задумался. Поэтов они изучили, что называется, вдоль и поперек, и сочинение о каждом из них он мог бы написать хоть с закрытыми глазами. А вот Москва – крепость неприступная. И чтобы взять ее, «Бабай» решил применить один маневр. Его манило неизведанное и, когда приходилось браться за то, что потруднее, охватывал азарт. Он любил быть первопроходцем. Если уж сумел преодолеть длинный мост, маленький даже не заметишь.

Рассудив таким образом, Рами выбрал свободную тему. За четыре часа ему удалось создать целую оду о Москве, состоявшую из почти полутора сотни стихотворных строк. Сюда вошли и некоторые написанные им ранее строфы.

Сей труд, разумеется, был оценен на пятерку. Но тем не менее директор школы Мусалия Галиевна решила на всякий случай удостовериться: «Гарипов, ты написал это сочинение во время экзамена или списал откуда-нибудь?» Тот оскорбился. Он потел над своим произведением четыре часа, а ему не верят. Успокоился Рами лишь после того, как женщина, поняв свою оплошность, сказала: «Ну ладно, перепиши аккуратненько свое сочинение набело. Мы его оставим в школе на память».

Написанная Рами Гариповым ода, состоявшая главным образом из общих фраз, ничем не отличалась от панегириков того времени. Но даже учителя с солидным педагогическим стажем не помнили такого случая, чтобы кто-либо из их учеников писал сочинение в стихах. Это был прецедент, поистине достойный того, чтобы его увековечили.

И вот экзамены уже позади, как будто груз с плеч долой. Преодолев это испытание, Рами мог позволить себе осмыслить его значение с философской точки зрения, попытаться подвести итог двухлетнего пребывания в уфимской школе-интернате. Он размышляет: два года мы ходили

сюда, открывая двери школы, а она открывала нам глаза, и, избегая по школьной лестнице, мы одновременно поднимались по ступенькам лестницы жизни.

Загадывать на далекое будущее, однако, еще рано. Зато Рами знает, что его ожидает в ближайшее время. Совсем скоро он отправится в далекое путешествие! От предстоящей поездки его отделяли экзамены, стоившие ему и его товарищам столько волнений, тревог и бессонных ночей. Но отсчет времени начался уже тогда. Вот как описывает мальчик свое состояние, когда ему сообщили радостную весть: «Слова “Мы решили тебя и Алгушаева послать на Украину” произвели на меня такое впечатление, что я чуть не подпрыгнул от радости. Украина! Украина! Это же родная земля Тараса Шевченко, множества других Тарасов и Павки Корчагина!»

С каждым днем нетерпение Рами нарастало:

— В поход, в поход! На Украину, в донские степи!

А теперь немного о том, что предшествовало этому событию.

Летом 1948 года в истории системы школьного образования республики произошло знаменательное событие: из числа учеников, чьи отцы погибли на фронте, выбрали группу для поездки в Ворошиловградскую область по следам 112-й Башкирской кавалерийской дивизии. Столь великой чести удостоились учащиеся школы-интерната № 9.

С момента окончания войны минуло всего лишь три года. И все это время советский народ продолжал дено и ночью трудиться не покладая рук, чтобы восстановить разрушенную страну, в которой катастрофически не хватало ни продуктов, ни одежды, ни жилья. На счету были каждая копейка, каждый кусочек хлеба, и за горсточку унесенного с тока зерна можно было запросто угодить в тюрьму.

За такой короткий срок люди не успели еще опомниться от ужасов войны. Раны ныли, глаза не просыхали от слез. Повсюду — обездоленные, миллионы безутешных вдов и сирот. И нам остается только восхищаться руководством Башкортостана, которое в те труднейшие годы сумело организовать поездку детям по следам их отцов,

сложивших головы в жестоких сражениях. Этот важный, достойный всяческих похвал шаг был продиктован не только милосердием, но и заботой о воспитании молодежи в духе патриотизма.

Дивизии, сформированные по инициативе и силами народа, были в Великую Отечественную войну не частым явлением. А столь выдающейся, как 112-я Башкирская кавалерийская дивизия, не было вовсе. Прошедшая боевой путь до самого Берлина, давшая семьдесят шесть Героев Советского Союза и удостоенная за свой героизм орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова II степени и Кутузова II степени, она покрыла себя неувядаемой славой. И нет, наверное, у нас в республике такого человека, который бы не слышал написанную композитором Загиром Исмагиловым в содружестве с поэтом Кадыром Даяном песню о талантливом полководце Миннигали Шаймуратове, предводителе легендарного войска, на восемьдесят процентов состоявшего из башкир:

*На войну ушли башкиры,
Проводил их родной Урал.
Впереди всех – бравый всадник
Шаймуратов-генерал.*

У каждого народа СССР были свои герои и исторические личности, воспетые им в песнях. Но есть ли среди них столь же популярные и долговечные, как наши? Давно забылись гимны в честь Сталина и прочих правителей, а «Шаймуратов-генерал» вот уже на протяжении десятков лет живет в сердцах наших людей. Продолжающая традицию героического народного песенного искусства, она передается из поколения в поколение. Ее хорошо знают и поют не только взрослые, но и маленькие дети.

Вот уже сколько дней эта песня звучит в ушах Рами. Затихая на время, она возвращается к нему снова и снова. Да и как она может затихнуть, если Рами Гарипов тоже числится в списке тех, кто должен отправиться по следам прославленной Башкирской конной дивизии.

На обложке одной из многочисленных тетрадей, хранящихся в его архиве, написано: «Тетрадь для записей

Гарипова Р. Я. Июнь-июль 1948 г. Поход по следам сталинского рейда башкирской кавалерийской дивизии». В ней указана длина маршрута – 5000 км, длительность – 35 дней и переписанные из разных источников сведения на русском языке. Рами основательно подготовился к походу. Ознакомился с нужными произведениями, включая «В башкирской дивизии» К. Симонова и «В степях Дона» С. Кудаша.

К его огорчению, дата отъезда, в силу разных причин, откладывалась не один раз. Но этот волнующий момент в конце концов настал. Облаченные в форму защитного цвета и с рюкзаками за спиной, ребята собрались в школе. После прощания с учителями группа встретилась с министром образования Сагитом Алибаевым. Он принял отправляющихся в поход в своем кабинете, проинструктировал их, рассказал о дивизии, в которой занимал должность комиссара полка. Именно им, этим школьникам, выпала почетная миссия первыми из нового поколения пройти дорогой воинов дивизии.

Беседа с этим интересным человеком взволновала юных путешественников до глубины души. В скольких кровавых сражениях довелось участвовать полковому комиссару, скольких соратников потерял в тех боях. Обо всем этом он еще не раз будет рассказывать в книгах, во время многочисленных выступлений перед публикой и в средствах массовой информации. Будучи в то время министром образования Башкортостана, Сагит Рахимович стал одним из организаторов исторического мероприятия. Прежде подобные походы не проводились. И не только у нас в республике, но и в стране.

Прежде чем отправиться в это беспрецедентное путешествие, Рами завершил свой дневник, который вел в 1947–1948 годы, следующей записью: «В скольких землях предстоит нам побывать, чего только мы не увидим!.. Надо же, простой салаватский мальчишка совершит поход по донским степям!.. И путевые заметки под названием “Путешествие от древнего Урала до донских степей” будут написаны уже в другой тетради!..» Каждое предложение заканчивается восклицательным знаком с многоточием –

это говорит о нетерпении юного следопыта, рвущегося вперед за новыми впечатлениями, к таинственному и неизведанному.

29 июня ученики школы № 9 сели в поезд Уфа–Москва, и с момента его отправления начался их долгий, далекий путь. Рами старался скрупулезно описывать каждый день, и результатом его кропотливого труда стали путевые заметки «В донских степях» – самое крупное из написанных им до сих пор произведений. Подготовленные к печати Зухрой Буракаевой, они были опубликованы в 2005 году в сборнике под названием «Рами Гарипов. Торю дорогу в будущее». Так что при желании можно с ними ознакомиться.

Вот что важно подчеркнуть: произведение «В донских степях» следует воспринимать не только как путевые записки юного автора, а как своего рода литературный факт, как документ, в котором отображены разные стороны современной ему эпохи и то, чем жила тогда молодежь. Вместе с тем этот материал интересен как этапное произведение в процессе становления юного поэта.

Каждый проведенный в походе день был незабываемым. Возможность осмотреть исторические достопримечательности Москвы или побывать в Сталинграде – в городе, чье имя превратилось в символ несгибаемого духа советского народа и прогремело на весь мир, – большая удача для любого, а уж для молодого человека и вовсе огромной важности событие. Эти экскурсии были предусмотрены разработчиками маршрута. Но гвоздем программы, ради чего, собственно, и задумывалось данное мероприятие, стал поход по следам Башкирской кавалерийской дивизии в тылу противника и посещение места гибели Шаймуратова.

Если после окончания Великой Отечественной войны прошло три года, то после кровопролитных сражений, которые дивизия вела на территории Ворошиловградской области, минуло пять лет. Учащиеся из Башкортостана, постоянно видевшие на своем пути руины, искореженную военную технику, хорошо представляли себе, что происходило в тех местах, тем более что им удалось встретиться и побеседовать с людьми, видевшими шаймуратовцев.

Нашлись даже документы, имевшие отношение к воевавшим там советским войскам. Занимавшийся их поиском руководитель экспедиции майор Кали Габитов, один из воинов Башкирской дивизии, повсюду водил за собой Рами Гарипова, который был при нем вроде адъютанта и с удовольствием ему помогал. Эти бумаги, завалывшиеся в железном ящике, были обнаружены кем-то во время уборки. Их спрятали в печку. Большая часть записей размылась, разобрать смогли лишь те, что были сделаны тушью. Рами насчитал в общей сложности сто пятьдесят один лист. Позднее, уже будучи в Москве, Кали Габитов и Рами Гарипов передали военные карты и схемы в Генштаб, где их с благодарностью приняли как ценные документы.

Для Рами и Рифгата Алгушаева кульминационной точкой похода стало посещение места у скалы Романовской, что возле деревни Штеровка, где погиб генерал Шаймуратов. Дня три у них ушло на то, чтобы выбить на твердом камне памятные слова. Когда долото затупилось, ребята стали работать одним инструментом по очереди. Пока Рами долбил, Рифгат писал, сидя на вершине скалы, стихи. Вначале Гарипов раскритиковал друга. А когда тот переработал свой «Несмыываемый след», новый вариант пришелся ему по душе:

*На каменной груди скалы
Я выбил имя твоё нетленное —
Шаймуратов. Теперь ему не страшны
Ни ливни, ни ветры буйные...*

Наконец работа была закончена. Рами и Рифгат с гордостью созерцали издали результат своего кропотливого труда:

«Выбитая Алгушаевым и Гариповым на склоне высокой скалы надпись “Здесь 23/11 1943 года героически погиб генерал-майор Шаймуратов” видна с возвышенности за родником...

Пройдут годы... От окопа, блиндажа и траншеи не останется и следа. Валяющиеся здесь разбитый танк, пулемет,

пушки станут экспонатами музеев... Они будут напоминанием о великих подвигах, совершенных здесь во время Отечественной войны башкирским народом в содружестве с русским. Потомки будут восхищаться героизмом и мужеством Шаймуратова и подобных ему бесстрашных, как львы, башкирских батыров».

Довольные проделанной работой, мальчишки дали себе слово помнить о прошлом и посещать это место в будущем по пути в Крым.

«Рифгат улыбнулся.

— Давай, — сказал он, осененный внезапной мыслью, — спрячем здесь где-нибудь наши инструменты!

— А что, давай!.. Это будет такая память! — загорелся я. — Только где мы их зароем? — Не успел я это вымолвить, как Рифгат бросился выполнять задуманное и быстро отыскал нужное местечко. Мы написали записку и спрятали ее вместе с инструментами у подножия скалы».

Ох, уж эта подростковая наивность! Молотки и долота, наверное, до сих пор покоятся там, дожидаясь Рами и Рифгата. Сгнить они не могли. Только вот друзьям так больше и не пришлось побывать на том месте.

К вечеру следопыты должны были уехать. А до отъезда еще предстояло осмотреть поле битвы, заваленное не только искореженными орудиями, но и человеческими останками. Совсем недавно, когда здесь проходило стадо, одна корова подорвалась на mine. Поэтому майор Габитов велел ребятам соблюдать осторожность, ничего не трогать. Да разве ж удержишь словами резвых, любознательных мальчишек: они бесстрашно забирались на башни танков и внутрь, ощупывали оружие и пробовали взвести затворы. Майор же тем временем сокрушался, с болью смотря на то, что осталось от подорвавшихся на минах советских танков, представлявших собой большую часть из тех двадцати пяти, что у них были: «Это ведь наши танки».

Впечатления между тем все множились. Но и трудностей тоже хватало: передвигаться участникам экспедиции приходилось в основном пешком и навьюченными, а ночевать — в непростых походных условиях.

Большинство ребят представляли одну школу, но проживали в разных местах. Рифгат Алгушаев, Блан Салихов

и Рами Гарипов были из интерната, Асхат Ашрапов, Галям Урмантаев, Накия Нигматуллина и Гайни Малабаева — из детдома № 7. А Франц Сайтгалин с Ильдусом Хайруллин-ным учились в школе № 10. Поход всех их сплотил. Бывая на полях сражений, обходя окопы и траншеи, прикасаясь к каскам, держа в руках гильзы, влезая на танки, юные члены экспедиции будто слышали отголоски и чувствовали дыхание минувшей войны. Вместе переживаемые ощущения и впечатления, равно как преклонение перед храбростью и героизмом шаймуратовцев, желание быть достойными и оставаться верными их памяти, роднили их. И трудно было бы переоценить воспитательное значение всех этих моментов.

По пути следования ребята побывали также на месте захоронения комиссара дивизии Байгужи Сайтгалина. Оно было обнесено железной оградой и ухожено. Сын комиссара, Франц Сайтгалин, перекрасил звезду на надгробии. Руководитель экспедиции, Рами и Рифгат собрали на берегу реки цветы и возложили их на могилу. Не обошли путешественники и то место, где был погребен отец Ильдуса — полковой комиссар Хайруллин, погибший в деревне Деево.

Все участники похода были детьми, потерявшими на войне отцов. И у каждого из них было чувство, будто он идет по следу собственного родителя. С прибытием в лежащий в руинах Сталинград, улицы которого были завалены обломками разбитых танков и самолетов, ребята как будто заново пережили боль от невозполнимой утраты и в то же самое время ощутили гордость за родных людей, сложивших головы во имя родной Отчизны, и за то, что они являются сыновьями и дочерьми воинов-героев.

Посещавшие этот легендарный город считали своим долгом увидеть дом, на стене которого написано золотыми буквами: «31 января 1943 года 38-й мотострелковой бригадой полковника Бурмакова в подвалах этого здания был пленен вместе со своим штабом генерал-фельдмаршал Паулюс, командующий немецкой группировкой войск под Сталинградом, состоящей из 6-й армии и 4-й танковой армии, которая в Великом Сталинградском сражении была окружена и наголову разбита нашей доблестной Красной Армией».

Когда Рами переписывал эту надпись в свою тетрадь, он не мог не думать о своем отце, ибо в то время, когда в результате сокрушительного разгрома сил захватчика был развеян миф о непобедимости фашистской армии и взят в плен опозоренный перед всем миром фельдмаршал Паулюс, Ягафар Гарипов самоотверженно сражался в рядах советских солдат и пал в бою 23 февраля 1943 года, когда оборвалась жизнь командира дивизии Шаймуратова. Старательно высекая на Романовской скале имя генерала, Рами наверняка размышлял над фактом этого удивительного совпадения. А ведь в тот же самый день — в день доблестной Красной Армии — погиб, закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота и Александр Матросов, чей образ стал примером мужества и героизма для всей советской молодежи! Проводя параллель между отцом и прославляемыми всеми героями, Рами Гарипов должен был почувствовать, какую ответственность накладывало на него звание сына солдата.

В недописанной автобиографии он приводит сведения, имевшие отношение к отцу: «Его родственники — сыновья родного брата матери моего отца, заслуженного учителя РСФСР Хусаина Ямалетдиновича Фаткуллина — Акрам, Ахнаф, Альтаф и Аслям Фаткуллины, революционеры с 1905 года, погибли. Эта семья, можно сказать, воспитала меня и моих братьев. Хусаин-агаю я обязан тем, что имел возможность много читать, а стало быть, и своим духовным ростом. На фронте погиб брат моей матери Габдрахман Гайфуллин, бывший начальник политотдела Аркаульской МТС. Он был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно. Геройски погиб еще один обожаемый мной в детстве человек — молодой учитель родного языка и литературы Зубай Утягулов, в исполнении которого я впервые слушал стихи, испытывая невероятное наслаждение».

Дальше Рами пишет уже по-русски: «Не вернулись с войны почти все мужчины нашей деревни, с именами которых связаны все сказки и легенды моего детства, песни и сказы о Салавате, о героях Гражданской войны, все были и небылицы родного колхоза, родной Юрюзани

и родного Каратава, о партизанах которого написана была книга моим односельчанином, писателем Чингизом Хановым. Не вернулся и он... Все это оставило в моей душе неизгладимый след и служило, наверное, первым толчком взяться за перо».

Рами Гарипов, а вернее — Рамиль, живший в этом таинственном и прекрасном мире, с младенчества впитал в себя множество преданий о Салавате и о партизанах. Война в одночасье покрыла черным мраком эту сказочную страну его детства, поглотив столько благородных мужей. Земля великого Салавата не дождалась своих храбрых сыновей — Габдрахмана Гайфуллина, дедушку Рамиля, и его учителя Зубая Утягулова, удостоенных звания Героя Советского Союза. О них он тоже вспоминал, шагая по дорогам войны. В автобиографии о том путешествии всего лишь несколько строк: «В 1948 участвовал в походе по следам Башкирской кавалерийской дивизии на Украине, собирал материалы о подвигах наших отцов, своими глазами видел руины Сталинграда, разрушенные шахты Донбасса, сожженные деревни Ворошиловградской области, впервые видел Москву и слышит о литературном институте».

За этими скупыми строчками столько всплесков эмоций, переживаний, глубоких чувств, размышлений и беспрестанного труда над записями, дающими читателю исчерпывающее представление о землях, по которым проходил маршрут экспедиции, позволяющими отслеживать ее путь по дням, по часам и шаг за шагом. Изредка здесь можно видеть вкрапления в виде стихов и стихотворных строф, но значительно чаще встречаются вставки, в которых юный автор с документальной точностью воспроизводит свои многочисленные наблюдения. Он тяготеет к правдивости.

Надо сказать, что в тот период отношение к личности Шаймуратова было неоднозначным, вокруг его имени ходили разные толки. «Описывая “Гибель генерала” (название раздела. — Р. Б.), я старался быть кратким, — признается Рами и поясняет: — Поскольку это очень серьезная и ответственная работа». А усилий было приложено немало: следопыты занимались поиском документов, собирали

факты, беседовали с очевидцами. Они натаскали камней и сложили их на могиле генерала, которую затем украсили цветами.

Воспоминания о Великой Отечественной войне у всех были еще настолько свежи, что она не воспринималась как прошлое, как часть истории. И не предпринимались пока попытки, чтобы увековечить то, что было с ней связано: не ввели звание «города-героя», не зажгли вечные огни над братскими могилами, не установили памятник-надгробие Неизвестному солдату в Москве, не возводились на полях сражений каменные стелы с именами погибших, не разрабатывались и не прокладывались туристические маршруты для желающих взглянуть на памятные места и реликвии.

Там, где проходил Рами с товарищами, валялись в великом множестве не только внушавшие ужас смертоносные орудия войны, но и не захороненные человеческие останки. И вполне могло быть, что прибывшие из далекого Башкортостана сироты ступали по ним, сами того не ведая. Эпитафия, выбитая Рами и Рифгатом на скале у места гибели Шаймуратова, навечно врезалась и в их собственные сердца. Не зря же в дневнике оказались такие строки: «После нашего ухода сотрутся оставленные нами следы, сделанная на каменной скале надпись тоже со временем исчезнет... И только кровь отважных сыновей башкирского народа никогда не смоется, не забудутся имена и не померкнет их слава...»

После Сталинграда путники снова возвращаются в Москву. На этот раз они знакомятся с ней ближе. Стоило Рами оказаться в столице, как душа его исторгла слова: «Москва!!! Ты явилась очам моим словно сказочный мир».

Ребята и в самом деле чувствовали себя здесь как в сказке, восторгаясь всем и вся, в том числе и бытовыми условиями, которые им были предоставлены. Вот как Рами их описывает: «У нас были мягкие койки и белоснежные постели... Чтобы смыть с себя походную пыль и грязь, мы ходили в баню. После этого перекусили в одном ресторане и отправились осматривать Москву».

Не следует забывать, в какое время это происходило: было лето 1948 года, когда страна еще не успела оправиться

от последствий войны. Перед всем народом стояла перво-степенная задача поднять из руин и отстроить заново города и села, настроиться на созидательный труд. И в этих сложнейших условиях советское государство проявляло трогательную заботу о миллионах обездоленных детей, не бросая их на произвол судьбы, стараясь оградить от тлетворного влияния преступного мира. По всей стране открывались тысячи детских домов и приютов, где, несмотря на скудное обеспечение, сиротам не давали умереть от голода. А уж тот факт, что группе подростков дали возможность совершить столь замечательный поход с посещением самой столицы, и вовсе вызывает восхищение.

Хотелось бы обратить на эти факты внимание людей, которые видят одни лишь темные и мрачные стороны истории нашей страны. Огульно охаявая прошлое, они предпочитают не замечать болезненные проблемы, возникшие на рубеже двух тысячелетий: безудержный рост числа беспризорников на фоне равнодушия к ним со стороны государства, все большее и, по-видимому, уже непреодолимое расслоение общества на баснословно богатых и безнадежно нищих. Разве гнущие свою линию критиканы станут доискиваться до причин столь вопиющей социальной несправедливости...

Школьники из Башкортостана приехали в Москву в День авиации. В какой-то момент в небе над городом раздался гул, и вскоре они впервые в своей жизни узрели, как взлетает, оставляя за собой длинный шлейф, реактивный самолет. Не исключено, что именно в тот момент у Рами, с затаенным дыханием следившего за его полетом, проснулось желание стать пилотом.

Где только не побывали юные путешественники за какие-то несколько дней: на Красной площади и в музее Ленина, в Третьяковской галерее и в планетарии, в зоопарке и в стереокино, и при этом много раз спускались в подземное царство — в метро. Ко всему прочему, Рами сопровождал майора Габитова, когда тот отправился в Генштаб, чтобы сдать добытые в походе документы. Одним словом, каждый день пребывания в столице был насыщен незабываемыми событиями, и, уже сидя в поезде, мчавшем ребят

домой, переполненный впечатлениями Рами сочинил стихотворение, посвященное Москве.

1 августа отряд прибыл в родную Уфу. Преодолев за месяц с лишним тысячи километров и достойно выдержав испытание, члены экспедиции с полным правом могли бы заявить, что с честью выполнили поставленную перед ними задачу. Молодые люди узнали много нового о жизни и о своем Отечестве. Они получили огромный заряд энергии.

Как уже отмечалось выше, организация похода по боевому пути, пройденному легендарной 112-й Башкирской кавалерийской дивизией, по местам, где героически сражались и погибли ее воины вместе с прославленным командиром Шаймуратовым, в ту пору, когда еще были свежи воспоминания непосредственных участников и очевидцев происходивших там событий, пока не стерлись следы и не зажили раны, стала беспрецедентной акцией, первым такого рода опытом в истории школ республики. И особенно важно то, что к этому благому начинанию были привлечены педагоги и ученики, чьи отцы погибли на фронтах войны.

Что касается лично Рами Гарипова, то главным итогом его участия в экспедиции стали дневники — путевые заметки свидетеля героизма башкирских воинов, названные им «В донских степях». Этот интересный опыт юного исследователя мы вправе считать литературным произведением. Зафиксированные в нем наблюдения представляют собой уникальный материал, который не найдешь ни в каком другом источнике. Эти заметки подняли молодого автора на новую ступень. В то время Рами, возможно, и не помышлял о том, чтобы отдать их в печать. А между тем он заканчивает свое произведение следующим примечанием: «Эти заметки войдут в мой будущий роман “Дороги жизни”, где речь пойдет о жизни и борьбе советской молодежи и будет показана передовая роль комсомола как предводителя этой борьбы». Если бы их тогда напечатали, то они наверняка запомнились бы читателям. Но кто ж возьмется за опубликование труда никому не известного юнца?

ПЯТЫЙ ОКЕАН

В феврале 1949 года Рами Гарипов сетует на катастрофическую нехватку времени: «Даже если бы у меня было десять пар рук, мне их все равно не хватило бы. Я не давал бы им ни минуты покоя... Ох, уже это Время! Время для меня теперь — что золото! Так и бежит. Да нет, не бежит, а прямо-таки скачет!»

Несколько раз в его записях встречаются такие строчки:

*Коль захочешь узнать,
Что милей мне всего на свете,
Отвечу я: нет для меня милее
И слаще любимого труда.*

Это четверостишие он сопровождает однажды комментарием: «И в самом деле... Я буду полезен своему народу только любимым, желанным трудом и ровно настолько, насколько мне самому будет угодно. А для творчества простой вреден. Оно требует беспрестанного труда. И умение так работать уже само по себе является талантом. Талант же не рождается вместе с тобой, а растет!..»

Рами буквально разрывается на части... И в девятом классе он весь в делах. Везде инициатор и лидер, будь то школа, класс или комната в интернате. Выполняемая им общественная нагрузка настолько чрезмерна, что ее можно было бы разделить на десятерых. К тому же имя его теперь звучит не только в школе, но и среди писателей. Однако, несмотря на общительность и активность, поделиться сокровенным Рами по-прежнему не с кем. А как хотелось бы поговорить с кем-нибудь по душам, когда чувства захлестывают тебя и бьют через край. И вот руки снова тянутся к карандашу. Хорошо еще, что у него есть самые близкие поверенные — его заветные тетрадки. Заведя в начале учебного года новый дневник, он, самому себе удивляясь, пишет на первой странице: «Тетрадь кончается. И начинаю другую. Вот уже и эта на исходе... А я все пишу и пишу. Для чего? Сам не знаю. Просто какая-то сила заставляет меня писать. Не могу себе даже представить,

как бы я жил без этого... Или моя страсть меня погубит, или... не знаю...»

Эту запись Рами сделал 12 сентября 1948 года. Как раз в то время он находился во власти нового увлечения. Его ноги ступали по земле, а душа рвалась в небо. Но парню хотелось летать не только в мечтах, а по-настоящему подняться в небо.

Это желание появилось у него не вдруг. Рами было лет пять, когда призванный на военную службу Ягафар забрал свою тогда еще маленькую семью в Миасс. Проживая в военном городке, мальчик мог наблюдать, как протекали будни малой армии. Он привык к самолетам, танкам и пушкам и как-то заявил отцу: «Я буду командиром, как ты!»

Увидев в небе над Красной площадью полет реактивных самолетов, он был потрясен. Разве можно такое забыть? Наверное, тогда и вспыхнула у него в душе искра страсти к авиации. Неспроста же он записался в свое время в кружок авиамodelистов при Дворце пионеров.

Поэты испокон веку стремились к высотам. Но, витая в мыслях по вселенной, они оставались на земле. А сейчас, если уж так хочется летать, летай себе на здоровье, благо рядом — аэроклуб. Иди и записывайся, небось, не откажут. Зря, что ли, Рами закалялся, истязал себя?

И вот 10 октября 1948 года в его дневнике появилась скупая запись о большом событии в его жизни: «Мы — пилоты. Прошли комиссию. Годен к пилотной службе».

Раз пять на дню Рами наведывался в аэроклуб, чтобы узнать, когда закончится набор курсантов. Ему велели принести характеристику из школы. Но он ее не получил. Несмотря на активную общественную деятельность и ведущие позиции, у Рами Гарипова были проблемы с нелюбимыми предметами — физикой и математикой. Не обошлось при этом без двоек, из-за чего его даже высмеивали, называя «поэтом-двоечником». И такой грех случился у него в самый неподходящий момент. Но если уж Рами Гарипов что решил, его уже ничто не остановит. Раззадорившись, он поднажал немного и, справившись с контрольной работой, ликвидировал свой неуд. После этого ему выдали положительную характеристику.

В аэроклубе началась подготовка. Теоретические дисциплины чередовались с практическими упражнениями. И вот на страницах дневника появляются новые слова типа «аэронавигация», «вираж», «спираль», «УТ-2», «У-2» и прочие, а также изображения самолетов. В тот момент Рами интересуется больше всего литература по авиации. Он внимательнейшим образом прочел книгу «Цель жизни» Александра Яковлева — создателя прославившегося во время Великой Отечественной войны самолета «ЯК», и переписал из нее в свою тетрадь десятки страниц.

Берясь за какое-либо дело, Рами не позволял себе работать спустя рукава. И чтобы овладеть ремеслом летчика, он не жалел ни времени, ни сил. Аэродром находился на другом берегу Агидели, и добираться туда было непросто, особенно зимой, когда приходилось преодолевать наметенные буранами сугробы.

После уроков в школе Рами спешил в аэроклуб, потом — на аэродром, а вернувшись оттуда, хватался за учебники... За сутки он проходил и пробегал множество километров. У него не было ни минуты свободного времени, не говоря уже о часах. Но парнишка был готов и не на такое ради того, чтобы научиться летать.

И вот наступил март 1949 года, которого он ждал несколько месяцев: начались вылеты. Наконец-то Рами Гарипов в воздухе! Самолет набирает высоту — сто, двести, триста пятьдесят метров!.. Неужто в его руках настоящий штурвал?! Рами управляет самолетом! Рами летит! Рами — сокол! От восторга и счастья как будто отросли за плечами крылья. Им овладевают настоящий азарт, жажда высоты, широты и свободы.

В день своего первого полета он признался: «Я бы не отказался летать, даже если бы ради этого мне велели целую неделю голодать». Теперь на обложке его дневников стояла бросающаяся в глаза надпись «Записки пилота».

Для Рами, который и без того был романтиком по своей природе, началась небесная романтика, жизнь летчика, требовавшая решительности и смелости. Бывали дни, когда он взлетал по несколько раз. Летом на аэродроме

приходилось дневать и ночевать. Спали в палатках, отбиваясь от комаров. Дисциплина была военной.

Будучи даже самым младшим среди курсантов, Рами выказывал такое рвение и серьезное отношение к работе, что удостоился всеобщего уважения — как со стороны инструкторов, так и товарищей по учебе. После трех вылетов руководители аэроклуба посоветовали ему поступать в авиационное училище. От такого лестного предложения у кого угодно закружилась бы голова. Но юный поэт не спешил давать согласие.

Здесь он тоже дорожил каждой минутой. В перерывах между уроками и полетами брался за учебник или принимался писать. Кое-кто называл его с насмешкой Профессором. Рами старался не принимать такие вещи близко к сердцу. А вот невежество ему претило. Как-то один майор вырвал из рук Рами Гарипова книгу и, бросив наземь, стал в остервенении топтать ее ногами, мол, ты сюда не за тем явился, чтобы книжки читать. Тот вынужден был скрепя сердце снести эту дикую выходку, обозвав про себя зарвавшегося солдафона «варваром XX века».

Новый мир дал юноше крылья, но жизнь есть жизнь. И в этой среде, увы, нашлись людишки, готовые их укоротить или обломать. Но они и подобные им не в силах заставить разувериться в живущих в его сердце светлых образах легендарных летчиков — Чкалова, Байдукова, Белякова и Гастелло. С ранних лет Рами, как и другие мальчишки, видел, как увлеченная авиацией довоенная молодежь занималась парашютным спортом, соревновалась по меткости в стрельбе и с какой гордостью парни носили на груди значок «Ворошиловский стрелок». И вот наступило время, когда уже он сам и его сверстники принимают из рук предыдущего поколения эстафету. Юноши рвутся в небо, а их идеалами становятся летчики-герои Покрышкин и Кожедуб. Башкирские школьники гордятся к тому же своим земляком дважды Героем Советского Союза Мусой Гареевым.

Минувшая война доказала всему миру, какую мощную и грозную силу представляет собой военная авиация. Авиация же требовала здорового и сильного пополнения.

Поэтому в СССР большое внимание уделялось пропаганде и развитию спорта. Увлечение им приветствовалось и всячески поощрялось. Именно этим течением и занесло в авиацию ученика девятого класса школы № 9 Рами Гарипова, боготворившего известных на всю страну героев. Только он относился к профессии летчика иначе, чем другие.

Отказ Рами от поступления в училище озадачил преподавателей аэроклуба. Неужели это тот самый парень, который до пяти раз в день прибегал в клуб, чтобы узнать, когда его туда возьмут, и успешно учился? Но все дело в том, что ко всему прочему он писал стихи. Можно было бы, конечно, совмещать эти оба занятия. Только Рами настолько любил литературу, что не желал заниматься ею как бы между прочим. Он посвятит ей всю свою жизнь. После школы поступит в институт, чтобы получить образование. Рами видит в поэзии смысл своего существования, собираясь посвятить ей всю жизнь. И отношение к ней он ни за что не изменит.

Тогда для чего ему нужен был аэроклуб? Стоило ли мучиться, пробираясь на аэродром через глубокие сугробы, а летом месяцами пропадать там, кормя комаров? Для чего были сотни вылетов на самолете и беспрестанные учения и упражнения?

Вопрос резонный, но кому из нас не хотелось взглянуть на землю с высоты птичьего полета? Почему бог не дал птицам руки, а людям — крылья? Сколько раз мы летали во сне. Так ведь это же не значит, что каждый, кто летал во сне, должен становиться летчиком.

Но Рами Гарипов был, по-видимому, из тех, кому было мало парить во сне. Он также не хотел довольствоваться представлением об ощущениях, описываемых летчиками, и решил их изведать сам. Рами должен был летать не только в мечтах, но и наяву. Это горячее желание как раз и привело его в аэроклуб. Поэта влекла не столько романтика, сколько интересовала философия полета. Он желал собственными глазами обозреть простор, открывающийся с высоты, и постичь суть состояния, которое мечтает испытать человечество на протяжении тысячелетий.

Строчка «Попробуй-ка в мыслях взлететь выше, чем Коккинаки» из написанной еще до войны коллективом авторов поэмы «Орденоносный Башкортостан» хорошо передает дух поэзии того времени и позволяет лучше понять настроения решительных и дерзких парней. Превзойти в 30-е годы знаменитого советского летчика Владимира Коккинаки, которому удалось поставить мировой рекорд по высоте, казалось нереальным.

В любую эпоху молодыми людьми движут всевозможные соблазны, увлечения, желание острых ощущений. Куда их только ни манит и ни заносит. Вот и Рами, поддавшись порыву своей души, добился своего и теперь парит в воздушном пространстве над землей не в мечтах, а в реальности.

Отсюда, из самолета, взору открываются такие широты и дали. Внизу раскинулись плюшевые поля, а рядом с Уфой извивается красавица Агидель — все как на ладони. И сколько бы раз ты ни поднимался в небо, не перестаешь восхищаться завораживающей взгляд красотой. В такие моменты небесная стихия овладевает всем твоим существом, и ты уже начинаешь сомневаться в правильности своего решения.

«А почему бы мне не стать летчиком?» — в последнее время Рами частенько задается этим вопросом. Выходит, что силой притяжения обладает не только земля, но и небо. Оглушенный впечатлениями от самого первого полета, он назвал принявшее его в себя безграничное голубое пространство «пятым океаном». Только на поверку оказалось, что есть еще одна стихия, сила притяжения которой может иной раз превосходить земную и небесную. Это поэзия. Так что юному пилоту пришлось отступить перед начинающим поэтом.

В общем, как ни пытались преподаватели аэроклуба завлечь курсанта Гарипова в большую авиацию, тот был непреклонен, убежденный в том, что ему нужно окончить институт и посвятить свою жизнь делу, которому был предназначен.

Определенную роль в охлаждении Рами к профессии летчика сыграло и зрение, которое стало ухудшаться еще до принятия его в аэроклуб. А причиной тому, вероятнее

всего, было постоянное чтение, которым он зачастую занимался при скудном освещении. Проходя комиссию, Рами каким-то образом ухитрился скрыть свой недостаток и лишь одному из самых близких друзей Миннулле Давлетбаеву, приехавшему в Уфу из аула Тумансы Мелеузовского района учиться музыке, осмелился признаться: «Даули, у меня глаза не в порядке». Так что, рано или поздно, этот изъян непременно выявился бы и закрыл бы ему дорогу в авиацию. Но даже при отличном зрении и отменном здоровье он вряд ли пожертвовал бы поэзией ради возможности летать. Да и поэзия сама не отпустила бы его от себя. И в самом деле, какие бы сферы ни привлекали Рами, творчество и литература всегда оставались для него самой заветной целью и манящим к себе ярким маяком. Такая уж у него была судьба.

В клуб авиаторов Рами Гарипова привели не только мечта и юношеская любознательность, но и желание испытать в необычных условиях силу своего характера и воли, стремление познать неизведанное (дух). Сколько раз эти потребности заставляли его подниматься в небо. Пока взор наслаждался даже не сновшимися ему прежде красотами, душа трудилась, постигая смысл бытия. Новые ощущения и впечатления наводили юношу на размышления о величии жизни и гениальности человеческого разума, а результаты постижения разных граней жизни откладывались в его мозгу семенами, которым предстояло в будущем дать хорошие всходы в творчестве.

Полеты наяву пока еще не привели молодого литератора к каким-либо открытиям и достижениям. И хотя за последние месяцы написал он немало, до вершин поэзии было еще очень далеко. Чтобы стать настоящим поэтом, ему предстояло упорно трудиться, искать, постигать секреты творчества. И тем не менее, созданные Рами Гариповым «Записки пилота» ценны для нас тем, что воспроизводят фрагмент его личной биографии и одновременно передают состояние души большинства молодых людей того времени.

Рами переживал новый жизненный этап. У каждого явления есть своя пора, начало и конец. Однажды наступает момент, когда тебе приходится покинуть родную

деревню, отчий дом, семью. Но когда-нибудь кончаются и странствия. Проходят увлечения. Прекращаются полеты в лазурной небесной выси, ты прощаешься с мечтой об авиации. И уже недалек тот день, когда придется расстаться со школой и с учителями. Одноклассники и друзья разбегутся и разъедутся кто куда.

Только поэзия никуда от тебя не денется, и не будет от нее покоя ни днем, ни ночью. Творческий процесс бесконечен, поиски продолжаются.

Даже будучи курсантом аэроклуба, Рашид не расставался с дневниками. К его записям прибавились описания впечатлений от встреч с писателями, с которыми он был лично знаком: с Кадыром Даяном, Максудом Сундукле, Мухитдином Тажи и прочими.

Юноша учился критически воспринимать произведения даже признанных авторов. Он умел уже видеть недостатки и старался фиксировать свои очень дельные замечания. В то же самое время у молодого литератора тоже имелись слабые стороны. Он, как и большинство современников, не был свободен от догм, эстетическое невежество сдерживало его духовный рост. Вот что Рашид записал в дневнике о своем любимом поэте в дни, когда ликовал по поводу того, что успешно прошел комиссию в аэроклубе: «Сила Саляма не только в его природном таланте, но и в таланте, которым наделила его правдивая и дальновидная марксистская теория» (17.10.49). По канонам советского литературоведения того периода это были очень правильные слова. И в дальнейшем, чтобы избавиться от такого рода догм, Рашид Гарипову придется пересматривать свои взгляды, производить их основательную «чистку».

Занимаясь поисками ответов на самые животрепещущие вопросы и нужных слов для своих стихов, он то и дело обращался к Максиму Горькому — главному для него авторитету. Очень интересен диалог юного поэта с его кумиром, записанный им 8 апреля 1949 года. Это был весьма оригинальный способ высказывания собственных мыслей о проблемах литературы и литературного творчества. Рашид знал, что диалог с великим писателем ко многому его обязывает, и все же дерзнул. Но очень скоро он убедился

в том, что для умелого ведения дискуссии решительности и смелости недостаточно. От него требовались, в первую очередь, познания и искусство выражать свое мнение. Этими качествами Рами, несмотря на юные лета, в какой-то мере обладал. Вместе с тем ему не хватало опыта и мешали шоры на глазах, кои представляли собой законы того времени.

К сожалению, впоследствии к диалогу с Максимом Горьким Рами Гарипов уже не возвращался. Если бы он продолжал практиковать этот прием, то с годами у него собралась бы внушительная коллекция оригинальных суждений о литературном творчестве.

ПОЧЕМУ ЖЕ ТАК МУЧИТЕЛЬНА ЛЮБОВЬ?

Заведенный в апреле 1946 года дневник, первая страница которого украсилась восторженной записью Рами по поводу вступления в комсомол, регулярно пополнялся описаниями разных событий, его комментариями и рассуждениями. Работа над путевыми заметками «В донских степях» способствовала тому, что юноша стал лучше понимать историю и судьбу своего народа. А в «Записках пилота» он живописует мир с совершенно необычного ракурса — с небесных высот. Темы авиации никто из башкирских литераторов до него не касался.

Каждый год был примечателен для Рами каким-нибудь большим событием. Если по окончании восьмого класса ему посчастливилось с группой башкирских школьников участвовать в исторической экспедиции по следам героической дивизии, то в девятом он, благодаря своему упорству, смог покорить небо, что заодно помогло ему проверить себя и окончательно утвердиться в решении посвятить свою жизнь служению башкирской литературе. В десятом же классе Рами пережил такую бурю, о чем можно было бы написать целый роман.

Жизнь подвергала его разным испытаниям. Все время находились какие-то поводы как для радости, так и для уныния. Чем больше он видел нового, тем любознательнее

становился. Чем больше узнавал, тем сильнее тянулся к знаниям. При этом многое приходилось фиксировать. И тем временем дневники Раши превращались в разрозненные части будущего романа, с названием которого он определился еще в девятом классе: «Грозовая юность». «Я его напишу», — заявляет автор без тени сомнения. Если бы у юноши не было такой уверенности, он не перевернул бы тогда горы книг и не смог бы создать всего того, что создал.

Много ли можно привести примеров, чтобы старшеклассник на протяжении нескольких лет скрупулезно, шаг за шагом, описывал все, что с ним происходило? Разумеется, Раши был не единственным среди сверстников, кто в школьные годы вел личный дневник. Но в том-то и дело, что речь идет не о простом ученике, а о человеке творческом, о его наблюдениях за литературным процессом, о формировании его мировоззрения и принципов, о приобретении первых опытов, в том числе опыта общения с состоявшимися писателями. Для башкирской литературы того периода это был, пожалуй, исключительный случай.

Говоря о юношеских дневниках известных личностей, следует в первую очередь упомянуть тетради Шайхзады Бабича, который с малых лет тоже вел записи. Готовя к изданию книгу воспоминаний о нем современников, я написал об этом факте во вступительной статье и теперь позволю себе повториться, чтобы подчеркнуть некоторые моменты.

В 16-м номере журнала «Яналиф» за 1929 год вышла статья Гумера Тулумбая «Первые шаги Бабича» о тетрадях поэта, которые были найдены незадолго до этого. Невозможно читать без боли то, что в ней написано: «У Бабича было довольно много дневников. И если даже допустить, что значительная их часть сохранилась, отыскать удалось пока лишь одну тетрадь. Она была написана в начале сентября 1913 года и представляет собой двенадцатую часть тех дневников. Место написания — Казахстан».

Насколько радостная находка, настолько горькие потери! По свидетельству Сайфи Кудаша, одного из современников Бабича, тот вел дневники, начиная с десятилетнего

возраста до самой смерти. А Шакир Сабиров, односельчанин Шайхзады, вспоминал, что он занимался этим, беря пример со своего отца, из чего следует, что до тетради, датированной 1913 годом, было одиннадцать. И нам остается только гадать, сколько поэт написал потом...

К Гумеру Тулумбаю дневник попал через Фатиха Карима, побывав до этого в руках Мирсая Амира*. Судить о его содержании мы можем лишь с его подачи. Самого же оригинала, к сожалению, уже нет.

Бабича мы знаем как удивительную личность, представлявшую собой целый мир. А если бы сохранилось все его творческое наследие, этот мир был бы более масштабным и многогранным, вызывая у нас еще большее восхищение.

Из приведенных Тулумбаем фрагментов дневника Бабича мы узнаем, что читал поэт о том, как, живя среди казахов, собирал их фольклор, какие у него были привычки, как он вел себя, подшучивал над своей внешностью.

При чтении возникает ощущение, будто слышишь голос самого поэта. Еще бы, ведь дневники — это непосредственные очевидцы происходящего с человеком в разных ситуациях. Дневник — самый близкий друг, которому поверяются сокровенные тайны. Нет никого терпеливее, и никто другой тебя не поймет так, как он. Такие уникальные документы являются бесценными реликвиями. И это большая удача, когда они сохраняются.

В лихие годы тетради Ш. Бабича были безвозвратно утеряны. Уцелел всего лишь один дневник — малая частица его наследия. В конце 20-х годов прошлого столетия, как мы уже знаем, он оказался по воле случая в руках Тулумбая, который успел его прочесть и написать о нем. Да вот, к сожалению, автор статьи стал жертвой политических репрессий, а тетрадь бесследно исчезла.

Что касается школьных и студенческих записей Рами Гарипова, то они сохранились, к счастью, полностью. В детстве мальчишке из Аркаула наверняка приходилось слышать о Шайхзаде Бабиче, но только не как о великом

---

* Татарские писатели Фатих Карим и Мирсай Амир были уроженцами Башкортостана.

башкирском поэте, а как о враге народа. И когда он решил завести дневник, даже не подозревал, что принимает от кого-то эстафету, продолжает прервавшуюся некогда традицию.

Рами со всей серьезностью относился к этому занятию, во всех подробностях описывая свои будни и праздники, переживания и радости. К тому же он был настолько дотошен, что не ленился иной раз набело переписывать черновые места. Педантичность Рами Гарипова проявлялась также и в том, что он считал необходимым прилагать к своим дневникам кое-какие письма, пригласительные билеты и тому подобное. Причем делалось это регулярно, за счет чего у него скопилось в итоге несколько десятков тетрадей разной толщины. Сколько же мыслей и чувств, времени и энергии материализовано в них!

Подобное наследие — довольно редкое приобретение не только для башкирской, но и для мировой литературы. Во-первых, далеко не все авторы практиковали такой своеобразный вид творчества, и он не стал традиционным. Во-вторых, даже то немногое, что оставили после себя наши литераторы, было безжалостно уничтожено в конце 30-х годов, за исключением лишь отдельных записей Саяма и Мухамедьярова, которые появлялись в печати. И, наконец, в-третьих. Известны случаи, когда некоторые из башкирских писателей вели дневники, начиная с 40-х годов прошлого века. Сохранилось также немало переписки. Только пока эти материалы, находящиеся в личных, семейных архивах не востребованы — не изучены и не опубликованы. К тому же нет среди них дневников, которые бы велись со школьных лет и отображали бы самое начало литературной деятельности, сопряженное с творческими исканиями. Поэтому мы должны с особым трепетом относиться к тетрадям Рами Гарипова, представляющим собой уникальнейшее явление башкирской литературы. В начале 80-х их изучил Гайса Хусаинов. В его публикации «Личность поэта»^{*} читатель может найти много интересной и полезной информации.

^{*} Хусаинов Г. Замана. Уфа, 1988. С. 217–243.

Описываемые в гариповских дневниках события не придуманы. Все факты достоверны. Имена — тоже. Лишь изредка Рами менял их в силу каких-либо причин. Когда он писал о конкретных лицах, то старался руководствоваться этическими соображениями. «Из-за того что они сейчас в опале, мало портретных характеристик», — то и дело замечает он и даже помещает эти слова на обложке одной из тетрадей. С 1949 года он называл свои записи — ни много ни мало — «Частями будущего романа». Но под конец от «Грозовой юности» останется лишь «Юность», а сам автор из «Бабая» превратится впоследствии в Рами Салаватского.

В канун последнего встречаемого в школе Нового года он торжественно выводит на обложке «Грозовой юности» надпись «1950 год нашей эры». Среди сочиненных им в те же дни стихов есть строфа, где он пишет о «золотом двадцатом веке», который нынче делится «ровно на две половины». Это новогоднее поздравление в стихотворной форме содержит общие фразы, но оно запоминается тем, как широко представляет автор течение времени. Он как бы предчувствует, что в этот переломный год в его жизни будут бури и грозы, причиной которых станет безнадежная любовь — грустное безответное чувство.

Счастливой любви, наверное, больше, чем неразделенной. И дружные семьи, где подрастают замечательные детишки, — тому свидетельство. Зато литературные произведения, какой жанр ни возьми, являются в основном порождением несчастной любви. Кто-то заметил, что человек, потеряв деньги, петь о том не станет, а вот влюбленный, которому не отвечают взаимностью, воспекает свои страдания. Можно потерять любимого человека и при этом не лишиться любви к нему.

Школьная страсть Рами так и осталась неразделенной, но ее пламя еще долго бередило его душу. Измученный ею, он проводил ночи без сна, осунулся и стал чахнуть на глазах. Будучи принципиальным и прямым по своей натуре, Рами Гарипов не боялся резать правду-матку в лицо, а в присутствии любимой девушки нередко терялся и робел. Испытываемые к ней чувства он доверял письмам

и стихам, поговорить же откровенно, глядя ей прямо в глаза, не хватало смелости. Свое состояние Рами старался скрыть даже от близких товарищей. Между тем не только друзья знали причину его страданий, но и многие другие. И ни для кого из них не было секретом, что в «Грозовой юности» в образе Вахита он вывел себя, а под именем Айхылыу показал Марият.

Как же соотносились между собой в его первом сильном чувстве мечта и реальность? Любовь Рами была, разумеется, искренней. Но не слишком ли он идеализировал ее объект? Может быть, парнишка чересчур высоко воспарил на крыльях своих мечтаний, оторвавшись от действительности, и витает в облаках? Такие вопросы вполне уместны, когда речь заходит о любви, и особенно о первом глубоком юношеском чувстве. Увы, можно привести сколько угодно примеров, когда без памяти влюбленные возносят любимых на пьедестал и, даже если те далеки от идеала, приписывают им несуществующие достоинства, наделяют всеми лучшими качествами, совершенно не замечая недостатков. Конечно, не стоит уподобляться авторам некоторых старинных манускриптов или ученым, считавшим это чувство чем-то вроде душевного заболевания. Признать это — значило бы лишить творческого человека источника вдохновения для создания прекрасных произведений искусства.

Без пяти минут выпускник школы Рами Гарипов готов был ради своей любви на все — пойти в огонь и воду. Какую бы из тридцати частей «Грозовой юности» мы ни открыли, каждая звучит как ода обожествляемой автором Марият-Айхылыу. Двадцать с лишним страниц сплошь исписаны стихотворными строками. В них не встретишь каких-либо оригинальных мыслей, да и чувства не очень-то убедительны. Их захлестывает словесный поток, поскольку влюбленный не находит нужных слов. На это у него не хватает ни времени, ни терпения. Если уж Рами, который умел держать себя в руках, потерял выдержку, покой и сон, нетрудно понять, какое пламя бушевало в его душе.

Он восторгался каждым движением девушки, вспоминал о ней всякий раз, когда брел по дорожке, по которой

они проходили вместе. Бережно хранил и очень часто разглядывал ее фотографию, пытаясь себе представить, чем она занята в данный момент. Бывало, на него находила то беспричинная грусть, то беспричинная радость.

«Вахит долго сидел.

Когда он, закончив работу, вышел в коридор, чтобы пройти в свою комнату, внимание его привлек стол, за которым рядом с ним два часа тому назад сидела Айхылыу... Вахит неожиданно улыбнулся, достал из кармана ручку, схватился за стул девушки и, наклонив его, написал на нижней стороне сиденья: “1 марта 1950 года, А...” Сделав это, он подумал: “Когда-нибудь я покажу это Айхылыу и скажу, смеясь: “Это самый дорогой на свете стул!” Внимательно осмотрев его, чтобы хорошенько запомнить, Вахит пошел наверх, напевая потихоньку песенку из спектакля “Галиябану”:

*Рубашку из белого ситца
То надену я, то сниму.
Оттого что любимая не со мной,
Страдаю я и горю...*

Через десять дней Вахит и Айхылыу отправились на выборы. Они вдруг встретились, как гражданин и гражданка, и в мгновение ока расстались. “Хорошо еще, что есть алфавит! В списке мы оказались рядом! — радовался Вахит. — Только жалко, что не разрешается голосовать вдвоем. Ох, уж эта демократия!” — с усмешкой подумал он».

Искренняя вера, возвышенные мечты влюбленного романтика уживаются в нем с высокими духовными требованиями максималиста и с беспощадными вопросами, обращенными к самому себе: «Не погублю ли я, ненормальный, Айхылыу? Не обволокут ли ее счастливые дни рядом со мной черные тучи? Ведь жизнь у меня будет совсем не такой, как у других. Почему? Да потому что я буду трудиться без передышки. Таково веление судьбы. Сможет ли она меня понять? Не станет ли упрекать в равнодушии? Сколько же ей потребуется терпения, выдержки

и воли!.. Сколько!.. Нет, я уверен, что она будет меня понимать. Потому-то я и лелею ее образ в своем сердце. Только она способна меня понять! Ей и самой будет приятно видеть, как я, представитель молодого поколения, отдаю всего себя борьбе во благо человека за строительство прекрасной жизни, как честно и самоотверженно тружусь во славу партии. Скучать и грустить ей не придется».

Несмотря на то что героев зовут Вахит и Айхылыу, здесь каждая строчка навеяна чувством Рами к Марият. И то, что в списке избирателей их фамилии оказались рядом, — вовсе не выдумка, так было на самом деле: Гайсина Марият, Гарипов Рами.

Ну а то, что молодой человек демонстрирует идейную подкованность, употребляя такие громкие слова, продиктовано ему не свыше. Рами свято верит в то, что вкладывает в уста своего героя. Его взгляды и убеждения, представлявшие собой результат постоянных внушений, масшированной пропаганды, формировались на протяжении всех десяти лет ученичества. А примером, образцом для подражания, как в жизни, так и в любви, служил ему образ Павки Корчагина. Одной из самых почитаемых им книг был роман Николая Островского «Как закалялась сталь». И частенько собственные мысли Рами подкреплял переписанными из нее цитатами. Не пропускал он также стихов, которые были созвучны испытываемым им на переломе века чувствам.

На обложке одного из дневников того периода можно видеть такую надпись:

XXII («том»). 1950 (4).

«Грозная юность».

(«роман»).

Дневниковые записи.

Рами Гарипов.

9 января, 1950.

Вдумаемся, что стоит за этими числами. Новый год едва начался, еще только 9 января, а Рами уже успел исписать три тетрадки, в общей сложности — семьдесят два листа. Закончив четвертую, сорокастраничную, 15 января

он принялся за новую, в которой было уже сто семьдесят страниц. И до того, как начать 27 января шестую тетрадь, менее чем за месяц Рами написал, судя по данным на обложке, двести десять листов. Здесь, кроме текста, есть новые стихи, письмо Гайнану Амири, негативная оценка состоявшейся в редакции беседы, впечатления от других встреч и прочая информация.

Вот с какой скоростью и размахом творил влюбленный по уши джигит! Казалось бы, ни на что другое у него уже не должно было оставаться времени. А ведь этот зимний месяц состоял не только из каникул. После них нужно было снова впрягаться в учебу и школьные дела. И чем бы Рами ни занимался, куда бы ни ходил, повсюду за ним следовал образ любимой девушки. Друзья и учителя были обеспокоены его худобой. А если бы они сами были на его месте...

Как и большинство влюбленных, Рами идеализировал обожаемую им девушку и, в то же самое время, будучи верным сыном своей эпохи, был готов принести любовь в жертву политическим идеалам. Кто знает, может быть, юношеский максимализм, заставлявший его требовать от окружающих слишком многого, как раз и спугнул птицу счастья. Или, уносясь мыслями в запредельные дали, молодой человек напугал возлюбленную заумными рассуждениями, непостижимыми для разума простого смертного. Очевидно, девушка решила, что недостойна его. Быть может, ей были нужны нормальные человеческие отношения, хотелось услышать старые, как мир, и понятные всем слова. Ведь какой бы крылатой ни была любовь, корни ее в земле. И пусть мечты наши беспредельны, жизнь вносит во все свои коррективы, устанавливая, где ей надо, рамки и границы.

Можно строить какие угодно версии. Но Рами пока не вникает в эти тонкости. Человек, сердце которого сжигает огонь любви, не в состоянии мыслить трезво и вести себя хладнокровно. Как же ему разобраться, где правда, а где вымысел?

В любви Рами искал себе, прежде всего, единомышленника и задушевного друга, он мечтал о верном спутнике,

который бы понимал его не только с полуслова, но и по взгляду. Еще вчера юноша был почти уверен, что его возлюбленная чувствует столь же искренне и мыслит точно так же, как он. Но сегодня все перевернулось: казавшийся таким близким человек стал вдруг чужим, лучившиеся прежде глаза смотрят на него с ледяным равнодушием. И это повторяется уже в который раз. Похоже, девушка отвергла любовь Раши, растоптала его надежды. Почему же любовь столь мучительна и жестока?!

В душу молодого человека невольно закрадывается подозрение, что Марият полюбила другого. Решив, что он лишний в образовавшемся треугольнике, Раши говорит себе: «Значит, я должен уйти со сцены!» Однако вскоре подозрения его рассеиваются, и мир вновь озаряется светом и радостью. Он любит и думает, что любим. Но это блаженное состояние продлилось недолго, вновь уступив место мучительным сомнениям: «Что-то не очень верится. Чую, что эта любовь закончится ничем». И все же Раши продолжает тешить себя надеждой:

*Я поверил бы, если б сказали,
Что море высохло и теперь без воды.
Но словам, что любовь проходит,
Не верю. Нет дна у глубокой любви.*

Но потом, несмотря ни на что, наступил момент, когда мечты его рухнули и железная воля пошатнулась. То ли он сам не сумел как следует объяснить девушке, насколько сильны его чувства, то ли она демонстрировала безразличие в ответ на его многократные признания — так или иначе, но история эта имела печальную развязку и могла даже кончиться трагедией.

В апреле 1950 года в интернате произошло ЧП: пропал Раши Гарипов! Все сбились с ног. Где только его не искали, в каких местах не побывали за несколько дней его отсутствия. Всю школу лихорадило.

Раши совершил довольно безумный, однако не такой уж необдуманный поступок, о чем можно судить по следующим строфам:

*Напрасно искал я большой любви,
Мне уже не найти такой.
Неужто чистые чувства мои
Похоронят вместе со мной?*

*Так пусть же горем-злосчастьем моим
Будет к счастью услан твой путь.
Вот так я ненавистью вместо любви
Наказан за нежность свою.*

Ниже он приводит слова из Пушкина «Пускай умру, но пусть умру любя» и заканчивает свое стихотворение так:

*Сердце твое превратится в лед,
Пылью стану я для тебя.
С жизнью расстаться мне суждено.
Пусть так, зато я умру любя.*

«Эх, Айхылыу!..» — этим полным укора обращением Рами предваряет свои стихи, а под последней строчкой пишет: «Эх ты, Айхылыу! Даже твоя ненависть мне любя!..» Сколько подобных признаний разбросано то тут, то там по страницам дневника! И сквозь эти слова слышится горестное восклицание: «Ах, Марият!»

Этим стихам предшествуют переведенные им на башкирский язык строчки из популярной в те годы песни Степана Щипачева:

*Мөхәббәт ул
Якшы йырга окшаш,
Еңел түгел йырзы сыгарыу*.*

Перевернув страницу, мы увидим полностью приведенное стихотворение «Нищий». Рами переписал его под впечатлением сделанного им открытия, насколько выраженные в нем чувства созвучны его личным переживаниям.

* Любовь с хорошей песней схожа,
А песню нелегко сложить.

Далее следует комментарий: «Эти стихи принадлежат Лермонтову. Мы с ним одинаково чувствуем. Только между нашими литературными судьбами огромная разница, как между каплей и целым океаном». В припадке отчаяния на память молодому влюбленному приходят строки из Пушкина и Лермонтова. Ссылаясь на их слова, он как бы оправдывается перед самим собой за то, что собирается осуществить.

12-13 апреля жизнь Рами была, что называется, на волоске: «Стыдно об этом писать. Вот и не стану этого делать (две строчки перечеркнуты. — Р. Б.). До какой же мерзости я дошел. Вернулся из Бугуруслана. Весь детдом гудит. Меня обыскались. Сколько же беспокойства причинил я воспитателям... но иного выхода не было. Я знал, что у меня ничего не получится и все же сорвался... Думаю, что как-нибудь справлюсь со своими чувствами к тебе, с годами смогу потушить их. Ты чиста душой. У меня нет права тебя любить. Я не позволю себе погубить тебя собою. Пускай меня поскорее выгонят отсюда. Да, как можно скорее. Не хочу позорить свою школу».

Читая эти строки, невольно вспоминаешь слова Баби-ча: «Говорят, что я избалован, что испорчен и горяч, а грех мой — пыль, зато кара — как гора!» Для поэта самобичевание страшнее безвинного наказания.

Пройдет некоторое время, и Рами, оценив написанное им тогда новым взглядом, добавит: «Сколько слез я тогда пролил».

На другой день после покаяния юноша с горечью пишет: «Никому на земле не желаю испытать таких страшных мук, какие испытал я в те дни. Не стоит их описывать. Кому это нужно. Даже при воспоминании о том, что я пережил, у меня волосы встают дыбом. Я не ел. Не спал. Прижавшись грудью к буферу, я сотни километров проехал, свесившись вниз. Застудил ноги. Превратился в щепку. Но это ничто по сравнению с душевной болью. И пусть никому не придется изведать то, что изведал я, потерпев крушение после стольких лет безумной любви. Пусть я буду первой такой ее жертвой и последней».

Увы, Рами — не первый и далеко не последний, кто терял голову из-за любви. Видно, это заложено в природе человека — взрывы страстей, которые способны породить такие великие произведения, как «Страдания молодого Вертера» Гете. Для одних подобные испытания оборачиваются целой трагедией, а других они закаляют.

Но почему же все-таки так мучительна любовь?

Привыкший побеждать, Рами, едва не ставший жертвой своего большого чувства, все равно вышел победителем. Пронесшийся ураган изрядно потрепал его, но не вырвал с корнем. Душа молодого человека ранима, так ведь и раны в юности затягиваются гораздо быстрее. Следы от глубоких ран остаются, конечно, на всю жизнь, но боль утихает достаточно быстро.

В преддверии 20-й годовщины со дня смерти Маяковского Союз писателей решил провести вечер его памяти. Рами не стал пропускать это мероприятие, хотя желания общаться с кем бы то ни было у него не было. Несмотря на это, ему все же пришлось поговорить с Гайнаном Амири. Тот сам подсел к нему и, пожав руку, пригласил к себе домой.

Мастерское исполнение стихов Маяковского со сцены произвело на юношу неизгладимое впечатление. Такое же мероприятие состоялось и у них в школе. Рами согласился выступить и прочитал посвящение поэту собственного сочинения. Ребята и учителя шумно поздравляли его с успехом. У парня, который еще совсем недавно хотел свести счеты с жизнью, будто заново отросли крылья: «О люди, бывают же люди, которые переживают за тебя всем сердцем!.. Так стало приятно на душе, и я все парил и парил над землей!..»

Весенняя буря утихла, жизнь постепенно вернулась в свою колею. И то, что молодой человек уже спокойнее относился к отшумевшим «апрельским событиям», чувствуется по его стихам.

*Как доверчив я был. Как верил,
Верил взглядам нежным твоим.
И отравлен я был ими...
Дал в беду себя я вовлечь.*

*Даже радостью малой и той
Хотел я делиться с тобой.
Но увидев, как ты холодна,
Я решил стать жертвой огня.*

Такого рода строфы, каковых в его записях немало, не выстроены в единой последовательности. Их объединяют испытываемые автором чувства, что придает его творчеству новое звучание. Если раньше в стихах Рами преобладала патетика, то теперь он привносит в них вдумчивость, неторопливость. Его четверостишия напоминают восточные рубаи. Не исключено, что это результат влияния «Семи планет» Алишера Навои. Настал момент, когда юноша решил поделиться с окружающими тем, что скрывал доселе в потаенных уголках своей души. Он стал более откровенным.

4 мая Рами побывал у Гайнана Амири. Его поразило не только обилие книг в доме поэта, но и дружеское расположение, желание помочь, а также рассказ хозяина о его большой и в то же самое время несчастной любви. Амири сказал ему: «Думаю, тебе суждено стать в нашей литературе очень примечательной личностью». Эти, ко многому обязывающие, слова заставили молодого человека всерьез задуматься. Он дарит на память старшему товарищу стихи, в которых тот выделил следующую строфу:

*Я мог бы счастливым себя считать,
Будь моей спутницей Марият.
Не суждено мне, видно, вновь
Изведать такую большую любовь.*

Амири сказал, что стихи его прекрасны и пожелал юному другу, чтобы связь его с возлюбленной была такой же крепкой, как между рифмами. «Пускай она всю жизнь будет тебе помощницей и отрадой. И важнее всего, чтобы она понимала, каким великим и непростым трудом приходится тебе заниматься».

Дневники, которые Рами вел исключительно для себя, он решил дать почитать другим. Ему важно было услышать чужое мнение о своих записях, представлявших собой

заготовки будущего романа, и он скрупулезно зафиксировал отзывы. В основном они были положительными. Были высказаны также пожелания, и не обошлось без некоторых замечаний.

«Твое настоящее чувство, как и ни с чем не сравнимая любовь к родине, которые заставляют тебя постоянно стремиться вперед! способны вдохновить и твоего читателя (я имею в виду себя), придать ему силы и энергии. Твой друг Рафаэль Сафин. 18.05.50».

«Рамиль! Будь твердым, решительным, стойким, справедливым и морально выдержанным. Желаю успехов! 2.06.50». — Подпись неразборчива, но рядом — сделанная рукой приписка «Воспитатель».

«Рамиль, я увидел, как в героях твоего романа формируются лучшие моральные качества, присущие только советским людям... твой друг Ренат. 1.08.50».

«Рамиль! Я с большим интересом прочитала написанное тобой. Все дышит любовью к жизни, труду и к народу... Сагира. 6.08.50».

«Рами! В том, что ты написал, ощущается любовь к жизни, труду и к народу... Вместе с тем нужно сказать: многовато нытья. Долгое непонимание не дает сразу раскрыть образ Айхылыу. Асхат. 8.12.50».

Даже по этим небольшим выдержкам можно судить о свойственном людям той эпохи мышлении. А насчет нытья Асхат Ашрапов верно подметил.

Ценные советы Рами получил от Мусалии Хайруллиной. Она написала ему по-русски: «Свой мир внутренний, свои чувства ты подчини разуму. Слишком много сентиментальности. И в этом вопросе будь решителен, объяснись, требуй и т. д. Робкое молчание что тебе дает? Если ты будешь все таить в себе, ты скоро станешь рабом своего чувства. А ты удовлетвори это чувство, поступай решительнее. Может быть, это простое заблуждение. Если бы ты добился своего, скоро бы наступил момент разочарования. Ничего не поделаешь, такова природа человеческая. Желаю тебе успеха в учебе, в труде и в личной жизни. Твоя учительница Г. М. Хайруллина. 13.05.50».

К ее пожеланиям Рами сделал такую приписку: «Мусалия Галиевна! Какой это прекрасный Человек. Да, я очень

мало о ней написал. А ведь она достойна самого большого уважения! Не научился я пока ценить людей».

Ее отзыв оказался самым толковым среди тех, что были ему высказаны. По нему видно, что Мусалия Хайруллина была не только замечательным, талантливым учителем, но и тонко разбиралась в природе человека.

Представив свою «Грозную юность» на суд окружающих, Рами Гарипов как бы подвел черту под одной из драматических историй своей жизни. И, несмотря на то что буря в его душе улеглась, он помышляет о продолжении романа.

Забегая вперед, следует сказать вот о чем. В августе 1950 года Рами счел необходимым дополнить последнюю тетрадь из серии «Юность», которая к тому времени уже не была «грозовой», вступлением и эпилогом. Предисловие выглядело так: «Моему читателю. Дорогой читатель! В твоих руках вторая книга романа “Юность”. Если в твоём горячем сердце бушует пламя юности, ты можешь ее прочитать. Если же ты взял в руки эту книгу просто так, от нечего делать, и ко всему безразличен, лучше отложи ее. А захочешь жить этим, то читай, думай, чувствуй вместе со мной, побеждай, будь открыт, внимательно вчитывайся в каждую строчку. Я был бы только счастлив от этого».

В послесловии «От автора» говорится об Айхылыу и Вахите: «Возможно, им не придется видеться много лет. Но любовь их не кончится. Они еще встретятся... А о том, что будет с ними дальше, ты, мой читатель, сможешь узнать, ознакомившись с продолжением романа. Верь, я постараюсь, чтобы это произошло как можно скорее. Рами Салаватский. 1950 г. Горький (Н. Новгород), Сормово, Волга». Это значит, что Рами действительно собирался работать над продолжением.

К своим записям он относился неоднозначно, иногда называя их «материалами для второй книги», но чаще — романом. Чем это можно объяснить — неопытностью или неуверенностью юного автора?

Разумеется, написанное им не может считаться романом. Это всего лишь заготовки, которые, к сожалению, так и остались невостребованными. Они негодились в качестве основы для создания романа или произведения

какого-либо другого жанра. Но тем не менее определенная польза от них была. Для Рами был важен сам процесс, приучивший его к самодисциплине, к систематической работе, и способствовавший приобретению им опыта, ибо занимаясь этим, он старался выйти за рамки самодеятельности, стремился к профессионализму.

Последние страницы «Грозовой юности» были написаны летом 1950 года. Сладостные муки неразделенной любви Рами Гарипова постепенно уходили в мир грустных воспоминаний.

ПОСЛЕДНИЕ ЭКЗАМЕНЫ

А жизнь тем временем шла своим чередом. Даже сильные чувства, завладевшие всем существом молодого человека, не смогли отвлечь его от любимого занятия, заставить отказаться от творчества. Рами считал, что не только любовь должна была связывать его с суженой, но и общие интересы и цели. Он хотел, чтобы его девушка тоже любила читать и стремилась к знаниям.

Чем больше Рами узнавал и шире становился его кругозор, тем выше поднимал он планку требований к себе. С каждым днем он ощущал в себе все большую потребность в новых знаниях, в совершенствовании и духовном росте. Подтверждением тому может служить эта строфа:

С каждым разом все больше я понимал,

Что постичь мне всего не дано.

Мне казалось, я до небес выросстал,

А топтался на месте одном.

У Рами сложилась парадоксальная ситуация. Поклоняясь наукам, как Аллаху, ни при каких обстоятельствах не расставаясь с книгой, он в то же самое время игнорировал некоторые школьные предметы и не успевал по математике. А впереди — ответственнейшая пора выпускных экзаменов. Обеспокоенное возникшей проблемой руководство школы было вынуждено прибегнуть к радикальной мере, предложив разобрать персональное дело Рами

Гарипова на заседании бюро комсомитета. В нем приняли участие директор школы Сажид Зайлалова, заведующая детдомом Юзефа Матвеевна, комсорг Шакир Янбаев и одноклассники Рами. Из райкома пришла Хэжэр-апай, которая ездила вместе с учащимися в экспедицию по донским степям.

Заседание прошло в напряженной обстановке. Желавших высказаться было много. Все выступавшие в один голос отмечали трудолюбие Рами, что он честен, хороший товарищ, и пришли к единому выводу, что его перехваляли. Критика была суровой и резкой. Говорили о его чрезмерном увлечении литературой, что во время уроков он пишет стихи, а вместо рекомендуемых читает ненужные книги по философии, вступает в споры с учителями, пытаясь учить их уму-разуму и тому подобное. От Рами в первую очередь требуется, чтобы он был хорошим учеником, а не поэтом. Талант и творчество от него никуда не денутся, а на нынешний момент самое главное — учеба, достойное завершение десятилетки. Кончилось тем, что кто-то из присутствовавших предложил изъять и запереть тетради Рами с романом и стихами, чтобы у него не было соблазна ими заниматься.

Эти разборки произвели на Рами удручающее впечатление. Его душили слезы. Выходя с заседания, он изо всех сил крепился, чтобы не расплакаться. Когда юноша спуускался по широкой лестнице вниз, ему почудилось, что кто-то за ним следит. Он машинально огляделся по сторонам и его взгляд упал на стенгазету, с которой на него смотрел, пристально прищурившись, Ленин, словно хотел сказать ему: «Не унывай и стремись только вперед!»

В тот самый момент школьный завхоз гонялся за мальчишками, чтобы заставить их разгрузить привезенное сено. Единственным, кто откликнулся, был Рами. Он не только перекидал, но и решил перетаскать сено в сарай. Вали-бабай не знал, как благодарить его.

Тем временем сарай наполнялся ароматом скошенной на аэродроме травы, который навевал на парня приятные воспоминания о том, как он давал сигнал к посадке самолета, как взлетал после того, как рассеивался туман над покрытыми утренней росой лугами, и как бегал по земле,

будто летал, как читал на полянке среди цветов книги и писал стихи. В пылу работы Рами вдруг почувствовал, как у него заработала голова, появилась потребность взяться за учебу и наверстать упущенное. Скорей, скорей, за уроки!

В своих записях Рами любил повторять знаменитую фразу Галилея, который под напором инквизиции притворился, будто отступился от своих научных идей, но на самом деле не сдался, сказав перед самой смертью то, что на самом деле думал о планете Земля: «А все-таки она вертится!» Вот и он делает вид, что сдался, в то время как поэзия, литература продолжают в нем жить! И пусть его пытаются отвадить от любимейшего занятия, страсть к творчеству охватывает Рами с каждым днем все сильнее.

Голова идет кругом при мысли, сколько еще надо прочитать. Да вот беда — нужные ему книги не так-то просто заполучить. В республиканке, например, не выдают Сергея Есенина, постоянно говорят, что он на руках. Похоже, специально укрывают его от читателей. А ведь как хочется упиваться настоящей поэзией!

Особенно нравились Рами стихи, которые запоминаются сами собой. Но только в башкирской поэзии такие ему, к сожалению, не часто попадались. Юноша был очень придиричив. Все, что ни читал, он как бы пропускал сквозь мелкое сито. И если что-то было ему не по душе, говорил об этом без обиняков. Рами не боялся спорить с учителями по поводу их методики. Он выражал недовольство, когда теорию отрывали от практики, когда педагоги забывали об индивидуальном подходе к учащимся, не принимая во внимание их психологию.

Бывая в редакциях, Рами спорил иной раз с сотрудниками, защищая собственное мнение. Точно так же, не церемонясь, он мог высказать автору отрицательное мнение о его новом произведении. Был, например, такой случай. На слете туристов Асхат Ашрапов рассказывал о походе учащихся школы № 9 по следам рейда Башкирской кавалерийской дивизии. После него взял слово Акрам Вали, подчеркнувший в своем выступлении, что писатели перед учениками в долгу. «Не только в долгу, но еще и виноваты перед нами», — с досадой подумал про себя

Рами, вспомнив про давешний разговор с ним во время перерыва. Он позволил себе высказать Акраму Вали свои претензии: «После того как вашу книгу “Наши парни” напечатали в “Эдэби Башкортостан”, мы решили написать отзыв, где указали на недостатки и отнесли его в “Кызыл Башкортостан”. Обещали опубликовать, но так и не сделали этого, мол, у них нет места».

Услышав такие слова, писатель насупился. А дерзкий мальчишка все не унимается. «Когда же мы попросили статью обратно, чтобы показать ее вам, нам сказали, что она уже в архиве. Вы бы хоть взяли ее оттуда и прочли», — заявил он, на что тот холодно отозвался: «Ладно, читаем». И тогда, изумленный и возмущенный его равнодушием, Рами воскликнул: «Разве книги пишутся не для читателей?!»

Перед выпуском он особенно часто общался с Гайнамом Амири, очень ценя его советы, заботу и требовательность. «Какой прекрасный человек!» — искренне восхищался Рами своим старшим товарищем. Он о многих так отзывался, а больше всего — об учителях. Молодой педагог Марьям Гималова учила Рами Гарипова всего лишь год — в десятом классе. Зато каким успешным в творческом плане и запоминающимся для него был тот год! Опубликовано его первое стихотворение, несколько стихов Бахти Гайсин, Рафаэль Сафин, Миннулла Давлетбаев (Даули) положили на музыку, так что теперь на вечерах исполняются его песни и марши. Есть чему радоваться. Так ведь и проблем в тот памятный год было немало: любовные муки, побег из школы, нарекания из-за неуспеваемости по математике. И в трудные моменты Рами выручала Марьям Гималетдиновна Гималова, понимавшая его как никто другой, за что и удостоилась звания «учительницы с поэтической душой».

Перед экзаменами юноша собрал свою волю в кулак и все силы направил на то, чтобы преодолеть это испытание. Старания не прошли даром: он сумел выдержать все экзамены.

Выпускной вечер останется в памяти Рами Гарипова как одно из самых ярких и счастливых мгновений в его

жизни. В присутствии уважаемых людей – министра образования Сагита Алибаева, поэта Гайнана Амири, руководства города и журналистов – он прочел свои стихи «Получая аттестат», «Моей учительнице», «Друзьям». Прозвучала также сочиненная им песня – первый башкирский марш мира.

Описывая в дневнике тот вечер и свой триумф, распираемый гордостью Рами назвал себя «Юным пилотом и зрелым человеком», после чего привел несколько строк из прочитанного им со сцены стихотворения, посвященного друзьям:

*Во всем мире нет ей равной,
Родной моей стране!
И тысячи лет было б мало
Для жизни на этой земле...*

В самый разгар праздника Рами предается размышлениям о будущем. Мечты стать летчиком, скорее всего, так и останутся мечтами. А как насчет профессии врача? Вполне допустимо. Можно было бы также закончить пединститут и поступить после этого в аспирантуру. Как было бы интересно заниматься историей, фольклором, лингвистикой, археологией... Над этим судьбоносным вопросом Рами ломал себе голову еще задолго до выпускного вечера.

«Мне нужна такая профессия, которая бы объединяла в себе все. Это будет самая мучительная и самая напряженная работа, требующая полной отдачи, не дающая покоя ни днем, ни ночью. Такую профессию не выбирают. Я уже пробовал избавиться от нее. Но не смог. Не я ее избрал, а она – меня. Сама жизнь принуждает меня к ней. Я не могу не писать. Если я буду лишен возможности это делать, жизнь потеряет для меня смысл. Быть полезным своему народу, как нужно ему и как хочется мне, я могу лишь с пером в руке... Да, с пером в руке... Только я волнуюсь, как никогда. Выйдет ли из меня писатель? Смогу ли я стать инженером человеческих душ?»

Рами даже подчеркнул эти строки, написанные им еще в начале года. Он перечитывал их всякий раз, когда

думал о своем предназначении. И сегодня молодой человек окончательно понял, что судьба его неотделима от творчества, от литературы.

Получив аттестаты зрелости, ученики веселились от души. Под утро они отправились в сад Салавата Юлаева, чтобы встретить там рассвет. Какая восхитительная панорама открывается взору с крутояра над Агиделью! Загадочные дали так и манят к себе юные сердца. Пристально вглядываясь вперед, Рами вдруг представил себе родные места. И так захотелось ему увидеть Аркаул, Юрюзань, Каратау, поделиться своей радостью с матерью, с родными.

С тех пор как деревенский мальчишка впервые ступил в лаптях на уфимские холмы, минуло четыре года. Как рвался он в этот город, который не удалось взять приступом войску его великого земляка. Все ли получилось так, как Рами когда-то задумывал? Сегодня он восемнадцатилетним юношей встречает вместе со своими однокашниками в столичном парке Салавата новый день. Именно сюда, в уфимскую крепость, после мучительного прогона по всему Башкортостану доставили скованного по рукам и ногам героя, чье тело превратилось в кровавое месиво от многочисленных ударов безжалостным бичом, и бросили его на каменный пол темницы. Каждый раз, возвращаясь в Уфу после каникул, Рами думал о трагической судьбе и страданиях, перенесенных батыром, и в душе ощущал тревогу, как будто откуда-то издалека доносится еле слышный его зов. Этим рассветом им владели те же чувства. Вспоминая орошенные кровью башкирских джигитов украинские степи и руины Сталинграда, он словно наяву слышал отцовский голос, взывавший его о чем-то. Сможет ли он исполнить заветы Салавата и отца, оправдать ожидания матери? Не обманет ли доверие односельчан? Сбудутся ли его лучшие чаяния и головокружительные мечты?

Таковыми вот вопросами, волнениями и тревогами приветствовал юношу рождающийся день. Откуда ему было знать, что заканчивающийся ныне период, полный самых искренних чувств, чистых помыслов и надежд, никогда уже не повторится?

Часть вторая

ЗДРАВСТВУЙ, МОСКВА!

В Москву, непременно в Москву! Из столицы родного Башкортостана в столицу великого Советского Союза! Когда Рами читал о беспримерном героизме панфиловцев, ценою собственной жизни отстоявших главный город страны под натиском фашистов, в память его врезались слова: «Назад дороги нет: за нами Москва!» Этот ставший крылатым боевой клич прозвучал на весь мир, превратившись в священный завет героев потомкам. И теперь, под размеренный стук колес поезда Уфа—Москва, Рами шепчет себе под нос перефразированные им на свой лад слова политрука Ключкова: «Назад дороги нет: впереди Москва!» Решение его бесповоротно, даже если найдутся причины для сомнений.

Как говорил Лев Толстой, в первой половине пути путешественник думает главным образом о тех, кого покинул, а потом пытается представить себе, что ждет его впереди. Рами Гарипова некому было провожать. В те дни у каждого из выпускников были свои заботы. Ребята готовились к поступлению в разные вузы, кто — в Уфе, а кто — за пределами Башкортостана.

Попутчиком Рами был его однокашник Асхат Ашрапов, вместе с которым он исходил немало дорог по донским степям по следам 112-й Башкирской кавалерийской дивизии. В Москве много известных учебных заведений, но друзья выбрали институты с непривычными для слуха названиями: Рами Гарипов мечтал поступить в Литературный, Асхат — во ВГИК.

Сидя в вагоне, Рами торопил время, с нетерпением ожидая отправления поезда. Стремясь как можно скорее попасть в Москву, он в то же самое время скучал по матери, по близким ему людям, по неповторимым красотам родного края. Когда по окончании школы парнишка приехал в родной аул, односельчане, желая с ним пообщаться, уговаривали его погостить подольше. Но тот в Аркауле не задержался, снова упорхнул.

Кстати, о полетах. Земляки, а особенно сверстники Рами, не могли надивиться, прослышав, что он посещает аэроклуб и даже летает в небе, как настоящий летчик. А после чтения «Записок пилота» изумились еще больше. «Так ты и взаправду летал?! И тебе не было страшно? Как же ты не разбился?!» — наперебой расспрашивали его.

Оказавшись в родной деревне после целой череды напряженных выпускных экзаменов, Рами чувствовал себя так, как будто вынырнул наверх из-под толщи океана. Он наслаждался свободой, бегал каждое утро на Юрюзань купаться. Но, развлекаясь, — юноша не забывал и о книгах. Он продолжал читать роман Мухтара Ауэзова «Абай» и изучал наделавшую много шума статью Сталина о языке*, напечатанную в «Правде» в конце июня. В этой работе было много непонятного для него. Но больше всего его поразила изничтожающая критика Сталиным учения Марра**. Как выразился сам Рами, «Поднятый до небес Марр — совсем тар-мар»***.

Сплавляясь на плоту до Каратау, парень открыл для себя немало интересного. Желая узнать названия всех частей этого древнего средства передвижения по воде, он беспрестанно теребил старших. А иной раз и сам их придумывал. Благословенное лето в родном ауле он описал в письме своей любимой учительнице Марьям Гималовой:

* «Относительно марксизма в языкознании (К некоторым вопросам языкознания)» (1950 г.).

** Марр Николай Яковлевич (1864—1934) — лингвист, член Петербургской АН (1912).

*** Каламбур: в переводе с башкирского *тар-мар итеу* означает «разгромить».

«Как здорово, что здесь можно позагорать на солнце. А как дивна Юрюзань! Лицезреть ночной лес, алую маковую зарю, восход солнца, переговаривающиеся между собой, как в сказке, сосны, наблюдать, как встречаются ласковый рассвет “осины-джигиты” и “березки-девицы” в красных одеяниях с серебристыми блестками росы — это уже само по себе счастье. Такое блаженство, как будто тобой сотворен какой-то необыкновенный, потрясающий стих! Усыпанные ягодами, словно накрытые красным чекменем лужайки, черемуха, сладкие вишневые заросли! Вдыхая до головокружения напоенный всевозможными ароматами чистейший воздух, ты валяешься среди полевых цветов и смотришь ввысь — в бездонное и безоблачное лазурное небо...»

Все так живописно и убедительно, что читающий эти строки будто и сам пребывает среди описываемых красот. Преломленная в восприятии восторженного юного поэта природа Башкортостана предстает перед нами совершенно по-новому.

Даже в быту Рами умудрялся находить общее с поэзией. Например, в том же послании он пишет: «Плот крепко-накрепко перевязывают, рифмуют, будто стихотворение, чтобы не разошелся» и приводит слова Маяковского: «...без рифмы стих рассыплется. Рифма возвращает нас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе».

Все, что привлекает и волнует его в жизни, Рами привязывает к творчеству, сравнивает разные явления с теми, что имеют отношение к литературе. «Впечатление от сплава на плотках до Каратау у меня такое же, как от чтения стихов М. Карима», — отмечает он в письме к учительнице. Только истинный художник может сопоставить наслаждение, испытываемое им при созерцании прекрасного утра, с ощущением радости, которую доставляет поэту рождение нового стихотворения...

Конечно, не исключено, что Рами прибегает к эффектным сравнениям намеренно, чтобы порисоваться перед учительницей, продемонстрировать лишний раз свою образованность и склонность к поэзии. Для молодого человека,

готового душу отдать ради творчества, это вовсе не грех. В сознании Рами все перепуталось. Не поймешь, то ли он подыскивает поэтические строки и образы, то ли наоборот — стихи сами преследуют его. Но тем не менее парень даже не сомневается в том, чего хочет. А хочет он поступить в Литературный институт!

Как же Рами выдержит вступительные экзамены? Хоть бы его хлопоты не оказались напрасными. По мере приближения к Москве такие думы тревожили его все чаще. И они практически не оставляли места другим мыслям. Представляя себе родные места, интернат, юноша то и дело задавался мучительным вопросом: «Если не поступлю, как же я буду смотреть в глаза матери, учителям, товарищам?»

Нет, этого нельзя допустить. Он должен победить. Быть побежденным Рами не имеет права. Сдаваться не в его характере. Во имя цели ему придется приложить все усилия, подключить разум, знания и волю. Внушая себе это, юный путник преображался даже внешне: взгляд становился острее, губы сурово сжимались.

Наконец-то вагон приходит в движение: поезд неотвратно приближается к месту назначения. За окнами замелькали перроны пригородных станций. Люди суетятся, собирая вещи. А Рами на сборы времени почти не требуется.

Он вспоминает, как летом 1946 года приехал в Уфу. Самым ценным в его котомке были дневники, первые стихи и баллада «Маленькие партизаны». Если он тогда не спасовал, почему же теперь не справится? У него накопилось множество тетрадей — целая рукописная библиотечка, в которой есть путевые заметки под названием «В донских степях», «Записки пилота», стихи и изречения мудрецов. В кармане — аттестат зрелости и паспорт гражданина СССР. Все это придавало ему уверенности и постоянно напоминало об ответственности, которую он на себя взял.

Выйдя из вагона на Казанском вокзале, Рами Гарипов неторопливым, но твердым шагом пошел за толпой.

Вступительные экзамены абитуриент сдал успешно. Четверку получил лишь по немецкому, а по всем осталь-

ным предметам – пятерки. Уложились в шесть дней. Уж сколько экзаменов пришлось Рами сдавать в школе, а все равно так, как в Москве, он там не волновался и не боялся. Говорят, лиха беда – начало. И пусть не дали времени на подготовку, пусть на экзамене его долго пытали, забрасывая вопросами, выпускник интерната вышел победителем. Не подкачал, не посрамил республику и своих учителей. Это ж надо было добиться такого успеха в самой Москве! Еще ни разу в жизни Рами не был настолько доволен собой.

А чтобы узнать, что с ним было потом, заглянем во второе письмо, адресованное Гариповым Марьям Гималовой: «После сдачи последнего экзамена нас пригласили в комиссию. Двенадцать человек в упор смотрят на стоящего посередине башкира.

– Какие у него оценки? – спрашивает директор у секретаря.

– Это наш отличник, – отвечает тот.

– Ты очень хочешь у нас учиться? – осведомился директор.

– Иного пути у меня нет, – не замедлил с ответом я.

Раздался смех.

– Ты собираешься съездить домой?

– Нет, на дорогу у меня нет денег. Поеду в какой-нибудь совхоз, поработаю.

Но работа нашлась и здесь. Маляром! Ради заработка я с радостью согласился».

Как видим, будущий студент не смутился перед солидными мужами, разговаривал с ними с достоинством.

Так началась его московская жизнь. За десять дней Рами многое успел. Он общался со своими будущими сокурсниками разных национальностей. Слушал стихи на болгарском, карельском, молдавском и на туркменском языках. В большом зале консерватории имени Чайковского был на встрече с писателями из Кореи, повидал и послушал многих советских писателей. На том же вечере Рами повстречался с Гилемдаром Рамазановым, о чем написал в своем дневнике: «Для меня это был большой праздник. Мы с ним хорошо посидели и вволю наговорились

по-башкирски. На другой день он прочел мою “Юность”, и мы подружились».

Однако дальше складывалось уже менее благополучно. У Рами Гарипова не осталось денег не только на то, чтобы съездить в Уфу, где бы он мог поделиться радостью с близкими, но и на самое необходимое. Ломая над этим вопросом голову, студент в очередной раз вспоминает выпускной вечер, на котором читал свои стихи об учителе, о воспитателе и вызвал тем самым недовольство директрисы, ожидавшей, по-видимому, услышать посвящение себе. А ведь Рами очень уважал эту женщину, даже отметил в дневнике, какой она прекрасный человек. На поверку же директор оказалась не такой уж и хорошей. Юноша знал, что она могла ему помочь материально, но она не сделала этого. В результате в дальний путь тот отправился практически с пустыми карманами, по причине чего уже через несколько дней по приезде в Москву начал голодать. И ведь надо же было такому случиться, чтобы в самый нужный момент Аллах послал навстречу одинокому сироте Хызыр-Ильяса — ангела-спасителя в образе Федора Сухова*.

Федор был студентом третьего курса Литературного института. Летние каникулы еще не кончились, так что в общежитии молодой человек остановился, можно сказать, случайно, возвращаясь домой через Москву из творческой командировки в Крым. Прошедший через горнило Великой Отечественной войны, он отличался особой пронизательностью и милосердием.

Заприметив Рами, студент-фронтовик наблюдал за ним дня три и, вскоре поняв, что парень находится в бедственном положении, заговорил с ним. Федор нашел для Рами

---

* Сухов Федор Григорьевич (1923–1992) — поэт. Родился в крестьянской семье. Со школьной скамьи ушел на фронт Великой Отечественной войны. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Первая книга «Половодье» вышла в 1958 г. Затем выходили сборники «Малиновый звон» (1967), «Былина о неизвестном солдате» (1972), «Песня лета» (1978) и др. Лауреат Государственной премии РСФСР (Русская поэзия. XX век. Антология. М., 1999. С. 490).

слова утешения, в которых тот так нуждался, и сумел уверить в том, что он будет хорошо учиться. Когда Сухов сказал: «Давай-ка пройдемся с тобой немножко. Люблю я хороших людей», над головой Рами Гарипова будто солнце взошло и весь мир озарился светом. Новый знакомый попросил его почитать стихи по-башкирски.

Разница с ним в годах показалась Рами не такой уж и великой. Поэту-фронтовику было в ту пору двадцать семь лет.

Юноша еще больше воодушевился, когда Сухов пригласил его в гости: «Давай-ка я свожу тебя к себе, на родину Горького. Сходим с тобой в музей, побываем в доме Каширина. До начала учебного года поживешь в нашей деревеньке. Там так хорошо пишется и читается. И яблок у нас навалом!»

Побывать на родине Максима Горького! Посетить дом любимейшего писателя, походить по тропинкам, по которым бегал тот в детстве! О таком Рами и мечтать не смел. В самое трудное время Горький был для него опорой. С ним он постоянно вел диалоги на страницах дневника. Рами перечитал столько его книг! И теперь вот судьба преподнесла ему щедрый подарок — поездку не куда-нибудь, а в город и область, носившие имя писателя!

Порою кажется, что многое в жизни происходит случайно. Если бы Федор не заехал в общежитие, он не встретился бы с Рами и не протянул бы ему руку помощи. И тогда не было бы той памятной поездки. Так неужели это всего лишь случайность? У судьбы свои законы и тайны, недоступные человеческому разуму и не поддающиеся разгадке. Не зря, наверное, говорят, что невозможно избежать того, что на роду написано.

Среди писателей для Рами Гарипова не существовало, пожалуй, другого такого авторитета, как Максим Горький. На формирование его взглядов и жизненных принципов великий писатель оказал не меньшее воздействие, чем современная ему эпоха.

Все творчество Максима Горького можно определить одной четкой принадлежащей ему самому фразой: «Человек — это звучит гордо!», в которой заложена главная

суть его философии. Эти громкие, звучащие с пафосом слова порождены светлым гуманистическим отношением писателя к жизни и неподдельной его любовью к человечеству. Романтик и философ Максим Горький одухотворил мировую литературу, заставил человека поверить в себя. Этим он как раз и привлек к себе Рами, когда тот еще только начал знакомиться с его творчеством. Связь его с писателем укреплялась от книги к книге. Так что юному башкирскому поэту, по-видимому, суждено было, прежде чем вступить в новый этап жизни, побывать на Волге. Он должен был поклониться учителю и получить от него благословение. Разве можно считать столь замечательные факты совпадения случайными?

Нам неведомо, задумывался ли над этими странностями судьбы сам Рами, но то, что он побывал на родине Максима Горького, безусловно, способствовало упрочению в его душе любви к писателю.

Федор Сухов тоже почитал своего великого земляка и знал некоторые из его рассказов наизусть. Ему были даже известны такие подробности о жизни Горького, Маяковского, Блока и Есенина, о которых Рами никогда прежде и слыхом не слыхивал. Общаясь с новым приятелем, он понял, что, несмотря на изрядное количество прочитанных книг, своей осведомленностью он пока похвастаться не может.

Многолетней привычке повсюду возить с собой дневники Рами не изменил и на этот раз. Отдыхая во Владимирове, в родной деревне Федора, он вновь возвращается к своей «Юности», дорабатывает ее и местами сокращает.

Рами просиживал за этим занятием ночами. После окончания школы прошло совсем немного времени, а Рами уже видит слабые стороны своего произведения. Раньше он смотрел на него более благосклонно, а теперь безжалостно расправляется с записями, кажушимися ему слишком наивными. С той же решительностью перечеркивает Рами и кое-какие страницы со стихами.

Ночью он, как замороженный, смотрел в темную высь, наблюдая за августовским звездопадом. Иногда издали доносились гудки пароходов, после чего вновь воцарялась

полная тишина. Изредка падали на землю яблоки, каждый раз заставляя молодого человека вздрагивать. А тем временем по небосклону то и дело проносились, словно наперегонки, метеориты.

Рами не сводил зачарованных глаз с усыпанного мириадами звезд ночного неба, не мог наглядеться на это волшебное зрелище. И вот еще одна яркая вспышка. Говорят, в момент появления на земле человека зажигается новая звезда. Как хотелось бы Рами узнать, которое из неисчислимого множества небесных тел ознаменовало его рождение. Да разве ж кто-нибудь ответит на этот вопрос... Окидывая взором черный бархатный свод, юноша вдруг задумывается: а по чьему велению зажигаются звезды на небосклоне поэзии, и что ждет в этом огромном мире его, Рами Гарипова, отправившегося в Москву постигать секреты творчества?

Приглашая Рами в гости, Федор несколько не преувеличивал, когда говорил, что у них в деревне полным-полно яблок. К тому же и год выдался яблочным. Ветви деревьев прямо-таки прогибались под тяжестью плодов. Яблоки — один сорт вкуснее другого, так и просились сами в рот. Рами насытился ими тогда впервые и, наверное, впрок на всю жизнь.

Подобное случилось с ним однажды в Аркауле. С хлебом во время войны было очень туго, и как-то летом пасечник, накачавший много меда, расщедрился и угостил новым урожаем Рами и его товарищей, пускай, мол, хоть раз наедятся всласть. Как и следовало ожидать, голодные мальчишки не заставили себя упрашивать и набросились с жадностью на лакомство, будто стая ос. Наевшись, они в изнеможении попадали прямо в траву. Потом их еле-еле добудились.

Вот так закончилось их пиршество. Теперь же он объелся яблок. Но в жизни есть нечто, кроме хлеба и воды, чем Рами никогда не пресытится. Это чудо называется поэзией.

По возвращении с Волги новоявленный студент Рами Гарипов приступает к занятиям. О существовании Литературного института имени Максима Горького он узнал еще

до похода по донским степям и, когда на обратном пути заехал вместе с ребятами в Москву, очень надеялся его увидеть. Мечтая поступить в это учебное заведение, в десятом классе Рамина навел справки о нем в Союзе писателей. Там одобрили намерение многообещающего юного поэта. Председатель правления Ахнаф Харисов оформил Рамина Гарипову направление и сам же напутствовал его.

Московский Литературный институт был основан в 1933 году по инициативе Максима Горького, чье имя ему присвоили в 1946 году. Под патронажем Союза писателей СССР он находился с 1936 года.

В разных сферах искусства уже с давних времен существовали всевозможные школы: консерватории, студии, институты, художественные академии. Некоторые из них добились мировой известности. Что касается литературы, то в этой области, ни в нашей стране, ни где-либо еще, не было прежде специализированного учебного заведения, которое готовило бы будущих писателей, если, конечно, не считать Высших литературно-художественных курсов, организованных в начале 20-х годов XIX века известным русским поэтом Валерием Брюсовым.

Что и говорить, то было прекрасное начинание, однако для удовлетворения растущих запросов кратковременных курсов стало мало. Назрела необходимость в создании высшего учебного заведения со стройной системой обучения и четко разработанной программой. Таким учреждением как раз и стал Московский Литературный институт, открытие которого явилось поистине беспрецедентным шагом. Во главу угла здесь было поставлено не только изучение истории всемирной и русской литературы, обучение навыкам и приемам литературного творчества, но и всеобъемлющая гуманитарная подготовка, эстетическое воспитание и приобщение к основам искусства. Делалась также ставка на многочисленные столичные очаги культуры, посещение которых должно было способствовать углублению получаемых студентами знаний и формированию их вкусов.

Из постановления Президиума ЦИК СССР от 17 сентября 1932 года:

«В ознаменование 40-летия литературной деятельности Максима Горького Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, отмечая заслуги Максима Горького в области воспитания новых писательских кадров из рабочих и крестьян, постановляет:

1. Основать в Москве Литературный институт имени Максима Горького.

2. Литературный институт им. Максима Горького организуется:

а) как литературный учебный центр, дающий возможность писателям, творчески себя проявившим, и, в первую очередь, писателям из среды рабочих и крестьян, повысить свою квалификацию, получить всестороннее развитие и критически усвоить наследие литературного прошлого;

б) как лаборатория для изучения художественной литературы народов Союза ССР.

3. В учебной работе вновь организуемого Института применять метод обучения, учитывающий особенности каждого работающего в Институте писателя, его творческие навыки и приемы».

Литературный институт возник в самый разгар культурной революции. В тот период начали выходить такие журналы, как «Литературная учеба», «Литературный критик», «Литературный современник». Были образованы Союз писателей СССР, республиканские писательские организации и прочие творческие объединения. Оживилась деятельность большого числа открывшихся после Октябрьской революции 1917 года литературных музеев. Печатались многотомные литературные энциклопедии. На фоне проходившей по всей стране борьбе с невежеством и за ликвидацию безграмотности большое значение придавалось привитию народу любви к литературе, пропаганде книжной продукции. Наряду с этим в творческий процесс активно вовлекалась и учащаяся молодежь. В печати очень часто можно было видеть заметки юнкоров, селькоров, рабкоров. И одним из наглядных примеров того, из каких слоев населения складывались в те времена литературные силы, за счет кого обеспечивался сюда приток, были такие звания, как «рабочий-поэт» или «крестьянин-поэт».

Столь повышенное внимание к сфере культуры со стороны партии и правительства вполне объяснимо. Оно было продиктовано стремлением держать творческий процесс под неусыпным контролем, не пускать его на самотек и задавать ему направление в соответствии с политическими и идеологическими установками.

Безусловно, история не знает таких фактов, когда бы государство не довлело над литературой и искусством. Как в советские времена, так и в прочие эпохи творческий процесс не мог выходить за определенные рамки. Если бы только этим все ограничивалось, было бы еще полбеды, а то ведь сколько людей пострадало ни за что, ни про что во время политического террора 30-х годов, сколько судеб было исковеркано. И все же, нельзя огульно отрицать достижений культурной революции тех лет, включая рост национальной литературы и печати, а также внимание, оказываемое творческой молодежи.

Каждый день Рами Гарипов не переставал удивляться. Он с упоением слушал лекции именитых профессоров, готовился по их учебникам. Языкознание у них вел, например, Александр Реформатский. Рами и прежде задумывался над магической силой языка, пробовал читать об этом кое-какие труды. А тут в школах повально стали изучать новую работу Сталина о языке, в связи с чем этой проблемой заинтересовалась вся страна, переживая целый бум.

Реформатского башкирский студент готов был слушать неделями, не сходя с места. Внешне профессор напоминал ему Ленина. Его лысая голова блестела и словно излучала нимб. Рами смотрел на него как на солнце, а себя ощущал повернутым к светилу подсолнухом.

Лекции по дисциплине «Теория литературы» читал автор одноименного учебника Геннадий Поспелов. А вечерами юноша брался за чтение «Теории литературы» Ахнафа Харисова. Он почти физически ощущал, как обогащается, насыщается новыми знаниями, и от этого чувствовал себя едва ли не самым счастливым человеком на свете. Рами уходил с очередной лекции обновленным и окрыленным, с неодолимым желанием воспарить над землей.

Ему были интересны и поэзия, и проза, и критика. Но было еще нечто, что доставляло Рами огромное удовольствие, — это творческие семинары, во время которых студенты разбирали рукописи, обсуждали произведения друг друга. Они напоминали ему проводившиеся в школе-интернате заседания литературного кружка. Только здесь такие беседы происходили чуть ли не ежедневно и планки предъявляемых к авторам требований были гораздо выше.

Творческие семинары проходили под руководством известных поэтов и прозаиков. Рами посещал семинар поэзии, которым руководил Сергей Васильевич Смирнов, сам учившийся до войны в этом институте.

Такого шума и суматохи, как в школе, здесь не наблюдалось. Да и количество студентов было невелико, причем многие из них прошли войну. На бывших фронтовиков вчерашние школьники смотрели с благоговением. Присутствие рядом этих людей подтягивало их, обязывало быть более собранными и серьезными.

В институте учились посланцы разных областей, республик и даже иностранцы. Рами Гарипов был среди них единственным представителем Башкортостана. Это накладывало на него большую ответственность. Юноша хорошо сознавал, что по нему будут судить о его народе и в целом о республике. А он не мог допустить, чтобы родина за него краснела.

Общаться с многонациональным студенчеством Рами Гарипову нравилось. Дело тут было не только в интересе, но и в пользе, которую он от этого получал. И все бы хорошо, если бы не накатывавшая время от времени тоска по родному краю, жгучая потребность перемолвиться с кем-нибудь по-башкирски, почитать на родном языке стихи, ведь до сих пор в его жизни не было еще такого периода, когда бы он находился в отрыве от привычной среды, башкирского языка и песен. Вместе с тем, Рами понимал, что ему не обойтись без добротных знаний, которые можно было получить именно здесь, и насколько важен для его развития столь широкий и разнообразный круг общения. Зная по себе, как все это необходимо для творчества, он искренне желал, чтобы эту школу прошли

как можно больше башкирских писателей, в особенности молодых. «Пускай скорее, скорее ко мне сюда приедут мои товарищи. Пускай приедут те, кто жаждет работать, засучив рукава!» — то и дело твердил Рами Гарипов, представляя рядом с собой своих друзей, с которыми он мог бы обсуждать написанное, делиться радостями. А пока ему приходилось довольствоваться лишь письмами.

Литературный институт, располагавшийся в самом центре Москвы на Тверском бульваре, был средоточием творческой среды. И не только он, но и бывшее в ведении Литфонда СССР общежитие, находившееся в тридцати километрах от Москвы в дачном поселке писателей Переделкино. Рами с товарищами проживал там в двухэтажном деревянном коттедже. Эта дача была приспособлена под студенческое общежитие после кончины в 1945 году ее хозяина — лауреата Сталинской премии, автора пьесы «Любовь Яровая» Константина Тренева. Таких домов, приютивших молодых литераторов, в Переделкино было достаточно. А тем временем, совсем рядом, жили и творили на своих подмосковных дачах знаменитые на весь мир писатели. Рами частенько проходил мимо дома руководителя Союза писателей СССР, автора знаменитой «Молодой гвардии» Александра Фадеева и не один раз видел его самого. В поселке можно было встретить также Корнея Чуковского, Николая Тихонова, Бориса Пастернака и Мариэтту Шагинян. Всех не перечесать. Да Рами пока еще не всех обитателей поселка знал в лицо.

Утром, прежде чем попасть в институт, нужно было прошагать до станции два километра, сесть в поезд и доехать до Москвы. После лекций и семинаров нередко приходилось заниматься в библиотеке или бегать по разным делам. Вечером снова нужно было спешить к Киевскому вокзалу, потом добираться на электричке до станции Переделкино... И такая вот круговерть каждый день.

Из автобиографии Рами Гарипова: «Так началась моя учеба в Литературном институте имени М. Горького, в этом лучшем институте мира, где я был первым студентом из башкир среди студентов разных национальностей разных республик и разных стран и самым младшим по возрасту,

т. к. на нашем курсе почти все студенты были фронтовиками. Я среди них был как «сын полка». Это был самый интересный период литинститута, где все дышало прошедшей войной и где все кипело, горело спорами о послевоенной литературе. Здесь весь воздух был насыщен стихами... Творческими семинарами руководили тогда такие мастера слова, как Луговской, Сельвинский, Маршак, Антокольский, Коваленков, Паустовский, Катаев, Лидин, Ромашов, Крон, Перцов, Бялик, Озеров, Огнев и др. Своим творческим опытом делились Фадеев, Эренбург, Чуковский, Ауэзов, Злобин, Назым Хикмет, Неруда, Линдсей, Олдридж, Амаду и др. Я занимался в семинаре...» На этом запись обрывается. Но выше уже было сказано, что семинаром, который посещал Рами, руководил Сергей Смирнов.

Будучи даже самым младшим по возрасту среди прошедших горнило войны товарищей, чем-то вроде «сына полка», в учебе Рами Гарипов никому не уступал. Уже на старте он показал себя усердным и способным, целеустремленным и не по годам серьезным юношей.

А студенты там были самые разные. Опытные и эрудированные однокурсники вызывали у Рами восхищение и даже некоторую зависть. У них было чему поучиться, и он старался общаться с ними как можно чаще. Только таких, к сожалению, было немного.

Не все устраивало его и в самом учебном процессе. Например, в группах нерусских студентов обучение русскому языку проходило по школьным учебникам. Это было вполне нормально для тех, кто недостаточно им владел. Но Рами такой уровень преподавания не удовлетворял. Он рассчитывал на большее, полагая, что «знания русского языка нужно требовать от каждого национально-го студента». Без этого молодой человек не представлял себе полноценного образования, впрочем, как и без самообразования. Рамки учебной программы были для него тесноваты. Когда, например, однажды в комсомитете обсуждали студентов, которые прочитали за весь год не больше двух-трех книг и ни разу не взяли в руки словарь, Рами Гарипов сказал свое веское слово. Он утверждал,

что поэт не должен ограничиваться чтением одних стихов, а прозаик — читать исключительно прозу.

Как видим, и тут Рами не оставался в стороне от общественных дел. Как активист и примерный студент, он удостоился за успехи в учебе повышенной стипендии имени Крылова и был избран в комитет комсомола института. При жестком режиме Рами выкраивал время и для занятий спортом. У него был девиз: «Чем быть первым среди плохих, лучше быть последним среди лучших».

Даже находясь в Москве, он не изменял заведенной со школьных лет привычке вести дневник. Его студенческие записи были подготовлены к печати Танхылыу Карамышевой. В бытность заместителем главного редактора газеты «Йэшлек» она опубликовала их в сокращенном варианте. Этот материал впоследствии печатался с 1 января на протяжении всего 1990 года. Обнародовав его, поэтесса внесла существенный вклад в дело по увековечению имени Рами Гарипова.

Публикация дневников отдельно взятого писателя — первый случай за всю историю башкирской литературы. Данные материалы вошли в изданный в 1998 году второй том трехтомного собрания сочинений Рами Гарипова.

Дневники московского периода были начаты им в сентябре 1951 года. Этот факт вызывает сомнение, ибо трудно поверить в то, что Рами мог забросить любимое занятие на целый год. Он вел дневники не только ради констатации происходящего, но и для того, чтобы полемизировать как с самим собой, так и заочно с другими, чтобы размышлять о тех или иных явлениях, анализировать их. Поэтому столь длительный перерыв кажется просто неправдоподобным. Рами не мог допустить такого. Очевидно, его записи с осени 1950 года до второго курса были утеряны.

С первых же дней Рами с головой ушел в учебу. Он внимательно слушал преподавателей, старательно записывая их лекции, добросовестно писал конспекты. Особенно много ему давали творческие семинары, где можно было получить ценные советы по поэтическому мастерству, где с дотошностью разбиралось чуть ли не каждое слово. Вместе с тем, по мере постижения премудростей литературного труда, росла неуверенность в себе.

Для Рами Гарипова, давно уже решившего посвятить свою жизнь творчеству, поэзии, было счастьем оказаться в Москве и иметь возможность получить высшее образование именно в Литературном институте. Каждый день приносил ему новые знания и открытия. Он с удовольствием изучал литературу, историю, философию, искусство, самозабвенно слушал музыку Глинки, Балакирева, Римского-Корсакова, Чайковского, Глазунова, Рахманинова и, по-прежнему, много читал. Далеко не все из того, что Рами читал в учебниках или слушал на лекциях, он принимал безоговорочно. Невзирая на авторитеты, молодой человек мог спорить, высказывать и защищать собственное мнение. Не согласен он был, например, с трактовкой Пушкинской «Полтавы» Благого, читавшего лекции в МГУ, хотя тот и ссылаясь на самого Белинского. Рами считал, что берясь за героико-историческую тему, писатель не должен игнорировать личную жизнь человека. И во время обсуждения стихов о Сталине, которого к тому времени уже не было в живых, Рами Гарипов высказывал точку зрения, отличную от других. На его взгляд, большинство из них слишком общи и однообразны. Он позволил себе, например, резкие выпады в адрес произведений известных поэтов: «Стихотворение Берггольц “Сталину” имеет неудачную концовку и многословно. А у С. Маршака вместо стихотворения — чертеж. Много непростительной искусственности. Надо плакать без слез! Незачем суетиться! Хороши стихи у Суркова, Исаковского, Симонова, Самеда Вургуня, Гафура Гуляма, Мустая Карима»*.

Больше всего Рами Гарипова, как и многих его однокурсников, интересовали наука и учеба, творчество и стихи. От студентов института требовались в первую очередь хорошая успеваемость и соблюдение дисциплины. Рами, отвечавший этим параметрам, зарекомендовал себя с наилучшей стороны. На начальных курсах у него были сплошь отличные оценки. Выслушав на экзамене его ответ по языкознанию, Реформатский даже воскликнул: «Молодец,

* Рами Гарипов. Сочинения. В 3-х томах. Том II. Уфа: Китап, 1998. С. 54.

Башкирия!» Экзаменовавший башкирского студента по логике аспирант профессора Асмуса Корчагин тоже остался доволен, промолвив с улыбкой: «Неплохо знаешь, Гарипов!» А на экзамен по фольклору Рами шел с особым волнением, так как его принимал известный специалист в этой области Виктор Михайлович Сидельников, с которым он подружился еще в самом начале учебы. В своем послании Марьям Гималовой юноша пишет: «Ни на одной лекции он не забывает упомянуть башкирский народ и его представителя».

Для Рами Гарипова это было очень важно. Он и сам, по возможности, старался увязывать любую проблему с историей Башкортостана, раскрыть заявленную преподавателем тему с той стороны, которая была ему ближе. Вот конкретный тому пример. Когда проходили фольклор, ему поручили подготовить выступление по песенному творчеству Лебедева-Кумача. Об этом популярнейшем в то время поэте-песеннике было сказано и написано немало. Только найди то, что тебе нужно, и все дела. Ан нет, Гарипову подавай что-нибудь нетривиальное. Какой же прок от повторения чужих высказываний? А коли нечего сказать, так и незачем тратить на это время. Поэтому Рами предложил профессору свою тему «Башкирский фольклор и русские писатели». Вот уж действительно целина так целина!

Именитый фольклорист, естественно, приветствовал встречную инициативу студента. Но эта работа требовала основательной подготовки: Гарипову пришлось поднять огромный материал и изучить его. Он был поражен, обнаружив, что до него никто всерьез за эту тему не брался. В итоге Рами подготовил к занятию не обычное выступление, а представил целый научный труд. Если бы он опубликовал написанный им в 1951–1952 годах доклад «Башкирский фольклор и Владимир Даль» как статью, для башкирской фольклористики это стало бы событием. Кстати, она не потеряла своей актуальности и поныне.

Вот как начал студент второго курса свое выступление: «Мне очень хочется поговорить о своем народе. Но для этого надо много знать. Поэтому многого обещать не могу. Постараюсь коротко охарактеризовать башкирское устное

народное творчество, несколько слов скажу о том, как собирал его, и остановлюсь на легенде-рассказе Владимира Даля “Башкирская русалка”.

Башкирский народ, как и другие колониальные народы, под гнетом царского самодержавия, жил в нищете. Но он не был нищим духовно. Царские палачи отрезали языки свободолюбивым башкирам за произносимые ими слова “свобода”, “восстание” и “Салават”. Законом было беззаконие. Но народ не мог молчать. Он боролся. Кто борется, тот и творит. Письменной литературы при таких нечеловеческих условиях в такой отсталой окраине не могло быть. Зато у башкирского народа было своеобразное устное народное творчество – очень богатое, как по содержанию, так и по форме.

Прежде чем взяться за эту работу, Рами добросовестно проштудировал то немногое, что было написано до него. «Я прочел статью Усманова. Но она поверхностна», – пишет Рами Гарипов. Между тем, в его собственных рассуждениях о письменной литературе в приведенном выше фрагменте ощущается влияние бытовавшей в то время ложной точки зрения на духовное наследие нерусских народов. А чего еще можно было ожидать от студента, не имевшего доступа к скрываемым от широкой общественности ценным образцам того наследия, к памятникам письменной литературы его народа? Откуда ему было знать об их существовании? Но то, что он смог проникнуть в почти не изученные слои устного творчества башкирского народа и попытался его проанализировать и оценить, говорит о масштабности его мышления: «У каждого языка есть своя красота, свойственная только ему. У каждого народа есть свои добрые черты. Много общего и много своеобразного, национального. Русские гордятся своим “Словом о полку Игореве”, армяне – “Давидом Сасунским”, французы – “Песней о Ролланде”, киргизы – “Манасом”, финны и карелы – “Калевалой”, а башкиры – “Салаватом Юлаевым”, “Акбузатом” и “Уралом”. Все они разные и хорошие. Потому что народ – самый великий поэт и самый великий философ».

Перечисленные Рами Гариповым названия литературных памятников, считающихся жемчужинами общечеловеческой, мировой культуры, известны повсеместно. А вот о башкирском фольклоре, о выдающихся башкирских эпических сказаниях, к сожалению, пока мало кто знает. Каким же образом сделать их всеобщим достоянием?

«Башкирский народ в своих песнях и кубаирах, легендах и эпических поэмах, сказках и байтах отражал тянущуюся веками борьбу за свободу, мечты об облегчении тяжелой жизни, свои чаяния о возрождении.

Если у армян были ашуги, у казахов — акыны, то у нас были сэсэны, которые свою общественную задачу видели в том, что выражено в следующих строках:

*Зла он не защищает,
Врага не щадит.
Добро он любит,
Говорит о чаяниях народа,
К бою он призывает,
К восстанию зовет.*

В то же самое время сэсэны являются ревностными хранителями дорогого нержавеющей сокровища».

Рами Гарипов хотел показать москвичам высокий уровень гражданской позиции сэсэнов, как и то, что судьбой башкирского народа, а также его фольклором интересовались многие русские писатели и ученые, включая Пушкина, Толстого, Аксакова, Рыбакова, Игнатьева и др. Но он предпочел выделить заслуги В. Даля, заботившегося о развитии в русской литературе гуманистических традиций. Рами даже вступил в полемику с глубокоуважаемым им преподавателем, записав в своем дневнике: «Когда у нас читал лекции А. А. Реформатский, говорил, что Даль — дилетант. Но, по-моему, это неверно. Даль — великий труженик, глубоко русский человек душой, хотя отец его был выходцем из Дании. Сам Даль свою национальную принадлежность определил так: «Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю на русском». Даль не только думал, но и чувствовал по-русски. Великолепно знал все русское. С детства он любил русский склад

ума, русскую речь, русский быт, русское народное творчество, русский народ. Поэтому великий Тургенев писал о нем, что русского человека он знает, как свои пять пальцев».

В подготовленной работе Рами приводит высказывания о Владимире Дале Белинского и Гоголя, упоминает о дружбе его с Пушкиным, обращая особое внимание на оренбургский период их общения: «Такой глубоко русский человек, как Даль, не мог не интересоваться жизнью, языком и творчеством башкирского народа. Этому способствовала деятельность Даля в Оренбурге... Великий Пушкин слушал в этих степях о Пугачеве и о его сподвижнике Салавате Юлаеве, собирал материал для “Капитанской дочки”. Пушкину помогал в этих делах Даль».

Как мы видим, еще будучи студентом начальных курсов, Рами Гарипов проявил склонность к серьезным научным исследованиям. Статья «Башкирский фольклор и Владимир Даль» стала для него первым опытом в данном направлении. Этот студенческий труд продемонстрировал недюжинные способности Рами к научной деятельности, глубину и силу его мышления. Вместе с тем следует признать, что некоторые наблюдения представлены здесь лишь схематично, как тезисы. По всей вероятности, он намеревался вернуться к своим выкладкам позднее и раскрыть их более детально.

Этой работой Рами Гарипов не ограничился, написав в 1952 году статью «О судьбе стихов и песен Салавата Юлаева». Тем самым он сделал еще один твердый шаг вперед.

К празднованию 200-летия со дня рождения Салавата в 1952 году в Башкортостане была намечена целая программа мероприятий, включавшая в себя торжества и научные конференции. В тот год вышла в свет книга «Салават Юлаев. Стихи и песни». И статья Рами Гарипова явилась своего рода откликом на нее. Она стала результатом скрупулезного исследования. В этом достаточно объемном материале Рами подробно описывает жизнь Салавата, размышляет о его судьбе, о его героизме и боевых подвигах, рассказывает о том, каким образом были обнаружены стихи, оценивает их значение и рассуждает о задачах, которые стоят перед переводчиками.

Уже с первых строк читатель погружается в трагическую историю башкирского народа: «Кровавое зарево догоравших аулов приветствовало рождение Салавата. Еще дым сожженных царскими карательными отрядами башкирских аулов не рассеялся. Еще слышался звон цепей и кандалов, которыми царские палачи заковывали свободлюбивых башкир. Еще слышались стоны казненного народа, у которого был отрезан язык и были разодраны уши, чтобы он не мог говорить о борьбе против угнетателей-крепостников, слышать призывов и песен батыров, зовущих к борьбе за свободу. Колонизация башкирских земель усилилась. Народ был разорен грабежами. Все это видел мальчик Салават. Он рос на земле, пропитанной кровью и слезами его народа».

Выявляя корни башкирского национального освободительного движения и истоки поэзии того времени, автор ссылается на работы русских исследователей XIX века Ф. Нефедова и Р. Игнатьева. Когда он приступал к анализу выпущенного к юбилею Салавата сборника, то прекрасно понимал насколько осложняло задачу его составителям отсутствие оригиналов, какого труда им стоило подготовить его к изданию при наличии множества вариантов стихов, сохранившихся в памяти народной, и подстрочных прозаических переводов на русский язык. Рами сознавал, какую ответственность на себя берет, решившись дать оценку этой книге, вступительную статью к которой написал кандидат исторических наук Ш. И. Типеев. Он же был редактором стихов, переведенных Владимиром Филовым. Студент намеревался выяснить, насколько успешно справились составители сборника с возложенной на них задачей. Удалось ли им привнести нечто новое в образ национального героя, поэта и воина?

С высоты сегодняшнего дня трудно судить о степени новизны этой тоненькой книжицы со стихами Салавата Юлаева на русском языке, благо за последнее время появилось большое количество трудов о нашем национальном герое. После долгих дискуссий о дате рождения Салавата был утвержден 1754 год, и в 2004 году наша республика с невиданным доселе размахом и воодушевлением отметила

250-летнюю годовщину со дня его рождения. К этому юбилею было выпущено до двух десятков книг разных жанров. Увенчал же эту серию фундаментальный труд — энциклопедия «Салават Юлаев», представляющая собой уникальное явление не только в масштабах России, но и всего мира.

В соответствии с указом, подписанным президентом Республики Башкортостан М. Г. Рахимовым, дни рождения Салавата отмечаются с тех пор ежегодно на государственном уровне. А в середине прошлого столетия празднества по поводу юбилея героя проходили намного скромнее нынешних, и поэтому выход книги его стихов в переводе на русский язык был воспринят как выдающееся событие.

С особым нетерпением ожидал ее появления и Рами Гарипов, который был его земляком и подписывался под своими стихами не иначе, как Рами Салаватский. Однокурсники знали, до какой степени он этим гордился. Салават Юлаев прославился на всю страну благодаря школьным учебникам по истории и художественному фильму, снятому еще до войны. Поэтому у многих Башкортостан ассоциировался, в первую очередь, именно с образом этого героя. Теперь же Рами Гарипову предстояло рассказать студентам литинститута не только о жизни своего земляка-батыра, но и познакомить их с ним как с поэтом!

С трепетом берет он в руки только что вышедший сборник, раскрывает его, вчитывается в первое стихотворение... И что же? — Восторг на его лице почти сразу же сменяется миной разочарования: книга не оправдала надежд молодого поэта. Он встревожился: если его коллеги из других республик ее прочтут, они могут потерять интерес к Салавату. Не переменится ли к нему отношение? Не перестанут ли считать его великой личностью? Нет, Рами просто не имеет права молчать!

Некоторые переводы он нашел удачными, но понимал, что они не спасут положение. И чем скорее Рами заявит о недостатках, тем будет лучше. Чтобы не дать злопыхателям повода к разного рода нападкам, нужно заранее их пресечь.

Нетрудно себе представить, какая буря поднялась в душе Раши Гарипова, который вырос с именем Салавата на устах. Но он не отдался на волю стихии эмоций. Сохраняя трезвость рассудка, Раши всесторонне изучил проблему, после чего написал основательную, хорошо продуманную статью. Отметив положительные моменты, он высказал претензии к переводчику Владимиру Филову, упрекнув его в недостаточной самокритичности. Заодно досталось и автору вступительного слова Шамгуну Типееву, который не проявил, по мнению Раши Гарипова, должной требовательности к переводу.

«Есть удачные переводы, передающие настоящую душу салаватовской поэзии. Но есть переводы, которые идут не от Салавата, а от самого Филова, где много слов и мало поэзии.

Совсем непростительным является перевод стихотворения Салавата «Урал»... Филову почему-то понадобилось делать стихотворение сухим, холодным и выдать свои кликвые строки за строки Салавата. Нет здесь и колорита. Нет салаватовской теплой задумчивости, мечтательной влюбленности в природу, глубокого лиризма Салавата и простора, широты. Величавая картина Урала филовским стучащим ритмом уничтожается:

*«Славен мой Урал
Высотой скал.
Гребни горных круч
Блещут из-за туч и т. д.*

И как же “Гребни горных круч блещут из-за туч”? Несерьезно. Это пародия на Салавата».

Очень резкие слова. Но они, определенно, имеют под собой основу. Критика для автора — не самоцель. Если бы данное издание было достойно похвал, Раши принял бы его всей душой. Он ведь возлагал на книгу столько надежд. И обманулся. Не видя иного выхода, студент решил высказать свое мнение о книге и предпринять все от него зависящее, чтобы оно дошло до читателя.

Раши подробно проанализировал почти все вошедшие в сборник произведения, в том числе и стихотворение

«Джигиту». В целом он оценил его положительно, но выразил недовольство вольным обращением переводчика с материалом: «Филов брал то, что принадлежит Салавату. Но последнюю строфу опять добавляет от себя, вытягивая мысль, как тесто, в то время как у Салавата она ясно и четко помещается в двух строках».

Порою своеволие переводчика переходит все границы дозволенного, доходя до настоящего произвола. Так, например, стихотворение, подаваемое Игнатьевым под названием «Сеча», превращается у Филова в «Славу богатырей». Рами, не церемонясь, высказывает то, что о нем думает: «Это стихотворение Филова, а не Салавата. Мы отказываемся от таких подделок, написанных руками спекулирующего именем национального героя башкирского народа. В его стихотворении нет ничего, кроме неконкретных, нехудожественных строк с восклицательными знаками. Не было у Салавата таких стихов и песен, которые не являлись бы сильным оружием в борьбе за свободу... Нельзя же заниматься фальсификацией произведений Салавата, когда есть на башкирском языке стихи и песни, записанные у народа».

Обвинения Филова в самоуправстве Рами Гарипов убедительно аргументирует. Выступая против вольного обращения со стихами, он в то же самое время не принимает дословного перевода и приводит в связи с этим высказывание Пушкина в адрес Жуковского: «Рабская верность может стать рабскою изменою». Рассуждения автора о параллелях с башкирским фольклором и об образной антитезе в стихах Салавата («Стрела»), о свойственном батыру-поэту «воинствующем гуманизме» говорят о том, насколько глубоко проникся он этой темой. Концовка статьи обращена к будущему: «Стихи и песни Салавата ждут нового переводчика, настоящего поэта, который должен хорошо знать Салавата, его время и историю крестьянской войны 1773—1775 гг., башкирское устное народное творчество и башкирский язык, на котором пел и писал бессмертный Салават».

Выход книг башкирских писателей на русском языке в то время, в начале 50-х, был очень редким явлением.

Поэтому сборник стихов Салавата не мог не привлечь к себе внимание как башкир, так и людей других национальностей, не говоря уже о местных литераторах, некоторые из которых наверняка должны были заметить явные промахи переводчика. Только публично никто даже не заикнулся о них — ни поэты, ни ученые. Чем объяснить данный факт — отсутствием вкуса, незрелостью литературного мышления или банальной беспечностью? Что бы там ни было, но поднять вопрос о недостатках отважился один лишь двадцатилетний студент по имени Раши Гарипов, проявивший невиданную для того времени принципиальность. Причем, для такого шага требовались не столько решительность и дерзость, сколько основательная подготовка, широта взглядов, интуиция, понимание сложности и своеобразия процесса поэтического перевода, но, самое главное — искренняя озабоченность судьбой родной литературы.

К сожалению, в период его учебы в Литературном институте ни одна из двух статей не была напечатана. Может быть, автор сам не пожелал отдать их в газету или в журнал, заведомо зная, что никто не возьмет на себя смелость опубликовать эти материалы, особенно статью о сборнике стихов Салавата.

В 60-е годы книги национальных поэтов на русском языке стали выходить уже чаще, а пик пришелся на 70-е годы. Между тем переводческая работа зачастую больше смахивала на ремесло, а не на искусство. Раши Гарипов забил тревогу по поводу недостаточной требовательности к качеству переводов уже за два-три десятилетия до этого. И пусть он даже не годился в прорицатели, но обеспокоенность его была вполне оправданной.

Раши читал горы книг как русских, так и зарубежных авторов, находя также время для знакомства с творчеством великих композиторов, внимательно изучал и конспектировал произведения классиков марксизма-ленинизма, регулярно посещал творческие семинары и занимался научными исследованиями. Время от времени он представлял материалы в газеты. Готовя их, Раши старался выявить все детали описываемого. Например, чтобы написать очерк

о Зое Космодемьянской, он несколько раз побывал в московской школе, в которой она училась, добирался лунной ночью на лыжах до деревни Петрищево, где фашисты казнили юную партизанку. Ему удалось разыскать двух женщин, видевших, как Зою допрашивали, били и пытали. Рами обошел места, где мучили героиню, побывал у мраморного памятника, поставленного ей посреди деревни.

О Зое Космодемьянской было очень много написано, но Рами Гарипову хотелось самому всем сердцем прочувствовать то, что она пережила, чтобы донести это, в свою очередь, до читателя. И Рами со своей задачей успешно справился, сумев правдиво и живо передать увиденное и услышанное. Он описал местные дома и подворья, избу, в которой прошли последние минуты жизни Зои, заснеженную улицу, где происходила страшная казнь, и привел воспоминания очевидцев.

Очерк Рами Гарипова был напечатан 15 марта 1953 года в газете «Совет Башкортостаны». Находившийся в то время в Уфе, Рами слышал о нем много добрых отзывов. Это был первый серьезный шаг, сделанный им в журналистике. Столь памятное событие молодой автор не преминул запечатлеть в своем дневнике: «Утром в витринах и на щитах уфимских улиц были размещены и расклеены экземпляры “Совет Башкортостаны” со статьей “Бессмертная девушка”. Я с восторгом наблюдал, как люди останавливались и читали ее. Купил целую пачку и раздарил друзьям, знакомым, воспитателям детдома и интерната».

В послании Мустаю Кариму от 9.10.51 Рами Гарипов писал: «Нужно торопиться. Не успеешь и глазом моргнуть, как московские годы пролетят, а мне так и кажется, что я не успею научиться всему, что нужно». Вот он и прикладывал все усилия, чтобы повсюду успеть. Иногда Рами бегал в «Детгиз», где проходили интересные беседы о детской литературе. А однажды ходил в Московский университет специально ради того, чтобы почитать стихи известного турецкого поэта Назыма Хикмета в оригинале.

Несмотря на все старания, объять необъятное Рами не мог. Ему не хватало на все времени. Однако Москва —

на то и Москва, что здесь невозможно и дня прожить, не узнав и не увидев чего-нибудь нового. Театры, музеи, литературные вечера были Рами Гарипову, конечно же, не в диковинку. Все это было знакомо ему по уфимскому периоду, разве что в столице культурная жизнь происходила на ином уровне и в других измерениях. Студентам Литературного института предоставлялись в этом плане большие возможности. Их культурный досуг не ограничивался посещением всемирно известных театров и музеев, выставок и участием в творческих встречах. Организовывались также поездки и за пределы Москвы. Рами посчастливилось, например, дважды побывать в Ленинграде. Отправившись туда во второй раз, по пути он заехал с товарищами в Великий Новгород, где их возле памятника «Тысяча лет с Россией» застал дождь. Пока молодые люди отсиживались в укрытии, пережидая, когда кончится дождь, они старательно переписали сведения об истории создания памятника.

В «северной столице» студенты осмотрели главные ее достопримечательности: Эрмитаж, Русский музей, Петропавловскую крепость, крейсер «Аврора». Своими впечатлениями Рами не замедлил поделиться с Марьям Гималовой, отослав ей письмо прямо из Ленинграда: «Такое ощущение, будто за неделю я поумнел... Многое узнал, закрепил то, что знал, и понял, что того, чего я не знаю, стало еще больше, и выяснил, чего мне еще не хватает. От этого становится как-то неловко и стыдно перед самим собой... И в то же самое время – радостно. В музее Пушкина я плакал, точно собственными глазами видел его смерть и слышал прощальную фразу: “Прощайте, друзья!”».

Когда-то, будучи в интернате, Рами проплакал целую ночь над книгой о Тукае и теперь испытал настоящее потрясение при посещении дома, где прервалась земная жизнь гениального Пушкина.

«Сегодня побывал в Петропавловской крепости. Незабываемый день! Когда-то сюда был заключен Радишев за свое “Путешествие”, здесь мучили декабристов. В этом жутком месте Чернышевский создал роман, который озарил лучом просвещения стольких людей, а в одной из

сырых, холодных и темных камер харкающий кровью больной Горький за месяц написал “Детей солнца”... Если бы я всего этого не увидел, многое потерял бы. А мне нельзя ничего упускать. Нужно спешить. Ведь эти годы никогда ко мне уже не вернутся».

Да, в день посещения крепости Рами как будто наяву повстречался со своими кумирами Чернышевским и Горьким, увидел, в каких условиях они, не теряя присутствия духа, творили свои знаменитые произведения. Подобные встречи выпадают человеку не часто, они не проходят бесследно. «И стыдно, и радостно, и горестно, и приятно», — пишет Рами. Такие вот несовместимые чувства рождаются и сталкиваются в его душе. Он стыдится, что многого еще не знает, и одновременно радуется самой возможности познания. Страдания великих болью отзываются в его сердце, и вместе с тем он несказанно счастлив оттого, что может, хотя бы немного, побывать в окружавшей их некогда обстановке, погрузиться в их мир и ощутить на себе исходящую от них энергетику. Что ж, затейливые игры противоречивых чувств свойственны поэтическим натурам, когда муки доставляют радость, а холод обдает теплом.

Знакомясь с Ленинградом, молодой человек жадно впитывал в себя новую информацию, обогащая свой интеллект, и заряжался духовной энергией этого неповторимого города. Вместе с тем он ни на минуту не переставал ощущать силу притяжения родного Башкортостана.

Еще до отъезда в «северную столицу» он записал в дневнике: «Зашел к Тихоновым, чтобы расспросить о Саяме. Но у них оказались гости. Тетя Маруся позвала его жену. Я сказал, что в Ленинграде умер Саям и что я хотел бы найти его могилу. Но хозяйка его не помнит.

— В каком месяце он умер? — спросила она.

— В июне или в июле 1939 года. Николай Семенович сам написал некролог для “Литературной газеты”. Видимо, он хорошо знал Саяма. Тот был очень большим поэтом...» (27 июня, 1953 год).

Приехав в Ленинград, Рами в первую очередь наведался в Дом литератора, но и там не смог ничего разузнать. «Могилу Саяма я так и не нашел. Какая жалость.

В Союзе не знают, где он похоронен, — пишет молодой следопыт. — От этого мне просто не по себе».

Повторная поездка в Ленинград в 1955 году вдохновила Рами Гарипова на стихотворение «Белая ночь». В истории этого города поэт обнаружил следы башкирского народа:

*Обагрила их кровь поле этого боя —
За родину павших башкир-героев.
Вечной славой покрыли себя джигиты —
Батыры, подобные Шагиту.*

О том, что студентов Литературного института возили по историческим местам, можно судить также по следующему факту: в сентябре 1954 года Рами в третий раз побывал в Ясной Поляне. Для кого-то хватило бы и одного раза. Но любознательный Рами Гарипов одним посещением не удовлетворился. По-видимому, великий писатель привлекал его прежде всего тем, что писал о башкирах. Особый восторг вызвал у него в последний приезд один любопытный предмет, привезенный Толстым из Башкирии. Это были ковш и прикрепленная к нему цепь, очень искусно вырезанные из цельного куска дерева. Подарок украшала арабская вязь. На вопрос писателя, что означала сия надпись, его секретарь Булгаков пояснил: «Графу Льву Николаевичу Толстому от Арслангали Султанова».

В прошлый раз Рами почему-то не заметил этот экспонат. Ему очень хотелось узнать историю необычного подарка.

Какая гармония! На душевное состояние молодого поэта повлияли два взаимосвязанных момента: во-первых, в Ясной Поляне Рами Гарипов еще раз убедился в причастности своего народа к Толстому, во-вторых, он сделал для себя вывод, что башкиры могли вдохновить великого русского писателя на написание некоторых философских рассказов. Радуюсь этому, он проникался все большим уважением к его титаническому труду.

Подобные поездки способствовали более глубокому пониманию значения сокровищ мировой литературы и были очень важны для становления его как поэта! Со своей

стороны, эти благотворные взаимные связи содействовали развитию национальной литературы, расширяя ее границы.

Неизгладимое впечатление произвела на Рами Гарипова библиотека: «Библиотека Толстого – настоящий клад! Одно только последнее издание его сочинений включает в себя 96 томов. Тридцать из них состоят из одних писем! В библиотеке Ясной Поляны 22 тысячи книг! Он читал на 12 языках! Просто поразительно!»

Нет ничего удивительного в том, что библиотека писателя вызвала у молодого литератора такое восхищение. Еще бы, столько духовного богатства было сосредоточено в руках одного человека! Это казалось ему невероятным. Рами Гарипову, который сызмальства был помешан на книгах, хватило бы и малой толики от такого количества, чтобы чувствовать себя счастливым. На хорошую книгу он не пожалел бы последнего гроша. Уж сколько рыскал Рами по московским букинистическим лавкам в поисках многотомного собрания Даля и словаря Ушакова, но так пока и не нашел.

Большинство посетителей толстовской усадьбы в первую очередь, наверное, волновал вопрос о количестве принадлежавших помещику крестьян. Рами же материальная сторона жизни писателя не трогала. Он пожирал глазами его книги, не переставая поражаться тому факту, что один человек мог написать почти сотню томов! А ведь сколько было среди них толстенных романов и повестей...

Рами невольно задумался о незавидной доле родной литературы: после расправы над первыми романистами во время кровавого террора 30-х башкирские прозаики не создали пока ни одного романа. То ли стыдиться, то ли горевать по этому поводу? Да что толку – ни то, ни другое не поможет. Остается только надеяться на молодых.

Если в Уфе Рами Гарипова больше всего привлекала республиканская библиотека, то в Москве таким же святилищем стала для него Московская Всесоюзная Государственная библиотека имени Ленина. Безусловно, она была несравнимо богаче уфимской, представляя собой бездонный и безбрежный океан. Башкирский студент проводил здесь порою даже не дни, а целые недели. И до того он,

бывало, увлекался, что забывал даже про институт, о чем можно узнать, читая его дневник: «Не хожу на лекции, дни напролет сижу в Ленинской библиотеке, составляю словарь. Главное богатство языка народа хранят его прекрасные легенды, песни, пословицы и поговорки. Вот уже десять дней переписываю «Героический эпос». Записал также легенды «Мэргэн и Маянхылыу», «Юлай и Салават», «Карахакал» и «Акбузат»».

Одним из самых любимых его занятий было копаться в толстых словарях, о чем читатель может судить по фрагментам его записей разных лет: «Самая актуальная для меня тема: слова, слова, слова! Это мои боги!» (18.03.52); «Вернувшись в Переделкино, принимаюсь за словарь. Я начал записывать башкирские слова, которые не употребляю и редко слышу, вместе с их толкованиями: названия камней и минералов, полезных ископаемых, трав, цветов, деревьев, товаров, тканей, животных, птиц, насекомых, разных болезней. Я очень много думал о том, как нам нужен толковый словарь башкирского языка» (27–04.53); «Единственное мое утешение – слова!» (1–10.10.53).

«Слова поэта суть дела его», – говорил Пушкин. Вся жизнь литератора проходит среди слов. Но сколько же творческому человеку приходится испытывать потрясений и гореть, чтобы творить при помощи слов произведения, могущие запасть в душу читателю.

СОМНЕНИЯ И ПОИСКИ

На девятнадцатом «перевале» Рами Гарипов оказался на таком подъеме, что увидел, как горизонты вокруг него расширились и мир предстал его взору более ярким и насыщенным. Такое происходило с ним во второй раз. Впервые же Рами испытал подобное состояние в конце лета 1946 года, став учеником Уфимской школы-интерната, перед которым распахнула свои двери страна знаний, искусства и творчества. Оказавшись среди дарованных ему чудес, благодарный мальчик старался жить так, чтобы ни одного дня не тратить впустую. Но сколь бы отчаянно ни

боролся человек, физические возможности его, увы, ограничены. Даже для тех, кто готов работать с полной самоотдачей, нет исключений. И все же настырный парень из всех сил пытался обуздать судьбу, крепко-накрепко вцепившись ей в гриву. Подчинив своей цели ресурс времени, он выжимал его до последней капли. И вот теперь, оказавшись на новом витке спирали жизни, Рами должен был максимально использовать еще один предоставленный ему шанс, какой выпадает далеко не каждому. Почва для роста была самая, что ни на есть, благодатная. С тех пор как выпускник одной из уфимских школ был принят в Литературный институт, его окружала совершенно особенная, необыкновенная среда. Полный надежд, он радовался открывшимся перед ним перспективам, предчувствуя грядущие великие перемены.

Общение с эрудированными людьми, содержательные лекции, увлекательные семинары, беседы и жаркие дискуссии с однокурсниками на всевозможные темы — все это захватило Рами Гарипова с самого начала. В неменьшей степени он был очарован самой Москвой, где улицы, площади и чуть ли не каждое здание имели свою историю. А театров и музеев было столько, что не счесть, и уж тем более — не обойти. Чего стоила одна только Ленинка! Даже если все дни напролет просиживать в читальных залах этой богатейшей библиотеки, не начитаешься. Ты можешь считать себя достаточно образованным человеком, но, попадая в круги столичной интеллигенции, начинаешь осознавать, насколько еще невежественен, и понимаешь, что тебе есть к чему стремиться. Только вот откуда взять столько сил и терпения, чтобы одолеть труднейшие задачи, которые ты поставил перед самим собой?

Рами уже успел сделать несколько важных шагов по направлению к цели: приехал в Москву, поступил в желаемый вуз и, засучив рукава, принялся за учебу. Зарекомендовав себя с наилучшей стороны, он пользовался уважением не только среди студентов, но и преподавателей. От него многого ждали, на него возлагали большие надежды. Вопрос в том, сумеет ли Рами их оправдать? Верный ли избрал он путь? Сможет ли найти себя, занять достойное место и утвердиться в огромном мире литературы?

Не прошло и двух месяцев с начала учебы в Москве, а парень уже в смятении, что видно из его письма Гималовой: «Марьям-апа, иногда мне, только-только вышедшему из-за парты, кажется, что я рановато явился в Москву. К тому же я здесь один. Думаю, что прежде чем поступать сюда, мне нужно было проучиться пару лет в нашем пединституте. Но в то же самое время, сознавая, что каждая прослушанная здесь лекция дает мне столько, сколько я знал до сих пор, я буквально схожу с ума от радости и восторга».

В начале декабря 1950 года перед студентами литинститута выступил Илья Эренбург, рассказавший им о психологии творчества. Находясь под глубоким впечатлением от его блистательного выступления, Рами спешит поделиться им с любимой учительницей: «Марьям-апа! Если бы и вы побывали здесь! Какой это прекрасный человек — Эренбург! Я слушал его с еще большим трепетом, чем Фадеева. Это высокообразованный, эрудированный, в высшей степени культурный человек. Уж сколько писателей мы повидали, но такого, как он, я пока еще не встречал».

Будучи студентом первого курса, Рами должен был чувствовать себя невероятно счастливым, слушая признанных во всем мире литераторов. Так оно и было, но это вовсе не мешало ему трезво и беспристрастно оценивать их выступления. У него была возможность сравнивать и делать определенные выводы.

Как видим, из числа маститых писателей Рами выделил Илью Эренбурга. Но суть его письма Марьям Гималовой заключалась в другом. Вот его продолжение: «Однако эта встреча меня расстроила. Я ощутил себя вырванным с корнем растением. Как будто я ошибся в выборе института. Не имея достаточного жизненного опыта, я вдруг очутился в профессиональной среде. А ведь самая большая школа для писателя — это жизнь и постоянная работа над собой. Если бы Горький не закончил своих жизненных университетов, он не смог бы стать Горьким. И если бы Толстой не был очевидцем Севастопольских событий, то мир не имел бы «В.И.М.» («Война и мир». — Р. Б.). Главное для писателя — находиться в гуще жизни. Я же чувствую

себя как в клетке. А ведь даже учеба в аэроклубе стала для меня большой жизненной школой. И сколько дал мне поход 1948 года! Я чувствую себя раздвоенным, как никогда. Даже каюсь за свое первое опубликованное стихотворение...»

Далее сомнения юного поэта не только не рассеиваются, но еще сильнее одолевают его: «Знать бы, куда все это меня заведет... Боюсь, а вдруг ничего не получится и из меня не выйдет никакой толк... Прямо не знаю, что и думать. Кажется, в жизни моей наступает творческий кризис».

Такая вот коллизия. С одной стороны – блестящие перспективы, возможность учиться, будучи студентом единственного в своем роде института, у именитых ученых – у авторов вузовских учебников, а также постижение секретов литературного творчества, общение с интереснейшими людьми и прочие пути духовного обогащения, с другой стороны – ощущение себя как в клетке, в отрыве от реальной жизни. До чего же переменчиво настроение у молодого человека, который беспрестанно стремится к росту и ежедневно чего-то добивается. Конечно, этот антагонизм не был столь трагичен, как ему казалось. Расколоть такую сильную личность он не мог.

И вот Рами снова в главной библиотеке страны, где отвлекается настолько, что забывает об остальном мире. Да и на лекциях в институте не заснешь. Они были очень интересны и познавательны. А ведь Рами Гарипов только и делал, что заботился о наращивании багажа знаний. Между тем главенствующее место среди его приоритетов неизменно занимало творчество. Именно ради обожаемой им поэзии он так рвался в Москву, готовый положить на служение ей всю свою жизнь. Отсюда и усердие в учебе, желание расширить кругозор. Чтобы достичь высокого уровня профессионализма и мастерства, Рами жаждал как можно глубже проникнуть в мир литературы, овладеть необходимыми приемами и навыками, научиться смело и правильно излагать мысли, умело защищать свою позицию. Для творчества все это, безусловно, необходимо. Но было нечто более важное – это радость, которую

доставляли ему собственные искания и открытия. Совсем как в школьные годы, особенно в старших классах.

Если написанное тобой печаталось в республиканских изданиях, значит, поиски твои были вовсе не напрасными. Все так, но только здесь, в столичной литературной среде, ты уже иначе воспринимаешь свои прежние достижения, замечаешь недостатки и становишься еще более строгим, требовательным к себе. Стоит ли удивляться после столь безжалостной переоценки тому, что тебя начинают терзать сомнения.

В течение первого семестра первокурсник Раши Гарипов занимался стихами, написанными в Уфе. Дорабатывал старые, добавляя к ним новые и в конце 1950 — начале 1951 года завершил цикл «От мечты — к реальности». В подборку вошли шесть его стихотворений: «После экзамена» («По улице Пушкина»), «Последняя ночь», «Покидаю тебя, Уфа», «Думы о столице», «Студенческая осень» и «Я — хозяин». Перечисленные стихи были навеяны в основном событиями последнего года в школе, прощанием с Уфой и мыслями о том, что его ждет Москва, мол, «Я к тебе еще вернусь, а пока я спешу в институт».

В названии, которое Раши дал этому циклу, ощущается влияние такого распространенного в башкирской поэзии 30–40-х годов приема, как антитеза. Да, поэт не очень отклоняется от заданного курса, от истоптанной тропинки типа «Раньше было трудно, а сейчас легко», но темы, которые он затрагивает, уже сами по себе выводят его за рамки такого рода примитивных сравнений. И то, что выпускники башкирской школы, встречающие рассвет в уфимском парке имени Салавата, обсуждают на родном языке планы на ближайшее будущее, собираясь ехать учиться в Москву, является не только показателем, но и символом больших перемен, произошедших в судьбе башкирского народа. Пусть это нельзя назвать историческим событием, все равно данный факт говорит о духовном росте Башкортостана. И как же замечательно, что мы воспринимаем его с подачи поэта, воспитанного в той самой среде, о которой он пишет. Невольно начинаешь думать, что приход такого человека в нашу литературу был

не случаен, а обусловлен временем, что в его появлении назрела объективная необходимость.

Несмотря на то что название цикла «От мечты — к реальности» не отличается оригинальностью, вошедшие в него стихи интересны тем, что автор стремился выразить в них настроения и чаяния юного поколения, чему в башкирской поэзии до сих пор уделялось очень мало внимания. На первый взгляд кажется, что эти произведения вполне соответствовали требуемому уровню, но вместе с тем им явно не доставало конкретных деталей и ярких образов.

Впоследствии подборка из четырех стихотворений этого цикла под названием «Дорога в жизнь» войдет в первый сборник Рами Гарипова «Юрюзань». По-видимому, поэт и сам понимал, что некоторым из его стихов далеко до совершенства, иначе бы он не занимался их переработкой, представляя в разных книгах в новых текстологических вариантах.

Однако вернемся ко времени их написания, когда автор сообщает о том, что завершил свой цикл под названием «От мечты — к реальности». Он явился этапным — по сути дела итогом творческих исканий школьника Рами Гарипова. И теперь молодой поэт ставит перед собой другие задачи.

Казалось бы, насквозь пропитанная живительным творческим духом литературная среда, включая институт и дачи, где жили студенты, будет постоянно вдохновлять его на создание новых стихов. Но это было не так. Очень много времени отнимали у Рами как учебный процесс, так и подготовка к занятиям. Такую нагрузку еще можно выдержать, как не привыкать к бессонным ночам и к трудностям. Только вот писать удавалось редко. Это обстоятельство удручало его больше всего. Конечно, нельзя сказать, что Рами был в полном творческом простое — новые стихи все же появлялись. Так, после цикла «От мечты — к реальности» Рами написал длинное стихотворение «Любимой». Бурная школьная любовь все еще напоминала о себе. И причиной этого творения была все та же Марият. Ее образ нет-нет да и встанет у него перед глазами,

кольнет в сердце. Только где найти такие слова, чтобы пронять непрístupное девичье сердце?

Рами все еще не может избавиться от пафосных обещаний, заклинаний и от трафаретов типа: «Если бы эти рукигодились для работы, я считал бы себя полноценным человеком и чувствовал бы себя счастливым», «Не могу освободиться от душевной пустоты и бродить вечерами, заглядываясь на девушек». Он и сам, наверное, чувствует, что эти строчки, как и словосочетание «полноценный человек» беспомощны, но у него рука не поднимается зачеркнуть их. Со временем Рами многое выбросит из этого стихотворения, последнюю строфу слегка сократит, а первую оставит. В итоге его длинное стихотворение предстанет примерно в таком виде:

*Коль скоро ценишь в людях ты
Одну лишь красоту,
Не надо мне твоей любви.
Пусть красит человека труд.
А будут искусны руки мои,
Я сам себе счастье сковать смогу.
Высока моя честь и чиста душа.
Не ради любви я на свете живу —
Любовь мне для жизни нужна.*

Все вроде бы складывалось хорошо — и учеба, и общественная работа. Только вот со стихами не ладилось. Московские впечатления выливались в какие-то отдельные стихотворные строчки, но дальше этого не шло. Предать их бумаге пока не получалось. Взять, например, стихотворение «На Красной площади». Казалось бы, строки зарифмованы, как надо, и слова на своих местах. Но написанное Рами Гарипова все равно почему-то не удовлетворяло. Как выразился он сам, нет того ощущения, которое испытываешь от хорошего стихотворения. Не берет за душу.

Рождение стихотворения «Повестка» тоже не доставило поэту радости. Оно начинается словами о том, как вечером, вернувшись из института в общежитие, он обнаруживает на столе повестку с требованием явиться на следующий день в военкомат. Рами понимает, что нужны какие-то

особенные слова, чтобы выразить состояние, вызванное у него событием столь знаменательным в жизни каждого молодого человека. Но начало не обнадеживает. Оно звучит, скорее, как сообщение. А если написать ту же строфу без соблюдения рифм, то это будет уже не что иное, как проза.

9 октября 1951 года Рами пишет письмо Мустаю Кариму: «Мустафа-агай! Прошу прощения за то, что так долго молчал и уехал, не попрощавшись. Причина в том, что я не хотел являться к вам с пустыми руками. Потому что ничего путного я не написал. Все лето промучился, сердце ныло. Когда получается хуже, чем раньше, я расцениваю это как преступление. А писать есть о чем. Как-то раз получил повестку, сходил в военкомат и, когда вернулся, быстренько накропал кое-что. Это была первая ласточка после долгого простоя. Но такой радости, как прежде, которая охватывала меня после каждого написанного мною стихотворения, я не испытал. Даже подумалось, что ничего из меня не выйдет. Прямо не знаю, что и делать. А учеба продолжается. Весело. В прошлом году, поддавшись сомнениям, я решил, что сильно ошибся. Это неверие в себя постоянно меня терзало. Я чувствовал себя так, как будто потерял что-то ценное, очень нужное мне. А в этом году мне хорошо. Только времени не хватает. Надо учиться, учиться и чему-нибудь научиться. Больше всего боюсь оказаться неучем».

В том же 1951 году Рами написал стихотворение «Река счастья». Не исключено, что оно было навеяно посещением Горьковской области – родины Федора Сухова и впечатлениями от Сталинграда. Во время кровопролитной исторической битвы, происходившей на берегах Волги, погиб его отец. Сколько страшных картин представлял он себе, бродя вместе с другими школьниками среди развалин и пепелищ, сколько мучительных переживаний было связано у него с этим городом. Всего, что здесь когда-то происходило, не передашь ни в стихах, ни в поэмах, ни в романах! Впрочем, молодой поэт такую грандиозную задачу перед собой и не ставил. По всей вероятности, для него имело значение только то, что касалось лично его.

Одним из самых ценных достижений в поэтическом творчестве считается умение добиться того, чтобы другие трепетали и думали, как ты, разделяли твои волнения и тревоги, чтобы вызвать у читателя и слушателя изумление и восхищение тем, что именно тебе удалось выразить чувства, которые они испытывали, но не смогли бы сами передать. Далеко не каждому такое под силу.

А среди самых частых напастей в искусстве стихосложения – общие слова и фразы. Особенно грешат этим начинающие поэты, что видно по стихотворению Рами Гарипова «Река счастья». Это один из многочисленных образцов, порожденных шаблонным мышлением, тормозящим рост поэта. Уже само его название напоминает господствовавший в литературе того периода оптимистический принцип, исключавший трагическую развязку сюжета, дескать, «в нашей стране нет места несчастью». Следование этому принципу неизбежно приводило к бесконфликтности. Несмотря на то что официальная критика на словах осуждала это явление, все понимали, что иной подход был фактически исключен. Между тем в реальной жизни без конфликтов не обходится. Даже то, что изображалось в кинофильмах и в литературных произведениях, противоречило действительности. В то время как, например, колхозники, проливавшие в поле пот, жили впроголодь, на экране царил идилия, зрителю показывали красочные столы, ломившиеся от всевозможных яств. Да и сами главные герои были, как правило, чересчур идеальны, мало напоминая реальных людей. Соответственно этому складывались у них личная жизнь и карьера. Произведения разных литературных жанров создавались словно по одной схеме. Между тем известные постановления ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (от 14 августа 1946 г.) и о репертуаре драматических театров (от 26 августа 1946 г.) еще больше ограничили творческие возможности деятелей культуры.

Получилась довольно-таки неприглядная картина состояния послевоенной советской литературы в целом и башкирской в частности. Возможно, мои рассуждения покажутся кому-то резковатыми, ведь мы постоянно только

и слышали, что о поступательном развитии всех сфер нашей жизни и большинство из нас беспрекословно принимали навязываемую обществу позицию. Но вот наступило время, когда нам открыли глаза на то, что замалчивалось, скрывалось или выставлялось в ложном свете, однако это ведь не значит, что мы должны игнорировать положительные моменты нашего прошлого, коих тоже было немало, чернить и фальсифицировать, как нам заблагорассудится, советскую действительность. Нельзя, например, забывать и отрицать то прогрессивное, наряду с отрицательным, что дала Октябрьская революция башкирскому народу и другим нациям СССР. А насколько опасно беспамятство, история уже не раз доказывала.

В каком бы трудном положении ни находилась башкирская литература в послевоенные годы, она не стояла на месте, продолжая накапливать опыт и потенциал. Ряды литераторов пополнили в то время Хаким Гиляжев, Гилемдар Рамазанов, Шариф Биккул, Муса Гали, Габдулла Ахметшин, Динис Исламов, составившие целую плеяду поколения фронтовиков, так сказать, «могучую кучку». В 1949 году стал выходить журнал «Эдэби Башкортостан». Наладило работу республиканское книжное издательство. Повысилось внимание к переводу. Росло количество переводимых книг, среди которых были не только уже известные, но и совершенно новые произведения, получившие высокую оценку как читателей, так и критики.

Одержавший Великую Победу народ переживал в те годы небывалый духовный подъем. Всеобщая эйфория захлестнула в числе прочих и литературу. Наше советское общество создано исключительно для счастья, мы с уверенностью смотрим в будущее, нашим людям неведомы страхи, тревоги и сомнения, наш путь — путь победы, и каждое произнесенное великим Сталиным слово открывает перед нами новые горизонты — такие вот «непреложные истины» внушались людям, внедрялись в их сознание самыми разными способами. Этой цели должны были беззаветно служить, в первую очередь, деятели литературы и искусства, в немалой степени — киноискусства, образования и науки, в особенности, истории и философии.

И многие из них, действительно, служили ей верой и правдой, отдавали этому делу свою энергию и талант. Некоторые даже удостоивались за рвение высоких правительственных наград, причем не по одному разу. В конечном итоге именно они стали задавать тон в искусстве и в литературе. На них, что бы эти деятели ни выдавали, должны были ориентироваться остальные. А творили они, как уже подчеркивалось выше, чуть ли не по официально утвержденному образцу.

Этот примитивизм отравлял сознание представителей молодой смены, искусственность опутывала их, как паутина, ложный оптимизм въедался в плоть и кровь. Именно тогда и была написана «Река счастья» — стихотворение, которое не стало исключением в условиях, когда вся советская литература испытывала на себе влияние фальшивых ценностей. Ситуация не изменилась, и даже более того, во второй половине века декларативные призывы, подобострастные реверансы в адрес вождя, проклятия в сторону империализма достигли своего апогея. Поэтические опусы такого характера заполнили все центральные и местные печатные издания. Начинающим литераторам, разумеется, было трудно сориентироваться в обстановке засилья серости и уж тем паче найти в ней собственный путь. Рами Гарипов тогда тоже не был в состоянии избавиться от штампов и сказать в поэзии свое слово. Об этом можно судить по его студенческим стихам.

Конечно, он привнес через них в башкирскую поэзию не характерные для нее детали, вроде метро и Тверского бульвара, но его мышление осталось прежним: воспевание все той же любви к труду и вечной весны, переживаемой страной. Если, например, в стихотворении «Мои маленькие друзья» заменить Москву на Уфу, а Тверской бульвар — на улицу Тукая, в нем ничего не изменится. У молодого Рами Гарипова были лишь готовые клише, а вот своеобразные люди, которых знал только он, его собственные поэтические образы и независимые суждения, к сожалению, пока отсутствовали.

Рассуждая об этом, предвижу упреки, мол, зачем вести речь о ранних стихах, написанных первокурсником, и уж

тем более заниматься разбором слабых. Дескать, неблагоприятное это дело. Вместе с тем, я не исключаю и злорадных усмешек. Кто-то может воспользоваться высказанным мною мнением себе в оправдание: «Рами тоже не сразу раскрыл свой великий талант, вон какие у него были стишки».

И те и другие предполагаемые оппоненты будут по-своему правы, однако я ставил перед собой задачу проследить весь жизненный и творческий путь поэта от начала до конца, в связи с чем посчитал необходимым уделить внимание каждому его произведению. Что же касается начального периода творчества Рами Гарипова, то я ни в коей мере не осуждаю его за огрехи, а наоборот, пытаюсь выявить их причину и оправдать. Даже талантливейшие мастера слова или гении не отважились бы назвать свои первые произведения совершенными. Удачи, несомненно, бывают, но они крайне редки и являются скорее исключением, чем правилом. Главное ведь заключается не в том, что ты проходишь этап ученичества, подражая кому-то и повторяя кого-то, а в самом результате — суметь преодолеть трудности и найти свой путь.

Когда поколение Рами Гарипова искало свое место в поэзии, эти и без того нелегкие поиски усложнялись известными ограничениями, не допускавшими никаких отклонений от генеральной линии. Оглушенные риторическими призывами и громкими словами молодые были вынуждены блуждать в дебрях безжизненных штампов. Они пребывали в плену свойственных эпохе заблуждений и вместе со всем народом свято верили в ложь до тех пор, пока она не была разоблачена. Рами, как и остальные, жил идеей построения самого справедливого и передового в мире общества, искренне поклонялся зовущему на великие дела вождю. А иначе и быть не могло, ведь все это впиталось в его кровь чуть ли не вместе с колыбельными песнями.

Примем во внимание два знаменательных, ставших достоянием истории страны события, которые произошли в год появления Рами на свет. Одно из них случилось на территории Башкортостана: в мае 1932 года рядом

с башкирским аулом Ишимбай из вышки № 702 забил нефтяной фонтан, после чего слава о башкирской нефти распространилась по всему миру. Открытие этого нефтяного месторождения, способствовавшее подъему экономической мощи СССР, окрылило жителей Башкортостана и дало новый импульс башкирской литературе. Так что, когда Раши учился читать, вся печать была пропитана всеобщей гордостью за великие стройки века.

Второе событие тоже имело отношение к Уралу: в сентябре 1932 года в деревне Герасимовка Тавдинского района кулаки убили пионера Павлика Морозова. Имя трагически погибшего от рук врагов советской власти мальчика было фактически канонизировано, из него сделали чуть ли не святого мученика. Его образ превратился в символ честного, убежденного пионера. На протяжении многих лет он эксплуатировался в качестве образца в деле воспитания школьников в духе верности идеалам коммунизма. В память о юном пионере-герое открывали музеи, о нем писали книги, слагали стихи и снимали фильмы.

После Октябрьской революции минуло всего лишь пятнадцать лет, но за этот период успело подрасти и сформироваться поколение, не знавшее иной эпохи и, соответственно, иной политической системы. Молодых людей воспитали так, что они готовы были в любую минуту, если потребуется, пожертвовать собой во имя торжества новой жизни. Нетрудно себе представить, какие стихи заучивали, какие песни пели и каким памятникам поклонялись родившиеся в год гибели Павлика Морозова детишки. Огонь, зажегшийся в груди юного пионера-героя, передастся комсомольцу Олегу Кошевому, с еще большей силой воспламенившись в его сердце, и заложенная в те годы вера еще прочнее укоренится в сознании поколения Раши Гарипова. Москва же превратится для них в Мекку, Красная площадь и Мавзолей — в Каабу. Свидетельством тому строки, написанные Раши на втором курсе:

Жить в одном городе с вождем!..

Я вначале не верил этому.

И сегодня пишу вам письмо:

Из Москвы шлю детдому приветы я!

В этом стихотворении, названном «Привет детдому из Москвы», проглядывает сюжет, достойный целой поэмы или романа: воспитанный в детдоме мальчишка получает образование в Москве. И не где-нибудь, а в единственном на весь мир Литературном институте! «Из Москвы шлю детдому приветы я!» – чтобы произнести эти слова, чтобы подняться на такую высоту, сколько же нужно было стараться, сколько трудностей преодолеть, сколько помощи и поддержки потребовалось от окружающих людей! Как же тут не гордиться счастливой судьбой, как не благодарить любимое Отечество?! И благодарный юный поэт живет радостями и бедами своей страны.

Его жизнь проходит в ускоренном ритме московской жизни. Из дневника 1953 года: «1 апреля, среда. Вся Москва сияет весенним светом. Лицо каждого лучится. Москвичи все куда-то спешат и спешат. Таких суетливых и торопливых людей больше нигде не увидишь. И я привык к этой спешке. Сам того не замечая, начинаю ускорять темп своей жизни... Люди останавливаются перед газетными витринами и с радостью читают о снижении цен на продукты и одежду».

Несмотря на послевоенные трудности, жизнь в этом сияющем мире улучшалась, быт постепенно налаживался. А ведь еще совсем недавно Москва выглядела по-другому. После известия о кончине Сталина люди ходили с почерневшими от горя лицами. С тех пор прошел почти месяц. Рами вспоминает строки, написанные им в момент невыносимой боли от невозполнимой утраты:

*Медленно падает хлопьями снег,
То не белый снег, а горе черное...
Есть ли на свете беда страшней,
Чернее этой и горше?..*

*Навеки мы потеряли друга
Самого дорогого и близкого.
Прочь слезы! Они не помогут
Обратно его вернуть.*

*Трижды в жизни я видел тебя,
И на три жизни набрался силы.
До последней капли ее теперь
Готов я отдать за дело Отца.*

В стихотворении «Навеки вместе» нет ни капли искусственности. Не чувствуется никаких потуг и стороннего влияния. Оно исходит из самого сердца человека, который искренне поклоняется идолу и слепо верит ему.

По прошествии стольких лет и событий чувства советских людей середины XX столетия могут показаться неправдоподобными. Их не понять молодому поколению начала века нынешнего. Но это не может служить основанием для осуждения прошлого. И уж тем более мы не имеем права судить паренька, который признается, что трижды видел Сталина и каждый раз получал от этого мощный заряд, как и за то, что он называл вождя Отцом. Если уж мы дойдем до этого, то не исключено, что найдутся люди, которые подвергнут сомнению и многочисленные факты подвигов, совершавшихся нашими воинами, шедшими в атаку со словами: «За Родину, за Сталина!» С этим кличем с львиной яростью бросались наши герои на вражескую амбразуру и против танков, отдавали жизнь во имя спасения Отечества. Поэтому нельзя допускать извращения высокого смысла героической гибели. Впрочем, это уже происходит. И обиднее всего, что среди тех, кто осмеивает наши исторические ценности, встречаются и соотечественники.

В середине прошлого столетия, когда Раши писал свои патриотические стихи, мало кто из советских людей представлял себе жизнь без веры и преданности идеалам. Если бы начинающему поэту Раши Гарипову сказали, что наступит время, когда вера, которой они жили, пошатнется, что их идеалы будут растоптаны и оплеваны, он испытал бы глубокое потрясение.

А пока его московская жизнь шла своим чередом. Целебная сила времени заживляет раны, притупляет боль, облегчает страдания. Быстрее всех оправляется от горя живущая будущим молодежь, открытая для перемен, для

обновления. Вот и Рами, взбудораженный звенящей весной, приходит в себя после целого месяца переживаний: «1953 год. 5 апреля, воскресенье. Отдых. У русских Пасха. День солнечный, и я не смог усидеть в комнате, вышел в поле. Переправился через речку, улегся под стогом сена и принялся за стихи. Жаворонки в голубом небе заливаются радостными песнями. Порхают первые бабочки. Снега почти не осталось. Земля источает живительные соки».

Знать бы, какие стихи слагал он в тот благословенный апрельский день. Может быть, именно тогда обласканный приветливым весенним солнцем, Рами совершил одно из своих поэтических открытий? Душистое теплое сено должно было пробудить в душе деревенского парня ворох дорогих и приятных сердцу воспоминаний. А под пение сладкоголосого жаворонка он не мог не представлять себе голубизну бездонного неба родного края, тропинки, помнившие следы его детских ног, берега Юрюзани, мать и родных. Не о них ли писал Рами? Не в этот ли день его многолетние, беспрестанные искания начали давать добрые плоды?

1953 год стал поворотным в его творческом развитии — годом первых настоящих открытий и откровений. Именно в то время из-под его пера появлялись стихи, под которыми он мог бы с гордостью поставить личную подпись со словами: «Я — произведение Рами Гарипова!» По мере образных открытий разгорался и его творческий азарт. Сомнения, тревоги все еще не оставляли молодого человека, но они уже не могли остановить его, подавить в нем задор и устремленность к цели.

О том, что волновало Рами летом 1953 года после окончания третьего курса можно узнать из записей, которые он сделал во время поездки в Ленинград: «28 июня. Автобус подали только в 5 часов. Мы тронулись. Москва — в рассветных лучах. Выехали на площадь Пушкина и помчались по улице Горького. Горделивый поэт проводил нас, а когда мы проезжали мимо Белорусского вокзала, появился Горький со шляпой в одной руке и с тросточкой — в другой. Я с каким-то безотчетным волнением думал о них обоих. Это ведь мои самые любимые учителя.

Только я их слишком мало знаю. Мне столько еще нужно узнать и работать так, как работал Бальзак! Надежды мои велики и все крепнут. Я должен писать. Мне так хочется творить, писать стихи и поэмы, рассказы и романы, пьесы и сценарии, критические статьи о фольклоре. Задумал написать о жизни и творчестве Саяма. А времени так мало. Срок короткий. Мне уже двадцать. А я пока ничего не совершил! В моем возрасте Добролюбов столько сделал! Тукай сочинял великие стихи! Я же, как мне кажется, потухну, так ничего и не успев сотворить. Этого я как раз боюсь... Надо торопиться, торопиться, торопиться жить!»

Какая целеустремленность, понимание ценности каждого мгновения жизни! Время торопит, но Рами как будто и сам старается его ускорить. У внешне сдержанного и невозмутимого парня воля собрана в кулак, душа неустанно трудится, пребывает в движении. И вот он берется уже за более крупные вещи.

Произведение «Салават-батыр» Рами отправил в журнал «Пионер». Он назвал его зачем-то сказкой. Впрочем, трудно судить о жанре без наличия рукописи. Но то, что с образом Салавата в тот период были связаны его творческие поиски, очевидно. Задумав сделать свой первый сборник, Рами отобрал наиболее удачные, на его взгляд, из имевшихся у него стихов и переписал их в отдельную тетрадь. Зимой, будучи на третьем курсе, Рами Гарипов проходил практику в уфимской редакции и ближе познакомился с творческой средой. Зайдя как-то в Союз писателей, он долго беседовал с Мустаем Каримом, прочел ему своего «Салават-батыра». Из дневника: «Сказка ему не понравилась. Только язык хорош, говорит. Посоветовал глубже продумать. А насчет стихов сказал, что у них узкая тематика. Посоветовал отнести в газету те, которые ему понравились».

Рами так и сделал. Редактор газеты «Совет Башкортостаны» Гафаров ознакомился с его подборкой и высказал свое мнение. Ему не понравились кое-какие места, и в качестве образца он привел стихотворение народного поэта Мажита Гафури «Ленинизм — мой маяк». Однако Рами мыслил иначе, утверждая, что оно тяготеет к ритору-

рике. У Гафури можно и нужно учиться, считал молодой поэт, но не мог не отметить некоторой узости этого произведения. Они долго спорили с Гафаровым. Рами категорически был не согласен с позицией редактора, который, трясаясь за свое место, уверял, что стихи должны быть в первую очередь правильными. Под конец же раздалось зловещее предостережение: «Ох, и упрямый же ты, однако, кустым. Это ни к чему хорошему тебя не приведет».

После этого разговора Рами Гарипов четко сформулировал свои требования к литературе: «Стихи на страницах газет не должны отпугивать читателей. В виде пугала они могут лишь внушить отвращение к поэзии. Не потому ли в последнее время появился термин “газетный язык”? А ведь есть еще и “газетные стихи”, которые читатель не признает».

К тому времени Рами уже понимал, что распространившаяся в послевоенной башкирской поэзии риторика уходила корнями в 20–30-е годы, и не принимал считавшееся классическим произведение «Ленинизм – мой маяк». А между тем поэт-студент и сам этим грешил. Разве не он писал еще совсем недавно, скорбя о кончине Сталина, что все силы отдаст до последней капли за дело «Отца».

Стихи Гафури и Гарипова написаны в одном ключе, они созвучны друг другу, причем последний даже переשהголял народного поэта, ибо его стихотворение представляет собой не что иное, как клятву. Одно дело – понимать, что риторика – это не очень хорошее явление, и совсем другое – избавиться от нее. Попробуй-ка выбить догмы из головы, напичканной ими с ранних лет.

Во время вакханалии, творившейся в стране под видом «перестройки», когда множество светлых идеалов, которым советский народ поклонялся несколько десятилетий, ваптывались в грязь, когда рушились духовные опоры, нашлись те, кто поспешил развенчать авторитет Павлика Морозова, объявить его доносчиком и предателем. А ведь мальчик был убежден в своей правоте и, когда погиб, ему было всего лишь четырнадцать лет. В этом возрасте легко сбиться с толку. Что касается Мажита Гафури, который видел и пропустил сквозь собственное сердце

принесенную революциями и войнами трагедию, то ему уже было пятьдесят два года, когда он, доведенный до крайности несправедливостью, воскликнул с горечью и болью, заставив содрогнуться весь мусульманский мир: «Видно нет тебя, Аллах!»

В 1932 году написал такие строки:

*Я бесконечно предан Родине,
Но с тем условием,
Чтобы Родина эта была Советской.
Враг Советов — мой враг,
Если даже он — мой отец!..*

Уж коли проживший на свете полвека, умудренный жизненным опытом народный поэт был способен объявить врагом отца, если бы тому вдруг вздумалось выступить против Советов, что уж там требовать от четырнадцатилетнего фанатика? Любая идеология, особенно та, что зиждется на классовом антагонизме, использует любые средства, чтобы подчинить себе волю человека. И даже если попытаешься отклониться в сторону, это будут лишь тщетные потуги. Опутанный по рукам и ногам и облепленный репьями, ты не сможешь двинуться ни вправо, ни влево.

Где и когда эти колючки к нему пристали, Раши и сам не заметил. Ими пестрят не только его уфимские, но и московские стихи. Тем не менее он упорно продолжал искать себя, а препятствия как будто сильнее закаляли его. При этом случались критические периоды, один из которых был запечатлен им в дневнике: «1953 год. 1–10 октября. Такое ощущение, будто мне чего-то не хватает. Словно я потерял что-то очень и очень дорогое. Лишь одна мысль питает мою надежду: я должен писать и я смогу писать. Только вот не знаю, смогу ли я жить, как прежде. В сердце нет былого огня. Оно не горит и не трепещет от волнения. Чего-то жду, что-то ищу — но что именно? И сам не пойму. Раньше горел, чувствовал и никогда не испытывал того, что со мной сейчас происходит! Ночами не сплю. Все думаю и думаю».

Эта запись производит тяжелое впечатление. Но сколь бы ни был откровенен человек наедине со своим дневником, все равно он не в состоянии передать словами всю гамму своих ощущений. И мы можем только догадываться, какое отчаяние владело молодым человеком на самом деле.

В чем же все-таки причина его тревог и связанной с ними бессонницы? Какие могут быть у студента проблемы, если новый учебный год еще только начался? Летние каникулы Рами провел в родных местах, что уже само по себе должно было оказать на него благотворное влияние, утроить силы и энергию. Он уже преодолел больше половины пути, поднявшись на четвертую ступеньку. Казалось бы, учись, живи себе в удовольствие! Да где там! Душа его в смятении, внутри происходит какая-то мучительная борьба, голову снова одолевают сонмы вопросов и сомнений.

Но кто сказал, что душа поэта должна быть умиротворенной? Разве для пытливой, ищущей личности это не нормальное состояние? Неспроста же перед мысленным взором Рами уже в школьные годы постоянно маячил одинокий жаждущий бури парусник. А теперь его мятежный дух еще больше неистовствует, обрастая крыльями для полета в бескрайние дали. И чтобы достичь совершенства в поэзии, он постоянно мечется в поисках каких-то новых форм и слов. Когда же вдохновение отсутствует, молодой поэт проводит бессонные ночи за чтением.

В такие периоды книги были для Рами Гарипова единственным утешением. Овладевая всем его существом, они отвлекали его от тягостных переживаний, будоражили воображение. Очень помогали молодому поэту также внутренние диалоги и споры с авторами тем, что подталкивали его к творчеству, позволяли озвучить мысли и более четко обозначить планы. Так, прочитав в начале октября рассказы Николая Крашенинникова, Рами пишет: «Только не нравится мне, что он все время старается изобразить башкир покорными, безропотными. Башкиры у него задавлены, унижены, смиренны. Они не выказывают своего недовольства. Это — однобокий подход к башкирской истории... Слишком однобокий!»

Здесь Рами Гарипов выступает не только против позиции отдельного писателя, но и против официальной концепции, которой придерживались в то время все советские историки, представлявшие дореволюционную действительность в искаженном виде. И очень похвально, что в то время, когда об этом нельзя было говорить открыто, поэт рассуждал столь объективно и здраво, демонстрируя свою осведомленность в данной области. Важно также и то, что в процессе этой дискуссии он пришел к мысли глубже изучить литературу, связанную с историей Башкортостана. И то, насколько Рами Гарипову было необходимо чтение подобных книг, подталкивающих к полемике, видно из следующего фрагмента: «Между тем рассказы эти мне многое дали для создания поэмы о Салавате. Пришлось еще раз пересмотреть планы. Я понял, что нельзя опираться на одни лишь легенды... Мой Салават должен быть новым, грандиозным и полновесным. Пока я не в состоянии его таким сделать. Но он все равно не идет у меня из головы. Нет ни одного дня, когда бы я не думал о поэме».

Возможно, это и было основной причиной его тревожного состояния. Заботясь о своих будущих творениях, поэт вместе с тем размышляет над задачами, стоящими перед всей башкирской литературой: «Если вдуматься, сколько же произведений можно было бы написать об истории Башкортостана и его людях! Взять, например, борьбу с ханом Батыем, поход против польских интервентов в составе ополчения Минина и Пожарского, участие башкирских полков в войне 1812 года и взятии Парижа, в Семи-летней войне вместе с войсками Суворова, Пугачевское движение, в котором башкиры были едва ли не главной ударной силой, участие башкирских воинов в защите Севастополя в Русско-турецкую войну, в боях, происходивших в Петрограде в дни Великого Октября... Можно было бы рассказать о жизни Шагита Худайбердина, о рейде Башкирской кавалерийской дивизии и о генерале Шаймуратове, о Тагире Кусимове, Байгуже Саитгалине, о Батыре Нафикове, Зубае Утягулове, о Мусе Гарееве и многих-многих других ярких представителях башкирской нации. Все это наша замечательная история! И как же нам ею не гордиться?!»

Сколько важных и масштабных тем приходят в голову студенту, в то время как уже состоявшиеся писатели даже не заикаются о них. На прошлое своей нации он смотрит не только глазами поэта, но и историка. И это при том, что Рами никогда не изучал историю Башкортостана ни в школе, ни в институте. Он сам до всего доходил. А если бы ему удалось довести свои замечательные идеи до общественности уже тогда, то, кто знает, может быть, башкирские литераторы прислушались бы к юному коллеге и сделали надлежащие выводы. Впрочем, несмотря на то что целый ряд заявленных им когда-то захватывающих дух тем уже успешно реализован, своей актуальности они не потеряли и поныне.

Продолжая рассуждать об истории своего народа, Рами Гарипов пишет: «Мы, конечно, ею гордимся, но ничего не делаем. Беспечно относимся к своей истории и к лучшим представителям нашего народа. Не собираем прекрасные образцы народного творчества, не изучаем их и не обрабатываем. Обвиняем пылких патриотов в национализме и губим, не оказывая им никакой поддержки. Нам не хватает знаний, умения чувствовать себя и быть хозяевами, не достаёт чести, решительности и настойчивости. Мы занимаемся мелкими делишками, в то время как народ ждет от нас больших дел. Он тоже хочет, наравне с другими народами, гордиться своими сыновьями. А мы не можем показать как следует даже то, что имеем. Нам не хватает единства. Мы не способны радоваться успехам друг друга и не помогаем ближним. Не умеем сопереживать».

Перед нами один из великолепных примеров башкирской публицистики середины XX века. Эти мысли высказаны двадцатилетним парнем, всей душой болеющим за свой народ. В отличие от авторов парадных статей, изобилующих напыщенными общими фразами и лозунгами, этот юноша мыслит столь глубоко, что докапывается до самой сути, и озвучивает то, о чем многие думают, но сказать не смеют. Нам же остается лишь сожалеть, что его размышления так и не вышли за рамки дневника...

Человек подчас недооценивает себя. Возможно, как публицист, Рами Гарипов созрел раньше, нежели как поэт,

что как раз и подтверждают многие его дневниковые записи. Он вполне мог бы опубликовать их в виде отдельных статей. Но прежде чем сокрушаться по поводу того, что их не использовали в таком качестве, подумаем над тем, насколько это было возможно в 1953 году.

Предположим, что статья написана, автор предлагает ее к публикации. И что же? Трудно себе даже вообразить, чтобы кто-то взял на себя смелость напечатать в то время материал крамольного, по всем канонам тогдашней идеологии, содержания.

Выше уже говорилось о том, что в споре с молодым поэтом редактор газеты «Совет Башкортостаны» призывал его равняться на стихотворение Гафури «Ленинизм — мой маяк», которое на самом деле представляло собой наивную политическую декларацию. Рами не пожелал прислушаться к наставлениям, принять за основу навязываемую ему готовую схему. Но, несмотря на то что он решительно ее отменил, выразить свою принципиальную позицию публично не отважился и вряд ли об этом даже помышлял, ибо в те годы не принято было брать под сомнение, обсуждать и оспаривать партийные установки, которые довели над всеми сферами искусства и литературы. Поэтому таким произведениям, как «Ленинизм — мой маяк», было несть числа. Их проходили и заучивали школьники многих поколений.

Рассуждения об историческом сознании и национальной гордости в годы, когда немалому числу башкирских литераторов было предъявлено обвинение в национальной ограниченности только за то, что они прославляли родную землю и свой народ, были непозволительны даже для личного дневника. Когда еще до окончания войны в январе 1945 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения пропагандистской и агитационной работы в партийных организациях Башкирии», ревнители благонадежности с поспешной готовностью бросились выискивать в произведениях башкирских писателей политические ошибки, с пристрастием проверяя на этот предмет чуть ли не каждое слово. Для некоторых эта кампания обернулась настоящей трагедией. Пострадали Мухаметша

Бурангулов и Баязит Бикбай, которым вменялось в вину искажение истории башкирского народа. Первому из них присудили десять лет наказания в виде лишения свободы, а второго исключили из партии.

Не избежали несправедливых обвинений также Кадыр Даян, Рашит Нигмати и Джалиль Киекбаев. Вот как откликнулся на это Рашит Нигмати, выступая на республиканском собрании писателей Башкирии в 1951 году: «Товарищ Чанышев, хотите вы того или нет, нравится вам это или не нравится, но мы, башкирские писатели, будем писать и об Урале, и о Деме. И не только мы, но и те, кто придет после нас. В любом случае, вам не удастся положить этому конец. Это не местничество, а патриотизм».

Столь резкие слова раздавались не часто. Позволить себе произносить их могли лишь такие непоколебимые правдолюбцы, как Рашит Нигмати. В том же духе формировались творческие принципы, политические и эстетические взгляды Рами Гарипова. Избрав это направление для своих поисков, он подготовил твердую почву для будущего роста.

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА

Как мы уже знаем, Рами Гарипов, поступивший в 1950 году в Литературный институт имени Горького, оказался единственным представителем Башкортостана, если не считать учившегося заочно драматурга Габдуллу Ахметшина, проторившего туда дорогу до него. Рами надеялся встретиться в Москве с молодым поэтом Маратом Каримовым, после того как его приятель отслужит в армии. Но тот находился пока на Дальнем Востоке. Зато когда он перешел на третий курс, в литинститут поступили сразу трое его земляков — Рафаэль Сафин, Шакир Янбаев и Раис Низамов. Дахи Бабичев учился тогда на втором курсе.

Вполне естественно, что у них образовалось землячество и Рами Гарипов уже не чувствовал себя таким одиноким, как вначале. Было с кем перемолвиться словечком, поговорить на родном языке по душам. Друзья читали

новые стихи, после чего обсуждали их. Свой восторг по этому поводу Рами выразил в дневнике: «Как здорово, что нас здесь столько! Стало веселее! Мы объединились! Упиваюсь радостью живого общения, а то ведь раньше единственной отрадой для меня были письма. Уже месяц, как здесь, со мной, мои земляки. Интересные ребята. Они такие разные. Но каждый из них хорош по-своему». «Дахи подготовил к завтрашнему дню доклад. Он собирается рассказывать о втором издании “Молодой гвардии”. Читали и изучали книгу вместе» (2.10.53).

После ужина товарищи частенько собирались в столовой у рояля. Играл на нем Рафаэль. Он же пел своим красивым, мелодичным голосом. Друзья засиживались допоздна, слушая башкирские, татарские и русские песни. Бывало, запевал и Шакир. К нему присоединялся иной раз под настроение Раис. А Рами подпевал им. Родная музыка спланивала молодых людей. Но больше всего крепила их дружбу, конечно же, литература, творческие идеи и замыслы.

В это учебное заведение каждый из них пришел своим путем. Самым старшим среди выходцев из Башкирии был Шакир Махиянович Янбаев, родившийся в 1925 году в деревне Бикбулатово Кугарчинского района. В 1943 году его, ученика десятого класса, забрали в действующую армию, где он прослужил шофером до окончания войны. Так что жизненный опыт у него, как у бывшего фронтовика, оказался богаче, чем у остальных. В общении с окружающими Янбаев отличался учтивостью. По пустякам не раздражался. Был спокоен, сдержан, не расточителен. А для студента это очень даже немаловажные качества. Вернувшись с войны в родные края, Шакир учительствовал, затем поступил в музыкальное училище в Уфе, работал на башкирском радио диктором и одновременно редактором. Радиослушателям Янбаев полюбился своим проникновенным голосом, мягким тембром. Шакир великолепно владел родным башкирским языком, разбирался во всех его тонкостях и более всего был склонен к прозе.

Рафаэль Сафич Сафин, родившийся и выросший на берегах реки Ай в деревне Йыланлы Кигинского района, тоже окончил уфимское музыкальное училище. Он писал стихи и начал печататься еще до отъезда в Москву.

Раис Гильметдинович Низамов был ровесником Рафаэля, но по сравнению с ним успел набраться к тому времени немалого жизненного опыта. Родился он в Альшеевском районе в ауле Ташлы, что близ озера Асылыкуль. После окончания в 1949 году Уфимского речного училища Низамов работал на пароходе сперва кочегаром, потом — помощником машиниста. Стихи он начал писать, будучи учеником Башкирской школы-интерната. Некоторые из них были опубликованы в республиканских газетах.

Рами от всей души радовался появлению всех троих в Москве. Он давно их знал. И в том, что они сюда приехали, была отчасти и его заслуга: каждый раз, приезжая на родину, Рами рассказывал своим товарищам об институте, уговаривал последовать его примеру. Они переписывались.

Ранее уже говорилось о том, что Шакир Янбаев, возглавлявший комсомольскую организацию школы-интерната, присутствовал на том самом собрании, когда разбиралось дело Рами Гарипова, чрезмерно увлекшегося стихами в ущерб учебе. В преддверии выпускных экзаменов руководство и учителя встревожились по поводу того, что такой примерный ученик — гордость всей школы — начал вдруг отставать. Он часто вспоминал, как Шакир Янбаев внушал тогда: «Сейчас самое главное для тебя — учеба».

Рами, Рафаэль и Раис были одноклассниками. Наверное, поэтому они лучше всех понимали друг друга, легко находили общий язык. Друзья любили вместе проводить досуг, читать за пивом стихи или рассуждать о любви.

«Близкие отношения связывают нас с Раисом еще со школьных лет, — писал Рами в октябре 1953 года. — Жизненные наши пути во многом схожи. До школы он учился в профессиональном училище, после чего работал на пароходе. В школьные годы начал писать стихи для выпускаемого мной журнала. Нас обоих радует, что теперь мы снова вместе, учимся в одном и том же институте. Я могу высказывать ему свое мнение, критиковать, давать советы. Когда же речь заходит о моих вещах, он ничего не говорит. Знай себе, повторяет “Хорошо!” да “Хорошо!” Стихи у него пока слабоваты. Приехав сюда, Раис стал

намного серьезнее относиться к литературе. Он, конечно, старается, но работает не в полную силу. Как в человеке, я ценю в нем открытость, простоту и радушие».

Поначалу Раис смотрел на Рами, словно ученик на учителя. Так повелось у них со школы. К тому же теперь их разделяли два года учебы. Может быть, именно поэтому ему нечего было сказать о стихах друга, кроме слов одобрения. А когда Рами его критиковал, долгое время обдумывал сказанное. Подобные разговоры нисколько не вредили их дружеским отношениям. «Раис — человек открытый, простой, естественный. Он — не позер. Я испытываю постоянную потребность делиться с ним всем, что наболело, накипело на душе, исповедоваться перед ним».

Объединяло их также то, что оба выросли без отцов, которых у них отняла война. И это нашло отражение в их творчестве.

Попробовав себя в поэзии, Раис Низамов, в конце концов, поймет, что это не его стихия, и всерьез переключится на прозу. Диплом он защитит по написанной им повести «Сын солдата», получившей высокую оценку известного поэта Владимира Луговского.

Однако самым близким другом Рами, с которым он постоянно общался, был Рафаэль. В Уфе они часто встречались. К некоторым стихам Рами Гарипова студент музыкального училища Рафаэль Сафин сочинял мелодии и, бывало, сам же исполнял написанные в содружестве песни. И вот судьба снова свела их. Разве это не счастье — вместе заниматься творчеством! Они ходили вдвоем в кино и на вечера, зачитывались стихами одних и тех поэтов. «Сегодня мы с Рафаэлем были на Арбате, где купили в киоске 1-й том Лермонтова. Целый день радовались этому, как дети» (26.11.54).

И таких вместе пережитых приятных мгновений случилось у них немало. Тем не менее, несмотря на взаимную симпатию, когда дело касалось сочиняемых ими стихов, они могли не только хвалить друг друга, но и высказывали порою нелицеприятное мнение.

Годы учебы в Литературном институте для Рами Гарипова и Рафаэля Сафина — это время самого тесного их

творческого общения и взаимного влияния. Этот этап в их жизни можно назвать периодом московской школы.

В послевоенные годы связь нашей республики со столицей переросла в новую стадию. Москва оказывала благотворное воздействие на духовную жизнь Башкортостана, став настоящей кузницей молодых национальных кадров. В процессе такого плодотворного сотрудничества сформировалась, в полном смысле, московская школа.

Русская литература, культура, просвещение и наука и прежде играли прогрессивную роль в судьбе башкирского народа. Находившаяся на протяжении многовековой эпохи под влиянием восточной мусульманской культуры — арабской и персидской — с конца XIX века башкирская нация все больше подпадала под власть духовных традиций русского народа.

Столетия и тысячелетия, прожитые среди степей и гор, соединяющих Европу с Азией, ужасные потрясения, пережитые башкирами в ходе перемещения через их земли полчищ многочисленных племен, уже сами по себе способствовали их сплочению. Существовать изолированно друг от друга бытовавшие на просторах Евразии этносы не могли. Движение с востока на запад и наоборот, с юга — на север и с севера — на юг, то активизировалось, то ослабевало, но никогда не прекращалось. И то периодическое массовое переселение не могло не сказаться на судьбах целых народов. Одним этносам удавалось сохранить на чужбине самобытность, другие на новом месте рассеивались кто куда, и их следы безвозвратно исчезали. Кто-то, несмотря ни на что, выживал, а кто-то растворялся, поглощаемый чужеродной средой.

Башкирский народ многократно подвергался испытаниям. Сколько раз удавалось ему противостоять захватчикам, отстоять свою самобытность и сохранить за собой священный Урал, в котором глубоко проросли корнями бесчисленные поколения его племен. В разные эпохи наш народ поддерживал связи с другими этносами на разных уровнях. Эти контакты были более или менее регулярными.

Описываемая в древнейшем из мировых эпосов «Урал-батыре» история начинается с семейной жизни

Янбирде и Янбики и доводится до благородной и святой идеи защиты родины. Здесь утверждается торжество вечной жизни, символизируемой бьющим из-под земли источником живой воды, и будущее народа. Сказочные батыры, набравшись силы от родной земли, отправляются в дальний путь и, одолев чужеземных силачей, становятся настоящими героями, защитниками своего отечества. Следование девизу «Движение — есть жизнь» обуславливает существование как отдельного индивидуума, так и целых стран.

За последние четыре-пять веков судьба Башкортостана накрепко сплелась с судьбой Российского государства. Дороге, проторенной послами — главами башкирских племен от Урала до Москвы с целью переговоров с Белым царем и заключения международного договора, было суждено стать для нашего народа путем прогресса.

На московской дороге, соединившей Башкортостан с Россией, бывало разное. Этим путем приходили на башкирские земли добрые люди и умные книги. И сколько раз в том же направлении спешили вооруженные до зубов каратели, чтобы пресечь, потопить в крови очередное из многочисленных восстаний за освобождение Башкортостана. Обратное по этой же великой дороге текло в царскую казну награбленное — несметные сокровища башкирской земли.

Много чего видела московская дорога — как хорошего, так и плохого. Но как бы там ни было, мы не можем отрицать тот факт, что именно она обеспечила выход Башкортостана в мир. Она во многом определила историческую судьбу нашего народа, его будущее.

С интенсивным развитием капитализма в Российской империи в конце XIX века оживились международные связи. И хотя основы древнего уклада жизни в мусульманских колониях оставались в ту пору еще достаточно прочными, новые веяния проникли и туда, вызвав разную силу движения. Башкортостан же был одним из первых регионов, где это движение зародилось. «Башкиры мои, нам нужно учиться и учиться!» — призывал своих соплеменников мудрец Мифтахетдин Акмулла, желавший

покончить со старой жизнью, заставить их взглянуть на нее по-новому, расширить кругозор:

*Не бойся постигать науки,
К совершенству стремиться.
Учись говорить не только по-русски,
Но если надо, и по-французски.*

В те времена, когда в башкирских и татарских аулах владеющих русским языком невозможно было найти, что называется, днем с огнем, до многих эти слова Акмуллы еще не доходили. Но время доказало правоту поэта-просветителя. Поставившая своей целью воспитать человека в благочестии, в соответствии с нравственными канонами ислама, в то же самое время, когда речь шла о науке, просветительская литература отстаивала право на более смелое и широкое внедрение новых методов обучения. Так, к столетию Пушкина Мухамметсалим Уметбаев первым перевел на язык тюрки «Бахчисарайский фонтан».

Если прежде связи с русской литературой и культурой, а через нее — знакомство с духовным богатством Европы и всего мира осуществлялись лишь эпизодически, по сути дела случайно, то в XX веке они уже приобрели систематический характер. В тюрко-язычном пространстве Российского государства, а именно в Азербайджане и Татарстане, эти процессы особенно активизировались под влиянием революции 1905 года. В Башкортостане тоже были сильны революционные настроения, ощущалась тяга к новой жизни. В то время в Уфу, где находились Центральное духовное управление мусульман и резиденция главного муфтия России, устремилась увлеченная наукой молодежь. С каждым годом крепнул авторитет уфимского медресе «Галия», в котором практиковались современные методы обучения. Именно тогда Мажит Гафури написал свое известное произведение «Сибирская дорога», пропитанное духом жажды перемен. Этапным на пути к обновлению и своего рода программой для башкирской литературы на тот период стало его стихотворение «Аурупа — Азия». Ставя во главу угла вопрос о всестороннем развитии

народа, через диалог между двумя континентами поэт призывал соотечественников решительнее вступать на путь прогресса.

Спустя без малого полвека, в 1954 году, вышла в свет книга почти с тем же названием с циклом стихов Мустая Карима — «Европа — Азия». За это время в нашей республике произошли необратимые изменения. Башкирский народ добился заметных высот как в социальной жизни и образовании, так и в эстетическом плане. То, к чему в 1906 году призывал народный поэт Мажит Гафури, к середине XX века стало реальностью. Добрые перемены коснулись и башкирской литературы, прежде всего, поэзии. Если появившееся в начале прошлого столетия стихотворение «Аурупа — Азия» считалось событием за счет заявленной в нем едва ли не впервые проблематикой, то с высоты 50-х годов оно воспринималось уже несколько иначе. Стало очевидно, что это произведение не дотягивало до уровня эстетических требований. Если сравнить с ним сборник Мустая Карима, то можно заметить, что он выгодно отличается не только содержанием, но также образной структурой и оригинальным построением. В этой книге обрисована грандиозная поэтическая панорама, рефлексы которой ощутили даже национальные литературы других народов.

Сопоставляя произведения двух народных поэтов, нельзя, однако, не учитывать, во-первых, своеобразие того и другого, во-вторых, имеющиеся у них возможности. Каждый из авторов судит о мире, отталкиваясь от своей эпохи, исходя из занимаемой им позиции, и выражает мнение, соответствующее его собственному мировоззрению. Что касается Мустая Карима, то он оценивает судьбу личности и народа с философской и евразийской точек зрения. На такой уровень его поднял личный талант в соединении с эстетическим опытом, наработанным всей башкирской поэзией.

Немаловажен и временной фактор. Между книгой «Европа — Азия» и стихотворением Мажита Гафури, как уже отмечалось, был интервал в полсотни лет, за которые наша страна вместе со всей планетой успела очень многое пережить. Мир сотрясали революции и войны. В России,

а вслед за ней — в целом ряде стран, сформировалась совершенно новая политическая система, и, таким образом, судьбы отдельных народов и наций оказались в еще более тесной связи между собой и с судьбой всего человечества.

В 30-е годы в Москве и Ленинграде среди посланцев всех советских республик значительно возросло число молодых людей из Башкортостана, многим из которых предстояло стать видными деятелями науки и искусства. Тогда же закладывалась система перевода на башкирский язык шедевров русской литературы и — через посредство русского языка — зарубежной. Одновременно пополнялся произведениями мировой классики и репертуар молодого башкирского драматического театра. Обращение к этим общепризнанным образцам способствовало обогащению театрального искусства республики ценным опытом. И все это оказалось возможным благодаря московской школе.

Каждая нация воспринимала ее по-своему. Но пути, пройденные большинством входивших в состав Советского Союза народов, были схожими в главном: первый этап обучения происходил зачастую в процессе простого калькирования, либо осмысленного творческого заимствования, затем переносимое и перенимаемое приживалось в национальной среде настолько, что уже становилось своим.

Однако без взаимного влияния в таких случаях не обходится. Со своей стороны, никоим образом не может подвергаться сомнению, что нерусские народы России тоже внесли значительный вклад в развитие всей страны. Известно, например, что стремительному росту горного дела в России в XVIII веке немало способствовали не только природные богатства исконных земель башкир, но и их умы. Наиболее проявил себя в данной области организатор разработок месторождений Исмагил Тасимов, по чьей инициативе в Петербурге было открыто учебное заведение, которое должно было готовить специалистов горного дела. В том же столетии Надир Уразметов ходатайствовал о разрешении на закладку нефтяного завода. Он стал первым, кто на государственном уровне известил о наличии нефтяных месторождений на территории Башкирии.

Да, в многонациональном государстве есть все предпосылки для обоюдного влияния народов и взаимного обогащения. Вместе с тем, мы не можем закрывать глаза на обусловленные противоречивой сущностью советской идеологии факты. С одной стороны – массовый довоенный политический террор, уничтоживший великое множество граждан страны, в том числе цвет национальной творческой интеллигенции, с другой – бодрый лозунг «Кадры решают все!», призывающий к подготовке новых специалистов. А дело было, главным образом, в том, что государству потребовались силы, которые бы верно служили официальной политике и безропотно выполняли любой приказ сверху. И чтобы получить послушных марионеток, нужно было сделать так, чтобы процесс воспитания молодежи проходил в установленных рамках и при помощи определенного набора догм.

Только вот в реальной жизни, увы, далеко не все удается держать в узде. Действительность оказывается нередко сильнее ограничений и запретов. У каждой нации есть ядро, способное продержаться в тяжелейших условиях и пробиться через какие угодно препоны.

Парадоксы случались даже в советскую эпоху. Взять, например, основоположников башкирской советской литературы Даута Юлтыя, Афзала Тагирова и Булата Ишемгула. В 1938 году всех троих расстреляли, а их дочери в военные и послевоенные годы учились в Ленинграде и в Москве. Если Нинель Юлтыева и Майя Тагирова завоевали себе славу как талантливые мастера балета, то Клара Ишемгулова добилась ученого звания и стала автором целого ряда книг. Им повезло, а ведь сколько семей выдающихся людей, жертв репрессий, были обречены на хождение по мукам. Так что можно сказать, что известный сталинский принцип «Дети за отцов не в ответе» срабатывал лишь в исключительных случаях.

В 50-е годы, как и в 30-е, в учебных заведениях Москвы было немало представителей Башкортостана. Со многими из них Рами был знаком. Кирей Мэргэн, Гайса Хусаинов, Гилемдар Рамазанов и Мидхат Гайнуллин учились в аспирантуре и собирались защищать диссертации по

башкирской литературе. В тот же самый период Загир Исмагилов работал над своей ставшей впоследствии классикой оперой «Салават Юлаев».

Из дневника: «В консерваторию мы с Рафаэлем опоздали. Впустили нас только после защиты диплома, когда Исмагилова уже поздравляли. Там было очень много наших парней и девушек – студентов и аспирантов. Ахнаф Кирей расспрашивал нас о съезде. Мы очень жалели о том, что не смогли послушать “Салавата”» (8.06.54).

Хусаин Мажитов тоже учился в консерватории. Чтобы послушать, как он будет петь на дипломном экзамене, земляки решили вместе сходить туда. Там же обучался и Рафик Сальманов.

Асхат Ашрапов, с которым Рами приехал в Москву, учился во ВГИКе на кинооператора. А другой одноклассник Рами – Диккат Буракаев – собирался стать геологом.

Особенно много ребят из республики обучались в технических вузах. Выходец из той же деревни, что и Рами Гарипов, Акрам Закиров защитил диплом на «отлично». Этот его труд, посвященный башкирской нефти, удостоился высокой оценки московских ученых.

И в ГИТИСе, куда выпадает счастье попасть лишь избранным, проходила подготовку для работы на башкирской сцене специально укомплектованная группа талантливых юношей и девушек. Благодаря мудрому решению республиканского руководства, заботившегося о завтрашнем дне национального искусства, коллектив башкирского драматического театра обогатится целой плеядой звезд. Ильшат Юмагулов, Гюлли Мубарякова, Хамит Яруллин, Зинира Атнабаева, Муллаян Суяргулов, Виль Каримов, Роза Каримова, Амир Абдразаков, Фардуна Касимова и другие таланты ярко проявят себя не только на сцене, но и в других областях, включая ту же литературу или педагогическую деятельность.

Студенты Литературного института частенько навещали в общежитие ГИТИСа. Когда Рами вместе с Сафинным и Янбаевым пришел впервые к будущим артисткам, он поначалу смущался. «Хорошо еще, что Шакир такой разговорчивый! – пишет он в дневнике. – Язык будто

отточенный. Что бы ни сказал, все к месту». А когда он появился в общежитии во второй раз вдвоем с Диккатом, то чувствовал себя уже не столь скованно и сумел разглядеть, что собой представляли Гюлли, Фардуна и Зинира. В дневниковых студенческих записях Рами сохранились словесные портреты юных в ту пору красавиц.

В Первопрестольной земляки жили дружно, всегда старались держаться вместе и отмечать в шумной компании праздники. Между тем повсюду, где есть молодежь, нередко дело доходит до свадеб. На одном из таких мероприятий, куда Рами Гарипова пригласила односельчанка Рагида, близко знакомая ему по детдому и интернату, он решил прочесть сочиненные им стихи. Рами записал их в свой дневник. В книги же то стихотворение вошло потом в основательно отредактированном варианте.

Кстати, на свадьбе своих учеников присутствовала и бывшая директор уфимской школы-интерната Мусалия Галиевна Хайруллина, учившаяся в то время в Москве в аспирантуре.

2 мая 1953 года молодые люди ходили ватагой в Измайловский парк на встречу с татарской диаспорой. В дневнике Рами Гарипова зафиксирован следующий эпизод:

«Давайте их удивим, — предложил Хусаин. — Начнем бороться, и все к нам сбегутся...

И вот мы разделись и затеяли с Хусаином почти нешуточную борьбу. Он оказался прав: в мгновение ока нас облепили со всех сторон. Мы сбились в одну кучу с татарами. Ох, и разошелся народ! Просто оторопь берет от их количества... Их песни несколько не похожи на те, что поют у нас».

В конечном варианте стихотворения, которое Рами Гарипов прочел на свадьбе, звучит такое пожелание: «...где б вы ни были, пускай никогда не покидает вас московская весна». А как же иначе? Для молодых людей, выучившихся здесь, получивших специальность в самых разных областях, проведенные в Москве годы навсегда останутся символом высоких духовных устремлений и интеллектуального развития.

Говоря о «московской школе», я отнюдь не имею в виду образование в отдельно взятом вузе. В это словосочетание я вкладываю значительно более емкое и сложное понятие. В последнее время нередко раздается мнение, будто бы русские оказали на другие народы, мягко говоря, не самое лучшее влияние. Это неверная точка зрения; но в любой ситуации необходим объективный подход. Исторические судьбы народов — многогранное явление, и их нельзя изменить волевым решением или по чьей-то прихоти, точно так же, как невозможно повернуть вспять течение реки. Мы не можем отрицать характерную для исторического развития непреложную истину: многочисленные нации, поддерживающие духовную связь с великой культурой, приобщаясь к древним и вечным ценностям человечества, обогащаются, многого достигают в своем развитии. Безусловно, у каждой нации есть своя основа, свой потенциал, обеспечивающий ей поступательное движение вперед. Только в таких случаях, при наличии прочной базы, культурное взаимодействие может принести народу пользу, дать ей силы и стать импульсом для дальнейшего его развития.

На протяжении веков башкиры приобщались к мировой культуре посредством арабского и фарси. Еще до начала XX столетия эти источники продолжали подпитывать их умы и оказывали на них мощное влияние. Так, например, мать и дед великого историка, основателя Башкирской республики Ахмет-Заки Валиди воспитывались в башкирско-тюркской и арабско-персидской традициях. Однако, если бы Валиди, повторив их путь, ограничился лишь восточной культурой, он вряд ли смог бы добиться столь выдающихся успехов в политике и в науке, приобрести всемирную известность и признание. В стремлении пробиться к новым очагам знаний, мальчишкой он даже отважился на побег из родного дома. Овладев русским языком, Заки Валиди принялся изучать написанные на нем научные труды, познакомился с самыми видными востоковедами России, принимал участие в археографических экспедициях в Среднюю Азию. Это позволило ему, в свою очередь, выйти на другие источники. Изучая труды таких

выдающихся историков мусульманского мира России, как Шихабетдин Марджани, молодой ученый смог значительно расширить не только свой кругозор, но и сферы научной деятельности.

Одни малочисленные народы постигают сокровища мировой культуры через английский язык, другие – через французский. Судьбоносные перемены в жизни башкирского народа, усвоившего общечеловеческие духовные ценности при помощи арабского языка, привели к росту значения русского языка. Поскольку дороги к восточной школе были перекрыты, связи со знаменитыми учебными заведениями Бухары и Каира прервались, функция центра просвещения перешла к Москве.

В ту пору, о которой идет речь, очень многие представители башкирской молодежи проходили московскую школу. И в своем стихотворении «Родные места», сочиненном в 1953 году, Рами Гарипов высказывает важную мысль: «Хоть и рожден я на Урале, в Москве родился я умом». Здесь, разумеется, присутствует поэтическая гипербола. Что бы там ни писал Рами, умом, душой и телом он обязан родному Уралу. А Москва подарила ему, уже без преувеличения, второе рождение. Основную часть знаний и источников, которые были доступны ему в Уфе, он усваивал бессонными ночами в интернате и проводя целые дни в Республиканской библиотеке. Но не менее важным для Рами было пребывание в московской благотворной среде. Круг общения, который он имел, участь в столичном Литературном институте, он бы ни на что другое не променял. Не потому ли поэт вынужден был признать, что, как личность, он родился и сформировался в Москве. Тем не менее в том же самом стихотворении он пишет:

Москва – рукой подать!

Но я в твоих лесах

уральские березы воспеваю.

Эта строчка перекликается с выдержкой из его дневника: «До чего же я тоскую по Башкортостану! И этому чувству меня научила Москва» (26.03.55).

В одной башкирской песне поется: «Чужбина нас научит, что почем...» Сказано это не ради красного словца. Данная фраза подразумевает один из важных принципов системы народной педагогики. Издревле наши предки придерживались мудрого жизненного правила: посещая другие места, нужно быть восприимчивым к чужой культуре, уметь перенимать полезные идеи и применять их у себя дома. Действительно, оказываясь в непривычных для нас условиях, мы что-то узнаем, набираемся опыта и в то же самое время начинаем видеть вроде бы привычные для нас вещи и явления по-другому, как бы с иного ракурса. Вот и московская среда открыла молодому башкирскому парню мир, расширила перед ним горизонты, подарила возможность познать жизнь с разных сторон. Москва приучила Рами Гарипова быть еще более взыскательным по отношению к себе, постоянно работать над повышением своего духовного и творческого потенциала.

А между тем, жизнь на чужбине научила его, как он сам признавался, еще больше ценить родной язык и народные напевы, сделала его более восприимчивым к неповторимым красотам родного края. И в то время как одноклассники Рами Гарипова начинали наперебой превозносить свое наречие, свой район и его природу, сам он, находясь в Москве, демонстрировал гордость за весь Башкортостан. Рами лелеял в себе это чувство, год от года все сильнее осознавая ответственность за данное ему право представлять его перед студентами из других республик и иностранцами. Он ощущал себя своего рода послом, глядя на которого окружающие должны были судить о всей республике. Если он талантлив, умел и трудолюбив, значит, соответствующее представление сложится у них и о его родине. И если он, будучи башкиром, окажется надежен, значит, можно будет доверять и другим его соплеменникам. Рами отчетливо понимал, что здесь непозволительно вести себя неподобающим образом, иначе это непременно скажется на репутации твоей родины.

Такая вот ответственная миссия выпала на долю молодежи из Башкортостана, обучавшейся в Москве и других крупных городах за пределами республики. Конечно,

не все студенты придавали этому такое значение, как Рами Гарипов. Но они были в меньшинстве. Все остальные старались вести себя достойно. Сумев сохранить и укрепить в душе, пребывая на стороне, национальный дух, верность своему народу, они вернулись в республику дипломированными специалистами с добротной профессиональной подготовкой и сплотились в силы, которым будет доверено будущее родного края.

ДРУЗЬЯ И НАСТАВНИКИ

Приехавшее в литинститут из Уфы пополнение с трудом привыкало к московскому шуму и суете: молодые люди ходили, будто оглушенные. Зато они достаточно легко привыкли к распорядку.

Рами уже не чувствовал себя одиноким, как прежде. Теперь было с кем поделиться и радостью, и переживаниями. Зажил он с земляками душа в душу. Судя по тому, как учились его товарищи, они отлично сознавали, с какой целью сюда прибыли. Ребята очень старались, и краснеть за них Рами Гарипову не приходилось. Все, как на подбор, симпатичные, обаятельные, задорные, музыкальные и открытые, они покорили многих.

Рами, один из самых молодых студентов, проучился в институте к тому времени уже два года и за счет усердия успел проявить себя с наилучшей стороны. И вот теперь рядом с ним его земляки. Не подкачали ребята. В институте к ним относились с почтением, мол: «Вот они какие, башкирские джигиты!»

Рами Гарипов с малых лет отличался дружелюбием. Слабых защищал. В любую минуту мог, не колеблясь, протянуть руку помощи. И по сей день есть кому вспомнить, как он несколько раз бросался в воду, чтобы спасти утопающего. Один из таких случаев произошел в свое время на Деме, когда Рами спас тонущего в реке одноклассника по имени Расул Калмурзин. После того случая Расул дал себе слово стать моряком и сдержал его. Он прослужил на морском флоте тридцать шесть лет, пройдя путь от простого матроса до капитана.

Асхат Ашрапов, хорошо знавший Рами Гарипова еще по интернату, рассказывает в своих воспоминаниях «Наш Рами», что, возвращаясь в Уфу, они первым делом спешили в родную школу. В один из таких приездов молодые люди отправились к Агидели, на берегу которой интерна-товские питомцы косили сено. Младшие ребяташки купались в озере. И когда одна из девчушек вдруг стала тонуть, Рами тут же бросился в воду и спас ее.

Он многим помогал в трудную минуту. С другом мог поделиться последней копеечкой. Чужую радость воспринимал как свою и иной раз радовался за других едва ли не больше, чем они сами.

Рами Гарипова восхищали отношения Шакира Янбаева и его нареченной Хадисы: «Какая у них красивая, большая любовь! Шакир просто опьянен своим чувством! Какой восторг вызывает у нас их любовь. Особенно у меня. Как будто я сам Шакир» (2.10.52).

Такое признание дорогого стоит. Подобные чувства доступны лишь тем, кто жизнь готов отдать за друга. Об этом не говорят громко, это можно только осознавать. Такой же искренности, отдачи и преданности Рами ждал и от своих друзей. Поэтому любой наговор, неосторожно оброненное обидное слово сильно задевали его, ранили до глубины души, тем более что сам он без причины обычно ни на кого не нападал.

Однажды Рами описал в своем дневнике такой случай: «Шакир говорит мне: “Ты пишешь ради денег!” Эти слова близкого друга меня сразили, как будто он кинжалом нанес мне удар в спину. Если бы их произнес кто-то другой, мне было бы не так больно. Но это сказал именно Шакир. Наверное, даже враг не посмел бы меня в том обвинить, ибо я что угодно готов отдать, только своих никогда не сдам». И далее: «Я уже не могу говорить с Шакиром по душам, как прежде... Ведь я любил его по-детски искренне и относился к нему с большим уважением и теплотой... А таких, как его Хадиса, на свете мало. И теперь мне так неудобно перед ней. Мне кажется, если бы она узнала о том, что произошло между мной и Шакиром, то очень расстроилась бы» (1.10.53).

Увы, настоящая дружба тоже подчас подвергается испытаниям. Но Рами не был мстителен. Дружбой он умел дорожить, как никто другой, и боялся терять друзей. А чтобы заслужить звания друга, нужно было соответствовать следующим требованиям: быть единомышленником, иметь ту же цель, уметь радоваться успехам ближнего, как собственным, и рука об руку преодолевать трудности.

В студенческие годы лучшим в этом смысле был для Рами Рафаэль Сафин. Как уже говорилось, они знали друг друга со школьных лет и Рафаэль, в бытность студентом музыкального училища, даже сочинил на стихи Рами Гарипова несколько песен. Однако на поверку оказалось, что литературу он любил все-таки больше. Поэзия победила музыку. А их творческие контакты, начатые в Уфе, переросли в московский период в крепкую творческую дружбу.

«То, что я рассказываю иной раз Рафаэлю, доверить дневнику я бы не решился», — признавался Рами, показывая тем самым, в каких тесных отношениях они были. Ему первому читал он только что написанные стихи и первым оценивал новые произведения Рафаэля. Бывало, беседы у них превращались в жаркую дискуссию, например, когда речь заходила о Лермонтове. Об этом можно прочесть в дневнике Рами Гарипова: «Он считает, что поэт из Лермонтова сделал Кавказ. Дескать, если бы тот не побывал на Кавказе, то вряд ли бы смог создать “Героя нашего времени”, “Демона”, “Мцыри”, “Беглеца”. Я же уверен: Лермонтова сформировали эпоха и общество. Основа его творчества — русская действительность. А Кавказ сыграл в его творчестве лишь вспомогательную роль. Главный герой Лермонтова — русский человек».

Рафаэль тоже был по-своему прав. Будучи и сам романтиком по натуре, он воспринимал поэзию Михаила Лермонтова, прежде всего, с романтической стороны. Рами же смотрел вглубь, стремился докопаться до сути стихов поэта.

«Такие споры у нас происходят едва ли не по каждому поводу, — продолжает он. — Пускай Рафаэль собственной рукой записывает в мою тетрадь свое мнение. Я тоже мог бы фиксировать свои мысли в его дневнике. Да вот только

нет у него такой заветной тетрадки. Когда же я после наших споров начинаю Рафаэля в чем-то упрекать, тот говорит, что я веду себя, как ребенок, что я слишком мнителен и обидчив. Да как он не понимает, что дело не в обиде. Просто меня не устраивают некоторые его черты. Я расстраиваюсь из-за этого, так как боюсь, что в дальнейшем они могут перерасти в крупные недостатки. Мы должны работать над собой и стремиться к росту оба. А как же иначе, ведь ближе его у меня никого нет!» (13.12.53).

Стоило Рафаэлю серьезно заболеть, Рами не отходил от него ни на шаг. Вместе они строили грандиозные планы на будущее, намереваясь ездить в экспедиции по Башкирии и собирать фольклор, рассуждали о новаторстве, мечтали о создании таких произведений, которые могли бы поднять башкирскую литературу на новую ступень и прославить ее на весь мир.

На летние каникулы Рафаэль и Рами ездили друг к другу в гости в деревню. Но даже там главной темой их бесконечных разговоров была поэзия.

Одно из стихотворений, которое Рафаэль читал Рами, лежа на крыше родного дома в Йьланлы, впоследствии превратится в поэму. И не исключено, что этому способствовало его общение с другом.

Бывали они и в Аркауле, где Рафаэль повсюду таскал с собой баян. Впечатлением об одном из таких визитов делится братишка Рами Гарипова Равиль: «Как-то раз нас пригласила к себе в гости в Идельбаево (Бадрак) одноклассница брата Вариза-апай. Отправились мы туда втроем пешком. Рядом с аулом Махмутово есть переправа через Юрюзань, а лодки не видно. Решили перейти вброд. Мы с братом приготовились, а Рафаэль и не думает раздеваться. “Нельзя мне в воду”, — говорит. Сперва мы опешили. И тут брат вдруг сообразил: “Давай мы тебя вместе с баяном на руках перенесем”. После этого он обратился ко мне: “Равиль, ты посильнее меня. Пускай Рафаэль держится за твою шею, а я понесу баян и буду поддерживать его сзади за ноги”. Так и сделали. Мне до того хотелось в гости, что я без лишних разговоров взвалил себе на спину Рафаэля, и мы двинулись вперед. Так и добрались до противоположного берега. Но мучились не зря. Хорошо

провели время, весело. Много песен в тот вечер звучало, и я впервые услышал, как поет мой брат. Его песня называлась “Караван-Сарай”. Он очень ее любил и везде пел. Других песен в его исполнении я не слышал».

Много дорог исходили вдвоем верные друзья. И где бы они ни были, повсюду их сопровождали мысли о литературе — о новых книгах, о стихах. И вот что поразительно: в 50-е годы проживающим в Москве башкирам были доступны башкирские газеты, они могли читать их каждый день и даже покупать книги на башкирском языке. Точно так же обстояло дело с книжной продукцией и периодикой на языках других республик. В столицу их доставляли регулярно.

Из дневника: «Выхожу на бульвар (Тверской бульвар. — Р. Б.), беру “Совет Башкортостаны”, а там — стихи Назыма Хикмета в переводе Шамиля (Шамиль Махмутов. — Анак. — Р. Б.)! Просто здорово! Я так радовался, словно они были мои. И тут, переведя взгляд вниз, я увидел свою статью “Встреча с Назымом Хикметом”. Прочел. Как будто и не я писал. Вся выхолощена. Сухой газетный текст. Я очень расстроился» (2.06.52).

«Занял 25 рублей и пошел на Кузнецкий мост, в Книжную лавку писателей. Хотел подарить на день рождения Мусалие Галиевне (15 декабря) “Избранное” М. Карима. А книги уже нет. Удивительно — оказывается, и в Москве много читателей! Купил роман Ахмета Файзи о Тукае, II том Г. Камала, сборник Х. Такташа и книжечки молодых татарских поэтов» (13.12.52).

Да, были ведь времена, когда периодические издания, выпускаемые в национальных республиках, бесперебойно поступали в Москву. Да и в самой Уфе вроде бы не так давно можно было увидеть на улицах стенды с развернутыми республиканскими газетами, с которыми мог ознакомиться любой проходящий — и стар и млад. Новое поколение «пепси», скорее всего, даже слыхом не слыхивали о том, что у нас существовала такая добрая, нужная людям традиция. А что касается башкирских книг, то ныне их продают в Уфе лишь в нескольких точках, тогда как до районов и других городов нашей республики они и вовсе

не доходят. Стоит ли после этого удивляться, что количество желающих читать национальную литературу с каждым годом сокращается?

Произведения студентов Литературного института разбирались на семинарах. Но больше всего Рами и его товарищи дорожили часами, проводимыми в беседах с земляками. «Позвонил Гайсе (Гайса Хусаинов. — Р. Б.). Тот оказался дома! Мне надо было почитать ему последние стихи. Пошли с ним в столовую, поговорили. Я позвал его, чтобы прочесть поэму Рафаэля. Договорились встретиться как-нибудь вечером, посидеть» (7.12.53).

Особенно молодые авторы прислушивались к мнению аспирантов Гайсы Хусаинова, Гилемдара Рамазанова, Мидхата Гайнуллина. Ведь они были профессионалами и к тому же готовились к защите своих диссертаций, общались со столичными учеными. Студентам хотелось услышать авторитетное мнение о своих произведениях.

Хусаинова Рами знал еще со времен интерната и к советам его прислушивался. «Первый мой критик — Гайса Хусаинов», — заявляет он и вспоминает, какие слова тот записал в его тетрадь: «Над стихами надо работать основательно. Чем так писать, лучше вообще не писать. Нечего даже с этим возиться, тратить время». Вот как доставалось Рами Гарипову от старшего товарища! Но взыскательная критика молодому поэту была лишь на пользу. Она не подавляла в нем желание творить, а, наоборот, еще больше раззадоривала его.

Рафаэль знакомил Рами с каждой новой частью своей поэмы. И тот по-детски радовался успехам друга: «Замечательно!.. Каждая строчка как будто проходит перед моими глазами, словно я сам их пишу...» (7.12.53).

Произведение, у которого даже не было пока названия, Гайса Хусаинов слушал вместе с Мидхатом Гайнуллиным. Оба одобрительно о нем высказались. Разумеется, больше всех волновался Рами. И не только потому, что автор — его ровесник и ближайший друг. Просто такая уж у него была натура — широкая и великодушная.

Обсуждения произведений среди поэтов и прозаиков — дело обычное. Заканчиваются они порою серьезными

стычками или полным разгромом. Не обходится и без словословий, чему в истории литературы сколько угодно примеров. Но кто еще, кроме Рами, мог столь восторженно приветствовать новое детище своего товарища? «Вчера мы ходили к Мидхат-агаю, чтобы почитать поэму Рафаэля. Названия пока нет. Зато поэма есть. За последнее время никому не удавалось написать ничего подобного. Уж как рождалась эта вещь, я хорошо знаю... Каждая ее строфа мне знакома от начала до конца. Пожалуй, там нет ни одной строчки, которая не была бы прочувствована и выстрадана. Даже беспощадно критикуя Рафаэля, в душе я радовался за него. Еще четыре года тому назад я и предполагать не мог, что он так вырастет. А вчера Рафаэль предстал передо мной состоявшимся поэтом. Многие поняли его поэму, но, к сожалению, не прочувствовали. Я же больше воспринимаю ее не умом, а сердцем. Как раз этим-то она и ценна. Молодые пока еще не умеют писать таким языком. Это язык народа, простой, красивый и мудрый. Хотя бы ради того, чтобы насладиться им, стоило бы послушать поэму лишний раз. Я получил истинное наслаждение! Такая вот сила у его творения! Рафаэль совершил свой первый большой шаг как поэт. Перед ним — блестящие перспективы. Только бы он не остановился на достигнутом, только бы не отступил назад.

А Рафаэль лежит рядом и спит. Он еще не знает, как знаю я, какой он поэт. Его нужно лелеять, оберегать, растить (я совсем расчувствовался, вот-вот заплачу). Но ему самому надо жить с оглядкой и не опьяняться успехами. Как только закружится голова, пиши — пропал. Тебе уже никогда не подняться. Вот чего я опасюсь... Жизнь и литературу я знаю лучше, чем Рафаэль. И образование у меня поглубже. Однако поэтом я себя пока не считаю. Он — поэт!» (26.03.54).

В 1954 году Рами Гарипов написал стихотворение «Пожелание», которое посвятил Рафаэлю Сафину.

*Подобно тому, как молодая мать
Радуется первенца рождению,
Ты полон сладостных чувств
К каждому своему творению.*

Он готов был сделать все от него зависящее, чтобы друг его мог творить, и даже отказаться от поэзии, чтобы тот состоялся как поэт. Во имя и ради литературы Рами способен был пожертвовать чем угодно! А ведь произведение Рафаэля «Веление судьбы», которое анализировали критики, и в самом деле явилось своего рода событием, как в масштабах его собственного творчества, так и в жанре башкирской поэмы. Это стихотворение следует считать этапным, ибо в последующие годы Сафин всецело оправдал возлагавшиеся на него надежды, получив высокое признание как поэт и как драматург. А вот опасения Рами насчет «звездной болезни» оказались, к счастью, совершенно напрасными — Рафаэль сумел ее избежать, тем более что неудачи у него тоже случались.

О творчестве Сафина много написано. Но как бы то ни было, первым, кто дал ему объективную оценку еще до того, как он издал свою первую книгу, был не кто иной, как Рами Гарипов, не скрывавший ни своего восторга, ни озабоченности.

Через три дня после предыдущей записи о поэме друга он сообщает: «Написал Марату, чтобы он приехал в институт. А то ведь его сватают, уговаривают поступать в ЦКШ. Надо бы его как-то убедить. Рафаэль тоже ему написал. Я рассказал ему, что мы должны сколотить свой сильный литературный коллектив» (30.03.54).

Однако Марату Каримову так и не суждено было присоединиться к друзьям. Он окончил ЦКШ — Центральную комсомольскую школу и лишь годы спустя — Высшие литературные курсы, которые существовали на базе Литературного института имени Горького. Среда была та же. Это значит, что и Марат Каримов прошел московскую школу, ощутил на себе ее благотворное влияние.

Несмотря на то что Каримов учился в другом учебном заведении, столица сблизила его с Рами и Рафаэлем еще больше. Этой троице талантливых поэтов предстояло внести в башкирскую поэзию существенный вклад, обогатить ее новыми формами и содержанием. И неопределимую роль в формировании их эстетических взглядов сыграли столичное образование и приобретенный в Москве опыт.

Что касается упомянутых Высших литературных курсов, то они тоже заслуживают нашего внимания. Это была школа, где советские писатели — представители разных национальностей и поколений — имели возможность совершенствовать свое мастерство и в то же самое время устанавливать между собой творческие контакты. Проведенные здесь годы стали для многих из них стартом для выхода на всесоюзный, а то и на мировой уровень. Именно отсюда началась звездная карьера одного из самых выдающихся писателей XX столетия Чингиза Айтматова. Очень важную роль сыграли литературные курсы и в творчестве таких известных башкирских писателей, как Нажиб Асанбаев, Муса Гали, Асхат Мирзагитов, Абдулхак Игебаев, Газим Шафигов, Наиль Гаитбаев, Рашит Султангареев, Галим Давлетов, Тимер Юсупов, Аниса Тагирова, Маулит Ямалетдинов, Туйгун и др. Все они тоже прошли московскую школу. С Москвой связали свою судьбу Ахияр Хакимов, Азат Абдуллин, Талха Гиниятуллин, Ильгиз Каримов, Юлай Аминев, каждый из которых внес свою лепту в расширение международных связей башкирской литературы.

Но московская школа подразумевает не только учебу или проживание в столице. Скажем, Мустай Карим в Москве не учился, но проводил там очень много времени, что составило в общей сложности значительную часть его жизни. И это, по большому счету, определило его судьбу, позволив перерасти рамки республики и даже страны.

Вернемся, однако, к герою нашего повествования. Раши находил себе единомышленников и среди студентов других вузов. Показателен в этом смысле следующий фрагмент: «Декабрь и январь так нас вымотали. И мы решили устроить себе передышку. Пять дней я ничего не читал. Заходил Диккат Буракаев из МГУ. Мы провели с ним вместе три дня. Вдоволь наговорились... Обсуждали мы с Диккатом и национальную проблему. Это самый щекотливый политический вопрос. И ошибки здесь недопустимы. Поэтому действовать нужно крайне обдуманно и осмотрительно. Иначе можно из самых лучших побуждений наломать таких дров. Сколько умнейших, величайших людей пострадали из-за этого вопроса» (6.02.55).

Общение Рами и Дикката, впоследствии известного ученого-геолога, будущего автора научно-популярных книг, продолжится и после Москвы. Словно предчувствуя, каким нападкам будут они подвергаться из-за своих взглядов, в национальном вопросе приятели старались соблюдать осторожность. Сокрушаясь по поводу того, сколько великих и умных людей пострадали из-за своей неосмотрительности, Рами еще многого не понимал и не знал, простодушно полагая, что суровому наказанию подвергаются лишь отдельные люди за допущенные ими в данном вопросе ошибки.

Пусть и нечасто, но во время пребывания в Москве Рами иногда мог себе позволить несколько дней кряду ничего не читать, однако полностью расслабляться себе не давал. Он с удовольствием встречался и общался с земляками и не только с ними. Здесь, как и дома, в родной деревне, Рами тянулся к старшим, к более взрослым и опытным мужчинам, охотно учился у них уму-разуму. Таким авторитетом был для него участник войны Сухов, которого он иногда упоминает в своем дневнике: «В институте состоялась защита дипломов. Я так радовался за Федора Сухова. У него собственное видение окружающего. Мир он воспринимает сердцем» (13.05.54).

Благоговей перед такими людьми, Рами подчас вел себя с ними на равных. Стараясь понять других, он в то же самое время умел уверенно отстаивать свое мнение и пытался донести до сознания окружающих свои взгляды.

Довольно часто Рами Гарипов общался с однокурсником Егором Исаевым. Они любили вспоминать о стычке, произошедшей между ними в первый год. «Когда начинаешь с драки, быстрее находишь общий язык», — сказал Егор. Рами не нравилось, что во время собраний Исаев чуть ли не больше всех шумел, громко к чему-то призывал, а потом вдруг резко остывал и замолкал. Он никак не мог взять в толк, отчего тот так странно себя ведет. Может быть, период затишья у будущего лауреата Ленинской премии и Героя Социалистического Труда был связан с творчеством, с мучительными поисками, увенчавшимися созданием крупного произведения. Не там ли, в стенах

Литературного института, вынашивался им замысел поэмы «Суд памяти»?

А если им обоим было о чем поговорить, это значит, что бывший фронтовик воспринимал младшего товарища всерьез, прислушивался к его мнению. Не зря же Рами воспроизводит в своем дневнике одну из их бесед (а ведь он фиксировал далеко не каждую): «Вечером мы очень долго проговорили с Егором Исаевым. О песнях, о природе (о траве, способной пробить асфальт), о жизни и литературе, о естественности и притворстве, о любви и глупости, о лошади и самолете, о генеральшах, о море и лесе, о “Тихом Доне” и “Поднятой целине”, об умении ценить жизнь. И пришли к таким выводам:

– Человек должен формировать свой характер, кипя в самой гуще жизни и в борьбе.

– Глупость всегда очевидна и выпрыгивает каждый раз, словно лягушка, тогда как ум залегает глубоко и не кричит о себе.

– Когда ищешь добро, чаще натыкаешься на зло (я рассказал, как искал к Новому году хорошую елку, но мне попадались в основном плохие).

– Любящий человек мелочей не прощает. Даже маленький недостаток в любимом видится ему большим.

– Гораздо легче выглядеть хорошим, чем быть им.

– Машина не может заменить лошадь. Ее нельзя оторвать от человека.

– Мающимся от безделья генеральшам и море – что ванна. Их жизнь – сплошной комфорт. И горести, и радости у них мелки.

– Человек, у которого нет молодости души, писателем стать не может. Писатель – тот, кто всякий раз открывает для себя что-то новое, умеет удивляться и т. д.

Это всего лишь схема нашей беседы, которую мне очень трудно описать. Это надо чувствовать» (26.01.55).

Свои записи Рами иногда давал почитать Рафаэлю. К занятию друга тот относился снисходительно. А ведь как было бы замечательно, если бы каждый писатель, хотя бы изредка, запечатлевал то, что видит и чувствует. Сколько ценных свидетельств у нас скопилось бы! Дневники твор-

ческого человека — живое зеркало его жизни. И никто из современников, очевидцев и даже близких друзей их не заменит. Некоторые доверяют дневникам интимные переживания, самые потаенные мысли и сокровенные тайны. Благодаря им мы можем следить за ходом мысли человека, узнавать о превратностях его судьбы. И в данном случае, отслеживая жизненный путь Рами Гарипова, мы не можем обойтись без ссылок на его собственные записи, представляющие собой самый надежный источник информации о нем. Кто бы еще мог с такой достоверностью расписать не только по годам, по месяцам, по дням, а то и по часам, что происходило в душе поэта, как не он сам.

Назавтра записи Рами о его разговоре с Егором Исаевым были дополнены такими строчками: «Вчера приехал Равиль (братишка. — Р. Б.). Я проводил его на электричке, а уже со следующей вернулся обратно. Пока ехал, наблюдал за людьми. Интересно — если я какое-то время никуда не выхожу, у меня появляется потребность видеть людей. Еду в электричке вроде бы без определенной цели. А такое впечатление, будто что-то нахожу» (27.01.55).

Даже если поэт не отдает себе отчета в том, куда и зачем он едет, это никоим образом нельзя считать праздным времяпрепровождением, ибо его мозг непрерывно работает, душа не ведает покоя. Такую вот жизнь вел Рами в Москве. Конечно, не обходилось без простоев. Но это вовсе не означало, что он мог позволить себе расслабиться. Его воля всегда была, что называется, наизготовке, подобно натянутой тетиве лука. И даже в моменты затишья, случавшиеся в насыщенной до предела, бурлящей жизни студента, взор его был устремлен к заветной цели, он не сворачивал с ведущего к ней пути.

На этом пути Рами Гарипов постоянно приглядывался к маякам — своим наставникам и учителям. И главным учителем и образцом для подражания как в жизни, так и в творчестве оставался для него Максим Горький, которого он считал самым великим и мудрым среди писателей. Даже на некоторых очень известных и талантливых поэтов Рами смотрел глазами своего кумира: «Еще никому не удавалось охарактеризовать Блока столь просто и ясно, как

Горькому. Рафаэлю Блок не нравится. А если бы он почитал Горького, тот ему наверняка понравился бы. Да и самого Горького Рафаэль пока еще недопонимает» (24.02.54).

В течение ряда лет он собирал книги о творчестве и произведения любимого писателя. Узнав о том, что Рами одолжил деньги на покупку нескольких томов собрания сочинений Горького (с 23-го по 27-й), поэт Аржан Адаров из Горного Алтая изумленно воскликнул:

— Что за человек! Вот разбойник!

Гарипов был даже польщен, а Рафаэль в шутку заметил:

— И кому же достанутся эти книги после твоей смерти?

— Все тома Горького я оставляю тебе! — парировал тот, после чего друзья пустились в долгую философскую дискуссию.

Рами и сам недоумевал, отчего так сходит с ума по книгам. Складывается впечатление, будто никто, кроме него, не проникся столь глубоко словами Горького о них. Книги для него — самое дорогое и святое. И, наверное, поэтому молодой человек считал их лучшим подарком для близких, о чем можно судить по следующему отрывку: «Купил Рафаэлю “Избранное” Назыма Хикмета. А то ведь он просил, чтобы я подарил ему свою книгу. Я еще сказал тогда: “Рафаэль, для меня это все равно, что отдать любимую девушку”. И когда я специально купил для него такую же книгу, он очень обрадовался» (29.12.53). Вот до какой степени дорожил Рами своей личной библиотечкой!

Причина, по которой Рами Гарипов выделял Максима Горького, кроется, по всей вероятности, в том, что тот сумел, несмотря на выпавшие на его долю жизненные невзгоды и испытания, сохранить в себе чувство милосердия и вознести человека на пьедестал. «Горький будет со мной до конца моих дней! Он открыл мне глаза... Когда в 7-м классе мне попала его книга “О литературе”, я впервые задумался о том, что есть литература, что есть жизнь и Человек. Он привел меня в Уфу. Он же позвал меня в свой институт», — вспоминает поэт.

В то время, когда он об этом писал, во всех уголках мира можно было встретить людей, читавших Горького еще при жизни писателя и поклонявшихся ему. Но был ли

среди них хотя бы один, кто произнес бы как завет: «Если удастся мне стать человеком, пусть мне поставят памятник в виде книги из белого мрамора и напишут на нем такие слова: “Сын Горького – поэт Рами”» (24.02.54).

Эти слова насквозь пропитаны чувством верности избранной цели и свойственным людям той эпохи максимализмом. Со временем восхищение Рами Гарипова творчеством Горького перерастет в глубокое его осмысление. На последнем курсе он изучит самое сложное произведение «пролетарского» писателя – «Жизнь Клима Самгина». «Я пять лет готовился к прочтению этой книги. В ней вся жизнь вывернута наизнанку. На первом курсе я вряд ли бы ее понял», – признается он (17.02.55).

Рами много дней и ночей потратил, чтобы постичь глубину и масштабность суждений великого классика. «Ура! Я теперь знаю, какая у Клима Самгина жизнь. Прощай, Самгин!.. Ты мне мешаешь жить. Ты возвел себя на высоту, да только там, наверху, не видно такого муравьишки, как ты. Спасибо Горькому. За эту книгу я перед ним в вечном долгу» (26.03.55).

По произведению «Жизнь Клима Самгина» Рами подготовил к семинару специальный доклад. А поскольку он не привык трудиться поверхностно и спустя рукава, работа над ним превратилась в целое исследование. Наблюдения студента, его замечания о мещанстве говорят нам о явной его склонности и способности к научной деятельности. Подготовленное к семинару выступление было представлено им как основательный труд, который будет опубликовано лишь через несколько лет после того, как Рами вернется в Уфу.

Знакомство с «Жизнью Клима Самгина», работа над статьей «Что такое мещанство» стали для Рами Гарипова поводом вернуться к произведениям русских писателей и ученых о Башкортостане, заставив его всерьез задуматься о судьбе своего народа. Тревожась за его будущее, тогда, в год окончания института, многое из того, что должно было произойти через несколько десятков лет, он, конечно же, не мог предвидеть.

Отведя Максиму Горькому центральное место, Рами в то же самое время считает необходимым учиться и у других писателей. «Я решил, что после Шолохова надо перечитать Макаренко. По своему значению он для меня третий писатель после Горького и Шолохова» (28.01.55).

С уроками, полученными в московской школе, Рами Гарипов и его братья познали много секретов творчества, открыли для себя сокровища всемирной литературы. Они с увлечением изучали историю становления русской литературы, культуры русского народа и постигали прочие науки.

Для тех, кто хотел получить фундаментальное образование и прикладывал для этого все усилия, в институте были созданы оптимальные условия. Очень важным моментом проходившего здесь процесса обучения было то, что перед студентами нередко выступали признанные во всем мире мастера слова, живые классики, о чем большинство начинающих писателей не могли даже мечтать.

Находившийся в постоянном поиске, чрезвычайно требовательный к самому себе, Рами четко обозначил творческие принципы этого учебного заведения, представлявшего собой своего рода обособленное государство — страну литературы. Их формулировки встречаются на разных страницах дневников. А в одном месте сосредоточены похожие на прописные истины правила, выработанные поэтом лично для себя и которые он обязан был неукоснительно соблюдать (24.04.53).

Записи за 1953 год завершались «Раздумьями» (30.12.53), где Рами Гарипов зафиксировал суждения, поучения, рекомендации, предназначавшиеся не столько для других, сколько для себя самого. В ходе рассуждений автор скрупулезно подыскивал нужные слова, изобретал новые средства для самовыражения, намеренно пытаясь избавиться от привычных форм. Вместе с тем он продемонстрировал ограниченность своих воззрений, безоговорочно следуя канонам господствующего общественного строя.

Вот первая цитата из «Раздумий»: «Схоластические книги ислама ничего не привнесли в развитие башкирского языка. Зато на русский язык книги по христианству оказали очень большое влияние».

С этим утверждением нельзя не согласиться. Христианская религия, действительно, сыграла неоценимую роль в развитии русского языка. Сколько поколений русских впитывали через родной язык религиозные постулаты благодаря переводам «Библии» и «Евангелия». Главной же священной книги мусульман «Коран», которую в первую очередь подразумевали атеисты под «схоластическими книгами ислама», на башкирском языке в то время не было. Большинство трудов религиозного содержания в России писались по-арабски. И башкирский язык в числе прочих обогащался за счет заимствований из арабской лексики и фарси. Но этим влияние на него мусульманского мира не ограничивалось. Историческое, судьбоносное значение ислама состоит в том, что он сформировал духовность башкирского народа.

Записи Рами об истории ислама 2 октября 1954 года носят лишь схематический характер. Сравнивая свою религию с христианской, он пишет: «Коран напоминает Евангелие тем, что проповедует непротивление злу насилем. И Коран, и Евангелие призывают своих последователей любить тех, кто их угнетает...»

Даже советская идеология не сумела вытравить из воспитанного комсомолом поэта сформированный народной педагогикой национальный дух, равно как и его моральные принципы, заложенные религиозными традициями. По его высказываниям видно, что нашему народу, в основе своей, удалось, несмотря ни на что, сохранить привитое исламом нравственное начало. Свои рассуждения о Коране и Евангелии Рами завершает так: «Я считаю, что на зло надо отвечать не злом, а добром. И разве не о том же гласит народная мудрость, выраженная поговоркой “Протяни хлеб тому, кто запустит в тебя камнем”?»

Все советские нации и приверженцы бытовавших на территории СССР религиозных конфессий подвергались попыткам отлучить их при помощи атеистической пропаганды от накопленного за сотни веков великого духовного достояния. В литературе безбожие героя считалось едва ли не одним из главных его достоинств, тогда

как откровенное глумление над священнослужителями поощрялось и культивировалось. Одновременно с преследованием духовных лиц в Стране Советов шло наступление и на духовные ценности народов. Сколько прекрасных, добрых обычаев и традиций были объявлены «пережитками прошлого», а большая часть дореволюционной истории и народного наследия перечеркивалась или искажалась в угоду классовой теории. Ни одному этносу не удалось избежать изуверства и разорения.

Послереволюционная официальная идеология, долгие годы активно насаждавшаяся в СССР по отношению к мусульманам, главным образом, к тюркским народам и конкретно к литературам, формировавшимся на протяжении столетий в духе восточных традиций, оказалась страшна тем, что радикальным образом изменила их судьбы. Ориентация на русскую литературу, а через нее — на западную, положила начало приобретению этими народами совершенно нового эстетического опыта. Эти изменения происходили на фоне и за счет искоренения древних традиций, осушения живых родников, а затем и принесения в жертву, физического и морального уничтожения подготовленных за годы советской власти сильных национальных кадров.

В итоге получилось так, что московская школа, наряду с оказываемым ею положительным воздействием на литературы тюркских народов, волей-неволей вытеснила близкую им по духу Восточную школу, способствовала прерыванию тысячелетней связи. Добрые и злые дела вершились одновременно. Не зря говорят: «Нет худа без добра», а некоторые при этом еще и присовокупляют: «Добро без худа — тоже чудо».

Отрыв нашего народа от традиций, глубоко и прочно укоренившихся за многовековую историю в укладе его жизни и сознании, не мог не сказаться на творчестве новых поколений башкирских литераторов, лишенных доступа к благодатным источникам. Это существенно ограничивало их возможности, тормозило развитие. И в последующие годы Рами Гарипов, как никто другой ощущавший

эту зияющую пустоту, приложит все усилия, чтобы вернуть башкирской поэзии утраченное влияние Восточной школы.

Чувствуя, что ему не хватает чего-то очень важного, он еще в бытность студентом литинститута обращался к родным истокам и делал это все чаще и чаще. «Никогда не отрывайся от народного творчества», — звучит одно из правил поэта. Некоторые из поставленных перед самим собой целей он определяет в своих «Раздумьях» таким образом: «Начинающий поэт должен озадачить себя следующими проблемами: изучать народное творчество и язык..., равняться на сээнов, акынов и ашугов; учиться у всех классиков, у братских народов...»

Какие благие намерения и замыслы, благородные помыслы и порывы! Только в этой общей декларации отношение к утерянным восточным традициям окутано туманом. Молодой человек пытается разглядеть самые древние слои поэтической природы своей нации в произведениях народного творчества. Стремясь приобрести качественное образование, добротные знания, он старается постичь поистине огромный мир русской литературы, усвоить секреты ее выдающихся мастеров, как можно ближе познакомиться с западной культурой. И только горизонт со стороны великого Востока пока еще сокрыт от его ищущего взора непроглядными густыми облаками.

После второго курса, во время летних каникул, Рами Гарипов объездил восточные районы Башкортостана, побывав во многих аулах, где встречался с местными сээнами и собирал фольклорные материалы. Научившись дорожить метким словом народного сказителя и мудреца, он с еще большим трепетом стал относиться к башкирской литературе. Появление в поэзии новых звезд и талантов становилось для Рами праздником души. И не случайно первый из своих студенческих дневников он начал с уважительного обращения: «Мустафа-агай!» Несмотря на то что в московской школе у молодого поэта было много учителей, общение с Мустаем Каримом, равнение на созданные им в ту пору произведения тоже служили ему источниками вдохновения.

МАТЕРИНСКИЕ РУКИ

Есть снимок, на котором мы видим подростка Раши Гарипова рядом с матерью в период учебы в школе-интернате. У них просветленные лица, открытый, доверительный взгляд. Посмотришь один раз – заметишь налет грусти. В другой раз кажется, что они вот-вот улыбнутся. И при этом оба как будто наполнены чувством гордости друг за друга. Словно Раши всем своим видом хочет сказать: «Смотрите, какая у меня мама!» А та, со своей стороны, радуется: «Вот такой у меня подрастает замечательный сыночек Раши – моя опора. В Уфе учится!»

В связи с этим на память приходит запись, сделанная Раши Гариповым в один из знойных летних дней 1946 года в дневнике, заведенном им в школьные годы: «Улучив момент, скрылся от матери-старушки на крыше, чтобы дописать этих самых “Маленьких партизан”. И закончил!» А «матери-старушке» было в ту пору, ни много ни мало, всего лишь тридцать три года. Овдовела же Гюльмарьямапай еще раньше, оставшись одна с четырьмя детишками на руках.

Снимок, на котором шестнадцатилетний Раши запечатлен в школьной форме с матерью, западает в душу с первого раза, вызывая потребность возвращаться к нему снова и снова. Это ценная реликвия – напоминание об одном из самых тяжелых послевоенных лет – о 1948 году. Такие карточки, сделанные дяденьками-любителями или заезжими фотографами, деревенские жители берегли как святыню, помещая в рамки под стекло и вешая на самое видное место в доме. Делая надписи с обратной стороны, они дарили их или посылали друг другу с письмами. И не раз бывало, что от близких и дорогих тебе людей не оставалось ничего, кроме этих фотоснимков. Поэтому следует радоваться тому, что они вообще сохранились. А то ведь нередко случалось так, что образы погибших запечатлевались лишь в памяти. Когда же вдруг найдет на тебя грусть-тоска и до боли захочется заглянуть в родные глаза, сделать этого ты уже не сможешь. Сколько же детей выросло, даже не зная, как выглядели их отцы, дедушки, братья!..

Тридцатипятилетняя вдова со своим шестнадцатилетним сыном. И еще трое сирот за кадром. Едва ли не самый распространенный в СССР штамп того времени — сочетание из двух слов «семья погибшего», коих по всей стране развелось бесчисленное множество. Как правило, это были молодые женщины с целым подолом ребятишек.

Изображенный на снимке подросток и мать, на плече которой покоится его рука, друг для друга — самая крепкая и надежная опора. Государство им в помощи, конечно же, не откажет, но не надо забывать, что у него и без того миллионы круглых сирот.

А где же сам Ягафар? — Уважаемого всеми главы большого семейства Гариповых нет в живых уже пять лет, — с тех пор, как воин-фронтовик сложил голову под Сталинградом в сражении, принесшем славу Советской армии. И ответственность за судьбы обездоленных детей целиком и полностью лежит на хрупких плечах Гюльмарьям, готовой ради потомства взяться за самое трудное дело. Ее главный помощник, на которого она, как на самого старшего, возлагает большие надежды, — это Рами.

Несмотря на то что снимок сделан в пору царившей в стране всеобщей разрухи и великой нужды, по лицам изображенных не догадаешься, как тяжело им было на тот момент. Эта женщина в платке с пробором в волосах и ее подросший сын преисполнены воли, решимости и, в то же самое время, излучают доброту. Несмотря на перенесенные лишения и испытания, души их не зачерствели, вперед они смотрят без страха и с верой. Эти люди не из тех, кто способен причинить кому-либо зло, но вместе с тем они умеют, когда надо, и постоять за себя. Дорогу в будущее мать с сыном торили и мостили самоотверженным и честным трудом. Собственными силами, за счет трудолюбия и хозяйской хватки, им удалось в вихольтье сохранить себя и своих близких.

Такие вот мысли приходят в голову, когда глядишь на эту сохраненную для потомков старую фотографию.

В дневниках, которые Рами вел, учась в школе, а потом и в институте, он часто упоминает свою мать. Из детства ему вспоминаются разные моменты, в том числе минуты

радости и безобидные мальчишеские шалости. Только вот в самую счастливую и беззаботную пору в их жизнь ворвалась война.

22 июня 1952 года Рами решил описать то страшное событие. Наступит время, когда день начала войны будет запечатлен во многих произведениях башкирских писателей в различных жанрах. Некоторым из них удастся воспроизвести его мастерски. Но именно в то время таких произведений не было еще и в помине.

Когда на нашу страну обрушилась черная беда, Рами было девять лет. Поэтому читать о том, что он пережил тогда, любопытно вдвойне. Его отличающиеся документальной достоверностью воспоминания стоят того, чтобы привести здесь это бесценное свидетельство.

«Ровно одиннадцать лет тому назад мы с родителями и маленькой сестренкой поднялись спозаранок и, после того как отец запряг в телегу колхозного жеребца-айгыра, отправились в райцентр Салаватского района на сабантуй. Рассвет был в то утро такой красивый, что словами не описать. Я сижу впереди за кучера. Рыжий жеребец, пофыркивая, быстро движется мягкой иноходью вперед.

Родители впервые взяли меня на сабантуй, уступив моим слезным мольбам. Это был невероятный праздник. Тут тебе и скачки. И борьба. Всевозможные игры. Чего только не придумает народ! У всех было радужное, праздничное настроение. А после обеда взрослых как будто подменили. Лица у всех были мрачные. Свалившаяся на берега Юрюзани нежданная весть превратила вдруг людскую толпу в бушующее море. Праздника как не бывало. Шум, слезы и вопли. Многие мужчины сразу же помчались в военкомат. В глазах у всех — растерянность, тревога, отчаяние и ненависть. Народ понемногу стал разъезжаться, подавленный, как после похорон. Дорога стала похожа на черную реку. Это всеобщее тревожное состояние передалось и окружающей природе. На синеватые вдалеке горные леса как будто опустились вечерние сумерки. А все окрестности залили кроваво-красные солнечные лучи. Фыркание лошадей. Верещание детей. Женские рыдания. Неизмеримо глубокое море скорби. Поток переправлявшихся вброд

через Юрюзань был столь велик, что казалось, будто реку перекрыли плотиной. Местами разыгрывались настоящие трагедии, когда лошади, оступаясь, проваливались под воду. Отец в тот день так и остался в военкомате. Делать нечего, я, как единственный мужчина, посадил мать с сестренкой в повозку и стал править лошадьё, задав ей бег трусой.

По сей день я все так отчетливо вижу вплоть до мелочей. Именно так начиналась для нас Великая Отечественная война, тяжесть которой легла и на наши детские плечи. Отец, в первые же дни добровольно ушедший на фронт, не вернулся. Так что первый мой сабантуй оказался последним пережитым вместе с ним событием. Я буду вечно помнить, как на рассвете он разбудил меня, поднял сонного на руки, крепко прижал к своей груди и, поцеловав, промолвил с улыбкой: “Ну что, сынок, оставляю колхоз на тебя. Слушай мать, будь малышам настоящим старшим братом. Ты ведь у нас уже большой. Учись прилежно. А уж мы вернемся с победой”.

Место на моей щеке, куда упала крупная слеза, скатившаяся с грустно улыбавшегося лица отца, как будто и теперь жжет. Эта капля пламенем прожгла мое детское сердце. И это пламя никогда не потухнет. Оно будет гореть во мне вечным огнем памяти о моем отце. То, как он жил, трудясь дни и ночи, не покладая рук, пользуясь всеобщим уважением и любовью и оставаясь при этом скромным, сдержанным и немногословным, навсегда останется для меня примером*.

На какие мысли наводит данный фрагмент? — Думается, если бы Рами Гарипов взялся за прозу, он мог бы стать весьма своеобразным писателем. По его дневниковым записям мы можем судить о том, что он, прежде чем взяться за стихи, посвященные родителям, родным и землякам, близким и дорогим ему людям, любимому Башкортостану, неоднократно обращался к их образам в прозе. Кроме того, эти документы ценны тем, что в них

* Рами Гарипов. Сочинения. В 3-х томах. Том II. С. 33–34.

проявилось его умение тонко чувствовать, ощущать глубину, оттенки значения и вкус слова. Такие опыты очень важны, и они пригодились ему в дальнейшем при создании сильных поэтических, в полном смысле, произведений и стали для поэта отличной школой.

Будучи девятилетним мальчиком, Рами запомнил и впоследствии воспроизвел в рассказе прощание с отцом, последнюю и, возможно, даже единственную жгучую отцовскую слезу на своем лице. На всю жизнь его имя останется для сына святым, тогда как воспоминания будут постепенно тускнеть и стираться, а сам образ, облик живого человека превратится в мифический. Зато его мать-инэй находилась рядом. Рука об руку они вместе решали житейские проблемы, преодолевали трудности. Подобно миллионам советских женщин тех лет, Гюльмарьям была для своих детей больше, чем мать. Она вынуждена была обращаться с ними не только по-матерински ласково, но и по-отечески строго, сурово, а когда и поругивать. Ох, нелегкая это ноша — в одиночку тащить на себе груз ответственности за многодетную семью! Поэтому Рами приходилось разделять с матерью ее обязанности, то и дело подставлять под эту ношу свое еще не окрепшее плечо. Немалая часть хлопот по хозяйству доставалась именно ему.

В тяжелые времена не до сюсюканья, и взаимоотношения у них в семье не могли быть нежными. Впрочем, башкирскому народу, несмотря на его музыкальность, душевность, радушие, в целом не свойственно выставлять свои чувства напоказ. И если иные женщины порою голосят, рвут на себе волосы и чуть ли не вгрызаются в землю от горя, то башкирки, как правило, переносят страдания стоически молча. Такому терпению и выдержке мусульманок приучают каноны ислама. Общаясь друг с другом, они не выворачивают душу наизнанку, их не заставишь расчувствоваться. Отправляясь в дальний путь или вернувшись домой издалека после долгой разлуки, длившейся месяцы, а то и годы, башкирский сын не бросится к своей матери в объятия, и та, стараясь не выказывать своей радости, позволит себе в знак приветствия лишь слегка похлопать его по спине. А ведь кто-то, кому все это непривычно,

может неверно истолковать такое поведение, принять сдержанность за равнодушие.

Люди, которые в военное лихолетье страдали от голода и дрожали зимой от холода в неотапливаемых домах, носили латаную-перелатаную одежду и получали с фронта похоронки, научились загонять эмоции внутрь. Но тем не менее беды не разъединяли, не отталкивали их друг от друга, а только сплачивали. В связи с этим невольно приходят на память строки из стихотворения «Цветы на камне» Мустая Карима. Наверное, трудно было бы найти более подходящую метафору для благородных чувств, которые ты сохраняешь к любимой, даже когда жестокая война превращает тебя в камень. Так и кажется, что эти стихи таят в себе еще более глубокий смысл, чем вкладывал в них автор. Поэт сравнивает чувства к любимой с венком из выросших на камне цветов. Но разве не сродни таким цветам душевная чистота, человечность и милосердие, которые удалось сохранить и укрепить всему советскому народу, несмотря на миллионы жертв, которых стоила ему война, несмотря на потерю своих сыновей и дочерей, невзирая на кипящую ненависть и жажду мщения.

Скуповатый на эмоции и нежные слова, наш народ, закаленный испытаниями, выпавшими на его долю в 40-е военные годы, научился сострадать, познал цену дружбе, верности, бескорыстной помощи и самоотверженности, проявляемой как на фронте, так и в тылу. Вот и Рами Гарипов — уже в детстве прошел он эту школу выживания и таким вступил в творческий мир. Поначалу его стихи изобиловали общими фразами. Так ведь этот этап неминуем. Как признавался он сам, чтобы научиться хорошо писать, ему приходилось заниматься этим сутками, «до умопомрачения». Драгоценные семена, которым предстояло дать добрые всходы, покоились еще тогда на дне его души. А для того чтобы они проросли и вырвались наружу, поэту требовалось время на глубокое осмысление сущности жизни и своего предназначения.

Последнюю часть «Раздумий» (30.12.53) он заканчивает так: «Если бы детство мое пришлось не на военные годы, я бы вряд ли начал писать стихи. Война оставила в моем

сердце столь глубокий след, что я просто не мог не писать. И если я рожден для литературы, то родила меня именно Великая Отечественная война. Та война забрала и отняла у меня отца, оставила мать одну с четырьмя ребятишками, заставила нас голодать, по несколько дней кряду не видеть пищи. Все это наполнило мое маленькое сердце великим познанием жизни».

В дневниках эта жизнь представлена в виде множества живых картин. Только вот передать их в стихах, чтобы они заиграли, молодому поэту пока не с руки.

Раши почитал и любил свою мать не только за то, что она одна, без отца, вырастила и подняла на ноги четверых детей. Гюльмарьям Гарипова была первым свидетелем того, как он сочинял свое первое стихотворение, и самым первым его читателем. Вот как он описывает событие, с которого начался его «творческий путь»:

«Учился я тогда еще в пятом классе. Однажды учительница по литературе задала нам на дом сочинение на тему “Лунная ночь”. А я взял и написал “Лунную ночь” в стихах. То стихотворение было убогим и хромым и состояло лишь из простейших фраз и рифмованных словечек. Но ведь я трудился, потратил на него силы. Невозможно передать, как я радовался, когда его закончил. Мама мыла в тот момент полы. Поставила стол и стулья на нары и вовсю шурует. А я сижу на столе, корпя над листком. Прочту и, если не понравится, зачеркиваю. Снова читаю и снова зачеркиваю. Чтобы написать три куплета, я перевел пять листов бумаги. И вот уже самый последний вариант... Какой восторг! До чего же дорог мне этот “труд”! Радость переполняет меня до такой степени, что уже невтерпеж. И я сам не заметил, как опрокинулся вместе со столом и грохнулся прямо в тазик с грязной водой... Вода расплескалась по полу!.. А мать как разозлится:

— Ты что, ошалел, шайтан?! — заорала она ихватила меня по лицу большущей грязной тряпкой да так, что сбила с ног... Не дожидаясь повторного удара, я, как был, босиком, выскочил на улицу. Пребывая в диком восторге, я даже не почувствовал, что стою босой прямо в снегу. Так и простоял с листком в руках, не зная, что делать, пока мать не вышла.

— А ну заходи быстрее! — крикнула она, и я тут же прошмыгнул мимо нее в открытую дверь. Затаился и жду, что будет. А когда мать зашла, сказав со смехом: “Ох, и шальной. Настоящий шайтан!” — у меня будто гора с плеч свалилась.

— Инэй, ты уж не сердись на меня, — попросил я, заглядывая матери в глаза. — Я ведь стих написал, как Тукай.

— Тогда почитай...

И, воодушевившись, я начал читать. А как закончил, мать говорит:

— Хорошо написано. Только зачем было из-за этого в таз прыгать? — Сказав это, она велела мне вымыть пол. И “шагир-абзый” играючи это сделал!

Мать больше не сердилась. Так как и сама любила стихи. Обучая меня чтению (еще в пятилетнем возрасте), она пыталась заставить меня выучить два стихотворения Тукая — “Перед черной доской” и “Акбай”. Читать я выучился быстро.

На следующий день, после того как был написан стишок, я явился в школу ни свет ни заря. Самси-абей еще только собиралась топить печку.

— Ты чего пришел, полуночник? — спросила она.

— Просто так, — только и ответил я.

До начала занятий как будто целый год прошел. Я успел за это время переписать стихи в тетрадь.

На следующий день я показал ту тетрадь матери. Увидев оценку “отлично”, она воскликнула: “Ах, ты мой шайтанчик!..” — и прижала меня к своей груди.

Моя мать была нам вроде старшей сестры. Она играла с нами, смеялась. Учила моих братишек Равиля с Уралом читать*.

Вот так Рами начал писать стихи. До боли знакомая картина — деревенская изба и военной поры мальчишка, в маленьком сердечке которого вспыхнуло пламя страсти к поэзии! Такое впечатление, будто он рассказывает именно о тебе.

---

* Рами Гарипов. Торю дорогу в будущее. Уфа: Аргамак, 2005. С. 60–62.

Пристрастившись к творчеству, Рами просиживал за столом ночами. А когда мать напустилась на него, мол, «керосин кончаешь», стал прятаться на печи. Вместо занавески — шаль, перевернутое корыто — вместо стола. Вся ночь в его распоряжении! В сердце пылает поэтический огонь, а дом освещать нечем. Так приходили в литературу дети войны...

Молоденькие мамыши-вдовушки были им и сестрами, и задушевными подружками. Вместе преодолевали трудности, а бывало, игру затеют, словно ровесники. Мать — и глава семьи, и учительница, и слушательница твоих первых стихов. Но суждено было Рами прожить подле самого дорогого для него человека всего лишь четырнадцать лет. И это тоже знакомо многим творческим людям. Что поделаешь. Зато за эти немногие годы успели сложиться и закрепиться главные жизненные устои юной личности, была заложена основа его жизненной философии.

Творчество вдохновляет и заставляет быть настойчивым. И кто знает, может быть, неуступчивость, упорство, гордость и обостренное самолюбие перешли к иным поэтам от их матерей. А то, что многие посвящают именно им свои стихи, нельзя объяснить недостатком тем. Дело вовсе не в этом. Если бы молодые поэты не писали о своих мамах, им бы недоставало искренности. Когда пишешь о той, что тебя родила и вырастила, то и утверждаешься как духовная личность.

И пусть вот уже на протяжении многих лет ты видишься с матерью лишь во время каникул, даже за тысячи верст невозможно отделаться от ощущения, будто она следит за каждым твоим шагом. С годами же на смену ребячьей тоске по ней к подрастающей личности постепенно приходит чувство большой ответственности.

Будучи усердным в учебе, Рами Гарипов считался в институте едва ли не лучшим студентом. При этом он беспрестанно трудился, творил. И все это не только для себя, но и ради того, чтобы порадовать мать, чтобы та гордилась его успехами. Главная цель его жизни формировалась в его сознании в родном доме, и первые поэтические опыты читала мать.

Ночные бдения за чтением — тоже ради этой великой цели. Вспомним его собственное признание: «Чтобы хорошо писать, я пишу до умопомрачения». И это — во имя все той же благой цели. Ради ее достижения он накапливал силы, насыщал свой разум новой информацией и знаниями в самых богатых библиотеках, а также учебных заведениях Уфы и Москвы, в театрах и музеях, путешествиях по памятным историческим местам, принимая мудрые советы от видных ученых, в неторопливых беседах, а подчас и в жарких спорах с коллегами, либо проводя досуг с книгой в руках у себя в комнате или на лоне природы.

Внутри у него шел непрерывный рост. Проявившаяся в Уфе тяга к знаниям в московский период стала еще сильнее, более осознанной и последовательной. И в конце концов, эти вдохновенные и в то же самое время мучительные поиски начали давать хорошие плоды. Количество, так или иначе, превращалось в качество. То, что Рами черпал из разных источников, выкристаллизовывалось в его поэтическом творчестве в первые жемчужины.

У каждого художника творческая судьба складывается по-своему. И если говорить конкретно о Рами Гарипове, то как личность он созрел, несомненно, раньше, чем как поэт. Однако признаки того, что он непременно станет поэтом, уже были налицо. Просто, прежде сложилась его духовная и интеллектуальная база. В свою очередь, эта прочная основа, возделанная им самим нива, оказалась благодатной для ускоренного развития, быстрого раскрытия и укрепления его поэтического творчества. И в том, что этот перелом начался, большую роль в очередной раз сыграл образ ее Величества Матери.

Из дневника: «12 февраля, 1954 год. Ночь. Переделкино. Скоро запоют первые петухи. И, проснувшись, моя мать, возможно, вспомнит в это утро тот момент, когда на рассвете ровно 22 года тому назад произвела на свет своего первенца. Может быть, она задумается. Или улыбнется. Или представив перед собой находящегося вдали от нее сына, услышит первый исторгнутый им звук. Сердце матери! Есть ли сердце прекраснее твоего? Мама! Кто еще на свете будет переживать за меня так, как ты?»

Мне уже двадцать два! И почему-то не по себе: не от того ли, что я так одинок... Все учусь да учусь. А последние десять дней тянулись для меня словно десяток лет. Три дня нечего было есть. Да и покурить не на что. И все же... А если бы меня не было на свете? Как было бы жалко!.. Хорошо, что ты меня родила, эсэй. Как хорошо, что я есть!»

Поэт не сетует на трудности, не клянет этот мир, обрешивший его на полуголодное существование. Напротив, он источает слова благодарности судьбе и подарившей ему жизнь матери.

За этим — не ложный оптимизм молодого человека. Здесь ощущаются твердая вера много познавшей и испытавшей, несмотря на юный возраст, личности, привитое ему всей его предыдущей жизнью терпение. Здесь он проявляет себя как мудрый философ. И в этой своей философии поэт ищет и находит опору в самом дорогом, святом для него человеке, представляя себе, что чувствует в день его рождения живущая за тысячи километров от него родная мать.

РУКИ МОЕЙ МАТЕРИ

Был светлый день — светла о прошлом память, —

Траву косили мы с тобой вдвоем.

Ты помнишь ли тот день, родная мама?

А мне он стал счастливым самым днем.

Гадала где-то дальняя кукушка,

Ты, мама, подточила косу мне,

Рассветным солнцем залило опушку

Дубовой рощи, рядом, на холме.

Косил я поначалу очень робко,

Но ты хвалила, мой порыв ценя,

Учила и уменью, и сноровке,

Подбадривала искренне меня:

«Коси не торопясь, бери поуже,

Держи повыше острое косы».

И радостью светилась, если лучше

Я вел прокос зеленой полосы.

Как ручеек коса моя сверкала,
 И луговые падали цветы.
 В их чашечках — и голубых, и алых —
 Росинки-слезы были так чисты!
 Довольная, ты радовалась сыну,
 Глядела на проложенный прокос:
 Сынок подрос, в руках довольно силы,
 А у самой в глазах — росинки слез:
 «Отец твой тоже так косил, сыночек,
 И не поставит никому в вину —
 Не видит он твоих “зеленых строчек”,
 Ушел с врагом сражаться на войну».
 Вот с этих «строчек» и берет начало
 Мой путь, которым шел я, жизнь любя.
 И это, мама, верно означало,
 Что руки золотые у тебя.*

Снизу — приписка автора: «А сегодня я понял это еще лучше».

«Руки моей матери» — самое сильное из стихов, написанных Рами Гариповым в пору учебы в Литературном институте. В первый сборник и в последующие его книги оно вошло под названием «Руки матери» и датировалось 1953 годом. Некоторые свои стихи он записывал в дневники и, бывало, описывал историю их создания. Что же касается этого стихотворения, то Рами почему-то никак его не прокомментировал. Он то и дело упоминает свою поэму-сказку о Салавате, рассказывает о всевозможных творческих планах. Только вот об этом, ставшим классикой, произведении умалчивает. И показательно то, что будущий поэт полностью приводит его в самой заветной тетрадке именно в день своего рождения.

В уфимских дневниках много его стихов. На десятках страниц местами можно видеть рифмованные записи. В московских же дневниках стихи встречаются редко, да и то — некоторые из них даны либо в черновом варианте, либо в виде наброска. И отличаются в этом плане «Руки

* Перевод Я. Серпина.

моей матери», которые переписаны в памятный день, причем с особым тщанием.

Рами датировал это стихотворение 1953 годом, но по всему видно, что он неоднократно к нему возвращался, дорабатывал, пока наконец не выдал последний, самый совершенный, с его точки зрения, вариант, который зафиксировал 22 февраля 1954 года. Значит, периодом создания стихотворения «Руки моей матери» можно считать 1953–1954 годы. Оно знаменует собой наивысшее достижение того этапа, демонстрируя силу таланта молодого поэта. В те годы Рами Гариповым было написано немало успешных стихов, среди них: «Родные места» («Хоть и рожден я на Урале, в Москве родился я умом»), «Сестричке», «Первая любовь» («Будет родинкой жгучей в сердце моем имя светлое твое»), «Демские рассветы» («Был для тебя в тот день рожден я, а для меня ты рождена»).

Рами обожал свою семью и в творчестве уделял внимание ближайшим родственникам. Первое из стихотворений такого рода он написал в 1954 году, посвятив его любимой сестричке Маршиде. Оно начинается такими строчками:

*Подобно прекрасной березке стройной,
Под защитой выросшей трех дубов.
Росла ты в ласке, наша сестренка,
Одна среди братьев — трех пацанов.*

*Отца мы не знали. Он на чужбине
На поле боя остался лежать...
Отдав нам, детям своим, все силы,
Состарилась прежде времени мать.*

Уже видно, что чувства молодого поэта ближе к человеческой натуре, к реальной жизни и к природе, язык которой становится ему все понятнее. «Похоже, что они совсем, как я, тоскуют по берегам родной реки» пишет Рами в стихотворении «Юрюзанские гуси». И особого внимания в этом отношении заслуживает его «Весна» (1953), состоящая из шести строф.

*Березки белые шумят чуть слышно,
Мой слух улаждая весенней песней...
А я возлежу на траве душистой
Под покрывалом из солнечных лучей.*

*В небесной выси жаворонок звонкий
Заливается серебряным бубенцом.
Порхает бабочка над землю теплой —
Точь-в-точь раскрывшийся бутон.*

*Облачившись в лучший наряд свой лиловый,
Вспыхнул подснежник-первоцвет.
С цветка на цветок перелетают пчелы,
И пара беззаботных мотыльков...*

Этому стихотворению присущи качества, которые с наибольшей силой проявятся в его дальнейших произведениях. Оно убедительно передает пение жаворонка, краски и звуки природы, привнося новый мотив в башкирскую поэзию. Здесь же можно почувствовать влияние традиций башкирского народного творчества («весна теплей — запел соловей»), русской поэтической школы и, в частности, сочинений Тютчева и Фета («Люблю грозу в начале мая»). Уже четче обозначаются главный мотив, образная система и стиль Рами Гарипова. Но пока еще не столь интенсивен аромат его поэзии, не в той мере насыщены ее цвета. Встречаются и не отшлифованные места, наблюдается некоторая сумятица в мыслях — и эти недоработки, соответственно, снижают уровень стихов.

Тем не менее в 1953–1954 годы происходит заметный рост Рами Гарипова как поэта, шире становится его кругозор. И пусть в стихах этого периода преобладают мысли о настоящем и гордость за сегодняшний день, поэта нельзя упрекнуть в том, что он игнорирует прошлое. Список созданных им произведений пополняется стихами, посвященными тем, кого он считает своими учителями: Тукаю, Гафури, Саяму («Поэт», «Перо», «Жизнь Саяма»),

Больше значения Рами придает теперь профессиональной стороне. Стараясь разнообразить приемы и формы,

он решается на эксперименты. В день посещения с однокурсником Вадимом Зубаревым Третьяковки, 27 октября 1953 года, Рами Гарипов прочел ему стихотворение, написанное, по его словам, исключительно ради формы:

*Вспомни тот день —
Я ушел.
Крепко —
Поцеловал.
В глазах твоих
Грусть и боль.
Росинкой чистой
Слеза
Капнула в сердце мне.
Капнула и прожгла.
И пухть
Уже давно
Мы врозь с тобой.
Все равно
По-прежнему тот огонь
Сжигает сердце мое.*

После того как Рами перевел содержание, приятель сказал ему: «По-моему, здесь не только форма, но и глубина». И тот увидел свое творение уже в ином свете.

Однако здесь требуется пояснение. Безусловно, это стихотворение искреннее и легкое, но оно все же уступает «Первой любви» («Будет родинкой жгучей в сердце имя светлое твое»), написанной им в том же году. Поэт включил его потом в первый свой томик, только почему-то среди стихов за 1955 год. Эти два произведения интересны тем, что их можно рассматривать как вариации на одну и ту же тему.

Особенно интенсивно Рами работал осенью 1953 года. Он настолько был увлечен творчеством, что пропустил очень много лекций. Прежде рождение каждого нового произведения воспринималось им как из ряда вон выходящее событие. Теперь же Рами проявлял сдержанность — то ли успел привыкнуть, то ли уже начал ощущать себя

профессионалом. Писал он каждый день. Это значит, что творчество овладело всем его существом. И в это самое время поэт твердо решил взяться за подготовку первого сборника. «Всю ночь просидел над своими стихами, переписывал, исправлял. Готовлю сборник. Работаю, как лошадь» (26.10.53).

Несмотря на то что Рами Гарипов денно и нощно трудился, он ощущал себя свободным и сильным. И обращать внимание на мелочи жизни совершенно не оставалось времени. Над ним не властна была даже осень с ее безнадежностью, он не предавался тревожной тоске, в которую повергает людей «унылая пора», не раздражался. Поэт только и знал, что писать — с вдохновением и задором, полностью выкладываясь. Иной раз и сам себе удивлялся: он уже давно не чувствовал себя таким окрыленным. И эти благословенные дни и ночи, когда он вдохновенно работал без устали, забывая про сон, не прошли для него даром. Они одарили молодого поэта счастьем держать в руках первую книжку.

Пусть это пока лишь рукописный вариант и единственный экземпляр, которого еще никто, кроме него самого, не касался, но сборник уже есть. Вот он! Разрозненные прежде стихи связаны отныне между собой общей нитью. Да, этот сборник не больше, чем рукопись, и автор пока не ведает, суждено ли ему быть напечатанным...

Словно желая отогнать от себя прочь, подальше эти досадные сомнения, Рами стремительно выскакивает на улицу и вдруг замирает, как зачарованный. Переделкинская ночь тиха и таинственна. В домах давно погасли огни. Поздняя осень. Листья с деревьев опала. И ветру уже нечего сорвать. Пасмурно и безмятежно. Зато в душе у Рами искрятся звезды, бушует стихия. Его книга непременно должна дойти до читателя! Это горячее желание добиться во что бы то ни стало заветной цели в сочетании с его упрямством, еще пуще раззадоривает поэта: «Сейчас я верю в силу завтрашнего дня, как никогда. Я не могу отступить. Назад мне дороги нет... Не видя перед собой определенной цели, незачем впустую тратить силы. Не следует уподобляться лягушке, которая, выбравшись из болота,

бросилась под колеса едущей по большаку огромной телеги с грузом с намерением ее перевернуть. Человек, познавший жизнь, так не поступит. У жизни есть свой девиз: Вперед! Вперед! Только вперед!» (27.10.53).

Погруженный в размышления поэт забывает обо всем. Унять бурю в душе невозможно. И только пронзительный до боли свисток проходящего мимо станции поезда заставляет его очнуться. Впору бы сейчас и ему закричать, что есть силы, на всю округу. Столько ночей перебирал он написанные им стихи, просматривал, читал их заново, отбирал, перерабатывал вновь и в конце концов скомплектовал их воедино. Значит, он в ответе за судьбу своего сборника и просто обязан довести начатое до конца. Зажженная папироса обжигает пальцы. Но парню не до этого. Сдвинув брови, он сосредоточенно вглядывается в ночь, словно пытаясь разглядеть что-то сквозь кромешную тьму.

Да, судьба книги, прежде всего, в твоих собственных руках. Если за три года, проведенные в Москве, ты добился такого результата благодаря своему неустанному труду, то у тебя нет иного выхода, кроме как идти и пробиваться дальше. Вперед, вперед!

Как любил повторять Рами, сказанное назад не воротишь. Башкиры уподобляют произнесенное слово пущенной стреле. Поэт вступил на главный и самый ответственный путь в своей жизни. А в голове между тем роятся всевозможные мысли и бесконечное множество вопросов, из которых наиважнейший — как будет воспринята его книга?

«Я в пути. Мне еще ни разу не удавалось возвращаться в Уфу осенью. С собой я везу свою первую книжку. Она — как первая любовь. Ее судьба станет моей судьбой. Я впервые присоединяюсь к многоголосому хору нашей литературы. По приезде мне нужно сразу же показать стихи Мустафа-агаю, которому доверяю больше всего. Он — мой самый любимый учитель. Только я не уверен, что отношусь к числу его любимых учеников» (1.11.53).

Несмотря на сомнения, бывшие причиной его смятения, в свои силы Рами Гарипов верил. Он пока не слышал о своей книге никаких отзывов, но уже с уверенностью

говорит, что вступает со своей партией в многоголосый хор литературы. Если бы Рами не был столь уверен в себе, то ни за что не взялся бы за такое дело. Молодой человек отлично понимал, на какой судьбоносный шаг решился. Он ехал в Уфу с твердым намерением предъявить свой первый сборник авторитетным судьям, доказать таким образом старшим товарищам свою состоятельность, отстоять право на творчество и собственное место в литературе.

Обсуждение стихов Рами Гарипова в Союзе писателей проходило в непринужденной, веселой обстановке, и завершилось принятием решения рекомендовать сборник к опубликованию. Что может быть выше такой оценки для начинающего поэта? И теперь ему предстояло, в соответствии с пожеланиями, внести кое-какие поправки и убрать некоторые стихи. Времени в обрез, но он должен был все успеть.

И вот наступил тот день, когда Рами Гарипов отнес свой первый сборник под названием «Юрюзань» в издательство. Он сразу же почувствовал облегчение, да вот только никак не мог справиться с волнением.

Уфимские встречи навели молодого поэта на серьезные размышления. Рассчитывавший на всесторонний, глубокий и беспристрастный анализ своих стихов, Рами был немало разочарован и удручен, обнаружив, что местной литературе не хватает конструктивной критики. Прошедшее в Уфе обсуждение явно проигрывало по своему уровню московским творческим семинарам. Контраст был резок.

Увы, башкирская литературная критика и в самом деле застряла в стадии ученичества, не сумела ее пока преодолеть. Подавляющее большинство статей были поверхностны. Их авторы ограничивались, как правило, обзором литературных произведений и разглагольствованиями о теме (тема войны и мира), об образе главного героя (образ женщины в поэзии или прозе и т. п.). «Когда же все это кончится и появится настоящая критика? Когда наши критики начнут высказывать авторитетные, весомые мнения и замечания, которые могли бы заставить всех задуматься и способствовать росту литературы?» — вопрошал, сокрушаясь, Рами.

Нет, имена, конечно же, звучали. Взять к примеру Гайсу Хусаинова, за плечами которого была московская школа. Он внушал надежду, что еще скажет в этой запущенной области свое слово. А пока в печати появлялись лишь написанные по шаблону статьи, да и те — крайне редки. В общем, башкирская критика пока не дотягивала до требуемого уровня.

У Рами сложилось впечатление, что башкирские писатели зажатые, что они избегают откровенных разговоров, боятся высказывать друг перед другом свое истинное мнение. По-видимому, это были последствия тех времен, когда человека легко было обвинить в чем угодно, приписав политическую ошибку, и повесить на него какой-нибудь ярлык. Взаимное недоверие зашоривает взгляд, подавляет творческих людей, мешает их развитию. Особенно трудно приходится в такой обстановке прямым и принципиальным.

В свой последний приезд Рами Гарипов заметил, что уфимские писатели в большинстве своем варятся в собственном соку, практически не общаясь с музыкантами, художниками и скульпторами, что вновь настроило его на пессимистический лад. Разобщенность в среде башкирской творческой интеллигенции была, по его мнению, одной из основных причин медленного возрождения и развития национальной культуры.

Несмотря на кратковременное пребывание на родине, Рами много чего успел. Главное — то, что он успешно прошел испытание и вместе с тем понял, что груз ответственности, который он взвалил на свои плечи, стал еще больше и тяжелее. Это значило, что ему необходимо переосмыслить взятые ранее обязательства и повысить планку требований к себе. А для этого он должен был постоянно держаться выработанных им правил: «Изучать жизнь, ежедневно заниматься самообразованием, расширять кругозор и углублять знания, постоянно взращивать талант за счет усердия, развивать творческую фантазию, прививать себе художественный вкус и обогащать его, беря за основу лучшие образцы, учиться у самых великих мастеров, осваивать язык и историю своего народа, научиться оценивать все

критическим взглядом и воспринимать окружающее глазами любознательного ребенка. Даю слово неукоснительно следовать этим принципам. Только так и не иначе. Именно это направление выведет меня на великий и верный путь, ведущий в большую литературу».

В таком настроении пребывал Рами Гарипов после обсуждения его книги в Союзе писателей. Периоды усиленной работы мысли, концентрации ума бывали у него раньше и будут в дальнейшем. Творческий человек время от времени должен напоминать себе об этих истинах, постоянно проверять, перетряхивать, очищать и обновлять свое духовное «хозяйство», иначе он погрязнет в трясине сиюминутных мелких бытовых забот. А Рами был из тех, кто ни при каких обстоятельствах не смягчал требований к самому себе.

Вспомним, что, отправляясь в Уфу с первой книгой, он назвал Мустая Карима любимым учителем. Это почтительное отношение он сохранял, несмотря ни на что, и далее. Даже после случившихся между ними впоследствии раздоров Рами оставался верен своему светлому юношескому чувству. А кого боготворил он больше всех, мы знаем, как и о том, какую надпись мечтал иметь молодой человек на своем надгробии — «Сын Горького — поэт Рами». Эти слова были для него чем-то вроде заповеди.

Пусть далеко не всех признавал Рами своими учителями, на самом деле таковых у него было много. Обладая и сам недюжинным умом, он не мог себе позволить пройти равнодушно мимо повстречавшегося на его пути мудреца. Рами изо всех сил стремился постичь секреты творчества мастеров слова, поэтов и прозаиков. Великолепной школой считал он также башкирское народное творчество, из которого можно черпать ценности на протяжении всей жизни. Восторгался начинающий поэт и сокровищами культуры других народов, лучшими произведениями, до уровня которых желал дотянуться.

Однако период ученичества рано или поздно заканчивается. Однажды наступает пора зрелости, когда творческий человек становится для самого себя и главным учителем, и главным критиком, и советчиком. Иначе он

не имеет морального права именовать себя художником, творцом. Для творческой личности чрезвычайно важно уметь объективно оценивать себя и быть самокритичным. Художник должен знать свои сильные стороны, развивать их и безжалостно вычеркивать из своих произведений слабые места. Книги, которые доводятся до более или менее удовлетворительного состояния лишь стараниями опытного редактора, не могут стать явлением в литературном мире.

В 1953–1954 годы Рами Гарипов вырос настолько, что предпочитал уже думать не о количестве, а все больше внимания уделял качеству. В его записях то и дело встречаются тексты, дающие представление о его творческом кредо, сложившемся в результате долгих размышлений. В литературе не найти такого примера, чтобы кому-либо удалось полностью реализовать свои намерения. Даже титан Бальзак, написавший горы книг, и тот не смог завершить до конца задуманное. Вот и Рами Гарипов строит грандиозные творческие планы, мечтая взяться за прозу, написать творческие портреты известных поэтов, составить толковый словарь, изучить детскую литературу, завершить крупное полотно о Салавате и т. д. и т. п. Масштабы впечатляют, но очень многим из его благих намерений не суждено было осуществиться. И пусть Рами в запальчивости заявлял время от времени: «Как сказал, так и будет!», далеко не всегда он мог выполнить данное им слово. С одной стороны, это нереально, а с другой стороны, что уж там греха таить, в ряде случаев ему просто не хватало упорства довести начатое до конца.

На третьем-четвертом курсах его больше занимало творчество, нежели учеба. По возвращении из Уфы Рами стал ждать вестей о своем сборнике. В конце марта он снова едет на родину и еще раз вычитывает рукопись.

Редактировать ее должен был Саях Кулибай. И вдруг выяснилось, что Гайнан Амири затаил на Рами обиду из-за того, что это поручили не ему. Когда-то они были в приятельских отношениях, а теперь он толком даже не разговаривает со своим любимцем.

Рами Гарипов остался доволен встречей с Хакимом Гиляжевым. Они долго беседовали. Его подкупало, что

тот относится к младшим по возрасту как к равным. Зато с Ибрагимом Абдуллиным у них произошла стычка. В ответ на замечание старший коллега с обидой воскликнул: «Сопляк, значит, я, по-твоему – нескромный! А он, видите ли, в литературе – Аллах!»

Вернулся Рами из той поездки не в духе: «Я снова в Москве! Из Уфы приехал 14 марта. Проведенные там дни вспоминаю как дурной сон.

*Продажный друг похож на тень,
К тебе он липнет в погожий день.
Но стоит скрыться солнцу, и тогда
Отстанет он, исчезнув без следа.*

Я и сейчас скверно себя чувствую» (15.03.54).

Примерно через месяц Рами пишет письмо Рифгату Алгушаеву: «Еще ни разу прежде я не покидал Уфу в таком ужасном состоянии... Чтобы забыться, я в первый раз напился в одиночку допьяна. Поезд опаздывал. И я почувствовал себя до такой степени одиноким, что готов был зареветь. Но я не мог заплакать. Потому что верю в свои силы. И никогда не был слабаком... В этом мире можно потерять что угодно: и близких, и друзей, самые светлые чувства и любовь, только нельзя терять себя – перестать быть человеком» (10.04.54).

Что послужило причиной такого упадочнического настроения? Поводов было, по всей вероятности, несколько. Возможно, молодой человек слишком близко к сердцу принял споры о творчестве, о поэзии. Но вполне может быть, что все дело было в Марият. Прошлой осенью, когда он приезжал в Уфу со своим сборником, та была где-то на практике. Не удалось ему встретиться с ней и на этот раз. Что бы там ни было, если уж даже такой уравновешенный человек вышел из себя, значит, на то имелись веские причины.

И все же гордый Рами остался верен себе, решив скрыть свои страдания от окружающих. Зачем посылать Рифгату такое письмо? Чтобы тот пожалел его? Разве недостаточно того, что он сам все пережил. Надо написать

другое. В общем, кончилось тем, что Рами, так и не отослав другу письмо, вложил его в свой дневник.

А 9 апреля он получил весточку, которую томительно дожидался столько времени. В тот день Рами Гарипов не оставил в дневнике никаких записей, кроме лаконичного сообщения: «Пришло долгожданное письмо. Из издательства! Я очень рад!»

Однако на самом деле повода для радости молодой поэт не увидел. И хотя содержание послания нам неизвестно, судя по его реакции, положительного было мало. «Высказывания Саяха Кулибая и Баязита Бикбая о моей книге “Юрюзань” я приведу потом», — написал Рами, но, к сожалению, почему-то так и не сделал этого. Далее следует: «Рецензию давал почитать Рафаэлю и Раису. Баязит Бикбай считает, что я поспешил. Самому же мне кажется, что я уже опаздываю. И пусть я получил разгромную рецензию, все равно рад. Я злорадствую. Потому что предстоит большая работа. Что же касается самих рецензентов, то остается только удивляться их безответственности. Халтура! Я вам еще покажу!»

А на улице — благодать! Снегу навалило. И всего за пару часов! Вот тебе и весна!» (10.04.54).

По всей вероятности, больше всего задело Рами мнение Баязита Бикбая о том, что он поспешил. Но вряд ли столь опытный поэт мог заявить такое без каких-либо оснований. Неспроста же Рами переживал за качество своей рукописи, после того как осенью 1953 года отвез ее в Уфу: «Моя книга в руках издателей. Когда поеду на зимнюю практику, постараюсь довести ее до ума. Некоторые стихи надо будет выбросить, кое-какие переделать и добавить новые. Похоже, я высунулся со своим сборником раньше времени. Проявил излишнюю самонадеянность» (18.12.53). Вот как он рассуждал наедине с собой, а как только Бикбай заикнулся было о том, что автор поторопился, не на шутку оскорбился.

«Я вам еще покажу!» — такую угрозу можно произнести сгоряча в момент ярости и озлобленности. Но маловероятно, что старшие коллеги Рами хотели причинить ему зло. Баязит Бикбай всегда приветствовал появление молодых

талантов и старался их поддерживать, пестовать. Да и Салях Кулибай любил общаться с творческой молодежью. Так что вряд ли то злополучное письмо из издательства состояло из одних лишь критических замечаний, наверняка в нем были полезные советы и дружеские пожелания.

Его характер и содержание представить себе не так уж и трудно. В прежние времена всякую поступающую в книжное издательство рукопись отдавали кому-нибудь на внутреннее рецензирование. Рецензенты детально разбирали произведения, в том числе и стихи. Они старались не упускать из виду ни одно стихотворение, а после тщательного анализа делали заключение и выносили вердикт — давали одобрительный или отрицательный отзыв. Редактор тоже высказывал свое мнение.

В настоящее время эти добрые традиции утеряны, о чем приходится только сожалеть. В противном случае наше издательство не превратилось бы в склад сотен невостребованных рукописей.

С трудом верится, что редактор сборника «Юрюзань» Салях Кулибай и автор внутренней рецензии Баязит Бикбай могли учинить этой книге разгром, ибо нам известно, какие надежды возлагали на перспективного студента столичного Литературного института представители как старшего, так и более молодого поколения башкирских писателей. А если ему и указали на отдельные недостатки, то для творческих взаимоотношений это в порядке вещей. Между тем Рами, который позволял себе резкие выпады по отношению к произведениям других, был, по-видимому, настолько самолюбив, что в адрес своих творений не допускал никакой критики.

30 марта 1954 года в газете «Ленинсе» под рубрикой «Критика и библиография» был опубликован материал с обзором стихов «Молодых голосов»: Файзи Сиражетдинова, Марата Каримова, Карама Бакирова, Рами Гарипова, Абдулхака Игебаева. Переписав в тетрадь фрагмент, касающийся его лично, Рами сопроводил его сердитым комментарием: «Храни нас Аллах от таких судей! Я никогда не буду писать подобных критических статей!» Однако, как оказалось, в анализе Хакима Гиляжева не было ничего

такого, что могло бы вызвать негодование. По поводу его замечаний, в частности, «Реки счастья», я могу констатировать, что во многом наши с ним взгляды сходятся. Убедился я в том, сравнив свои выводы с точкой зрения Хаким-агая, статью которого мне удалось найти уже после того, как я подверг это стихотворение подробному разбору. Факт совпадения наших мнений лишь подтверждает объективность его и моей оценки.

Только Рами, к сожалению, не смог должным образом оценить критику Гиляжева. По-видимому, молодой поэт, несмотря на его трезвые рассуждения о том, что он превращается в главного учителя и в главного критика для самого себя, в действительности пока еще не научился отличать справедливые замечания от несправедливых и прислушиваться к ценным советам. Конечно, нужно уметь отстаивать свою позицию, но не менее важно приучать себя слушать и слышать других. Значит, поэт-студент был еще не столь искушен, как ему казалось. А впрочем, не исключено, что вспышки гнева могли стать проявлениями таких черт его характера, как неуступчивость и упрямство. И если девиз: «Как сказал, так и будет!» помогал ему добиваться поставленной цели, то совершавшиеся сгоряча необдуманные поступки не могли не вредить ему.

Произнесенные однажды в запальчивости слова угрозы в адрес старших товарищей: «Я вам еще покажу!» оказались для Рами Гарипова в хорошем смысле пророческими, ибо ему удалось очень скоро доказать всем силу своего таланта, добиться признания, завладеть умами и сердцами читателей. Вместе с тем, далеко не все будут относиться к одаренному и успешному поэту доброжелательно. Найдутся и такие, кто станет строить ему козни...

Однако у жизни, к счастью, хороших граней бывает иной раз больше, чем плохих. Одна из них — возможность творить. Читая Раису Низамову свое новое стихотворение «Слепой», Рами расчувствовался до слез. А после того как он прочел его Рафаэлю, между ними возник спор. Друг не одобрял, что тот писал от лица незрячего. Рами горячо ему возражал, мол, нет такого правила, чтобы писать лишь о том, что происходит лично с тобой. При этом он ссылаясь на Лермонтова, на Тукая и других поэтов, исполь-

зовавших в своем творчестве подобный прием. Привел он в пример также Блока, позволявшего себе писать даже от имени девушек.

Выступая за многообразие в поэзии, за условность, Рами тем не менее решил пересмотреть свое произведение и внес в него текстологические поправки.

После одной из поездок в Уфу Рафаэль вернулся воодушевленный: его поэму обсуждали в Союзе писателей. Мустай Карим дал ему несколько дружеских советов. Рами от души радовался успеху друга.

Беседуя вечерами, они нередко говорили об уфимских поэтах, стараясь не пропускать встречи с приезжавшими в Москву земляками. Узнав однажды о приезде Рашита Нигмати и Мустая Карима, ребята позвонили в гостиницу «Москва». Мустафы Сафича на месте не оказалось, а Нигмати сказал им по-русски: «До четырех часов в любое время приходите!» Шакир, Раис, Рафаэль и Рами не замедлили воспользоваться его приглашением. Пришли, а постучать в дверь никто из них не решается. Первым вызвался Рами, но на стук его не откликнулись. Друзья переждали какое-то время. Потом постучал Шакир, после чего дверь открылась.

Рашит-агай разгуливал один по огромной комнате, будто хан в своих покоях. Поздоровавшись с каждым, он предложил гостям чай. Потом Рафаэль сыграл на рояле «Салимэкэй», вслед за этим хозяин спел «Полюбил твои черные брови».

Земляки наслаждались общением, чувствуя себя так, словно все они были у себя дома, в Башкортостане. Рами несколько раз процитировал к месту известные строчки Нигмати:

*Я – башкир,
Прекрасный сад моя земля.
Цветет
Башкортостан – страна моя!*

Прочел он также на память отрывок из его поэмы «Чудесны Агидели берега» и ставшие крылатыми строки из поэмы Баязита Бикбая «Земля». Потом вспомнил

знакомое многим с начальной школы «Утро республики» Галимова Саяма:

Поезда несутся мимо, мимо,

Будоража громом белый свет.

Я гляжу:

Встает неугасимо

Над моей республикой рассвет...*

Встреча с Рашитом Нигмати оставила в душе молодых людей самое благоприятное впечатление и в то же самое время заставила их задуматься вот над чем: не всегда общение с наезжавшими в столицу башкирскими писателями проходило в столь радушной, непринужденной атмосфере.

В конце 1954 года в стране шла подготовка к большому событию — к II съезду писателей СССР, открытие которого намечалось на 15 декабря. Между ним и первым съездом, проходившим под руководством Горького, был большой интервал в два десятка лет. И весь мир с затаенным дыханием ожидал, как на этот раз пройдет форум советских писателей. Рами, которому во время I съезда было всего два года, нынешний встречал уже студентом выпускного курса института Максима Горького и будучи автором первой книжки.

В сладостном предвкушении Шакир, Рами, Рафаэль и Раис вчетвером отправились на Казанский вокзал встречать делегацию писателей Башкортостана. Еле дождавшись остановки поезда, они ринулись к вагону. Первым показался Акрам Вали, следом вышли Ахнаф Кирей, Рашит Нигмати, Сагит Агиш, Ханиф Карим. Студенты дружно подхватили их багаж. Ни один из гостей даже бровью при этом не повел. Их лица были непроницаемы. Восторг встречающих сменился вначале растерянностью и недоумением, уступившими место разочарованию, когда члены делегации, едва автобус подъехал к «Гранд Отелю», молча забрали у ребят свои вещи, давая тем самым понять, что не намерены приглашать их в номера.

* Перевод А. Филиппова.

Студенты, жаждавшие пообщаться с земляками, узнать от них новости, застыли в оцепенении. Рами, как и его товарищи, был крайне разочарован и возмущен, вопрошая про себя: «Это вы-то писатели?!» Продолжая сгорать от стыда, он пишет в дневнике: «Я каюсь, что мы их встретили, желая показать свое уважение. Неужели мы не заслужили хотя бы крошечного знака внимания?!» (14.12.54). В тот день Рами повторил слова «Это вы-то писатели?!», которые с горечью произнес про себя однажды в Уфе после одного из собраний.

А что можно сказать о том инциденте? Обвинять здесь, в принципе, некого. Писателей тоже можно понять. Делегатов, съехавшихся в Москву из разных республик, ожидало огромной важности событие. Им предстояли волнующие, незабываемые встречи. А тут какие-то студентики! Встретили — и ладно.

И все же, они должны были перекинуться с молодыми людьми парой добрых слов, хотя бы ради приличия. Поэтому легко понять, каково было в данной ситуации Рами, который, со своей стороны, всегда старался быть предупредительным к людям. Его товарищи тоже были порядком расстроены.

Шакир Янбаев, Рафаэль Сафин, Раис Низамов подсуетились и достали приглашения на съезд, а Рами, по его собственным словам, такую возможность прозевал. И ему пришлось довольствоваться газетными материалами. «Дальше разглагольствований о необходимости подготовки и воспитания молодой смены дело не идет. Никого не беспокоит, что количество студентов литинститута не превышает 150. “Просто досада берет!” — сокрушается он. Студентов на съезд не пропускают, зато для институтских лаборанток и машинисток места находятся. Ну как тут не возмущаться!»

Выступление Суркова* Рами не понравилось. Вместо анализа состояния отечественной литературы он ограничился

---

* Алексей Сурков (1899–1983) — русский поэт, общественный деятель. В 1953–1959 гг. — первый секретарь правления Союза писателей СССР. Автор текста популярной песни «Бьется в тесной печурке огонь...».

перечислением громких имен. От него ожидали обобщения достижений литературы за двадцать лет, доклад же его скорее напоминал библиографический отчет.

У студентов в то время только и разговоров было, что о съезде, который продлился более десяти дней. Очень многие из них восторженно отзывались о выступлении Шолохова. А вот Эрнст Фишер, которого, как и Анну Зегерс, пригласили в институт на одну из встреч, организованных в рамках съезда, заявил, что не разделяет его позицию.

В те дни Рами близко сошелся с делегатами из Татарстана: «Зайдя к Сибгату Хакиму, я пообщался с татарскими писателями. Познакомился с Абдрахманом Абсалямовым, с Фатихом Хусни, Кави Нажми. Заки Пури пригласил меня после окончания института на работу в Казань. А я подумал про себя: “Ну уж нет, татары готовы в любой момент кого угодно к себе заманить”».

От выступления Шолохова Кави Нажми не в восторге.

— Разве можно идти на конфликт с партией! — возмущался он.

Мне очень понравился Сибгат Хаким, такой простой и мягкий человек» (24.12.54).

Высший форум советских писателей, вызвавший к себе всеобщий интерес, выявил в студенческой среде идеологические противоречия, всколыхнув антисоветские настроения, что пробудило в некоторых годах копившееся недовольство официальной политикой. Из дневника: «Днем разбирали Недоседкина, который плохо отозвался о Леонове. О Горьком(!) он сказал, что это вообще не писатель. Об Алексее Толстом высказался так: “Если бы он не вернулся из эмиграции в Советский Союз, за границей смог бы писать лучше, был бы более русским писателем”. Рафаэль записал его слова. Егор Исаев, зайдя к нам, выведal у него все, что тот слышал, и на следующий день доложил об этом парторгу Ванцету Чукрееву. После этого объявили о собрании. Меня поразил выпад Шарипа Албариева против Рафаэля, который, сделав ударение на слове башкир, обозвал его доносчиком. Я страшно разозлился, поскольку знал, что у Рафаэля не было привычки распространять слухи» (16.12.54).

Участники того памятного собрания едва ли не впервые столкнулись с явлением инакомыслия, которое позже окрестят диссидентством. И то, что стремление к свободе слова зародилось и с особой силой проявилось именно в Литературном институте — в эпицентре творческой среды, вовсе не случайно. В то же самое время, в данном эпизоде ощущается рефлекс присущих тому времени отношений, характер которых определялся взаимными подозрениями.

Что касается позиции Рами, то он, несмотря на повышенный интерес к творческим баталиям, остался верен своим главным принципам, продолжая восторгаться Горьким и открыто защищая друга Рафаэля Сафина. Вместе с тем он не мог оставаться безучастным во время подобных разборок, подталкивавших его к раздумьям. Неугомонный и страстный, привыкший доискиваться до сути и до хрипоты отстаивать в спорах свое мнение, молодой поэт находился в постоянном поиске и отвергал привычные стереотипы. Шаблон он воспринимал не как традицию, а как врага искусства. Рами считал, что традицию следует понимать как создание на старой базе нового, сравнивая шаблон с клюкой для немощного старика. Он считал, что у настоящего культурного наследия нет абсолютно ничего общего с устаревшими штампами, и сознательно стремился к новаторству, готовый жизнью своей пожертвовать ради того, чтобы сказать в литературе новое слово.

Если для многонациональной советской литературы в целом самым знаменательным событием 1954 года стал созванный через двадцать лет II съезд писателей, то лично Рами Гарипову 1954 год запомнился, прежде всего, выходом его первой книги «Юрюзань». Для творческого человека — это огромной важности событие, оставляющее в душе след на всю жизнь.

Когда Рами в начале октября впервые взял в руки эту выстраданную, долгожданную книгу, он чуть не взлетел от радости. Вот как он описывает свое состояние:

«Полтретьего ночи. Сегодня я почувствовал себя таким счастливым: после лекций почта доставила мне мою первую книгу — “Юрюзань”! Вот она, моя “Юрюзань” — лежит рядом. Если бы мой отец был жив, я бы написал ему

сегодня длинное письмо. Но его нет. Он погиб ради моего, ради нашего будущего.

Только что прочел книгу Р. Островской о Николае Островском, и стало не по себе. “Как закалялась сталь” — это моя школа, это первая книга, которая зажгла мое маленькое сердце. Великие слова Островского о жизни спасли меня в свое время в самый ответственный момент. Когда я совсем уже было собрался спрыгнуть с поезда, проезжавшего по мосту через Агидель, эти слова вовремя удержали меня и вернули к жизни. С тех пор прошло уже четыре года. Это самое прекрасное время в моей жизни, первым плодом которого стала “Юрюзань”.

Не хочется произносить громких слов. Но я верю, что свершу нечто очень большое. Я нужен людям!

Юрюзань, ты тоже запомни эту ночь!

Рафаэль вслух прочитал мне всю книжку» (6.10.54).

Рами Гарипов первым из своих сверстников поступил в Литературный институт, и ему первому посчастливилось выпустить книгу. Это стало возможным благодаря его рвению, настойчивости и целеустремленности. Несмотря на неторопливую походку, как поэт, он сумел быстро вырваться вперед. Эта книга стала для него этапной. В тот вечер, когда он впервые взял ее в руки и Рафаэль читал его стихи вслух, перед глазами Рами промелькнули важные в его жизни события. И хотя до этого автор чувствовал себя уязвленным, справедливости ради надо признать, что издательство с задачей своей справилось как надо, причем, выпустило сборник в короткий срок: осенью 1953 года Рами только подготовил его, а менее чем через год он уже был опубликован. Мало того, несмотря на небольшой объем, книжка молодого поэта вышла в твердом переплете с прилично оформленной обложкой, что уже само по себе может показаться невероятным. Все это говорит о благожелательном отношении не только к данному автору, но и к молодому поколению в целом.

Легко себе представить, как радовались за Рами в тот день его друзья. А когда Рафаэль Сафин, который был отличным чтецом, прочел сборник вслух от начала до конца, это еще более усилило произведенный событием эффект.

Но Рами не очень долго пребывал в состоянии эйфории. В три часа ночи он уже читает какую-то поучительную книгу и размышляет. Вполне возможно, что, после того как первое волнение улеглось, молодой человек решил проверить себя и не один раз перечитал свои стихи, чтобы оценить их трезвым взглядом. Большая часть ему, скорее всего, доставила удовлетворение, а что-то могло вызвать и разочарование.

В «Юрюзань» вошло двадцать семь стихотворений. Лишь пять из них были написаны в десятом классе, а все остальные — в Москве. У Рами набралось более полусотни стихов, датированных 1950—1954 годами. И то, что в сборник включена лишь половина из них, говорит о высокой мере требовательности, которую предъявлял он себе.

Выпущенная студентом Рами Гариповым книжка хорошо отражает характер и суть созданного им на первом этапе. А само название сборника «Юрюзань» и тот факт, что поэт начинает вошедший в него цикл с одноименного стихотворения, говорят нам о его попытке осмыслить уже в самом начале истоки собственного творчества, выявить и показать его истинные корни.

За «Юрюзанью», где он рассуждает о корнях и произрастающих из них деревьях, следует стихотворение «Руки матери». Вроде бы речь здесь идет о войне и об обычных человеческих проблемах послевоенного времени, но благодаря таланту автора эта обыденность предстает перед нами в одухотворенном, поэтизированном виде.

Наибольший, по сравнению с другими созданными в московский период произведениями, успех стихотворения «Руки матери» был обусловлен, с одной стороны, избавлением от гнета прежних страданий и переживаний, исцелением изболевшегося сердца поэта, и, с другой стороны, тем, что ему удалось подыскать самые что ни на есть подходящие слова, чтобы выразить свое состояние. Из Москвы Рами Гарипов вернется на родину с первой своей книжкой, которая удостоится немалых хвалебных откликов в печати. И жемчужиной в том венке стихов будет считаться именно это произведение.

ЛЮБОВЬ И ВЕРНОСТЬ

Да, судьба первой книги Рами Гарипова оказалось во всех отношениях счастливой. Как уже подчеркивалось, путь ее к читателю был недолгим. Да и гонорары поэтам в те времена были немалые. Но что больше всего поразило студента, так это денежный перевод, который он получил еще до выхода сборника. «На станции Рафаэль купил мне сигареты, и мы поехали в институт. Приезжаем и узнаем, что на мое имя перечислили 60 процентов! 2800 рублей! Такую сумму боязно даже в руки брать! Мы отправились на почту. Рафаэль пересчитал деньги. “Ну теперь заживем!” — сказал я. На гонорар за “Юрюзань” я собирался купить ему костюм. Не заходя на занятия, мы пошли в ГУМ» (18.05.54).

Молодые люди приобрели для себя в тот день по новенькому костюму. Купив у букинистов книгу «Мужчина и женщина», они решили зайти к Нине Акимовне. К их возвращению из бани хозяйка вскипятила чай. Потом, облачившись в обновки, студенты отправились в гостиницу «Киев», где «обмыли» радостное событие. Получив свой гонорар, Рами смог наконец-то расплатиться с долгами.

О новых костюмах друзья мечтали давно. И Рами Гарипов даже сочинил по этому поводу шуточный стишок под названием «Квитанция», который напоминал им впоследствии о том дивном времени:

*Не тужи, что нечего надеть.
Из стихов тебе костюм сошью.
Будет прочным, теплым тот костюм.
Скажешь, славный ты, Рами, портной.*

*За него недорого спрошу,
Не торгуясь, я отдам тебе его.
Хватит и того мне, если ты
Будешь радовать стихами свой народ.*

24.05.1954

Как обещал, так и сделал. Обещание для Рами — свято. Данному слову он не изменял. Здесь мы также видим, что главная для него забота — писать для народа хорошие стихи.

Конечно, такие моменты, когда не нужно было думать о том, где бы раздобыть денег, были в жизни молодых поэтов редкими. Чаще всего они страдали от безденежья. Впрочем, Рами не умел быть бережливым. Тем, что имел, готов был в любую минуту поделиться с другими. Таким он будет всю жизнь и никогда не научится тратить с умом ни гонорары, ни зарплату.

Как только ему перепадали деньги, они словно начинали жечь ему руки и тут же исчезали, будто ртуть. И причиной жизненных трудностей поэта отчасти была его излишняя щедрость: «Из Союза прислали деньги, по 496 рублей — мне, Габдулла-агаю и Дахи. Асхат очень нуждается. Ему — 100 рублей. Пусть хотя бы во время сессии не ломает себе голову. Равилю нужно купить часы к окончанию школы. За 309 рублей» (9.06.52).

В начале сентября, еще до того, как ему была прислана сама книга, Рами получил остаток причитавшегося за нее гонорара. Только и на этот раз быстро спустил свое богатство: «Все деньги раздал. Вернул долги. У Асхата дела совсем плохи — отослал ему 100 рублей. По 100 — Равилю и Уралу. На ремонт дома ушло больше 600 рублей. И вот я снова остался с пустыми карманами» (8.09.54).

Родным он отдал бы даже последнюю копейку. Средний брат Равиль, последовав за ним в Уфу, тоже окончил школу-интернат. Рами уговаривал его в письмах стать энергетиком: «Энергетика — это самая важная для будущего нашей страны отрасль». И Равиль, вняв его мудрому совету, отправится в Москву, окончит институт с дипломом инженера.

Рами приложил все усилия, чтобы устроить младшего братишку Урала в столичную школу. Но на одну стипендию вдвоем не проживешь. Допустить же, чтобы тот голодал, он не мог, расценивая это, как преступление. Привезя Урала из самых лучших побуждений в Москву, Рами Гарипов вскоре понял, насколько тяжелее стало жить. Рафаэль помогал ему, как мог. Они ели с ним из одной тарелки

и все остальное делили пополам. Но долго так продолжаться не могло. И во время зимних каникул друзья решили отослать мальчика обратно в Уфу. Отпуская братишку, Рами наказал ему хорошенько подумать о поступлении по окончании школы в Московскую сельскохозяйственную академию и написал в его дневнике на эту тему целый трактат. А пока пусть учится в той школе, которую окончили они с Равилем.

Вручив Уралу письмо на имя директора интерната и отправив его в январе 1954 года поездом в Уфу, Рами затосковал. С ранних лет он сурово обращался с младшими братьями, строго с них спрашивал. Особенно доставалось от него Равилю. Учась в сельской школе, тот хорошо успевал по математике, а по другим предметам отставал. Рами, вернувшийся домой на каникулы, переживал по этому поводу и даже записал ему в тетрадь:

*Я просмотрел, Равиль, твою тетрадь,
Увидел, сколь невежественен ты,
Коль будешь так вести себя и впредь,
Не одолеть тебе далекого пути...*

Столь же усердные, как и Рами, братья достойно начали свой жизненный путь. Урал не подкачал. Он тоже успешно окончил школу-интернат и впоследствии стал инженером-энергетиком.

Старший брат являлся во всем для младших примером — как в учебе, так и в труде. Когда собирали ягоды, он ни одну не брал в рот, пока не наполнит определенную емкость, какой бы она ни была. И домой не возвращался до тех пор, пока не соберет столько, сколько нужно. Заметив, что мальчишки работают спустя рукава, Рами мог и отстегать их. Лишь бы хоть чем-то порадовать мать! Не желая ее ничем огорчать, он сердился, когда братья вытаскивали прутья из плетня на дрова.

Потом Рами не раз жалел о том, что был слишком строг по отношению к ним и, соскучившись, иногда рыдал. Но кто знает, может быть, в отсутствие отца, без

такого положительного влияния, без мудрых наставлений и без крепкой мужской руки старшего брата, ребятам было бы гораздо сложнее добиться в жизни успеха.

Учась в Москве, Равиль часто приезжал к нему в общежитие. Когда он навестил Рами в апреле 1953 года, тот вытащил из выдвижного ящика стола недавно сделанный снимок и подарил ему, написав на обороте: «Равиль! От твоего брата, который уделял тебе мало внимания, был холоден, резок с тобой, скуп на добрые слова, в память о проведенных вместе годах и с любовью. Москва. Рами». Равиль в ответ на это лишь молча улыбнулся, дескать, что правда – то правда.

Из пережитого за время учебы в Москве, пожалуй, труднее всего будет забыть периоды, когда приходилось жить впроголодь. Вот первая запись об этом: «Уже четвертый день почти ничего не ем» (29.05.52). В таком положении оказывался едва ли не каждый студент. Многие из поколения нынешних студентов, вероятно, и представить себе не могут, как бы они обходились без поддержки родителей. Рами же помощи было ждать неоткуда.

Меньше всех нуждался самый старший в их землячестве – Шакир Янбаев. Он подрабатывал, и деньги у него водились. Но ведь нельзя же постоянно обшипывать его. «Оба сидим голодные. Так хочется есть. А в кармане – ни копейки. Дважды в день делим с Рафаэлем одну порцию на двоих». «До чего же я устал. Денег нет. Греет одна лишь мысль, что с окончанием института все это кончится», «Психология голода унижает меня», «Жора Исаев – совсем как я – каждый день заходит за папиросой. Я выпрашиваю у других, а он кланчит у меня. Нищего обирает попрошайка. И горько, и смешно...» (6.04.55), «Не осталось ни копейки. Не ел ни вчера, ни сегодня. В голову пришла идея: продать шинель хоть за бесценок! Пошел к дяде Сереже (работал на даче Николая Тихонова, куда Рами неоднократно нанимался вскопать участок. – Р. Б.) и надел на него. Найди 100 рублей! Тот даже не поверил. Ему стало неудобно. Но взял». Невозможно читать эти записи без боли и горестных воспоминаний о собственных злоключениях.

Деньги, вырученные за шинель, похоже, тоже быстро кончились, потому что уже через неделю он снова сходил с ума от голода: «Что мне больше всего знакомо по жизни, так это голод! Я голодаю уже три дня. Даже есть не хочется. Отрываясь от книги, поднимаю голову, и в глазах темнеет. Ай-хай, о жизнь, я сыт тобой по горло! Неужто и я тебе надоел? Друзья! Ну почему вы рядом лишь тогда, когда я при деньгах?» (24.03.55). «Как же я намучился. А сегодня встал с ощущением какой-то легкости. Как будто я птица! Четвертый день... Надо бы раздобыть хоть что-нибудь. Не то улечу... Вышел из комнаты на улицу — такое странное чувство. Как будто я маленький ребенок, который только-только встал на ножки. Даже рассмеялся. И на солнце смотреть не могу — слепит глаза. А мир вокруг обновляется — обдает тебя свежим ароматом берез и сосен. Простор, приволье. Однако когда жмет обувь, это уже не вызывает такого восторга. Живот совсем впал — даже брюки не держатся. Вернувшись в комнату, проделал в ремне еще одну дырку, подтянул поясок потуже, снова вышел и побрел куда глаза глядят, будто рыскающий по помойкам голодный пес. Впору хвост поджать, будь он у меня. Я направился в сторону тихоновской дачи. “Тетя Маруся, я очень хочу есть. Проголодался...” — Веду себя так, будто нахожусь у себя дома. Тетя Маруся даже сигареты для меня нашла. Я затаился в блаженстве. Вот счастье-то! Аж петь захотелось. Хоть в одном везет, что мне постоянно встречаются добрые сторожа и сторожихи. Говорят, сытый голодного не разумеет. Но они понимают все и без слов. Не забывай! Не забывай! Не забывай! Пусть это станет моей клятвой. Они много раз выручали меня, спасали от унижения. Вот уже три месяца я, словно прикованный к скале Прометей, мучаюсь, готовясь к экзаменам. Больше мне никогда уже не придется с таким samozабвением учиться. В жизнь надо вступать образованным. Я не должен допустить, чтобы надо мной потом смеялись, что я пять лет проходил в студентах без толку» (25.03.55).

Какие бы испытания ни выпадали на долю Раши, будь то безденежье, голод, ничто не могло отвлечь его от намеченной цели. И то, что он уподобляет себя прикован-

ному к скале Прометею, не от нескромности. Они разнятся во всем, но цели у них действительно были схожи. Зевс подверг Прометея жестокому наказанию за то, что тот подарил людям огонь. Рами тоже мечтал нести свет своему народу, обдавать людей теплом лучей поэзии, делать окружающим добро и научить их воспринимать мир душой. Сутками он просиживал над книгами, даже когда изнемогал от голода. Поэт всегда оставался гордым и свою высоко поднятую голову склонял лишь перед добрыми людьми и над хорошими книгами.

Возвращаясь к сравнению Рами с образом Прометея, могу сказать, что ему предстояло не раз страдать за правду, терпеть из-за нее кару от всевозможных Зевсов.

Тяготы жизни переносятся легче, когда ты не одинок. И если цели с друзьями общие, увереннее шагаешь вперед. И то и другое сплачивает. Земляки стараются поддерживать друг друга. «Асхат оставил мне 50 рублей. И онигодились. В такие моменты и 50 копеек дорогого стоят» (28.02.55).

Когда Рами оставался без стипендии, товарищи помогали ему. «Вчера был у Марата в ЦКШ. Он снова дал мне 100 рублей. Такой вот он сердобольный человек. Вечером, когда я вернулся от Марата, мы с Рафаэлем и Шакиром попили чаю» (15.04.55).

Обращает на себя слово снова. Это значит, что Марат Каримов выручал таким образом Рами не впервые. Тот же в свою очередь не припрятал деньги, а устроил застолье для друзей. Даже по житейским мелочам видно, кто есть кто. Дружба и в быту иной раз проходит испытание на прочность.

Зарекомендовавший себя с самого начала способным студентом, активным общественником и удостоившийся стипендии Крылова, к последнему курсу Рами заметно снизил обороты. Кажется странным, например, что из-за отсутствия конспекта по философии он не смог сдать зачет. Ведь некоторые страницы его дневника уже сами по себе напоминали конспекты. А сколько было у него тетрадей с выписками из разных книг. Но одно дело — когда ты занимаешься этим по собственной инициативе,

и совсем другое — по принуждению. Одним словом, на старших курсах он уже не уделял обязательным конспектам прежнего внимания. Во-первых, не испытывал к этому никакого желания, во-вторых, ему было обидно тратить на это пустое занятие время. Раши даже пропускал занятия в институте, компенсируя их чтением многочисленных книг в Ленинке или в общежитии, а то и на природе, становившейся для него рабочим кабинетом.

Читал он не только то, что требовалось по учебному плану, а, главным образом, для ума и для сердца. И в процессе такой работы из добросовестного студента, шаг за шагом, превращался в зрелого поэта. В духовном мире Раши Гарипова наука и творчество никогда не конфликтовали, однако творчество притягивало его к себе все же больше.

Разумеется, не все предметы, предусмотренные учебной программой литинститута, были Раши Гарипову по душе, и на те дисциплины, которые ему не нравились, он вполне мог махнуть рукой. А во время интенсивной работы над сборником Раши и вовсе попал в число нерадивых студентов, пропустив очень много лекций. За это он получил на комсомольском собрании нагоняй и поплатился должностью заведующего сектором в комсомитете. Будь на месте Раши кто другой, он бы, вероятнее всего, воспринял факт отстранения как трагедию, но тот лишь обрадовался, облегченно вздохнув: «Наконец-то избавился!»

Несмотря на то что Раши Гарипов изначально пребывал в плену стереотипов, насаждавшихся официальной политикой, из-за чего недопонимал Бабича и Есенина, со временем у него на многое открылись глаза, изменились взгляды. Студент дошел даже до критики великого вождя мирового пролетариата: «В 1905 году Ленин опубликовал статью о партийности литературы. Выступив против аполитичности, он требовал партийности для литературы и искусства. Разгромил “творческую свободу” и “беспартийность”. Ошибка Ленина заключается в том, что он признавал лишь коммунистическую партийность» (14.04.54).

Даже если эти слова не произнесены прилюдно, вслух, а записаны в тетради — для той эпохи это сам по себе был

довольно-таки рискованный, мужественный поступок. Главное же — проявившаяся здесь независимая позиция молодого человека.

На старших курсах, конечно, можно было бы и не обязывать Рами ходить на каждое занятие, разрешить ему свободное посещение, ибо он уже превзошел многих однокурсников своей эрудицией, интеллектом и творческими успехами. Однако система советского высшего образования обучение по индивидуальной программе для отдельных талантов не предусматривала. Об этом нельзя было даже заикаться.

Вольнолюбивый дух Рами усиливался по мере того, как он искал свой путь и был вынужден сопротивляться произволу заскоружлой системы. Это противостояние порождало в нем тяжелые переживания.

Последний год учебы в институте. Казалось бы, надо радоваться. Однако Рами охвачен тягостными раздумьями: «Время идет. Я все еще не могу сдать экзамен. А на носу уже зимняя сессия. Стипендию не дают. Судя по всему, мне так и не удастся устроить свою жизнь подобающим образом. Что ждет меня впереди? Мне очень трудно обуздать свою натуру. Я до мозга костей книжный человек!.. Получается, что я действительно похож на своего отца. Он ведь тоже не признавал ничего, кроме своей работы. Файзи-агай считает, что он погиб на войне из-за того, что был бесхитростным, не думал о себе. И мне, по-видимому, придется остаться на всю жизнь рядовым солдатом! Быть литератором для меня будет очень непросто. И тот, кто отважится связать свою судьбу с моей, должен обладать невероятным терпением» (31.10.54).

Бывший отличник, лишенный на последнем курсе по причине неуспеваемости стипендии, оказался в очень незавидном положении. Такая вот произошла с ним метаморфоза. При поверхностном взгляде можно было бы констатировать факт деградации. Но мы знаем, что Рами преуспел в главном, заметно продвинувшись в избранном им направлении, усвоив основные принципы творчества и овладев жизненной философией. Что же касается его тревожных предчувствий относительно будущего, то поэт,

вольно или невольно, оказался в роли прорицателя, предсказав себе самому, что будет помешан на своем творчестве, что литературная судьба у него сложится драматично, в силу нехватки изворотливости и эгоизма, и что его суженой понадобится немало терпения и выдержки. Как было бы хорошо, если бы эти его пророчества остались лишь на бумаге... Но, к сожалению, чаще сбываются именно дурные предсказания...

Первая запись в 1955 году: «Читаю “Тихий Дон” и нисколько не раскаиваюсь в том, что не прочел его раньше. Только времени не хватает. Экзамены... Последние денечки в институте. А что потом?.. Посмотрим. Дела у меня пока что неважные. Стипендию не получаю. Долгов же накопилось на две тысячи с лишним. Терзаюсь из-за этого... Набрели на окраине поселка на растрепанный стог сена и долго простояли под ним в обнимку. Ночь теплая и тихая. Лишь изредка доносится лай собак и время от времени раздается гул пролетающих над нами ночных самолетов. А сено такое душистое. Блеск Надиных черных глаз затуманивается, и я покрываю поцелуями эти очи, глядящие на меня с вожделием сквозь длинные черные ресницы...» (13.01.55).

Видно, не так уж и плохи твои дела, Рами! Ты с наслаждением читаешь великий «Тихий Дон». И только что обнимался под стогом душистого сена со знойной девушкой. А что до стипендии... Уж если столько выдержал, что тебе стоит потерпеть еще самую малость. Ведь не всю же жизнь эти две с лишним тысячи будут висеть на тебе. Настанет время, когда будет у тебя и достаток. Да вот только аромат сена развеется и черноокая девушка, которую ты обнимал, не вечно будет млеть в твоих руках. Такая ночь уже никогда не повторится. И тебе не останется ничего другого, кроме как вспоминать о ней с тоской.

Много раз Рами Гарипов страдал от безденежья. А вот были ли у него периоды без книг и без любви?

Какие бы прекрасные мгновения ни дарила судьба, не обольщайся, что тебе удастся безнаказанно нарушать суровые законы жизни. В феврале руководство Литературного института сделало студенту строгое предупреждение: «Гарипов, либо мы исключим тебя из института, либо

переведем обратно на четвертый курс! Ты ведь был в свое время отличником, а потом вдруг испортился. Кто виноват? Чтобы до марта решил все свои проблемы!»

Жесткие условия, ничего не скажешь. Но в нашей жизни порою случаются удивительные вещи. Так получилось и на этот раз. Незадолго до окончания института Рами пережил почти то же, что происходило с ним в 1950 году перед выпускными школьными экзаменами. И в тот раз, как и теперь, в самый ответственный момент руководство Уфимской школы-интерната разбирало поведение одного из лучших учеников, который накануне экзаменов на аттестат зрелости забросил учебу ради стихов. Получив хорошую взбучку, тот собрал в кулак всю свою волю и успешно окончил школу. Рами многих тогда удивил. Поэтому он просто обязан победить себя и на этот раз. Во что бы то ни стало.

Основная часть его дипломной работы уже готова — это его сборник «Юрюзаны». Надо будет еще подобрать дополнительный материал. Если не найдет переводчиков, кланяться никому не станет, обойдется и без них. На все остальное у него тоже хватит сил. Только вот нет-нет да и защемиет сердце, иной раз так, что просто не вмогуту. Дело в том, что в последний учебный год от него отделился самый близкий друг Рафаэль. «Чтобы мой друг мне надоел! В голове никак не укладывается. Вот уже второй месяц я толком с ним не разговариваю. Что со мной происходит? Я совершенно один», — страдает Рами (10.02.55). И чем дальше, тем шире между ними трещина. «Разрыв у нас с Рафаэлем окончательный. Меня провели, как последнего дурака. Я подарил Мариат свою чистую любовь и обманулся, а Рафаэль предал нашу с ним дружбу. И мне стыдно за него» (08.02.55).

Трудно сказать, какая кошка пробежала между неразлучными, закадычными друзьями. Мужская дружба ко многому обязывает. А дружба между творческими людьми, особенно у поэтов, уж очень уязвима. Иной раз она — что драгоценный хрупкий сосуд, требующий очень осторожного, бережного с собой обращения. Вместе с тем, известны и замечательные примеры прочных взаимоотношений, которым не страшны никакие бури и ураганы.

Так что дружба дружбе – рознь, равно как и человеческие судьбы. С годами дружеские отношения тоже претерпевают изменения. Уходят наивность и добродушие, уступая место трезвой рассудительности. По мере того как талант того или иного поэта проявляется, крепнет и он все больше раскрывается как личность, прежние его привязанности ослабевают, а то и вовсе наступает отчуждение. И если сверстники десятками вливаются в мир творчества единым сплошным потоком, то со временем этот поток разветвляется, каждый избирает свое направление и пробивает собственное русло. Подобное явление типично для творческой среды. Даже когда удается сохранять единство, общность взглядов, интересов и целей, каждая творческая личность творит свой неповторимый мир.

А что было бы, если бы представители одного поколения так и ходили бы гурьбой всю жизнь до самой старости, как мальчишки? Никакой пользы такая ущербная общность литературе не принесла бы. Поэтому не исключено, что охлаждение между Рами и Рафаэлем было обусловлено именно этой самой «болезнью роста», стремлением каждого из них к самоутверждению.

Говоря о московском периоде в жизни Рами Гарипова, его коллег-однокурсников и бывших одноклассников, нельзя обойти вниманием одну добрую, достойную всяческого уважения русскую женщину. Речь идет о бывшей учительнице Нине Акимовне Шевкуновой, которая во время войны находилась в эвакуации вместе со своей дочерью Галей в Макаровском районе Башкортостана. Именно там она познакомилась с Асхатом Ашраповым и с тех самых пор хранила в сердце благодарность башкирам за их бескорыстную помощь. Чуть ли не каждый выходной она приглашала к себе Рами и его земляков.

В доме у Нины Акимовны собиралась интеллигенция, обожавшая искусство. Бывали у нее артисты из Пушкинского театра, востоковеды и даже директор какой-то фабрики. Вернувшиеся из Америки эмигранты-евреи разговаривали по-английски. Ровесница Рами Галя играла по нотам на рояле написанные на его стихи песни. Всей компанией ходили по музеям. Приятели хозяек принимали студента литинститута Рами всерьез, как настоящего поэта.

Эта женщина прожила непростую жизнь. Когда погиб ее муж-летчик, она стала gloхнуть. Нина Акимовна хорошо разбиралась в авиации, помнила времена Гражданской войны, знала и любила природу Крыма. Рами очень хотелось написать что-нибудь о своей знакомой. Ребята из Башкортостана часто ее навещали. Нина Акимовна всякий раз радушно всех принимала, кормила, читала им русскую поэзию. Она даже приносила Рами в институт связанные для него из крашеной шерсти теплые носки и варежки, а также носовые платки — на смену. Ее материнская забота умиляла и подкупала бедного студента.

Рами привык добром отвечать на добро. Он умел хранить верность родным и товарищам. Знакомясь с хорошим человеком, старался не терять с ним связи. Если нельзя было общаться напрямую, писал письма. А письма Рами Гарипова — это еще одна ипостась его творчества. Таким образом, можно было бы сказать, что он проявил себя и в эпистолярном жанре.

Его письма представляют для нас интерес тем, что в них, как и в дневниках, можно найти достоверную информацию о тех или иных пережитых им событиях. Переписка с некоторыми людьми составила важную часть биографии поэта. А ведь иногда она начиналась вроде бы с самого невинного, ни к чему не обязывающего обмена посланиями, как, например, в случае с одной татарской поэтессой.

* * *

Просматривая как-то татарский отрывной календарь, Рами натолкнулся на стихотворение, которое сразу же запало ему в душу. И он решил написать автору письмо на адрес: Казань, пединститут, Зубаировой Диларе. Девушка ему не ответила. Но горевать по этому поводу Рами не стал. Ответ пришел, когда он учился уже на втором курсе и к тому времени почти забыл об отправленном им когда-то письме. И все же парень решил откликнуться на запоздалое послание. Завязалась оживленная переписка:

письма так и сновали между Казанью и Москвой. О чем только не писали молодые люди, ни разу не видевшие друг друга. «Никогда прежде не встречал я такой необычной, приветливой девушки», — думал о Диларе Рами. Кажется, джигит увлекся ею. Дилара стала посылать ему дневники, при чтении которых его симпатия к ней превращалась в привязанность.

«Возвращаясь лесом, пою. Отослал Диларе свое фото», — пишет Рами 13 декабря 1952 года. И вот уже рождаются стихи. Одно из них написано в форме новогоднего поздравления.

*Нового счастья в новом году,
Я тебе, Дилара, желаю!
Пусть между нами длинный путь,
Этот год я с тобой встречаю.*

*Не слыша, не видя тебя глазами,
Твой образ я чувствую всей душой.
По шуткам милым твоим скучаю,
Словно не виделся долго с тобой.*

*По которой из улиц твоей Казани...
Мы под снегом бредем вдвоем?
И мотыльками порхают над нами
Хлопья снега под фонарем.*

*Кто думал, что гордому сыну Урала
Встретится Волги прекрасная дочь?
Не нарадуюсь, что тебя узнал я.
Из множества лет один лишь год.*

*В сердце сладкой мечтой закралась,
Прижилась ты. Переполнена душа.
Ах, Дилара, Дилара! Моя Дилара,
Ты счастье, отрада моя...*

С приветом, Рами.

Москва, 30 декабря, 1952.

Их отношения становятся все более теплыми. Если уж Рами дошел до того, что позволяет себе обращаться к девушке «...ты счастье, отрада моя...», значит, это уже не просто увлечение. Только пока он не задумывается над тем, чем все это может кончиться. Дилара же, похоже, относится к их отношениям несколько иначе. То ли в шутку, то ли всерьез она зовет его в Казань. Рами тоже подумывает о том, чтобы съездить к ней. Однако поездке в Казань он все же предпочел путешествие в компании с Асхатом Ашраповым по Башкортостану, по районам своей республики для сбора фольклорных материалов.

В ходе переписки выяснилось, что Диларе нравится сын Такташа — художник Аван. Но это не повредило их дружеским отношениям. А однажды Рами получил от нее очень странное письмо. Несмотря на немногословность, оно хорошо передавало душевное состояние девушки: «Рами! Прости, что я так долго не писала тебе. Так уж получилось. Ой, какая же я все-таки ужасная пессимистка, Рами. Ужасная. Жить не хочу. Только вот обидно уходить, не послужив Родине. А так мне моей коротенькой жизни нисколько не жаль. Но жить хочется. Жизнь-то ведь так прекрасна. Пока, Рами. Мне очень понравился твой очерк про Зою. Просто замечательно. 9 апреля, 1953 год».

Рами послал ей в ответ длинное письмо, призывая не предаваться унынию. «Думаю, что все это от слабости, от малодушия, твое письмо — это всего лишь крик», — рассудил он.

В его ответе есть высказывания и пожестче. И хотя парень пишет, что читать ей мораль не собирается, он выдержан в достаточно назидательном тоне. Советы его, конечно, уместны, но состояние Дилары молодой человек, по-видимому, недопонимает. А ведь она, судя по всему, написала то короткое письмо в момент крайнего отчаяния. При чтении его возникает ощущение, будто на самом деле слышишь стенания страдающей души. Словно человек поскользнулся над пропастью и судорожно пытается за что-нибудь ухватиться. Написать такое письмо способна лишь весьма чувствительная натура. Похоже, жизнь у Дилары не такая уж и легкая...

Между тем Рами все еще надеется побывать в Казани, чтобы увидеться с приятельницей хотя бы раз: «Вот сдам экзамены, съезжу в Ленинград и поплыву домой на пароходе через Казань. Мне нужно тебя повидать, если тебе не боязно. В Казани я собираюсь пробыть дня три... Надеюсь, ты сможешь показать мне могилы Тукая, Такташа и поводишь меня по своим любимым уголкам. А если не захочешь, то я сам посмотрю, похожу по твоим улицам, по местам, которые тебе нравятся, и поеду дальше».

Вот как обрисовал Рами планируемое путешествие в письме от 4 июня. И все это выглядело бы нормально, кабы не следующие настораживающие строки: «Если мы с тобой встретимся, не гляди на меня как на человека, кропающего стихи. И ни о чем не спрашивай. Сейчас я не могу писать. Самое мое последнее от души написанное стихотворение было посвящено тебе. Теперь ты уже вряд ли сможешь почитать мои вещи».

Когда он сказал Рафаэлю о том, что охладел к поэзии, тот сначала удивился было, но потом поспешил его успокоить: «Это все временно и скоро пройдет».

В тот день, когда Рами написал письмо Диларе, он читал статью Чернышевского о Тургеневе, попутно выписывая некоторые цитаты, и пришел к такому выводу: «До чего же трудная штука – жизнь! Жить мучительно! Но, тем не менее, я – за жизнь. Жизнь я люблю. Я должен ее любить преданно и самозабвенно».

Постойте-ка, что-то уж очень знакомое проглядывает сквозь эти строки. словно он повторяет чьи-то слова, уже некогда звучавшие. Чьи же еще, как не Диларины! Это она писала в своем апрельском письме: «Жить не хочу... Но жить хочется. Жизнь-то ведь так прекрасна...»

Девушка восхищалась жизнью даже в минуты отчаяния, когда решала для себя, хочется ей жить или нет. И теперь то же самое со всей остротой переживает Рами: «Я знаю, мне будет очень и очень нелегко!» Достаточно даже поверхностного сравнения, чтобы убедиться в том, насколько совпадают мысли, схожи ощущения Дилары и Рами, чьи сердца бьются в такт друг другу. Они созданы

для того, чтобы любить, быть любимыми, чтобы думать, стремиться к свету и добру. И судьба их светла, пусть даже не напрямую.

Отношения этих двоих можно было бы назвать «тысяча первым романом». Сколько же перебивало на этом свете людей, мужчин и женщин, которые духовно общались, делились друг с другом самым сокровенным, радостями, печалью и, разделенные тысячами километров, жаждали встречи, а их почтовый роман так и не перерастал в более близкую связь.

Рами суждено-таки было встретиться с Диларой. Правда, он был не в восторге от их самого первого свидания. Делясь впечатлениями об этой встрече с Хакимьяном Зариповым, который учился в Казани на юриста, Рами Гарипов пишет: «Скрывать не буду, сначала она мне не понравилась... Три дня, проведенные в Казани, я промаялся от скуки. Но, как оказалось, относительно Дилары я заблуждался, поскольку не успел за столь короткий срок узнать ее как следует. Лишь в последний день я увидел ее такой, какой до этого себе представлял, и был поражен. Я еще раз убедился в том, насколько сложными и глубокими, совершенно разными бывают люди. Особенно творческие... Ни в Татарстане, ни у нас не встречал я пока среди женщин таких, чтобы писали, как она. И она еще напишет прекраснейшие произведения» (17.12.53).

Какая высокая оценка и большие надежды. Читая стихи Дилары, Рами радуется за нее всем сердцем и возвеличивает созданное ею, как и ее саму, видя в ней очень редкую, тонкую, изысканную поэтессу.

В ноябре в газете «Совет Башкортостаны» были напечатаны адресованные Диларе лирические стихи Рами Гарипова. Здесь же поэт поместил и ее последнюю посвященную ему песню:

*Была бы утренней звездой,
Я восходила б с каждою зарей.
И взором нежным сквозь твоё окно,
Ласкала бы тебя, родной.*

*Была б я голосистым соловьем,
Будила б песнями тебя я поутру.
А если б стать могла я ветерком,
Развеела бы всю печаль твою.*

Раши нашел, что эта песня похожа на народную. Наверное, поэтому она и пришлась ему по душе.

В наше время приход в башкирскую или в татарскую литературу доселе никому не известной поэтессы или писательницы воспринимается как нормальное явление. Главное, чтобы автор был талантлив, мог радовать своим творчеством читателей, чтобы его произведения удовлетворяли необходимым требованиям. А в 50-е годы появление в литературе женщины становилось для башкирских и татарских читателей чуть ли не сенсацией. Русская литература пережила это еще в 20-е годы прошлого столетия. Такие великие таланты, как Анна Ахматова, Марина Цветаева, давно полюбили русскому народу, да и не только ему. Их произведения успели стать классикой. У нас же взошедшая было в 30-е годы звезда по имени Хадия Давлетшина оказалась в опале. Конечно, тогда уже заявили о себе Катиба Киньябулатова и Фаузия Рахимгулова, но они делали пока еще только первые нетвердые шаги, так что Зайнаб Бишева, получившая всенародное признание как поэт и прозаик, была в то время по сути дела среди башкирских писателей единственной женщиной.

В 60-е годы представительницы прекрасного пола начали заметно активнее вступать на творческую стезю, составив в конечном итоге солидную группу башкирской творческой интеллигенции. И вполне возможно, что толчок этому движению дали два важнейших литературных события: выход в свет во второй половине 50-х годов романа Хадии Давлетшиной «Иргиз» и несколько позже — первой книги знаменитой трилогии Зайнаб Бишевой «Униженные». Романы обеих писательниц полюбили не только башкирским читателям. Многократные переиздания их произведений на русском языке принесли их именам также и всесоюзную известность.

Состояние литературы того периода, обладавшей почти магической силой воздействия на читателя, на фоне стремительного, по сравнению с 20–30-ми годами, роста культурного, образовательного, интеллектуального и эстетического уровня, способствовало раскрытию и реализации накопленного женщинами едва ли не за всю нашу историю творческого потенциала, и породило у нас фактически новое явление. Безусловно, своего рода катализаторами данного процесса стали также и предназначенные для женщин издания: в Татарии – журнал «Азат хатын» («Свободная женщина»), а в Башкирии – основанный в 1968 году журнал «Башкортостан кызы» («Дочь Башкортостана»).

Рами Гарипову как ответственному секретарю потребовались титанические усилия для создания последнего буквально на пустом месте и распространения его среди населения. Он же подготовил целую группу талантливых поэтесс, чья дорога к сердцам читателей пролегла через «Башкортостан кызы». А Дилара Зубаирова, много лет проработавшая в журнале «Азат хатын», пестовала своих коллег, порою забывая о себе.

Получается, что у Дилары и Рами было много общего не только в настоящем. В будущем им пришлось исполнять схожие, полагавшиеся им по должности обязанности и заниматься одинаковыми проблемами...

А пока они на Казанской пристани, застыли друг против друга. Гроза, дождь. Настроение у обоих, под стать погоде, – пасмурное. Рами переваривает впечатления от пребывания в городе. Он никогда не забудет, с каким трепетом приближался к могиле Тукая, как стоял над ней, почтительно склонив голову, чувствуя, как в душе его зарождается новое стихотворение, которое он посвятит великому поэту. Находясь рядом с местом его упокоения, молодой человек вспоминал, как рыдал когда-то, читая произведения Тукая и книги о его горемычной жизни. Здесь он тоже не сдерживает слез, думая о тех несчастьях, что выпали ему за коротенькую жизнь.

*О люди, если бы поэта
ценили вы, пока он жив! —*

именно этими словами хотелось бы ему закончить свое будущее стихотворение.

Сколько же раз лицезрели мы, как над могилами великих людей, не признанных, притесняемых при жизни, произносили хвалебные речи и даже роняли слезы жалости и запоздалого раскаяния.

В тот памятный день Рами и представить себе не мог, что ему самому суждено будет испытать те же тяготы, не единожды сталкиваясь с вопиющей несправедливостью...

Прощаясь с Диларой, он мучительно ищет подходящие слова. Сказать бы ей напоследок что-нибудь этакое — по-человечески теплое и искреннее. Что он должен совершить, чтобы в душе у девушки остался приятный осадок? И пока Рами думает, на язык так и просятся строчки из стихотворения, посвященного ей:

*Нет, Дилара, оставь, не грусти.
Не сулю тебе я такое счастье.
Вряд ли наши пересекутся пути,
Я не верю, что будем мы вместе...*

*...Может, ты — всего лишь сон,
Сладкий плод воображения?
А может быть, в сердце моем огнем
Гореть суждено тебе вечно?*

*То ли дружба, то ли любовь?
Но когда предо мной ты вновь,
Я блаженствую. Мне хорошо...*

Дилара наверняка помнит эти строки. Так, может быть, почитать их ей еще раз? Нет. Надо бы найти для нее такие слова, которые бы она пронесла потом через всю свою жизнь!

Однако приближается момент расставания. В шум грозы и дождя вливается грустный, неторопливый мотив. Чувства Рами переполняются, когда над широкой Волгой-Иделью негромко раздаётся его любимая песня:

*Это наша Идель, Идель-река.
До чего велика, до чего широка.
По воде птица-лебедь гордо плывет
И как будто меня с собою зовёт.*

— Дилара, ты слышишь? Это же про тебя! — воскликнул Рами, желая хоть немного развеселить приунывшую девушку. Та замерла. А песня продолжалась, навевая на молодых еще большую тоску:

*Это наша Идель, Идель-река.
До чего широка, до чего глубока.
Расставанья нашего темная ночь —
Беспросветная ночь, бесконечный дождь.*

Дилара поднимает голову и, заглядывая парню в глаза, еле слышно произносит:

— Нет, те слова были не про меня. А вот последние, я думаю, про нас с тобой, Рами! Лучше и не скажешь:

*Расставанья нашего темная ночь —
Беспросветная ночь, бесконечный дождь...*

Какое смятение должен был испытывать отплывавший на пароходе от Казанской пристани Рами, видя, как постепенно тает вдалеке фигурка машущей ему рукой Дилары. И это видение навсегда останется в его памяти как сладкий сон. Крепившийся при девушке, может быть, он дал наконец-то волю слезам. И вспомнил, как прежде плакал, думая о ее непростой судьбе. «Оказывается, в детстве она была вместе с матерью, когда та сидела в тюрьме», — пишет он в одном из посланий Хакимьяну Зарипову. А до этого записал в своем дневнике: «Прочитав письмо матери Растиньяку, я вспомнил о Дилариной маме и зарыдал».

До такой вот степени Рами был сентиментален, но он старался скрывать свои слезы от окружающих, что видно из его записи от 31 января 1954 года: «Я сидел в комнате один, погруженный в свои раздумья, как тут вошел Алгис. “По-прежнему у тебя много книг, по-прежнему ладонь крепкая”, — сказал он, смеясь. Алгис появился так внезапно, что я даже не успел смахнуть слезы».

Рами долго не уходил с палубы, откуда сосредоточенно вглядывался в исчезающий из виду город. Он стоял в полном одиночестве, а вокруг бушевала гроза, бурлила за бортом вода, время от времени освещаемая вспышками молний. Несмотря на то что они только что простились, молодой человек уже успел стосковаться по Диларе, ощущая в душе пустоту. И хотя Рами Гарипов считал их отношения неопределенными — «то ли дружба, то ли любовь», вряд ли он испытывал к ней всего лишь дружеские чувства. Иначе бы не написал: «Все мои любовные стихи посвящены Марият и Диларе» (17.04.54).

Любовная лирика поэта — это нечто большее, чем страсть, это еще и поиски идеала — предчувствие любви к некоему неведомому ангелоподобному существу, порхающему в розовом мире мечтаний.

Как-то в 1951 году, когда в гостинице «Москва» происходил очень откровенный разговор писателей о любви, Мустай Карим изрек: «Такие уж мы люди: любим то, что сами создаем». Эти слова произвели на Рами сильное впечатление, после чего он признался себе: «Я впервые понял, что в этом вопросе не одинок».

Когда он страстно любил, то стремился к еще большему совершенству и красоте. А теперь, кроме жара в сердце, молодой человек ощущал потребность что-то делать и смутную тревогу.

Некоторые свои любовные стихи поэт пишет даже под воздействием чувств сразу к нескольким объектам. Потом, выявив, собрав и объединив самые лучшие стороны любимых, он творит образ своей мечты. Одним из плодов таких стараний является стихотворение Рами Гарипова «Ты есть!...».

Любовь состоит из встреч и разлук, из надежд и разочарований, из взлетов и падений, из вспышек и тления. В сентябре 1954 года сестричка Маршида сообщила Рами о кончине их односельчанки Мавлиды. И тот очень тяжело переживал преждевременный уход совсем еще юной девушки, которая вдохновила его на первые стихи. Реакцией поэта на болезненное известие стало стихотворение «Потерянные следы»:

*Как же спокойно рядом с тобой,
Легко мне было тогда!
И я не могу быть доволен судьбой,
Отнявшей тебя у меня!..*

Через год Рами снова возвращается к своей детской любви. Вспоминая простодушную девочку Мавлиду, он вполне искренне полагает, что все написанное им о любви было именно о ней.

А между тем пламя, которое зажгла в его душе Марият, все не гаснет. После окончания школы у Рами было такое ощущение, будто он простался с любимой им девушкой и с чувством к ней навсегда. Но как оказалось, не утратил свою любовь и в Москве. «Марият по-прежнему заставляет меня страдать. Думать о ней и приятно, и мучительно», — признается он.

Рами то остывает, то воспламеняется вновь. «Жуткий холод. Душа оледенела. Кто же растопит этот лед? Марият? Нет, я так не думаю» (27.12.53). И вот уже совсем другое настроение: «Я так обрадовался ее письму. Марият! Марият! Словно весь мир озарился» (6.01.54); «Всю ночь не мог заснуть. Перед глазами стояла Марият» (7.01.54).

20-го числа того же месяца Рами пишет, обращаясь к ней: «Ты — единственная моя надежда, Марият!» Через день, 22-го, новая запись: «Сегодня у Марият день рождения. Вчера я написал в ее честь два стихотворения».

По этим строчкам из дневника хорошо видно, что Рами не забыл свою любовь. Проезжая по мосту над Агиделью по дороге в Уфу и обратно в Москву, он каждый раз

с содроганием вспоминает, как чуть не погиб в том месте в апреле 1950 года. Молодой человек и сам удивляется, что остался верен своему чувству, несмотря на то что ему не отвечали взаимностью, несмотря на перенесенные им страдания и на симпатии к другим девушкам: «Я все еще не теряю надежды. Эта надежда живет во мне уже восемь лет. И мне очень трудно было бы расстаться с ней. Хочется верить и надеяться. Только вот время не ждет. А ведь жить мне осталось не так уж и долго... Даже если я захочу ее забыть, то не смогу. Пусть мои самые светлые чувства останутся безответными, а мечты — несбыточными, все равно ее образ сохранится в моем сердце как жгучая родинка» (11.04.54).

Это признание не какого-нибудь школьника, а взрослого двадцатидвухлетнего парня. Значит, чувства его не поверхностны, они прошли испытание на прочность. Не зря же Рами упомянул о восьми годах. За этот срок он успел накопить немалый жизненный опыт и научился реально оценивать многие вещи. Между тем молодой человек так и остался романтиком. Даже будучи автором достаточно зрелых стихов, вроде «Рук матери», в состоянии влюбленности он как будто терял рассудок.

В творчестве очень многих поэтов можно выявить одно общее место: у них, как правило, мало стихов о первой любви. Казалось бы, юность — пора кипучих страстей и головокружительных переживаний, однако в том возрасте еще не хватает нужных слов и образности, чтобы адекватно передать душевное состояние. И хотя чистая юношеская любовь достойна того, чтобы быть воспетой, возвышенные стихи и поэмы о ней чаще всего появляются лишь со временем. Возвращаясь в прошлое, переживая заново светлое чувство, автор оценивает его с высоты прожитых лет, отчего оно становится ему еще дороже. Жизненный опыт и мудрость необходимы не только для достижения мастерства, но и для переосмысливания, постижения ценности любви. Ради этого нужно также пройти закалку чувствами — сквозь «лед и пламя».

Свои первые сильные стихи о любви Рами Гарипов посвятил Марият. Но чувство к ней, охватившее его когда-то

с первого взгляда, он описал лишь семь или восемь лет спустя. Самое впечатляющее из этой серии — «Первая любовь», последняя строфа которого оказала влияние не только на судьбу самого Рами, но и оставила осязаемый след в башкирской любовной лирике:

*Буду скучать по тебе, тосковать.
И даже если утешусь другой,
Останется в сердце моем печатью,
Родинкой жгучей образ твой.*

Пылкой любовью живет весь свет, и в мире великое множество сердец, в коих любовь навечно оставляет свой след, но далеко не часто такие чувства находят достойное отражение в поэзии, и еще реже встречаются стихи, достойные того, чтобы их увековечили.

Сердце поэта особенно чутко, оно способно предчувствовать грядущие перемены и предстоящую разлуку с той, чей милый образ на протяжении многих лет заставлял его петь и рыдать.

Слово образ я употребил вовсе не случайно. В последние пять лет Рами и Мариат встречались не часто да и письмами обменивались лишь изредка. В таких случаях живой человек как раз и превращается в образ — близкий сердцу и, в то же самое время, далекий. В памяти он остается неизменным, в то время как сам оригинал с годами постоянно меняется. Когда кто-то тебе очень дорог, тяжело терять не только его самого, но и расставаться с его образом.

*В мечтах, будто парус одинокий,
Маячишь ты до сих пор.
То я отпускать тебя не желаю,
То ты не даешь мне покоя.*

*То ли случайно ты встретилашь мне,
То ли, чтоб стать судьбой?
Отчего не могу забыть я тебя?
Зачем столько лет живу я тобой?*

*Ворошить то первое чувство
Так мучительно мне и сладко.
Вспоминать тебя вроде страшно,
И потерять было б жалко...*

Эти грустные, проникнутые болью стихи о Марият были написаны в 1955 году. Может быть, они станут последним признанием поэта в ее адрес...

* * *

«Ох, уж этот 55-й год! Нелегко же ты мне даешься!» — с тяжелым вздохом восклицает Рами, подытоживая в начале апреля первую четверть текущего года. Трудностей парню хватало. Но нельзя забывать, что 1955 год, ознаменовавшийся важными переменами и крупными событиями, стал для него переломным, задав начало новой стадии его жизни и творчества.

Проживавшие в Доме творчества писателей на дачах в Переделкино, которые были приспособлены под общежития, студенты Литературного института охотно общались с местной молодежью, вместе проводя досуг, развлекаясь. Многие ребята были влюблены в тамошних красавиц, по причине чего у них были даже конфликты и разборки с поселковыми парнями. Бывало и так, что связи студентов литинститута с переделкинскими девушками заканчивались свадьбами, это никого не удивляло.

Летом 1953 года Рами встречался с Тоней. По мере их общения взаимная страсть разгоралась, но, судя по всему, увлечение этой девушкой продлилось у него недолго. Вот что пишет Рами о своих отношениях с Тоней, которые то затихали, то разгорались: «Чем она меня привлекает к себе? Связывать с ней свою судьбу я не намерен. Просто люблю и все, беспечно и безоглядно. Обожаю я русских девушек. Уж не потому ли, что во мне течет и русская кровь? Нет, я, конечно, ощущаю себя только башкиром. Но мне всегда приятно находиться рядом с русскими. Русские люди — самые надежные, доступные, сильные, умные

и великодушные на свете. Я утверждаю это, не только исходя из своего пока что небольшого жизненного опыта, но и имея в виду великую историю русской мысли, литературы, искусства, культуры» (7.06.53).

Ожидая на станции электричку или сидя в вагоне, Рами стал частенько видеть черноглазую девушку с длинными ресницами. Первое время они поглядывали друг на друга, потом начали здороваться. Встретив однажды незнакомку в поезде, парень чуть ли насильно увез ее на спектакль «Сорочинская ярмарка». Девушке, которая вначале попыталась отказаться от его приглашения, представление очень понравилось. Было бы даже странно, если бы не понравилось, ведь ей с младенчества была близка эта среда. Украинские напевы и традиции были ей родными.

Отныне Надя, жившая в Переделкино, и Рами встречались чаще. У них оказалось много общего, в том числе и пережитые тяготы военных лет. Детство Надежды Васильевны Друм прошло в украинском городе Днепропетровске. Потом судьба забросила ее семью в Москву. Когда в том районе, где находился их дом, должна была появиться новостройка, Надиным родителям предложили на выбор несколько мест для переезда. Отец, дипломированный инженер, предпочел Переделкино и построил там особняк. Но во время одной из бомбежек в Москве он погиб. Болезненная его супруга Валентина Степановна осталась одна с тремя ребятишками. С тех самых пор Наде пришлось изведать немало трудностей. Сначала был детский дом в Ульяновской области, затем — печально известное многим ФЗО, московская ткацкая фабрика. Трудолюбие и сноровка девушки не остались незамеченными, и через некоторое время ее перевели на должность наставника-воспитателя.

Природа наделила Надю отменным голосом и склонностью к литературе. Услышавший однажды во время концерта фабричной самодеятельности украинскую народную песню «Стоит гора высокая» в ее исполнении, один профессиональный музыкант сказал ей в восхищении: «Ты должна стать большой певицей». Девушка также мастерски читала со сцены стихи. Этот проникновенный голос

наверняка достался ей от матери. Когда Валентина Степановна пела мелодичные украинские песни, все замирали в упоении.

Встречавший Надю в вагоне электрички Рами часто видел в ее руках какую-нибудь книгу. Только вот вузовское образование ей было недоступно: из-за войны она, не окончив среднюю школу, вынуждена была идти работать. «Знаешь, Рами, я так хочу учиться!» — говорила она время от времени. А тот подбадривал ее: «Учиться надо!»

Так-то оно так, да только кто поможет ее семье, если Надя ради учебы уволится? Ежедневные поездки в Москву на работу не оставляли времени даже на посещение вечерней школы.

Девушка донимала парня вопросом: «Почему ты, Рами, все время так улыбаешься?» А иногда допытывалась: «Чего молчишь? Сказал бы хоть, о чем думаешь».

Нередко она просила его почитать стихи. Переводов у Рами не было, Надя же ни слова не понимала по-башкирски. А пересказывать содержание ему не хотелось. По мнению Рами, это было неблагодарное занятие. Но тем не менее он пытался объяснить ей, о чем его стихи. Девушка задумывалась над их смыслом. А тот продолжал между тем загадочно улыбаться.

Эти сказочные зимние подмосковные леса в пушистой изморози, напоенные весенними ароматами дивные ночи или теплые в дымке вечера на берегу реки... Парень и девушка все больше тянутся друг к другу. «Мы с Надей долго бродили по лесу, разговаривали, пели. У нее красивый голос. А я только подпеваю ей или насвистываю, подражая соловью. Иногда кукую, и она хохочет. Мы ходим, держась за руки или под ручку, а то и в обнимку... Серпик луны с каждой ночью становится все толще. В тот раз он был прямо-таки багровым, а нынче — белый, как молоко. До чего же близок человек к природе! Сегодня мы были по-детски беззаботны. Сплошное веселье. Спустились на берег, к огороженному роднику, и оттуда глазели на месяц. Тут я подхватил Надю на руки и предложил: “Давай подброшу тебя вверх, и ты принесешь мне золотой серп!” — “Не бросай, Рами, я хочу остаться рядом с тобой”, — сказала она, ласкаясь ко мне» (5.06.54).

Рами видел, что девушка его любит, но в своих чувствах пока не был уверен. В ее доме он даже провел одну ночь. Это была первая в его жизни ночь наедине с девушкой — их мучительная, невинная близость. Он вспоминал о ней при каждой встрече, рассуждая при этом: «Мне хочется сделать для нее что-нибудь очень хорошее. Только вот отдать свое сердце не могу. А ей оно нужно. У меня же только одно сердце. Готовое пожертвовать даже своим последним мгновением, оно сгорает, сохраняя верность одной-единственной».

Жгучая родинка в его исстрадавшемся сердце постоянно напоминает о себе. «Марият, Марият, Марият!» — только и твердит Рами. Жизнь — странная штука: в то время как Надя — в твоих объятиях, Марият — в сердце. Одна так и льнет к тебе, а другая все никак не оставит в покое твою душу.

Обжегшись на горячем молоке, дуешь на холодное. Сейчас признание «Люблю!» было бы для Рами смерти подобно. Обманувшись один раз, он боится произнести это слово снова.

В душе Рами сошлись в решающей схватке два чувства. Иногда он сидел на берегу один, бормоча под нос просившиеся сами собой рифмы:

*Так плакать хочется мне от того,
Что не могу любить тебя.
А если полюбить бы смог,
От радости запел бы я.*

Как-то благоухающей майской ночью он проговорил с Надеждой до самого рассвета. Остановившись возле кустарника, они слушали пение соловья. Его сильный, переливчатый, завораживающий голос звучал совсем рядом, как будто возле самого уха, но в ярком лунном свете маленькая пташка оставалась невидимой. Так и у Рами: он жаждет любви, а ее не видно.

Борьба двух девушек за его душу рано или поздно кончится победой одной из них. А этой ночью Рами и Надя стараются как можно лучше понять друг друга. На его

вопрос о прежних привязанностях она отвечает, что до сих пор никого не любила. Когда же он спросил: «И сейчас не любишь?», сказала: «Не знаю».

В ту майскую ночь Рами решил поведать девушке о своем большом, но безответном чувстве к Марият. Стоит ли после этого удивляться ее вопросу: «А почему же ты тогда со мной?» Вот тогда-то Рами и выложил ей все как на духу: «Я к тебе очень привык, Надя. Иногда мне кажется, что это не только привычка. Сейчас я холоден. А завтра все будет по-другому...»

Каково же той было услышать такое признание от любимого человека!

Несмотря на сомнения, Рами не переставал восхищаться своей подругой. Разве смог бы он причинить зло этой простодушной, чистой, умной девушке? Он очень к ней привязался, а назвать свои чувства любовью просто побаивался.

Постепенно противоборство двух сторон затихает. И теперь поэт все больше думает о той, что была рядом.

В дни, когда они еще только начали встречаться, дневник Рами пополнился такими стихами:

*Привиделось мне, я в могиле лежу,
И сверху бросаешь ты горсть земли.
Надеюсь, дошло до тебя теперь,
Что я сгорел от своей любви...*

Посвятил он эти строки, разумеется, не Наде. Не такие у них были в ту пору отношения, чтобы вдохновлять на стихи. Рами не умел писать о любви, пока не в состоянии был признаться себе, что любит. Любовные стихи рождаются лишь в тот момент, когда в душе ярким пламенем загорается огонь и поэт способен парить так, как если бы у него появились крылья, или же, наоборот, тогда, когда крылья обожжены.

Стихотворение Рами Гарипова «Привиделось мне...» — предчувствие скорого прощания с прошлым, и с той, кому он поклонялся столько лет. К нему придут новые чувства, и место Марият займет другая. Не зря же он сделал приписку внизу: «Я уже далеко не прежний Рами...»

Первомайский праздник 1954 года они отмечали вместе с Надей. Рами принес пару саженцев то ли рябины, то ли боярышника, чтобы посадить их перед ее домом. Сажали вдвоем, после чего, не страшась грозы, отправились гулять. Гремел гром. При вспышках молний лес становился голубым. Ветер теребил густые Надины волосы. Глаза обоих искрились от бликов. Эта стихия возбуждала, заставляла еще сильнее биться молодые сердца.

Перед отъездом в Уфу Рами подобрал в своей библиотечке для Нади самые любимые книги, которых набралось на два чемодана, и отнес ей. Ему предстояли последние летние каникулы. В первый раз за все время они расставались так надолго. Рами радовался всколыхнувшимся в его душе чувствам: «Рассвет, который встречали с Надей, – мой самый лучший рассвет! Похоже, я ее и в самом деле люблю. Я обожаю весь мир! Так и кажется, что любое дело мне по плечу. И то, что Надя так радуется книгам, – счастье!» (10.06.54).

Да, книги и любовь были неразделимы и одинаково дороги ему. Даже когда приходилось жить впроголодь, Рами не лишал себя этих сокровищ. Первым из сверстников он выпустил в 1954 году свою первую книжку. Но уже задолго до ее выхода поэт стал грезить новой. У нее будет прекрасное название – «Курай». Рами Гарипову хотелось, чтобы эта книга была во всех отношениях совершенной: по уровню мастерства, по тематическому разнообразию, по глубине и близости к народному творчеству.

«Наступит день, когда я смогу дать достойный ответ на омерзительную фразу: “Грядет тот день, когда последний кураист сыграет над могилою последнего башкира”!

Скажет ведь – последний кураист! Будучи в Уфе, я с таким волнением слушал курай в Оперном театре. А сегодня ночью размышлял над историей моего народа, начиная со сказки “Курай” и кончая игрой Давлета в Кремле» (18.05.54).

Рами предполагал сделать ядром своей будущей книги судьбу народа и образ Башкортостана. Вот уже несколько лет он жил в Москве, а душою находился там, на своей Родине. Его тянуло домой, снедала невыразимая тоска по

мелодиям и напевам родного края, ему так хотелось слушать родную речь, шутки. Рами готов был обнимать каждую березку, каждый камень и рыдать, крепко вцепившись пальцами в родную землю. Особенно любил он песню «Урал», каждое слово и каждый звук которой проникал и западал в душу, будоражил, пронизывал насквозь.

*Родного Урала синеют горы –
Земля наших прадедов святая.
Хранит она бережно кости батыров.
Что пали жертвой, ее защищая.*

Путешествуя вместе с Асхатом Ашраповым во время летних каникул по башкирским районам, он слышал из уст талантливых певцов из народа немало удивительных песен, подобных этой. Такого богатства в глубинке столько, что просто невозможно все охватить и собрать.

*Хай, Урал мой! Когда я лозу срезаю.
Чтоб погонять коня, плачет ива твоя
Алой кровью батыров, некогда павших
В жестокой битве за Родину нашу.*

В целом мире нет для Рами лучшей песни, чем эта. Знать бы, кто был ее создателем. В ее мелодии и словах столько величия, ума, достоинства, боли и тоски. Безымянного сочинителя этой бессмертной песни можно по праву считать самым великим поэтом Урала. «Только ради этой песни стоило родиться башкиром!» — замечает Рами Гарипов. И это слова не какого-нибудь мечтательного отрока, а уже взрослого, серьезного человека, чувство гордости которого возрастает с каждой прочитанной книгой, с приобретением все новых знаний и опыта. Его ощущения и раздумья подкрепляются глубокими мыслями.

Читая «Жизнь Клима Самгина», поэт писал: «Горький очень часто упоминает башкир. Прежде мне такое не попадалось... Высказывания героев «Жизни Клима Самгина» о башкирах перекликаются с мнениями Гаяза Исхаки и Г. Баттала. Шовинизм до такой степени отвратителен

и низок! У меня прямо все клокочет внутри. И то, что Горький уделяет этому явлению большое внимание, очень показательно... Нужно будет взять для доклада рассказ Л. Толстого «Много ли человеку земли надо?». Горький его тоже упоминает (В 1910 году земли Башкортостана интенсивно расхищались. Распродавая вотчинные земли башкир, Столыпин оставлял им самим наделы в виде отрубов, хуторов)... И смех и грех: два дня я страдал от голода, а сам читал и рассуждал о таких вещах» (23.03.55).

Прочитав «Жизнь Клима Самгина», Рами торжествует — «Ура!» Он признается в дневнике, что эта книга дала ему очень много, и от всей души благодарит Горького. Тогда же была сделана следующая запись: «Слова Батгала о том, что “башкиры портят природу, как прекрасный дорогой ковер”, вызывают гадливое чувство! И ведь корни этих бесстыжих клеветников все еще где-то скрыты! А какую бессмыслицу несут по радио, что прямо уши вянут. Якобы у башкир мало песен! Кто может спеть “Урал”? Да никто! А народ поет. Поющих в народе много, да только никто их не ищет. И все потому, что у нас много преемников, приспешников Батгалов. Торгашам дух народа чужд. Он недоступен их пониманию. Я же не перестаю восхищаться тем, насколько красочно и многогранно наши песни передают богатство нашей природы. И образ Родины в них предстает великим, превращаясь в эпический. В то же самое время в этих песнях столько тонкости, лиризма и глубочайшей философии. У них есть историческое и социальное содержание» (26.03.55).

Вот каков в представлении Рами Гарипова образ его Родины. Если в подростковом возрасте гордость за свой народ носила абстрактный характер и воспринимал он его больше в мифическом плане, то приобретенный с годами жизненный опыт помог ему еще сильнее проникнуться этим чувством, увязать его с реальной действительностью. Рами жадно впитывал и аккумулировал в себе все, что написано и сказано о Башкортостане и о башкирском народе, — доброе и плохое, справедливые замечания и откровенную клевету. Он первым заметил факты, которые практически не освещались башкирскими историками и литераторами, и дал им объективную оценку.

Восхищаясь и гордясь Башкортостаном, Рами часто задумывался над его дальнейшей судьбой. Молодой поэт изо дня в день все глубже вникал в проблемы и заботы своей Родины, стремясь как можно больше узнать о ее прошлом и желая видеть свой народ счастливым.

Думая о любимом Башкортостане, Рами Гарипов не мог не тревожиться за судьбу народных песен. Годы войны, а также трудности послевоенного времени не могли не сказаться на башкирской фольклористике, песенном жанре и искусстве игры на курае. Отсутствовали система подготовки молодых певцов и школа кураистов. Появление на сцене юных дарований из народа носило случайный характер. И фактически некому было принять эстафету от талантливых кураистов старшего поколения. Традиция же организации экспедиций в районы с целью сбора фольклорных материалов прервалась. Возможно, мучительные размышления об этих проблемах как раз и натолкнули Рами Гарипова на название его второго сборника. А первый, как мы уже знаем, он имел на руках за несколько месяцев до защиты диплома, на зависть однокурсникам, большинство из которых пока еще только мечтали представить к защите изданную книгу. Если это можно назвать счастьем, то его кузнецом был он сам. Неугомонный, он постоянно трудился, вынашивая один замысел за другим. Таков был ритм его жизни и творчества.

И во время учебы в Уфе, и в студенческие годы едва ли не самыми часто употребляемыми словами в его обиходе были глаголы движения «полетел», «побежал», «помчался», а также «спешу». Наряду с другими занятиями, Рами уделял внимание спорту. Одно время он увлекался коньками и в этом виде неплохо преуспел. Не забывал также про лыжи. Живя в Переделкино, пробегал иной раз по пятнадцать километров. Так что звание студента вовсе не подразумевает одну лишь учебу и полуголодное существование.

О темпе его жизни можно судить даже по отдельно взятому дню, например, по 24 января 1955 года, запечатленному в дневнике: «Дочитал "Тихий Дон"... Последнюю главу перечитал еще раз, потом хорошенько побрился

и поспешил к Наде. Дома ее не оказалось. Помчался на станцию. Сел в поезд. В вагоне ее тоже не было. А мне так не терпелось поделиться с ней впечатлениями от книги. Не увидел я Надю, и когда вышел из поезда в Переделкино. Решил дождаться следующего поезда. Там ее тоже не оказалось. Опять побежал к ней домой. Заглянул в окошко и — снова на станцию. Поезда приходили и уходили. А Надя все не показывалась. Решив, что она пошла другой дорогой, я опять побежал к ее дому. Но все напрасно. Я снова отправился на станцию, однако и среди тех, кто приехал последней электричкой, Надю не обнаружил. Помчался назад. Бушует вьюга. А мне жарко. Нагнал я ее, когда она уже подходила к своему дому».

Запись заканчивается так: «Чем же она меня так приворожила? Любовь это или нет — я и сам пока не знаю. Вот уже год, как она не выходит у меня из головы. Просто удивительно. Ума не приложу, как все это объяснить».

Однако не всегда Рами одолевали сомнения. Моменты уверенности в своих чувствах бывали у него намного чаще. С Надеждой он делился порою самыми сокровенными мыслями, которых и сам боялся. Как-то в ответ на ее слова «Мне хотелось бы взглянуть на тебя лет через пять: ты будешь очень счастлив, Рами!» он глубокомысленно заметил: «Либо очень счастлив, либо несчастлив. Третьего не дано. Иногда мне даже кажется, что я сопьюсь. Или сопьюсь, или останусь очень сильным».

Стараясь быть порядочным и честным в отношениях с окружающими, перед этой девушкой Рами чувствовал двойную ответственность. «Не станет ли она моей жертвой?» — опасался он. Наде еще предстояло закончить школу и в дальнейшем думать о продолжении учебы. А пока Рами не в состоянии был подтянуть ее до своего уровня и в то же время не мог ради нее опуститься на ступеньку ниже — вот что его особенно смущало. Вместе с тем, осознавая, до какой степени та его любит, Рами чувствовал себя, находясь рядом с ней, так, как будто очищался, обновлялся и становился еще более сильным. Он уходил от нее иной раз таким окрыленным, что готов был обнять весь мир или повалиться наземь. Бывало, он с легкостью

сбегал вприпрыжку по лестнице и потом бежал во весь дух, чуть ли не летел! Его так и подмывало крикнуть во всеуслышанье: «Надя, я тебя люблю!»

Рами Гарипов был очень музыкальным человеком. И пусть он даже не обладал певческим даром, музыку обо-жал и ощущал всеми фибрами души. Особенно подкупала его своим пением Надя. В последнее время, стоило Рами услышать какую-нибудь красивую мелодию, как перед ним тут же появлялся образ его девушки: «Когда я слушаю по радио игру на скрипке, так и кажется, как будто она звучит в моем сердце!.. А перед глазами — Надя. Одно сло-во — Надежда! Через звуки скрипки изливается моя наде-жда. Вот если бы надежда стала моей верой... Верой!» (8.04.55).

«Неужто я когда-нибудь стану отцом? А кто будет мате-рью моего ребенка? Где ты? Кто ты?»; «Мне так хочется любить и быть любимым. Но у меня нет той, которую я мог бы полюбить. Стать отцом я бы не отказался... Не думаю, что мне рано жениться. Не хочу размениваться... Я не дол-жен принадлежать никому, кроме своей жены», — вот такие серьезные намерения были у Рами.

Наконец-то подошла пора их осуществления. Рами решил радикально изменить свою жизнь. 1 мая 1955 года: «Еще только два часа ночи. Прогулялся с Надей и сел писать. В эти дни я много думал о наших с ней отношениях и пришел к единственному решению: жениться! Жить вме-сте, несмотря ни на что... Надя нравится мне и устраивает меня всецело: она понимает меня и то, чем я занимаюсь, любит и способна стать хорошим другом... Я привык к каждой ее черточке — именно такой должна быть моя жена. Уверен, что она будет отличной матерью. Мы с ней будем счастливы».

В этих словах, посредством которых Рами формулиру-ет своего рода семейный кодекс, столько убежденности и одновременно простодушия. Для него его девушка Надя — живое воплощение Веры и Надежды. Без этого он не смог бы сделать столь ответственный шаг.

Однако, несмотря на то что эти двое уже были близки настолько, что понимали друг друга без слов, известие о женитьбе Рами Гарипова повергло в шок не только

его друзей, но также родных и подруг Надежды Друм. Чтобы сообщить о своем решении товарищам, Рами позвал их к находившемуся недалеко от дома Нади роднику. Рафаэль и Шакир в один голос пытались отговорить его от этой затеи, приводя достаточно убедительные доводы: она не знает башкирский и не сможет прочитать ни строчки из его стихов, ему будет непросто жить с человеком, далеким от его творчества, да и мать с родственниками расстроятся. Надина сторона тоже предпринимала попытки заставить ее одуматься: зачем ей, мол, связываться с невесть каким поэтом, нищим студентом, который к тому же собирается увезти ее к каким-то башкирам.

Но Рами был не из тех, кто легко сдастся. Его принцип «Сказал и все!» сработал и на этот раз. Решение принято, и он уже ни за что от него не отступится.

27 мая сыграли свадьбу. Пока шла подготовка, Рами снова сблизился с Рафаэлем, Шакиром и Раисом. Они помогали ему во всем. На свадьбу пришли Марат Каримов, Диккат Буракаев и студентки ГИТИСа Фардуна Касимова с Гюльсэсэк Мубаряковой. Асхат Ашрапов был за фотографа. Он сделал памятные снимки, которые, к счастью, сохранились.

Пускай столы не ломились от яств, свадьба есть свадьба. Главным достоинством таких торжеств в те времена было не обилие еды и питья, а радушная, веселая атмосфера... Это была свадьба двух сирот, потерявших на войне отцов. Через несколько дней молодожены Рами Ягафрович и Надежда Васильевна пойдут на бракосочетание Егора Исаева, прихватив с собой в качестве подарка самую ценную вещь в их доме — часы.

В день собственной свадьбы Рами Гарипов вспомнил, как два года назад, будучи приглашенным на такое же торжество земляками, прочел сочиненное им стихотворение «На студенческой свадьбе»:

Когда раскрывался березовый лист,

Познали вы лучший в жизни миг.

И где б вы ни были, пускай никогда

Не покидает вас московская весна.

Пусть судит о вас страна по делам.

Делите все трудности пополам.

Не дайте увянуть ему —

Любви прекрасному цветку!

Тогда он и представить себе не мог, что те же самые пожелания будут высказаны в его с Надей адрес! Как было бы замечательно, если бы сбылись слова: «Не дайте увянуть ему — любви прекрасному цветку!»

Их связь переросла в новую фазу. Соответственно, изменилось и мироощущение молодой пары: жизнь приобрела смысл и окружающие стали казаться им более симпатичными и добрыми. Друзья не без зависти смотрели на лучившихся счастьем молодоженов. А тут еще и буйство природы в самое прекрасное время года! Черемухи утопали в белой пушистой дымке. Пышным цветом цвели яблони и вишни. От насыщенного ароматами цветения воздуха кружилась голова. Под ногами расстился ковер изумрудной травы, над головой раскинулось лазурное небо. И все это под упоительные соловьиные трели и песни жаворонков.

Рами с умилением наблюдал за порхающей, словно мотылек, молодой женой: «Своим пением Надя оживила мои чистые погранные чувства». Каждый день начинался теперь с восклицания: «Надя! Жена моя! Мы будем счастливы!» А 27 июля он констатирует в дневнике очень важный факт: «Я стану отцом! Странно, радостно и немножко смешно. Это значит, что я абсолютно нормальный человек!»

В августе 1955 года Гариповы уезжают в Башкортостан. Первым, кто протянул Рами руку помощи в Москве, был русский поэт Федор Сухов, который в бедственный для башкирского паренька момент свозил его в свою родную деревеньку на Волге. А сейчас ему сопутствует выросшая среди русских украинка Надя. В столицу Рами Гарипов приехал холостяком, а уезжает женатым. Как сложится на родине семейная жизнь, начавшаяся в Москве с любви и светлых надежд? Какие радости и испытания ждут молодоженов впереди?

Москва дала выпускнику Литературного института Рами Гарипову много хорошего и многому его научила. Закалила. Вырастила. Хотя, вернее было бы сказать, что взрастил и закалил себя он сам. Пять лет Рами прожил, не щадя ни сил, ни здоровья, шаг за шагом продвигаясь по избранному пути к намеченной им великой цели. Он безостановочно добывал знания и не давал голове покоя, доводя себя порою самоистязанием до полного изнеможения. В период учебы в Москве бывали моменты, когда он чуть ли не клял себя за пристрастие к книгам. Вместе с тем молодой человек не мог не сознавать, что именно книги постоянно подталкивали его вперед, способствовали его росту. В них он находил мудрых советчиков и опору в самые трудные и отчаянные мгновения своей жизни.

Рами Гарипов был поэтом и личностью в одном лице. Однако эти его главные ипостаси сформировались в разное время. Поэтический дар проявляется, как правило, рано, но творческий человек редко добивается настоящего успеха, если не успел созреть как личность. В мире искусства, увы, нередки случаи, когда не вполне созревшие дарования ломались под ударами судьбы. И то, что Рами удалось вовремя стать сильной, целеустремленной личностью, посчастливилось пройти московскую школу, будет залогом его стойкости в борьбе с грядущими невзгодами.

Часть третья

ЗДЕСЬ ОТРАЖАЕТСЯ ЖИЗНЬ СТРАНЫ

Когда Рами, одолеваемый множеством вопросов и сомнений, возвращался из Москвы в Башкортостан, он мог быть уверенным лишь в одном: жить будет в Уфе, а работать — в редакции. Так оно и вышло.

Если до этого каждый сентябрь означал для него начало очередного учебного года, будь то в школе или в вузе, то 1 сентября 1955 года выпускник Московского Литературного института приступил к работе в редакции газеты «Совет Башкортостаны», являвшейся органом обкома КПСС. Именно здесь и началась его трудовая деятельность.

На первых порах Рами Гарипова определили литсотрудником в отдел информации, через месяц — в секретариат, после чего перевели в отдел литературы и искусства, который он возглавил в начале 1956 года. За короткий срок газета, считавшаяся одной из самых влиятельных в республике, проделала важный путь.

С журналистской средой Рами Гарипов был знаком еще со школьных лет, а также благодаря студенческой практике. Трудно было бы представить себе писательскую судьбу вне связи с газетой или журналом. Работа в редакциях становилась для большинства литераторов плацдармом для их дальнейшего творчества. Школу журналистики прошло немало поколений поэтов и прозаиков, начиная с Тукая и Гафури. Кое-кто совмещает литературное творчество с журналистской деятельностью и теперь. Ради возможности проложить дорогу в литературу через газету или

журнал некоторые без колебаний согласились бы оставить свою работу и сменить специальность. Только далеко не каждому выпадает такая удача. И поэтому вполне понятно, что в то время, когда Рами устраивался на работу, оказаться на его месте мечтали очень многие.

Стоит только явиться в редакцию поутру — и сам не замечаешь, как пролетает день. В первое время было особенно хлопотно, когда Рами приходилось вникать в тонкости работы, приноравливаться к новому коллективу и, помимо этого, заниматься поисками пристанища для своей семьи.

С тех пор как Рами покинул Москву, времени на стихи у него вообще не оставалось. Привыкший за долгие годы чуть ли не ежедневно делать записи в дневнике, в течение нескольких месяцев он был лишен и этой возможности. Такая же ситуация была у него, когда после поступления в институт пришлось с головой окунуться в учебу. Ну а сейчас молодого человека полностью поглотила редакционная работа. В общем, пока ему не до стихов. А ведь так недолго и разучиться писать.

К дневнику Рами не притрагивался целых полгода. А когда наконец дошли руки, то оказалось, что после длительного перерыва не так-то просто возобновить даже столь любимое и привычное занятие. Первую за все время пребывания в Уфе запись он делает зимой 1956 года:

«3 февраля. С тех пор как я начал работать в газете, прошло уже пять месяцев!

С сегодняшнего дня я — заведующий отделом литературы и искусства! Самый молодой заведующий в газете. А работы — по самое горло! Будет трудно. Но я верю в собственные силы. И потом, эту работу я люблю всей душой. Потому что обожаю литературу и искусство.

Это я должен подтвердить своим трудом. И я постараюсь!

Приближается XX съезд партии. Это мой съезд!.. Сердце мое трепещет — я решил вступить в партию. Об этом еще не знает никто, кроме Нади. Однако я не совсем еще уверен, что достоин быть членом партии. Ведь ничего особенного я пока не совершил».

На своем рабочем месте молодой сотрудник старался изо всех сил проявить себя. Еще большую ответственность он почувствовал, когда его избрали секретарем комсомольской организации, в которой состояло одиннадцать человек. Приходя на работу, Рами каждый раз негодовал, видя кучи мусора, скопившиеся перед входом в редакцию, пока ему в голову не пришла идея привлечь комсомольцев, чтобы расчистить окружающую территорию и посадить деревья. На поверку же это оказалось не таким уж и простым делом. Пришлось затратить уйму времени и энергии, чтобы пройти по разным инстанциям, выхлопотать машину с экскаватором и раздобыть саженцы. Рами остался верен своей доброй привычке сажать, где только можно, деревья. Но основные усилия он направил на улучшение работы доверенного ему отдела и для достижения этой цели искал единомышленников, частенько советовался по возникающим вопросам с одним из сотрудников редакции — молодым художником Гумером Мухаметшиным.

Мысль сделать газету более качественной и читабельной волновала Рами еще до того, как он начал работать в печати. С малых лет он хорошо знал, какое доверие испытывали люди к печатному слову. Дом, где были книги, считался благочестивым. Поэтому их берегли и отводили им самое почетное место. Жаль только, что новые книги были доступны далеко не каждому. Иное дело — газеты, которые ежедневно приходили в тысячи домов, доставлялись в библиотеки, в школы и в самые разные организации. А для наших людей, что жили в глубинке, главным посредником в их общении с остальным миром был «Совет Башкортостаны». Вот почему каждое сообщение должно было быть содержательным, а каждое слово — тщательно взвешено. Особые же требования предъявлялись к литературным произведениям. И это уже было непосредственной задачей отдела литературы и искусства, как и его заведующего Рами Гарипова, которому выпала большая честь занять столь ответственную должность еще в самом начале трудовой деятельности.

Между тем забот у молодого руководителя было значительно больше, чем поводов для радости. Он видел, что,

несмотря на все усилия, газета пока не блещет. Рами хорошо понимал, как необходимы им произведения, которые бы способствовали росту ее популярности. Но хоть вой, хоть головой об стенку бейся, все равно не добиться, чтобы литературным произведениям отводилось больше места. Да и те, что публиковались, вызвать сенсацию не могли, ибо терялись среди официоза, передовиц и в потоке скупых, сухих сообщений. Ко всему прочему, досадно беден был язык газеты. Богатство башкирского языка было востребовано не в полной мере, большое число слов заменялись русскими. Об этом много говорили и спорили, однако улучшить ситуацию не удавалось.

Характер официальной информации заметно изменился в середине февраля 1956 года, и тогда читатели стали зачитываться газетными сообщениями как увлекательнейшими приключенческими романами, с нетерпением ожидая свежих номеров. Газеты ходили по рукам, а возле щитов, где они расклеивались, постоянно собирались толпы людей.

Дело в том, что 14 февраля 1956 года в Москве открылся XX съезд КПСС, продлившийся более десяти дней. Ему суждено было стать поистине историческим событием, которое потрясло весь советский народ. Далеко не все документы съезда, разоблачавшие культ Сталина, были обнародованы, и сбитые с толку люди метались, задавая массой вопросов, на многие из которых не смогли найти ответа даже после публикации принятого 30 июня постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Непререкаемые авторитеты в одночасье были развенчаны, казавшаяся незыблемой вера пошатнулась, доверие к великому учению, которое исповедовалось у нас столько лет, было подорвано. Вскоре из парков и с площадей исчезнут многочисленные памятники Сталину, из книг будут изъяты его портреты, а через несколько лет из Мавзолея на Красной площади вынесут и забальзамированное тело вождя. Когда рушились величественные каменные изваяния вчерашнего кумира, в душах миллионов советских граждан угасали последние остатки веры.

И именно в то время было положено начало политическим преобразованиям в стране.

За десять дней до начала XX партсъезда воодушевленный предстоящим событием Раши Гарипов заявил, что это его съезд. То же самое могли бы, наверное, сказать очень многие из его сверстников. За десять мирных лет, минувших со дня Великой Победы, советский народ успел многого достичь. Вся страна представляла собой грандиозную стройку. Возрождались из пепла и руин города и деревни, появлялись новые населенные пункты. Возрос авторитет СССР во всем мире, крепло содружество социалистических стран. Все это вызывало у советских людей, а особенно — у молодых, неподдельную законную гордость за свою Отчизну. И на этой самой волне всеобщего воодушевления шла подготовка к партийному съезду.

«Это мой съезд!» Когда двадцатичетырехлетний комсомолец Раши Гарипов, работавший в республиканской партийной газете, писал эти слова в надежде на то, что грядущий всесоюзный форум коммунистов откроет перед молодежью новые перспективы для созидательного процесса, ему и в голову не могло прийти, какие великие перемены принесет он всей стране. Не только его поколение, но даже убежденные коммунисты, прошедшие закалку войной и борьбой с всевозможными трудностями, испытали настоящее потрясение от выступления на последнем заседании перед закрытием съезда Н. С. Хрущева с докладом, где он разоблачил преступную деятельность Сталина и созданный им режим личной власти.

Происходившие в те дни события описал в своих мемуарах один из делегатов съезда — народный поэт Мустай Карим. Приведу некоторые выдержки.

«Вечером 24 февраля, на самом последнем заседании съезда выступил Н. С. Хрущев. В своем докладе, растянувшимся на несколько часов, он перечислил допущенные И. В. Сталиным трагические ошибки, а также вольно или невольно совершавшиеся им на протяжении 30—35 лет бесчинства, преступления и прочие бесчисленные грехи. Он говорил с волнением и горечью, как будто сам только что обо всем этом узнал. В его речи звучали угроза и зло-

радство. Я не почувствовал тогда мстительности, но и без нее, наверное, не обошлось. Это я понял позднее, когда увидел множество других (крупных и мелких) примеров. Большую часть сказанного оратором я не принимал душой — сопротивлялся этому разумом...

...Когда доклад кончился, не все делегаты разом поднялись со своих мест, как это было днем. Люди сидели в оцепенении. Оглушенный, я вышел в фойе. Судя по всему, с другими происходило то же самое. Царило молчание. Я подошел к Файзрахману Загафуранову. Не успевая открыть рот, как он покачал головой. Председатель Президиума Башкирского Верховного Совета был сдержанным, умным человеком, отличавшимся широтой взглядов. Мы с ним не раз беседовали и сживали за одним столом. То, что было у него на душе, он выразил одной фразой: “Я будто с похмелья...”»

Когда я немного пришел в себя, в голове у меня зародились разные вопросы. Стали одолевать сомнения...

...Как я уже говорил, в тот февральский вечер, узнав о совершенных Сталиным злодеяниях, я испытал потрясение, боль, шок и растерянность. Это — во-первых. Во-вторых: меня настораживали противоречия в докладе Хрущева, который поклонялся прежде тем же идеалам, и не испытывал раскаяния за совершенное им самим, не дал оценку собственным поступкам и пытался выставить себя безгрешным».

Вот что пишет Мустай Карим о поведении на XX съезде Хрущева и о последовавших за его выступлением событиях: «Повторяясь, скажу, что его принцип “вчера сказал, сегодня отказался; вчера поклонялся, сегодня отвернулся” стал нормой. Главной чертой современников стал их отказ в период, называемый перестройкой и реформой, от того, что они делали вчера, от убеждений, от морали, оплевывание прошлого»*.

К этим наблюдениям и замечаниям народного поэта о причинах, приведших к краху великого государства,

* Мустай Карим. Сочинения. В 5-ти томах. Том IV. Уфа: Китап, 1998. С. 272–276.

исследователи отечественной истории еще не раз вернутся. А нам приходится довольствоваться лишь отдельными фрагментами.

Не часто найдешь письменные свидетельства, подобных Мустаю Кариму известных личностей, которые бы столь же ярко воспроизвели сложные, противоречивые чувства, охватившие советских людей после XX съезда. Верные делу партии, умудренные жизненным опытом рядовые коммунисты очень тяжело переживали начавшийся в стране процесс обновления. Многие осознавали неизбежность перемен, признавали необходимость восстановления справедливости, желали освобождения общественного сознания от довлевших над ним догм и стереотипов и в то же самое время с болью наблюдали, с какой опрометчивостью совершается ломка старого, с какой легкостью перечеркиваются создававшиеся несколькими поколениями нашего народа духовные ценности.

Если первоначально большинство советских людей, а в первую очередь — молодежь, были сбиты с толку стремительно развивающимся процессом, то уже вскоре, оправившись от шока, они с энтузиазмом восприняли исторические перемены. В 1956 году было положено начало периоду «оттепели», затронувшей самые разные сферы общественной жизни, включая литературу, и породившей совершенно новые явления.

Благодаря переменам, принесенным XX съездом, получили свободу и возвратились домой из тюрем и ссылок сотни тысяч уцелевших узников. Одна за другой начали публиковаться находившиеся долгие годы под запретом книги. Башкирскому искусству вернули имена Газиза Альмухаметова, Макарима Магадиева, литературе — Шайхзады Бабича, Мухаметши Бурангулова, Даута Юлтыя, Афзала Тагирова, Имая Насыри, Тухвата Янаби, Булата Ишемгула, Габдуллы Амантая и др. И отныне у Раши появилась возможность читать написанные опальными писателями произведения у всех на виду, а не украдкой, как прежде. Тогда же был открыт доступ к хранившимся в архивах документам, из которых можно было почерпнуть информацию о судьбах выдающихся представителей нашей

нации. Большим событием стало появление романа «Иргиз» Хади Давлетшиной, которая, будучи обвиненная как враг народа, совершила своего рода подвиг, в муках создав такое крупное произведение, и скончалась в 1954 году едва ли не накануне реабилитации безвинных жертв массовых репрессий. Этот роман поднял башкирскую прозу на новую высоту. С выходом же его в переводе на русский язык национальная литература приобрела большой вес в глазах других народов.

За весьма короткий срок в одном только Башкортостане произошло немало положительного. А уж если принять в расчет другие республики и страну в целом, картина и вовсе получится грандиозной!

В ином свете предстала в те годы отечественная история, особенно перед более молодыми поколениями. Оставалось удивляться, как люди жили, будучи лишенными стольких ценностей! Такого мощного общественного подъема страна не знала ни после октябрьского переворота, ни после культурной революции середины 30-х. Эти изменения открыли перед вступающими на литературное поприще невиданные возможности для творческого роста.

Работа в газете помогала Рами Гарипову находиться в самой гуще событий, происходивших в мире. Ему часто приходилось засиживаться в редакции допоздна, ведь сюда непрерывно поступала вся актуальная информация. Краткие сообщения, длинные речи и доклады, произносимые на крупных мероприятиях в Москве или в Уфе, с ходу переводились на башкирский язык, отправлялись в типографию и распространялись затем по всей республике. Этот ритм жизни Рами Гарипов передал в своем стихотворении «Свинцовый родник» (1956), который он посвятил своим коллегам по работе в газете «Совет Башкортостаны».

Сколько поколений поэтов трудились в поте лица в редакциях газет и журналов, тратя драгоценное время и напрягая зрение, чтобы довести до народа подготовленные ими материалы. Но был ли в башкирской поэзии кто-либо до Рами Гарипова, кто бы с той же теплотой отзывался о людях, занятых этим самоотверженным

трудом? Здесь, где отражается и концентрируется жизнь республики, особенно отчетливо чувствуешь пульс времени.

В самом деле, не замирающая ни на один миг газетная жизнь подчиняет любого диктуемой ею жесткой дисциплине. Печатному органу нет дела до того, поэт ли ты или писатель — скидок здесь не дают никому. В первые месяцы Рами был настолько увлечен работой и озабочен бытовыми проблемами, что ему было не до стихов. Редко когда удавалось что-нибудь накопать, и это его сильно удручало.

В номере «Совет Башкортостаны» от 12 февраля 1956 года была помещена подборка материалов к 50-летию со дня рождения Мусы Джалиля, в том числе, статьи земляков поэта — Сагита Агиша и Загита Шарки, близко общавшихся с ним в Оренбурге. Незадолго до этого вышел Указ о присвоении Мусе Джалилю звания Героя Советского Союза. В то время имя поэта не сходило с уст, и все печатные издания наперебой рассказывали о его героизме. Стихами, сочиненными им в Моабитской тюрьме под занесенным над его головой топором фашистского палача, татарский поэт возвел памятник непоколебимости человеческого духа, верности своему народу и Отечеству.

Разложив перед собой номер газеты, прославлявший мужество Мусы Джалиля, Рами просидел весь вечер в задумчивости. В тот день ему стукнуло двадцать четыре года. В переводе на летоисчисление древних — два восточных цикла! Когда Бабичу исполнилось столько же, жить ему оставалось всего лишь три месяца. Успев пропеть напоследок свою лебединую песнь — «Обращение к башкирскому народу», Шайхзада пал от рук озверевших врагов.

Подготовка к изданию книги Бабича еще только-только началась, и его творчество не успело пока стать достоянием народа. Рами же был с ним уже в известной мере знаком и при этом не переставал изумляться, каким образом удалось ему, равно как и Тукаю, создать за короткую жизнь столь великие стихи и поэмы. А ему в последнее время не пишется. И дело, наверное, не только в загружен-

ности. Взять хотя бы того же Мусу Джалиля, умудрявшегося творить в нечеловеческих условиях, которые даже представить себе страшно. Рами поражался его железной воле и стойкости. Как отметил в своей статье Сагит Агиш: «Муса Джалиль и через столетия будет служить людям примером преданности, любви к народу и Родине. Слава поэта никогда не померкнет».

В Уфу Рами Гарипов возвращался с радужными надеждами и верой в то, что его мечты о новом плодотворном периоде в творчестве начнут осуществляться чуть ли не сразу. Но не тут-то было. Жизнь далеко не всегда оправдывает ожидания, внося свои коррективы. Зачастую бывает и так, что с небес приходится опускаться на землю.

Рами думал больше, чем писал. Когда родившиеся были в голове строчки вроде бы уже вызревали настолько, что сами просились на бумагу, он вдруг останавливался, застигнутый очередным сомнением: нет, это не те слова. Поэт начинает дорабатывать стихотворение и спустя некоторое время получает, наконец, желаемый результат:

*Загадывать загадки любит жизнь,
Только успевай разгадывать!
Одну разгадаешь, как другую
Тут же тебе подбрасывает.*

*Мучаюсь над тысячью вопросов,
Чего только в голову не лезет.
Ищу ответа, где же правда,
Занятый поисками вечными.*

*А ведь к правде дорога одна:
Нужно в пути быть всегда.
Где народ — там и ступай вперед,
Если отстанешь — пропадешь.*

А недавно им было написано стихотворение «Каменный цветок». Увидев однажды высеченный из уральского самоцвета цветок, Рами, замороженный этим чудом, воскликнул в восторге:

*Сколь искусны руки народа,
Что способны из камня ваять цветок!*

Рами Гарипов назвал это овеянное таинственностью, своеобразное произведение балладой. Товарищам оно понравилось. Они от души поздравляли его с успехом. Да он и сам видел, что баллада ему удалась. Между тем поэт хотел сказать о своем народе и о родном крае нечто особенное, найти яркие, незабываемые образы — не хуже, чем у Бабича, написавшего о Башкортостане такие строки:

*Башкортостан, страна усад,
Бесценный клад, нетленный сад,
Где лев по имени башкир
Родился и увидел мир!**

Где и как отыскать слова, чтобы убедить читателя в том, что его родная земля достойна любви самого Аллаха. Чтобы они наполняли душу светом, запоминались с первого раза и передавались из уст в уста. Рами хорошо понимал, что для достижения столь благороднейшей цели требуются немалые силы и недюжинный талант.

Сколько лет писал он стихи, постигал премудрости поэтического творчества, сколько умных книг перечитал. А слова не всякий раз ему подчинялись. Почаще бы рождались у него стихи, подобные «Каменному цветку», которые бы давали ему чувство полного удовлетворения.

Казалось бы, миновали времена запретов и страхов, когда приходилось взвешивать буквально каждое слово. И хотя то, о чем говорил Хрущев на закрытом заседании под занавес XX съезда, дойдет до широких масс не сразу, лед уже тронулся. Сносились преграды, ограничивавшие свободу слова, рушились политические барьеры.

Впервые гласно произносились имена башкирских писателей — жертв массовых репрессий. Ровесники Рами Гарипова, его собратья по перу, не таясь, читали стихи Шайхзады Бабича и спорили. Его стихотворение «Башкор-

* Перевод С. Липкина.

тостан» пробирало насквозь, обжигало молодые сердца, особенно эти строки:

*Львы жаждут мщенья, если враг
Их землю топчет и тиранит.
Едва он к ним направит шаг, —
Пылая, кровь башкира прянет,
И если смертный бой с врагом,
Подобно грому, грозно грянет, —
Под грязным вражьем сапогом
Башкира честь лежать не станет!**

Вот как, оказывается, можно писать о Башкортостане! Рами давно уже знал эти крылатые строки, ставшие для его сверстников настоящим откровением. Впрочем, теперь и сам он, когда наступила пора гласности, стал лучше понимать как Бабича, так и многое другое, чего недопонимал прежде. У молодых людей появилась возможность смелее высказываться о судьбе родного края и нации.

В дни работы XX съезда, когда не только советский народ, но и здравомыслящие люди всего мира, включая политиков, ловили каждое слово, доносившееся из Кремлевского дворца, у Рами Гарипова, который приветствовал грандиозный форум восторженной фразой: «Это — мой съезд», был еще один повод для ликования: 18 февраля у него родился сын, для которого он уже заранее выбрал имя Салават.

«Я стану отцом! Странно, радостно и немножко смешно. Это значит, что я абсолютно нормальный человек!» — записал Рами в своем дневнике, еще будучи в Москве. И вот свершилось. Наступил день, когда он приобрел новый статус. Благословенный миг для каждого мужчины и для семьи, с нетерпением ожидавшей своего первенца... Сколько пар познали такие счастливые моменты.

Молодая мать ежедневно получала от мужа записки и отвечала на них. Поздравления, вопросы — все как у людей... Но для каждой семьи такое событие — единственное

* Перевод С. Липкина.

в своем роде и неповторимое. Записки, как правило, потом теряются. Рами же их сохранил, собрав в специальную тетрадь, на обложке которой вывел: «Палата № 6. Гариповой Н.». На первой странице можно увидеть надпись: «Письма, написанные после рождения Салавата. Февраль, 1956, Уфа». Данный факт лишний раз убеждает нас в том, насколько аккуратен был Рами. Но главное, что за этим стоит, — горячая любовь к жене и новорожденному сынишке.

Поэты, будучи не очень организованными, обычно не хранят такого рода реликвии. Но Рами Гарипов был не из их числа. Здесь он тоже остался верен себе. Благодаря его педантичности письма и наспех начерканные на клочках бумаги записки не потерялись и стали со временем незаменимым документальным материалом, позволяющим нам прочувствовать, чем жила в те дни молодая пара.

Заглянем в первое послание:

«Утро, 18 февраля 1956 года.

Дорогая Надя!

Большое-большое спасибо тебе, мать! Будь бодрой, крепкой! Я очень счастлив!!! Вся редакция рада. Скажи — что тебе купить, ладно? Твой Рами. Телеграмму дам сегодня».

В тот же день он посылает жене еще одну записку:

«Надя, дорогая!

Мне как-то не верится, что мы родители. Хожу как пьяный. Целую ночь не спал, с мучением родил газету...

...Какой он? Какие глаза? Какие ресницы?..»

Записки от Рами, ответы от Нади. В них нет ни единого отзвука каких-либо бытовых неурядиц. Они хранят лишь отблески искренних, светлых чувств.

Вот о чем писал Рами Гарипов 20 февраля: «Надя, дорогая! Горячо поздравляю тебя с трехдневной жизнью нашего Салаватика — самого маленького современника Двадцатого съезда! Сегодня ночью так много думал о вас, думал о съезде, и чем-то необычным переполнилось мое сердце, и всю ночь не мог спать. И писать не мог! Надя! Я принес тебе 14-й том Горького...»

21 февраля Рами приветствует своего сына шутивным стишком:

Дорогой мой Салаватка!

Купил тебе Батька

Неплохое одеяло —

Цвет его — алый!

А маменька Надя,

Что тебе надо?

Непрененно надо!

Надо — шоколада!

Надя тут же отвечает на это рифмованное послание: «Здравствуй, мой Рами! Очень благодарим за стихосложение и шоколад. Чувствую себя превосходно».

К письму от 24 февраля Рами приложил написанное по-башкирски стихотворение «Красота»:

Листья дерево красят, говорят.

Верно! С этим всецело согласен я.

А вот красят ли человека тряпки?

Красота такая меня не прельщает...

Но, увы, так, как я, считают не все.

По одежке встречают тебя кое-где.

Кое-кто за невежду тебя принимает

И на каждом шагу поучает.

Достойны жалости типы такие,

Мне даже больно за них:

И впрямь, признаю, наряд красив,

Да не виден под ним человек!..

В ту пору Надежда еще не вполне владела башкирским, чтобы понять содержание этого стиха. Но наступит время, когда она сможет говорить, читать на родном языке своего мужа и петь башкирские песни. А если бы она поняла присланное ей в тот день стихотворение, то наверняка от

души порадовалась бы за своего благоверного. Рами стал смелее в выборе слов и в то же самое время осмотрительнее. В этом нет никакого противоречия. Можно выражать свои мысли и чувства свободно, но при этом осторожно обращаться со словами. Нельзя ломать их, нарушать законы, природу языка и портить мелодику стиха. Такие требования Рами предъявлял как к себе самому, так и к приходящим в редакцию произведениям.

Когда начинаешь писать по вдохновению, очень непросто найти подход к сердцу читателя, не предаваясь пустой риторике. И какое удовлетворение испытываешь, когда тебе удастся отыскать и применить верный прием. Так, например, Рами перебрал несколько вариантов вступления к песне-здравице «Слава родному Башкортостану, слава!», пока не остановился на следующей строфе:

*Я с безграничным восторгом слежу,
Как над простором родного Урала
Кречет вольный парит величаво:
Слава родному Башкортостану, слава!*

Слова Рами Гарипова пришлось по душе композитору Рафику Сальманову. В итоге родилась замечательная песня о Башкортостане. Когда славишь родной край, и текст, и мелодия должны исходить из самого сердца, чтобы затронуть душу другого человека.

Добрые отношения у Рами с Рафиком Сальмановым сложились еще со времен учебы в Москве. И в дальнейшем в творческом содружестве они будут создавать песни, которые найдут отклик в народе.

...Выйдя на улицу после долгих раздумий, навеянных статьями о Мусе Джалиле, Рами поднял к небу глаза и встретился взглядом с взиравшей на него луной. Ей все нипочем — только и знает, что нарождается каждый месяц и убывает. Поначалу светится, похожая на тоненькую изогнутую бровь, потом утолщается, растет, пока не превратится в такой вот полный и круглый лик... И душа поэта нынче, под стать налившейся луне, с утра переполнена

какой-то необъяснимой тревогой. Несколько дней после того, как забрал жену и сына из роддома, он упивался счастьем, а теперь опомнился, и эйфории, как не бывало. Если нужда возьмет за горло, про радость забудь.

В каком сладостном предвкушении ожидали они появления первенца, полные самых светлых надежд. Все дни их и ночи были наполнены светом. Тогда же, впервые после длительного полугодового перерыва, Рами сделал в своем дневнике следующую запись: «Мы очень счастливы. Поэтому мне и не пишется. Ведь люди обычно пишут, когда им плохо или грустно. А счастье наше только-только начинается. Вот потому и трудно о нем писать».

Прочитав эти строки, он призадумался: как странно — счастливая пора проходит настолько быстро, что даже не успеваешь найти нужные слова для ее описания. Если бы она длилась подольше, возможно, было бы значительно легче выразить свое состояние. Радость, если и случается, то почему-то урывками, как накатит — так и отхлынет.

С рождением Салавата проблема с жильем еще более обострилась. С этой проблемой сталкивается едва ли не каждый выходец из сельской местности. Найти угол бывает чрезвычайно трудно, особенно семейным. Вот и Гариповы, приехав в Уфу из Москвы, не знали, куда бы приткнуться. Бывало даже, ночевали у кого-нибудь из знакомых в сарайчике, пока, наконец, не нашли приют у Халил-агая Халикова, предоставившего в распоряжение молодых комнатку в своем доме. Вот тогда и зажили они нормально. А теперь появился малыш, и им волей-неволей приходилось беспокоить хозяев.

Халиковы оказались приветливыми, хорошими людьми. В годы революции и Гражданской войны Халил-агай был активистом башкирского национального движения, соратником Заки Валиди и Мусы Муртазина, участником обороны Петрограда от Юденича. Не миновали его и репрессии 30-х годов: несколько раз Халил-агай сидел в тюрьме. Его жизнь — трагическая история, о многих эпизодах которой он поведал своему любознательному постояльцу.

Когда у Гариповых родился сын, хозяева их тепло поздравили. Но безмятежной их жизни пришел конец. Подыскать другое жилье — немыслимо. Поэтому Надя была вынуждена уехать на время вместе с двухмесячным Салаватом в Москву, благо, бабушке-украинке не терпелось помянуть башкира.

Рами остался один. За несколько лет, проведенных на чужбине, он стосковался по уфимской весне. Чувство обновления, которое она навела на поэта, еще сильнее растревожило его душу. Казалось, вот-вот снизойдет на него вдохновение. Но оно то ли заблудилось, то ли замешкалось, испугавшись житейских невзгод... А мысли между тем не давали Рами покоя ни днем ни ночью: «О мои мысли, остановитесь, пожалуйста, пойте!.. Нет, они меня не слушаются! Прямо голова раскалывается. Проснулся среди ночи и не могу заснуть. В комнате пусто и холодно. Нет возле меня ни сына, ни его матери. Если бы они были рядом, голова, наверное, не болела бы так... После вчерашнего дежурства я не стал возвращаться домой, решил переночевать в редакции. Наведался разок в типографию, после чего взялся за Горького...»

Еще в начале февраля Рами записал в своем дневнике: «Горький — основа нашей семьи. И одно из самых моих заветных желаний — заложить этот фундамент навечно». Сколько лет служил ему кумир духовной опорой. И то, что он, размышляя об основе своей семьи, вспомнил дорогое для него имя, является еще одним подтверждением его безграничной веры в великого писателя. Об этом же свидетельствует тот факт, что в качестве подарка жене, осчастливившей его сыном, он выбрал не что-нибудь, а том Горького! Есть ли еще на свете такие отцы, которые бы могли принести в роддом подобный подарок?! Даже если и бывают, то единицы.

Что и говорить, духовная основа у семьи Гариповых была прочной. Да вот только материальная — неважная. Начатые с энтузиазмом дела тоже наталкивались на всевозможные препоны. Если уж наделенное большими полномочиями руководство газеты тебя не понимает, на кого же еще рассчитывать?

Сколько раз молодой заведомо препирался с редколлегией и секретариатом, чтобы пробить стихи Шайхзады Бабича и Даута Юлтыя. А чего стоила ему очень важная для народа дискуссия по проблеме преподавания башкирского языка, литературы и культуры. Желających принять в ней участие, поддержать замечательное начинание было предостаточно, а как только дело дошло до конкретных шагов, возникли трудности. И Рами Гарипову каждый раз приходилось наведываться к главному редактору Гилемдару Рамазанову, чтобы «пробить» тот или иной материал.

С одной стороны, хорошо, когда газету возглавляет поэт и ученый в одном лице, но ведь ему приходится быть в первую очередь администратором. Образовательный же уровень многих сотрудников оставлял желать лучшего. Да и с башкирским языком некоторые были не в ладу. Скажем, если подобный работник, не зная какого-то слова, решив справиться в старом издании словаря, его не обнаруживал, то попробуй-ка переубедить такого, когда он с пеной у рта принимается доказывать тебе, что такого слова в башкирском языке вообще нет. Чего стоило Рами Гарипову во время дежурства выправлять подготовленные невеждами материалы, сколько скандалов он выдержал.

День ото дня его беспокоило все больше, что осуществление его планов срывается из-за чьей-то ограниченности. Дискуссию о языке вскоре и вовсе свернули, лишив тем самым общественность возможности поговорить по душам о наболевшем. При этом среди сотрудников редакции объявились «честные» коммунисты, поспешившие наклеить на комсомольца Гарипова ярлык националиста и вызвавшие наставить его на путь истинный. Столь беспочвенные обвинения Рами переносил тяжелее, чем проблемы с жильем, когда у семьи не было своего угла. Но он не привык отказываться от намеченных целей, не умел приспособливаться.

Судьба в очередной раз преподнесла ему жестокий урок, показав, что жизнь — есть борьба. Как выразился сам Рами, «в душе у него остались лишь тягостные чувства... Можно повеситься с горя, если невтерпех! Бороться же в одиночку нельзя! И даже несколько человек

не в состоянии с этим справиться. Везде молятся на тех, кто сидит наверху. Все боятся, трясутся за свои места. Ну а тех, кто радеет за народ, пока еще слишком мало. Таких гноили по тюрьмам, уничтожали. Уцелевшие ни живы ни мертвы от страха. Молодые же не умеют ни мыслить, ни переживать, ни гореть. Каждый, кто заделался начальником, “вывешивает лапти на почетное место”. Отхватив кабинет и хорошую квартиру, такие забывают про свой народ... И даже родной язык забывают!.. Люди перестают быть людьми...

А способные работать с самоотдачей джигиты вынуждены думать не о деле, а о пристанище. Жить негде. Нет денег, чтобы расплатиться с долгами, и вместо того чтобы гореть творчеством, они тлеют, живя ничтожными чувствами, размениваются по мелочам...

Дома тебя встречает жена:

— Дрова на исходе, деньги кончились.

Ребенок твой посинел от холода, плачет. Сердце рывается, голова трещит от проблем.

Какие же мы нищие — у нас нет ничего, кроме книг.

Старайся об этом не думать. И писать о таких вещах стыдно. Но не думать невозможно. И эти мысли топчут и унижают твоё человеческое достоинство.

Как бы ни старался держаться, а все равно сдаешься. Наговоришь жене сгоряча обидных слов из-за какой-нибудь чепухи, а потом мучаешься угрызениями совести. Бывают дни, когда после работы не тянет домой. Не знаешь, куда приткнуться.

Многие пьют, а мне даже это не с руки...

...Так тяжело, а иной раз делается просто невыносимо. Начинает даже казаться, будто теряешь веру в людей. И это — самое страшное!.. Хочется исчезнуть, забыться. Но нельзя ни забыться, ни исчезнуть. Надежда в душе пока что теплится».

Такие вот строки рождаются вместо стихотворных строф. В них отзвук драмы, за ними — нелегкая судьба молодых людей середины 50-х годов, жаждущих творчества.

С одной стороны — всеобщее воодушевление, порожденное Великой Победой, тотальная перестройка обще-

ства, начало которой было положено XX съездом, состоявшимся через десять лет после войны, и свобода слова, а с другой стороны — все те же трудности, в том числе преграды на пути творческих исканий, сопротивление и козни консерваторов...

Вот на что в основном уходили силы Рами Гарипова, вернувшегося из Москвы на родину с самыми благими намерениями. Может быть, как раз это и было причиной его творческого застоя. Эмоции, выплескиваемые им в дневниковых монологах, могли бы вылиться в стихотворные строки. Для этого у Рами было все — и искренность, и требуемая точка кипения, и жизненность. Но только он представлял себе поэзию иначе, стараясь не давать волю обуревавшим его чувствам. Ему хотелось писать так, чтобы не растравливать, а наоборот, утешать покалеченные войной души людей, и искать благотворные слова, которые бы воодушевляли народ, помогали облегчить переносимые им страдания и трудности. Но как же это непросто — находить теплые слова для других, в то время как сам прозябаешь в нищете, дрожишь от холода в нетопленной квартире, раздираемый на части всевозможными проблемами.

«ЯЗЫК НАРОДА — ЯЗЫК ПРАВДЫ»

Эти полные отчаяния записи были сделаны Рами Гариповым 16 февраля 1957 года, в первый день работы в Башкирском книжном издательстве. Тем самым он как бы подытожил полуторагодовой период своей работы в газете.

Последние проведенные в редакции дни отчетливо врезались ему в память. Именно в то время, с конца января по начало февраля, газета печатала одно за другим «Письма к братьям по перу» Мустая Карима. Они стали заметным явлением в литературном мире. Читатели ждали каждый номер с очередным письмом. Прежде подобные материалы не печатались. Наверное, поэтому экземпляры газеты ходили по рукам. А между тем никто не знал, как

реагировали на эти письма сами молодые поэты, которым они были адресованы: Абдулхак Игебаев, Рафаэль Сафин, Марат Каримов и Рами Гарипов...

В середине 50-х годов в башкирской литературе наблюдался новый подъем. В течение послевоенных десяти лет появлялись талантливые произведения, но только настоящие литературные открытия случались редко. Кризисный период переживала вся советская литература. Мужество и доблесть, проявленные советским народом в войне, и завоеванная им Великая Победа не могли не всколыхнуть дух патриотизма. Им были насыщены произведения разных жанров. Всеобщая эйфория привела к тому, что жизнь в них зачастую отображалась односторонне, лишь с благополучной стороны. А уже с середины 50-х прослеживается тенденция к анализу, к размышлениям о противоречивости жизненных явлений.

Этот сложный, извилистый путь исканий пришлось пройти как опытным башкирским писателям, так и поколению фронтовиков, выпустивших после войны свои первые книги. В те же годы в виде целых томов к читателям вернулось творчество репрессированных писателей (Афзала Тагирова, Даута Юлтыя, Имая Насыри), что положительно сказалось на состоянии нашей литературы, значительно расширив ее возможности, диапазон мыслей и ощущений современников. Наиболее же сильное влияние на формирование их творческого кредо и эстетических воззрений оказали вышедшие тогда произведения Шайхзады Бабича и Хадии Давлетшиной.

К концу 50-х заявили о себе: в прозе — Динис Исламов и Фарит Исянгулов, в драматургии — Нажиб Асанбаев и Асхат Мирзагитов, в критике — Гайса Хусаинов, Мидхат Гайнуллин и Зуфар Габсалямов. А если говорить о зарекомендовавших себя в тот период молодых талантливых поэтах, то одной-двумя фамилиями уже не обойдешься. Мустай Карим выбрал четверых из них, чтобы поделиться мнением об их творчестве.

В том, что он решил назвать свои размышления о первых книгах этих авторов как «Письма к братьям по перу», есть глубокий смысл. В нем угадывается некий под-

текст. Мустай Карим не собирался поучать их, он обращался к ним как к близким людям, как к коллегам. Эти публикации нельзя назвать обычной рецензией, каковые пишутся по избитому шаблону, когда вначале перечисляются достоинства произведения, а в конце высказывается пара замечаний. Автор предпочел эпистолярный жанр для доверительного разговора. В письме ты можешь обратиться к человеку напрямую, высказать ему свои соображения, а то и поделиться сокровенным.

Мустай Карим почти на равных беседует с молодыми коллегами, чей отроческий возраст пришелся на годы войны, откуда сам он вернулся с тяжелым ранением. Размышляя о судьбах этого поколения и пытаясь их понять, он ведет неторопливый разговор об особенностях видения каждого из четырех поэтов, отмечает их сильные стороны и недостатки.

Мнение Мустая Карима для Рами много значило. Молодой поэт не пренебрег ни одним из данных ему советов, заставивших его глубоко задуматься о той ответственности, которую берет на себя творческий человек. Впечатления от чтения «Писем» хватило ему на всю жизнь, ведь до этого никто еще не рассуждал о его стихах, как и о творчестве его сверстников-коллег столь искренне и основательно. Письма, написанные молодым поэтам Мустай-агаем, окрыляли и вдохновляли их. Назидания и критика не оставляли в душе чувства обиды.

Теперь все время Рами Гарипова принадлежало книгам. Прежде он даже не предполагал, что процесс подготовки рукописей к публикации может быть столь захватывающим. «Работать интересно, это моя работа», — если человек делает такое признание, оказавшись на новом месте, значит, он сделал правильный выбор, придя сюда. Иной раз ему попадались книги, которые уносили его в какой-то иной мир. Такое происходило с ним, например, во время чтения корректуры рассказов Рабиндраната Тагора. Рами испытал тогда настоящее потрясение. А вот что он записал в первый день весны:

«1 марта! Вот и началась весна 1957 года!.. Жизнь идет!.. Не успеваешь оглянуться, как проходит зима, приходит весна.

...Весна! Только вот почти не удается писать. Я уже давно не писал стихов. После писем Мустая Карима даже братья за них страшно. Возникло вдруг ощущение, будто я взвалил на себя непосильный груз.

...А между тем мне пока не удается сделать мой цикл единым. Как же хочется, чтобы все получилось ладно!..»

Нет, это был вовсе не страх, из-за которого обычно опускаются руки и затухает огонь вдохновения. Напротив, Раши ощущал задор, энергию и еще большую ответственность, чем раньше.

Невозможно забыть те слова, что автор «Писем» высказал напоследок в коротенькой заключительной части. Чем больше в них вчитываешься, тем сильнее проникаешься ими, особенно этими: «Одно мне ясно — вы уже крепко стоите на ногах... Сейчас не вы сами себе голова, а вся советская литература вам голова. Такова судьба поэта! Вы перед ней — перед башкирской советской литературой — теперь в долгу, в ответе за ее судьбу, за ее славу».

Многие из тех, кто прочел открытые письма Мустая Карима, поспешили к Раши и его собратям с поздравлениями. Эта публикация добавила сияния литературному миру, вдохнула в него свежий ветер. Обычно люди обращают больше внимания на похвалы или резкую критику, по причине чего окружающие, может быть, не придали значения этим строчкам, обращенным к Раши Гарипову: «Поэтическое восприятие дыхания времени, умение видеть собственную судьбу в судьбе современников, активная жизненная позиция, стремление к борьбе за улучшение окружающего мира — в этом сила твоих первых произведений, это говорит о твоих поэтических возможностях». Сам же Раши их не забыл, особенно следующие слова, которые он даже подчеркнул: «Однако это пока всего лишь огонь щепки, от которой должны загореться дрова в печи. Нужно, чтобы огонь разгорелся. А то ведь бывает, что щепка сторит, а поленья не загораются. В отношении к судьбе поэта — молодое пламя иной раз так быстро расходует, что не успеваешь набраться ни ума, ни жизненного опыта. Тебе следует об этом хорошенько подумать».

В первые дни Рами то и дело перечитывал это обращение, из-за чего имевшийся у него на руках экземпляр газеты быстро истрепался. По истечении большого промежутка времени понимаешь, что слова одобрения в письмах, которые Мустай Карим писал в декабре 1956 — январе 1957 года, находясь в Доме творчества писателей в прибалтийских Дубултах, имели целью приободрить молодых поэтов, придать им уверенности в своих силах. И они должны были воспринимать их не как признание, а скорее как аванс.

1957 год Рами встречал с семьей на новом месте — в квартире, которую они сняли на улице Сайфи Кудаша: «В моей жизни это самый тяжелый адрес! Хозяину мы задолжали почти две тысячи. Чтобы расплатиться с ним, мне пришлось заключить договор с издательством на перевод рассказов И. Франко... Дома холодно, дрова кончились, ребенок мерзнет, жена беременна, а внутри у меня все клокочет от злости».

Однако молодость брала свое. Жизнь продолжалась. Среди коллег были люди, с которыми можно поговорить по душам. Рами общался с Маратом Каримовым. Они читали друг другу свои стихи. И когда встречались с художником Гумером Мухаметшиным, тоже не могли наговориться. А день возвращения Рафаэля Сафина из Москвы превращался в настоящий праздник.

Коллеги Рами Гарипова по работе в издательстве Саях Кулибай, Зуфар Габсалямов, Габдулла Байбурин, Шакир Биккулов, Василий Трубицын, обсуждая литературные новинки, спорили, бывало, до изнеможения. Да и других поводов для дискуссий хватало, поскольку вокруг происходило столько важных событий — не только в литературе, но и по всей стране.

Поскольку рукописи шли через издательство нескончаемым потоком, сюда постоянно навевывались писатели. Рами по-прежнему собирал книги, влезая ради этого даже в долги. Стоило ему увидеть что-нибудь интересное, как глаза у него загорались.

Вот поступил в продажу Стефан Цвейг, а в кармане у него — ни гроша. И Рами побежал напрямик в «Ленинец»

в надежде на Марата Каримова. А тот оказался, как на грех, в командировке. Но он не упустил-таки книгу. Забыв обо всем на свете, Рами с упоением читал Цвейга, когда после занятий в вечерней школе вернулась уставшая и голодная Надя. А дома — хоть шаром покати. И тогда он предложил ей:

«— Давай сварим вкусненькой картошечки и поедим!

Она нехотя принялась чистить картофель. А я в это время читал ей на кухне, каким Цвейг обрисовал Горького. Удивительные, вдохновенные слова!..

Все, что пережил и испытал в своей жизни Горький, описано как восхитительное стихотворение.

— Вот видишь, — говорю я, — Горький мучился не меньше нас с тобой. А если сравнить его жизнь с нашей, то я вроде как дворянин!

Надя захохотала.

— Ну а ты — просто королева! У тебя есть что почи-
стить — у нас есть картошка!

— Скажешь тоже — дворянин!»

Когда жизнь хмурится, демонстрируя перед молодостью свою суровость, та глядит на нее с улыбкой. А радость творчества и вовсе заставляет забыть о невзгодах.

В Союзе писателей Рами Гарипову поручили очень ответственное дело — подготовить доклад о стихах Ангама Атнабаева. Он взялся было за него с большой охотой, однако к сроку успел написать лишь половину, так что дальше пришлось выступать без бумажки. Рами боялся, что растеряется и собьется, но он сумел-таки донести до слушателей то, что хотел сказать, поскольку продумал все заранее. Он говорил так, как будто кому-то что-то доказывал, и слова находились сами, выстраиваясь в логическую цепочку суждений.

Стараясь как можно шире представить творчество Ангама Атнабаева во взаимосвязи с поэтическими исканиями современников, Рами Гарипов счел необходимым напомнить о спорах, которые велись в последнее время вокруг «Слова о полку Игореве». Упомянул он в своем выступлении Юсуфа и Зулеху, Ромео и Джульетту, не обошел вниманием Гейне и Такташа, затронул тему натурализма и формализма. Рами не ожидал, что его будут слу-

шать с таким интересом. И хотя он не питал особой склонности к юмору, время от времени раздавались смешки. Молодой человек и сам себе удивлялся. Вот она, магия слов!..

В обсуждении стихов Ангама Атнабаева участвовало много опытных поэтов и среди них — Хаким Гиляжев, который, поблагодарив докладчика от имени секции поэзии, заметил: «Таких выступлений у нас еще не было». «Вот бы и в других секциях так выступали», — добавил Сагит Агиш. Заглянувший на следующий день в издательство Гайнан Амири тоже сказал, пожимая Рами Гарипову руку: «Спасибо тебе за вчерашнее удивительно искреннее, глубокое, доброжелательное выступление».

Итак, несмотря на то что Рами чувствовал себя вначале не совсем уверенно, с первым серьезным поручением он справился настолько хорошо, что удостоился похвал. Это памятное мероприятие, состоявшееся в марте 1957 года, положило начало творческим связям Рами Гарипова и Ангама Атнабаева, каждому из которых было уготовано собственное место в башкирской литературе. В дальнейшем предпринимались неоднократные попытки столкнуть их лбами, вбить между ними клин, но характер отношений этих двух больших талантов, совершенно по-разному выразивших себя в творчестве, определялся в первую очередь объективностью взаимной оценки создаваемых ими произведений.

К сожалению, ни текст, ни тезисы того мартовского выступления Рами Гарипова не сохранились, из-за чего нам трудно теперь судить о том, какими эстетическими принципами руководствовался в ту пору молодой поэт, впервые державший столь ответственный экзамен перед литературной общественностью. Однако наброски не исчезли бесследно. Они были использованы им в статье «Те, кто в пути», опубликованной в 1958 году.

В период, когда Рами Гарипову доверено было проанализировать творения его коллеги и доложить о результатах на заседании секции поэзии в присутствии представителей разных поколений литераторов, существенно выросли требования, предъявлявшиеся к эстетической стороне

создаваемых произведений. И в его беспрецедентном выступлении как раз и проявились основные тенденции, характерные для башкирской литературы той поры.

Изменения затронули в первую очередь поэзию. Усвоившие секреты поэтического творчества в московской школе, лучше других знакомые с мировой классикой, а также с современными течениями и тенденциями, Раши Гарипов, Рафаэль Сафин и Марат Каримов писали несколько иначе, по-новому выражали свои мысли. Однако не только это, но и возросшее внимание к природе поэтических образов, к структуре произведений, повышенные требования к мастерству, к умению вникать в нюансы слова, стало показателем происходивших перемен.

Мустай Карим отмечал: «После XX съезда у моего творчества появилось новое дыхание. Я говорил об этом раньше и впредь буду это утверждать». Для нас высказывание мудреца важно и теперь, спустя годы. В самом деле, XX съезд партии впервые дал народу почувствовать, что есть свобода слова, свобода выражения мнения. И пусть «Письма собратьям по перу» не имели непосредственного отношения к тому судьбоносному событию, забота о молодых поэтах, душевный разговор в складывавшихся новых общественных условиях все равно представляли собой отрадное явление.

Именно тогда Гайса Хусаинов первым из башкирских критиков выступил с обзором «Взгляд на поэтические достижения пятьдесят шестого года». Это было своего рода продолжение традиции, заложенной еще Белинским с публикацией статей «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и «Взгляд на русскую литературу 1847 года», ознаменовавших целую веху в развитии русской общественной мысли и давно уже ставших классикой. Заделом в данном направлении явилась опубликованная в свое время статья Мустая Карима «О некоторых литературных явлениях 1940 года». Из-за начавшейся вскоре войны начинание это не имело продолжения. А в 50-е годы Гайсе Хусаинову удалось наладить традицию ежегодного обзора. И то, что он начал с поэзии, вовсе не случайно. Значит, поиски и находки в данном жанре давали богатую пищу

для размышлений и представляли интерес в качестве объекта исследований.

В первом своем докладе об итогах литературного года на секции поэзии Гайса Хусаинов уделил особое внимание лирике. Подчеркнув, что ныне она занимает в поэзии особое место, он заметил: «Если в большинстве лирических стихов, написанных в 1954–1955 годах, предпочтение отдавалось теме любви, описанию природы, то в минувшем году наблюдалось стремление к более полному отображению разных сторон нашей богатой, сложной жизни и к более глубокому осмыслению в лирическом плане жизненной философии».

Критик концентрирует внимание на тенденциях, коим суждено было превратиться по мере развития поэзии в важные ее качества – преобладание лиричности, многообразие ощущений и переживаний, глубину философских размышлений. Речь здесь идет о явлениях, которые в дальнейшем определили судьбу поэзии, развили черты, свойственные образному мышлению.

Вот как заканчивалась, например, статья Гайсы Хусаинова о поэзии 1956 года: «В печати нечасто можно увидеть материалы с суждениями поэтов о поэзии, о творчестве. Поэты крайне редко пишут о творчестве коллег и не занимаются анализом их новых произведений. Поэзию должны оценивать не только критики; в этом обязаны принимать участие писатели и поэты».

Молодых поэтов критик выделять не стал, ограничившись лишь перечислением названий их книг: «Почки» Марата Каримова, «Веление жизни» Рафаэля Сафина, «Тепло земли» Карама Бакирова, «Родная земля» Абдулхака Игебаева. Остальных же он и вовсе не упоминает. А ведь именно в то время Мустай Карим писал «Письма братьям по перу». Что ж, у каждого свое видение, собственный взгляд на ход жизни и, соответственно, на развитие поэзии. Впоследствии Гайса Хусаинов будет более внимателен к молодым, все смелее заявляющим о себе в этом жанре.

Рами тоже не выступал в печати с анализом книг коллег, но он и без того каждый свой день посвящал литературе. Если вначале он был страстным книголюбом

и испытывал неодолимую потребность писать сам, то потом, работая в газете, благословлял чьи-то произведения или, напротив, отвергал их. А теперь Рами Гарипов занимается подготовкой книг как таковых, обеспечивает их выход к читателю, понимая, что качество публикуемых произведений напрямую зависит от его усердия, добросовестности, образованности и требовательности. Едва Рами приступил к работе, а ему уже доверили редактирование избранных произведений Бабича, Юлтыя, басен Крылова, альманаха «Молодые голоса», рассказов Тагора, книги Горького «Фома Гордеев». И он с воодушевлением взялся за этот труд.

Даже в те моменты, когда условия жизни становились просто невыносимыми и он готов был разувериться в людях, сомневаясь чуть ли не в каждом, Рами старался не терять самообладания и выдержки, продолжая жить надеждой. Человек, который закалял себя сызмальства, не может спасовать перед трудностями и сломаться.

Все это, конечно, верно, однако нынешняя зима, когда стыло не только тело, но иной раз и душа, навечно ему запомнится. А между тем в скором времени ожидается прибавление семейства — перспектива, которая тревожит больше, чем радует.

«До чего же хочется хотя бы на три-четыре часа в день полностью отключиться от внешнего мира, никого не видеть, не слышать и писать до одурения... С работы возвращаюсь домой с одним желанием: посидеть, поработать хоть пару часов» (8.04.57).

Наконец долгожданное время наступило. «Мы поедem в Москву, и ты сможешь спокойно поработать», — сказала ему как-то Надя, закончившая учебу по договоренности с директором школы чуть раньше. И уже 26 апреля Рами проводил жену с сыном в Москву.

На поверку же оказалось, что и к одиночеству, которого жаждешь, нелегко привыкнуть. «На душе так пусто» (28 апреля). «Скучно! Мне не по себе. Даже среди людей ощущаю себя совершенно одиноким» (29 апреля).

Бывает же такое — маешься, не находишь себе места от невозможности творить, а как только желание исполняется, впадаешь в тоску от чувства одиночества.

Но череда последующих событий быстро развеяли тревоги и печаль: 30 апреля прогремел первый гром, потом наступил Первомай – повод для общения, приятного времяпрепровождения с приятелями. А 2 мая Рами Гарипов написал стихотворение «Родной язык».

У большинства из нас почти вся жизнь проходит в трудах, в занятиях профессиональной деятельностью и в прочих повседневных хлопотах, но в один прекрасный день над головой как будто разверзается небесный купол и открывается некий заветный канал, через который мы подключаемся к вселенной. Возможно, именно в тот момент мы этого не осознаем, но свет, который снизошел на нас в виде вдохновения, навсегда остается в том, что мы сотворили в благословенный час. У каждого творческого человека бывают в жизни такие чудесные мгновения.

Стихотворение Рами Гарипова «Родной язык» как раз и является одним из произведений, на котором есть отблеск того волшебного света. В день, когда поэт его создал, он должен был почувствовать такое облегчение, как будто избавился от какого-то непосильного гнета. Возможно, оно было написано на одном дыхании и поэт поначалу сам еще не осознал ценность и значение нового творения: «Стало не по себе. И я пошел к реке. В этом году Агидель до того разлилась, что не видно ни конца ни края».

Когда это было – уже после написания «Родного языка»? Или наоборот – прогулка по берегу Белой вдохновила его, заставила взяться за перо? Доподлинно неизвестно. Но не в этом суть. Самое главное заключается в том, что в душе Рами было половодье вдохновения, причем именно весной, когда реки выходят из берегов. Забылись мелочи жизни, и даже не читалось, как недосуг было взяться за дневник. Май, начавшийся с «Родного языка», прошел в беспрестанном творчестве. И в последний день месяца поэт подытожит: «Наработался всласть! Для меня это были самые светлые, самые чудные дни».

Возможность работать с упоением и отдачей выпадала ему далеко не всегда. Поэтому он редко произносил такие слова. Если «Руки матери», написанные в московский период, стали предвестником нового этапа в творчестве

Рама Гарипова, то в отношении «Родного языка» можно было бы сказать, что в этом стихотворении заложена квинтэссенция главной идейно-эстетической программы его поэзии.

Любовь к родному языку, размышления о судьбе нации, о верности народу, забота о будущем его духовного богатства — все это копилось в душе поэта долгие годы, пока не вылилось, наконец, в четыре строфы своеобразного поэтического манифеста.

Стихотворение «Родной язык» создано не по социальному заказу и не является данью политической конъюнктуре. В нем присутствуют применимые к любой эпохе непреложные, универсальные истины. Многие из этих прописных истин сконцентрированы в великих религиозных творениях человечества, в народном творчестве, их ежедневно повторяют в молитвах, в пословицах и поговорках.

Тот факт, что великие образцы человеческой мысли упоминаются в одном контексте со стихотворением «Родной язык», ничуть не означает, что мы пытаемся поставить его на один уровень с этими вечными ценностями. Но вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что до Рама Гарипова никому из наших поэтов не удавалось выразить эти известные всем истины столь емко и с той же прямоотой.

Итак, 2 мая 1957 года башкирская поэзия обогатилась новым творением:

И родной язык,
и красивый язык,
Отца-матери язык!..

Тукай

*Из цветочного сердца народа
Собираю слова, как нектар,
В золотые поэзии соты
Их кладу, как божественный дар.*

*Мой язык не бедней, чем другие,
Не устану я им дорожить.*

*Нежен он, как цветы полевые,
Он — богатство народной души.*

*Мой язык — это Родины голос.
Без него жить стране не дано.
В ком достоинство живо и совесть,
Тот язык не забудет родной.*

*Он — язык и певцов, и поэтов,
Он бессмертен, богат и велик,
Добродушный, красивый и светлый
Материнский исконный язык.**

В этом стихотворении нет ни впечатляющих своей исключительностью образов, ни неожиданных сравнений, ни космической масштабности, ни каких-либо рушащих традиции особых форм. Все выдержано в привычных поэтических рамках и выражено простыми словами. Однако в неторопливо и плавно следующих друг за другом строчках сконцентрировано столько энергии. И если мы даже повторим справедливое утверждение, что величие — в простоте, содержание стихотворения Рами Гарипова «Родной язык» не раскроется само собой. Чтобы понять всю его глубину, потребуется вдумчиво прочитать каждую строфу от начала до конца.

*Из цветочного сердца народа
Собираю слова, как нектар...*

Неразрывный, священный союз поэта и народа воспевали многие поэты задолго до Рами Гарипова. Стоит только задуматься об этом единстве, как в памяти тут же оживают пламенные слова поэта-воина Салавата Юлаева:

*Кто не хвастал, мол, батыр я —
Только в битве проку нет;
И кто хвастал, мол, сэсэн я —
Тот врагу не даст ответ.*

* Перевод А. Могучева.

Мажит Гафури сформулировал свое творческое кредо четко в 1912 году в стихотворении «Я и мой народ»:

*Шаг ступлю
И оглянусь в тревоге
С мыслью о шагающем
Следом народе.*

А сколько любви к народу и боли вложил в свои стихи Шайхзада Бабич:

*Пусть жертвой безвременно лягу,
Пусть юности минет пора, —
Народу принес я присягу
Из золота и серебра.**

Великий Тукай тоже призывал соплеменников: «Пойдемте служить народу...»

Как видим, каждый поэт, считающий священным долгом служение народу, по-своему выражает к нему отношение.

Что касается Раами Гарипова, то он начинает развивать эту вечную тему с образов, к которым никто до него прежде не обращался: уподобляя поэта пчеле, он изображает его собирающим нектар из неувядающего цветка — из сердца народа, и наполняющим этим медом соты своей поэзии.

Уже в первой строфе на примере кропотливого пчелиного труда он показывает суть творчества. Поэт прибегает к такому приему, чтобы заявить, защитить и утвердить свою принципиальную позицию. Далее, от строфы к строфе любовь к родному языку и озабоченность его дальнейшей судьбой становятся все осязаемее. А чтобы утверждаемую им истину невозможно было опровергнуть, он прибегает к выражениям, достойным стать пословицами. Какую строчку ни возьми — готовые афоризмы: «язык народа моего — язык правды», «язык родной — язык сэсэн», «не любящий язык родной Отчизну не полюбит» и т. д.

* Перевод С. Липкина.

Судя по всему, это сплошь состоящее из такого рода премудростей стихотворение было написано Рами Гариповым за один день, а может быть, и за пару часов. Но потребовались годы, чтобы оно созрело в его душе и вызрело в его сознании. Иначе бы он не сокрушался, что «у нас мало людей, которые всем сердцем болеют за свой народ». А у Рами сердце болело частенько, особенно когда ему, работая в газете, а потом в издательстве, приходилось отстаивать свою правоту в спорах с людьми несведущими, не разбирающимися в тонкостях башкирского языка. С малых лет восхищавшийся его богатством, занимавшийся еще в пору ученичества и студенчества составлением словариков, неустанно фиксирующий в тетрадях тысячи пословиц и поговорок, он, как никто другой, знал цену слову, знал силу и власть слова, преклонялся перед ним и должен был, рано или поздно, создать подобное произведение.

Несмотря на то что стихотворение написано в традиционной форме наиболее распространенного размера десяти-девяти слогов, «Родной язык» скорее напоминает кубаиры, исполнявшиеся сэсэнми на всенародных съездах-йыйынах. Значит, дело было не только в выборе новых форм, а в содержании, как и в том, что поэту удалось придать блеск старым словам и по-новому озвучить поднимавшиеся задолго до него проблемы. А приводимые им в качестве эпиграфа хорошо знакомые многим поколениям слова Тукая «и родной язык, и красивый язык, отца-матери язык!..» воспринимается как завет предков потомкам.

Подхвативший эту добрую эстафету заботы о родном языке, Рами не стал выискивать и придумывать необычные образы, но тем не менее сумел проявить себя как новатор. В данном случае новаторство поэта состояло в том, что ему мастерски удалось добиться единства слова и мысли. Стихотворные строки насыщены содержанием, в произведении нет пустот и, как говорится, ничего ни прибавить, ни убавить. В итоге автор достигает высокой концентрации разума и чувств. Поэт чуть сдерживает эмоции, стараясь сделать свою мысль более доступной и наполнить каждое слово глубоким содержанием. В стихотворении

«Родной язык» тревожные раздумья о судьбе языка доводятся до совершенной поэтической формулы, которая становится непоколебимой верой в родное слово и утверждается в сознании каждого читателя. Невольно возникает ассоциация с универсальными математическими формулами.

Забегая вперед, хотел бы обратить внимание на один факт. С начала 60-х годов мне приходилось вместе с Рами Гариповым участвовать в поэтических вечерах, и я могу засвидетельствовать: каждое свое выступление он начинал непременно с этого стихотворения и никогда этому правилу не изменял. Значит, он считал его самым важным в своем поэтическом творчестве. В течение двадцати лет после создания этого произведения Рами написал еще немало замечательных стихов, но больше всего дорожил он «Родным языком».

Это стихотворение имеет не только художественную ценность. В нем проявился также пророческий дар Рами Гарипова, предвидевшего грядущие драматичные события. В 1957 году, в год создания произведения «Родной язык», явной угрозы национальным языкам в стране еще не было. Но достаточно скоро стало ощущаться давление официальной политики, государственной идеологии. Не только в областях, но и в автономных республиках России преподавание предметов в большинстве национальных школ было переведено волевым решением на русский язык. В ходе кампании, задумывавшейся якобы из благих побуждений во имя прогресса, происходил отрыв людей от национальных корней.

Многие национальные поэты решительно выступили против духовной дискриминации народов СССР. Среди них был и Расул Гамзатов, чье произведение «Родной язык» прозвучало на всю страну громким протестом.

В литературе происходят иной раз удивительные вещи. За примером далеко ходить не надо. Достаточно сопоставить творение знаменитого аварского поэта со стихотворением Рами Гарипова. У них одно и то же название. Но справедливости ради отметим, что прежде чем «Родной язык» Гамзатова достиг пределов Башкортостана, здесь

уже хорошо знали «Родной язык» Рами Гарипова, заставившего башкирских читателей всерьез задуматься об угрозе, нависшей над судьбой их нации. Однако, несмотря на это, как и на тот факт, что на территории СССР бытовало множество других народов, никак не меньше озабоченных возникшей проблемой, самым смелым и решительным защитником родного языка был признан поэт из Дагестана.

До того, как прозвучало воззвание Расула Гамзатова, у Рами Гарипова уже было написано стихотворение, с которым он встретил опасные для судеб народов нововведения. И далее, по мере обострения языковой ситуации, актуальность его росла. Наверное, поэтому башкирский поэт свое каждое выступление начинал именно с него.

Можно привести еще один пример любопытных совпадений. Но на этот раз речь пойдет не о Рами Гарипове, а о его друге Рафаэле Сафине. Среди любителей поэзии в нашей республике мало тех, кто не знал бы его стихотворения «Дикие гуси». Оно распространилось в народе сразу же после публикации. Его и по сей день читают со сцены. Поэт воспевал в нем погибших в сражениях солдат, возвращающихся на родину каждую весну дикими гусями. Проникновенные слова этого стихотворения никого не оставляли равнодушными. В ту пору, когда Рафаэль Сафин читал его перед внимавшей ему с трепетом публикой, еще не было знаменитой песни «Журавли», написанной Яном Френкелем на слова Расула Гамзатова. А когда она облетела всю страну, завоевав сердца миллионов людей, знакомые с башкирской поэзией наверняка сопоставляли с ней «Диких гусей» Рафаэля Сафина. Так что образ превратившегося в птицу павшего на поле боя солдата был известен нашему читателю еще до появления «Журавлей» Расула Гамзатова.

Такие вот происходят в нашей жизни казусы. А сколько известно нам случаев из истории, когда по причине невостреманности в России сделанного нашим соотечественником того или иного научного открытия либо технического изобретения, первооткрывателем объявлялся иностранец...

Наряду с наметившимися в середине прошлого столетия опасными тенденциями, от пагубных последствий которых предостерегал Рами Гарипов, к концу 50-х годов появились условия для укрепления связей между народами СССР. В тот период заметно возросло внимание к литературам национальных республик, переведенные на русский язык книги стали публиковаться все чаще. Важной вехой в данном направлении явилось создание Союза писателей РСФСР. И настоящим событием для нашей республики стало проведение в Уфе в 1958 году организационного пленума, на который съехались многие видные российские писатели. На нем обсуждались актуальные вопросы, представлявшие взаимный интерес. К этому мероприятию башкирская литература подошла с очевидными достижениями, немалая доля которых принадлежала молодым поэтам, в том числе и Рами Гарипову.

Как мы уже знаем, май 1957 года оказался для него на редкость продуктивным. В тот месяц он написал довольно много стихов, задуманных им для нового сборника. Каждое из них шло от сердца и было дорого автору, но особое место среди них занимал «Родной язык», при создании которого Рами Гарипов взвешивал буквально каждое слово. Написав это стихотворение, он многократно перечитывал его и всякий раз невольно восхищался, в чем не решился бы признаться даже близким друзьям. И только в письме жене за 11 мая он пишет: «У меня, оказывается, очень много новых стихов, около пятидесяти! А вот последнее — самое лучшее и самое нужное: “Родной язык” (Рами Гарипов приводит его полностью. — Р. Б.)... Надя, если бы ты знала, как это мощно и гордо звучит на башкирском языке! Почти каждая строка — пословица, рожденная в моем сердце, — для сердца! Все мои стихи можно забыть, но это стихотворение нельзя забыть тому, кому дорог башкирский язык! Я не сказал, как Тургенев о русском языке, что мой язык тоже “великий”, но сказал, что этот язык не низкий, а кто его считает таковым, тот сам низок».

То, что поэт, говоря о своем новом творении, употребляет столько восклицательных знаков, говорит не столько

о высокой самооценке, сколько о степени требовательности к самому себе. Судя по предыдущему фрагменту, Рами Гарипов создал около полусотни стихов, что вызывает недоумение, поскольку указанное им количество намного меньше числа опубликованных им тогда произведений. Они не вошли ни в какие сборники и не сохранились даже в рукописном виде в его личном архиве. И дело тут вовсе не в количестве, а в том, что в творчестве поэта наступил самый благодатный период – впервые с момента возвращения из Москвы. Кроме «Родного языка», в 1957 году он написал «Гостинец», «Полевые цветы», «Земля и небо». В таких стихах, как «Нелегко тебе будет со мной», «Последнее свидание», «Не обманывай себя» и других, преобладают философские размышления. Что же касается «Жеребенка» и «Скворца», то они привнесли в его творчество нечто новое. Здесь получили развитие и фольклорные традиции, и тенденции, обозначившиеся в детских стихах Габдуллы Амантая и Мустая Карима. Это были живые картинки, в которых раскрылись новые грани поэзии Рами Гарипова.

Ах, скворец ты мой, скворушка!

Вылети из гнездышка!

Коль домик по душе тебе придется,

Пусть песней радость разольется!

И вот уже поэт вплотную приступает к подготовке своей второй книги.

«ЦВЕТOK, ИЗВАЯННЫЙ ИЗ КАМНЯ»

В письме, где Рами полностью приводит стихотворение «Родной язык», есть такие слова: «Скоро я сдам свою книжку – и будет лучше!» Возможно, он написал это с целью успокоить жену. А может быть, поэт и в самом деле полагал, что работа над новым сборником близится к завершению. Только это было не так, и ему потребуется еще немало времени, чтобы осуществить свой замысел.

В своих дневниках и письмах Рами Гарипов неоднократно упоминает редактируемые им книги. Ему приходилось браться за обработку даже тех произведений, выход которых издательством не планировался. А ведь на все это уходило много сил и времени. Среди прошедших через его руки рукописей был и альманах «Молодые голоса», в связи с чем хотелось подчеркнуть следующее: если прежде подобные книги выходили лишь изредка, то ныне альманах, пользующийся самой большой популярностью у молодых авторов, издается ежегодно.

У него своя предыстория. Вторая половина 50-х годов ознаменовалась притоком в башкирскую литературу и, прежде всего, в поэзию, талантливой молодежи. В это время выпустили свои первые книжки Абдулхак Игебаев, Рами Гарипов, Марат Каримов, Рафаэль Сафин. Часто выступал в печати критик Гайса Хусаинов, делали первые шаги его коллеги Ким Ахмедьянов и Марат Мингажетдинов. Особенно часто печатались статьи и рецензии Зуфара Габсалямова, чье имя хорошо было известно как старшему, так и молодому поколению. В студенческие годы однокурсники полушутя-полусерьезно называли его Белинским, что, судя по всему, ему льстило.

При Башкирском государственном педагогическом институте активно работал литературный кружок, престиж которого возрос еще больше с преобразованием этого вуза осенью 1957 года в университет. В республиканской печати появлялись стихи студентов и недавних его выпускников Булата Рафикова, Миассара Басырова, Шакира Биккулова, Анура Вахитова, Ахмета Гайсина, Галима Давлетова, Ихсана Ахтамянова, Ягафара Вахитова, Мариуса Максютова, Раиса Фаткуллина, рассказы Мухтара Сагитова, Миннигали Якупова.

Студенты-то как раз и составили большую часть авторов альманаха «Молодые голоса». Собравшись сразу же после летних каникул, они пошли в издательство, чтобы сдать рукописи для сборника, выпуск которого был назначен на следующий год.

Количество выпускавшихся в те времена газет и журналов с нынешним изобилием и разнообразием периодиче-

ской печати просто несопоставимо. В республике выходила тогда молодежная газета «Ленинсе», да и та была всего лишь дуближом русскоязычной. Уж сколько раз молодые авторы обращались в высокие инстанции с коллективными письмами сделать башкирскую газету самостоятельной — все было без толку. А пробиться на страницы газет, находившихся в ведении обкома партии, и в журнал «Эдэби Башкортостан» молодым авторам было очень сложно. Поэтому каждый из них надеялся попасть в единственный в своем роде альманах «Молодые голоса». В издательство, где авторам выплачивались тогда приличные гонорары, несли свои рукописи не только студенты и рабочая молодежь. Не остались в стороне также фронтовики Фаик Мухаметьянов, Файзи Гумеров, Зайни Рафиков.

Гайнан Амири, внимательно приглядывавшийся к молодым поэтам, ежегодно собирал их на радио, организуя с их участием интересные передачи, выход которых в эфир и публикация альманаха «Молодые голоса» были важными и желанными событиями в литературной жизни той поры. Только, к сожалению, далеко не все одобряли инициативу Амири и его заботу о молодых. Некоторые посмеивались: «Ох, и любит Гайнан открывать таланты!»

А ведь поддержка молодых талантов — благое дело. И хотелось бы, чтобы среди старшего поколения было побольше таких открывателей и поменьше завистников и недоброжелателей, готовых подставить подножку.

По содержанию подборок, входивших в поэтические сборники, легко себе представить, какие проблемы волновали новое поколение. Позиция иных начинающих поэтов вызывает поначалу недоумение. Какие-то понятия они воспринимают с трудом или вовсе не принимают. Что ж, каждое поколение привносит в литературу новый опыт, выдвигает и провозглашает свои принципы. Это вполне закономерно. Сложившиеся за долгие годы традиции, эстетические принципы, воззрения и вкусы не могут оставаться неизменными. Когда-то Шайхзада Бабиш составил «Китабеннас...», нечто вроде энциклопедии, куда он включил свои эпиграммы. Некоторые из них были направлены против непререкаемых авторитетов, и даже по отношению

к своим прославленным учителям он позволял себе едкие выпады, полемизировал с ними в стихах и фельетонах. В 30-е годы свой собственный путь избрало поколение Саяма, не признававшее «поэтические законы» Юлтыя.

Развитие литературы обеспечивается за счет преемственности, неразрывной связи поколений, что вовсе не исключает противоречий. Нередко бывает, что новшества встречаются в штыки, отвергаются и оправдывают себя лишь позднее, с годами. Конфликты случаются не только между поколениями, но и среди самой молодежи.

XX съезд партии повлек за собой перестройку общественного сознания. Почти все подвергалось переосмыслению и пересмотру, в том числе и литературное наследие. Именно тогда вдруг выяснилось, что считавшиеся первыми башкирские романы на самом деле вовсе не были таковыми. Многие из того, что преподавалось студентам по истории литературы, оказалось ложным, в результате чего у молодых возникло недоверие к авторитетам. Когда стали публиковаться находившиеся под запретом произведения, кое-кто из писателей, считавшихся живыми классиками, был развенчан, а то и предан анафеме. Между тем далеко не все из возвращенного народу наследия принималось на ура. Взять, например, творчество Афзала Тагирова. В свое время созданное им стало прорывом на пути к освоению башкирской литературой крупных жанров. Но современный читатель не мог не видеть, насколько слаба была его проза в художественном плане, особенно романы «Красногвардейцы», «Красноармейцы» и «Солдаты».

Еще в самом начале, когда Раши перешел в издательство, ему пришлось участвовать в подготовке избранных произведений Юлтыя. 2 марта 1957 года он зафиксировал в своем дневнике некоторые возникшие у него в ходе работы мысли:

«Сижу над книгой Юлтыя. Но работать с полной отдачей почему-то не получается. Не понимаю тех, кто безумолку трещит, мол, Юлтый да Юлтый. Возможно, это издержки того, что его долго считали “врагом народа”? Не знаю...

Салям, Нигмати, Мустай Карим уже давным-давно таких, как он, обогнали!.. Только мы их пока не оценили.

А вот Бабич действительно поэт!..

В сборник включены даже самые примитивные стихи Юлтыя. Поэтическая культура, в целом, низка. Чувства и мысли есть, есть порыв, а вот мастерства не видно.

Как литературный факт, интерес он собой, безусловно, представляет. Однако нельзя же все списывать на эпоху, в которую жил поэт».

Такой вот взыскательностью и принципиальностью отличался Рами Гарипов, дороживший духовным богатством своей нации. Разумеется, он отдавал должное самоотверженности Даута Юлтыя, который готов был жизнью пожертвовать ради улучшения положения башкир, и отлично понимал, какое место тот занимал в литературе, как и его значение в борьбе за светлое будущее своего народа. Но в то же самое время молодой поэт не мог закрывать глаза на недостатки.

Процесс переоценки духовных ценностей и литературного наследия, предание гласности тщательно скрывааемых доселе страниц истории не мог происходить мирно и безболезненно. Особенно непримиримо была настроена молодежь. Некоторые повели себя настолько дерзко, что осмеливались предъявлять претензии даже к таким аксакалам, как Сайфи Кудаш.

В 1956 году вышла в свет его книга «Моя любовь», в которую вошли не только стихи поэта, но и тексты песен. Прослуживший литературе четыре десятка лет, выпустивший до полусотни книг на разных языках и прославившийся на всю страну Сайфи Кудаш считался в то время едва ли не главным столпом башкирской литературы. Воспоминания, написанные им в 50-е годы, ознаменовали важный этап в развитии мемуаристики.

Гайса Хусаинов откликнулся на новую книгу Кудаша рецензией в газете «Совет Башкортостаны» от 4.10.56 под названием «Любовь поэта». А Зуфар Абсалямов отреагировал в свою очередь и на поэтический сборник, и на отзыв критика статьей «Новый сборник поэта» на страницах журнала «Эдэби Башкортостан» (1957, №1). Вот как она

начиналась: «Критические статьи пишутся у нас примерно в таком духе: три четверти — хвалебные, одна четверть — замечания общего характера по поводу недостатков; как будто их композиция установлена неким незыблемым законом!»

Заявив, что от подобных штампов больше вреда, нежели пользы, Габсалямов безапелляционно замечает: «Такие статьи у Г. Хусаинова появляются в последнее время довольно часто... И его “Любовь поэта” — наглядный тому пример». Но по сравнению с его критикой стихов аксакала это еще мягко сказано. Рецензией Гайсы Хусаинова Зуфар Габсалямов воспользовался лишь для вступления, после которого он уже полностью переключился на разбор самой книги, дав ей однозначно отрицательную оценку. «Большинство стихов в сборнике Сайфи Кудаша таковы, что заставляешь себя прочитать их хотя бы раз, а дальше уже отпадает охота к ним возвращаться. А ведь стихи — это не газетные сообщения, они пишутся для того, чтобы их перечитывали много раз».

Поделившись общим впечатлением от сборника, он переходит к конкретным примерам. Вся его статья насыщена беспощадными замечаниями типа: «Многие произведения поверхностны, грешат риторикой и отличаются низким художественным уровнем»; «за словами, которые подбираются только ради рифмы, нет образов»; «малосодержательные стихи, лишённые внутренней силы, не воспринимаются как стихи»; «удручает то, что из-под пера такого многоопытного, маститого поэта выходят столь примитивные строки»; «здесь тоже бросаются в глаза пустословие, трафареты и риторика, неразборчивость в плане поэтического языка»; «уподобление простому рассказчику»; «частенько наталкиваешься на шероховатости, неудачные сравнения, на сумбурные предложения». И последний абзац напоминает скорее суровый приговор, чем доброе пожелание: «В сборнике очень мало стихов, которые можно было бы оценить положительно... Хотелось бы, чтобы такой большой поэт повысил требовательность к уровню своих произведений».

Статья Зуфара Габсалямова вызвала в литературном мире настоящую сенсацию. До ее появления столь резкой критике не подвергались даже книжки молодых, не говоря уже о произведениях маститых поэтов. Многие из выдвинутых Габсалямовым обвинений решительно отменил вставший на защиту Сайфи Кудаша Рашит Нигмати, написав статью «За критику, которая помогает продвигаться вперед» («Совет Башкортостаны», 23.03.57). Гайса Хусаинов, со своей стороны, дал ответ на скандальный материал на страницах журнала «Эдэби Башкортостан» (1957, № 4), упрекнув молодого критика в том, что тот дотошно выискивает в книге одни лишь отрицательные моменты, в то время как в них, наряду с недостатками, есть и немало положительного. Он называет его статью «дубинкой», которой тот замахнулся на критику.

Габсалямов явно пренебрег существующими правилами приличия. Как выразился Рашит Нигмати, «справедливые замечания тонут в общем гвалте, теряются в потоке бездоказательных обвинений, категоричных отрицаний, придинок и колкостей». А между тем выступление молодого критика заставляло задуматься, ибо он указал на изъяны, которые должны были заметить многие, только говорить об этом открыто никто не осмеливался.

Читая статью Нигмати, где он полемизирует с Габсалямовым, Рами невольно вспомнил свой недавний визит к уважаемому поэту. А связан он был с подготовкой к изданию сборника песен. Как только молодой редактор, на которого было возложена эта задача, начал просматривать тексты песен, волосы у него встали дыбом: если проявить принципиальность и взяться за них как следует, то надо будет потребовать от авторов очень многое перелопатить, а то и просто выкинуть. Но попробуй-ка заикнуться, сказать им, чтобы они внесли какие-то исправления. Вряд ли кто из них разбежится, захочет что-либо изменить. Это в лучшем случае. А то ведь есть и такие, кто в ответ на замечания может поднять такую бучу, что мало не покажется. Взять хотя бы фронтовика Шариф-агая Биккула, к которому Рами Гарипов всегда относился с уважением. «Ты был еще сопляк, когда я на войне кровь проливал! А еще

вздумал учить меня, как надо песни писать!» — накричал он на редактора и тут же удалился. Его послушать — можно подумать, что Рами Гарипов и его ровесники, потерявшие на войне отцов, сидели себе преспокойно в теплых избах и уписывали белый хлеб с маслом...

Отправляясь утром 12 марта на работу, он и без того был не в духе. Накануне у Рами была встреча с Рафаэлем Сафиним, каждый приход которого неизменно воспринимался им как праздник. Только на этот раз ему было не до веселья, хотя он и пытался скрыть свое состояние от друга. Когда Рафаэль рассказал о том, что виделся с четой Янбаевых и узнал, что те ждут пополнения, Рами с горечью подумал о Наде, которая собиралась избавиться от второго ребенка. И никакие доводы не могли заставить ее отказаться от принятого решения.

На душе у Рами Гарипова было муторно, и в таком настроении он приступил в тот день к работе. Однако всегда найдутся причины, чтобы расстроить человека еще сильнее. Сколько неприятностей доставляют, например, сотрудникам издательства некоторые посетители-горлопаны. А сегодня после обеда должны были встретиться в Союзе композиторов с авторами песен и сверить тексты, но мало кто из них явился. Из поэтов были Гайнан Амири с Хакимом Гиляжевным, из композиторов — Загир Исмагилов, Камиль Рахимов и Рафик Сальманов, от издательства — Василий Трубицын.

Когда Рами зачитал тексты и высказал свое мнение, Загир Исмагилов мрачно произнес, покачав головой: «Да-а, плохи дела!» Другие тоже были вынуждены согласиться с Рами Гариповым. В итоге приняли решение вернуть ряд стихов авторам на доработку и, пока они не пройдут обсуждение в секции поэзии, композиторам не отдавать.

К Нигмати Рами отправился уже после совещания. По просьбе Загира Исмагилова он отнес ему тексты.

Начало разговора между двумя упрямыми не сулило ничего хорошего:

— Таких плохих произведений вы еще не писали, Рашит-агай, — заявил Рами без обиняков. — Мы не можем принимать от вас подобных текстов.

— Знаешь что, кустым, твое мнение для меня не закон. Тебе мои песни не нравятся, а кому-то, может быть, понравятся. Их же поют.

— То, что поют — еще не критерий, Рашит-агай. Этот сборник не только для нас, его же будут переводить и на русский язык.

— Ну-ка покажи, что тебя не устраивает! — сказал Нигмати, хватаясь за текст. — Хуже Кадыра Даяна я пока еще не писал.

— И у Даяна есть очень хорошие песни.

— У Даяна хороших песен нет!»

Вот так начался их разговор, который Рами в тот же день воспроизвел в своем дневнике. «Пока он читал текст песни “Слава родной партии”, я сидел и думал: будь что будет, пусть он еще раз меня обругает, но, прежде чем уйти, я все же выскажу ему все, что хотел сказать». И у него хватило-таки смелости указать именитому поэту на недочеты.

Рами вспомнил, о чем писал Нигмати в статье «За критику, которая помогает продвигаться вперед»:

«Родина, партия, Ленин, дружба народов — главные темы советской поэзии. Нет ни одного советского поэта, который бы не писал на эти темы. Эти темы требуют масштабов и глубины публицистики, лирическое сюсюканье здесь просто неуместно. Поэтому в стихах С. Кудаша и других поэтов, написанных на эти темы, преобладает публицистический план.

И вот ведь что странно: З. Габсалямову его стихи о партии, о дружбе народов как раз и не понравились. Он одобрил только одно стихотворение — “Мы принесли”. Конечно, большая или меньшая доза публицистики не дает никому право категорически отвергать произведения такого плана. У критика вызвало, например, досаду стихотворение “Наша партия зовет”, где было многовато публицистики. И он постарался представить его в неприглядном виде, надергав из контекста отдельные строфы.

Чтоб беспросветно нищих

Сделать хозяевами этой земли,

Партия на заре Октября

Нас на праведный бой подняла.

Приведя эту строфу, З. Габсалямов пишет, что она не производит на него впечатление, не пробуждает в нем никаких чувств, а предшествующие ей потрясающие строки почему-то замалчивает:

*Дивлюсь я, глядя на эти нивы,
Крик восторга унять не в силах.
Пред взором моим,
подобно песне вольной,
Раскинулось родное поле.*

Если же привести эту строфу, все встанет на свои места, товарищ Габсалямов».

«Прямо-таки не знаешь, как на это реагировать — то ли смеяться, то ли плакать, ибо хваленые Раши-тагом «потрясающие» строки содержат самые что ни на есть избитые слова. Чем же они лучше?» — недоумевает Рами. И пусть ему сколько угодно внушают, что эти стихи хороши, все равно никто не сможет его переубедить.

Он долго спорил с Раши-тагом, отстаивая свое мнение. Когда Рами, приведя несколько строчек из его текста, сказал, что они звучат не по-башкирски и не совсем понятны, тот принял вначале его замечание в штыки, но, в конце концов, сдался, согласившись внести исправления.

Потом они стали разбирать припев. После критики Нигмати представил несколько новых вариантов. Но ни один из них молодому редактору не понравился. Неужто он перестарался: желая подправить бровь, выбил глаз? У Рами уже голова шла кругом. Это же все-таки песня! Ее будут петь, и она должна доходить до сердца, а не резать слух. Пусть песня «Слава родной партии!» звучит как настоящий гимн. Но как убедить в своей правоте опытного поэта? У него на все один ответ: «О вкусах не спорят».

Текст песни «Слава тебе, Башкортостан!» Раши-тагом не стал отстаивать и оставил у себя, пообещав поработать над ним. Рами воспринимал эту песню как башкирский вариант гимна Советского Союза, за исключением механически добавленного к ней припева «Слава тебе,

слава, свободный Башкортостан». Что это за образ? Ни цвета, ни запаха. Нечто вроде заготовки, концовку которой легко варьировать, подставляя названия того же типа, например, Казахстан или тот же Татарстан.

Выслушав это замечание, Нигмати спросил в свойственной ему манере:

— А какой, по-твоему, у Башкортостана цвет и запах?

Будь у него такой же голос, как у певца Магафура Хисматуллина, Рами показал бы, что имеет в виду. Он знал, что Рашит-агай обожал башкирские народные песни, пел их сам, да так, что брал за душу. Увы, далеко не каждому дается такой талант. И чтобы тот понял, что от него требуется, Рами прочел слова из песни «Урал»:

*О, мой Урал! Когда срезаю лозу,
Чтобы погонять коня,
Кровь батыров, погибших в боях за Родину,
Стекает по лезвию ножа.*

Переведа дух, он добавил:

— Здесь я вижу и горы, и ивы, ощущаю запах стекающей крови. В этих строчках — вся история, география и характер Башкортостана.

Нигмати отозвался не сразу.

— Так ведь эту песню народ веками слагал, — заметил он, немного подумав.

Рами давно уже испытывал потребность поговорить с Рашит-агаем по душам. С детских лет он помнил и постоянно повторял любимые строки из его поэмы «Прекрасные долины Агидели» и теперь впервые решился прочесть их самому автору:

*Урал!
Он пьет воды Ледовитого океана,
а хвост его плещется в Арале...*

— А разве это слагалось веками? — закончив, спросил он и добавил: — По-моему, такое произведение ни в чем не уступает народной песне.

Начавшийся с перепалки разговор незаметно перешел в задушевную беседу двух поэтов-единомышленников. Тронутый неподдельным восхищением, с каким Рами отозвался о только что прочитанных им строчках, Рашит Нигмати вспомнил, какую негативную реакцию они вызвали в свое время:

— А ведь в Москве сказали, что это чудовищный образ!

— Нельзя судить об образе по переводу. Разве русское название поэмы «Прекрасные долины Агидели» адекватно башкирскому? Или возьмем «Убей, сын мой, фашиста!» и «Ответы на вопросы моей дочери». Вроде бы все слова на месте, а по-русски звучит уже не так выразительно, как в оригинале. Что касается вашей поэмы, то я очень ее люблю и самого высокого о ней мнения.

Не надеясь, что им когда-либо удастся поговорить так еще раз, Рами решил, пользуясь случаем, поделиться со старшим товарищем наболевшим.

— Таких произведений сейчас нет. Вы не пишете, а другие не могут. Я считаю, что наша поэзия топчется на месте. Никакого движения вперед. Башкирскую поэзию подняли Саям, Нигмати и Мустай Карим. И никто их пока так и не превзошел.

— Придется это сделать вам, молодым: тебе, Марату Каримову, Рафаэлю Сафину.

— Не знаю, сможем ли мы писать, как вы.

— Писать надо. Сейчас у вас самая подходящая для этого пора.

Приведя в дневнике их диалог, напоследок Рами Гарипов пишет: «После этого разговор переключился на Зуфара, на Юлтыя, на редакцию, на язык и на чай».

Несмотря на разницу в годах, как и на то, что их взгляды и эстетические вкусы формировались в разное время, обоих поэтов волновали одни и те же проблемы. Кроме того, и тот, и другой отличались своим прямодушием.

Рами не переставал восхищаться тем, как Рашиту Нигмати удалось воплотить Урал в грандиозный образ и в военные годы превратить поэтическое слово в мощную силу, какой обладал кубаир. В потоке серых рукописей, проходившем через издательство, значение таких талант-

ливых произведений понимаешь еще лучше. Только когда же, наконец, поколение Нигмати и те, кто старше его, и молодые поэты перестанут множить напыщенные и трескучие оды, воспевая Отечество и партию, мир и дружбу между народами? Даже самые талантливые из них продолжают этим грешить. Хорошо еще, что критики стали понемногу перестраиваться, уже не ограничиваясь тематическими обзорами. Но почему наши литераторы продолжают оставаться в плену конъюнктурщины и не обращаются к злободневным проблемам, к современности? Нельзя же ради того, чтобы протолкнуть свои вещи в печать, писать только на актуальные темы. Если твое сердце не бьется в такт жизни народа, с произведениями-однодневками тебе не стать настоящим поэтом.

В последнее время подобные мысли одолевали Рами особенно часто. Он хотел видеть свою вторую книгу насквозь пропитанной духом любви к родному языку, думами о родной земле и о судьбе народа. Башкортостан для него не только самая близкая тема, это его радость и горе, гордость, а иной раз — страдание и унижение.

Перед отъездом Сафина в Москву на защиту диплома Рами с ним много общался. Они читали друг другу новые стихи, потом обсуждали их и снова читали. Поглощенные литературой, друзья забывали о времени. При этом нередко доходило до споров, заканчивавшихся порою взаимными обидами.

Однажды приятелям попала в руки выпущенная в Казани антология татарской поэзии и они принялись внимательно изучать ее, не пропуская даже мелких стишков. Каково же было их изумление, когда они обнаружили в сборнике произведения Шайхзады Бабича. Рами Гарипова взяла досада. Скольких трудов ему стоило напечатать подборку стихов Бабича в газете, а вот татарские коллеги уже успели включить в свою антологию стихи башкирского поэта.

Вспомнился ему еще один вопиющий факт: к 70-летию Галимьяна Ибрагимова Татарстан выпустил трехтомник его произведений, тогда как в самом Башкортостане, где тот родился, никто даже не удосужился написать о нем

хотя бы пару строк! Стыд и срам! Один лишь «Кызыл тан» опубликовал статью, да и то не нашего, а казанского ученого Халита!

— Хорошо работают! — воскликнул Рафаэль.

— И не говори, мы им не чета! — вздохнув, произнес Рами Гарипов. Он мог бы выложить начистоту все, что накипело у него на душе, будь он уверен в том, что приятель его поймет и поддержит. Уже тогда желающих навесить на Рами Гарипова ярлык националиста было предостаточно. Так что развивать эту тему было не в его интересах.

Вот уже несколько дней он вынашивает в себе новый стих, который будет называться «Сердце мое». В свой замысел Рами никого пока не посвящал, но близкому товарищу решил-таки открыться, прочитав уже написанные им три строфы. Начиналось же стихотворение так:

*Родная земля — будто сердце
Под вздыбленной грудью Урала.
Отсюда, как кровь по венам,
Бежит Агидель голубая.*

Поэт еще и сам не знает, какой будет концовка. Он надеется и ждет, что на него снизойдут какие-то особенные, необыкновенные слова. Какими они будут, Рами пока неведомо, но ему очень хочется, чтобы новое его детище было совершенным.

Он не совсем удовлетворен первыми строчками, считая, что нужно было выразиться более конкретно, чтобы всем было ясно, что речь идет именно о Башкортостане, и ему важно услышать по этому поводу мнение друга. Но тот не увидел между предлагаемыми вариантами существенной разницы. Между тем для Рами было принципиально, на котором из них остановить свой выбор. Для него это целая проблема, ибо под сердцем, о котором он писал, подразумевалось также и сердце поэта. А если в нем не будет народа, зачем ему жить и творить?

Стоит только затронуть эту тему, и мысли уже ничем не остановишь. Они цепляются друг за друга, будоража душу: «Башкортостан для меня не только родина, Башкор-

тостан – это мое сердце, вместившее в себя всю его историю. Это прошлое моего народа, настоящее и будущее. Думать об этом спокойно я не могу. А больше всего меня тревожит судьба нашего языка. Это самое больное мое место. Жизнь без родного языка лишена смысла и прелести. Наше поколение не должно бездействовать. Если упустим момент, после нас это уже никого не будет волновать. И тогда национальная культура останется лишь в истории...»

Голова поэта кипит. Круговерть тревог с проблесками надежды. Ему кажется, что судьба национальных культур и языков решается именно теперь. Во всяком случае, должна быть решена. Произойдет одно из двух: либо будут созданы благоприятные условия для их функционирования и развития, либо они погибнут в результате попыток изжить их, за счет ассимиляции и, в частности, русификации. Третьего не дано.

Откуда же поэту, при всей его прозорливости, было знать, что еще на протяжении очень многих лет будут вестись жаркие споры вокруг этих болезненных проблем, что с ними придется разбираться грядущим поколениям не только в текущем, но и в начале следующего века и тысячелетия, что и спустя полвека, как и полсотни лет до того момента, животрепещущие вопросы, касающиеся национальных языков и судеб малочисленных народов, не потеряют своей актуальности и что однажды возникнет глобальная угроза существованию не только малых, но и больших наций всех континентов.

Впрочем, речь пока не об этом, а о судьбе национальных языков. Если и не было в те годы прямого наступления на них, если не столь явно претворялась в жизнь идеология, согласно которой должны были быть стерты национальные различия для создания единой общности – советского народа, то работа в этом направлении уже исподволь и последовательно проводилась путем воздействия на учебный процесс и на сознание родителей. Именно к концу 50-х годов стали проявляться коварные замыслы, имевшие целью искоренение национальных языков, когда повсеместно велись дискуссии по вопросу

об их бесперспективности и делались попытки посеять среди населения сомнение путем громогласных заявлений, будто выпускники национальных школ не смогут поступать в вузы. В 60-е годы эта антигуманная доктрина уже открыто внедрялась в жизнь как государственная политика. И если бы в свое время у Рами Гарипова было побольше сторонников и они бы объединились и действовали единым фронтом, возможно, в будущем плачевная ситуация с национальными языками не приобрела бы столь угрожающих масштабов.

Однако не зря говорят, что история не терпит сослагательного наклонения. Рассуждениями типа «Как бы развивались события, если бы было так, а не этак», сложившейся ситуации не изменишь. И пусть отдельные личности, заранее все предвидевшие, не встречали поддержки и подвергались гонениям, жизнь подтвердила впоследствии их правоту.

Больше всего Рами Гарипова удручало непонимание или зачастую нежелание понять то, что его волнует, со стороны приятелей-коллег. Мало кто из них переживал за родную литературу, язык и искусство так же, как он. Иной раз ему даже становилось невыносимо одиноко. Перебирая время от времени новые произведения коллег, Рами каждый раз испытывал разочарование, оттого что не мог найти в них созвучия его собственным умунастроениям.

Вернувшийся из деревни Рафаэль принес сочиненное им там стихотворение о повивальной бабке, представив ее как пример конкретного образа. Рами с ним не согласился, подумав про себя: «Нельзя же низводить литературу на уровень любимой девушки или жены, либо какой-то повивальной бабки». Он и себя постоянно подвергал нещадной критике, и с другими не всегда церемонился.

Такая возможность пообщаться в непринужденной обстановке, поговорить о литературе, почитать друг другу стихи, выпадала поэтам не часто. А когда мнения их по тому или иному вопросу расходились, бывало, вспыхивали и ссоры. Например, разве Рами мог сдержаться, не возразив Рафаэлю, заявившему, что Мажит Гафури — не поэт? Для него он был поэтом, народным поэтом.

Рами Гарипов был, несомненно, натурой увлекающейся, но куда уж ему было тягаться с приятелем! Стоило Рафаэлю чем-нибудь увлечься, про все остальное он забывал. Например, когда кумиром его стал Лермонтов, Пушкин для него уже не существовал. Причем увлекался он всерьез и надолго.

Как-то, когда приятели бродили по городу перед самым отъездом Рафаэля в Москву, им обоим пришли на ум строки Хади Такташа о ветерке, который распростерся на земле и поедает мартовский снег. Остановившись на крутом берегу Агидели, они долго вглядывались в горизонт, откуда долетало до них дыхание весны. Даже после того как Рами простился с другом и сел в трамвай, в ушах его звучали обрывки их разговоров. Надо бы изменить название стихотворения: «Сердце Урала» будет звучать лучше, нежели «Сердце мое». Речь ведь идет не только о сердце поэта. Это Башкортостан бьется, как пылкое сердце, в груди Урала. Мустай Карим сравнил его с березовым листком. Рами же как бы полемизирует с ним. Каждый поэт по-своему воспринимает и видит родной край. Этим-то они как раз и интересны читателю.

У Рами есть баллада, которой он дал название «Каменный цветок». Точно так же намерен он назвать всю книгу. Его строки «Народа чудодейственные руки в цветок и камень превратят!» наверняка вызовут у многих ассоциацию со словами Мустая Карима «Моя любовь, которой нет предела, цветами бы на камне расцвела». Что ж, нет ничего удивительного в том, что поэт вдохновляет поэта. Для поэзии характерны и образные ассоциации, и своеобразная полемика. Все это как раз и способствует укреплению связи между поколениями. С одной стороны, рождение таких образов, как «Цветы на камне» и «Каменные цветы», в системе мышления личностей, разделивших со всей страной труднейшие испытания, обусловлено самой эпохой, а во-вторых, сияние подобных находок в поэзии Башкортостана, страны самоцветов Урала, происходит от глубоких корней близкого к жизни творчества.

Из поколения в поколение на протяжении веков Урал вбирал в себя беды и чаяния башкирского народа. Жанр

«Сердца Урала» Рами намерен определить как сказ. И ему хочется завершить его на выдохе и с размахом, что свойственно народным сказам, эпосу. Наряду с такими стихами, как «Каменный цветок» и «Родной язык», сказ «Сердце Урала» должен образовать ядро второй книги.

Работа над сборником продолжалась до середины лета. Рами прочитал его приятелям, после чего состоялось обсуждение. Пока он дорабатывал свою вторую книгу, в их семье родился второй ребенок. Несмотря на то что вначале мать была настроена против, Аллах распорядился так, чтобы он увидел свет.

Между тем Рами продолжал вести дневник, хоть и не удавалось делать записи регулярно. Одна из них, за 3 июля 1957 года, заканчивается так:

«Звонил из Москвы Рафаэль: вчера у меня родилась дочь! Только эта весть почему-то не пробудила в моей душе никакой радости. Похоже, я превратился в человека с каменным сердцем. Подумал о попытке Нади избавиться от этого ребенка. Ребенок здоровый. Вот так, теперь я отец двоих детей, и мне 25 лет. А Наде — 24!.. Ей надо учиться, мне — писать. И у наших детей нет отчего дома и вообще ничего. А нас уж четверо!..

Как жить?

Голова идет кругом, если об этом думать, а не думать нельзя!

У птиц есть гнезда, а у людей нет даже своего угла. Не поймешь этот мир!..

Может быть, эти мысли как раз и мешают мне радоваться?

В последнее время я даже не в состоянии описывать то, что чувствую. А ведь в жизни моей происходят такие перемены! Сколько интересных и горестных событий! Сколько сомнений! За последнее время изменились даже мои взгляды на окружающий мир. Только вот писать об этом не хочется, да и нет на то ни возможности, ни времени».

Нельзя оставаться равнодушным, читая эти строки. Двадцать пять и двадцать четыре! Это самая прекрасная и радостная пора в жизни человека!.. С тех пор, как соединились два любящих сердца, прошло всего лишь два года.

За это время в молодой семье появился первенец. Рами Гарипов, одним из первых башкирских литераторов окончивший прославленный Литературный институт имени Горького, работает в издательстве и собирается сдать в производство новую книгу. Жена учится в вечерней школе. И только вчера ему сообщили о рождении дочери! Кто-то, наверное, обо всем этом и мечтать не смеет...

Почему же в нашей жизни бывают такие моменты, когда радость не в радость? Отчего молодые глаза наполняются слезами, вместо того, чтобы лучиться от счастья? Над головой Рами висит не дающий ему ни минуты покоя мучительный вопрос: как жить? И поскольку он не знает на него ответа, ему уже не до стихов.

В издательстве Рами разрешили работать дома. Воспользовавшись этой благоприятной возможностью, за месяц он многое успел, успешно совмещая творчество с редактированием. Благодать, да и только!.. Но такое положение вещей не устраивало завистников. Его «доброжелатели» стали нашептывать начальству, что он занимается только своим творчеством. И руководители издательства, невзирая на то, что Рами Гарипов работал с перевыполнением плана, велели ему немедленно явиться на рабочее место.

Такой уж бестолковый у них главный редактор, да и директор недалеко от него ушел. «Зачем вы верите чьим-то домыслам? Проверили бы сперва мою работу. Уж я-то свое дело знаю! Неужто вы запретили бы мне писать стихи?» — пробовал объясниться Рами, но все без толку. В отчаянии он хватается за дневник:

«Нет, это не издательство, а издевательство!

Мне опять придется торчать там целыми днями! Это же невозможно. Мне нужно писать, нужно читать, и я не желаю умирать с голоду. Я дожил до двадцати пяти лет, и не было периода, когда бы мне не приходилось думать о пропитании! Я сыт этим голодом по горло!.. Даже в тюрьме питаются лучше. До чего же трудно живется на свете честному человеку! Но жить нечестно я бы не смог. Это не для меня. Лучше уж не жить, чем так! А жить хочется. Потому что есть цель, есть надежда и какая-то ненормальная вера в собственные силы. Я стараюсь внушить себе, что попытки принизить меня мелочны, что все это временно,

и мечтаю, с гордо поднятой головой и громко смеясь, прошеествовать по этим людишкам, не желающим понять мою страстную устремленность в будущее и ее смысл».

О, как нелегко продвигаться по ухабистой дороге жизни, постоянно наталкиваясь на какие-то препятствия. Складывается впечатление, что начальству все равно, работает человек или нет, лишь бы он до последней минуты не покидал рабочего места. С одной стороны кто-то болтает по телефону, с другой — стучит машинистка. В коридоре шумят явившиеся в суд клиенты. В техническое общество постоянно приходят какие-то люди. И у самого издательства огромное количество авторов. Попробуй-ка сосредоточиться в таких условиях!

Едва Рами вернулся домой, еле волоча ноги от усталости, как тут заявила жена хозяина. И после ее визита ему пришлось перебраться в темную каморку, где не нашлось места даже для книг. Вместо них шкаф заставили посудой и еще какой-то утварью. Глядя на сиротливо лежащие книги, Рами чуть было не расплакался.

«Было бы весело и смешно,

Если бы не было так грустно!..

Таким образом, с сегодняшнего дня я — монах, который живет в келье! А издательство — машина по производству книг.

Прощай, свободная стихия!..

Скоро прибудет и сам хозяин. Вынь да выложи ему две тысячи! А моей зарплаты не хватает, чтобы расплатиться с долгами. Отправил Наде 150 рублей — вот стыд-то!»

Не сосчитать, сколько таких неозвученных монологов жгли сердце Рами на протяжении всей его жизни. Сколько было у него тревожных бессонных ночей, мучительных мыслей, несбывшихся мечтаний, сокрушительных поражений, моментов стыда и раскаяния... Но разве такое происходит только с поэтами? Остальные представители рода человеческого, бывает, тоже в отчаянии произносят внутренние монологи, безнадежно ищут ответы на бесконечные вопросы, тупея от одиночества? Всю свою жизнь человек ищет единомышленников, торит дорогу вместе с товарищами к общей цели, ищет возлюбленную, которая была бы способна понимать его, стать ему самой надеж-

ной опорой. Счастливыцы таких находят, невезучие найти не могут, но даже если и встречаются, то, как правило, теряют...

Величайшие в жизни радости – душевное общение, взаимопонимание и постижение рожденной в спорах истины. В такие моменты люди слышат и произносят друг другу красивые нетленные слова и пожелания, способные стать им духовной пищей, вдохновлять на благие поступки и дела. Духовная энергия и сила самосохранения народа складывается из добра, которое люди делают друг другу, из теплых слов, лучезарных взглядов и нежных улыбок. А подлость, козни и клевета выхолащивают человеку нутро, задевают его честь. И когда мы вовремя не воздаем кому-либо по заслугам, не выказываем должного уважения, обделяем признанием и любовью, скупимся на выражение одобрения, то берем грех на душу, и будем вечно носить в себе тяжкое бремя вины, испытывать муки запоздалого раскаяния. Не зря говорят, «спешите делать добро».

Думается, произнесенных добрых, сердечных слов неизмеримо больше, чем высказанных. У Рами же было по-другому. Все самые благородные чувства и сокровенные мысли были выражены и озвучены им в поэтических строках, письмах, в статьях, выступлениях или в ходе общения. А многое из того, что он не успел сказать или написать, постарался зафиксировать в дневнике. В этом отношении Рами был счастливчиком. И счастье его заключается в том, что он может общаться с потомками не только посредством своих стихов, но и дневников. А точнее, повезло нам, ибо благодаря оставленным поэтом записям мы можем ближе узнать и лучше понять его. Вряд ли над этим задумывался сам Рами, берясь в очередной раз за дневник. Ведь он доверял своим тетрадам самые потаенные мысли, которыми не решился бы поделиться даже с лучшим другом.

В сущности, те горестные монологи, какие мы видим в дневниках Рами Гарипова, могли бы повторить многие его современники, сталкивавшиеся с теми же жизненными проблемами. Но переживал он их по-своему и, соответственно, на свой лад передавал переживаемое.

Сложившийся за века традиционный уклад жизни башкирской деревни в XX веке подвергся коренным преобразованиям. Люди, жившие прежде единой общиной,

стали покидать деревни, устремляясь в города. Поначалу это были единичные случаи, а после революции, особенно в 30-е годы, исход превратился в массовое явление. В новых условиях оторванные от исторической основы и национальной среды башкиры, в большинстве своем, оказались в труднейшем положении. Урбанизированным сельчанам, какой бы национальности они ни были, приходилось решать массу сложных вопросов. Прежде чем обосноваться в городе, не имевшие каких-либо связей и поддержки, дети природы были вынуждены преодолевать множество преград, терпеть унижения.

Столичная башкирская интеллигенция пополнялась в основном за счет перебивавшейся в город сельской молодежи. И башкирские писатели были сплошь выходцами из аулов. Кому-то со временем удавалось решить жилищный вопрос, а другие годами ютились, где придется, особенно молодые. И обиднее всего было то, что коренных жителей воспринимали в столице родной им республики как пришлых, как чужаков, унижая их и высмеивая чуть ли не на каждом шагу.

Строки хрестоматийного стихотворения Ханифа Карима «Мы вышли из подвала, из-под земли, мы — из рода угнетенных» западали в душу с первого раза и навсегда. Рами Гарипов, который когда-то летел на крыльях из Москвы на родину, всякий раз вспоминал их, тщетно рыща по всей Уфе в поисках временного пристанища. И не он один. Точно так же мыкались по разным углам другие выходцы из деревень. И даже если они, подобно Рами, не повторяли этих строк, то повторяли ту же судьбу, не понаслышке зная, почем фунт лиха.

Следует уточнить, что в стихотворении Ханифа Карима речь идет о вчерашних представителях угнетенных классов, которым новое время принесло освобождение. Но строки «Мы вышли из подвала, из-под земли, мы — из рода угнетенных» вполне применимы к многочисленным молодым семьям, что ютились в то время в подвалах и зябли в чьих-то холодных сенях. Тысячи прошли через те же испытания, что и Рами, который, подражая сошедшему с ума Герману, исторгнувшему: «Три карты, три карты!..», восклицал в моменты отчаяния: «Квартира, квартира, квартира!»

Так было до него и после его ухода и, похоже, никогда не кончится. Как будто им это на роду написано — переселившимся в Уфу молодым людям, готовым чем угодно пожертвовать во благо своей нации.

Мустай Карим обмолвился как-то, что в 50-е годы на одном из собраний республиканского партактива поднял вопрос о тяжелых бытовых условиях башкирских писателей. То, что он сказал, невозможно воспроизвести дословно, но суть его выступления примерно такова: «Литература зовет людей к светлому будущему. А некоторые наши писатели живут в подвалах. Как только они, придя с работы, принимаются писать, то из окошек видят лишь ноги прохожих. Как же требовать с них после этого вдохновенных произведений?»

Перебравшись по требованию хозяев в темную клетушку, Рами продолжал работать над «Каменным цветком». Он перерабатывал рукопись до тех пор, пока не решил, что она готова.

«11 июня 1957 г.

Надя!

Прости, дорогая, что так долго молчал. Только что оторвался от своего “Каменного цветка”... Как будто я изваял свой каменный цветок!.. Вложил в него все: и злобу, и тоску, и ненависть, и любовь, и нервы, и кровь — все, что имею в настоящее время, кроме голода и бессмысленного одиночества».

В таком напряжении работал молодой поэт. Осталось преодолеть еще один перевал: обсуждение книги в Союзе писателей.

Теперь и это испытание позади. Некоторыми своими впечатлениями Рами делится с женой:

«9 июля 1957 г.

Дорогая моя!

Сборник все еще у меня на руках, и я сижу над ним, сижу дико, тупо, бездумно. Я уже не могу. Обсудили в Союзе мой “Каменный цветок”, хвалили и учили меня — и все было как-то не по-настоящему, беспечно, поверхностно. И я впервые так глубоко понял последние стихотворные строки Пушкина, они совсем по-другому зазвучали

в моих ушах: “Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца”. И у меня в душе сейчас такая бездонная пустота, где можно замерзнуть и окоченеть!.. Вдобавок к этому — состоялся разговор с секретарем обкома Сайрановым, подленьким человеком, который “руководит” нашей бедной башкирской литературой».

О разговоре с секретарем Башкирского обкома КПСС по идеологии Х. С. Сайрановым речь впереди, а пока вернемся ко второму поэтическому сборнику Раши Гарипова.

Книгу «Каменный цветок» он готовил очень тщательно. А редактировал ее прославившийся своими скандальными критическими статьями Зуфар Габсалямов. Сборник обсуждался в Союзе писателей. Далеко не каждому выпадает такая честь. И пусть Раши был не в восторге от состоявшегося разговора, опытные коллеги, судя по всему, дали ему толковые советы, некоторые из которых могли ему пригодиться при доработке.

«Каменный цветок», на подготовку которого ушло очень много труда и времени, вышел к концу 1958 года. Сборник подвел черту под целым периодом в жизни и творчестве Раши Гарипова, отметившего его выход следующими строками:

*Книга вышла. В ужасных мученьях
Сумел я из камня ее изваять.
Теперь же охвачен сомнением:
Удастся ли третью создать?*

*Потратил на нее полжизни я.
Эмоций нет уже, и молодость ушла.
Но если б только это! Жизнь младенца
Судьба коварная за песнь мою взяла...*

По содержанию этого стихотворения можно судить о том, какие события происходили на исходе 50-х в жизни поэта и его семьи. И самое важное из них — «Каменный цветок», книгу, которую Раши Гарипов изваял из камня.

СПЛОЧЕНИЕ

«Каменный цветок» полюбился народу, едва успев появиться в продаже. Особенно горячо его приняла молодежь. Новая книга Рами ходила по рукам. В 1959 году вышли одна за другой три рецензии. Авторами первых двух статей под названием «Каменный цветок» были Гайса Хусаинов («Литературный Башкортостан», №1) и Анис Зайнуллин («Ленинсе» за 14 февраля). Третья статья, которую написал Ахияр Хакимов, называлась «О стихах Рами Гарипова» («Совет Башкортостаны» за 29 февраля).

В последней раскрывается присущее творчеству поэта качество: «Уже на первой странице сборника Рами Гарипов говорит о своей любви к языку своего народа и его поэзии (“Родной язык”). Оно звучит как поэтическая программа, и по нему видно, с какой последовательностью поэт старается претворить ее в жизнь».

Анис Зайнуллин тоже начинает со стихотворения «Родной язык». Свое восхищение книгой он выражает так: «После чтения его стихов становится как-то приятно, радостно на душе и тепло», «Многие из его стихов хочется запомнить наизусть, они воодушевляют, и даже во время бурана ощущаешь тепло Родины».

Что касается Гайсы Хусаинова, то он воспринял книгу Рами Гарипова более сдержанно и высказал некоторые замечания: «Вместо выражения благодарности советским людям, которые украшают ныне могилу Тукая цветами, он бросает им незаслуженный упрек: “О люди, если бы поэт ценили вы, пока он жив!”, “У лирического героя Рами Гарипова есть еще один серьезный недостаток: он чрезмерно предается печали. Больше грустит, чем радуется”».

Разные авторы – разные впечатления. Один ощущает исходящее от стихов тепло и жизнерадостность. Другому кажется, что они, напротив, навевают грусть. Вместе с тем обе рецензии дают возможность взглянуть на поэзию Рами Гарипова с разных ракурсов, получить о ней более полное представление и оценить ее по достоинству.

В самом деле, его стихи воспевают любовь к жизни, призывают к беззаветному служению Родине во имя

счастья народа. В то же самое время душа поэта показана здесь многогранной — не только ликующей в моменты радости, но и встревоженной, взволнованной, в минуты грусти, творческих поисков, терзаний и отчаяния. Тем самым Рами Гарипов внес ощутимый вклад в башкирскую лирику, усилил стремление к разнообразию, к полифонии чувств и мыслей. И пусть эти важные качества, которые будут определять его творчество в дальнейшем, проявились в ряде стихов «Каменного цветка» пока еще не в полной мере, примечательно то, что Рами вел поиски именно в этом направлении, достиг ощутимых успехов, развивая эти тенденции.

Наиболее яркими среди вошедших в книгу произведений были: «Родной язык», «Каменный цветок», «Поэт», «Руки моей матери», «Сердце Урала», «Красота», «Первая любовь», «Последнее свидание», «Весенняя песня», «Ты есть», «Трудно будет тебе со мной», «Клен», «Скворец», «Жеребенок», «Зайчишка», «Такая холодная и чужая луна». Все они достойны быть включенными как в число избранных произведений самого поэта, так и в антологии башкирской поэзии. В них выявились четыре главных направления его творчества, которые все полнее раскрывались в последующих сборниках.

Во-первых, автору удалось показать связь личности с народом и с Родиной. Стихи, занимающие центральное место в книге, как раз и явились результатом его размышлений над этой вечной проблемой. И пусть проблема взаимоотношения народа и личности стара, как мир, в сборнике «Каменный цветок» она представлена по-новому. Здесь нет клятв верности Отечеству, громогласных заверений и обещаний. Поднимая пласты истории, отслеживая этапы тяжелейшей борьбы своего народа за принадлежавшую ему издревле землю, поэт размышляет о судьбе родного края и ощущает в сердце жгучую боль и ненависть при мысли о тех, кто пророчит и торопит гибель его нации:

Пропитанные кровью и слезами

Леса и реки, земли отобрали,

Белые цари да черными руками

Его, за шею вздернув, покарали!

*Повесили, и молвил некто, усмехаясь,
Мол, недалек тот день, когда сыграет
Над могилою последнего башкира
Заупокойную последний кураист!..*

Оригинальна и концовка «Сердца Урала», где пафос пропитан верой в себя и в народ, что придает ему искреннее, естественное звучание:

*Святую землю сердцем я зову не зря, —
С ней безраздельно связан я судьбой,
Здесь занималась счастья моего заря,
Отсюда начинается Отечество мое!*

Второй важный момент заключается в том, что в «Каменном цветке» Рами Гарипов уделяет больше внимания лирике, богатству выражения чувств и эмоций, стремится к гармонии. Под названием сборника стоит слово «лирика», что как раз и определяет основной жанр вошедших в него произведений.

В-третьих, поэт тяготеет, как никогда, к природе, сближается с ней, более чутко улавливает ее язык. Многие из его стихов как раз и родились благодаря этой связи, необходимость в которой он ощущал с каждым годом все острее, сознавая, что именно здесь коренятся истоки творчества.

В-четвертых, Рами Гарипов, ценивший значимость и емкость слова, умевший бережно с ним обращаться, не позволял себе длиннот. В большинстве своем его стихи невелики по объему. И пусть не каждое из них могло бы служить иллюстрацией к поговорке «краткость — сестра таланта», для нас совершенно очевидно, насколько выскателен был поэт в выборе слова.

Перечисленное как раз и определяет главную суть и звучание собранных в «Каменном цветке» стихов, продемонстрировавших факт достижения автором новой вехи в творчестве. Но значение их этим не ограничивается. За счет своих достоинств они в немалой степени усилили развитие новой тенденции в башкирской поэзии, подъем которой происходил на общем фоне начатой во второй

половине 50-х годов перестройки. Сборник Рами Гарипова явил собой одно из отрядных явлений того периода.

В книгу «Каменный цветок» вошло более двадцати переводов. Когда поэт собрал их таким образом вместе, его переводческий талант проявился особенно выпукло. Габсалямов и главный редактор были против включения в сборник переводных стихов, но Рами, придававший большое значение переводам, сумел настоять на своем. Вот что он пишет Надежде Васильевне в письме 27 июня 1957 года: «Сегодняшней ночью прочел у Брюсова, что поэтов при переводе стихов увлекает чисто художественная задача: воссоздать на своем языке то, что пленило их на чужом, увлекает желание — “чужое вмиг почувствовать своим” — желание завладеть этим чужим сокровищем. Прекрасные стихи — как бы вызов поэтам других народов: показать, что и их язык способен вместить тот же творческий замысел. Это и мое убеждение, и моя мечта. Свои переводы я ценю больше, чем стихи. И не могу согласиться, чтобы их выкинули из сборника. Они — мои дети! Вот за них и дрался я».

К переводам Рами Гарипов был гораздо требовательнее, чем к собственным стихам, и, принимаясь за эту работу, он выработал четкую концепцию. Главную задачу он видел в том, чтобы расширить горизонты родной поэзии, обогатить художественные приемы за счет изучения опыта мировой литературы.

Благодаря вошедшим в сборник переводам не только читатели, но и многие коллеги Рами Гарипова впервые получили возможность ознакомиться со стихами Рудаки, Гейне, Абая, Такубоку, Блока и Есенина. Поэт первым озвучил на башкирском языке написанное за тысячу лет до этого стихотворение великого китайского поэта Ли Бо «Одиноко сию в горах Цзинтиншань»:

*Эсе көндән ял итергә
Болоттар касып бөттө,
Коштарзың да һуңғы тубы
Янымдан осоп китте.*

*Карап торам мин таузарға,
Таулар за карай миңә.
Озак-озак карашыбыз,
Ялкытмай икән ниңә?**

Эта поэзия, концентрирующая внимание на обыденных явлениях, передает иное мироощущение, способствует развитию утонченности вкуса. Создав более двадцати таких прекрасных образцов, Рами Гарипов открыл еще одну важную ипостась своего творчества, подняв искусство поэтического перевода на новую ступень. И тот факт, что поэт придавал этому занятию большое значение, лишний раз подтверждает, что он обладал даром предвидения.

Его переводы, включенные в книгу «Каменный цветок», получили высокую оценку писателей: «Чувствуется, что для этой цели молодой поэт подбирает стихи, которые по душе ему самому и созвучны его собственной поэзии», «раскрылось его мастерство переводчика классических стихов» (Гайса Хусаинов); «Гарипову следует продолжить работу в этом направлении, разнообразить жанры и формы перевода» (Ахияр Хакимов). Будущее показало, насколько справедливы были эти высказывания.

Сборник отличался не только множеством замечательных, метких и точных слов и строк, но и необычной структурой. Стихи в нем были распределены по семи разделам: «Страна моя и мой язык», «Земля родная – возлюбленная моя», «Думы мои и желания», «Первая любовь», «Из дневника студента», «Разное», «Вольные переводы». Прежде подобные книги в Башкирском книжном издательстве не выходили.

«Каменный цветок» был примечателен также наличием фотографии автора и небольшой справки о нем. И то, что сборник вышел в том же формате и в почти таком же

* Перевод на русский А. Гитовича:

Плывут облака

Отдыхать после знойного дня,

Стремительных птиц

Улетела последняя стая.

Гляжу я на горы,

И горы глядят на меня,

И долго глядим мы,

Друг другу не надоедая.

оформлении, что и книги основанной Горьким «Библиотеки поэта» или «Библиотеки советской поэзии»*, — вовсе не случайно. Таково было желание самого Рами Гарипова, собиравшего эти издания.

«Каменный цветок» нравился читателям не только своим содержанием, но и внешним видом, будучи со вкусом оформленным, компактным и в то же время солидным. Помимо положительных, хороших отзывов, высказывались и пожелания. Так, Анис Зайнуллин, обращаясь к руководству издательства, выступил с предложением продолжить выпуск поэтических сборников в том же формате. Рами Гарипову же он пожелал гореть и впредь.

Поэт и без того горел, всей душой болел душой за литературу, продолжая при этом бороться с жизненными невзгодами. Родившаяся в Москве малышка Лилия постоянно хворала из-за несносных бытовых условий и через несколько месяцев покинула этот убогий мир. Так что радость от выхода новой книги потонула в черном горе, постигшем молодую семью.

В моей домашней библиотеке есть экземпляр книги «Каменный цветок», который я бережно храню с университетской поры. Он был подарен мне Рами Гариповым 20 сентября 1966 года с надписью: «Равиль, это мое самое счастливое — студенческое. Только время было трудное — я был один... Рами».

Такие вот взаимоисключающие чувства: счастье и одиночество. Когда человек, держащий в руках свою новую книгу, ощущает себя окрыленным, это естественно. А признание, что ему в том состоянии было одиноко, вызывает недоумение.

Выше уже говорилось о том, что в период, когда Рами приступил к работе в Уфе, в печати то и дело появлялись новые имена, происходило становление перспективной творческой молодежи. Литературный кружок при университете посещали весьма талантливые студенты. Еще один

---

* Серия «Библиотека поэта» выпускалась издательством «Советский писатель», основанная позднее «Библиотека советской поэзии» — издательством «Художественная литература».

литературный кружок был организован при газете «Ленинсе». Он объединял городскую молодежь. В обсуждениях, проходивших в рамках кружков, нередко принимал участие и Рами Гарипов. Его толковые выступления о литературе вызывали повышенный интерес.

Тем временем из Москвы вернулись после окончания Литературного института Рафаэль Сафин, Раис Низамов, Шакир Янбаев. Количество выпускников московских, уфимских и прочих вузов заметно выросло. С каждым годом все больше парней и девушек перебирались из деревень в Уфу, где продолжали учебу или устраивались на работу. В их числе были желавшие заниматься творчеством. Они предпочитали посещать кружок при газете «Ленинсе», куда приходили иногда и солидные писатели. Так, на одном из заседаний кружка побывал Мустай Карим, который ознакомил творческую молодежь со своими новыми стихами.

Когда много лет тому назад аркаульский мальчишка Рамиль Гарипов с горем пополам добрался до Уфы, он был уверен, что все жители столицы Башкортостана разговаривают только по-башкирски. Однако на деле оказалось совсем не так. Гуляя по городу с друзьями из интерната, он почти не слышал башкирскую речь. Даже те, кто владел родным языком, в большинстве своем говорить на нем стеснялись. Некоторые из прохожих, услышав, как ученики школы-интерната разговаривают по-башкирски, с удивлением оборачивались. Находились и те, кто одергивал ребят, гаркал на них, мол: «Что вы там лопочете, нормально разговаривать не умеете?!» Это все равно что бить по губам. И чем дальше, тем больше унижений. Кто ж отважится после этого произнести хотя бы слово по-башкирски? Вот так постепенно людей отучали от родного языка.

Да и теперь, по истечении десятка с лишним лет, на улицах Уфы очень редко можно было встретить говорящих между собой по-башкирски. Как правило, это были приехавшие из деревень студенты, дети из интерната или отдельные представители творческой интеллигенции. Но если тебе нужно было обратиться в какое-либо учреждение или организацию, даже не надейся, что сможешь выразить

свою просьбу на родном языке. Вряд ли кто тебя там поймет, а если и поймет, то сделает вид, что не понимает, постесняется ответить на заданный по-башкирски вопрос.

Видя такое, Рами не раз сгорал от стыда. Но в общем и целом жизнь менялась все-таки к лучшему. Заметно возросло количество энергичных молодых людей, болевших за свой народ, интересовавшихся его историей и литературным наследием. Особенно много их было среди творческой молодежи. В немалой степени способствовали этому разоблачение культа личности и последовавшие за ним события. Какое потрясение испытали новые поколения, узнав правду о великих соплеменниках – жертвах политических репрессий. На их глазах низвергались бывшие авторитеты. Стремившиеся докопаться до истины, узнать как можно больше о том, что долгие годы замалчивалось, молодые люди нередко спорили между собой, открыто выражая и отстаивая свое мнение. На волне массовых разоблачений усиливались критические настроения, одним из первых выразителей которых стал Зуфар Габсалямов, чья статья «Новый сборник поэта» была опубликована в журнале «Эдэби Башкортостан» (1967, № 1) с редакционной оговоркой «дискуссионный материал». Она содержала много критики в адрес книги Сайфи Кудаша «Моя любовь». Однако на этом споры среди молодежи вокруг имени маститого писателя не только не умолкли, но и еще больше ожесточились.

В данном контексте будет уместен фрагмент из «Письма в Москву» – из воспоминаний Булата Рафикова о Рами Гарипове, с которым он часто общался именно в то время – во второй половине 50-х годов. Булат Загриевич подготовил этот материал по просьбе Надежды Васильевны специально для книги воспоминаний о поэте.

«Летом 1956 года я работал в редакции “Ленинца”... Потом стал внешним корреспондентом газеты. По этой самой причине, когда при редакции был организован кружок, меня назначили его старостой: дескать, ты тут свой человек и кому, как не тебе, осуществлять связь между редакцией и кружком. Я с энтузиазмом взялся за дело. Да и молодежь рвалась в кружок. Стоило только напечатать

объявление, и в назначенный час в редакции собирались начинающие писатели — студенты и рабочая молодежь. Читали стихи, разбирали сборники и горячо обсуждали политику. Это ведь был год, когда после XX съезда КПСС вышло постановление, сурово осудившее культ личности, и когда наши люди впервые вдохнули воздух свободы. Тогда мы готовы были горы ворожать».

Булат Рафиков вращался в те годы в самой гуще молодых литераторов. Он был одним из организаторов литературного кружка пединститута-университета. Его имя то и дело мелькало в печати. Вдвоем с Зуфаром Габсалямовым они написали довольно-таки едкую рецензию на книгу Рами Гарипова «Юрюзань» («Эдэби Башкортостан», 1954, № 10). При первой же их встрече работавший в газете «Совет Башкортостаны» Рами напомнил Булату о той статье, сказав: «Похоже, вы с Зуфаром хотели показать, что умнее других. Не сердись, но я тебе прямо скажу: тот, кто старается быть в критике оригинальным, просто-напросто обезьянничает».

Рами Гарипов не таил на него ни обиды, ни зла. Умевший от души радоваться любому успеху молодых, он написал в своей статье «Те, кто в пути» следующее:

«Отрадно, что Булат Рафиков... не склонен к сентиментальности. Он пишет задорные стихи, как для взрослых, так и для детей. В них звучит свойственный нашему времени пафос. С такими данными да при такой хватке, даже и не подражая Г. Саламу, он способен писать звучные стихи при условии, что не станет вдаваться в чистую риторику и будет больше внимания уделять поэтическому языку. А самое главное — надо быть как можно ближе к своему поколению, занять активную жизненную позицию!»

Жизнь, жизнь!

Это тебе не танцевальный зал.

На каблуках высоких не пройдешь!..

Конечно, здесь проявляется стремление к оригинальности. Булат любит поэтические рассказы и остроумные выражения».

Оценка, данная Рами Булату Рафикову, отчетливо показывает, какое место занимал он в движении молодых литературных сил.

А вот еще один отрывок из «Письма в Москву»:

«Когда мы рассуждали о творчестве или спорили о политике, тон задавали Зуфар Габсалямов, Шакир Биккулов и Рами Гарипов. Первые двое — такие горячие. Если уж разойдутся как следует, то пытаются одолеть других криком. Немногословный же Рами не спешит, свое мнение старается аргументировать.

Во время подготовки к празднованию в 1957 году юбилея Октябрьской революции, вспомнили, что приближается 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Стало известно, что юбилей будет отмечаться в июне и что из Москвы приедут большие гости. Еще одна новость: Сайфи Кудашу собираются присвоить звание Народного поэта. Мы разволновались не на шутку, потому что с началом реабилитации уничтоженных в 1937–1938 годах башкирских писателей имя этого человека и еще нескольких товарищей частенько упоминалось с отрицательной стороны. Не официально, а на уровне слухов, требующих проверки. Но и этого было вполне достаточно, чтобы завести молодых, которые ценят правду превыше всего. Особенно волновался наш Белинский — Зуфар. Он весь издержался, не давая покоя ни себе, ни другим.

— Ну и что ты предлагаешь? — поставил вопрос ребром Анур Вахитов.

— Написать в Москву. Шепилову! — Это был тогдашний секретарь ЦК КПСС по идеологии.

— Москве нужны серьезные доказательства, пустым словам она не поверит, — задумчиво произнес Рами.

— Доказательства есть!

— Тогда давай сначала посмотрим на них, ознакомимся и только после этого подумаем насчет письма. — Рами был непреклонен. И мы поддержали его предложение».

Стали собирать необходимые доказательства. Большую часть материалов дал Гайнан Амири. Спустя годы Гайнангай сам подробно рассказал об этом Булату. Кое-какие сведения взяли у Муслима Марата. Не переставая спорить, написали письмо.

«Мы чувствовали, что нам грозит какая-то опасность. Рами и Зуфар нашли выход: мы поехали на железнодорожный вокзал и отправили письмо с человеком, сопровождающим почтовый вагон проходящего московского поезда... А ведь среди нас были и те, кто предупреждал, чтобы мы этим не занимались, и некоторые наотрез отказались поставить свою подпись. Мы же их не послушались».*

Сюжет, начавшийся с событий, достойных жанра приключенческого романа, имел соответствующее продолжение. Когда Рафиков сидел на экзамене по истории, за ним пришли из областного комитета партии. Секретарь обкома по идеологии Хайдар Сайранович Сайранов сказал, показывая на лежащие перед ним бумаги: «Товарищи, случилась большая неприятность. Группа бумагомарателей написала в Москву письмо, облив нас грязью». Сидевший рядом со столом Сайранова Булат успел заметить на документе сделанную красным приписку «Разобраться. Доложить» и подпись, начинавшуюся с буквы Ш.

Его подвергли суровому допросу: кто подстрекатель, кто из старшего поколения писателей снабдил их материалом? Перечислялись фамилии: Муслим Марат? Амир Чаныш? Жан Лукман? Кадыр Даян? Баязит Бикбай? Гайнан Амири?

Вызвали в обком и Рами Гарипова, который утверждал то же, что и Рафиков: мы, молодежь, сами написали, имена есть, больше ничего не знаем. Как будто сговорились. «Вы только поглядите на них, ответы совпадают прямо слово в слово», — возмущались проводившие допрос функционеры.

Вскоре состоялся июньский пленум ЦК КПСС, на котором были выведены из состава Центрального комитета Маленков, Молотов, Каганович, а также «присоединившийся к ним Шепилов». Это послужило поводом для целой кампании по выявлению связей с «антипартийной» группировкой авторов злополучного письма из Уфы.

Булата Рафикова снова уводят с экзамена на допрос. В это же самое время допрашивали и Рами Гарипова.

* Булат Рафиков. Сочинения. Том 2. Уфа: Китап, 2004. С. 316–317.

На другой день вызвали Зуфара Габсалямова, Ядкара Найманова и еще нескольких молодых людей. Только на этот раз разговор происходил не в обкоме, а в учреждении, который внушал всем ужас, — в КГБ. «Там не особо церемонились, могли и ударить, если что», — вспоминал Булат Рафиков. А с теми, кто работал или учился вместе с неблагонадежными товарищами, комитетчики провели тайные беседы.

Рами Гарипов запечатлел некоторые связанные с происходившими в те дни событиями моменты, не подозревая, насколько важными окажутся его свидетельства для истории. Сообщив в послании к жене о разговоре с секретарем обкома Сайрановым, он поясняет:

«Дело в том, что мы, молодые, перед празднованием четырехсотлетия написали письмо в ЦК Шепилову о творчестве и делах С. Кудаша. Ему хотели дать звание Народного поэта Башкирии! Мы восстали и послали письмо в Москву (я редактировал его). С. К. остался без звания, и за это нас сейчас “обрабатывают” его бессовестные защитники, а мы — их. Нам нечего терять перед лицом правды. Но видеть такие вещи в наши дни все-таки очень больно... Нас сейчас самым настоящим образом преследуют, и еще неизвестно, чем это кончится...»

В письме от 28 июля 1958 года Рами пишет: «Жизнь моя — какой-то “чертов круг”. И связана она с какой-то большой жизнью, жизнью моего народа, любовью к нему. Хочу быть хоть чем-то полезным ему, нужным. И вот за это меня теперь преследуют, допрашивают. И я испытываю большое недоверие к сидящим там людишкам. Я сам видел, какие грязные люди хотят нами распорядиться... Надя, дорогая, я не могу тебе писать обо всем этом подробно (мои письма могут читать) и не должен пока говорить на эту тему. А ведь это моя жизнь!..»

Преследования, допросы имели для молодых людей тяжкие последствия, худшими из которых были подорванное доверие к людям, уступившее место подозрительности, а также попытки разными способами посеять раздор среди тех, кто стремился к объединению. И признание Рами о том, как ему «страшно быть одиноким» — отзвук горестных воспоминаний о тех притеснениях.

Как рассказывал впоследствии Булату Рафикову первый секретарь Уфимского горкома КПСС Марван Янги-ров, отправленное в Москву письмо вызвало в республиканском руководстве страшный переполох. Первый секретарь Семен Денисович Игнатьев устроил разнос ближайшим подчиненным, зачем они, де, насильно делают Сайфи Кудаша народным, и потребовал подготовить справку о национальном составе Союза писателей (поднимался и этот вопрос. — Р. Б.). Он же заткнул рты подхалимам, предлагавшим отдать под суд авторов письма и арестовать для острастки несколько человек.

Молодые получили тогда двойной урок. Во-первых, они поняли, что защитить правду и разоблачить ложь можно, если действовать решительно и единым фронтом. Авторы письма убедились в том, какую мощную силу представляет собой единство и умение защищать свои взгляды обдуманно, руководствуясь фактами и принципами. Таким образом, они приобрели, хоть и не столь великий, некоторый опыт политической борьбы.

Во-вторых, большинство подписавшихся испытали на собственном примере, что такого рода поступки безнаказанными не остаются, и полученный печальный урок отложился в их памяти на всю оставшуюся жизнь. После этого просто невозможно было не стать подозрительным и осторожным. Слабые духом замкнулись в себе и сломались, в то время как такие целостные личности, как Рами Гарипов, чьи убеждения были крепки, выдержали испытание на прочность и лишь еще больше закалились.

Блюстители порядка, судя по всему, постарались замаять, скрыть от общественности историю, начавшуюся с известного во всем городе кружка при редакции «Ленин-се». Широкой огласки она не получила. Вероятно, всех, кто в ней был замешан, предупредили, чтобы они молчали. А слухи так и остались слухами. Даже мы, первые студенты Башкирского государственного университета, посещавшие тот литературный кружок, знали о письме, имевшем отношение к Сайфи Кудашу, и о тех, кто его писал, лишь понаслышке. Рами Гарипов же, с которым я близко общался, на эту тему не распространялся.

В конце 1957 года Рами ушел из книжного издательства и три-четыре месяца прожил вольным поэтом. Накануне нового 1958 года ему дали небольшую комнатку в деревянном доме по улице Фрунзе. В этом скворечнике — подобии квартиры, под которую приспособили чердак, не было никаких удобств. Но когда тебе негде жить, сойдет и чердак. Будешь колоть покупные дрова и бегать за водой на уличную колонку. Каким бы ни было это жилье, оно твое, и уже никто не сможет выставить тебя с семьей на улицу.

Именно здесь была написана статья Рами Гарипова «Те, кто в пути». Как любой художник, небезразличный к судьбе своей нации, литературы и родного языка, Рами внимательно следил за появлением новых имен, молодых талантов. Хорошие стихи доставляли ему несказанное удовольствие. За время работы в газете и в книжном издательстве через руки его прошло немало количество рукописей начинающих литераторов, среди которых редко когда попадались удачные произведения. Готовя к изданию альманах «Молодые голоса», Рами Гарипов заставлял авторов не по одному разу перерабатывать стихи. «Переговорил с Ихсаном по телефону. А. Гайсин и Б. Рафиков явились сами. Вчера приходил Анур Вахитов. Я раздал всем стихи и велел поработать над ними еще раз. Вроде бы согласились» (10.04.57).

Далее он пишет:

«И только когда пришел Нур Хабилов, душа моя возрадовалась. На редкость оригинальный поэт! Да, он — поэт. Если будет искать, если его не испортят, из этого парня выйдет толк. Несколько раз перечитывал его стихи и наслаждался. Унес их домой, чтобы переписать для себя. Прочел их Наде по-башкирски, потом перевел на русский. Ей тоже эти стихи очень понравились. Моя радость, похоже, передалась и Наде, и от этого в доме стало как будто светлее и теплее».

Рами переписал в свою тетрадь три стихотворения Нура Хабилова. Восхищаясь ими, он признается: «Среди молодежи пока еще не было такого своеобразного поэта с собственным голосом».

Хабиров и в самом деле стал в то время приятным сюрпризом как для читателей, так и для поэтов. Помнится, что в конце 50-х годов стихи его звучали довольно часто. С годами творчество Нура Хабилова, которое вызвало такой восторг у Рами, будут воспринимать иначе, но речь не об этом, а об удивительном свойстве Рами Гарипова восхищаться, радоваться успехам других: «Вот это стихи! Сколько в этом парне естественности и ума! А какой приятный язык — истинно башкирский. Однако не перебрал ли я?..» Будущее покажет, насколько уместен был этот вопрос.

Статья Рами Гарипова «Те, кто в пути» вышла в газете «Совет Башкортостаны» 22 февраля 1958 года. В ней автор делится своими многолетними наблюдениями, размышлениями о поэзии молодых, тем, что его радует и тревожит. Представление о творчестве нового поколения Рами получил, готовя к выпуску альманах «Молодые голоса», благодаря чему ему было что сказать о каждом из пятнадцати упомянутых им в статье молодых поэтов. Он высказался по существу и со знанием дела. Будучи принципиальным и требовательным, Рами говорил не столько об удачах, сколько о недостатках.

Предупредив в самом начале, насколько нелегко и иной раз трагичен творческий труд, он призывает к откровенному разговору: «Поэтому мы, молодые, должны быть внимательнее к ближнему, к творчеству собратьев по перу, и взыскательнее, подобно нынешнему читателю, говорить друг о друге искренне, с симпатией. А нам есть о чем говорить и спорить! Если кто-то заблуждается, другой пусть поправит: истина рождается в споре!»

Публикация Рами Гарипова стала событием в жизни этого поколения. Ни один из проявивших себя сколько-нибудь в те годы молодых поэтов не был обделен его вниманием: Ангам Атнабаев, Шакир Биккулов, Карам Бакиров, Миассар Басыров, Булат Рафиков, Анур и Ягфар Вахитовы, Ахмат Гайсин, Нур Хабилов, Ихсан Ахтамьянов, Афган Гизатов, Фаик Мухамедьянов, Р. Зайни и Рашит Ахтаров. Представив полную панораму поэзии молодых, автор статьи постарался отметить, чем отличался каждый из них.

Время показало, что ни один из перечисленных в статье не отошел от литературы. Все они нашли себя в поэзии и проявились по-своему.

Предвижу вопрос: «А почему Рами проигнорировал уже популярных к тому времени, активно и продуктивно трудившихся Рафаэля Сафина, Абдулахака Игебаева, Марата Каримова?» Ответ прост: в статье «Те, кто в пути» речь шла о начинающих поэтах, не выпустивших ни одной книжки. Исключение составил лишь Карам Бакиров, уже успевший опубликовать свой первый сборник.

Заметив, что уместнее будет начать с Ангама Атнабаева, Рами Гарипов посвящает обзору его творчества треть статьи. Среди удостоившихся его внимания поэтов Атнабаев был самым зрелым не только по годам, но и по уровню созданных им произведений, так что ему пора уже было выпускать книгу. И она вышла в том же 1958 году под названием «Диалог с сердцем».

Рами отозвался о ней с похвалой, оценив то, что Ангаму Атнабаеву удалось найти свой мотив, и при этом считал необходимым указать на некоторые недостатки.

К творениям молодых Рами Гарипов предъявлял достаточно высокие требования, позволяя себе резкие высказывания типа: «Спотыкаешься на каждом слове, каждую строчку заволокло “кудрявым туманом”, в каждой строчке — затейливые узоры»; «не годится играть в куклы, позабыв про долг поэта»; «есть лишь тень, а самого поэта нет».

Рами беспокоится не только за отдельных авторов, но и о качестве поэзии в целом. «Вся красота образа — в правде, простоте и в уместности, ибо ценность образа определяется лишь степенью его соответствия природе всего стиха. А когда образ является самоцелью, это равносильно тому, что бабочка, собирающаяся сесть на цветок, попадает в огонь». «Бывает, что краткость — признак богатства ума и воображения, либо, наоборот, — следствие мелких мыслей» — такое вот простое, убедительное суждение помогает ищущим свой путь в сложном творчестве постичь тайну образного слова.

Взыскательный по отношению к поэтическому слову, Рами Гарипов не боялся вступать в полемику даже

с признанными мастерами, в чем можно лишний раз убедиться, читая его статью: «Недавно уважаемый и опытный наш писатель Баязит Бикбай в своей статье “Радующие голоса” со всем радушием благословил многих начинающих литераторов, в том числе Миассара Басырова, и выдал им похвальные грамоты.

Но, памятуя о высказывании древних греков “Платона мы любим, но и истина нам дороже”, следует признать: Баязит-агай щедр на похвалы, а требовательности ему, на мой взгляд, не достает. С некоторыми суждениями нашего учителя трудно согласиться».

То, что Баязит Бикбай превратил молодых «в зрелых писателей, не моргнув и глазом», Рами Гарипов, разумеется, не приветствует. По его мнению, «вырастить поэта, хлопая его по спинке, нельзя», «поэта должны защищать его стихи», «мало работаем, мало видим, мало знаем. Нам не хватает жизненности!»

Могли ли молодые оставаться равнодушными к столь категоричным требованиям поэта, серьезно относившегося к творчеству? О чем бы ни заходила речь — о первых рукописях или о проблемах, касающихся всей литературы, Рами Гарипов всегда смело высказывает то, что думает, подкрепляя свою позицию убедительными аргументами. В дискуссиях по вопросам творческого процесса он показывает, насколько они его трогают, и демонстрирует свою начитанность и эрудицию. Это придает ему вес в глазах окружающих, способствует росту его авторитета.

В конце 50-х годов Рами Гарипов, выпустивший уже две книги, считался одним из самых перспективных молодых поэтов. Особенно к его мнению прислушивались сверстники. Ни у кого не возникало и тени сомнения, что и в дальнейшем он будет столь же успешным и очень многого добьется. Однако никто, кроме самого Рами, не ведал, какие чувства его обуревали, и не догадывался, на каком непростом перепутье он находится. Если бы поэт сам знал, в какую сторону направиться...

НАПИСАТЬ БЫ ХОТЬ СТРОЧКУ!..

12 апреля 1958 года Рами Гарипов приступил к работе в журнале «Эдэби Башкортостан». Примерно за год до этого, в последний день весны, он обозначил для себя цели на будущее: «Пока хватит сил, я буду продвигаться вперед, ломая, кроша и руша встающие на моем пути преграды, а если не справлюсь, стану их обходить. Но я должен буду выяснить и запомнить все — что где есть, какие люди бывают. Года три поучусь и вернусь к ним снова, примусь за их осуществление с еще большей энергией. А то ведь на меня давят сверху своим авторитетом стоящие на всех уровнях всевозможные жалкие людишки. Мне нужно учиться! Если я в этом году не пройду в аспирантуру, то на следующий год должен поступить обязательно».

Мысль об аспирантуре Рами вынашивал давно. Природа наделила его сердцем поэта и головой ученого. Это была личность с певучей душой и прозорливым взглядом. Со стороны Рами себя, конечно же, не видит и оценить объективно не может, но проницательные люди в состоянии это заметить.

Весной 1956 года он имел разговор с Баязитом Бикбаем, который сказал ему: «Ученым ты, Рами, мог бы стать, а поэтом — нет. Ты очень умный, а поэты бывают чудаковатыми. В душе должен пылать огонь, а без горения писать стихи невозможно. Ты уж прости меня, кустым, но я сказал правду».

Баязит Бикбай частенько говорил так забавы ради, но его слова глубоко задели Рами Гарипова. Он категорически не был согласен с мнением, что поэты должны быть придурковатыми, полагая, что невежество и лень пагубны для писателя. В этом его никто не смог бы переубедить. А что касается огня в душе, то Рами не из тех, кто дерет глотку на каждом углу и колотит себя в грудь, пытаясь доказать всем и вся, насколько сильно он любит свой народ. Вся жизнь Рами Гарипов горел, искал и учился. Он считал, что в башкирской литературе и без того достаточно аристократов, коих мало заботят ее проблемы. От них не дождешься даже малюсенькой статейки на

актуальную тему. Да и если возьмутся что-либо написать, то лишь для самооправдания, для того, чтобы защитить себя любимого.

Чем дальше, тем сильнее Рами ощущал потребность в учении. А иначе какой из него будет борец? Учиться Рами Гарипову было необходимо для осуществления задуманного.

Работа в журнале оказалась ему в известной степени полезной при подготовке к поступлению в аспирантуру. Больше всего привлекал Рами Гарипова фольклор. Еще в бытность студентом обошел он пешком немало отдаленных, глухих аулов южных районов Башкортостана, где, затаив дыхание, слушал бесценные предания почтенных сэээнов. По возможности, Рами их записывал, а если не успевал, старался запомнить. Молодой поэт чувствовал, что способен обогатить фольклористику, а пока он занимался изучением пословиц и чтением нужных книг.

Количество собранных им пословиц и поговорок доходило уже до двух тысяч, тогда как некоторые сборники содержали не более пятисот. Рами Гарипов по-своему воспринимал жанры башкирского фольклора, исходя из принципов народности и историзма. Рами не разделял позиции тех ученых, которые искусственно старались привязывать к народному творчеству искусственные изречения. Так, например, он воспротивился попыткам Кирея Мэргэна утвердить в качестве народного афоризма слова: «Не останавливай фонтан, пускай он хлещет!», заявляя: «У поговорки должен быть смысл».

Свое негативное мнение о сочинителях пословиц и поговорок Рами высказал однажды при случае в присутствии самого ученого, и тот предупредил его: «Если будешь продолжать в том же духе, кустым, у тебя могут возникнуть большие проблемы».

Несмотря на данное себе слово обходить препятствия, изменить свою натуру молодой поэт был не в состоянии. Как гласит народная мудрость, говорящего правду в глаза не жалуют даже родственники. В том, что Кирей-агай был прав, Рами Гарипов убедился очень скоро, узнав, что Сайранов, Мидхат Гайнуллин и Ахнаф Харис против его

приема в аспирантуру, несмотря на то, что сам Ахнаф Кирей (Мэргэн) согласился его взять. Рами лишился возможности учиться дальше, поплатившись, таким образом, за свою излишнюю прямоу и принципиальность. Может быть, так распорядилась судьба, ведь, поступив в аспирантуру, он с головой ушел бы в науку и тогда его жизнь сложилась бы совершенно иначе.

Если бы Рами стал жаловаться на невезение, коллеги, вероятнее всего, не поняли бы его, ибо в их глазах он был просто баловнем судьбы. Во-первых, потому что работал в самом авторитетном журнале. Во-вторых, его имя было на слуху, и отчасти – благодаря статье «Те, кто в пути», вызвавшей большой резонанс в литературном мире. Даже критические замечания в адрес молодых поэтов были встречены ими без обиды, ибо первостепенное значение для них имело то, что их имена прозвучали на всю республику. В-третьих, Рами Гарипову дали жилье, что само по себе воспринималось в те времена окружающими как некое чудо. И неважно, что квартирка скорее напоминала скворечник. Отсутствие каких-либо удобств тоже никого не смущало, ибо, в основной своей массе, народ к ним тогда еще не привык. Но самым главным поводом для всеобщего восхищения и зависти коллег стал выход прекрасной книги. Это ли не счастье?! О сборнике «Каменный цветок» писали и спорили, пророча его автору блестящее будущее.

Размышляя о творчестве молодых поэтов, критик Гайса Хусаинов отмечает: «Среди созданного молодыми поэтами в 1958 году особенно выделяются две книги: первая – “Диалог с сердцем” Ангама Атнабаева, вторая – “Каменный цветок” Рами Гарипова». Подводя итоги года, он писал: «Вторая книга Рами Гарипова “Каменный цветок” свидетельствует о росте молодого поэта, о том, насколько ответственно относится он к своему творчеству. Он облакает в поэзию то, что чувствует всей душой и что можно выразить лишь поэтическим языком, стремясь передать все по-своему. Невозможно читать новую книгу Гарипова без волнения, не восхищаясь его мелодичной и в то же самое время содержательной поэзией».

Материал Гайсы Хусаинова «Размышления о нынешнем состоянии нашей поэзии» вышел в журнале «Эдэби

Башкортостан» в третьем номере за 1959 год. Читая о себе, он сокрушался: «И что же мне теперь, после такой оценки, делать? Что скажет Гайса-агай, узнай он, каково мне сейчас. Он даже не подозревает, что я в простое. Вот уже сколько времени я не могу нормально писать!»

Поначалу радость от выхода книги приглушила его озабоченность этой проблемой. Но вот наступил 1959 год, прошла зима, да и весна уже на исходе, а он так и не выдал ни одного нового стихотворения. Чего нет, того нет. Стихи ведь не вымолишь.

При встрече с кем-нибудь из товарищей, с которым Рами долго не виделся, происходит такой диалог:

— Пишешь что-нибудь новенькое?

— Нет.

— Так я тебе и поверил. Небось, строчишь всю втихомолку!

Попробуй-ка кого разубедить...

«Перевожу рассказы Франко», — не сразу нашелся Рами. Он и себе пытался внушить, что занят важным делом. Ну как объяснишь людям, что с ним происходит? Вот и поверяет поэт секреты дневнику, до которого у него в последнее время руки не доходили: «Похоже, все лучшие мои чувства я растратил на “Каменный цветок”. В этот каменный цветок я вложил всю душу, из-за чего ощущаю внутри пустоту. Вот уже почти год я не могу написать не то что нормального стихотворения — ни одной путной строчки! Совсем недавно — в феврале — меня приняли в Союз писателей. О моей книге написаны статьи, рецензии. Ей даже посвящено несколько стихотворений. Имя мое упоминается в новостях. При встрече со знакомыми я то и дело слышу в свой адрес теплые слова, а между тем, сам я давно уже не поэт...» (15.04.59).

После полугодового перерыва Рами исписывает буквально на одном дыхании множество дневниковых страниц: «Не могу писать. Нет времени, а когда появляется возможность, нет настроения. Когда же, наконец, приходит вдохновение, отвлекают всякие неожиданности: мы с женой играем самую низкопробную, самую унижительную, бессмысленную и смехотворную трагедию!.. Главную

роль в этой “трагедии” исполняет вечный и заклятый враг поэтов, их угнетатель и диктатор — его величество Деньги. Ну а мы с женой играем роли нищих — его рабов».

При всем при том Рами никого не винит: «Разве жена, которую я привез из далекой Москвы, оторвав ее от матери и от работы, виновата в том, что я, проучившись 16 лет, проработав 4 года, зарабатывая 780 рублей в месяц, принося работу на дом и исправляя ошибки разных невежд, не умею врать и юлить, борюсь изо всех сил за “свою литературу”? Кругом виноват лишь я один!..»

Неужели при наличии любимой семьи и какого ни есть собственного жилья, невозможно найти местечка, где было бы уютно и спокойно его душе? Рами Гарипов не мог надивиться на благополучных писателей. Взирая каждый раз на довольное лицо Анвера Бикчентаева, он с тревогой думал о деньгах, которые ему задолжал. Рами тщетно пытался понять этого жизнерадостного человека: редакторы готовят к выпуску на башкирском языке его книги, которые тот пишет по-русски, а когда издается на русском языке, на титуле значится «Перевод с башкирского автора»! И это при том, что успешный писатель не составил по-башкирски ни одного предложения. Многие были в курсе, а ему самому хоть бы что!..

В школьные годы Рами подолгу беседовал с Гайнаном Амири, который охотно делился с парнишкой своими мыслями. Стихи его Рами Гарипову не нравились, но он все равно их хвалил. Ему казалось, что тот устал, что его заездили. Может быть, и сам он выглядит таким со стороны? Гайнан-агай говорит ему: «Спустись на землю, Рами». И в самом деле, неужто на земле не найдется места, где его душа смогла бы обрести умиротворенность? Он живет с мыслью, что ни перед кем не склонит головы, чего бы это ему не стоило. Если жизнь трагикомедия, то следовало бы прислушиваться к суфлерам, которые не ошибаются, поскольку читают по писаному. И если в тексте написано «а теперь умри», они так и повторяют это напоминание слово в слово, как попугаи, да еще требуют исполнения приказа. Однако суфлеры поэту не нужны. По их подсказкам он жить не желает!

Проработав в журнале «Эдэби Башкортостан» чуть больше года, Рами Гарипов вдруг, ни с того ни с сего, решил оттуда уйти. За какие-то четыре года после окончания института это было третье место работы, которое он покидал. Так нигде и не прижился. Выходит, Рами — летун? В чем же тут причина? Было бы понятно, будь он нерадивым работником. Но все как раз наоборот. Те, кто работал с Рами Гариповым, отмечали его необыкновенное трудолюбие, добросовестность, умение доводить свою работу не только до конца, но и до совершенства.

Сказать, что Рами был неуживчив, тоже нельзя. Коллективу он себя не противопоставлял. Стараясь продвинуть работу, Рами Гарипов многое брал на себя. Его знали как отзывчивого товарища, как прямого, но в то же самое время справедливого человека. Зла он никому не причинял, более того, окружающим от него была только польза.

У Рами Гарипова имелись как доброжелатели, восхищавшиеся им, так и недруги, среди которых были враждебно настроенные к нему из-за его прямоты и принципиальности, а также завистники, которые были и есть у каждого, в первую очередь — у даровитых и успешных, и кои вряд ли когда переведутся. Но, несмотря на чинимые ими козни, таким никогда не удавалось остановить прогресс.

Может быть, дело было в мизерной зарплате? — Только не это, ибо какую редакцию ни возьми, везде платили примерно одинаково: достаточно только для того, чтобы можно было сводить концы с концами. Особенно бедствовали молодые сотрудники, обзаводившиеся семьями и не имевшие жилплощади. Ничего не поделаешь: сколько талантливых литераторов годами трудились, вынужденные от безысходности кому-то кланяться и, стиснув зубы, молча все сносить. Рами тоже был вынослив и терпелив, сумел выдержать немало трудностей. Так неужели у этого волевого и работающего человека запас терпения иссяк? Хотя, вероятнее всего, он переживал на тот момент творческий кризис...

Весну Рами провел в Аркауле. Ходил в березняк, где любил бывать в детстве, видел там последние подснежники,

пахал землю, работал на огороде, пил с наслаждением парное молоко. Как-то раз лунной ночью Рами прошел в одиночку от Малояза до Кропачева пешком. По дороге развел костер, посидел возле него, подпевая заливавшимся соловьям. А потом вдруг нашел на него смех. И он долго смеялся, как ненормальный. Вернувшись из родного аула в Уфу, Рами несколько дней ходил словно окрыленный, ощущая в себе неисчерпаемый заряд энергии. Все спорилось. Как было бы замечательно, если бы такие моменты случались чаще!

Периоды простоя, когда он мучился, оттого что не мог писать, бывали у Рами Гарипова и прежде. Но одно дело — оказаться в таком положении в студенческие годы, когда еще мало опыта, а все силы и время уходят на учебу, и совсем другое — теперь. Рами хорошо помнит те дни, когда он, вернувшись из Москвы в Уфу, трудился на подъеме, с небывалым доселе вдохновением. Особый же энтузиазм испытывал он, готовя к выпуску свой «Каменный цветок», когда для него ничего, кроме поэзии, как будто больше уже не существовало. Рами вложил в этот сборник все, что до этого видел и пережил. Не означает ли это, что полностью выложился и с тех пор пребывал в растерянности, не зная, чем бы заполнить душевную пустоту?

Для того чтобы слагать хорошие стихи, опыта и владения техникой недостаточно. Рами давно познал силу слова и усвоил необходимые для творчества приемы и секреты, но новые стихи отчего-то не появлялись. Неделями, а то и месяцами он не мог выжать из себя ни одной строчки. Как будто после рождения «Каменного цветка» сердце поэта превратилось в камень. Невзгоды выдержать еще можно, но ощущать себя до такой степени беспомощным просто невыносимо.

И вот однажды, когда на глаза ему попало новое стихотворение Мустая Карима, Рами почувствовал вдруг некоторое облегчение. Его название полностью отвечало настроению молодого поэта — «Стихи мои, куда ж вы подевались?».

*Где вы, куда ушли,
Мои стихи?
Сон потерял я,
Вкус воды забыл.
Я в комнате, где синий дым плывет,
Из ночи в ночь вас жду почти без сил.**

Прочитав эти строки, Рами встрепнулся и поразился, насколько точно оно выражало его беспокойное состояние. Если уж сам Мустай мучается от отсутствия вдохновения, почему же Рами Гарипова должен миновать творческий кризис?

Моля о вдохновении, Мустай Карим обращается к роднику, к горам. Но «если в груди не бушует гроза, разве горы могут дать тебе голос?». В поиске вдохновения поэт продирается сквозь лесные чащи, взбирается на скалы, бродит по нивам, склоняет голову перед Уралом, считая его золотой колыбелью... Всюду жизнь бьет ключом, «посеяв радость», люди «пожинают счастье». И только поэт все еще пребывает в растерянности.

Мустай-агаю повезло: почерпнув вдохновение от забываемых встреч на родной земле и в дальних странствиях, он снова с добычей! Когда Рами бывает на Юрюзани, он тоже как будто заново рождается. Только теперь такие поездки выпадают ему не часто. Птица вдохновения прилетает и снова надолго исчезает. Если бы он не ощущал в себе нерастроченные силы, то, вероятно, не тревожился бы так. Даже когда все на свете кажется бессмысленным, Рами всем нутром чувствует, что смысл на самом деле есть. Если разумом он не понимает, то сердце его чувствует, и эти чувства пока теплятся в нем: тебе, поэт, еще есть что сказать, и твое горение, и горести, и всплески радости еще впереди! Впереди будут и моменты наивысшего вдохновения, и наслаждение счастьем! А путь к этому ты сможешь найти лишь сам, только сам!

Если бы Рами не ощущал в себе некую скрытую силу и пока еще не растроченную энергию, он давно бы махнул

* Перевод И. Снеговой.

на все рукой и, засучив рукава, принялся бы за какое-нибудь другое дело, для освоения которого ему хватило бы и задора, и усердия, и умения. Принести своему народу ощутимую пользу можно и не будучи поэтом. Только когда ты околдован словом, когда литература овладела всем твоим существом и стала судьбой, изменить направление трудно. Невозможно сменить маяки-ориентиры, отказаться от священной цели, дорогу к которой прокладывал грудью на протяжении многих лет.

Просто бывают порою моменты, когда хочется вырваться куда-нибудь подальше. Может быть, только тогда спадут путы, обрушатся невидимые глазу преграды и впереди откроются новые горизонты... С каждым днем молодой поэт все больше понимал, что для этого необходим какой-то резкий поворот, потребуется сделать очень решительный шаг.

Он часто вспоминает «Письма к братьям по перу» Мустая Карима, особенно то, что адресовано ему: «Третье письмо. Рами Гарипову». Слова из последней части письма Рами помнит почти наизусть:

«В последнее время наряду с удачными стихами у тебя встречаются надуманные, искусственные вещи. Реже ощущаешь и представляешь себе ароматы Юрюзани, шум берез, завывание ветра, игру солнечных лучей на поверхности земли. Это меня очень беспокоит.

Ты не только в мыслях летай на берега Юрюзани, но и чаще возвращайся туда сам. Встав на рассвете, пробегись по росистой траве босой. Пусть эта влага впитается в твоё тело. Буди песнями дремлющие в тумане березы. Обнимай их так крепко, чтобы пробудить ревность в стоящих рядом дубах. Расправив плечи, коси сено, сметывай его в стога, зимой ходи по сугробам в лес, руби дрова. Прорубив лед, сковавший Юрюзань, испей из нее водицы, вскочив на неоседланного коня, мчись в степь. Повидай людей, которые дали тебе первые представления о мире — понятие человечности, лжи, добра, любви, ненависти, чести, правды, низости, красоты и мечты.

Я пишу об этом не ради красного словца или чтобы, как водится, призывать писателей вернуться в деревню.

Я не уговариваю тебя уехать туда навсегда. Возвращайся, как только по ней соскучишься, а для того чтобы соскучиться, нужно чаще ее вспоминать. Пускай не зарастает травой тропинка, ведущая в родные места, потому что именно там корни твоей поэзии».

Не забывает Рами и слова из написанной Гайсой Хусаиновым рецензии на «Каменный цветок»: «Тематика этой книги Рами Гарипова пока еще узковата. Пока он кружит, главным образом, вокруг одних и тех же объектов юношеской, студенческой поры. Родные сердцу края, добрых людей-земляков описывает как бы мимоходом... А ведь его поэтическое вдохновение проистекает именно оттуда — от родной земли».

Прочитав в первый раз пожелания поэта, которого он считал своим учителем, и критика, окончившего ту же школу, что и он, Рами долго думал до тех пор, пока не согласился: «А ведь они правы». Он никогда не порывал связи с родными местами. И живя в Уфе, Рами оставался в душе близким к природе деревенским мальчишкой. При каждом удобном случае спешил он на берег Агидели, а услышав пение птицы, замедлял шаг и останавливался, как бы ни торопился.

В последнее время тоска по земле сдает его все сильнее. Сейчас ему уже не приходится подавлять в себе желание жить, как в детстве, в единстве с природой, быть неотъемлемой ее частью, и черпать силу в трудные времена от родной земли и земляков. Скинуть бы с себя прочь ярмо городской жизни! Теперь он, как никогда, понимает смысл данных ему советов и непременно им последует. И в том, что источник его поэзии иссяк, винить никого не станет.

Нужно научиться вслушиваться в дыхание родной земли и быть как можно ближе к своему народу. Почаще смотреть в глаза людям, которых знаешь с детства. А может быть, ему следует порвать с Уфой вовсе и зажить новой жизнью в родном краю? Чего же Рами боится — потерять работу, жену, убогую квартирку? Если и дальше так пойдет, он может в конечном счете потерять самого себя! Разве не это самое страшное?

Такими мыслями терзался Рами Гарипов весной 1959 года. Трудно, да и невозможно представить себе в деталях ощущения другого человека в такие критические периоды. Как бы ни силился понять его состояние умом, ты можешь только догадываться, что с ним происходит. Кто еще мог бы с наибольшей достоверностью передать переживания Рами, как не он сам? И, читая его записи, каждый раз мысленно благодаришь его: «Как здорово, что ты вел дневники, как хорошо, что они сохранились!»

«10 мая. Я давно уже не писал стихи, словно никогда этим и не занимался!..

Не писалось!..

А ведь сколько ночей

Посвятил я своим стихам.

То ли обманул я людей,

То ли обманулся сам?

Или не о чем больше писать?

Может, высказал все,

Что хотел сказать?..»

То ли оттого что у него долго ничего не получалось, Рами сочинил длинное стихотворение, больше смахивающее на декларацию. Записанное в дневнике и не вошедшее ни в один сборник, это произведение явилось одним из самых убедительных доказательств серьезного драматического перелома в его жизни. Тот перелом не сразу найдет отражение в творчестве Рами Гарипова, но именно после него поэт перешагнет и вступит в новый этап.

Вот как комментирует он в дневнике созданное им тогда: «Это либо последнее мое стихотворение, либо — первое... Такое ощущение, будто в сердце вызрел и вот-вот лопнет какой-то нарыв. А иначе я просто не выдержу. Ведь это не жизнь! Я превращаюсь в какого-то обывателя. Это значит, я дошел до такого предела, что становлюсь самому себе врагом!.. Разве к этому я стремился, разве о том мечтал?! У меня нет права писать. Поэтому и не пишется. А все потому, что я не умею лгать, не желаю опускаться до такой низости!»

В ярости поэт не в состоянии обуздать свои мысли, и они путаются. Нет ничего удивительного в том, что в этот судьбоносный момент в голове его царит хаос. Решение же тем временем крепнет раз за разом: «Придется начинать все сызнова, учиться пахать чернозем, радоваться плодам, впитавшим силу, тепло и свет, исходящих от рук твоих. Надо научиться ценить мудрое и простое счастье, которые дают эти самые плоды. Только тогда ты сможешь почувствовать вкус того, что выращено другими. Только в этом случае у тебя будет моральное право утверждать, что ты постиг разум человека, его мысли, ощущения, чувства, надежды, мечты — его прекраснейший внутренний мир. Кто дал тебе право брать в руки перо прежде, чем ты обогатился этим трудом и судьбами людей, строящих новую жизнь? Вот и получается, что такого права у тебя нет!»

Несмотря на свойственную ему прямоту, Рами высказывал свое мнение осторожно, стараясь не ранить самолюбие собеседника, даже если его претензии были справедливы. А вот по отношению к самому себе он был беспощаден. Если надумал покинуть Уфу, то нечего ныть. Он отрежет путь к отступлению. Если жена все время твердит ему, что он фантазер и мечтатель, значит, таким он и должен быть. Но жизни в городе с него пока хватит. Уфе и Москве Рами благодарен за многое: за знания, которые они ему дали и за то, что посвятили его в таинство поэзии. Только теперь в мире литературы он задыхается, птица вдохновения взлететь не может. Будь что будет, но ему надо, как можно быстрее, попасть в родные края!

Запись за 10 мая 1959 года заканчивается так: «Ты должен вернуться на землю, где родился, к самому себе. Посеять в эту землю хотя бы несколько здоровых зерен и увидеть плоды своего труда! Только так ты сможешь учить людей делать это и получишь право писать. Пиши от души, смеясь и плача, и точно так же — смеясь от души и плача — тебя будут читать».

Сказано — сделано. Прежде чем объявить о своем решении другим, Рами много раз его обдумывал. И вот он уже едет в Аркаул посоветоваться с земляками. Начальство одобрило желание поэта вернуться в колхоз. Вначале он

рассчитывал выучиться на тракториста, чтобы бороздить нивы, где проливал пот его отец, выращивать хлеб. Но от руководства поступило встречное предложение: «Чем ворочать землю, вода за собой ворон, займись-ка ты лучше молодежью, поработай комсомольским вожаком!» Что ж, для Рами это дело знакомое. Глаза у него загорелись. Давно он не испытывал такого душевного подъема.

Итак, сказано — сделано. Слово подобно пущенной стреле. Свое слово Рами сказал, но не ожидал, что весть о его возвращении в деревню поразит его жену в самое сердце. Они долго спорили. Но он так и не уступил, не отказался от принятого решения.

Заявление Рами рассматривалось в Союзе писателей. Ходатайство председателя Аркаульского колхоза и секретаря парторганизации о направлении Рами Гарипова на работу было принято во внимание. Ознакомившись с ним, Мустай Карим воскликнул: «Просто здорово! Этого председателя можно взять в Союз писателей консультантом!» Члены правления встретили его слова дружным смехом. Рами тоже засмеялся. Откуда же им было знать, что письмо написал он сам. Не добавив ни одного слова, его напечатали и отправили. Подпись, печать и айда!..

Участники заседания с пониманием отнеслись к идее Рами Гарипова поработать в колхозе. А для того чтобы дать возможность освоиться на новом месте и немного приодеться, решили выписать ему на два месяца командировочные.

Новость распространилась очень быстро. Мнения были самые разные, но те, кто одобрил столь смелый шаг, оказались в большинстве. Рами испытывал и радость, и страх. Будто ему предстоял прыжок в студеную воду. Молодой человек изо всех сил старался успокоить себя: до сих пор не было случая, чтобы он спасовал перед трудностями. А на этот раз у него есть самая надежная опора — его родная земля и земляки.

Часть четвертая

ВОЗВРАЩАЮСЬ К ПЕСНЯМ МОИМ

Певучий и журчащий источник творчества поэта берет начало на его родной земле. Колыбельная песня матери, отчий дом, близкие люди, соседи и сверстники-друзья — все это складывается в его первое представление о мире, в который он приходит. И в данном случае был бы весьма уместен совет великого Гете: «Если хочешь понять поэта, посети место, где он родился», хотя в действительности последовать ему было бы очень сложно.

Сколько же людей мечтают побывать на родине любимых поэтов! И чтобы осуществить это заветное желание, сколько стран пришлось бы нам объездить, сколько континентов пересечь. Редко кому выпадает такая удача.

А какое удовольствие испытали бы многие из нас, если бы смогли проехаться хотя бы по родному Башкортостану, побывать в местах, хранящих память о наших кумирах. Что греха таить, нередко бывает, что о существовании некоторых населенных пунктов нашей республики нам становится известно исключительно благодаря тому обстоятельству, что они оттуда родом.

Известное изречение Гете адресовано читателю, вознамерившемуся побольше узнать о любимом поэте, лучше понять его. Но вместе с тем оно пришлось бы кстати и иному поэту, которому приспело время разобраться в самом себе. Для того чтобы глубже постичь смысл бытия, ему необходимо вернуться к своим истокам, как можно чаще бывать в родных местах, общаться с земляками, слушать их, смотреть им в глаза.

На протяжении веков наш народ безотрывно жил в своем благодатном крае в окружении лесов, степей и гор. Но сколь бы ни были привязаны башкиры к родной земле, оставаться вечно беспечными детьми природы они не могли. То и дело находились объективные причины, вынуждавшие их скрепя сердце покидать любимую Отчизну надолго, а то и навсегда. Бывало, конечно, башкирские юноши добровольно уходили с караванами за знаниями в далекую Бухару. Но сколько раз нашим предкам приходилось участвовать в военных походах после вхождения Башкортостана в состав Русского государства, охранять его границы. Если сосчитать, если сложить вместе километры, которые отмахали башкирские батыры на своих скакунах за сотни лет, то, наверное, получится расстояние, не только равное по длине окружности земного шара, но и космических масштабов.

А сколько верст одолели в муках тащившиеся в кандалах на каторгу башкирские борцы за свободу после жестоких подавлений бесчисленных восстаний, сотрясавших Российскую державу. Их отправляли целыми партиями в разные концы необъятной империи — от берегов Балтики до Байкала. И нам никогда не узнать, сколько мужественных воинов погибло в таежных лесах Якутии, в вечной мерзлоте Сибири.

Все это нашло отражение в башкирском фольклоре. Ностальгия по родному краю вылилась в неповторимые произведения. И в этой сокровищнице народного искусства есть бессмертные песни одного из самых отважных и верных сынов Башкортостана — Буранбая, безвестно сгинувшего на сибирской каторге.

Мало кому из батыров, мечтавших вновь ступить на священную землю Урала и, как поется в одной из старинных башкирских песен, «записать историю на его камнях», посчастливилось вернуться на родину. Но народ помнил своих героев и продолжал слагать от их имени песни. Так появились трогательные послания башкирам Салавата, отбывавшего каторгу в далекой и неприступной эстонской крепости Рогервик. Самому ему так больше

и не довелось увидеть родной Башкортостан. Зато его песни добрались до нас, долетели по воле народа и благодаря его богатой творческой фантазии.

Среди нетленных творений, насквозь пронизанных тоской по родине, есть также песни-плачи угнанных на чужбину башкирских красавиц-невольниц, которые тоже рвались домой, готовые идти пешком, стирая в кровь ступни своих ног. Да что там люди, скотина — и та стремилась в родные края, упорно продвигалась вперед, не разбирая дорог, притягиваемая неведомой силой. Одним из таких случаев навеян знаменитый башкирский эпос «Кунгыр-буга».

Таким образом, мы вправе считать, что ностальгические мотивы и тема возвращения легли в основу целого пласта башкирского фольклора.

Идейно-тематические особенности народного творчества развиваются в большинстве своем, как правило, в письменной литературе. В этом смысле ситуация с темой возвращения в башкирской поэзии складывалась иначе. Долгое время у нас в данной сфере практически не появлялись стихи, сколько-нибудь достойные занять место в истории нашей литературы, ибо не было видимых оснований для создания произведений подобного характера.

До Великой Отечественной войны уклад жизни башкирской нации был, главным образом, сельским. И даже тот, кто перебирался в город, связи с родной деревенской средой не порывал. В основной своей массе, башкиры, обучающиеся в вузах, занятые на строительстве новых заводов или разработке нефтяных месторождений, были по своей изначальной сути крестьянами с выраженной деревенской психологией. Да и поэты, будучи почти сплошь выходцами из сельской местности, были крепко привязаны корнями к земле и интересовались, прежде всего, проблемами сельчан.

В 20-е годы XX столетия Сергей Есенин, которого называли последним певцом деревни, писал о «смешном дуралее» — о «красногривом» жеребенке, скачущем наперегонки с мчащимся «чугунным поездом»:

Неужель он не знает, что живых коней

Победила стальная конница?..

И в тот же самый период конфликт между городом и деревней нашел свое яркое отражение в поэзии татарских поэтов Хади Такташа и, в первую очередь, Хасана Туфана. А что касается их башкирских коллег, то для них эта тема тогда еще не успела стать актуальной.

Тем не менее трагические события, происходившие в 20–30-е годы в общественной жизни нашей нации, начались именно с деревни. Одновременно с открытием новых очагов образования и культуры, а также с борьбой за ликвидацию безграмотности, представителей знатных фамилий объявляли классовыми врагами и отправляли в ссылку. Громили мечети и, наряду с религиозными книгами, безжалостно уничтожали древние рукописи. Поэзия же воспевала весь этот вандализм и, вместе с тем, славилась стройки века, оценивая и то, и другое с классовых позиций.

Одной из центральных тем башкирской поэзии стал мотив возвращения, напрямую связанный с окончанием Великой Отечественной войны. На полях кровопролитных сражений воины только и мечтали, что о скорейшей Победе и о возвращении целыми и невредимыми домой. В послевоенный период не было, наверное, поэта, который бы не воспел радость от встречи с близкими.

В 1945 году Мустай Карим написал цикл «Возвращение», в 1946 году – стихи «Цветы приветствуют меня...» («Здравствуй!» – говорят цветы) и «Солдат». У Назара Наджми было свое «Возвращение» – цикл, созданный им в 1947 году.

Давным-давно, когда башкирские воины, дошедшие в составе русской армии до Парижа, где они купали в Сене своих взмыленных лошадей, достойно закончили долгий поход, сэсэн Баик обратился к соплеменникам, с ликованием их приветствовавшим: «Похлопаем по спинам батыров, вернувшихся с войны». И вот, спустя сотню с лишним лет после тех далеких событий нашему народу вновь было суждено изведать чувство радости вместе с болью утраты.

Победа стоила нашей стране неисчислимых, невиданных доселе жертв. Всенародное горе было столь велико, что под ним сгибались даже самые стойкие, выносливые мужчины. Каково же было возвращающимся с победой домой солдатам, прошагавшим несколько лет дорогами войны и хлебнувшим немало лиха, видеть повсюду голодных и раздетых сирот, пожелтевших от горя вдов и разоренные хозяйства. Приходилось стискивать зубы, чтобы не выдать криком невыносимой боли. Но она находила-таки выход в искусстве, в творчестве, и в частности, в произведениях типа стихотворения Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату» и поэмы Александра Твардовского «Дом у дороги». В целом же характер советской послевоенной поэзии определялся, в соответствии с требованиями момента, оптимистическим настроем. Говорить в таких условиях неприкрытую и горькую правду отваживались лишь немногие. А в башкирской литературе таких precedентов и вовсе не было.

Собираясь с семьей в Аркаул, Рами Гарипов даже не помышлял о том, что станет зачинателем абсолютно новой темы в башкирской поэзии — темы возвращения поэта в родные места. Человек, еще не достигший и тридцати, как правило, легок на подъем. В эту пору люди нередко предпочитают оседлому образу жизнь кочевую, охотно путешествуют.

Переезд не стоил Гариповым особых хлопот. Главное их богатство составляли книги, и все нажитое ими имущество уместилось в одной машине.

Суета и дорога, так или иначе, закончатся, а вот тревожным мыслям нет конца. Рами не совсем уверен, справится ли он с комсомольской работой в таком большом хозяйстве, потянет ли. Сколько усилий потребовалось ему, чтобы наладить работу комсомольской ячейки в редакции газеты, а тут под его началом будет столько аулов! Придется туда регулярно наведываться, справляться о состоянии дел, которые он сам же и будет организовывать. Как все успеть?

Вначале Рами планировал пройти курсы трактористов, чтобы стать хорошим механизатором, пахать землю,

растить хлеб. Вон, известный прозаик Али Карнай поработал в Давлекановском районе трактористом и потом написал очерк «Степные огни». Намереваясь отправиться в Аркаул, Рами Гарипов частенько вспоминал Али Карная, размышлял о его творческом пути. Писатель жил среди нефтяников Ишимбая и был автором большого числа произведений.

Председатель колхоза Рашит Кинзин и первый секретарь Салаватского райкома партии Сабитов, узнав о желании поэта поработать трактористом, не поддержали его, категорически высказавшись против этой затеи. Рами же ожидал от них иной реакции, уверенный, что они одобряют его шаг: «Надо же, поэт решил стать пахарем, растить своими руками хлеб. Просто здорово!» Надеялся на их благословение, а они ему — про ворон.

Вообще-то, руководству, наверное, виднее, где он будет нужнее. Работая с молодежью, Рами действительно может принести колхозу ощутимую пользу. Да и для творческого роста такое общение ему не помешает. Так что выгода получится обоюдной.

Решение Рами Гарипова уехать в деревню вызвало больше недоумения, чем понимания. Даже в Союзе писателей, где ему выдали направление на работу, нашлись сомневающиеся. Только виду не подавали. К 50-м годам к прославленному всеми движению «тысячников», партиями отправлявшихся на село, чтобы принять участие в подъеме сельского хозяйства, успели уже привыкнуть. А вот для башкирских литераторов поступок Рами Гарипова был в диковинку. Что ни говори, он не принадлежал ни к «тысячникам», ни к «сотникам», а был поэтом. Многие восхищались его смелым и благородным поступком, а некоторые провожали с ухмылкой: «Уехать-то проще простого. Посмотрим, посмотрим, с чем в Уфу возвратишься».

Среди односельчан по этому поводу тоже ходили разные толки. Для большинства переезд Рами Гарипова из столицы в захолустье оказалось полнейшей неожиданностью. Основная часть молодежи не скрывала своей радости. Но иные отказывались его понимать. Как-то в голове не укладывалось: молодые люди не знали, как сбежать

отсюда, и чтобы удержать их в колхозе, им даже не выдавали на руки паспорта. А этот парень добровольно вернулся, не взирая на то, что окончил престижный московский вуз, работал в издательстве, в республиканской газете и журнале, выпускал книги, которые хвалили в печати. В общем, землякам было чему удивляться.

По прошествии многих лет найдутся люди, которые попытаются придать поступку Рами Гарипова политическую окраску. Именно в данном направлении будут искать причины трагедии как его самого, так и некоторых его современников. Вот, например, какую информацию можно почерпнуть из воспоминаний Булата Рафикова «Письмо в Москву»:

«Рами и Надя жили в небольшом деревянном домике. Хозяйка приготовила хороший стол. Первую рюмку выпили за встречу, затем я предложил тост:

– За скорое твое возвращение из ссылки!

– Эта ссылка продолжится и в Уфе, – задумчиво произнес Рами. – Вон, что сделали с твоими стихами в “Агидели” – взяли да и швырнули на пол... Про Габсаляма говорят, будто бы он слег. Видать, довели. Ахтари отправили обратно в Мечетли, якобы с целью укрепления народного образования. А ведь для поэзии это потеря и еще больше – для науки. Они никогда не забудут про наше письмо и нам забыть не дадут.

Не дали забыть. О дальнейшей судьбе Рами хорошо известно. Сам я лет двадцать не печатался. Зуфар Габсалямов, которого прочили на роль Белинского в башкирской литературе, и Марат Мингажетдинов кончали себя сами. Большой талант Рашида Ахтарова так и не раскрылся*.

Представители молодого поколения могут подумать, что все так и было. В действительности же, ситуация выглядела несколько иначе. Во-первых, Рами Гарипова в ссылку никто не отправлял. А причиной того, что Булат Рафиков жил какое-то время в изоляции от литературной среды, заключалась, прежде всего, в нем самом. Что же касается Зуфара Габсалямова, то в то время, когда Рами

* Булат Рафиков. Сочинения. Том 2. С. 323.

работал в районе, он был еще в полном здравии и к тому же учился в Москве в аспирантуре, а заболел уже позже. Да, спору нет, жизни Зуфара и Марата закончились трагически, однако винить кого-либо в этом несчастье никаких оснований нет.

Теперь насчет Рашита Ахтари, который на самом деле был необыкновенно талантлив. Однако никто ему не противодействовал. Вся беда была в том, что он, несмотря на то что талант его высоко ценился, не сумел им воспользоваться как надо.

Безусловно, всевозможные козни и даже политическое преследование по отношению к Рами, к его сверстникам и преемникам имели место и не могли не сказаться на их творческой судьбе. Бывало, чинили им и более ощутимые препятствия, мешавшие дальнейшему продвижению. Но, я полагаю, не следовало бы все неприятности, неудачи и даже трагические моменты в жизни той или иной личности списывать исключительно лишь на политические условия либо на произвол властей. Нельзя, по-видимому, не учитывать также и такой немаловажный фактор, как безответственность самого человека, и то, что называется роковыми обстоятельствами.

За четыре года, проведенные в Уфе после окончания института, Гариповы натерпелись трудностей. Только они не сбили главу семейства с ног, не лишили его выдержки, не сумели заставить отказаться от цели. И если поэт решился на время покинуть город, то это не значит, что он был доведен до крайности. Мы не должны представлять его себе сломленным и жалким. Рами Гарипов не был политической жертвой, и из столицы его никто не выдворял. Конечно, в будущем поэта ожидают гонения и несправедливые обвинения со стороны некоторых руководителей республики. Поэтому летом 1959 года, когда Рами вернулся в родные края, он был полон сил, энергии и грандиозных планов.

В написанном по приезду в Аркаул стихотворении «Передовая» он отвечает на вопросы, с которыми к нему приставали в Уфе:

— Как, ты еще не уехал? — спрашивают.

— Нет, — говорю, — не уехал пока.

— Никак передумал, решил остаться?

— Нет, просто не все завершил дела.

Вопросы какие-то странные,

От них на душе тяжело.

Как будто я бросил оружие,

Будто в бою побежден!..

А ведь я уезжаю не куда-нибудь —

В родной аул лежит мой путь.

С твердым намерением начать новую жизнь Рами принял за работу, засучив рукава. Как заметил он сам:

Жизнь есть везде,

и даже — на Луне.

Жизнь кипит городская.

Но мне интересна —

линия, что впереди,

Для меня передовая

сегодня — в степи.

Вспоминая с грустью период затянувшегося творческого кризиса, поэт чувствует, что вдохновение покинуло его не насовсем, что впереди у него своя Болдинская осень, что и на улице Аркаула будет праздник!

Однако работа в колхозе надолго отвлекла Рами от творчества, вынудив его отложить на неопределенный срок осуществление задуманного. Жилье ему предоставили в помещении с другой стороны сельмаговского склада. В распоряжении Гариповых были две тесные комнатухи. Целую стену в одной из них заняли полки с книгами, обилие которых поражало каждого входящего, мол, как им удалось столько собрать и каким образом все это сюда доставили?!.

Первым делом комсорг Рами Гарипов решил познакомиться с молодежью. Списки комсомольцев из каждой деревни он переписал себе в записную книжку, находившуюся у него всегда под рукой. Рами старался как можно

чаще наведываться в школы, библиотеки и красные уголки. Не обходил стороной и фермы. При этом он постоянно фиксировал в блокноте не только то, что видел и слышал, но и возникавшие у него по ходу мысли.

Эти записи Рами назвал «Дневниками комсомольского секретаря», предполагая создать на их основе какое-нибудь литературное произведение. Только из-за большой занятости записывать регулярно не удавалось. Поэтому в один присест он мог накатать целый трактат, после чего вновь наступал длительный перерыв. Где бы Рами ни бывал, с кем бы ни общался, он воспринимал окружающих и происходившее не только с точки зрения комсомольского лидера, но и поэта. Дух творчества не покидал его никогда, и это было очень важно.

Несмотря на суровые будни деревенской жизни, он оставался неисправимым романтиком. В марте 1960 года комсорг Гарипов планирует провести в Махмутово комсомольское собрание и заодно выступить там с лекцией. В это же самое время парторг Сайфуллин собрался в гости в деревню Таймый, да вот незадача — кроме коня, что закрепили за секретарем комсомитета, другого транспорта нет.

Вот как Рами опишет впоследствии возникшую ситуацию: «Пусть конь перешел ко мне, но я не стал гнуть из себя начальника, как он. Даже если человек запустит в тебя камнем, брось ему хлеб, — напомнил я себе известную всем поговорку и отдал ему своего коня, хотя мне самому он был очень нужен». День уже клонится к вечеру, а тут еще и буран вот-вот начнется. Но Рами Гарипов, никогда не нарушавший данного им слова, все равно отправляется в путь. Шагает и поет от радости, что побеждает буран.

Вернувшись обратно, Рами напишет стихотворение «В буран», насквозь пропитанное романтикой той эпохи:

*Стремись ты темной ночью ты вперед,
Прочерчивая лыжню, как светлый путь.
На волоске от смерти снова кто-то —
Тогда, когда нужна ему звезда!..*

А где-то там, в тайге или в пустынях,

Вступают в спор другие со стихией.

Вот так мы строим завтрашний наш день —

Дорогу торят в будущее молодые.

То было время, когда партия приняла решение послать комсомольцев — свой мобильный, надежный отряд — на главные ударные стройки, на освоение целины. Когда партия говорила «Надо!», комсомол обязан был отвечать «Будет сделано!» И все же, оглядываясь на наше прошлое, мы не должны хулить все подряд. Сколько полезных дел было совершено благодаря энтузиазму, которым был охвачен советский народ. И когда вся страна жила единым духом созидания, это настроение не могло не передаться поэту, возглавлявшему комсомольскую организацию.

Чего стоит одна только лекция, которую этот романтик выбрал для деревни Махмутово: тема «Что такое мещанство?» — не самая подходящая даже для городской аудитории, а тут его будут слушать колхозники!.. Как будто для сельчан важнее проблемы мещанства ничего не было. Тем не менее и сам лектор, и публика остались довольны. После лекции посыпалось столько вопросов — успевай отвечать! Рами Гарипова, естественно, радовала заинтересованность людей. Успешно опробовав эту лекцию в одной деревне, он будет выступать с ней и в других.

Наутро буран утих, после чего ударил трескучий мороз. На обратном пути Рами заглянул на аркаульскую ферму, и хорошее настроение как рукой сняло. Заведующий стал плакаться, что сено не подвозят, картошки нет, работника для дробилки не выделяют. Мало того, один крупный хряк застрял между клетями и сдох.

Что же получается, чуть ли не на каждом столбе навешаны красные плакаты с высокими обязательствами. И под одним из таких обязательств свежуют огромную свинью. Девушки таскают на себе тяжеленные мешки с мукой. Каково же было поэту смотреть на это! Ему стало неловко.

Чтобы еще наглядней представить себе происходившее в тот день, послушаем самого Рами Гарипова:

«Зашел в красный уголок.

Рашиля Ганиева и Марьям Ахмарова сидят там, греются. В комнате грязно, пол замусорен. Дежурного на месте нет. Газетная подшивка растрепалась. Вот тебе и красный уголок!

Девушкам я сделал выговор, пристыдил их как следует. Им стало стыдно. Мы вышли к телятам.

Телятник весь в щелях. Скособочился. Всюду грязь. Корма нет. Телята скрючились от холода и дрожат.

— Корм давали? — спрашиваю.

— Давали, — отвечают.

— А куда же он тогда подевался? Скотина-то ведь голодная!..

— Все подчистили.

— Вы хоть напоили их?

— Нет еще...

— Чем поите? Воду из речки берете?

— Из речки...

— Так не годится! Если в такую стужу будете поить телят из речки, они у вас вымрут. Воду надо подогревать. Сами-то, небось, дома теплую пьете!..

Промолчали мои комсомолки.

— А чем кормите? — не унимаюсь я.

— В этом году, кроме сена, ничего нет. Концентрат не выдают. Только свиньям, — жалуются девушки.

— Как же тогда привеса добиться?

— Да какой уж там привес! Не очоурятся за зиму — и ладно.

— Почему же вы тогда не требуете, не идете в партком, к председателю?

— Как будто с нами станут разговаривать... Наорут да выгонят.

— Пришли бы тогда в комсомитет. Вы же должны бороться за свою скотину! Почему делаете все только по указке? А еще написали вон там, что семилетку за четыре года выполните. Этак вы и за четырнадцать лет не управитесь...

— Не управимся, конечно.

— А почему у ваших телят шкура такая облезлая?

— Лишай...

— Разве фельдшер не приходит?

— Приходить-то приходит. А что толку — лекарств ведь нет... Приносил как-то, помазал...

— А сами?

— Так мы ж не фиршелы...

— Ну и что. Неужто, чтобы смазывать запаршивевшие места, нужно быть фельдшером? Расспросите, разузнайте, что и как, и делайте. А то ведь у вас ничего не получится.

Такая вот на ферме неприглядная картина».

Да, что уж там говорить, ситуация аховая.

Ничуть не лучше обстояли дела и на других участках. Куда ни сунься, везде не хватает рабочих рук. А тем временем многие женщины сидят дома. Их тоже можно понять. Кому ж захочется вкалывать, если за трудодни не платят ни деньгами, ни зерном?! А что касается приведенного отрывка, то, с одной стороны, по нему мы можем судить о среде, в которой очутился вернувшийся в родной аул поэт, и о том, с чем приходилось ему сталкиваться, с другой стороны, впечатляет, насколько живо удалось ему передать все на бумаге. Эта сценка так и просится в книгу. Если бы Рами Гарипов сделал из «Записок комсомольского секретаря» прозаическое произведение, он непременно использовал бы в нем такие эпизоды.

Несмотря на то что поэт весь, без остатка, отдался работе, и было не до стихов, с творчеством он не порывал. Рами продолжал оттачивать свое перо иным способом — заполняя дневник эскизами разных характеров, оригинальными набросками и мастерски воспроизводя диалоги.

В начале марта он поехал в Куселярово, чтобы провести там собрание. Молодежь отправилась в Аркаул на игрище. Рами поговорил с бригадиром Юлаем. «Представляешь, я и сам заработал за шесть месяцев всего пятьдесят рублей, — посетовал тот. — Кто ж станет работать за такие гроши. Уж как ни старался я, как ни трепыхался, ничего не выходит...»

Рами Гарипов приехал в родные края, охваченный жадной деятельностью. И энтузиазм у него пока еще не прошел. Каждый день комсорг встречал во всеоружии, готовый ринуться в водоворот трудовых будней. Порою он

успевал за короткое время переделать кучу дел, от которых колхозу была ощутимая польза. Только в целом положение мало менялось. Людям не хватало единства. Кроме того, на работе отрицательно сказывалось и отсутствие дисциплины. Если уж начальство не использует, как надо, имеющиеся у него рычаги и резервы, одному Рами со всем не справиться, сколько бы он ни суетился.

Вот уже на носу весенняя посевная, а семян нет. Если бы правильно организовали севооборот, то осенью машины не возвращались бы со станции порожними и трактора не ходили бы к элеватору пустыми. Сколько топлива сжигается впустую, техника эксплуатируется не эффективно, без отдачи, потому и не меняется положение в лучшую сторону. Юлай с Рами взялись подсчитать и выяснили, что при такой «работе» на Кусяляровской ферме пропадает двухмесячный надой...

Можно ли сохранять хладнокровие, записывая эти цифры?! В Кусялярово «под озимые вспахано лишь 300 га земли. Перепахать заново нужно еще 500 га. Рабочей же силы всего-навсего 125 человек (63 мужика и 62 женщины). При всем при том большинство из них состоят в штате — на ферме и в других местах. А в бригаде из всех девушек осталась только одна!..»

Но Рами был не из тех, кто пасовал перед трудностями. Как бы там ни было, он находился не где-нибудь, а на своей родине, среди земляков! Они — главная его опора. И вот уже в мозгу зреют новые планы, заполняя тетрадные листы. Рами запоем читает серию великолепных, написанных с необычайной достоверностью очерков Валентина Овечкина «Районные будни». Надо бы обязать всех руководителей ознакомиться с ними. Может, тогда они сумеют организовать работу как положено.

Оторвавшись от книг и бумаг, Рами выходит наружу и, запрокинув голову, окидывает взором ночное небо. Звезды так высоко, и оттого небесный свод как будто поднялся еще выше. В такие ночи так и кажется, что ты способен на очень многое, словно сама вселенная благословляет тебя на великие дела.

А нескончаемые заботы наваливаются уже с раннего утра. Одни колхозники с первого слова понимают, что от них требуется, с другими держишься поостроже. С кем-то вообще невозможно столковаться. Очень непросто находить к каждому подход. Да и с руководством приходится то и дело цапаться, отстаивая свое мнение.

Рами искал единомышленников среди колхозных специалистов, среди молодой интеллигенции. Некоторые охотно шли ему навстречу, поддерживали его начинания, но большинству личные интересы были много важнее общественных.

Занимаясь организацией комсомольской работы, Рами делал ставку, прежде всего на школьных педагогов и никак не предполагал, что натолкнется на равнодушие с их стороны. Вот как прокомментировал он один из своих визитов в школу: «Нынче многие учителя превратились у нас в частных собственников. И от государства получают деньги, и целое хозяйство содержат... На основную работу и на то, чтобы работать над собой, времени у них уже не остается. Так и живут, разводят скотину, копят вещи, становясь рабами скота и вещей. Оттого и нет у них никакого авторитета» (10.03.60).

Конечно, в словах поэта было немало правды, но ведь именно тогда местные начальники стали хуже относиться к учителям, унижали их и помыкали ими.

Главное оружие и сила поэта — слово. Но всегда ли он умеет использовать его по назначению, особенно написанное. Вначале Рами не придавал этому большого значения. Да и, по правде говоря, пока он знакомился с людьми, с колхозом, объединявшим множество аулов, у него и возможности-то не было задуматься над этим. Но вот однажды, когда комсорг Гарипов ломал голову, прикидывая и так и сяк, каким образом пристыдить, продернуть тех, кто тормозил их общее дело, какие слова найти, чтобы пробудить в людях самолюбие, ему вдруг вспомнились рукописные журналы и стенгазеты, которые он с товарищами выпускал еще в школьные годы. И тут его осенило: а почему бы не испробовать это средство и сейчас? Со времен интерната, когда он писал сатирические стихи

и статьи, Рами хорошо знал, что одно меткое слово бывает действеннее десятка нудных нотаций. Стенные газеты и разящие в цель «молнии» тогда тоже пользовались популярностью как в учебных заведениях, так и в трудовых коллективах. А секретарь комсомольской организации колхоза «Юрюзань» будет выпускать сатирическую газету. Он назовет ее «Крокодил», и пусть эта газета висит в правлении на самом видном месте. Вот и посмотрим, как поведут себя люди, обнаружив там свои имена.

Эффект, произведенный «Крокодилом», превзошел все его ожидания. Рами сам писал стихи, сам же их иллюстрировал. Рисунки и текст удачно дополняли друг друга. Стоило только вывесить газету, как тут же сбегался народ и обступал ее со всех сторон. Имена критикуемых гремели на весь колхоз, доходили до каждой деревни. Некоторые даже переписывали стихи.

За период работы в колхозе у Рами скопилось до тридцати «критических» стихов. Радует, что сохранились некоторые из номеров стенгазеты с его стихами и собственноручно выполненными рисунками! Эти оригинальные издания представляют собой уникальное явление не только касательно творчества самого Рами Гарипова, но и истории башкирской литературы.

Почти все советские поэты практиковали в коллективах, где они работали, выпуск стенгазет по случаю праздников с разного рода посвящениями, эпиграммами и дружескими шаржами. А сколько поэтов и прозаиков делали свои первые творческие шаги в рукописных газетах и журналах литературных кружков, будучи еще студентами учебных заведений. Если бы до сего дня сохранились стенгазеты и разные рукописные альманахи, выпускавшиеся в медресе «Галия», где учился Бабич, в пединституте времен Г. Саяма и литературного объединения БГУ «Шонкар», это было бы бесценное достояние.

Большая часть аркаульских стенгазет, к счастью, сохранилась, являясь ныне экспонатами Дома-музея Рами Гарипова. В отличие от такого рода изданий, они были продуктом не коллективного труда, а творчества одного

автора. К помещаемым в них стихам Рами относился достаточно серьезно, иначе бы он не включил некоторые из них в свой сборник «Полет».

Одно стихотворение называлось «Щучье наказание». Речь в нем шла о некоем Хидияте. Это был реальный человек. Проживал Хидият в Салаватском районе, но таких, как он, можно было встретить в любой деревне.

Уже по названиям стихов легко догадаться, кого Рами выставлял в своем «Крокодиле» на всеобщее посмешище: «Не ведущий учета учетчик», «Шофер-акробат», «Лентяй», «Укрощенная жена», «Спирттин-Хуснутдин», «Дармод». Не обошел он своим вниманием заведующего фермой, валявшегося вместе со свиньями, откликнулся на пожар, случившийся на току. Продернул и поименно перечислил девушек, которые приехали по комсомольским путевкам поработать доярками и быстренько сбежали, увидев какой на ферме тяжелый труд («Баиты четырех»). Досталось от «Крокодила» также и парткому. Рами не стал скрывать имени того, кому адресовал свой стих:

*В парткоме сидишь ты, Сагит,
Лодка — в песке. Попробуй, вытащи!
Мельница новая. А муки все нет.
Новое здание. Работа — по-старому...
Понять это не хватает головы,
А тебе самому — хоть бы хны...*

Комсомольский вожак не поладил с руководителем парторганизации. Да это же своего рода ЧП — чрезвычайное происшествие, удар по политическим устоям! Не церемонясь с секретарем парткома, поэт обвиняет его в непростительном безразличии к нуждам сельчан.

Его выпады не могли не вызвать гнев у начальства и не остались безнаказанными. И хотя выражать свое недовольство открыто они пока не решались, конфликт все равно был неизбежен.

Люди, попавшие на острие рамиевского пера, не давали ему покоя. Вот подоспел из Кусепея Гиният-агай и говорит:

— Послушай-ка, Гарипов-кустым. Написать-то ты, конечно, написал, да с политической стороны у тебя ошибочка вышла. Я — необразованный старик, везу, понимаешь, на себе всю работу, а тут твой «Крокодил». Чего только народ про него не болтает. «Гиният-агай, тебя там кончали», — говорят. Какой же у бригадира может быть после этого авторитет, когда его так опускают... А ведь я, хорошо ли, плохо ли, копошусь, стараюсь, как могу...» (10.03.60).

Рами стал доказывать, что написанное им — правда. Дав прочитав агаю стихотворение, он попытался втолковать ему, что к чему, но так и не сумел переубедить. Уж слишком близко к сердцу тот принял его критику.

Зато одна девушка попросила у него карандаш и переписала для себя «Кусепеевские беды». Выходит, не зря Рами старался. Это самая большая для него награда. А что до обиженных, то тут уж ничего не поделаешь. К упрекам ему не привыкать: он из тех немногих, кто не боится высказывать правду в глаза, а таких, как гласит народная поговорка, не жалуют даже родственники.

Да, были и обиды, и даже угрозы. Пусть так, лишь бы его старания пошли на пользу делу, чтобы все — от рядовых колхозников до начальников — задумались об ответственности, которая на них лежит.

Невзирая на выражаемое недовольство и нападки со всех сторон, Рами продолжал заниматься разоблачением пороков. В колхозе проживали люди разных национальностей. Достаточно много было в Аркауле и русских, многие из которых настолько хорошо владели башкирским, что по речи их невозможно было отличить от башкир. Но тем не менее свои стихи в адрес некоторых из них Рами писал по-русски, чтобы не говорили потом, что ничего не поняли.

Кое-какие из написанных в то время сатирических стихов, вошедших в первый том сочинений Рами Гарипова, по недосмотру были включены в один раздел вместе с произведениями, датированными 1975 годом. Между тем совершенно очевидно, что они относятся к тому периоду, когда поэт работал в районе, то есть к 1960—1962 годам.

В выпуске стенгазет принимала участие и его жена. Москвичке Надежде Васильевне совсем не просто было вживаться в совершенно непривычные для нее условия. Еще в первый приезд молодоженов в Аркаул поведение его жителей показалось новоиспеченной невестке странным. Она ожидала, что встречать их сбежится вся деревня, думала, будут шумные приветствия и лобзания. Именно так принимают невесток у русских. Здесь же — ничего подобного. Она знала, что ее муж не видел близких целый год и как стосковался он по родному дому, однако Рами не бросился к родственникам с объятиями. Вначале он сдержанно поздоровался с матерью, потом по очереди пожал руки остальным домочадцам и всем прочим. И молодой килен не оставалось ничего другого, кроме как последовать его примеру. Надежда пребывала в растерянности: то ли ее приезду тут не рады?

По дороге от станции до деревни она смотрела по сторонам, поражаясь разноцветью летних полей и лугов. В Подмоскovie подобных красот ей видеть не доводилось. Точно такая же картина предстала глазам Нади окрест родного аула Рами, и потому она никак не могла взять в толк, отчего его не встречают с цветами. Ну хоть бы кто-нибудь догадался вручить им букетик! Если бы у них в Подмоскovie были такие цветы!..

И лишь потом она поняла, что за внешней сдержанностью земляков ее мужа скрывались лучшие человеческие качества, которые они не спешили проявлять. Суровые на вид и не допускающие сюсюканья здешние люди, в большинстве своем, очень радушны, умеют быть хорошими и верными друзьями, готовыми в любую минуту помочь ближнему.

С первых дней жизнь в Аркауле испытывала московскую невестку на прочность. Для коренных жителей все было привычно: непролазная грязь на улицах после дождя, отсутствие в доме водопроводной воды и централизованного отопления. Хорошо еще, что к тому времени провели электричество, пусть даже подавалось оно с перебоями. Наде, видевшей войну, к трудностям быта не привыкать. Рами — тем более. Так что на новом месте Гариповы

освоились достаточно быстро. Салавата отдали в детсад, откуда четырехлетний ребенок чуть ли не ежедневно возвращался домой с новым стихотворением. Родители то и дело просили его продекламировать самый первый выученный им стишок, приведший их в неописуемый восторг:

В вышине бьют

Куранты Кремля,

Желая нам

Доброго дня!..

Имени автора Рами не знал, что было для него не так уж и важно. Главное — то, что это стихотворение рассказывает его сынишка, и лучше его не было в целом мире.

Жену Рами Гарипова устроили в правление на должность секретаря-машинистки. Больше всего трудностей, помимо бытовых, она испытывала из-за незнания башкирского языка. Можно справиться с чем угодно, но самое сложное — постигнуть тайны другого языка.

Едва ли не с самого начала их общения Рами пытался учить Надю говорить по-башкирски. Сколько раз он, горя нетерпением, читал ей только что сочиненные им стихи, и сколько раз никнул, видя тщетность своих попыток донести до нее их смысл при помощи перевода. А ведь как было бы здорово, если бы его жена могла чувствовать гармонию башкирской поэзии!

Возможностей для овладения башкирским языком в Аркауле было неизмеримо больше, чем в Уфе. В правлении всегда толпился народ, и все, в том числе и русские, говорили по-башкирски. И где бы ты ни находился — на улице, в магазине или в клубе — везде языком общения был башкирский.

Будучи любознательной по натуре и восприимчивой к иноязычным словам, день ото дня Надежда Васильевна понимала его все лучше и пыталась на нем изъясняться. Незаменимым помощником ей в этом деле был сын Салават. Рами от души радовался, видя успехи супруги. И хотя бывать дома ему приходилось не так уж часто, процесс обучения, несмотря ни на что, не прекращался.

Как-то раз, когда Рами, как водится, что-то записывал, на память ему вдруг пришли строки из его студенческого дневника. Воспроизвести их слово в слово он не взялся бы, но отлично помнит, с каким волнением писал. Порывшись в тетрадах, Рами Гарипов быстро нашел то, что искал. Дневник, начинавшийся 1 июня 1955 года с записи: «Надя! Жена моя!..», вновь унес его в знойные подмосковные ночи. «Мы будем счастливы!..» Сколько раз повторяли они эти слова, наполнявшие их сердца надеждой и верой, придававшие им силы в самые тяжелые моменты жизни. «Мы готовы выдержать трудности. Потому что оба привыкли преодолевать их смолоду». Это не пустые слова. Гариповы много раз в своей жизни их подтверждали!

Ради того чтобы найти и перечитать эту запись, Рами переворошил той глубокой ночью дневники студенческой поры: «Потом она должна будет выучить башкирский! Язык – моя жизнь! Потому что я не могу себе даже представить свою работу без языка! Мы не сможем быть только мужем и женой. За башкирский язык мы должны взяться прямо с этого момента. Ни одного часа нельзя тратить впустую! Я должен исподволь, незаметно учить ее, поднимаясь утром с постели, на прогулке и во время обеда! Думаю, самый лучший способ – шуточный разговор. Это должно войти в привычку! Наши уроки не должны быть похожи на школьные. Ее нужно научить пониманию языка и тому, как над ним работают писатели, через историю и литературу, через песни и музыку, не отделяя от психологии, от жизни. Язык является ключом ко всему. Умения изъясняться по-башкирски слишком мало. Пусть обучение языку станет для Нади очень важным делом, пусть она работает над собой. Я верю, что за пять лет Надя научится читать и писать по-башкирски. И пусть в 1960 году мне будет смешно при чтении этих строк. Как я хочу приблизить тот день, когда бы мог порадоваться от души за свою ученицу. Уже сейчас я предвкушаю это счастье и горжусь. К тому дню я и сам должен буду освоить ее родной язык, чтобы читать и переводить Тараса Шевченко! А наш первенец будет тогда говорить и на русском, и на башкирском!»

Рами хотел разбудить жену, ему не терпелось зачитать ей этот фрагмент, но удержался, пожалев ее. Провидцем он себя не считал, но предсказания московского студента сбывались. Читая, Рами Гарипов обратил внимание на обилие восклицательных знаков, но это нисколько его не смутило, ибо последние дни, проведенные в Москве, были и вправду восхитительными, как никогда.

Записи о том, что с ним будет через пять лет, Рами закончил так: «Нет, я не хочу, чтобы все это осталось лишь мечтою. До сих пор мечты мои с жизнью не расходились. И после я останусь верен себе. С Надей мы будем счастливы!»

Тогда, в Москве, пять лет представлялись ему большим сроком, а теперь ему кажется, что они пролетели незаметно. Рами оглянуться не успел, как уже приходится подводить итог 50-м годам. Начинается первая весна 60-х. Ему кажется, что она должна принести с собой великие перемены.

Недавно в клубе состоялся организованный учителями концерт, в котором приняла участие и его жена. Надя вдохновенно прочла со сцены отрывок из «Майской ночи» Гоголя и стихотворение Геннадия Молодцова «Песнь Салавата». А потом вместе с другой невесткой, с Фанией, они спели башкирскую песню.

Сначала Рами прочитал ей стихотворение Молодцова сам. Наде оно понравилось, как и ему, и она тут же его выучила. Хорошие стихи Надежда запоминала быстро. Когда народ слушал ее, затаив дыхание, Рами с волнением и гордостью следил за реакцией публики.

*Не уходят подвиги в могилы,
Именам героев смерти нет.
Будет вечно полон юной силы
Сын Юлая, воин и поэт.*

*Гаснуть алым отблескам заката,
Тлеть седым метелкам ковыля,
Но не смолкнуть песне Салавата
Над тобой,
Башкирская земля!*

Когда она закончила, никто даже не шевельнулся. Но вот оцепенение прошло, и зал разразился дружными аплодисментами.

Кто мог подумать тогда, когда Гариповы были еще в Москве, что через пять лет жена Рами Надя будет декламировать со сцены клуба его родной деревни стихи башкортостанского поэта и исполнять песню на башкирском языке? Разве это не счастье — дожить до такого дня? Наверное, это и есть ответ на мучивший поэта вопрос: «Счастливы ли мы?»...

Сейчас жена пытается читать его стихи. Рами с удовольствием и вдохновением перевел стихотворение Молодцова на родной язык. Надежда сравнивает перевод с оригиналом и не перестает восхищаться тем, как замечательно звучит русское стихотворение в переложении на башкирский. И действительно, оба варианта достойны друг друга:

*Каһарманлык ятмай кәберзәрзә,
Батырзарға гүре юк ерзең.
Мәңгегә йәш үлмәс рухы йәшәй
Юлай улы яугир шагирзың.*

*Ал шәфәктәр балкып һүнерзәр зә
Сал кылгандар тыныр гүрендә.
Тик Салауат йыры, үлем белмәй,
Яңгырар гел башкорт ерендә!..*

Может быть, когда-нибудь Надя выучит его и сможет рассказывать со сцены так же хорошо, как и по-русски. Каждому новому стихотворению мужа она радовалась, пожалуй, даже больше, чем он сам. Стенгазеты они готовили вместе. Она была первым читателем написанных для «Крокодила» стишков, эпиграмм и частушек и первой, кто оценивал их и смеялся. А бывало так, что в роли автора выступала и сама.

Как уже отмечалось выше, аркаульские электросети работали с перебоями, доставляя народу массу неприятностей. По этому поводу Надежда написала язвительную

статью. И после нее, как бы не сглазить, проблема со светом была решена. Когда Гариповы возвращались с того самого вечера домой по освещенной улице, Надя заметила: «Все-таки прислушиваются к нам». А Рами вспомнил, как однажды ночью, оставшись в очередной раз без света, написал стихотворение:

*Как же дорог мне этот свет!
Снова смотрю, как свеча трепещет.
Когда она мерцает во тьме,
Есть у меня и солнце, и месяц.*

*Пишу, пишу!.. И грежу все так же,
Горю, горю со свечою вместе.
И тело, в седле затекшее за день,
Я разминаю в блаженстве этом.*

*А если сердце, горячее сердце
Я вырву вдруг из груди своей,
Тогда, быть может, весь мир озарится
Жарким огнем, в нем скопившимся!..*

Поэт так и остался в душе «сыном Горького»: он тоже готов, подобно Данко, вырвать горящее сердце из груди своей, чтобы осветить этот мир, погруженный во мрак. «Если бы в ауле не гаснул так часто свет и мне не приходилось бы сидеть ночами при свечке, этого стихотворения, наверное, не было бы», — шутил Рами.

А стихи между тем стали появляться у него все чаще. В первое время поэту было не до них, теперь же они буквально преследовали его. Видно, вся эта сумасшедшая жизнь в поэтическом ритме — с «Молниями», выпускаемыми в стихах, в постоянном поиске едких слов, способных пронять совесть людей, — не прошла для него даром. И пусть он писал свои стишки порою наспех, мимоходом, считая некоторые из них чуть ли не однодневками, они сделали свое дело, воспламенив, подобно искрам, его вот-вот готовое загореться сердце. У Рами Гарипова появилось второе дыхание. Чтобы прийти к этому, чтобы вернуться

к своим песням, ему нужно было вернуться к своему началу — на родную землю:

*Возвращаюсь в аул,
К горам знакомым,
В край родимый,
К дождям и к ветрам,
К буранам да вьюгам;
К людям,
                сделавшим из меня человека,
Хочу пожить с ними рядом,
Делить с ними хлеб-соль,
Одним словом — жить!*

Эти строки родились как бы между прочим, оттого что поэту было уже невозможно удерживать чувства, кипевшие в его душе. Пройдет немного времени и он продолжит эту тему, но стихи у него будут уже совершеннее.

*Возвращаюсь! Возвращаюсь!
Возвращаюсь к песням моим!
А тебя я оставлю, столица,
С тобой ничего не случится!
Будешь так же шуметь, как при мне...*

Такая вот важная перемена произошла в жизни поэта, возвратившегося в родные места. Этот перелом заставил его серьезнее задуматься о долге, о счастье и несчастье, усилил философичность его творчества:

*Кому такое счастье нужно,
Когда лишь о гнезде своем печешься?
И горести станут счастьем,
                если мелкое свое счастье —
                несчастье отбросишь ты прочь!..*

Размышления о связи личности и народа, чему Рами уделял центральное место в своих произведениях, получили развитие и в его новых стихах. Теперь он предъявляет к себе еще более жесткие требования, чем раньше:

*Будь счастлив Отчизны счастьем,
И горе Отчизны считай своей бедой.
Что есть страшнее несчастья
Быть обделенным такой судьбой...*

В программном произведении «Возвращаюсь к песням моим», часто упоминающемся, когда речь заходит не только о творчестве Рами Гарипова, но и о башкирской поэзии 60–70-х годов в целом, есть слова: «Для чего живет на земле человек?». В поисках ответа на этот вопрос, который мучает человечество на протяжении почти всей его истории, поэт решил вернуться к своим корням. Он вновь ступил на родную землю, но уже не парнишкой-студентом, а зрелым мужчиной, закаленным невзгодами, многое познавшим – как нужду и горести, так и радости.

К рубежу 50–60-х годов деревня, которую Рами Гарипов покинул в 1946 году, успела претерпеть значительные изменения. Изменились и ее жители. Жизненный опыт поэта был в то время уже побогаче, и многое он уже воспринимал по-новому. С одной стороны, Рами, как и остальные его современники, был крайне разочарован, узнав, что столько лет верил в ложные идеалы и обожествлял их, а с другой стороны, оказавшись на малой родине, он удостоился счастья увидеть явления жизни и природы, на которые прежде почти не обращал никакого внимания, разглядеть их философскую суть, глубже осмыслить и лучше понять мир. В процессе общения с людьми на колхозных полях, на фермах поэт выявлял их истинную сущность и ставил насущные проблемы ребром. До этого он был идеалистом, то и дело восклицавшим с пафосом: земля моя родная, мои земляки. Теперь же Рами столкнулся с реальной жизнью и убедился в том, что она намного сложнее, а в каком-то отношении, и проще, чем он считал. Ее суть нередко бывает скрыта под мишурой, под пышной пеной. Испытания и накопленный опыт оттачивали ум поэта, а лишения и уроки, преподносимые жизнью, многому его научили. Благодаря этому слова: «Возвращаюсь к песням моим!» остались не пустой декларацией, а воплотились в реальность.

ПОЭТ НА КОНЕ

С незапамятных времен поэты и батыры были наездниками. Кони мчали их со скоростью птицы. И принадлежавший Урал-батыру Акбузат был из той же породы крылатых коней-тулпаров. Греки называли крылатого коня Пегасом. И в башкирских народных песнях воин-поэт Салават всякий раз предстает в образе лихого всадника, увлекающего за собой соратников в бой. А верный Мустаю Кариму акбузат примчался к нему, к раненому поэту, в госпиталь.

Рами вырос среди домашнего скота. В четырех- или пятилетнем возрасте отец впервые посадил его на коня, всучив ему в руки поводья. И вот он снова верхом. Никогда — ни до, ни после этого — Рами Гарипов не проводил столько времени в седле, как за последние два года. Иной раз он был вынужден скакать от темна до темна.

Живя в Уфе, Рами с тоской вспоминал о своем любимом мальчишеском занятии. Что и говорить, джигит, величаво восседающий на скакуне, — завораживающее зрелище. И только тот, кому самому приходилось целыми днями носиться верхом туда-сюда со скованными стремянами ногами, поймет, каково было тогда комсомольскому вожаку.

Но тот воспринимал это как должное. Когда-то Гюльмарьям будила своих сыновей-пастушков, ни свет ни заря, торопила и, стараясь не подавать виду, что жалеет их, приговаривала: «Вставайте-ка, поднимайтесь поскорее! В это время отец ваш, бывало, уже давно в седле сидел».

В 1959 году юрюзанские села были объединены в крупное хозяйство. Народу объяснили, что правление колхоза будет находиться в Аркауле, что вместо двадцати начальников будет теперь один председатель и что делается это ради экономии.

Отношение к новшеству со стороны сельчан было неоднозначным. Одни его одобряли, полагая, что жизнь после этого улучшится, другие возмущались, опасаясь, что все снова перевернется с ног на голову, что отдаленные от центра аулы окажутся в невыгодном положении.

Рами был из тех, кто приветствовал эти преобразования. Его привлекала перспектива принять в них участие. Но не успел он как следует освоиться и поработать, как вдруг распространился слух, будто бы их колхоз «Юрюзань» собираются объединить с совхозом «Саргамыш»... Народная молва обычно не врет. Так и вышло: весной 1960 года объединение произошло. В укрупненное хозяйство, центром которого оставили Аркаул, вошли около тридцати деревень, а его директором назначили бывшего председателя колхоза Рашита Кинзина. Рами примкнул к тем, кто добивался, чтобы оно называлось «Юрюзань», но людей не послушали, утвердив старое название совхоза «Саргамыш». Если прежде предводитель местной комсомольской организации объезжал колхозные бригады, то теперь – отделения совхоза.

Жизнь везде есть жизнь. И Рами Гарипов, где бы он ни находился, оставался Рами Гариповым. Он привык работать на совесть и доводить начатое до конца. В объединенном хозяйстве обязанностей, работы и проблем у него прибавилось, дай бог выдержки ему самому и его сивому жеребцу. Рами всегда являлся туда, куда надо, по первому зову. Трудившиеся вместе с поэтом земляки рассказывали, что во время работы они не раз попадали в опасные для жизни ситуации.

Одну из них описала в своей статье для районной газеты журналистка Зиля Габбасова. В ту пору она работала в Мечетлинской сельской библиотеке, обеспечивая литературой одновременно книголюбов кусепеевского клуба и ябулякского красного уголка, над которыми шефствовала. Габбасова отмечает, что при Рами Гарипове работа с молодежью заметно оживилась, в аулах заново организовывались первичные комсомольские организации, стали выходить сатирические стенные газеты под разными названиями.

Случай, о котором пойдет речь, произошел в середине мая 1960 года. По причине нехватки зерна в Кусепее приостановились посевные работы. Рами распорядился доставить зерно из мечетлинских амбаров в мешках на тракторе, после чего их нужно было переправить через Юрюзань,

поскольку Кусепей находился на другом берегу. Здоровенные мужики перетаскали его на паром. Не успели отчалить, как вдруг Рами Гарипов, не утерпев, бросил поводья кому-то из стоявших рядом, и спрыгнул на паром. Когда добрались до середины реки, поднялся сильный ветер. Он не давал плывущим приблизиться к противоположному берегу. Противостояние стихии кончилось тем, что тяжелый паром оторвался от стального троса и его стало уносить течением. На обоих берегах беготня, паника, крики, а что кричат, в шуме не разобрать. Мужчины, что были на пароме, ничего не могли сделать. Когда поутихло, люди спустились на лодках к парому и общими усилиями подтащили его к левому берегу. К счастью, никто не пострадал, удалось спасти и посевной материал.

После этого происшествия Рами сделал выговор бригадиру: «О зерне надо было позаботиться зимой, когда был лед». Он не преминул продернуть виновных в сатирическом стихотворении в «Крокодиле».

В следующий раз из-за халатности руководства в одном из токов загорелись сотни центнеров зерна. Узнав об этом, Рами немедленно созвал молодежь. Ребята работали всю ночь, благодаря чему удалось спасти целую гору урожая. Как вспоминает Зиля Габбасова: «Обессиленный секретарь комсомитета лишь под утро кое-как взобрался на своего сивого коня и уехал в Аркаул».

Ему бы завалиться спать, да не до этого. Наутро в правлении уже висел листок с новым стихотворением, наделавшим много шума. Его остроумное название было построено на игре слов — «Новый Янгантау»*.

Готовя экстренный номер стенгазеты, автор поместил туда не только текст, но и рисунки, а также вывел большими буквами надпись: «Новый Янгантау» — в Махмутово. Узнаете?». Тот факт, что он высмеял жителей Махмутова, тогда как Зиля Габбасова описала подобный случай в Кусепее, говорит о том, что такого рода ЧП происходили и в других аулах. Ну а где чрезвычайное происшествие, там и комсомольский вожак.

* В буквальном переводе — «Горящая гора». На территории Салаватского района есть гора с таким названием.

Работавший в саргамышском отделении секретарем комсомольской организации зоотехник Марс Закиров рассказывает: «Однажды мы не успели провеять зерно на току. Рами подоспел, как только услышал об этом. И мы объявили по радио: “Горит урожай. Все на ток!” Примчались доярки, скотники, учителя, работники клуба и дружно взялись за дело. Проработали всю ночь, урожай спасли».

Разумеется, такие события, частенько происходившие в совхозе, как и всевозможные недостатки, оказывались объектом сатиры Рами Гарипова. Бюллетени, написанные на злобу дня, люди читали с нескрываемым интересом. В одном из своих стихотворений, называвшемся «Во сне и наяву», поэт живописует ситуацию, сложившуюся в Мечетлино, где скотина осталась без крова. Не видя иного выхода, коровы и овцы сами принялись за строительство хлева. Рами Гарипов изобразил их на рисунке с бревнами и вооруженными топорами. Стихи, где были указаны конкретные фамилии и названия деревень (Куселляр, Саргамыш, Аркаул, Таймеево, Ташаул, Сеялетау), вызвали у многих приступ ярости. Кто-то даже сорвал газету и уничтожил ее.

Да, что ни говори, должность у Рами была беспокойная. С явлениями, подобными описанным выше, он сталкивался едва ли не каждый день и, стремясь к искоренению пороков и возмутительных недостатков, очень много времени тратил на «молнии», на сочинение сатирических стихов, которые сам же иллюстрировал. Вырваться из этой круговерти, из бесконечной вереницы дел не так-то просто. Если думать только о работе и размениваться на всякие мелочи, с ней связанные, творческие горизонты могут сузиться до минимума. Очень трудно бывает переключаться от бытовых забот на мысли о смысле бытия. Текущих проблем набирается столько, что они засасывают с головой, и вроде бы нет никакого средства избавления от оных. Однако крылатый тулпар вдохновения так и рвется прочь от наскучившего однообразия и возносит поэта над повседневной суетой.

После возвращения в Аркаул Рами Гарипов написал стихотворение «Вот она, земля моя родная...», в котором

воспевает и древний Каратау, и резвую Юрюзаны. Здесь он вырос. Эта земля поила его своей водою. Когда поэт лежал на изумрудной траве, созерцая ее красоту, ему хотелось рыдать, а поднимаясь на каменные вершины, ощущал неодолимую потребность громко, во весь свой голос, запеть. Если он подолгу не будет появляться в родных местах, пусть ветви расцарапают ему лицо и пускай родная земля возродит его, как молодую листву...

Кратковременное общение с земляками, когда поэты изредка наезжают домой, всякий раз наполняют их творческой энергией, дают толчок к созданию поэтических произведений типа пушкинского «Вновь я посетил», есенинского «Анна Снегина» или «Ворота» Назара Наджи. А тут Рами приходилось уже не только видаться и разговаривать с сельчанами, но и жить с ними общими интересами, решать одни и те же проблемы, вместе гореть, тревожиться, печалиться и радоваться. С такого ракурса все виделось уже в ином свете. Бывало, наступавший день встречал Рами не только ласковой улыбкой, но и пощечиной. Восторгаясь красотами окружающей природы, живописными рассветами и закатами, поэт, в то же самое время, не должен был забывать о доярках и скотниках. Трудности сельской жизни научили его ценить искренность и верность, самоотверженность в труде, отзывчивость и человечность. Испытанное и пережитое на родной земле возродили поэта Рами Гарипова, дали его вдохновению новые крылья.

«За этот период я немало написал. Только времени на обработку нет. Стоит только отправиться верхом куда-нибудь, начинаешь ощущать, что все окрестности дышат стихами!.. Остановлюсь, начеркаю что-нибудь, пускаюсь дальше и снова пишу. То в седле, то спешившись. Эти минуты для меня самые счастливые, самые благословенные!»

А в чудесные майские дни 1961 года стихи хлынули на него потоком. Таких вдохновенных моментов было у Рами достаточно много и в году минувшем, наступающий же 1962 год окажется для него на редкость плодотворным!

В стихотворении «Голоса земли» поэт описывает красоту летней природы, разнотравье, цветы и спелые красные

ягоды, которые он собирает на берегах Юрюзани. А сколько в ту благодатную пору «собрал» он душевных стихов!

Мироощущение человека земли выразилось в стихах наступившего в его творчестве этапа по-новому. Среди них: «Возвращаюсь к песням моим», «Передовая», «Стог», «Пастушок», «Посевная», «Золотая подкова», «Добрая весть», «Пасечник». С малых лет этот мир близок каждому, кто вырос в деревне, однако до Рами Гарипова никому еще в башкирской поэзии не удавалось так естественно воспроизвести картины сельской жизни. Он сумел открыть и показать всем красоту привычных явлений, разглядеть и передать их глубокую философскую сущность. В стихотворении «Посевная» Рами Гарипов пишет: «Не спится, сон меня не берет, когда в борозду уходит зерно...»

Распутав стреноженного было, еще не успевшего остыть и обсохнуть после долгой скачки гнедого, поэт снова устремляется в поле. Всею грудью вдыхая аромат, исходящий от влажной земли, он чувствует будто рот его наполняется мякотью душистого свежего хлеба. В этот момент ощущения его, сына земли, сливаются с дыханием всей природы.

*Идет посевная, и мне ни минуты
Прожить в эту пору нельзя без тревог.
Я с теплой кровати срываюсь, как будто
Горящей сигаркою пальцы обжег.
Луна, как краюха, висит над стрехою,
И глаз не могу я от звезд отвести:
Рассыпала полночь небрежной рукою
Зерно золотое на Млечном Пути.
И я в темноту вывожу вороного,
Поспешно седлаю коня во дворе,
И в поле ночное гоню его снова,
Гоню его снова навстречу заре.
Чтоб знать,
Не к дождю ли нахмурилось небо,
Чтоб чувствовать,
Пашню завидев вдали,
Томительный запах домашнего хлеба
От влажно дымящейся вешней земли.*

*В редяющем мареве,
В дымке туманной,
Под слабыми искрами гаснущих звезд
Гремят, как могучие трубы органа,
Тревожные струны продольных борозд.
Я музыкой этой наполнен до края,
И эхо звенит, словно ветер, в ушах.
Не так ли от клавиш,
Виски отирая,
Вставал на рассвете измученный Бах?..**

Околдованный магией космической мелодии дыхания земли, поэт-хлебороб воспринимает ее как величайшую музыку. Он весь отдается ей... И тут чары вдруг рассеиваются, и внимание его переключается на прозу жизни, на вечные и неизбежные будничные хлопоты:

*...Ребята работают — лучше не надо,
Им помощь моя пригодится навряд.
И все же гоню вороного в бригаду —
А что, если нет табаку у ребят?*

К певучим сельским напевам и мотивам того периода примешивается проза жизни с ее глубоким философским содержанием, и одухотворенная проза превращается, таким образом, в поэзию. В произведениях, написанных им в начале 60-х, Рами Гарипов уделяет внимание не только житейским нуждам села, но и тем, с кем он жил в то время бок о бок и трудился. Его земляки предстают перед нами сильными духом людьми, настоящими творцами с золотыми руками. Кого из них ни возьми — хлебороба, животновода, пасечника, повара или подковывающего лошадей кузнеца, — все они крепко стоят на земле и облагораживают ее. Поэт сызмальства знает, о чем они думают, чем живут, ведь он многое вместе с ними пережил, научился у них терпению, доброте, верности и трудолюбию. Сейчас же Рами заново открывает для себя своих земляков, лучше

* Перевод Я. Серпина.

прежнего понимает их и дорожит ими. Когда он смотрит на них, память его оживает, гордость растет.

В стихотворении «Пастушок» описывается начало дня, восходящее солнце сравнивается с красным быком, бороздящим небесный свод, в то время как мальчик-пастушок шагает, разбрызгивая утреннюю росу, ведет за собой колхозных коров. Вдруг он останавливается, как вкопанный. Заложив обе руки за голову, мальчишка стоит и смотрит на небесное светило, упиваясь его лучами, точь-в-точь как бывало его отец.

В образе этого пастушка, купающегося в лучах восходящего солнца и которого очень скоро накроет тяжелой мантией черного горя, угадывается автопортрет самого Рами, каким он был в детстве. Здесь настоящее переплетается с воспоминаниями о прошлом. В последних строках поэт пишет, обращаясь к пастушку: «Я до сих пор, как и ты, наступающий день приветствую». И в деревенских стихах Рами Гарипова речь идет о хранителях светлых дней, о тех, на ком держится Отечество, кто создает своими руками его благополучие и кого по праву можно назвать творцами.

Главным требованием, предъявлявшимся деятелям советской литературы и искусства, было создание ярких образов людей труда – рабочих и сельских тружеников. Это втолковывалось им постоянно, на каждом шагу. Актуальней темы труда ничего не было. Новый период башкирской поэзии начался с прославления мозолистой руки строителя мирной жизни («Дай руку мне! Мозоли я увижу» – М. Гафури). Человек труда по праву занял центральное место в литературе Страны Советов. Но ограниченность рамками этой темы привела к тому, что нередко живых людей подменяли примитивными образами персонажей, которые, в гонке за перевыполнение плана, выжимали себя до последней капли.

Ажиотаж вокруг «производственных романов», считавшихся некогда выдающимися достижениями, давно отшумел. Мало кто теперь о них вспоминает, точно так же, как и о «производственных пьесах». Остались в прошлом, канули в небытие шумные цеха. Утих лязг железа. Рассеялся

дым заводских и фабричных труб, долгие годы затуманивавший зрителям глаза.

А ведь прославление человека труда начиналось еще в незапамятные времена, с фольклора. Эта тема звучит в древних памятниках письменной литературы и в устном творчестве самых разных народов. Не что иное, как животворный дух созидания, звал и вел героев на подвиги. Взять к примеру Урал-батыра из одноименного башкирского эпоса. Он предстает перед нами как борец с силами зла, как избавитель людей от этих сил — как истинно народный герой. Он же — хранитель жизни и ее великий творец. Взяв из волшебного источника живую воду, не испив ни капли этой чудодейственной влаги, он окропил ею землю, чтобы подарить человечеству вечность. Тем самым он победил смерть, средство от которой упорно искал.

И главный герой русских былин Илья Муромец, исцелившись от многолетнего недуга, свои подвиги начал с того, что выкорчевал лес и очистил землю под пашню. Вспомним также богатыря, легендарного пахаря Микулу Селяниновича, олицетворяющего силу крестьянскую. В то время как великан Святогор не сумел «посдвинуть, ни свернуть, ни поднять» упавшую на землю суму, Микула Селянинович поднимает ее одной рукой, сообщая, что в ней находится «вся тягость земная», которая под силу лишь мирному, трудолюбивому пахарю.

До чего ж глубок философский смысл народного творчества, какое почитание человеческого труда и созидания!

Не уподобляясь другим поэтам, Рами Гарипов не облакает думы хлебороба в декларативную форму. Он был искренне убежден, что любой созидательный труд является творческим, что в нем заложена своя философия. И одной из ярких иллюстраций такого подхода можно считать написанное им стихотворение «Стог».

Когда, подобные муравьям, трудяги, уже выбившись из сил, сметывали последний стог, вдруг, откуда ни возьмись, приплыла тяжелая грозовая туча, прогремел гром. Но сноровистые и дружные люди не дрогнули и довели свое

дело до конца. Поэт воспевает стог, который они сложили. В его восприятии это уже не сено, а стих, восхитительная песнь. Стог становится символом благородного труда, возвышающего человека, поднимающего его на пьедестал. Пусть сверкают молнии! Стог устоит, он будет стоять, наполняя радостью людские сердца. И вот звучит заключительный аккорд: «...Быть может, лучшим моим творением был этот самый стог!..».

Косари – ваятели. Из душистой травы поднимают они стога, воздвигая себе рукотворные зеленые памятники. А тот, кому доверено сформовать макушку, гордо поглядывает на всех с высоты и, когда он спрыгивает вниз, то кажется сказочным батыром, который явился на землю из мира звезд.

Люди земли, что трудятся с огоньком, сообща, с отдачей, творят чудеса. Это вдумчивые философы, понимающие смысл бытия, язык зверей и каждой былинки. Они – влюбленные в каждый цветок поэты и пылкие романтики, которые, раззудевшись, способны сдвинуть даже горы. Труд не должен быть в тягость, как бы ни было тяжело, сколько пота ни приходилось бы проливать. Когда делаешь что-либо с любовью, то вместе с чувством удовлетворения испытываешь невероятное наслаждение. Работа в радость – праздник. От такой работы огромная польза всем. Она приносит не только материальные блага, но и обогащает нас духовно.

Пожалуй, никому еще из предшественников Рами не удавалось передать столь живо и убедительно радость созидания, как это сделал он в своих деревенских стихах. В начале 60-х Рами Гарипов заложил основу светлой лирики труда, первым из башкирских поэтов заставил сиять всеми лучами радуги прекрасный и певучий духовный мир неразрывно связанных с судьбою родной земли деревенских тружеников, чье дыхание сливается с дыханием возделанных ими нив.

Думаю, недостаточно будет сказать, что в стихотворении «Добрая весть» («Сююнче») Рами показал, насколько тонко он уловил психологию земледельца. Поэт здесь – не сторонний наблюдатель. Ощущения, которые он пере-

дает, — не чьи-то, а его собственные, потому что сам был личностью с психологией хлебороба или того же животновода. Это перешло к нему от родителей: от отца Ягафара — гордости односельчан, который сутками пропадал в поле, тревожась о судьбе урожая, и от матери Гюльмарьям, удостоившейся за свой доблестный, самоотверженный труд в военное лихолетье прозвища «районного комбайна». Психология эта передалась Рами от дедов-прадедов и односельчан-сородичей. На этой земле он был не залетным гастролером, а человеком с богатой родословной. Здесь поэт вырос, здесь его корни. Поэтому все, что тут происходит, он, как никто другой, понимает и пропускает сквозь сердце.

Сельская лирика создавалась Рами Гариповым в разгар грандиознейших событий, связанных с освоением космического пространства. Вся планета пребывала под впечатлением потрясающего известия, что советский человек совершил первый в мире полет в космос. Поддавшись всеобщему настроению, Рами начал было писать на листочке посвящение Юрию Гагарину «Сыну земли, покорившему космос», но быстро сник: «Так хочется сказать о тебе самые-самые сильные слова... Но не получается! Нет слов».

Однако нужные слова вскоре появились. И родилось стихотворение «Добрая весть». Космические достижения, имевшие историческое значение, поэт воспринимал, прежде всего, с точки зрения земледельца, рассуждающего, мол, если человек завоюет вселенную, все будет подчиняться его воле: захочет — пойдет дождь или появится солнце.

Да, небывалый энтузиазм, охвативший всех и вся в наступившую космическую эпоху, не обошел стороной и Рами Гарипова. Однако мы видим, что с покорением вселенной он связывает, прежде всего, земные, в полном смысле этого слова, надежды:

Звезды, что мы с тобою посеяли,

Скоро плодами одарят всех.

Пляши, дружище, танцуй веселее —

Благодари за добрую весть.

В те годы многим казалось, будто расстояние между небом и землей резко сократилось. Эти изменения в представлениях о космических величинах не могли не отразиться на психологии современного человека, на его мышлении. В то время как Рами Гарипов творил на берегах Юрюзани свою сельскую лирику, создавая образы труженников земли, на берегах Уршака парнишка по имени Рашит Назаров, которому не исполнилось еще и восемнадцати, писал с невиданным прежде размахом стихи, вобравшие в себя дыхание и земли, и космоса: «Сердце», «Ночные думы», «Улыбается небо», «Покрылся белой пеной мой конь», «Встреча зари» и пр. Вот как живописует юный талант весенний сев в стихотворении «С земли»:

До чего ж прекрасна весенняя ночь!

Не считано в небе звезд!

На землю, застенчиво улыбаясь,

Глядят они молча с высот.

Будто хлеба буханку на ломти

Лемех плуга поле разделявает,

И в глубокие борозды звезды

Одна за другой следом падают.

Светает...

Я в предвкушении:

Скоро щедрая осень придет,

И в небо глядеть с восхищением

Будут с земли тысячи звезд.

Удивительно, насколько созвучны друг другу слова и настроения обоих поэтов. На исканиях и находках того и другого — печать той эпохи. Землю и небо они оценивают уже новыми мерками.

Утопая ногами во влажной весенней борозде, Рами Гарипов впитывает из земли энергию, наполняется поэтическим вдохновением. В этот момент поэт невольно вспоминает древнегреческого мифического героя Антея, который наполнялся нечеловеческой силой и становился

непобедимым лишь тогда, когда прикасался ступнями к земле.

В стихотворении «Песенная тропа» Рами Гарипов выявляет источник вдохновения, корни творчества. Оно точно написано на одном дыхании и воспринимается так, как будто состоит всего лишь из одного предложения.

*Ты проводи коня над темной бездной,
Прижавшись боком к выцветшей скале,
Стань беркутом, что падает отвесно
Из поднебесья к дымчатой земле.
Над бешено ревущею рекою,
К седлу пригнувшись и поводья сжав,
Ты по мостку, что стрункой лег тугою,
Не оступившись, пролети стремглав.
И высь над Куткантау прояснится,
И камни, что слоями залегли,
Как древней книги вещи страницы,
Тебе откроют прошлое земли.
И дуб расскажет на холме пустынном,
Как цепко он корнями в землю врос,
Как поднялся ветвистым исполином,
Ни стужи не боящимся, ни гроз.
И песня будет звонкой и широкой,
И душу распахнет перед тобой,
Коль ты придешь к ней не чужой дорогой,
А нетореной, собственной тропой.**

Поэт, томившийся в каменном городе в ожидании своих стихов, отыскал к ним тропинку в родном уголке. Здесь нет никакого противопоставления деревни городу. Творчество Рами Гарипова не ограничивается пределами колхозных пашен. В 60-е и 70-е годы в советской критике предпринимались неоднократные попытки разделить литературу на городскую и деревенскую, что превратилось в устойчивую тенденцию. Такие писатели, как Федор Абрамов, Василий Белов, Виктор Астафьев и Валентин Распутин были отнесены к группе «деревенщиков».

* Перевод Я. Серпина.

В этом, конечно же, есть свой резон, ибо перечисленных писателей волновали одни и те же проблемы. В их творчестве также можно выделить ряд общих черт. Но главное, что их роднило, — так это то, что они обогатили русскую прозу. Ее народность определялась в означенные десятилетия, в первую очередь, создаваемой ими «деревенской прозой».

Вместе с тем, различие в тематике, само по себе, еще не дает оснований для противопоставления литераторов друг другу, будь то прозаики или поэты. В поэзии, прежде всего, находит свое проявление судьба поэта. А судьба начинается с порога отчего дома, с детства, когда происходит становление духовной основы личности, его запросов, вкусов и жизненных принципов. Именно в этих ценностях творческий человек ищет и находит в тяжелые моменты своей жизни надежную опору.

В начале 60-х Рами Гарипов произвел переоценку важных для его жизни и творчества ценностей, вернувшись туда, где били животворные источники, восстановив и укрепив связь с земляками и с родной землей. Но если раньше связь эта ограничивалась в основном Аркаулом, то с некоторых пор ему приходилось поддерживать отношения с населением тридцати деревень. Когда-то он интересовался жизнью других настолько, насколько ему самому этого хотелось, а теперь он постоянно держал себя в курсе дел окружающих, жил их заботами. Перед поэтом-всадником и комсомольским вожаком расширились горизонты этого своеобразного мира. Он вел с сельчанами задушевные, неторопливые беседы вовсе не потому, что был по натуре медлительным, а затем, чтобы лучше узнать жизнь.

Через какие только места не пролегла «Песенная тропа» поэта-наездника. Рассказывая о Рами, знавшие его люди, упоминают, как правило, его сивого коня, а сам поэт чаще вспоминал гнедого. Мы уже знаем, что он с детства обожал лошадей. Променять на машину преданного друга он не смог бы. Впрочем, и машины в ту пору были непозволительной роскошью.

Вот что писал о своей привязанности к этим животным сам Рами Гарипов: «...Я не променял бы лошадь ни на какую машину! Машина делает человека бесчувственным, отвлекает от мыслей, от мечтаний. Мне кажется, что многие начальники именно потому и становятся черствыми, что постоянно носятся туда-сюда на своих машинах. У них не остается времени на раздумья, на разговоры с самим собой. Скорость, машинная скорость лишает их добрых человеческих качеств. Не означает ли это, что, если, с точки зрения физики, скорость уносит человека вперед, то в моральном отношении он пятится назад?»

Встретить подобные рассуждения на страницах печатных изданий в ту пору было бы невозможно. Прочитав эти записи, некоторые, верно, обвинили бы поэта в отсталости уже тогда. А сегодня его и вовсе приняли бы за чудака. Но ведь он был прав, тревожась почти полвека тому назад о том, к чему могут привести человечество технические скорости, предчувствуя, что они принесут ему не только прогресс. И в конце XX столетия мы не раз становились свидетелями ужасающих катастроф — трагических последствий искусственного ускорения.

Свои размышления о лошади и машине поэт развивает и далее, наполняя их глубоким философским смыслом: «Отрыв от природы равноценен оторванности от своего естества, от себя самого... Человек — дитя природы. Природа создала человека, сделала его таковым, наделив самыми что ни на есть человеческими качествами. И не только это. Природа дала человеку еще одну природу — дар созидания. Вторая природа — орудие человека, необыкновенно мощное орудие! Это орудие придает ему безграничную силу, с его помощью он покоряет богатейшую и разнообразную, истинную природу, становясь ее владыкой, подчиняя своей воле, своим потребностям. Как говорил Горький, “умная рука” человечества совершает для себя великие дела. Только вот разум “умной руки” оказывается менее проворен, чем все остальное. Бытие и быт, жизнь человека опережают его разум и знания, и из-за этого отставания, из-за конфликта между руками и головой, как раз и возникают всякие катастрофы...» (13.05.61).

Через три года у Рами Гарипова родится созвучное этим мыслям стихотворение:

Куда же идет человечество?

Если б знало оно, куда,

Одумалось бы, наверное,

И остановилось на полпути.

Но не ведает, себя обманывает,

Множа ложь и сея варварство.

На безумие разум работает,

На погибель всего живого.

А земля все вращается, вот-вот взорвется...

И если б хоть что-то зависело от нас,

Мы на пути ее распротерлись бы,

Чтоб от трагедии удержать...

Эх, становлюсь я рабом сомнения!

Нам же остается только удивляться мудрости и прозорливости Рами Гарипова, еще в те времена предвидевшего, какие беды обрушатся на человечество, к каким катаклизмам приведет его бурная деятельность. А ведь дневниковые записи делались им наспех, буквально на ходу, между делом. И свое пророческое стихотворение он не стал отдавать в печать. А может быть, и давал, да публиковать не захотели... Если бы Рами мог себе позволить продумать все эти вопросы как следует, если бы у него были возможности для серьезных исследований, сколько глубоких мыслей породил бы его философский ум.

В этих майских записях поднимаются глобальные проблемы, они проникнуты тревогой, предчувствием катастрофы. И думаю, не помешает, если я приведу еще один фрагмент.

«То, что мы живем в ожидании указки сверху, тоже проистекает из чувства страха. А ведь жизнь в постоянном ожидании приводит к тому, что человек лишается человечности, работоспособности, задора. Все это неизбежно

ведет к потере способности искать и думать, к постыдной беспечности — к формализму. А ведь это — средство уничтожения всего живого. Опаснейшее, на мой взгляд, из оружий...

Об этом должен задуматься каждый руководитель. Но у большинства начальников нет времени на то, чтобы думать. Он должен спешить, мчаться куда-то на машине. И вот так время и скорость вступают в конфликт.

Сидя в седле и глядя вслед очередному обогнавшему меня газику, я говорю:

— Эх, опять отстал начальничек!.. Надо бы тебе как-то помирить время и скорость!..

Да разве ж он услышит...

Он слышит лишь шум мотора и свои крикливые лозунги-призывы. Этот человек оторвался от народа, от его чаяний, от его песен и напевов, от литературы и языка, оторвался от завтрашнего дня. А между тем сам же каждое свое выступление заканчивает лозунгом: «Да здравствует светлое будущее человечества!..» Только ведь он не думает о том, каким образом добраться до этого светлого завтра, какие для этого потребуются усилия и понадобятся качества*.

Вот над чем ломает голову скачущий верхом поэт в самую чудесную и благословенную пору обновления природы.

Подавляя инициативу личности, приучая людей жить по подсказке, государственная машина заглушала творческие порывы, что породило в обществе и развило иждивенческую психологию. На каждого начальника находится свой начальник, который точно так же покрикивает на него, как тот — на своих подчиненных. Подобный «метод работы», применяемый снизу доверху, превратился в порочный круг. Многие успехи у нас достигались под нажимом, под лозунгом «Даешь план!». Сложилась своего рода «потогонная система», когда трудящихся выжимали до последней капли.

---

* Рами Гарипов. Сочинения. В 3-х томах. Том II. С. 375—377.

Рассуждая в таком духе, я никоим образом не отрицаю наличия великого энтузиазма и у самого советского народа. Душевный подъем, безусловно, был, и немалый. Но все же следует признать, что и в эпоху научно-технической революции очень многое делалось вручную. Затуманивая громогласными призывами сознание народа, в особенности молодежи, власти беспощадно выкачивали людские ресурсы. Роста экономики, технического прогресса добивались за счет безоглядного разбазаривания и истребления природных богатств, за счет нанесения непоправимого ущерба экологии. Из-за отсутствия разумного хозяйского подхода, безалаберности многое — от великих строек века до преобразований в небольших хозяйствах — начиналось нередко с бессмысленных, ничем не оправданных разрушений.

К открытому обсуждению этих болезненных для великого государства проблем придут лишь годы спустя, когда уже будет поздно. А ведь были люди, предвидевшие их уже тогда. Одним из таких провидцев как раз и являлся Раши Гарипов. Да вот только довести свои тревоги до сознания народа напрямую, через средства массовой информации, было невозможно. Так же трудно было найти среди окружающих, если не единомышленников, то хотя бы сочувствующих, с которыми он мог бы поделиться всем, что его волновало.

Да, несмотря на то что Раши постоянно находился среди людей, в сущности, он был одинок, оставаясь один на один со своими бесконечными думами-переживаниями. Именно в такие моменты он и поверял наболевшее верному, испытанному другу, каковым был его вечный спутник — дневник. Конечно, времени на любимое занятие у него почти не оставалось, зато уж, когда выпадала такая возможность, начинался поистине упоительный творческий процесс. Поэт писал, прежде всего, для себя, чтобы хорошенько обдумать и основательно проанализировать то, что он видел и слышал, но ведь записи его остались, и на них мы опираемся, когда требуется что-либо выяснить или уточнить.

Во времена советской цензуры, когда любая информация словно просеивалась сквозь мелкое сито — некоторые из русских писателей писали свои книги, что называется, «в стол», хранили рукописи «про запас» до поры до времени, надеясь, что они когда-нибудь будут опубликованы. А как же иначе? Жить без надежды очень нелегко.

В принципе, настоящие писатели такими и должны быть — более обостренно, чем другие, реагировать на происходящее, обладать особой проницательностью и интуицией. Они не имеют права скрывать свои опасения и тревоги. А когда нет возможности довести их до читателей, пускай их произведения отлежатся до лучших времен. Если на то будет воля Аллаха, рано или поздно, они выйдут в свет.

Книги, которые были бы написаны «в стол», для башкирской литературы — явление довольно-таки редкое. Что касается произведений писателей, чье творчество находилось под запретом, то народу их вернули. Рами Гарипову тоже выпала честь участвовать в подготовке некоторых из них к публикации, в частности, книг Шайхзады Бабича и Даута Юлтыя.

Романы «Поворот» Гайнана Хайри и «Родные и знакомые» Джалиля Киекбаева, тоже в какой-то степени относящиеся к разряду хранившихся в долгом ящике произведений, дошли до читателя лишь по прошествии трех десятков лет. Да и дневники самого Рами невольно вызывают ассоциацию с отложенными в стол рукописями. Несмотря на то что они не были в свое время напечатаны, эти записи отразили процесс творческих исканий, рост и достижения литературного мышления той эпохи.

«Я смотрю на свои дневники как влюбленный в свое богатство человек, всю жизнь собиравший золото, — писал поэт. — И, конечно же, в этих записях есть комментарии ко многим моим стихам. Это единые вещи, которые поделены надвое» (на стр. 372).

И как бы в подтверждение этого признания, Рами переходит на стихотворный язык:

*Ночей я дожидаясь с нетерпеньем,
Когда бы думать мог, читать или писать.
Лишь ночью птица вдохновенья
Бдит и крылами принимается махать...*

Далее он пишет: «Сон подушки не требует. Мое вдохновение тоже не ждет наступления дня, и я заставляю его работать ночами».

С интернатовских времен поэт удлинял свои дни за счет ночей, стараясь максимально использовать каждый час суток. Такой режим превратился у него в пожизненную привычку.

Важно отметить, что, поэтизируя труд, Рами Гарипов писал не по трафарету. Он создавал не каменных идолов, а рассказывал о судьбах живых людей, сопереживая им всем сердцем. При этом, бывало, слова поэта звучали печально и даже скорбно. Причиной тому были как его личные невзгоды, так и неистребимое людское хамство, невежество и несправедливость.

Стихотворение под названием «Железная дорога» как раз и родилось в результате подобных переживаний. На создание этого образа Рами Гарипова вдохновили поэмы Некрасова, Твардовского, Нигмати. Такое название ко многому обязывало, оно требовало от него освещения уже освоенной темы по-новому.

Глядя на женщин, которые в любое время года, будь то летний зной либо зимняя стужа, вкалывали на железной дороге, посещавшие СССР иностранцы только диву давались. Даже при царизме, как бы ни было тяжело иным женщинам, их не эксплуатировали столь беспощадно, не заставляли заниматься таким противоестественным для них трудом. А в нашем обществе к этому явлению привыкли настолько, что воспринимали его как должное. Иначе бы забили во все колокола. Поэты тоже не стали бы отмалчиваться.

Рами Гарипов решил не дожидаться, когда общественность обратит внимание на это безобразие, и высказал то, что уже давно обременяло его душу:

*Немало я видел дорог железных,
И всюду — одна и та же картина:
Камни ломом хрупкая женщина,
Ворочает, будто здоровый детина...
И задаюсь я вопросом невольно,
Неужто рукам ее не больно?*

Возвращающийся в родные края путник, прильнув к вагонному окошку, видит такое не в первый и не в последний раз. Он знает, что ничуть не легче приходится и сельнякам, занятым беспрестанным трудом: летом — в поле, зимой — на ферме. Видеть, как девушки ежедневно таскают на себе неподъемные пудовые мешки с кормом для свиней, было для Рами сущим наказанием. И когда он работал над «Железной дорогой», то наверняка имел в виду и их, губящих свою молодость и красоту мусульманок, на чьих плечах лежал тяжелый груз нужды, чьи ноги месили свиной помет. Не мог не думать поэт и о не дождавшихся с войны любимых мужей женщинах-вдовушках с полным подолом детишек мал-мала. Это было не просто стихотворение, а крик изболевшейся души.

В «Железной дороге» есть образ брошенного девчушкой букетика цветов, раздавленного железным чудовищем. Это злободневное произведение настраивало на пессимистический лад. Вместо того чтобы вдохновлять, окрылять труженика, его автор показывает, как его нещадно эксплуатируют. Он призывает сограждан сообща подумать над тем, как облегчить судьбу женщин, задавленных непосильным трудом. Для того времени это был очень смелый поступок.

* * *

В конце декабря 1960 года в газете «Совет Башкортостаны» была опубликована статья Раиса Низамова под названием «Рожденная жизнью песня», полностью посвященная Рами Гарипову, его работе в комсомольской организации совхоза и поэтическим новинкам. Экземпляры этого номера были нарасхват.

Окончивший три года тому назад московский Литературный институт Раис Низамов проживал в Кигах, работая собственным корреспондентом «Совет Башкортостаны» по северо-восточным районам республики. Его статьи то и дело появлялись в газете. Повесть Низамова «Сын солдата» вышла за год до этого отдельной книгой. Рами от души радовался успехам своего товарища и коллеги.

Раис часто бывал в Салаватском, Кигинском, Мечетлинском, Дуванском и Белокатайском районах. В тот момент он работал над второй повестью. К Рами Гарипову Низамов старался навещать как можно чаще. Во время последнего визита тот познакомил его с целой подборкой новых стихов. Друзья проговорили всю ночь, вспоминая Москву и делясь своими планами на будущее. Раис, никак не ожидавший услышать столько стихов за один раз, удивлялся тому, насколько Рами Гарипов вырос. Сам поэт, конечно, не очень-то это афишировал, но читатели газеты должны были быть в курсе.

В своей статье Раис Низамов пишет: «Он вернулся сюда добровольно, стосковавшись по родным местам. Молодому поэту это было необходимо. Рами осознал, что сейчас не то время, когда можно писать стихи по воспоминаниям о школьных и студенческих годах, то есть о прошлом. Вот ему и захотелось кипеть в гуще народной жизни».

В материале приводятся отрывки из стихов Рами Гарипова, говорится, что ему удалось организовать выпуск стенгазет «Оса», «Крючок», «Скорпион», «Еж», о том, что он трудится в ускоренном ритме и пишет, пробуя себя в разных жанрах. «Рами Гарипов уверенно движется к финишу семилетки. Только на творчество у него остается все меньше времени, и многие свои стихи поэт вынужден писать верхом на коне по кличке «Оскон». А как-то раз при лунном свете он исписал целую записную книжку».

Раис и Рами долго обсуждали комсомольские дела, рассуждали об ответственности руководства перед народом. В статье было приведено высказывание Рами Гарипова как секретаря комсомольской организации Саргамышского совхоза: «Нам многое предстоит сделать. Планов

у нас немало. Я считаю, что мы должны чувствовать дыхание времени и жить, ощущая его в каждом нашем деле».

Хвалебные отзывы о своих стихах на страницах республиканской печати Рами доводилось читать и прежде. Наряду с добрыми пожеланиями были и критические замечания. Ознакомившись с откликами, он долго думал, после чего воодушевлялся еще больше. А на этот раз весь Башкортостан узнал, чем Рами занимается в настоящее время, о комсомольской работе, которую он возглавляет, о том, как общается с молодежью и черпает отсюда вдохновение! Это значит, что на него ложится еще большая ответственность.

После выхода материала некоторые ехидно ухмылялись, тыча пальцем в газету. А кое-кто из начальства, желая унижить Рами Гарипова, стали гонять его безо всякой надобности туда-сюда, как какого-то малайку. Твои стихи для горе-начальников — ничто, все равно что пыль. Самое важное для них, чтобы ты преданно смотрел им в глаза, готовый в любую минуту безоговорочно броситься исполнять любое их повеление, и чтобы никогда не перечил. Рами же, привыкший склонять голову лишь тогда, когда размышлял, или над тетрадью, так и не научился повиноваться приказам сверху. Такова уж была его свободолюбивая натура, не приемлющая тесных рамок.

Совхозу Саргамыш присвоили звание опытно-образцового хозяйства. Кому ж не хочется быть образцом для подражания, примером для всей республики? Призывы к достижениям высоких показателей в работе непрерывно раздавались по всей стране. На это ведь много ума не надо. Главная проблема — выполнить взятые на себя повышенные обязательства. Ведь зачастую бывает так, что, как говорят башкиры: «Охота есть, да силы нет». Когда же, в конце-то концов, прекратят экспериментировать?!

Да не будь ты таким наивным, поэт! Сколько еще ничемных, вредительских экспериментов будет впереди! И это вместо того чтобы всерьез, по-настоящему, заняться обустройством жизни народа. Между тем труженики так называемого опытно-образцового совхоза, бывает, сидят без хлеба...

Надежды тех, кто думал, что жизнь с преобразованием колхоза в совхоз изменится в лучшую сторону, не оправдались. В самый разгар этой кампании произошел один, вроде бы неприметный, но довольно забавный случай. Перед празднованием Первомай секретарь парткома, в обязанности которого входило готовить к торжествам плакаты, флаги и транспаранты с лозунгами, распорядился, чтобы заодно обновили и доску объявлений:

— Здесь нужно поменять всего две буквы: вместо «к» сделать «с», а «л» заменить на «в». Получится «совхоз». И не надо башку ломать.

Вот каким находчивым оказался секретарь.

— Ну и голова у тебя, однако, агай! — воскликнул Рами, скрывая усмешку.

Этот пример не только показателен, но и символичен. Нововведения были выгодны руководству не только в мелочах, но и для всякого рода манипуляций. Они пользовались ими для самооправдания. Скажем, если в работе совхоза обнаруживались какие-то недостатки, начальники, ничтоже сумняшеся, валили их на колхозы. Даже Рашид Кинзин, который, будучи совсем еще недавно председателем колхоза, на каждом шагу доказывал превосходство коллективного хозяйства над единоличным, став директором совхоза, то и дело твердил, заметив какой-нибудь изъян:

— Это вам, товарищи, не колхоз!

Если уж самое высокое начальство охаивает колхозы, что на протяжении стольких лет объединяли людей, снабжали во время войны армию хлебом, чего же ждать от шишек помельче? И как же быть тогда простым людям — вросшим в землю за долгие века корнями крестьянам, которые пробыли много лет колхозниками и вдруг в одночасье превратились в рабочих совхоза? Столько старались, мол, колхоз да колхоз, и вот на тебе! Неужто все их труды оказались напрасными?

Сельчане испокон веку жили общинами, связанные родовыми, кровными узами. И с образованием колхозов это единство не распалось. Конечно, деревенский люд изведal немало лиха. Особенно досталось так называемым кулакам — самым работающим и состоятельным крестьянам,

которых объявляли врагами народа и превращали в бесправных рабов. После их массовой высылки судьба деревень передавалась в руки бездельников-горлопанов и бестолковых, несознательных батраков. Все это привело, как мы знаем, к трагическим последствиям. Но составившие коллективные хозяйства крестьяне-единоличники были людьми одного круга, жителями одной деревни и потому хорошо знали друг друга. У них был один и тот же уклад, одни и те же обычаи, язык, религия, песни, пляски. В школах обучение проходило на родном языке, художественная самодеятельность развивалась тоже на народных традициях, на башкирском языке ставились спектакли, со сцен сельских клубов звучали башкирские стихи. Любой колхоз, созданный на базе той или иной деревни, многие свои проблемы мог решать сам.

Теперь же, после укрупнения, колхозы стали ущемляться в своих и без того ограниченных правах, а некоторые были лишены их вовсе. Происходило сокращение рабочих мест, закрывались клубы, магазины и даже школы. От множества аулов, признанных бесперспективными одним лишь росчерком пера, не осталось и следа. Сколько же прекрасных селений, будучи даже небольшими по численности, живших себе припеваючи, не уступая ни в чем другим, которые вырастили не одно поколение достойных людей, были обречены на вымирание.

А чего стоили сельским жителям организация совхозов и начатая в 50-е годы кампания по освоению залежных и целинных земель, развернувшаяся в республике, особенно в районах компактного проживания башкир, куда отовсюду хлынули люди самых разных национальностей. Тем самым был нанесен сокрушительный удар по укладу жизни башкирского народа, основанному на прочных многовековых традициях, по языку, по самобытности башкирской нации. Именно в тот период процесс обучения в большинстве национальных школ был переведен на русский язык. И таким образом, вслед за бесперспективными деревнями стали выявляться бесперспективные языки и повсеместно вытесняться русским. Советская идеология, программа коммунистической партии ставили

конечной целью слияние всех наций СССР в единый советский народ с единым языком общения. И ради этого безликого единообразия все они должны были отречься от своей древней культуры, от родного языка.

Целинные земли Салаватского района — берега Юрюзани и Ая — в осваиваемую зону официально включать не стали, но тем не менее его природе был нанесен большой ущерб: ради расширения посевных площадей земельные угодья распахивались вплоть до горных склонов. Та же участь постигла и прекрасные заливные луга. Богатейшие покосы с буйным разнотравьем и душистыми полевыми цветами нещадно уничтожались, якобы под предлогом осушения болот. Местные аулы — хранители генофонда коренной нации, национальные школы, подвергались здесь, как и по всей стране, бездумным и жестоким экспериментам.

А как отнесся к происходящему Раши Гарипов? Будучи комсомольским вожаком, под началом которого находились сотни молодых людей, он не только не оказывал сопротивления, но и являлся одним из активных участников всех этих мероприятий, самолично занимался их организацией.

Как в советской литературе, так и в башкирской, звание поэта-комсомольца в 20—30-е годы было очень почетным. Муслима Марата, выступавшего с пламенными поэтическими призывами на больших молодежных сходах, называли, например, певцом комсомола. И хотя поэтам подобные звания не присуждались официально, традиция эта соблюдалась. Раши Гарипов, в силу своей должности, тоже считался таким поэтом.

День ото дня вдохновение навещало его все чаще, заставляя писать и писать. Мысль становилась глубже, множились и росли переживания и тревоги. Чем же они были вызваны? Откуда такие чувства у человека, верхово-дившего молодежью?

Да, Раши по-прежнему проводил все свое время среди комсомольцев. Участвовал в школьных конференциях по новым произведениям башкирских писателей, организовывал спортивные секции и кружки художественной само-

деятельности, сбор металлолома, субботники и воскресники, читал на разных мероприятиях новые стихи. Бывало, на проводимые в Аркауле комсомольские собрания и вечера молодежь окрестных деревень прибывала с песнями под гармошку.

Однако далеко не все обстояло столь благополучно. В каждом ауле, в каждом отделении совхоза были, например, свои неплательщики взносов и нарушители дисциплины, которые не являлись на собрания и не выходили на работу. Ладно бы, если бы речь шла о единицах. Так ведь нет — таких было предостаточно. И сколько бы ни бился, нет такой силы, чтобы сдвинуть их с места.

И все же Рами Гарипову нередко удавалось подыскать к нерадивым работникам подходящий ключ. Отчасти, скорее всего, благодаря своему авторитету среди простого люда. Зато ладить с начальством было значительно труднее. Он не всегда находил с ними общий язык. На комсомол, несмотря на то что члены ВЛКСМ были задействованы во всех сферах жизни совхоза, руководство посматривало свысока и уж тем более не считало нужным прислушиваться к критике. Если кто-то из молодых заикался было о своих правах, его тут же били по губам и гнали взащей.

Будни поэта-всадника, по-прежнему, были связаны с конем. И в его рассуждениях частенько присутствовал близкий ему образ. Конюхи упорно величали гариповского жеребца «Комсомольцем», хотя сам он называл его «Леток». «Запряги-ка своего Комсомола!» — то и дело просили Рами, зная о его безотказности. И он одалживал его всем подряд, одному — чтобы деньги раздать, другому — за лекарством сгонять, третьему — воды привезти, четвертому — в гости съездить или за овсом, а сами жадничали, жалели для коняги своего овса. Если бы не Рами, его забывали бы даже вовремя покормить и напоить. Когда бедняга попал в его руки, он припадал на заднюю ногу.

Хозяин приложил все усилия, чтобы выходить это умное и красивое животное. И молодой конь быстро пошел на поправку. Иногда Рами приходил на конюшню даже ночью, чтобы проведать его. Мало того, он посвятил

своему «Летку-Комсомольцу» целую оду – случай для нашей литературы почти исключительный.

Воспевая коня, Рами тревожится о его дальнейшей судьбе, мол, что с ним будет, когда сам он уедет, а тот останется. «...Какая участь его ожидает, в чьи руки он попадет – неведомо. Пусть это будут любящие руки, как у меня. Я долго не смогу его забыть, буду еще много писать и думать о нем... А кто напишет об аргамаках – жертвах бездушного, неправильного ухода? Их содержат на одном овсе, из-за чего они заплывают жиром и, не в состоянии мочиться, умирают от разрыва сердца. Какая память останется от них? Разве что волос на том месте, где валялся в муках несчастный конь? Так ведь и его, рано или поздно, унесет ветром... Это они только в конюшне проявляют свой норов, только здесь они – звери, а как запряжешь да отправишься в путь-дорогу, неизвестно, доедешь, куда надо, или нет... С поникшей головой, бредут они, не отрывая глаз от земли, все время глядя себе под ноги – вот-вот оступятся и перекувырнутся!.. Глаза ничего уже не различают.

А мой гнедой видит звезды, гуляет среди подснежников, навевается на машинно-тракторную станцию, мчит по борозде да по золотым колосьям, семенит по лесным тропинкам, переходит реку вброд, разрывая шугу, поднимается по каменистым дорожкам, пасется в траве, что у маяка на горной вершине, вбирает в себя ароматы сена, сметанного в стога... И когда остается вдвоем с хозяином, внимательно слушает нарождающиеся у него строчки стихов или песню:

*Где только не побывали, чего только не повидали
Всадник и его верный конь?!*

...Встретив же по дороге маленького жеребенка, он принимает его за своего и громко ржет, приветствует радостно, словно справляется, как ему живется-можется...

И вправду, как живется другим его сородичам? Так же привольно, как и ему? Конечно же, нет! Все их счастье – когда узду поменяют на недоуздок, да свидание с какой-нибудь кобылой... Вот и все дела! Разве это жизнь?!!

Если уж родился, то жить надо так, как живет мой гнедой! Жизнь дается лошади тоже всего лишь раз!.. И жить нужно так, чтобы потом ни о чем не жалеть!..»

Это и был тот самый тулпар, вдохновивший поэта на написание «Песенной тропы». Если крылатый греческий Пегас летал по небу, то аргамак Рами Гарипова видел красоту земли, чувствовал, когда к поэту приходили стихи и песни, умел им радоваться.

Читая оду Рами Гарипова о его коне, невозможно не вспомнить эту гениально выписанную картину из башкирского эпоса «Акбузат»:

*Рассекая озерную гладь,
Вызвав бурю над всей землей,
Выйдет царь табунов Акбузат...*

*...Всех сокровищ дороже он,
Нет лучше друга в беде, чем он.
Огонь добудет, коль нет огня,
Нет воды – проси у коня,
Одолеть надо бездну вод –
Словно птица перенесет.
Как белоснежный шелк, его грива
С легким сероватым отливом;
Ноги тонкие, словно шило.
Вдеты в чаши круглых копыт;
Уши – словно две камышинки,
Медью каждый зрачок горит;
Узок в теле, в холке высок,
Как щука, взрезает любой поток,
Мордой – ястреб, ветер в ноздрах,
Двойные резцы в зубах,
Нижняя челюсть заострена,
Челки по обе стороны лба...**

Кто только из башкирских поэтов не прославлял Акбузата – храброго и гордого мифического коня нашего

* Перевод Г. Шафикова.

народа, не ваял ему памятник из восторженных слов!.. И для обожавшего лошадей Рами Гарипова, пешком исходившего отдаленные от центра аулы республики в поисках жемчужин башкирского фольклора и с упоением слушавшего сказания сэсэнов, это был один из самых любимых образов. Между тем жизнь его собственного коня складывалась по-своему: за день он успевал потрудиться на славу и отдохнуть на приволье, пообщаться с поэтом, выслушать поверяемые ему тайны и послушать стихи.

А сколько споров возникало из-за него.

Стоит Рами оставить своего Комсомольца в стойле, как обязательно найдется желающий поэксплуатировать его снова:

— Мы запрягли твоего коняшку, ты куда собираешься? — обращаются к Рами.

— Нам не по пути, — заводится тот.

— Не мог бы ты пока посидеть немножко в конторе?

— В конторе я просиживаю достаточно. Там и без меня таких седоков хватает. Так что давайте, распрягайте!

— Других лошадей нет... Остался только беловский. А конюхи его не дают.

— Дадут, моего же дают...

Рами обращается к конюхам:

— Почему не даете коня Белова?

— Так ведь он запрещает, ругается.

— Вот, значит, как. Если я не ругаюсь, моего давать можно кому угодно? Тогда и я буду ругаться.

— Куда денешься, ругайтесь, кроме ругани мы ничего и не слышим. Привыкшие.

— Нет уж, ругаться не будем. Мне нужно ехать. А беловская лошадь свободна. Пускай ее запрягают.

— Миша! — кричит своему помощнику конюх. — Давай выводил беловскую.

Лошадь выводят. Оседлав своего коня, Рами отправляется к Кусеевскому парому.

Описанный в дневнике эпизод — живой кусочек жизни. По минутному разговору можно судить о характере взаимоотношений людей того времени, о выдержанности и в то же самое время строгости и принципиальности поэта. В такой обстановке Рами проводил дни, месяцы. Ему было

стыдно видеть, что к молодежи у них в совхозе относятся так же, как к лошадям. Дескать, для «Комсомола» и так сойдет!..»

«...Только сам я могу оценить по достоинству его значение. Если бы комсомол, участвующий во всех совхозных делах, не был в положении этого коня, я бы даже не стал вспоминать про то событие», — пишет поэт. Если уж люди, которым положено понимать его значение, его не ценят, как заставишь других? Более всего Рами поражало, что начальники не умеют быть начальниками как таковыми. Подобным же вопросом он задавался, бывая в школах: «Почему учителя, в большинстве своем, не являются учителями по сути?» Когда руководство не руководит, как положено, — это главная из бед, которые тормозят работу. Если смотреть на свиней по-свински, работа не наладится. Да и люди вправе требовать, чтобы на них смотрели как на людей. Сколько важных вопросов выносятся на собрания: о передовых доярках-маяках, о машинном доении, о переработчиках молока, о разведении племенного скота, о сборе яиц, о жилищной проблеме, о стройматериалах, о кирпичном заводе, о низких показателях в области земледелия, об удобрениях, об отсталых методах работы управляющих и т. д. и т. п. Перечислить все невозможно. И на каждом участке есть свои ответственные, свои специалисты. Рами Гарипов же ни один из них не пропускает, не оставляет без внимания ни на один день, потому что везде есть его комсомольцы. Нет такой сферы, где бы не была задействована молодежь. И поэт за все и за всех болеет, как будто вернулся в родные края навечно.

Рами знал, что, рано или поздно, уедет отсюда, и в последнее время часто об этом задумывался. Все его нынешние заботы преходящи. Творчество — его судьба. Он не может всю жизнь скакать верхом по полям и перелезкам, по которым когда-то ходил и ездил с рассвета до заката его отец Ягафар. Рано или поздно, поэзия вновь увлечет его в город. Но где бы Рами Гарипов ни трудился, чем бы ни занимался, он не привык работать спустя рукава.

Как-то раз, в самый разгар работы, он ощутил вдруг щемящую тоску по своим уфимским коллегам. Потребность

пообщаться, побеседовать с ними о творчестве Рами испытывал всякий раз, когда в печати появлялись их новые стихи. Рафаэль Сафин, Марат Каримов, Ангам Атнабаев и Абдулхак Игебаев публиковались достаточно часто. Наведываясь в Уфу по комсомольским делам, Рами Гарипов заезжал в редакции и иногда принимал участие в поэтических вечерах. Мало кто умел так радоваться за своих товарищей, как он, когда кому-либо из них удавалось написать удачное стихотворение. Свое состояние Рами Гарипов выразил в следующих строках:

*С чего так мир озарился.
Наполнилось радугой сердце?
И в миг разогнаны тучи,
Что были в моей душе.
Небосвод велик и лазурен,
Привольно вокруг и зелено.
Снова люблю и любим я,
Как прежде, свеж я и юн.*

*Кому-то о радости этой
Я б постеснялся сказать.
Но есть ведь счастье на свете —
Хороший стих прочитать.*

Можно ли найти в башкирской поэзии второе такое стихотворение, которое было бы написано в порыве радости успеху собрата по перу? В связи с этим приходит на память стихотворение Назара Наджми, начинающееся словами «С утра так было хорошо...» Только речь в нем шла о стихах, испортивших поэту настроение.

Живя на селе, Рами не отдалился от литературных кругов столицы. Беря в руки свежие номера газет и журналов, он, в первую очередь, принимался искать стихи. В такие моменты поэт вспоминал, как готовил к публикации чьи-нибудь произведения и тосковал по своим товарищам.

Родные корни, отчий дом в Аркауле, изба, где жила в одиночестве его мать, земляки, Каратау, берега Юрюзани, нивы и луга, где косили сено, будут всегда притяги-

вать его к себе. С каждым днем Рами ощущал все сильнее, что за время пребывания на родине душа его обновилась. По-видимому, все дело было в волшебной силе, которой обладает родная земля. Подобно родникам Каратау или целебной воде Кургазак, стихи так и прут из него порою, и ничем их не остановишь. И как же хочется в такие мгновения махнуть на все рукой, бросить все дела и остаться лишь наедине с бумагой и карандашом. Сколько же ждал он этой благословенной поры! Как-то раз, говоря о своих стихах, Рами признался: «Я день и ночь хожу беременный тобой, рождение твое приносит облегчень».

В последнее время такое состояние он испытывает довольно часто, а заняться творчеством пока недосуг. Он разрывается на части. Как же найти компромисс между делами и стихами? Бывает, Рами мчится во весь опор, а тут вдруг перед ним возникает какой-то неожиданный образ и заставляет его придержать коня. Надо успеть, во что бы то ни стало, записать мысль, пока не ускользнула. И вот уже позабыты будничные совхозные хлопоты. Как писал его прославленный земляк Салават: «Даже подобные соколам батыры порою спрыгивают наземь с коня». Рами спешивается, но вовсе не от усталости, а под напором рвущихся из сердца стихов. И пусть он сам стоит уже внизу, на земле, душа его летает и порхает на крыльях, и даже здесь, среди родных просторов ей как будто тесно.

Охваченный творческим порывом поэт снова возвращается к самому себе, в свое одиночество. Ему хочется удалиться от мирской суеты и даже от самых близких ему людей, остаться наедине со своей судьбой и писать, писать, изливаясь стихами. Только где же эти тихие, уединенные места? Где он сможет обрести желанный покой?

ПОСЕЩАЯ ДАЛЬНИЕ КРАЯ, НАБИРАЙСЯ УМА-РАЗУМА

1961 год преподнес чете Гариповых замечательный подарок: 1 января у них родился второй сын. Они назвали его Азаматом.

В те годы возвращалась популярность к народным песням. Их часто исполняли во время концертов. Особенно полюбилась всем песня «Азамат». Молодежь почувствовала интерес к истории. И народ, естественно, не мог оставаться безучастным к проводимой в то время линии на ликвидацию национальных языков, признанной в советском обществе прогрессивным направлением: активизировались дискуссии по национальному вопросу. Разумеется, прямые выступления в печати против официальной политики государства и предпринимаемых мер по резкому сокращению числа школ с преподаванием на языках народов СССР не допускались. Нельзя было публично вступать в споры с лояльно настроенными учеными, пытавшимися научно обосновать неизбежность слияния советских наций, и разделявшими их позицию публицистами-пустозвонами. Но недовольство разных слоев населения чинимым в многонациональной стране произволом, так или иначе, находило свое выражение. Кругом только и разговоров было, что о родном языке. Высказывались опасения относительно его будущего. Особенно жаркие споры вокруг этого болезненного вопроса велись в среде молодой творческой интеллигенции.

Волюнтаризм высшего руководства, бесцеремонное обращение с языками и культурой целых народов, закручивание гаек порождали в людях внутренний протест, что, в свою очередь, способствовало оживлению и резкому росту национального самосознания. Этот процесс можно было наблюдать везде. Именно в тот период в нашей республике стали организовываться фольклорные, диалектологические и этнографические экспедиции в районы Башкортостана и в соседние области, где проживали башкиры, с целью сбора и изучения образцов народного творчества, обычаев и местных наречий. Стало реанимироваться и все больше привлекать к себе внимание молодых искусство игры на курае, не утерянное навеки исключительно благодаря стараниям владевших им старых мастеров.

Изменение национального самосознания не могло не сказаться на внутрисемейных отношениях. Скажем, если

в 30—40-е годы под влиянием революционной романтики родители давали детям либо затейливые европейские, либо не существующие, но звучные имена, то теперь наметился возврат к старинным каноническим именам. Именно тогда у нас в республике появилось много маленьких Салаватиков и Азаматиков. Если широкое распространение имени Азамат можно объяснить возросшей популярностью народной песни, то имя Салават привлекло к себе интерес во многом благодаря масштабному празднованию 200-летия со дня рождения нашего национального героя. Немалую роль сыграли, естественно, роман Степана Злобина, опубликованный как на башкирском, так и на русском языках, и снятый по нему художественный фильм. Таким образом, Салават, память о котором народ бережно хранил на протяжении почти двух веков, можно сказать, возродился, а вместе с тем распространилось и его имя, на которое при царском режиме был наложен строжайший запрет. А сколько было в то время семей, где подрастали братья, носившие имена Салават и Азамат. Чем же Рами хуже других? Он был земляком великого батыра и еще в детстве заслушивался песней «Азамат», так что ему, как говорится, сам бог велел наречь своих сыновей этими великими именами.

Вместе с радостью ребенок принес семье и новые заботы. Выкроить время для стихов стало труднее втрое. Своим плачем младенец нарушал даже ночной покой. И тогда молодые родители, посоветовавшись, пришли к обоюдному решению: работа в совхозе никогда не кончится, все дела все равно не переделаешь, поэтому Рами поедет в Дом творчества. Надежда хорошо понимала состояние мужа: такой продуктивный период случается редко, и будет просто грешно им не воспользоваться. Если пишется, надо писать. Рами приехал сюда не за тем, чтобы забыть, что он поэт! Главный его труд и предназначение — творчество.

24 февраля Марат Каримов проводил Рами с Курского вокзала в Москве, после чего началось его путешествие на Кавказ. Приехав в Гагру, Рами Гарипов устроился в Дом творчества писателей и сразу же окунулся в атмосферу,

хорошо знакомую ему по подмосковному Переделкино, где он провел, ни много ни мало, пять лет. Но одно дело — быть полуголодным студентом, проживавшим в приспособленном под общежитие коттедже писательского дачного поселка, и совсем другое — явиться в Дом творчества полноценным членом Союза писателей СССР для работы на целый месяц.

Какой контраст: заснеженный февральскими буранами Башкортостан и утопающая в зелени Абхазия. Будто в рай попал. А тут еще море, которое Рами Гарипов видел впервые, и величавые Кавказские горы — словом, есть от чего прийти в восторг. И на фоне этой неопишуемой по красоте природы — развалины старинных крепостей и монастырей... Но не менее впечатляют просторные особняки местных жителей, какие его землякам даже не снились. В общем, сплошное блаженство.

Однако больше всего порадовали Рами отдельная комната с видом на море и царившая в Доме творчества тишина, к которой он не сразу привык. И лишь погрузившись с головой в работу, он перестал отвлекаться на мелочи. Кроме творчества, кроме стихов, его уже ничего не волновало. Поэт приехал сюда, полный чувств и образов. Будучи в Туапсе, он начеркал в маленькой тетрадке: «Кипарис похож на зеленое веретено. Зеленая земля! Здесь просто невозможно не писать стихов, эта земля сама пишет в сердце твоём стихи».

Работа спорилась. Иногда он брал в руки томик Сергея Есенина. Его «Песнь о собаке» Рами давно уже перевел на башкирский. Думал продолжить, да где уж там... Все руки не доходили. В совхозе время на стихи никак не выкроишь. А здесь, при такой вольготной жизни, столько возможностей не только для полноценного творчества, но и для творческого разнообразия. Поэт не оставил мысли перевести стихи Есенина и издать их отдельной книгой.

За окном раскинулось Черное море — без конца и края. Рами подолгу, не отрывая глаз, смотрит на завораживающий пейзаж. Трудно найти слова, чтобы описать эту находящуюся в вечном движении громадную стихию. Не зная покоя ни днем, ни ночью, море постоянно волнуется,

шумит и бьется о берег. Подобно поэту, который только и делает, что ищет слова, чтобы объединить их в прекрасные строки, оно беспрестанно шлифует камни, неустанно гоня и выплескивая на берег волны. Его дыханием проникнуты строки этого стихотворения, словно оно само их нашептывает:

*И мастеру золотой крупницы ради
Породу горную ворочать приходится;
Жемчужины ж редкие, что ищешь ты,
В морских глубинах лежат, покоятся.*

Вот поэт и ищет, с упорством старателя, среди массы слов самое нужное ему, точнее всего выражающее его умонастроение. Совсем как у Маяковского: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды...» Требовательный к себе, как всегда, он признается: «Приходит слово на язык, однако предать его бумаге не спешу».

*Пусть кажутся красивыми они,
Безжалостно ты их перечеркни —
Тем, что тебе досталось без труда,
И дорожить не стоит никогда.**

Рами обнаруживает сходство между образами величественных гор и беспокойного моря с представителями горных народов: вершина с белым башлыком напоминает ему героя, вернувшегося домой с войны, а море — прильнувшую к нему молодую его жену. Пройдет какое-то время, и в одном из посланий к своей жене он напишет: «Стихотворение “Кавказ” в цикл не ввели. Говорят, воспеваешь феодализм — что море — жена Кавказа ноги моет. Наши литераторы сами те еще феодалы!.. Как трудно понимают самый верный образ — образ любви».

В один из первых дней пребывания в Гагре Рами Гарилов написал стихотворение в несвойственной для него манере, которое он не стал включать в цикл, посвященный морю.

* Перевод Я. Серпина.

*До чего ж пленительно женское тело —
В морской ли воде, ложась на песок,
Будто живое изваяние, будто белый
На берегу распустился цветок.*

*И глядя на дев ненасытным взглядом,
Словно древний язычник-грек,
Я сокрушаюсь: зачем-то наряды
Придумал враг красоты человек!*

7 марта поэт принимается за стихотворение «Айседора Дункан»:

*Море всю ночь громом гремело,
Море неистовствовало, штормило.
Всю ночь напролет заснуть я не мог,
Думая о тебе, о великой женщине...*

*Всю ночь, накрывшись шалью темною,
Ты на морском берегу просидела...
А на рассвете косы черные,
Горем заснеженные, поседели.*

*...Под утро, очнувшись, придя в себя,
То, что к груди прижимала всю ночь,
На колени сложила и на лодке, гребя,
В море седое уплыла ты прочь.*

Таинственная, полная драматизма картина напоминает вступление к поэме. Это произведение, по всей вероятности, было навеяно впечатлением от стихов Есенина.

Для башкирской поэзии тема моря, Крыма и Кавказа не нова. Поэты нового поколения лишь восприняли и развили традицию, продолженную Мухамметсалимом Уметбаевым, Мажитом Гафури, Г. Саламом, Малихом Харисом. А первым, кто увидел море воочию, был, по-видимому, Салават Юлаев. Если у большинства такая встреча вызывает восторг и радость, то для поэта-каторжника берега Балтийского моря стали на долгие годы местом рабства,

душевных мук и физических страданий. Мы вольны предположить, что в душе лишенного свободы Салавата, когда он не без зависти смотрел на свободную стихию, рождались великие строки, которым не суждено было достигнуть пределов родного Башкортостана.

Одним из самых примечательных в башкирской поэзии произведений, связанных с образом моря, можно считать созданную в 70-е годы поэму «Завет Салавата» Гайнана Амири. Морские мотивы присутствовали также в творчестве и других поэтов, но в отличие от них, Рами Гарипов не довольствовался двумя-тремя стихотворениями на эту тему, а создал целый цикл. И традиционные, казалось бы, образы у него свои, гариповские.

Вот, например, «Чайки». Эти птицы того же рода, что и воспетый Максимом Горьким буревестник. Рами очарован их горделивой красотой и мощью:

*Чайки, гордые чайки!..
Полет ваш — крутой вираж.
Подавляю крики восторга,
Еле сдерживаюсь, глядя на вас.*

*Пленен вашим острым взором.
В размахе крыльев вижу лук
Изогнутый в руке батыра.
В клюве — нацеленную стрелу.*

Но уже во второй раз поэт испытывает горестное разочарование, увидев, как на одном островке те же самые птицы с визгом, с хищными криками рвут друг у друга добычу. О той потасовке будут напоминать лишь клочья — вот что осталось от их красоты.

И хотя Рами подчеркивает, что к подобным сценам «мы, люди, привыкли и должны относиться к ним с юмором», юмор у него самого скорее грустный, чем веселый — улыбка сквозь слезы... В то время как безмозглые птицы дерутся из-за рыбы, наделенные разумом людишки готовы перегрызть друг другу горло из-за богатства.

Даже следы на прибрежном песке вызывают в душе Рами щемящее чувство:

*Безумная юность —
Что след на песке.
Как след,
ее смоем
Первым же прибоем.*

Образ моря запечатлелся в сердце поэта навечно и будет неожиданно всплывать перед ним в самых разных жизненных ситуациях.

Влюбляясь в какого-нибудь человека с первого взгляда, он уподоблял его чуть ли не ангелу, а потом, когда объект поклонения предстал перед ним в неприглядном виде, наступало прозрение: «Что ж, поначалу даже в луже увидеть мы готовы моря глубину».

Заметив как-то в музее кусочек морского янтаря с комаром, замурованном в смоле тысячи лет тому назад, пораженный Рами промолвил с грустью: «Что там комарик жалкий, вот если бы сердце мог сохранить янтарь!..»

Открывшийся поэту неведомый прежде мир привносит в образ его мыслей нечто новое. В рокоте моря, то шумном, то сдержанном и глухом, слышится ему зов Отчизны, и в нем Рами как будто различает обращенные к нему слова Хадии Давлетшиной: «Почему ты наш Иргиз променял на море?» А сам он видит, как «ветры ташат по морю плуг, оставляя в нем синие борозды», или поле: «нет, то не морской прибой — хлеба волнуются». Если бы море не вызывало у поэта такие ассоциации, то оно было бы для него всего лишь утомительным для глаз бескрайним, однообразным простором. Тоска по далекой родине сильнее, чем радость, испытываемая при первом посещении чужих мест:

*Светлеют пальмы, знойная долина —
В цветущих кипарисах, но вдали
Мне видится уральская калина,
Меня зовут степные ковыли.*

*О, как нужны мне нежность горлицы,
Душицы запах, голоса берез,
Раздольно колосающееся лето,
Ладони обжигающий мороз!*

*Чужие песни часто повторяю,
Любви к далеким землям не таю.
Но только моему родному краю
Я безвозвратно сердце отдаю.**

Читая стихотворение «Тоска» («Родному краю»), вспоминаешь Есенина, который, стоя под южной луной, вспоминает рязанское раздолье:

*Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне,
Шаганэ ты моя, Шаганэ.*

*Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий,
Потому что я с севера, что ли?*

Книга Сергея Есенина лежит у Рами на столе. Он часто перелистывает ее, и некоторые есенинские строчки, точно сами собой, вдруг начинают звучать по-башкирски. Рами Гарипов будет поддерживать связь с ним и впредь. Чарующие «Персидские мотивы», навеянные на великого русского поэта образом Шаганэ, и другие его стихи будут переведены Рами с любовью и высоким мастерством на башкирский язык. Переводов этих наберется на целую книгу.

Почти месяц Рами Гарипов провел у моря, слушая его дыхание и ропот, смотря на волны, беспрестанно накатывающие друг за другом на берег. Отрываясь от письменного

* Перевод Я. Серпина.

стола, он долго бродил по окрестностям. Никогда прежде не было у него таких условий для творчества, как здесь. Даже прожив пять лет в писательском поселке при Доме творчества, Рами, оказывается, толком и не знал, что это за заведение. И только теперь, ощутив на себе пользу, какую дают такие дома людям творческим, он в полной мере осознал, что они придуманы и организованы очень мудрыми, предусмотрительными людьми. Рами решил для себя, что в будущем постарается ездить в такие места как можно чаще. Если бы он знал тогда, сколько известных произведений многонациональной советской литературы было создано в домах творчества, расположенных в самых прекрасных и тихих уголках республик СССР, то был бы о них еще более высокого мнения.

Поэт так и не смог приспособиться к непредсказуемому нраву моря. Даже при отсутствии ветра, в штиль, оно вдруг, ни с того ни с сего, набрасывалось в остервенении на берег, напоминая разъяренного изголодавшегося льва, кидающегося на жертву. В такое время к нему уже не подступишься. Когда море разбушуетя не на шутку, начинаешь понимать, сколь велико могущество природы. Человек против этой стихии ничто: жалкая тварь, букашка, песчинка. И тем не менее, люди на всем протяжении истории человечества вступали с ней в противоборство. Не страшась штормов и ураганов, они издревле плавали на своих суденышках под парусами, огибая земной шар.

Однажды у Рами, с интересом наблюдавшего за штормом, родились такие строки:

На мальчугана бросаюсь зверем,

Поглотить его море желает...

Но тот стоит себе, не робеет,

Знай, камни в него швыряет.

Вскоре он прочтет у Мустая Карима похожее по содержанию стихотворение и удивится странному совпадению:

Бежит мальчишка босоногий

По кромке синевы морской.

*Цветная галька, словно звезды,
Сверкает под его пятой.*

*А дни идут. Вины дали
Мальчишку Млечный Путь зовет,
Где по его следам, как гальку,
Рассыплет звезды небосвод.**

Оба произведения написаны в 1961 году. И в том и в другом речь идет о мальчике и о море. Ребята – явно не робкого десятка. В неравном поединке с грозной стихией такие не дрогнут.

Сходство сюжетов вряд ли случайно. С проникновением человека в космос отношение поэзии к вселенной претерпело изменения: личность стала отважнее, еще дерзновеннее, размах – шире. Эта тенденция обозначилась и в приведенных стихах.

Спустя три года, находясь в прибалтийском Доме творчества писателей в Дубултах, Рами Гарипов напишет стихотворение «Мельник» и посвятит его своему учителю Мустаю Кариму. Вот его концовка:

*О море, море – мельник седоглавый!
И нынче щедро даришь ты, как встарь,
Нетерпеливым – спутанные травы,
А терпеливым – солнечный янтарь.***

Поиски увенчались успехом, принесли Рами Гарипову поэтические находки, подобные изделиям из чистейшего янтаря. Но только и в идеальной тишине Дома творчества душа поэта не могла обрести покоя. В первое время он осваивался, потом полностью отдался работе, не замечая, как мелькают дни. И тут началась бессонница. Ночами на него накатывали чувства, голову будоражили разные мысли. Рами волновался, совсем как море. Причины очевидны. Именно здесь, рядом с этой стихией, лермонтовский белый парус стал ему еще ближе: «А он, мятежный,

* Перевод Н. Рыленкова.

** Перевод Я. Серпина.

просит бури, как будто в бурях есть покой!» С детства образ одинокого парусника являлся к нему в трудные моменты. То ли звал к мятежу, то ли предупреждал, чтобы ни во что не ввязывался, избегал штормов и ураганов. Рами и теперь ищет его глазами, пристально вглядываясь в необозримую даль:

*Под шум прибора дни напролет
Глазами тот парус ищу я.
Но тщетно. Пуст предо мной горизонт
То ли не знает, что жду я?..*

Редко кому удается найти белый парусник своей мечты в реальной жизни. Но всякому поэту хорошо знакомо безотчетное чувство ожидания чего-то, смутной тоски по кому-то. И выйти из такого состояния почти невозможно. Вот как поэт его характеризует: «Уж вечер. Стихло все вокруг, а я кого-то жду. Что за наваждение?» И в самом деле, что это? Кого он ждет и куда стремится? «Уж если сам любовь не найдешь, ты вряд ли ее дождешься...» — многозначительно заключает поэт.

Но разве все дело только в любви? Допустим, нашел ты свою любовь, а что дальше? Думаешь, томление ожиданием покинет тебя сразу и навсегда? Как бы не так. Если бы оно ушло, уступив чувству удовлетворения, поэт, скорее всего, перестал бы быть поэтом.

Рами мечтает привезти как-нибудь на море свое семейство, позагорать вместе с женой и мальчишками на песчаном пляже, поплескаться в ласковых, теплых волнах. Сохранилось единственное письмо, которое он написал жене из Гагры. По нему видно, что Рами Гарипов уже рвется на родину, хотя не прошло и двух недель: «Одним словом, попал я в рай! Но как-то скучно в раю! Куда лучше наш край — естественнее, проще, душевнее. Я соскучился по Башкирии, по своим невысоким горам, по березам, по тебе, Надя, по детям, по коню. Как приеду домой, объеду все деревни верхом. Правильно сказал Горький, красота не в пустыне, а в душе араба!.. Красиво то, что с детства связано с душой твоей — это родина, это (вот...

и слезы на глаза навернулись) язык родной. Каждый день говори, Надя, с Салаваткой по-башкирски, прошу очень, чтобы язык мой не был ему безразличен! Самые ласковые слова говори на башкирском, а ругать можешь и по-русски!.. Тренируйся и сама. Приеду домой — привезу кучу стихов и буду читать, конечно же, на башкирском. Работаю хорошо и Есенина переводить начал» (11.03.61).

Во время пребывания на Кавказе Рами вспоминал слова из народной песни: «Посещая дальние края, набирайся ума-разума». Да, в поездках многому можно научиться, в чужих странах видишь немало такого, что следовало бы перенять. Проведя вот уже полтора года среди земляков, трудясь вместе с ними и живя их каждодневными заботами, он стал лучше понимать людей села, ощущать дыхание земли, глубже постиг смысл жизни. А уж когда находишься вдали от родины, она становится тебе еще милее и дороже. Вместе с тем поэт не должен вариться в собственном соку, лишая себя духовной связи с культурой других народов, возможности сравнивать свою нацию с прочими.

В течение пяти лет, прожитых в столице, студент Литературного института Рами Гарипов достаточно много общался с представителями разных советских республик и даже с иностранцами. Среди однокурсников было довольно много и кавказцев. Слушая стихи на языках народов Кавказа, Рами не мог не заинтересоваться историей их республик. А теперь ему представился случай познакомиться с одной из них. Оказавшись здесь, он лишним раз убедился в справедливости поговорки «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Когда Рами Гарипов познакомился с древними памятниками Абхазии, ему захотелось побольше узнать об истории абхазцев. Как оказалось, сведения о них были зафиксированы в источниках еще до нашей эры. В свое время Абхазское царство, добившееся независимости в борьбе с Византией, превратилось в сильное государство. Но сколько испытаний выпадает на долю иных народов!.. И даже если между некоторыми из них пролегли тысячи километров и вроде бы нет признаков явного родства, в их судьбах оказывается, на удивление, много общего.

До этого Раши и представить себе не мог, насколько схожи судьбы абхазцев и башкир. Вспышки и возобновление национально-освободительного движения, несмотря на то что многочисленные восстания неоднократно подавлялись и топились в крови, происходили в Абхазии и в Башкортостане примерно в одно и то же время. Взять хотя бы трагические события XVIII века.

Раши Гарипов часто задумывался над тем, с какой решимостью и с каким упорством каждый народ отстаивает свои права на свободу и независимость, защищает землю, в которой пророс за многие века всеми своими корнями. Он думал о том, насколько трагичной бывает эта борьба, каких неисчислимых и невозполнимых жертв она требует и стоит. А брался ли кто-нибудь сосчитать количество сломанных, искалеченных судеб, число народных героев, навечно оторванных от родной земли и всю оставшуюся жизнь мыкавших горе на чужбине?

В итоге бесчисленных потерь, которые абхазцы и башкиры несли в ходе не прекращавшейся ожесточенной кровопролитной борьбы, в результате беспрестанного переселения и притока инородцев на принадлежавшие им издревле земли, отнятые путем прямого захвата, грабежа и насилия, народы эти оказались в собственных республиках в меньшинстве: перепись населения, проводившаяся в СССР в 1959 году, показала, что по численности своей башкиры занимают в Башкортостане третье место, а абхазцы в Абхазии — даже четвертое. И ведь находятся люди, кои в неблагоприятных целях манипулируют этими наводящими на грустные размышления цифрами и фактами, намеренно искажают историю коренного народа, стараясь его унижить, уязвить как можно больнее его национальную гордость и ограничить в правах до непозволительного минимума. Таких послушать, то, чего доброго, придешь к выводу, что башкиры и абхазцы сами виноваты в сложившейся ситуации.

Узнав о том, сколько препятствий преодолели, сколько нападков и притеснений выдержали местные писатели и просветители во имя развития абхазской письменности и расцвета родной литературы, Раши почувствовал к ним

глубочайшее почтение. Действительно, проявленные творческой интеллигенцией кавказской республики героизм и стойкость достойны восхищения, и в первую очередь — титаническая деятельность Дмитрия Гулиа. Скончавшийся незадолго до этого, он завоевал огромный авторитет у соплеменников тем, что остался верен себе, своим благородным целям, сумел побороть несправедливость. А когда же вернут башкирскому народу его просветителей — Мухамметсалима Уметбаева, Мифтахетдина Акмуллу, Ризаитдина Фахретдинова, когда доведут до новых поколений читателей их литературное и научное наследие?

Эти вопросы, давно не дававшие Рами Гарипову покоя, снова встали перед ним, как только он прибыл на Черноморское побережье, на древнюю абхазскую землю, хранящую память о многих выдающихся личностях. Как видим, даже здесь, вдалеке от родных мест, он не мог оставаться равнодушным, думая о судьбе своего народа, о любимой Отчизне. И не раз бывало, когда речь заходила о родном языке, глаза его заволакивались слезами.

Быть может, кто-то усмехнется, читая об этом, ибо сентиментальность мужчинам не пристала. Но когда имеешь дело с проявлением святого чувства к родному языку, насмешки недопустимы. Родина и язык поэту дороги так же, как и родная мать. И где бы Рами ни находился, он скучал, тосковал по ним. Так что в его слезах нет ничего предосудительного.

Несмотря на то что в цикле о море встречаются и шуточные стихи типа «Вот я и на море, на Кавказе», Рами Гарипов был настроен на серьезную работу. Такая уж у поэтов судьба: в отличие от других, они не могут полностью расслабиться, отвлечься от мыслей. Поэты и писатели постоянно находятся во власти слов. Если перед ними нет ручки и листка бумаги, от слов и мыслей им все равно никуда не деться. Поэтому заведение, куда они приезжают, чтобы побыть там какое-то время подальше от шума и суеты, называется не санаторием, не домом отдыха, а домом творчества. Но даже здесь родина не отпускает душу поэта от себя:

*Мои мысли опять на Урале,
Летают туда каждый день,
Лишь увидев Кавказ, я понял,
Насколько Урал мне милей.*

Да, чем дальше находишься на чужбине, тем сильнее ностальгия, тем больше начинаешь ценить красоты родного края.

Подобно великому Пушкину, изрекшему однажды «Прощай, свободная стихия!», Рами Гарипов мог бы сказать: Прощай, Гагра, благодарю тебя и твой гостеприимный Дом творчества, благодарю дни и ночи за часы вдохновения! «Я уеду, а ты останешься, ты остаешься, синее море!»

И печально, и уже невтерпеж. Перед дорогой всегда так бывает: расставаться вроде бы грустно, но в то же самое время хочется ускорить волнующий и счастливый момент предстоящей встречи, не терпится побыстрее попасть к своим.

За эти три с лишним недели Рами привык работать в удобные для себя часы в тихой, уединенной комнате, лицезреть из окна морской пейзаж, слышать и днем, и ночью шум прибоя, выходить в любое время на прогулку. А теперь вот приходится собирать, укладывать в багаж книги, рукописи, отрывать от неоконченных стихов.

Комната сразу как-то опустела, приобрела сиротливый вид. И душа не на месте. Прежде чем выйти, Рами долго просидел в раздумье. В Гагре, где поэт жил одним лишь творчеством, он с особой остротой осознал, какие великие дела ему предстоят, сколько стихов надо написать за короткий срок. Только как все успеть? На то, чтобы тащить на себе одновременно два огромных веза и дальше — работать с полной отдачей в совхозе без отрыва от творчества, сил ему, может быть, и хватит, а вот как быть со временем? Той осенью, когда Рами вернулся в свой аул, о стихах ему пришлось забыть, а теперь он вряд ли сумеет без них обойтись, с каждым днем они требуют к себе все больше внимания. Внутри у него идет борьба, душа разрывается на две части. И он предчувствует, что с возвращением домой эта раздвоенность лишь усугубится, что долго сопротивляться он не сможет и стихи окончательно возьмут над ним власть.

ДЕЛА НЕБЕСНЫЕ И ЗЕМНЫЕ

Как ни грустно было покидать Дом творчества, а Рами все же стосковался по жене, детям, по родине и землякам. Вернувшись же, он снова впрягся в работу.

В апрельские дни только и разговоров было, что о Юрии Гагарине. Весь мир с затаенным дыханием следил за его полетом вокруг Земли. А Рами Гарипов, как ни странно, отнесся к этому событию довольно сдержанно и даже настроенно.

«— Человек из космоса возвратился! — сообщила Надя, придя из своей конторы.

Но я почему-то никакого восторга не испытал. Как будто это не великий исторический день!.. А ведь если вдуматься, такой невероятный скачок! Однако я все равно не придаю этому событию такого значения. То ли привык. Вроде уже как обычное дело. Перестал удивляться. Лепетание Азаматика, которого я держу на руках, меня больше трогает.

Подрастет мой сынок,

На Луну полетит! — приговариваю я, слегка подбрасывая его.

И все же я достаю радио со стенки и слушаю: мир гудит, рукоплещет... Да и стих созрел! Юрий Гагарин — новый герой — рождает новые стихотворения. Знаю — завтра во всех газетах появятся написанные в его честь стихи!» (12 апреля 1961 года).

Башкирские поэты тоже откликнулись на космический полет советского человека, повергнутого в шок весь земной шар. Автором одного из первых посвященных этому событию стихотворений был Рафаэль Сафин. Не остался в стороне и Хаким Гиляжев, заявивший громко:

Наш человек

Сквозь купол небесный

Торит дорогу

В иные миры.

...Даешь космос,
Даешь Солнце,
Даешь Луну и
Далекие звезды.

Сколько было написано об этом стихов, баллад и поэм. Все так. Только жизнь шла своим чередом, и искренние восторги, космическая романтика вплетались в канву трудовых будней, сосуществовали с суровым реализмом жизни, мечты срослись с действительностью. Даже такие сногшибательные новости проникали в сознание простого обывателя, с трудом преодолевая сопротивление ему рутинного мышления.

«Вечер. В клубе провели митинг. Кое-как собрали народ. Молодые играют в волейбол. Их туда силой не затащишь. Козы вовсю гложут посаженные в прошлом году акации. Придется высаживать заново.

Не только козам, но и многим людям нет никакого дела до того, что творится в космосе. После того как секретарь парткома прочел по бумажке свою длинную речь и объявил митинг открытым, в зале раздались жиденькие хлопки, и все, один за другим, стали тоскливо поглядывать на входную дверь. А тут, вдобавок ко всему, вылез на сцену киномеханик и, отключив зачем-то свет, громко объявил: “Кина сегодня не будет!” Народ заволновался еще пуше. Потом выступала одна учительница, поглядывая в листок. Под конец она несколько раз выкрикнула визгливым голосом: “Слава! Слава! Слава!..”

После этого Шайхисламов торжественно объявил:

— Слово предоставляется секретарю комсомольской организации товарищу Гарипову! — Словно речь моя была гвоздем программы.

Я еще говорить не начал, а сидевшие в зале уже зааплодировали. Как будто ожидали, что комсомольский секретарь скажет им сейчас что-то из ряда вон выходящее!..

— Товарищи, долго выступать я не собираюсь, просто мне хочется поделиться с вами своим впечатлением, которое произвело на меня вчерашнее известие, — начал я и без ложного пафоса, без каких-либо лозунгов сказал о том,

что человек становится хозяином природы, что скоро он сможет вызывать дождь, когда захочет, и останавливать его по своему желанию. Закончил же я свою коротенькую речь стихотворением “Добрая весть”. Я так волновался, что даже не заметил, как люди прореагировали на мое выступление...» (13.04.61).

Несмотря на то что поначалу Рами отнесся к потрясшему всю планету событию с некоторым недоверием, наступившие перемены, изменения во взаимоотношениях человека и Вселенной, земли и неба не могли не повлиять на его мировоззрение и не оставить следа на его творчестве. Убедительным подтверждением тому могут служить предпринимавшиеся им в этом направлении успешные поиски. Но больше всего впечатляет тот факт, что еще до 12 апреля 1961 года, когда первый советский космонавт Юрий Гагарин облетел на космическом корабле земной шар, у него уже было стихотворение, в некотором смысле предвосхищавшее это грандиозное историческое событие.

Задолго до него, еще в конце 50-х, Рами Гарипов задумывался над проблемой, как облегчить людям их тяжелый, малопроизводительный труд. Среди черновиков стихов в его блокноте за 1960 год можно увидеть следующую запись: «Ракета и... Ракета долетает до Луны. Это меня несколько не удивляет. Этим я просто горжусь. Больше всего поражает меня и заботит картина, предстающая перед моими глазами всякий раз, когда я еду по железной дороге: мне становится невыносимо больно при виде женщин с ломками в руках. Так и подмывает вырвать у них эти ломы и зашвырнуть их на Луну!.. Незачем земным женщинам держать их в руках» (1.03.60).

Эти-то переживания как раз и вылились в стихотворение «Железная дорога», написанное Рами Гариповым в том же году. Изображенное в нем явление, вызывающее содрогание как у автора, так и у читателя, нельзя было бы отнести всецело к бедам, принесенным войной. Показать бедственное положение множества советских женщин не самоцель. Вся проблема состоит в том, каким образом разгрузить их. И первые же успехи в освоении космоса

породили в душе надежды, заставили задуматься над вопросом, облегчит ли этот скачок прогресса положение советских людей, улучшит ли условия их жизни.

Тянем руки к Луне! А у самих

До дел земных

пока никак

не доходят руки.

Мне эти мысли спать не дают...

Так что ж, теперь это девичий труд?

В то время ни литература, ни общественные науки не спешили давать ответы на такого рода вопросы. Победа вскружила всем головы. Но даже тогда, в пору всеобщей эйфории, Раши Гарипов сохранял трезвость рассудка.

В его записной книжке есть несколько черновых вариантов стихотворения, которое он начал писать в тот памятный день, 12 апреля 1961 года. Оно начинается словами: «Мы на седьмое небо забрались». Там есть такие строчки: «Будто молния, он взлетел, Земной шар облетел. Весь мир сегодня узнал, что есть у нас такой человек» и места, которые поэт пытался переложить на стиль кубаира: «Ночь стала днем, стала днем, весенним солнечным днем». По-видимому, он набросал их, готовясь к выступлению на митинге. Но стихи не получились. Значит, восхищение было не столь великим, чтобы всколыхнуть душу поэта.

Больше всего на тот момент Раши Гарипова волновали мысли не о связи Земли и космоса, а о человеческих взаимоотношениях, которым так не хватало человечности. Особенно тревожило то, что совхозное и районное руководство не желали его понять и постоянно встречали в штыки вопросы, которые он поднимал как комсомольский вожак. Все это било Раши по рукам.

Он никогда не был подхалимом, не умел угождать начальству, хитрить и подлаживаться под других. Никому не кланялся. Все это было чуждо его натуре. Раши Гарипов уважал лишь тех, кто «горел» в работе и всем своим существом болел за народ. А самыми великими авторитетами для него являлись литераторы, которых он считал

своими учителями. Вот перед кем стоило низко склонить голову.

Административная работа, многословные, скучные и бес-толковые речи на собраниях давно приелись Рами Гарипову. Рами возмущало огромное количество ненужных бумаг, которые ему приходилось писать или заполнять. И эти бесконечные, набившие оскомину совещания. Однажды, когда Рами отправился на одно из них среди зимы, пошел мокрый снег, доставивший неприятности и мучения его гнедому. И тогда родилось у него стихотворение «Ырашкы» («Снег с дождем»), последняя строфа которого звучит так:

Слова, слова...

Когда ж до дел дойдем мы?

Спросить хотел бы я.

Пусть грянет гром!

Разверзнется земля.

Но только

ни к чему нам этот мокрый снег!..

Если в самый разгар такого мероприятия в голове начинают вдруг тесниться строчки, хоть из зала выбегай. Конечно, и директор совхоза Кинзин, и первый секретарь Салаватского райкома партии Мэргэн Сабитов по-своему радеют за общее дело, но их категоричных административных приказов, грубого, доходящего до окриков, обращения с народом, поэт не приемлет всей душой.

А тем временем будничные дела все чаще вступали в конфликт с творчеством, разрывая Рами на части. С одной стороны, вроде бы отрадно, что стихи теперь приходят к нему один за другим, и в то же время он страдает из-за того, что в момент, когда у него расправлены крылья, взлететь не может, удерживаемый земными делами. То, что писатель должен писать каждый день, — аксиома, но если тебе необходимо трудиться и жить в таком режиме, от работы в совхозе следует отказаться.

Недавно, когда Рами отвел Азамата к бабушке Гюльмарьям, та рассказала ему свой сон. И поэт весь день проходил под впечатлением от рассказа матери. Едва

вернувшись вечером домой, Рами отправил жену со старшим сыном на концерт, а сам, не мешкая, уселся писать и на одном дыхании выдал стихотворение «Сны». Вот его последняя строфа:

*Святые сны!.. Их не разгадаешь,
На эти сны ответа не найдешь...
Лишь зубы стиснешь и возьмешься вновь
Вершить дела, что от отцов остались.*

Вне себя от радости, Рами первым делом прочел новое стихотворение вернувшейся с концерта жене. Прослушав вначале башкирский текст, а затем перевод содержания, Надежда одобрила его, но посоветовала изменить концовку, сказав: «Боже упаси наших женщин от таких снов». Рами вроде бы согласился с ней, но совету не внял, посчитав, что, во избежание повторов, лишние пояснения в стихотворении допускать нельзя. И все же в дальнейшем он решил последовать совету Надежды Васильевны, добавив к «Снам» еще одну строфу:

*Уж двадцать лет прошли в слезах —
В скупых и горячих, терпких, соленых,
И так не хотелось бы, чтобы в снах
Мы тоже являлись любимым женам.*

Стихотворение «Сны» родилось накануне 20-летней годовщины со дня начала войны. Сыну погибшего фронтовика-солдата Рами Гарипову удалось сказать свое слово на эту священную, пока еще очень болезненную тему, бередящую раны, нанесенные войной. К уже написанным им поэтическим строкам о горькой доле и невыносимой тоске вдов-матерей добавились новые, проникнутые глубокими переживаниями.

Как мы видим, в создание «Снов» внесла свою лепту и жена поэта. Мнение, высказанное ею, говорит о том, что по натуре она является человеком творческим, тонко чувствующим поэзию. Годы, прожитые Гариповыми в Салаватском районе, оказались важными для духовного роста

Надежды Васильевны, открывшей для себя совершенно новый, доселе неведомый ей мир: иную природу, другой народ, непривычный уклад, неизвестные ей прежде традиции и обычаи. И если за время, проведенное сначала в Аркауле, потом — в райцентре, молодая семья материальных благ так и не скопила, жена поэта обогатилась духовно, освоив башкирский язык настолько, что могла изъясняться по-башкирски, петь и даже читать. Благодаря большому желанию, стараниям и усердию, она и Рами успешно справились с поставленной задачей, добились священной цели. Сбылись надежды московского студента, некогда начертавшего: «Я верю, что Надя научится читать и писать по-башкирски за пять лет. Пусть в 1960 году мне будет смешно читать эти строки».

Это вовсе не прихоть Рами и не причуда, а очень важное условие для сохранения его семьи. Если жена, принадлежащая к другой национальности, не научится его родному языку, то она не будет по-настоящему счастлива. Дети тоже будут лишены возможности понимать его творчество. Когда между супругами существует языковой барьер, он разобщает их и в духовном плане. Надежда сумела его устранить, и благодаря этому младшие Гариповы воспитывались на языке их отца.

Предвижу возражения, мол, это вопрос сугубо личного характера, касающийся лишь отношений между мужем и женой, и поэтому не стоит его муссировать. Но как бы то ни было, я убежден и считаю своим долгом подчеркнуть, что иноплеменная женщина, которая овладела родным языком мужа, достойна всяческого уважения.

Смешанные браки в советском обществе восхвалялись и поощрялись. Наибольшее распространение приобрели они в нашей стране в конце минувшего столетия, причем башкиры отличились в этом особо. В то время как некоторые народы ставили рекорды по высшему образованию, соплеменники наши выходили на передние позиции по количеству смешанных браков.

Здесь тоже складывались свои стереотипы. Вне зависимости от того, женился ли башкирский парень на русской девушке или башкирка выходила замуж за русского,

семья у них получалась исключительно русскоязычной, дети, соответственно, были русскими. Да и те, кто вступал в брак с татаркой или с татаринном, в подавляющем числе случаев тоже подвергались ассимиляции, и общение с детьми в таких семьях происходило на татарском. А ведь сколько мы знаем примеров, когда татарская невеста-килен, попав в какой-нибудь башкирский аул, в самую что ни на есть глубинку, так и говорила до старости на своем языке, тогда как башкирка едва ли не сразу превращалась в аналогичной ситуации в татарку. Не стали исключением и семьи большинства башкирских писателей. Так что в этом отношении чета Надежды и Рами Гариповых являет собой достойный пример. В то время как некоторые супруги не могут или не желают овладеть даже родственным языком, русская женщина говорит и читает по-башкирски, удивляя всех. Добиться этого, конечно же, непросто. Большим подспорьем в преодолении языкового барьера стали для нее истинная любовь и уважение к мужу.

КОГДА ОБЪЕДИНЯЮТСЯ ТРИ ТАЛАНТА

После месяца вдохновенного труда в Доме творчества Рами Гарипов совсем было решил поменять место работы. Но если уж ты весной засеял вместе с хлеборобами нивы, как можно уехать, не дождавшись урожая? И вот так, за хлопотами, день проходил за днем. Хорошо еще, что удавалось, пусть изредка, но пообщаться с коллегами. Весной приезжал Раис Низамов, с которым Рами участвовал в шумном собрании, проходившем в мечетлинской школе. Раис явился туда в качестве корреспондента по заданию редакции, чтобы на месте разобраться в ситуации, описанной в присланном в газету письме. Вопрос был довольно щекотливый, касающийся межнациональных отношений. По сведениям авторов письма, кое-кто из учителей местной школы унижал учащихся башкир, обзывая их болванами, свиньями, чурбанами с глазами. Учительский коллектив раскололся на две половины. Страсти кипели. Собрание с участием родителей и педагогов проходило в большом переполненном классе и закончилось лишь в час ночи.

У Рами давно назрела потребность повидаться также с Рафаэлем Сафиным и Маратом Каримовым, посидеть, поговорить с ними по душам. Они тоже были не против, и летом 1961 года намерение трех приятелей наконец-то осуществилось. Встретились они в Йыланлы — в родной деревне Сафина. Им было что рассказать и почитать друг другу.

Слова «Так хочется поговорить, дружок» начатого Рами Гариповым 12 июля и незаконченного стихотворения «Думы» выражали их общее настроение.

Он от души радуется творческим удачам друзей. Когда Рами переехал из Уфы в Аркаул, у Марата Каримова вышла вторая книга под названием «Продолжение песни». Нур Зарипов и Ахияр Хакимов написали о ней положительные отзывы, которые были опубликованы в печати. Марат сдал в издательство уже третий сборник «Увидел новую звезду». Его выход был запланирован на следующий год.

Рафаэль Сафин издал в 1960 году вторую книгу «Я не знаю спокойной любви», тепло принятую читателями, особенно студенческой молодежью.

В жизни коллег-друзей произошли и другие важные события. Рами с радостью воспринял, например, весть о том, что оба подготовили свои стихи для перевода на русский язык. Он считал это очень важным шагом. Сколько раз говорили они втроем о необходимости перевода лучших образцов башкирской литературы, чтобы с ними могли ознакомиться читатели других национальностей. Вопрос о переводах волновал их давно, да и как же иначе: весь мир знает эпос некоторых народов СССР и об их классиках, а разве богатый башкирский фольклор не достоин всеобщего внимания? Правда, на русском языке выходили произведения Мажита Гафури, но в целом процесс перевода пока еще не приобрел систематический характер. И тем не менее подвижки уже есть: в последнее время на всесоюзную арену вышел Мустай Карим, сотрудничество которого с Михаилом Дудиным, Ириной Снеговой и Еленой Николаевской уже успело принести добрые плоды.

Все трое — Рами Гарипов, Рафаэль Сафин и Марат Каримов — прошли московскую школу и больше остальных своих сверстников общались с коллегами из других республик. Лучше всех знакомые с литературными кругами страны, они, как никто другой, понимали значение перевода. В текущем году в московском издательстве «Молодая гвардия» должны выйти книги «Весенние почки» Марата Каримова и «Весна на Юрюзани» Рафаэля Сафина. Такими вот замечательными новостями поделились они с Рами! Сам он тоже пытался работать с разными переводчиками, но пока ничего не вышло. Ни один из переводов его не удовлетворял. Рами прекрасно понимал, что, покуда он занимается этим лишь между делом, от случая к случаю, рассчитывать ему не на что, и надеялся, что восполнит этот пробел, когда уже полностью переключится на творчество.

На встречу Рами явился с пустыми руками: новых сборников, которые он мог бы подарить приятелям с автографом, у него не было. За 1959–1960 годы журнал «Эдэби Башкортостан» не напечатал ни одного его стихотворения. Стоит ли после этого удивляться тому, что Гайса Хусаинов, который в обзоре поэзии за 1958 год так много внимания уделив его стихам, в последующих статьях не упоминал даже имени Рами Гарипова. И все же, Рами приехал на берега Ая, где находился аул Йыланлы, в приподнятом настроении. Пусть он не может похвастать, как его друзья, изданными книгами, причин для уныния уже нет, ибо стихов у него за время пребывания на родине скопилось немало — на внушительный сборник. Многие из них он прочитал Рафаэлю и Марату, а им все мало. Рами не заставил себя упрашивать и выложил до конца, с удовольствием облегчил душу. А друзья увидели жизнь села, узнали о том, что волнует их современников.

Понравился им также морской цикл, который Рами Гарипов привез из Дома творчества. Да и деревенская жизнь пошла ему явно на пользу, потрудились он на славу. «Пока земляки твои хлеб растят, ты потихоньку стишки кропаешь, что ли?» — недоумевали Марат с Рафаэлем. Да и как тут не удивляться. Рами Гарипов работает с молодежью совхоза, который объединяет более двух десятков

деревень и является опорой всего района. Когда же он успевает писать? О том, в каком жестком режиме проходят его будни, Рами распространяться не стал и только, как бы между прочим, обмолвился, что в скором времени собирается оставить комсомольскую работу и заняться творчеством.

Подходила к концу та благословенная короткая летняя ночь, когда приятели всласть наговорились о творчестве, о любви, с упоением читали друг другу свои стихи. А самое сильное впечатление из написанного Рами произвело на друзей загадочное стихотворение:

*Бывает, встретишь девушку такую,
Что только ахнешь восхищенно ты.
Глядишь ей вслед и чувствуешь, тоскуя,
Что до нее тебе — как до звезды.*

*Ты будешь вспоминать о ней, вздыхая,
И видеть по ночам, хотя и сам
Давно ты знаешь: женщина другая
Тебя ревнует даже и ко снам.*

*Ты будешь говорить о чем попало,
А про себя, тайком, мечтать о том,
Как та, что невзначай околдовала,
С тобой сидит за свадебным столом.*

*Но только гостем быть тебе придется
На том пиру — так пой о ней, любя!
Мечта уходит — песня остается,
А разве песни мало для тебя?**

Когда-то сказавший о своей любви «Будет родинкой жгучей в сердце имя светлое твое», на сей раз Рами сумел найти для этого чувства совершенно новые слова. Судя по всему, поэт находился во власти каких-то новых переживаний. От его стихотворения исходил такой жар. Другьям стало любопытно, но Рами не любил выворачивать душу

* Перевод Я. Серпина.

наизнанку даже перед самыми близкими людьми. Все равно ведь всего не объяснишь, остальное же пускай домысливают...

Вдохновенные встречи товарищи пришли к единодушному решению съездить как-нибудь вместе в Дом творчества и написать втроем, в соавторстве, пьесу. Для башкирской литературы это было бы нечто невиданное! А раз невиданное, тогда пусть увидят. В истории подобные прецеденты имели место. Самый хрестоматийный пример — тандем Ильфа и Петрова, авторов замечательных произведений «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Рафаэль, Марат и Рами тоже могли бы попробовать.

Если старикам требуются на сборы дней сорок, то молодые бывают обычно легки на подъем. Сказано — сделано: и вот уже в середине августа того же 1961 года все трое приехали в Малеевку — в один из подмосковных домов творчества писателей. Здесь они, как и договаривались, не откладывая, принялись за пьесу. Но, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. В доме творчества тоже не всегда работается успешно.

Вроде бы дружно взялись за дело. А когда прочитали и переписали заново первую картину первого действия, еще больше раззадорились. На радостях Рами записывает в дневник: «Прежняя наша сцена была всего лишь детской игрой. А теперь мы уже — драматурги. Перед нами — людские судьбы, живые человеческие характеры. Эта картина станет ключом ко всем будущим картинам. Образы Ямала и Гайши получились великолепными. И Юлдаш совершенно ожил. А какой язык!.. “Сам Мустай-агай обзавидовался бы” — сказал я ребятам» (2.09.61).

Вместе составляют диалоги, то и дело пересмеиваясь. Вечерами прогуливаются по прекрасным малеевским хвойным лесам. Знакомятся с девушками. Одним словом, время проводят весело. А что касается работы, то здесь не обходится без разногласий, поскольку каждый из соавторов видит дальнейшее развитие образов по-своему и настаивает на собственном мнении. Упираются — то один, то другой. А иной раз дело доходит до нешуточных обид и размолвок.

Свою пьесу, направленную против мещанства в советском обществе, молодые люди перевели на русский язык и показали известным театроведам — Владимиру Пименову и Инге Вишневской. Те дали им много дельных советов. «Главный недостаток — однобокость сценического произведения и пассивность драматического элемента в характерах. В развитии характеров нет динамики... Критика была жесткой, но очень полезной. Услышав доброжелательные советы, мы еще больше поверили в свои силы», — записал Рами после состоявшейся беседы (2.09.61).

Но как бы ни верили они в свои силы, так и не смогли особо продвинуться вперед. Бывало, махнув на этот чуждый им жанр рукой, приятели бросали работу и расходились. Рафаэль с Маратом играли в бильярд, а Рами принимался за стихи. Новый вариант Вишневская тоже не одобрила. Судя по всему, дело, за которое поэты взялись с энтузиазмом, оказалось напрасной затеей. Одним словом, пьеса не удалась.

В личном архиве Рами Гарипова сохранились отдельные ее фрагменты — записи, сделанные по очереди, сначала — им самим, потом — Маратом и дальше — Рафаэлем. В них нет ни ярких диалогов, ни остроумных сенок, ни увлекательных текстов. Когда их читаешь, становится совершенно очевидным, что у этих трех талантливых и уже вполне состоявшихся поэтов в области драматического искусства не было абсолютно никакого опыта. Но, по большому счету, основная причина их неудачи кроется, видимо, не в отсутствии опыта, а в том, что далеко не все из мастеров слова способны проявить себя в разных литературных жанрах одинаково искусно. Поэтому для художника крайне важно вовремя распознать природу своего таланта и данные ему возможности. А то ведь бывают случаи, когда средней руки поэты, искренне полагающие, что поэзия — их призвание, раскрывались в дальнейшем как прозаики, создавая хорошие, самобытные произведения. Если бы они не переключились на прозу и не выявили свой дар, то в качестве посредственных поэтов давно забылись бы. Отсюда вывод: чтобы узнать, каково твое истинное предназначение и своевременно определиться, стоит

попробовать себя в разных жанрах. Рами, Рафаэль и Марат сделали попытку испытать себя в иной сфере, взявшись троим за одну пьесу. И она оказалась безуспешной.

«Последний спор из-за пьесы разгорелся уже с утра. Мы с Маратом начали править первое явление, вносить кое-какие дополнения. Рафаэлю это не понравилось. Марат отказался работать дальше и вышел.

...Чтобы я еще когда-нибудь ввязался в такое дело — не бывать этому. У одного ребенка трех отцов не бывает!» (7.09.61).

Как резко, однако, выразился Рами.

«Все, пьесы для меня нет, а ведь какая славная вещь могла бы получиться!.. Если у меня все будет нормально, я сам попробую написать какую-нибудь пьесу, только ни в коем случае не стану больше ни с кем связываться. Даже ради пары строк. Пусть эта драма послужит мне хорошим уроком на всю оставшуюся жизнь!..» (8.09.61).

Работая над пьесой, приятели частенько тянули ее каждый в свою сторону. Особенно серьезные стычки происходили у Рами с Рафаэлем. Казалось, их тринадцатилетней дружбе вот-вот наступит конец. Последствия спора между творческими людьми зачастую непредсказуемы, ибо натуры эти легко ранимы, болезненно самолюбивы и упрямы. Бывает, что возникшие между ними разногласия приводят к бурным ссорам, заканчивающимся, в худшем случае, разрывом и враждой.

Да, Дом творчества не всегда приносит творческие удачи. К триумфу в драматургии триумvirат молодых поэтов не привел. И пусть все трое стремились к единой цели, стать несокрушимым триединым таганом им так и не удалось. Даже когда объединяются три больших таланта, никто не даст гарантии, что у них получится талантливое произведение. Но, как бы то ни было, творческому человеку может пригодиться и такой опыт. Так что месяц, проведенный с друзьями в Малеевке, не прошел для Рами даром, благо что и стихов было написано немало, и на чтение время нашлось.

В жизни поэта было много приятных и неожиданных встреч. Особенно до тридцати лет. И на этот раз, находясь

в Доме творчества, он познакомился и общался с работавшей там девушкой по имени Женя. Она увлеклась поэтом. Но тот смотрел на их отношения несколько иначе. «Голубоглазая девушка, на самом деле, оказалась девушкой — я не тронул ее. Очень умная девушка, и, кажется, мы друг друга хорошо поняли. Проговорили с ней до трех ночи» (10.09.61).

И о последних часах той же ночи: «Вчера та девушка залатала мой плащ. Ночью простились. В ее глазах стояли соленые слезы. Какой ребенок!.. Может быть, мы никогда больше не увидимся. Интересная это штука — жизнь: встречаемся, сближаемся и расстаемся навечно. Какое глупое положение. Заигрывал с ней, думал, женщина, и попал впросак. Похоже, я обидел ее.

— Какое у тебя самое любимое дерево?

— Береза.

— Ладно, в день твоего рождения я посажу березу... Русскую березку. Прощай и не поминай лихом!»

В жизни Рами эта «латаная любовь» была всего-навсего коротеньким, незначительным эпизодом. Но он некоторым образом раскрывает отношение поэта к людям, его духовный мир и нравственные принципы. Жизнь состоит из подобных встреч и расставаний. Происходят они не каждый день, и далеко не все оставляют в нашей судьбе осязаемый след. И тем не менее каждая встреча становится ее частицей, а уж чувствительная душа поэта и вовсе памятлива. Даже когда вроде бы кажется, что уже все, забыл, ан нет — на поверку оказывается, что человек успел за короткое время пустить корни в твоём сердце. Нет-нет да и встанет вдруг перед глазами, пронизет тебя насквозь через длинную вереницу лет.

В отношении денег Рами неисправим. Их отсутствие — вечная его проблема. После отъезда из Дома творчества он записал: «Покинув Малеевку, мы поехали на автобусе в Дорохово. Ни на автобус, ни на поезд денег у меня нет. Билеты покупал Кулмый».

Дело в том, что в это же самое время в Малеевке находился башкирский поэт Якуп Кулмый. Он заходил как-то раз к Рами Гарипову, прочитал ему только что написанное стихотворение.

Кавалерист Якуп Кулмый отважно воевал под Москвой в составе войска прославленного генерала Доватора и в одном из боев получил тяжелое ранение. Когда он волею судьбы вновь оказался в этих местах, в памяти ожили воспоминания, результатом чего стало известное стихотворение «Береза».

То ли ветер в глаза, то ли слезы...

Я опять в Подмоскowie стою.

Разрослась, постарела береза,

Но легко ее узнаю.

Помню, помню: в дыму горьковатом

Не с любимой сидел я под ней, —

Я солдатом лежал с автоматом

У ее узловатых корней...*

В башкирской поэзии это неповторимое произведение — одно из самых сильных стихотворений о войне. Рами внимательно выслушал Якуп-агая. К старшим товарищам-фронтовикам он относился с большим почтением, но это не помешало ему высказать свои замечания напрямик: о кудрявых словах и об избитых строчках. Как говорится, на прямое слово ответа нет, и того, кто режет правду-матку в глаза, не жалуют даже родственники. Но Кулмый был человеком незлобивым и никогда не таил на людей обиду. К тому же, он был высокого мнения о незаурядном поэтическом таланте Рами Гарипова и очень его уважал. За Кулмыем водилась такая привычка: когда он бывал навеселе, то начинал хорохориться, мол, «Я — кавалерист!» Между тем он был очень скромным, безобидным и справедливым человеком. Некоторые его выражения и словечки охотно подхватывались и входили в обиход. Однажды, желая намекнуть такому же, как он, поэту-фронтовику на то, что стихи его слабоваты, кавалерист Якуп положил перед ним пустой спичечный коробок и заявил: «Вот твоё творчество!» Закончился инцидент большим скандалом.

* Перевод В. Виноградова.

В 60-е годы Загир Исмагилов написал на слова Якупа Кулмыя чудесную песню «Былбылым» («Соловушка»), которая сразу же полюбилась народу и стала знаменитой. Хорошо зная бесхитростную и щедрую натуру поэта, молодые коллеги при встрече с ним на все лады расхваливали его детище, не скупясь на самые лестные эпитеты. Слушая расточаемые ему дифирамбы, тот млеял и таял, и кончалось тем, что добродушный агай приглашал их пропустить по стопке водочки. Им же только этого и надо было.

А один раз, когда Якуп Кулмый сидел в окружении молодых поэтов в ресторане «Агидель» и Рафаэль Сафин спел при нем своим мелодичным и проникновенным голосом его «Соловушка», он до того растрогался, что снова продемонстрировал перед всеми свою щедрость.

И вот теперь Рами Гарипов сидит рядом с ним в вагоне поезда, везущем их из Дорохово в Москву. Потом он запишет в своем дневнике: «И после этой дороги Якуп Кулмый стал мне чем-то близок. Он немного бесцеремонный, но все равно мне близок. В душе у меня такая гармония: я ощущаю родство со всем миром... Мы привыкли искать в человеке не красоту, а видеть лишь бросающиеся в глаза отрицательные стороны, субъективно судить о других. Считаю, что эта душевная убогость проистекает из завышенной самооценки, из нашего эгоизма» (12.09.61).

Рафаэль и Марат уехали раньше. По дороге из Дорохово в Москву Рами перебирал в памяти дни, проведенные в Доме творчества. Этот месяц нельзя было бы назвать особо плодотворным, но он дал ему хороший толчок для творчества. Не зря говорят, сытый голодного не разумеет — человек не поймет другого, пока сам не окажется в его положении. Теперь Рами, как и его товарищи, знает, какво быть драматургом. Природную склонность к драматургии из всех троих проявит лишь Рафаэль, которому удастся создать для сцены неповторимые характеры и добиться со временем признания в этом жанре. Марат Каримов будет писать не только стихи, но и прозу, станет мастером юмористических рассказов. А Рами Гарипов полностью посвятит себя поэзии, подчиняя ей все в своей жизни.

Прибыв в Москву, он первым делом наведился в Литературный институт. Рами стосковался по месту, где прошли пять лет его жизни, по знакомым деревьям. Сиреневые кусты загустели, тополя выросли чуть ли не до небес, но лучшим украшением осеннего сада были рябины с красиво свисающими гроздьями алых ягод. Некоторые из деревьев посажены им самим. Он обошел их и ласково погладил каждое. Эти рябины, сирень и тополя знают немало секретов и еще не раз услышат признания не одного поколения студентов, которые будут встречаться и общаться друг с другом в этом саду. Будут среди них, наверное, и земляки Рами Гарипова.

Если бы деревья не разрослись, вход был бы совсем неприглядным. Только вот ели, к сожалению, высохли. Рами высадил их ко дню рождения Ленина и на радостях даже написал стихотворение:

*Розовеет апрельский рассвет,
Тишина, Москва не шумит,
Я три елочки в памятный день
В институтском саду посадил...*

*...Буду думать о вас всякий раз,
По моей стосковавшись Москве.
И являться будет мне в снах
Тот студент с лопатой в руке.*

Тот юноша-студент, мечтающий облагородить и украсить весь мир, так и стоит до сих пор перед глазами. Считается, что мужчина должен посадить дерево, построить дом и вырастить сына. Было бы замечательно, если бы люди, додумавшиеся до этой премудрости, никогда не забывали ее. Если бы каждый житель Земли посадил хотя бы по одному дереву, наш мир превратился бы в цветущий сад. Верный своей доброй привычке сажать деревья, где только можно, этот долг Рами перекрыл сполна, хотя, наверное, не все из них приживались, высыхали, как те самые елочки, запечатленные в стихотворении. Есть у него и сыновья. Осталось построить дом. Только в дан-

ный момент Рами Гарипову не до этого, он ломает голову над вопросом, где бы достать денег, чтобы добраться до дома, в котором живет со своей семьей.

В институте он увиделся с обучавшимися на высших литературных курсах Катибой Киньябулатовой, с Нажибом Асанбаевым и Нажибеком Хафизовым. Там же оказались и Марат с Рафаэлем. Земляков-то много, да никто из них выделить ему деньги на обратную дорогу не в состоянии. Заняв у Нажиба Асанбаева пять рублей, Рами отправляется в Союз писателей. Встретил там бывших однокашников, но и те не смогли ему ничем помочь. Они мало чем отличаются от нищих студентов. В литфонде Рами Гарипову выдали двадцать пять рублей. Этой суммы хватало только на один билет. И Рами направился в Черемушки, где проживали аспиранты Акрам Бишев и Мухтар Сагитов.

Это было время, когда писатели жили, в общем-то, сравнительно неплохо, были достаточно обеспеченными. Вместе с тем очень многие, главным образом, молодые, сильно нуждались, еле-еле сводя концы с концами. К числу последних принадлежал и Рами. Безденежье было его бичом. И избавиться от этой напасти он никак не мог, как ни старался. Вроде бы и работающий, и сноровистый, и толковый, любое дело умеет доводить до конца. К стихам своим придирчив, тщательно выверяет каждую строчку. Словами дорожит, обращается с ними бережно, расходует с умом. Зато экономить деньги, несмотря на неприхотливость, так и не научился. Гонорары спускал с друзьями чуть ли не сразу, мало что донося до дома. Угождая щедростью приятелям, поэт обделял семью. Потратив впустую заработанное, он наказывал, таким образом, себя самого.

Раз уж Рами очутился в Москве, он не простил бы себе, если бы не побывал в Переделкино. На Киевском вокзале и в вагонах электрички все так же людно: болтают, смеются, поют, режутся в карты... Только теперь никто из пассажиров не вскакивает, чтобы прочитать во всеуслышанье стихи. Да и студенты литинститута живут уже не в писательском поселке, а в самом городе, в современном общежитии, которое за короткое время успело стать одной из столичных достопримечательностей, легендарным

местом, с которым были связаны всевозможные похождения начинающих поэтов.

Вечерело, и в осенних сумерках мелькавшие за окнами знакомые подмосковные пейзажи начали погружаться во тьму. Поезд приближался к станции, а у безудержных мыслей поэта остановок нет. «С той осени, когда я, студентом, впервые ехал по этой дороге, минуло десять лет... Но десять времен года сменились с тех пор: осень за осенью, зима за зимой, весна за весной и лето за летом... Словно не был я никогда студентом и о здешней жизни знаю лишь по книгам и понаслышке. А ведь именно с этой дороги начиналось мое будущее, мое настоящее, началась моя вторая любовь...»

Пока Рами ехал, воспоминания накатывали на него одно за другим. Десять лет назад он впервые увидел на этой дороге свою Надю и познакомился с ней. Какое-то время студент с любопытством поглядывал на незнакомку, принимая ее то за татарку, то за еврейку, пока не решил, что она цыганка, пленившись ее томным и пылким взглядом из-под длинных, черных ресниц. После каждой встречи он задавался множеством вопросов, строя догадки и делая выводы: «Судя по внешности, она из интеллигентной семьи, некогда состоятельной, но обедневшей. Об этом же говорит тот факт, что она постоянно носит с собой какую-нибудь книгу, которую начинает читать, войдя в вагон». Кроме того, он заметил, что все ее книги были похожи на те, что продавались в букинистических лавках, — в кожаном переплете, вроде дореволюционных изданий, и со старинным шрифтом. «То ли у них у самих богатая домашняя библиотека, то ли она берет их у кого-нибудь из знакомых-книголюбов или близких к литературным кругам, либо к миру искусства людей...»

Рассуждая в таком духе, под стать бывалому, много повидавшему на своем веку человеку, Рами был не так уж далек от истины. И теперь, спустя десять лет, он просто диву давался своей тогдашней проницательности. А поводом для его знакомства с Надей послужила книга «Горе от ума»: «Получается, что на этой самой дороге нас познакомил великий русский драматург и посол Грибоедов...»

Таким образом, книга указала Рами Гарипову дорогу к его любви. Он и книга всегда были неразделимы, и даже вел себя поэт порою по-книжному.

Сколько же дорогих воспоминаний пробудила в его душе поездка по знакомой дороге. Просто замечательно, что они сопровождают тебя в твоём одиночестве, как и вечные мысли. Без этих спутников было бы скучно и тоскливо. «Неужто я дожил до такого возраста, когда человек начинает предаваться думам о прошлом?» — вдруг встрепенулся Рами. Впрочем, если некого или нечего вспомнить, какой от жизни толк? А мало ли на свете типов, которые просто существуют, живут одним днем, мол, сегодня сыт, а завтра тоже авось что-нибудь да перепадет. Избавь нас бог оказаться на их месте. Пусть судьба будет благосклонна к нам, не лишая милых сердцу воспоминаний, надежд, чувств и мечтаний, дорогих людей и любимых книг».

На родной земле Рами мог бы посадить не только дерево, но и поставить крепкий дом, ведь он любил мастерить и строить. Но главная его забота — возвести свое собственное здание в мире поэзии, сделать его красивым и светлым, на радость людям.

Поезд остановился на станции Переделкино. «Знакомая старая тропинка, те же тополя, сады и дачи, а вот и Надин дом... Калитка закрыта, рядом — посаженный им боярышник (Рами в своем амплуа. — Р. Б.). Он уже вытянулся до крыши, и ягоды его чернеют в лунном свете. Перепрыгнув через калитку, прохожу мимо цветов, яблонь, зарослей вишни и оказываюсь на ветхой лестнице, ведущей к верхней веранде. Поднимаюсь неторопливо и стучусь в дверь. Слышу знакомый голос тещи-старушки...» (12.09.61).

Еще одна живая картина из жизни поэта, которая так и стоит перед глазами: за годы отсутствия Рами посаженный им боярышник вымахал аж до самой крыши и дал плоды, которые в лунном свете кажутся черными. Даже по этому описанию видно, что Рами Гарипов воспринимает окружающее душой поэта, а детали оценивает зорким взглядом прозаика. И нам остается только сожалеть о том,

что имевшийся у него талант прозаика так и не реализовался, не воплотился в законченные художественные произведения. Если бы он всерьез взялся за прозу, то накопленный жизненный опыт, способность и умение понимать людей, наблюдательность и проницательность пригодились бы ему при создании книг, которые пользовались бы несомненным успехом у читающей публики. Но сколько бы мы ни рассуждали об утерянных возможностях, изменить уже ничего нельзя. Хорошо еще, что сохранились дневники поэта. Это тоже своего рода проза, изобилующая деталями, благодаря которым потомки могут с подачи автора судить об особенностях той эпохи и о ее людях.

Когда срок пребывания в Доме творчества подходил к концу и Рами собирался домой, он записал переведенное им ранее стихотворение Пушкина, которого считал самым большим гуманистом среди поэтов.

*Асыуланма, кайгырма хин,
Алдаһа эгэр тормош.
Килмэй булмаҕ, килер шат көн,
Тик хин йэшэргэ тырыш.*

*Йөрэк йэшэй киләсәктә,
Күңелһез тик бөгөнгә.
Һәр ни китә, һәр ни үтә,
Ә үткән хуп күңелгә...**

И далее следует приписка: «Вот как надо уметь облегчать свое горе, уметь верить людям. А жизнь, как бы то ни было, все равно... хороша!..» (12.09.61).

Что это: обретение нового жизненного опыта или попытка научиться смотреть на мир по-философски спокойно, с некоторой иронией? Приведенное стихотворение

* Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет!

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

и послесловие к нему показывают, что в душе его зреет важное решение, что он собирается сделать некий решительный шаг. И очень скоро решение было принято, шаг сделан.

ПОСЛЕДНИЙ МОЙ ДЕНЬ В КОМСОМОЛЕ

21 сентября, через несколько дней после возвращения из подмосковной Малеевки, Рами Гарипов записывает название к задуманной им поэме «Комсомол». Начинает он свое произведение строчкой: «Сегодня последний мой день в комсомоле, последний день пятнадцати лет». В его блокноте сохранился черновик, состоящий из трех строф и заканчивающийся словами:

*Другие девчата и парни
Подхватят юность мою.
Печально мне и отрадно:
Они ведь такие ж, как мы.*

Там же можно увидеть новый вариант под названием «Комсомолу». Потом Рами дорабатывал это стихотворение, и впоследствии оно вошло в первый том его сочинений среди произведений, датированных 1962 годом.

Фраза «Сегодня последний мой день...» была написана им не только по поводу прощания, не потому, что настал срок выхода его из комсомола. Даже оставив комсомольскую работу, душой поэт все равно останется с молодежью.

*Не по возрасту был я с тобой,
А по молодости души.
И билет я не сдам. Пускай
Хранит он частичку этой поры.*

*Дай руку, дружнице! Прощай, комсомол!
Станет трудно — я приду,
Откликнись на зов твой и вновь
Я буду в первом ряду.*

Рами жил заботами хлеборобов, тружеников ферм, молодежи. Его судьба неотделима от их судьбы. Все знали, что, горя на работе, он не уделял должного внимания своей семье. Вечно занятый, Рами недостаточно был внимателен и к матери. Он постоянно корил и клял себя за то, что не всегда находил с ней общий язык. Свое состояние поэт выразил в стихах, которые остались не напечатанными (22.04.61):

Мамочка, милая мамочка,

Много думаю о тебе.

Ныне прошлое и будущее

Сплелись в одном узле.

Этот узел, как ни мучился,

Развязать я пока не смог.

Отчего, когда захожу к тебе,

Сиротливо глядит наш дом?..

Так и пролетели два года беспокойной жизни комсомольского вожака. Интересы совхоза он ставил превыше личных. Ненормированный рабочий день, когда выходишь спозаранок и возвращаешься домой поздно вечером, — дело обычное. И в круговерти будней невозможно выкроить время для того, чтобы поговорить по душам с матерью. Жене тоже приходилось нелегко — работать с двухлетним ребенком на руках. Естественно, не обходилось без ссор и размолвок, во время которых Рами с еще большим остервенением хватался за работу.

Но труднее всего было выдержать битву, которая шла в нем самом — между рвущимися на бумагу стихотворными строчками-стежками и совхозными стежками-дорожками, когда приходилось разрываться между благозвучными песнями и мычащими коровами. Конечно, возвращение на малую родину, работа бок о бок с земляками, эти вечные скачки в седле по полям и упорное стремление вперед, несмотря на зимнюю стужу и снежные бураны, дали его творчеству новое дыхание, позволили ему снова оседлать крылатого коня вдохновения. Стихи приходили к нему

одно за другим и множились, выстраиваясь друг за другом звеньями одной цепи. Крылатый тулпар требовал заботы и постоянного внимания к себе. Это очень своенравное существо, недоглядишь — раскапризничается и улетит опять. В последнее время он часто артачится, брыкается, не желая отпускать его к совхозным коням. Пытаясь каким-то образом их примирить, поэт пишет стихи о лошадях.

И все же, Пегас вдохновения притягивает его к себе сильнее. Когда комсомольский секретарь Рами Гарипов в самую страду, которая приходится на конец лета — начало осени, бросает дела и уезжает с коллегами в Дом творчества, где они собираются работать над пьесой, нет смысла спрашивать, который из коней ему ближе. В начале августа он в поте лица мечет вместе с косарями стога и вскоре, 8-го числа того же месяца, сметывает «Стог» стихотворный. А уже через несколько дней, бросив и косарей, и хлеборобов, отправляется в дальний путь по своим творческим делам.

Эта запись, которую Рами сделал 26 июля, в дневнике отсутствует: «Вода, что на дне сосуда, не боится, что выльется или убавится, а та, что переливается через край, думает, что выльется или убавится. Так и человек, живущий своей маленькой жизнью, даже не подозревает, что живет, как скотина. А вот тот, кто понимает свое предназначение, боится отстать даже самую малость. В самом опасном положении оказывается во время скачек лошадь, идущая впереди...»

Когда Рами записывал эти мысли, возможно, на память ему пришли крылатые строки Мустая Карима: «Но я всю жизнь, как конь, не чуя ног, скакал на скачках по степной дороге». А может ли один и тот же конь участвовать сразу в двух соревнованиях? Рами уже попробовал так жить. Вернее было бы сказать, он скакал на двух лошадях попеременно: с совхозного жеребца перепрыгивал на крылатого тулпара вдохновения и опять возвращался на обычного коня. Но жить и работать вечно в таком сумасшедшем режиме невыносимо. Однажды наступает предел. Рами не боялся растратить силы, он жил — не то чтобы расплескиваясь,

а бурля и выплескиваясь через край. Если творчество поглотило тебя, то выбраться из этой пучины нет ни сил, ни желания. Отдаться сладостным мукам, забыть о житейских хлопотах — вот чего больше всего хотелось Рами. Ему все труднее было мирить своих брыкающихся, конфликтующих между собой коней — небесного и земного.

Еще будучи в Малеевке, он записал следующий эпизод: «Сегодня я, перед тем как переговорить с Вишневской, пересмотрел диалог между Юлдашем и Зухрой и внес некоторые поправки. Говоря о сложившемся на селе положении, Юлдаш упоминает новую программу партии.

Зашел Марат, просмотрел мои исправления и, усмехнувшись, заметил:

— Надо же, и программу сюда приплел.

Меня это задело: зачем иронизировать? Вся страна обсуждает принятый документ, и осуществление этой программы не обойдется без борьбы, чреватой разными последствиями. От нее зависит судьба, будущее народа... И если наши герои не будут об этом думать, не упомянут о ней, какие же мы писатели? Разве мы сами не превращаемся в тех же мещан, обывателей?

Удивительно, чтобы услышать эту истину из уст Вишневской, мы должны сидеть, уставившись ей в рот. Просто смешно!.. К тому же Вишневская даже не знакома с нашей пьесой! Ну допустим переведем мы для них первую картину, как уж там получится, расскажем ее содержание, и они должны будут высказать нам капитальное мнение о пьесе...

Стоило мне об этом заикнуться, как Рафаэль вскипел и стал обвинять меня во всех смертных грехах...

— Только ты у нас все знаешь, только ты всегда прав!

— Ты, Рами, какой-то однобокий!

— Как будто ты изучил все законы драматургии.

— Ты вообще какой-то упертый.

— Да если бы я работал с тобой, то вряд ли смог бы что-нибудь путное создать.

— Ты должен знать, Рами, что все твои беды, вся твоя трагедия — из-за твоего несносного характера... и т. д. и т. п.

Все это Рафаэль высказал мне, тыча пальцем в спинку стула, вернее, даже не высказывал, а выкрикивал. Он прибил бы меня, если б смог!.. Все припомнил, даже мои препирательства с редакторами. Не позабыл и про семейные неурядицы — предъявил, как обвинительный акт. А то, что я уехал в деревню, работаю в комсомоле, назвал издержками 30-х годов...» (06.09.61).

Рами тоже не остался в долгу: «Зато ты, Рафаэль, мнение свое меняешь чуть ли не каждый день. Мнение — это тебе не тряпка, которая трепыхается в той стороне, куда ветер дует».

Даже по тому, как ведут себя в данной ситуации трое приятелей, можно выделить основные черты характера каждого из них: ироничность Марата, избегающего конфликтов, вспыльчивость любителя нотаций Рафаэля, упрямство и прямолинейность Рами. Кипевший в гуще реальной жизни, прошедший через сотни столкновений, на то, что происходит вокруг, он все еще смотрит глазами романтика и о поступках окружающих судит с категоричностью максималиста.

Думается, Сафин был не единственным, кто оценивал переезд Рами Гарипова как пережиток 30-х годов. Но надо отдать должное товарищу, с которым Рами дружил более десяти лет, в какой-то мере он был прав, считая первопричиной всех его бед характер. Не умевший приспособиться и угождать, доверчивый к людям Рами Гарипов всю свою жизнь был поборником правды и справедливости. Жить с такой позицией и характером, естественно, нелегко. Даже ошибаясь, он продолжал упрямяться, настаивая на своем, чем еще больше усложнял себе и без того непростую жизнь. Увы, как бы ни было тяжело, человек, видимо, не в силах исправить свою натуру.

Поддержавшие в свое время инициативу Рами Гарипова переехать с семейством в деревню, районное и колхозное руководство надеялись найти в нем послушного, исполнительного помощника и рассчитывали на то, что, как поэт, он прославит их на всю республику. Никто и предположить не мог, что Рами окажется таким принципиальным и непримиримым, что он не захочет подчиняться и чуть ли

не с первых дней будет требовать справедливости, бросившись на защиту интересов простых людей, особенно молодежи.

У Рами Гарипова есть стихотворение «С рождением дочери», которое он посвятил своему другу — «поэту-зоотехнику Марсу Закирову»:

*Надеялся — будет сын,
Но дочку жена родила тебе!
Поздравить спешу от души
Я книгой в память об этом дне.*

*Не будет стихов —
Не тужи!
Дочерей плоди.
А когда они подрастут,
Станут поэты слагать стихи,
Воспевая их красоту.*

Марс Закиров и сам пишет неплохие стихи. Он является автором текста популярной песни «Юрюзань» (музыка В. Мухамадиева). Рами подружился с ним. Это по его рекомендации зоотехника Саргамышского отделения совхоза избрали на последнем собрании секретарем комсомольской организации.

После собрания Рами Гарипов читал стихи. Несмотря на позднее время, он решил вернуться домой. А перед тем как уехать, попросил у Марса ружье тридцать второго калибра и шесть зарядов. «Пока добирался, расстрелял все патроны», — рассказывал он потом.

После года работы комсомольским секретарем отцы совхоза решили отстранить Рами Гарипова от этой должности, сделать так, чтобы его не выбрали на другой срок. Но молодежь, не пожелав расставаться с любимым поэтом, сорвала их планы. Марс Закиров вспоминает: «Они хотели заставить меня дать согласие стать комсоргом вместо Рами. Я же посчитал это изменой. Так что директор совхоза Кинзин и парторг Райнанов только зря старались. Рами они недолюбливали, поскольку тот высказывал все, что о них думает. Но он все равно прошел».

Во время следующих перевыборов поэт уже не станет выставлять свою кандидатуру. И не изменит решение, даже если молодежь будет настаивать.

Стихотворение «Сивый конь», которым Рами Гарипов как бы подводит итог своей комсомольской деятельности, он начинает словами: «Коня дали мне норовистого, мол, комсомолу сойдет и такой». К сожалению, оно так и осталось неоконченным.

...Конь, что был крылом моим правым,

Прощай, мне тебя вовек не забыть.

Сколько дорог, сколько вод и трав

Пришлось нам вместе пройти...

С грустной улыбкой прощается поэт с комсомольской молодостью. Очень скоро затопчутся следы гариповских сапог и копыт его скакуна, но мысли, рожденные в дорогах, не исчезнут. Они выплавились в стихотворные строчки. Сложенные из них на этой земле стихи будут запечатлены навечно, золотой тамгой останутся на лучших страницах огромной книги башкирской поэзии.

Но пока Рами далек от этих мыслей. В настоящий момент он обдумывает свою речь на II комсомольской конференции саргамышского совхоза. Зиля Габбасова, работавшая в ту пору секретарем комсомольской организации Мечетлинского отделения совхоза, приводит в своих воспоминаниях некоторые выдержки из доклада Рами Гарипова. По ее словам, поэт начал так: «Сегодня я в последний раз выступаю перед вами как секретарь комсомитета. На этой конференции мне хотелось бы рассказать вам о разных моментах из жизни нашей комсомольской организации... Я буду говорить то, что считаю нужным, и, невзирая на авторитеты, скажу, кто есть кто...»

И далее: «Условия, в которых пришлось мне работать в отчетный период, были очень непростыми. Во время прошлой отчетно-выборной конференции, из-за моей критики, против меня и членов вновь избранного комсомитета был организован подлый заговор»; «Чтобы вынудить членов комсомитета проголосовать против меня, их

полтора часа обрабатывали, а за то, что они отказались, обвинили в политической незрелости...»

Рами поименно назвал руководителей, участвовавших в той экзекуции. В своем выступлении он перечислил целый ряд ошибок и недостатков, на которые многократно указывал начальству и прежде, да все было без толку. А на этот раз он постарался обратить на них внимание молодежи.

Когда Рами говорил об этом, ему наверняка пришли на память строки из недавно написанного им стихотворения:

*Неожиданно стал я твоим врагом,
Вздумав правду тебе сказать...*

*Ты столкнулся нынче со мной и ушел,
Отказавшись руку подать.*

Но тебя я приветить готов всегда,

Даже если ты не ответишь.

И когда ты отвел свой взор от меня,

Продолжал на тебя глядеть я.

Понять даешь, что не видишь в упор,

Как будто меня не знаешь?

О, как жалок ты! — Скажу я тебе в укор:

Ты не друга — себя теряешь!

Очень многие теряли себя у Рами на глазах. А поэт сумел сохранить самое главное, присущее ему, достоинство: свое лицо и слово. И последнюю речь в качестве секретаря комсомола он произнес, глядя честно прямо в глаза и близким соратникам-единомышленникам, и своим недоброжелателям — тем, кто боролся с ним в открытую, и тем, кто строил ему козни исподтишка.

Приведу в связи с этим еще один фрагмент из его воспоминаний: «Можно было бы посмеяться над этой ситуацией, если бы не было так грустно. Вместо того чтобы помочь мне, райкомовские товарищи сделали все как раз наоборот. Пусть секретарь райкома Шафиков доложит,

какую конкретную помощь оказали они комсомолу. Я считаю, что никакой помощи не было. Со стороны нового парткома — тоже. За два года, пока я работал секретарем, вопрос о деятельности комсомольской организации совхоза в парткоме ни разу не рассматривался. Мы приглашали их на свое первое заседание, но представители руководства совхоза ни в одном из наших заседаний так и не приняли участия. Гайнанову нужно было в гости, а Кинзин предпочел заседанию баню. После этого мы перестали их приглашать, и члены комитета к работе охладели...»

Да что там комитетчики, секретарь и сам, наверное, сник. Будь это иначе, Рами, который никогда не терял чувство ответственности, не сбежал бы, наверное, от земляков в самую напряженную пору жатвы.

Свои записи, опубликованные в газете «Башкортостан» (13.09.94), Зиля Габбасова заканчивает так: «Все это — собственные слова Рами-агая. Они дают представление о том, какую нелегкую борьбу с бюрократизмом и черствостью чиновников вел поэт, сказавший “пусть молнией слово мое сверкнет”».

Как бы ни стремился ты, ни рвался на Родину, она встречает тебя не только песнями. И даже если, уезжая, ты будешь плакать, не в силах от нее оторваться, никто тебе не посочувствует, не утешит, ласково похлопывая по спинке. Мать и Отечество-Ватан редко привечают тебя улыбкой, чаще ты видишь их суровый, испытующий взгляд. И среди окружающих есть те, кто в глаза восхваляет, а как отвернешься — охаивает. С какими только людьми не сталкивается и в какие только ситуации не повергает тебя судьба. Мир входит в твою душу со всеми своими противоречиями, со всем величием и низостью.

Чем больше общался Рами с людьми, тем дороже становился ему его народ. Продираясь сквозь бураны, промокая до нитки под дождями, перебираясь по разлившейся реке, ночуя в поле, он глубже постигал суть вечной природы. А когда писал и говорил, всегда старался защищать правду. Верхом ли, пешком ли, поэт никогда не сворачивал с избранного пути.

ПЕРВЫЙ УДАР

Рами Гарипов окунулся в знакомую среду, вернувшись к привычному занятию: 17 октября 1961 года его приняли в редакцию газеты Салаватского района «Октябрь юлы» («Путь Октября») на должность заведующего отделом писем.

Приспособившись к здешнему трудовому ритму ему, журналисту с немалым опытом работы в республиканской печати, было нетрудно. «Если бы это зависело от меня, я бы не дал тебе работать ни в комсомоле, ни в районной газете. Вызвал бы в Уфу и заставил писать. Человек должен быть там, где от него больше пользы», – говорил ему кое-кто. Что ж, пожелания – хорошие, советы – правильные, да вот только никто лучше его самого не знает, как непросто все это реализовать. И как бы поэт ни тосковал по Уфе, его там не встретят с распростертыми объятиями: ему даже негде переночевать.

Устроившись на новую работу, Рами стал жить в Мало-язовском заезжем доме. Это были дни, когда в Москве проходил XXII съезд коммунистической партии. Все обитатели заезжего дома обсуждали выступление Шолохова. Рами слушал его по радио, стараясь не пропустить ни единого слова. «Это моя речь, мои мысли», – выступление писателя он принял всем своим существом.

Совсем недавно Сталинград был переименован в Волгоград. На такие новости поэт реагировал неоднозначно. Бывало, с чем-то он соглашался, но в то же время считал, что прошлое из сердца нельзя вырывать с корнем. Сколько советских солдат сложили головы за этот город. И среди них – его отец Ягафар Гарипов. А какое потрясение испытал Рами подростком, бродя с одноклассниками среди оставленных войной руин... Теперь же легендарный Сталинград должен превратиться в какой-то Волгоград. На бумаге-то заменить название, может быть, и легко, да вот только поди попробуй-ка вытравить его из сердца!

«Да, сколько грубых, страшных и непростительных ошибок совершаем мы в нашей жизни. Но это еще не зна-

чит, что они являются роковыми... Такое невозможно! Какими же должны быть корни священного дуба нашей Родины, выдержавшего столько бурь и ураганов!...» (9.11.61).

Размышления незаметно переходят в поэтические строки. Вошедшие в первый том среди произведений, созданных поэтом в 1965 году, они были написаны именно тогда, в 1961 году:

*На земле, ликуя и скорбя,
Никогда завидовать не будем
Этим слишком осторожным людям,
Жаждущим покоя для себя.*

*Что таким крылатая мечта? —
Отроду душой они убоги...
Чтобы не упасть, глядя под ноги,
В небе звезд не видят никогда.*

*Досыта хлебнув добра и зла,
Хорошо во мгле сгореть кометой!
Ошибаться можно в жизни этой —
Лишь бы жизнь ошибкой не была.**

Полная противоречий политика советского государства того периода, выходки ударившегося в волюнтаризм его руководителя Хрущева, всего лишь пять лет тому назад разоблачившего культ личности, привели наше общество к неразберихе. Как отмечал Рами Гарипов, указ следовал за указом, одно постановление сменяло другое. Постоянные пертурбации окончательно запутали народ, подрывали устои. Люди уже не знали, кому и чему верить.

И в ту эпоху среди пишущей братии находились люди, с готовностью подхватывавшие и славившие любую безрассудную идею нового вождя. Но наряду с такими были также и здравомыслящие писатели и поэты, не разделявшие ура-патриотических настроений собратьев. Описывать боль, которую они испытывали, переживая происходящее,

* Перевод И. Измайловского.

не имело смысла, ибо их мнение до народа все равно не дошло бы. Единственное, что они могли себе позволить — «писать в стол» в надежде, что их слово станет когда-нибудь достоянием общественности. Именно в то время возросло количество рукописей, которые откладывались их авторами «в долгий ящик».

В башкирской литературе таких почти или вообще не было, если не считать записей Рами Гарипова, работавшего тогда в районной газете. Их можно рассматривать как исключительное явление тогдашней общественной мысли.

«Мы верили так искренне и обманулись, — сокрушается поэт. — Всем сердцем верили!.. И поэтому сейчас очень трудно верить в правду... Вера сильно пошатнулась.

...Трудно признавать собственные ошибки, легче свалить всю вину на кого-нибудь. Языки у людей до того развязались, что они и сами не ведают, что говорят, кричат с пеной у рта, оплевывая прошлое... Молчун превратился в болтуна. Теперь у всех мешан, у всех обывателей появилась жвачка — жуют и жуют» (10.11.61).

Однако и в ту пору были моменты, когда Рами, ознакомившись с материалами партсъезда, в частности, с программой на будущее, ходил окрыленным. Так что веру в жизнь и уважение к человеку он, несмотря ни на что, не терял. Между тем эфир и страницы печатных изданий заполнило пустословие, наша история вымазывалась черной краской. Все это калечило души. Люди, на которых обрушился новый поток информации, забывали про работу, отвлекались от своих прямых обязанностей. Озабоченный этим Рами время от времени записывал свои наблюдения и мысли, чтобы когда-нибудь, если представится такая возможность, к ним вернуться. Если бы поэт дожил до конца XX века, до новой перестройки (ему было бы лет шестьдесят), и вместе с современниками переживал все, что происходит, слушая, что говорят и пишут в СМИ, видя, как власть имущие грабят Отечество, беззастенчиво расхищают принадлежавшие народу богатства, и невиданный размах преступности, какие проклятия изрыгал бы он, стора от стыда и кипя от ненависти? А впрочем,

и так ясно, чего стоит одно только его замечание «жуют и жуют», которое всецело применимо и к нашей эпохе. Как актуально звучит оно в наши дни — просто удивительная пронизательность! И лишь ему самому не суждено было дожить до этого времени. То ли к счастью, то ли к сожалению...

Несмотря на то что тираж районной газеты был невелик, хлопот у сотрудников хватало. Сразу же по выходе на работу Рами окунулся в ворох скопившихся материалов. За каждым сообщением — человеческая судьба. И невниманье здесь недопустимо. Поэт объезжает деревни, обходит хозяйства, нередко попадая в интересные ситуации или становясь их свидетелем. Его публикация «Первая ласточка», вышедшая в конце ноября как в «Октябрь юлы», так и в русскоязычном варианте районной газеты, вызвала у читателей большой интерес и была высоко оценена коллегами. И хотя он обозначил ее жанр как портрет, его герой предстает перед нами в динамике. Столь же ярко переданы картины быта и окружающей природы.

Автор приковывает внимание читателя с первого же предложения: «На мой вопрос: “Где Марс Сиражев?”, выходящие из школы ребяташки указали мне на небольшой домишко, стоявший рядом с магазином. “Надо обязательно заглянуть к нему, посмотреть, что это за человек — Сиражев”, — сказал я себе».

Начало — многообещающее, и то, что за ним следует, тоже читается с интересом: «Едва я открыл калитку, как тут же увидел любопытную сцену: рядом с маленькой черной коровой стоит с отрешенным видом молоденький парнишка. Можно даже сказать, мальчишка. На голове — шапка-ушанка, на ногах — калоши. Стоит он так и в задумчивости треплет корову по спине. Выражение лица почему-то грустное, я бы сказал — даже озабоченное. Ничего особенного, что могло бы вызвать озабоченность, вроде бы не видно: разве что трактор, который тащит по первой пороше скирду сена по направлению к ферме, что возле околицы. Чуть поодаль раскинулись горы Алкэ, покрытые молодым березняком и первым снегом, а над ними, на лазурно-голубом небосводе стоит полуденное зимнее

солнце. И если кто-то и ощущает его скупые лучи, так это та самая черная коровушка. Нежась в этом скудном тепле, в полудреме, она медленно что-то пережевывает.

— Марс Сиражев здесь живет? — спросил я, заставив паренька очнуться.

Он поспешно убрал руку со спины коровенки и с виноватым видом ответил:

— Здесь.

— Он дома?

— Дома... это я...»

Обычный газетный материал уже первыми своими абзацами напоминает по стилю рассказ опытного прозаика. Войдя в избу, Рами окидывает быстрым взором обстановку: «Внутри — ничего примечательного, кроме самодельных книжных полок, нескольких фотографий в рамке и прикрепленной кнопками к стенке почетной грамоты. На грамоте, выданной совсем недавно по случаю сорок четвертой годовщины Октябрьской революции, — обычная надпись: "...За высокие показатели в области животноводства правление колхоза имени Салавата награждает почетной грамотой Сиражева Марса"».

Так журналист описывает знакомство с «первой ласточкой» — первым доярком Салаватского района Марсом Сиражеевым. Рассказывает он также о том, как односельчане сперва смеялись над молодым человеком, мол: «В сердце у джигита должен быть оседланный конь с уздечкой, разве это мужское дело — ползать под коровой!», а также о том, как он сызмальства полюбил труд, какой надежной опорой был для матери, от которой ушел муж, бросив ее одну с шестью детишками. Марс получил повестку на армейскую службу и только вчера сдал свои дела. Стоит ли после этого удивляться, почему у него такой унылый вид. «И на границе не забывай, что ты салаватский джигит!» — сказал ему автор на прощание.

Даже по этой небольшой газетной зарисовке, напоминающей сжатый рассказ, видно, с какой ответственностью Рами относился к печатному слову и как мастерски умел передать увиденное. Кроме того, он настолько хорошо владел русским языком, что сам перевел написанные им для новогоднего выпуска поэтические шаржи.

Во время подготовки номера произошел один поучительный случай, показавший, что блюстители порядка, зорко следившие за каждым словом, были и в глубинке. Когда готовили карикатуры, редактор газеты попробовал сам сочинить к ним стишки для перевода на русский, однако таланта на это у него не хватило. И всю работу взвалили на Рами Гарипова. В своем четверостишии про дармоедов и тунеядцев он подчеркнул, что таких можно встретить повсюду. И именно это слово вызвало у редактора панику.

— Наверное, это будет не совсем правильно. Нас могут не так понять. Что это за намек? Повсюду, повсюду... Нет, это слово надо будет заменить.

— Так ведь дармоедов на самом деле можно найти где угодно, — возразил Рами.

— Найти-то можно, а тебе не кажется, что здесь обобщение?

— Может, и так. Но только в литературе обобщение не только допускается, но и требуется. А из-за пары дармоедов и возиться нечего, стихи писать.

— Писать надо, но заявлять, что они есть повсюду, будет ошибкой.

— Ну что ж, ладно. Вместо «повсюду можно найти» напишем «не переводятся у нас пока», — вынужден был сдаться Рами Гарипов.

Вполне ординарный диалог. При обсуждении газетных текстов подобные беседы происходят в каждой редакции. Но тем не менее в этом вроде бы незначительном, на первый взгляд, эпизоде ощущается рефлекс особенностей политики и идеологии того периода, когда предъявлялись строжайшие требования едва ли не к каждому печатному и публично произносимому слову, чтобы не оставлять места для его произвольного толкования. Когда речь заходила о каком-нибудь недостатке, ни в коем случае нельзя было употреблять слово «повсюду», иначе недруги за рубежом, чего доброго, подхватят его, воспользуются для обобщения, охаивания советской действительности, реализации, в конечном счете, своих коварных замыслов. Во избежание двусмысленного толкования и разночтений,

любая информация должна была быть предельно четкой и ясной. Сколько же хлопот доставлял такой «порядок» тогдашним авторам!

Относительная свобода слова, которую предоставил народу XX съезд партии, была дозированной, а вскоре контроль и вовсе усилился. Уж если даже в крошечной газетке проявляют такую бдительность, то об изданиях более высокого уровня и говорить нечего. Требования, предъявлявшиеся к республиканским и центральным печатным органам, были гораздо жестче, причем кусали там побольнее, чем в районных. И вскоре Раши испытает это, что называется, на собственной шкуре. По сравнению с тем, что его ожидало, разговор с редактором районной газеты покажется ему милой беседой.

А пока все идет прекрасно. В конце декабря республиканские газеты напечатали теплые отзывы о прошедшем в Уфе вечере поэзии. Раши тоже принимал в нем участие.

В начале 60-х ошутимо вырос авторитет башкирской литературы. Проводимые в районах и городах республики недели литературы пользовались большим успехом у читателей. Сказывалась активная работа по укреплению этих связей. Немалую роль играла и пропаганда. Но все же главная причина заключалась в самой литературе, поднявшейся на новую ступень. На поэтические вечера, устраиваемые в столице в конце года, народ валом валил. Оттуда велись прямые трансляции по телевидению. Записи этих мероприятий передавались по республиканскому радио. Выступления участников потом еще долго обсуждались любителями поэзии.

В декабре 1961 года этот ставший уже традиционным праздник проводился в Большом зале здания Совета министров. Одно из самых вместительных помещений в Уфе заполнилось до отказа. Была организована книжная торговля, и очень многие смогли получить автографы у любимых поэтов и писателей.

На этом вечере, который вели Назар Наджми и Муса Гали, читали свои стихи Сайфи Кудаш, Батыр Валид, Мухитдин Тажи, Гайнан Амири, Муслим Марат, Тимер Арслан, Якуп Кулмый, Юсуф Гарей, Хаким Гиляжев,

Шариф Биккул, Ангам Атнабаев, Рами Гарипов, Марат Каримов, Рафаэль Сафин. Публика провожала каждого из них бурными аплодисментами.

Новое стихотворение Баязита Бикбая «Здравствуй, счастливое время!» читал Назар Наджми, поскольку автор находился в то время в Татарстане по приглашению. А Сагита Агиша читатели потребовали сами и от души смеялись, слушая остроумные высказывания писателя, уподобляемого сэсэну.

Вечер прошел весело, в теплой, радушной обстановке. Сидевшие в зале восторженно реагировали на эпиграммы, всевозможные прибаутки и шуточные приглашения следующего участника типа: «Настал и твой черед, Наджми, айда, ты на лирическую педаль нажми, айда», горячо принимали стихи – то пламенные, то задумчивые, то озорные. Из представителей молодого поколения поэтов особенно пришлись по душе любителям поэзии выступления Ангама Атнабаева и Рами Гарипова.

Накануне Нового года газета «Совет Башкортостаны» напечатала большой материал, посвященный этому вечеру. Вот некоторые фрагменты из него: «Молодой поэт Ангам Атнабаев прочитал отрывок из поэмы “Мой современник”. Зрителям очень понравились его содержательные и доступные пониманию лирические стихи “Шумливый дождь”, “Разве это старость – тридцать лет?!” Кроме того, он умеет выразительно читать, способствуя тем самым еще лучшему восприятию их смысла». «Участники вечера тепло приняли и лирические стихи проживающего в Салаватском районе поэта Рами Гарипова “Возвращаюсь к песням моим” и “Встречаются нам девушки порою...” Благоприятное впечатление производят также стихи “О родном языке”, “Пусть люди будут людям нужны”, “Ырашкы”».

Из Уфы Рами летел домой как на крыльях. Встречи с друзьями, собратями по перу, любителями поэзии, царившая на вечере атмосфера гармонии и духовного единения вдохнули в него силы и энергию. А когда он прочел о себе добрый отзыв в газете, то еще больше воспрянул духом. Сотрудники редакции, знакомые из Малояза

и Аркаула и даже чужие поздравляли его, пожимали руку. В такой приятной суеде промелькнули предновогодние дни.

В заезжем доме поэт уже не живет. Ему дали небольшую квартиру. Дома, куда он возвращается вечером с работы, его радостно встречают жена и двое сыновей. С приближением Нового года Рами все чаще задумывается о быстротечности жизни и о бренности бытия. Когда годы несутся, как ветер, надо дорожить каждым мгновением.

В периоды, когда он предается таким раздумьям, к нему приходят новые строки. Вот и теперь так. Записи от 1 января 1962 года начинаются словами: «Ступая по новому снегу, к нам снова идет Новый год!...».

Напрасно прожитые дни

Похожи на смутные сны.

Спеши делать людям добро,

Счастье — лишь в труде.

Ветви, снегом облепленные —

Совсем как руки ребенка!

Не грусти и радуйся сынишке,

Тянущему к тебе ручонки...

Азамату, который тянет к отцу свои крохотные ручки, сегодня исполнился годик. Наблюдая за тем, как младший сын уже передвигается вперевалочку, поэт еще больше чувствует неудержимый ход жизни. Кажется, что мир замер перед большим прыжком, а лучшие его, Рами Гарипова, годы тратятся впустую. И он начинает корить себя: видимо, я не умею устраиваться в жизни, как надо, не умею показывать то, что делаю, и поэтому мне приходится так тяжело.

«Мое выступление в Уфе хвалили во всех газетах. А кто-нибудь знает, в каких условиях я работаю, как живу? Эти стихи рождаются между делом, в седле, в моменты, когда кое-как удастся выкроить на них время. Хорошо ли, плохо ли, но они пишутся кровью.

Если у меня есть талант, то в таких условиях я могу бороться только за то, чтобы сохранить, не убить его.

А о том, чтобы его растить, лелеять, не может быть даже и речи...

Многие так и погибали. Думаю, что талантов, не проявивших себя, было больше, чем проявившихся» (1.01.62).

В такие минуты Рами снова берется за стихи великого японского поэта Исикавы Такубоку. Охотнее и чаще всего читает он его стихотворение «Дом».

Едва открыв глаза сегодня утром,

Опять — в который раз! —

Я вдруг подумал:

«Как хочется иметь мне дом,

Который я бы мог назвать своим!»

До чего же созвучны эти пронзительные строки переживаниям поэта, который уже много лет мучается, не в состоянии обеспечить свою семью нормальным жильем! Неужели и столь изысканный художник, как Такубоку, прожил всю жизнь с мечтою о собственном доме, так и не сумев осуществить ее?.. Какая несправедливость!

Нынешняя работа, по сравнению с прежней, совхозной, оставляет ему больше времени на чтение. Приехав сюда, Рами прочитал роман Всеволода Кочеткова «Секретарь обкома». В то время споры о нем шли по всей стране. Поэт остается верным своему принципу: чем наспех прочитать сотню книг, лучше прочти одну и после этого сто дней думай, ведь мысли, которые возникли у тебя после чтения, являются новой ступенькой в твоей жизни! Так поступил он и на этот раз: переписал в тетрадь много выдержек из «Секретаря обкома», сопроводив их своими комментариями.

После того как Рами Гарипов увидел в «Совет Башкортостаны», где начиналась его трудовая биография, хвалебный отзыв о своем выступлении, газета подготовила для него новогодний «сюрприз». Прочитав в номере за 5 января статью «Об одном поэте», некоторое время он просидел в оцепенении.

Не прошло и десяти дней после того, как газета, опубликовавшая большой отчет о вечере поэзии, в котором

наряду с другими был отмечен и Раши Гарипов, напечатала статью, содержащую серьезные обвинения в его адрес. Если бы речь шла о качестве, уровне его произведений, он бы не удивился, ибо такое в мире искусства бывает, вернее, должно быть. Но в том-то и дело, что писателям так не хватает умных профессиональных дискуссий о литературе, взыскательности, обмена мнениями, разговоров начистоту. И Гилемдар Рамазанов в своей статье «Об одном поэте» (письмо в редакцию) ни словом не обмолвился о том, что делает поэта поэтом или мешает ему быть таковым. Мало того, автор обвиняет Раши Гарипова в политической близорукости и в том, что, в погоне за сенсацией, он пытается морочить людям головы.

«На этом вечере выступал в числе прочих и молодой поэт Раши Гарипов. Как известно, он живет в Салаватском районе, среди колхозников и рабочих совхоза. И вполне естественно, всех интересовал вопрос: какими находками, поэтическими образами порадует нас поэт, приехавший из самой гущи жизни — с берегов Юрюзани? Однако надо сказать, что в выступлении Р. Гарипова горячее дыхание нашей сегодняшней кипучей жизни, решительные шаги и умонастроения сверстников молодого поэта переданы в искаженном виде, в мрачных красках. К тому же, был один почти сенсационный момент. И это обеспокоило меня и многих других», — говорилось в статье.

Большинству читателей вряд ли было известно о том, в каких условиях жил Раши Гарипов и какую ответственную должность исполнял в районе. Но упомянуть об этом автор статьи не посчитал нужным. Получалось, что Раши занимался в родных местах лишь творчеством. А что касается дыхания времени, то в отчете о вечере было точно сказано, какие стихи он там читал. Они так и пышут чувствами, которыми живет его поколение, иначе зал не аплодировал бы Раши Гарипову так бурно. Написавшего об этом Ш. Янбекова Рамазанов не одобряет, говорит, что после его отчета складывается впечатление, будто все замечательно и нет никаких недостатков. И это всего лишь прелюдия. Главная же причина, побудившая к написанию этой статьи, — то, что молодой поэт затронул в своем

выступлении вопрос о родном языке: «На вечере поэзии Р. Гарипов прочел стихотворение “Еще раз о языке”. Это написанная в стиле кубаира средненькая вещь, и сегодня я не собираюсь вести о том стихотворении речь. А вот “Еще раз...” режет слух. Почему “еще раз”? Что же все-таки случилось с нашим родным языком?»

Вот, оказывается, в чем дело. О том, что происходило в те годы не только с нашим, но и с языками других народов СССР, а в особенности — Российской Федерации, должны были быть осведомлены, в первую очередь, писатели, которые создавали на этих языках свои произведения, не так ли? Ведь именно тогда и начал проводиться в жизнь последовательный курс на вытеснение из обихода национальных языков с целью последующего их искоренения. И в то время, когда над судьбами стольких наций нависла серьезнейшая угроза, слова «еще раз...» режут кому-то слух. Как неуместно звучал этот упрек тогда, когда нужно было кричать, бить в набат, да так, чтобы эхо тех тревожных призывов разнеслось повсюду, доходило не только до ушей, но и до сердец.

Приведя стихотворение Рами Гарипова «Родной язык», автор статьи далее пишет: «Считаю излишним рассуждать о каких-то намеках и туманных фразах в первой строфе. Остановимся на второй строфе, где Рами Гарипов утверждает: “язык мой ничем других не хуже... ущербным он кажется лишь ущербным душам!..” Позвольте спросить: а кто же, собственно, принижает наш родной, башкирский язык, считая его хуже прочих? И вообще, разве противопоставление языков друг другу имеет место в нашем обществе, разве это актуально для нашей эпохи и представляет собой проблему? Марксизм признает равенство языков, самобытность и своеобразную красоту каждого из них».

Сославшись на один из неопровержимых марксистских постулатов, он приводит, по его собственному выражению, «известные любому грамотному человеку факты», касающиеся наших завоеваний и достижений, после чего делает такой вывод: «Значит, письменный язык башкирского народа является одним из самых молодых в стране.

Ему не исполнилось еще и сорока лет». Тем самым автор статьи подтвердил, со своей стороны, господствовавшую в то время антинаучную концепцию, согласно которой выходило, что «до революции у башкир не было письменности».

Далее он рассуждает об успехах и, подчеркнув, что «эту элементарную истину никто не оспаривает да и не сможет оспорить», вопрошает: «Как же можно в наше время вести разговор о том, какой язык является низким, а какой – нет? Какие есть на то основания, какие доказательства?»

В самом деле, тут есть над чем задуматься. Да, наш народ переживал своего рода эпоху Ренессанса, когда налицо были повышение его культурно-эстетического уровня и уровня национального образования, рост башкирской литературы, увеличение тиражей выпускаемых книг, газет и журналов, когда состоялось открытие филиала Академии наук, университета, публиковались труды и защищались диссертации по вопросам языка. И не зря утверждал Рашит Нигмати, с гордостью заявлявший: «Я – башкир», что он говорит с другими с достоинством, на равных. И разве не прав был Баязит Бикбай, прославлявший равенство языков? Вне всякого сомнения, они были правы. Гилемдар Рамазанов, призывая писать именно в таком духе, добавляет: «Невольно возникает вопрос: тогда почему же поэт Рами Гарипов, написавший еще раз о родном языке, рассуждает об ущербных языках и ущербных душах? Разве это не есть, сам по себе, большой порок?»

Только при том условии, что литература будет отражать жизнь во всех ее проявлениях, она сможет стать зеркалом жизни народа. Речь идет не о том зеркале, которое готово вдребезги разбиться от любого неосторожного прикосновения, а о волшебном, не бьющемся и не тускнеющем. Гордость и опасения, любовь и беспокойство не являются взаимоисключающими чувствами, они живут, переплетаясь между собой, дополняя друг друга, в одном человеке, в одной литературе, в душе одного народа. И Габдулла Тукай, восхищавшийся «прекрасным родным язы-

ком, отца и матери языком», тоже поднимал вопрос о сохранении этого сокровища, проявлял заботу о будущем своей нации, о национальном духе. Как говорил А. В. Луначарский: «Любить родной край тихой, спокойной любовью, занимающей свое законное место, — так можно любить лишь Отчизну уже торжествующую или по крайней мере свободную, но нельзя любить такой тихой и естественной любовью Отчизну оскорбленную и затоптанную».

В те времена русификация «инородцев» в Российской империи происходила открыто. А что можно сказать о национальной политике страны Советов, создавшей хорошие перспективы для развития языков народов СССР, способствовавшей разработке алфавита и выпуску учебников для малочисленных наций, не имевших письменности. Разве она за столь длительный период — после революции и вплоть до начала 60-х годов — не претерпела никаких изменений? Увы, несмотря ни на что, мы вынуждены признать, что главная ее суть осталась прежней, и с заменой «инородца» на «нацмена» покончить с высокомерным отношением к нерусским национальностям и делением народов по сортам так и не удалось. Конечно, по сравнению с эпохой царизма, когда эта политика проводилась при помощи вероломных миссионеров в brutальной форме, власти действовали на первых порах не столь грубо и явно, а более изощренно, исподволь, исподтишка. А в конце 50 — начале 60-х годов началось уже прямое, неприкрытое давление.

Бесспорно, «рождение новых литератур», появление все новых книг на разных языках бытовавших в СССР народов продолжались и в 70-е годы. Об этом постоянно твердили в своих отчетных докладах на проходивших в Москве съездах руководители Союза писателей, что получало потом резонанс во всем мире. А между тем национальные языки последовательно и упорно вытеснялись из общественной сферы повсеместно. Например, в башкирских школах преподавание по ряду предметов переводилось на русский язык, а в некоторых — даже на татарский. Причем происходило такое не только в соседних областях, но и в самом Башкортостане. В результате

множилось количество детей, которым чужды были родной язык и культура, и тем самым из народа вытравлялся национальный дух и национальное самосознание. Эта трагедия за два-три десятилетия покалечила немало судеб, исковеркала духовную основу нескольких поколений.

Бить тревогу, когда опасная ситуация уже наступила, безусловно, нужно. Но куда как важнее и эффективнее было бы предупредить о ней заранее, принять необходимые меры заблаговременно, когда уже проявляются первые признаки надвигающейся катастрофы. А для этого надо не только болеть за свой народ, но и обладать особым мышлением, проницательностью, а также гражданским мужеством.

Таким требованиям как раз и соответствовал Рами. Приведя полностью его стихотворение «Родной язык», Рамазанов вряд ли собирался его пропагандировать. Но его «письмо в редакцию» как раз способствовало росту популярности как самого Рами Гарипова, так и его стихотворения среди читателей, равнодушных к судьбе своего народа.

Когда поэт вышел из состояния оцепенения, вызванного неожиданной публикацией, его вдруг осенило: постой-ка, а где же тут стихотворение «Еще раз о родном языке»?!. В статье, где говорилось о вечере поэзии, речь шла «О родном языке», что соответствовало действительности. На декабрьском мероприятии он ведь читал еще нигде не публиковавшийся кубаир, так уж ему не терпелось поделиться с публикой тем, что его волнует.

В блокноте за 1961 год это стихотворение значится под названием «О родном языке» и датировано 17 июля. А вот тот самый кубаир, который вызвал негативную реакцию «стражей безопасности», который им «резал слух»:

*Коль есть язык – страна родная есть,
И языку дана одна свобода:
Воспеть талант, достоинство и честь,
И гордость, и величие народа!..*

*Ключ к языку — к народу верный ключ!
Храни его ты, как зеницу ока!
Утратишь — сколь бы ни был ты могуч —
Умрешь как камень, молча, одиноко...*

*Не стань же камнем, коль тебе дано
Быть верным стражем языка, иначе
Ты на земле не сможешь много значить
Подобно пню, засохшему давно!..**

До декабря 1961 года, когда Рами выступал на том памятном вечере, у него не было другого произведения о языке в стиле кубаира, кроме этого стихотворения. Значит, именно его имел в виду автор статьи.

Поэт будет возвращаться к этому произведению еще не раз, дорабатывать, дополнять его в течение десяти лет, пока оно не примет готовый вид, превратившись в длинный кубаир под названием «Аманат» («Завет»). Многие строчки были внесены в него без изменений, а некоторые места переработаны и усилены. Но даже в таком виде его слова очень точны и проникновенны. И при этом ничего провокационного и коварного, что могло бы нанести сокрушительный удар по устоям государства, в нем нет. Тем не менее сказанное Рами Гариповым в защиту родного языка вызвало недовольство руководителей республики, заставило и всполошиться, как это имело место в районной газете, редактор которой испугался обобщающего «повсюду» в сочетании с высмеиваемыми человеческими пороками.

Не зря говорят, на воре шапка горит. Власть предрержавшие отлично знали о политическом курсе партии и государства по отношению к национальному вопросу, о том, что концепция формирования единого советского народа должна была усиленно внедряться в сознание масс. Такова была общая установка. Поэтому чтобы выслужиться, чтобы не допустить ни единого слова в защиту национальных языков, они готовы были на любую подлость. И то, что Рамазанов взялся за написание статьи не по собственной инициативе, ясно, как божий день. Он выполнял лишь чей-то приказ.

* Перевод Д. Даминова.

Да, высказанные о родном языке с большой осторожностью слова не только резанули начальникам слух, но и напугали их, вызвали в их стане переполох. И пока крамольные мысли не успели завладеть умами, они должны были немедленно загасить эту искру, затоптать ее! Прежде чем люди поднимут головы, нужно ударить по головам поэтов! Не подвернись им Рамазанов, который даже не был на том вечере и не слушал выступление Рами Гарипова, написать такую статью поручили бы кому-нибудь другому. Сайрановы все равно нашли бы нужного человека и щедро вознаградили бы его за выказанную преданность. Они делали все, чтобы ни писатели, ни языковеды, ни учителя, ни представители каких-либо других сфер, избираемые в органы власти разных уровней, не поднимали вопросы, связанные с судьбой башкирского языка. И точно так же не нашлось никого, кто заступился бы за Рами Гарипова.

Это показатель уровня мышления нашего общества той эпохи, его гражданской позиции, состояния национального самосознания. Конечно, и тогда находились люди, которые не только болели за свой народ, но и предпринимали определенные шаги для сохранения культурных традиций и языка башкирского народа. Но таких было слишком мало, и их благородные устремления наталкивались на сопротивление местных властей, рьяно исполнявших указания сверху.

Последний абзац статьи звучал так: «А попытки Рами Гарипова замахнуться дубиной и выставить себя единственным поборником родного языка, единственным “национальным” поэтом и заработать на этом некий капитал, представляются, мягко говоря, странными и жалкими».

Как видим, Рами Гарипову были предъявлены нешуточные обвинения. В лицо ему как будто ударил студеный и резкий ветер 37-го года. Сказать, что организаторы публикации замахнулись на поэта политической дубинкой, было бы мало. Они открыто нанесли ему удар. И если в 1957 году Рами Гарипова преследовали негласно, то на этот раз обвинение было брошено ему во всеуслышание, на всю республику.

ШАЛАШ ТВОРЧЕСТВА

Рами не имел возможности съездить в дом старанием, чтобы поработать в благоприятной обстановке, и для этой цели он присмотрел себе живописное местечко на берегу Юрюзани. Построить дом ему пока не с руки, а вот соорудить шалаш он в состоянии. Если дом творчества ему не доступен, то пускай у него будет хотя бы «шалаш творчества». Наверное, это был единственный на свете такой шалаш.

Свое просторное жилище Рами сооружал с большим старанием и любовью. Это была прекрасная пора, когда юрюзанские луга утопали в цветах, а слух услаждал разноголосый птичий гомон. Рядом протекала небольшая речушка с поэтичным названием Кара-ерек, что в переводе означает «Черная ольха». Устанешь от стихов, броди себе сколько душе угодно у подножия Каратау или взбирайся на утесы. Здесь ты полностью предоставлен сам себе и можешь распоряжаться своим временем, как заблагорассудится. Лишь ночь прерывает твой труд. Так ведь сейчас июнь — месяц самых коротких ночей. Не успеешь и глаз сомкнуть, как уже брезжит рассвет, заставляя птиц щебетать на все лады.

Поэт удалился, предпочел одиночество в шалаше не потому, что ему наскучили люди или напала лень, и даже не в поисках романтики. Просто на данный момент это было самое приемлемое для него место.

В марте 1962 года Рами Гарипов ушел из газеты. В тот год многие районы республики были ликвидированы. Так, в частности, северо-восточные районы — Салаватский, Кигинский, Дуванский, Мечетлинский и Белокатайский — объединили в один, с центром в Месягутово, и тогда стала выходить единая газета с большим тиражом. Очередное волонтаристское решение Никиты Сергеевича Хрущева принесло народу новые напасти: закрывались организации, люди оставались без работы, да и те, кто продолжал работать, были вынуждены переезжать с семьями неведомо куда.

Однако новая хрущевская бредовая идея с укрупнением районов тоже не оправдала себя, и вскоре жизнь на селе вернулась на круги своя. Но сколько сил и нервов было потрачено впустую, не говоря уже о затратах материальных.

Будучи способным, опытным журналистом и признанным поэтом, Рами Гарипов мог бы устроиться на новое место работы да не захотел переезжать и поэтому решил написать заявление прежде, чем началась вся эта суматоха. И все же связи с редакцией он не порывал. 8 апреля был напечатан цикл из восьми его стихотворений под общим названием «Песни жаворонка»: «Творение весны» («В белую-пребелую тетрадь зимы»), «Возвращаясь на обед», «Жаворонок», «Слово на бересте» («Как живется тебе, белая березка весенняя»), «Скворцы прилетели», «Бывает, встретишь девушку такую...», «Мне есть что сказать», «Люблю влюбленных я», «Четыре поры» («Старинная песня»). Такие большие подборки не выходили даже в республиканской печати, не говоря уже о районных газетах. В тот же день в русскоязычной газете «Путь Октября» были напечатаны семь стихов Рами Гарипова в переводе В. Трубицына, А. Филиппова, М. Гафурова, В. Лепетина. Появлялись его произведения и потом. Это был способ поддерживать связь с читателями района.

В описываемый период поэт интенсивно работал, просматривая и перерабатывая созданное им после возвращения на родину, а также сочиняя новые произведения. Все это вместе взятое уже тянуло на целый сборник. И то, что стихи вышли под общим названием «Песни жаворонка», не было случайностью. Именно так будет называться новая книга Рами Гарипова.

Приступая к работе в районной газете, поэт поставил перед собой четкую цель: «Подытожить все, что видел в течение двух лет, искать и находить ответы на мучающие меня вопросы, обобщить прожитое и пережитое, сделать выводы и взяться за какое-нибудь крупное произведение. Писать, писать, писать — а не то я взорвусь» (10.11.61).

Каждый день все силы уходили у него на редакционные дела. И каждая строчка рождалась за счет бессонных ночей, в беспрестанной борьбе с самим собой.

Проводив в конце марта жену с детьми в Москву, Рами всецело отдался творчеству. Давно он уже не испытывал такое умиротворение и наслаждение, которое давал ему процесс стихосложения. Вот как поэт описывает свое состояние в письме к жене: «...работаю очень хорошо, в душе какая-то ясность, чистота, свет и тепло ко всему, какое-то родство с миром, и я так боюсь, что это настроение скоро покинет меня, — хочется скорее, скорее уловить основную волну каждого стихотворения, начинаю и оставляю “на потом”, чтоб доработать когда-нибудь; хоть этого настроения и не будет, но все равно это уже на бумаге и потом вызовет все это». А вот еще: «Надо покончить со сборником, надо и подстрочник сделать. Может быть, возьмусь и за “Дневники комсомольского секретаря”. Дел много! Я просто наслаждаюсь одиночеством» (2.04.62).

Как же знакомы творческим людям эти благословенные моменты! В такие периоды поэту под силу сдвинуть даже горы. И даже та статья пошла ему как будто впрок. Задев самолюбие, она раззадорила его, вдохнула энергию и дала новый импульс: «После той “статьи” Рамазанова я открыл для себя очень важное и, может быть, самое главное — я пишу нужные вещи, и я очень нужный человек для нашей литературы. Значит, я имею свое слово! Все это ощущал я в Уфе. Меня ждут молодые, новые друзья... Поговорили с Мустай-агаем — читал ему стихи — потеплел. Все-таки он поэт большой! И очень мешает ему, по-моему, вся эта сайрановщина, сковывает его как поэта и как человека, такого большого...» (2.04.62).

Накануне Первомайского праздника Рами побывал в Уфе, где вычитывал корректуру своих стихов, которые должны были выйти в пятом номере журнала «Агидель». Он принял также участие в празднике поэзии, устроенном в университете, выступив среди известных поэтов. Его и Ангама Атнабаева вызывали по два раза. Рами Гарипову поступило много записок с просьбой прочитать стихотворение «Родной язык», но он предпочел ознакомить публику с самыми последними сочинениями.

Вернувшись в Малояз, поэт безотрывно работает над новой книгой. Надо бы послать жене деньги, но у него нет

ни копейки. В своих письмах он умоляет ее потерпеть. «Ружье Салавата висит на стене и стреляет каждый раз в душу отца. Крови нет, только слезы иногда...», «Продать, что ли, машинку швейную? Купим потом, а? Тебе ведь надо для детей!»

А когда Раши писал вот эти строки, он был уже на грани отчаяния: «Вчера я занимался стиркой, постирал и плащ, и брюки. Брюки у меня рваные, заштопал сегодня, утюжил – все-таки не твои руки, мама! Мне стыдно уже ходить днем по улице» (21.05.62). Легко себе представить, каково ему было. Он готов был, наверное, сквозь землю от стыда провалиться.

Вновь обратимся к воспоминаниям Марса Закирова, коллеги Раши по работе в комсомоле:

«Надя уехала с двумя детьми к себе. Ему велели срочно освободить дом. Новой квартиры нет. Раши один. Без денег.

– Дети подросли, и можно было бы продать коляску и швейную машинку, если кто купит, – сказал он. – Так ведь такие вещи в магазине есть.

Я купил у него обе по своей цене. Раши так радовался.

А как-то раз говорит:

– Книжки оставляю у зятя Урала, а сам пока поживу в Каратау. Ружьишко уж одолжишь, наверное.

Заметив мой недоверчивый взгляд, Раши пояснил:

– Сделаю себе шалаш. Хочется побыть одному, надо поработать.

Меня сильно покорибила бессердечность по отношению к Раши со стороны секретаря райкома М. К. Сабитова и председателя райсовета З. С. Андреева».

Скинувший с себя бытовые оковы поэт так и рвется на волю. Он тоскует по своим коням, с которыми объездил столько дорог. Не в силах справиться с тоской, Раши распутал пасущуюся в поле стреноженную лошадь и проскакал на ней без седла и узды под дождем по окрестностям, напевая под какой-то случайный мотив свое стихотворение:

*Я – безумец, бродяга я,
Этот мир – улада моя,*

*Вся Вселенная — мой дом,
И звуки ее — мой напев...*

*Как хочу, так и живу
На земле моей родной,
От меня нет вреда никому,
Я — подснежник с недолгой судьбой.*

*Всему живому я рад,
Только смерть печалит меня.
А пока мне все нипочем,
Я — бродяга, безумец я.*

Дом, в котором проживали Гариповы, начали сносить. Рабочие шумят, но ничто не может отвлечь поэта от магии слов. С письмом он посылает жене стихи. Азамату Рами посвятил «Шишку».

Неизвестно, кому это понадобилось, но дом сломали полностью. Так что лишённому крова поэту не оставалось ничего другого, как уехать в Каратау.

Перед тем как перебраться в шалаш, Рами пишет жене: «Надя, родная моя!

Получил твое большое письмо. Большое спасибо за рассказ о мальчиках моих. Очень рад я и отзыву твоему на стихи, хотя я совершенно недоволен переводами. Черт поberi это вавилонское смешение языков!.. Но раз есть мой язык родной, такой же первородно богатый оттенками, красками, жестами, и раз я люблю его до одурения, и раз я знаю, что в будущем его не будет (от сознания этого любовь у меня к нему еще сильнее), мне бесконечно жаль, что они на другом счастливом языке не звучат так, как я их пишу на своем бесконечно родном, “на смерть обреченном” языке... (я рыдаю, когда пишу эти строки). О, если бы история могла меня уверить, что жив будет и мой язык в веках и вовеки веков будут звучать над Уралом башкирские песни, я сегодня бы, сейчас же пошел на виселицу, чтобы своей счастливой смертью дать долгую-долгую жизнь языку моего народа, языку, который четыреста лет отрезали русские цари Романовы и который теперь хотят

продавать за свою дешевую шкуру рамазановы!.. Перед майским праздником правительственный лозунг был написан на русском и татарском языках, я звонил в Совмин: что вы делаете, завтра весь народ будет смотреть на это издевательство!.. Вечером же сняли этот лозунг. Это не пустяки... забыть язык целого народа... даже для лозунга!..

Верь мне, Надя, что это не высокие слова, чрезмерно преувеличенные. Нет, нет, нет, это мой стон, крик сердца, святая клятва перед своей совестью, перед духом моего народа, перед временем, перед матерью моей – инэй!..» (21.05.62).

На фоне духовной разрухи разрушение твоего дома кажется уже не столь трагичным. Чтобы его родной язык существовал вечно, поэт без колебаний готов был пожертвовать собственной жизнью. Читая его написанное со слезами письмо, невозможно не вспомнить обращенную к Аллаху мольбу Шайхзады Бабича: «Коль обещаешь вечной жизни Башкортостану, миллион смертей приму я на себя!»

Целый месяц провел Рами Гарипов у подножия Каратау у речки Кара-ерек, в своем «шалаше творчества». В этой тиши, на лоне природы, подвел он итог своей двухлетней жизни на родной земле – тому, что было им сделано, написано, прочувствовано. Рами переработал здесь многие свои стихи, воспользовался возможностью довести до логического конца начерканные наспех в блокнотах строчки. В апреле прошлого года он написал стихотворение, начинавшееся словами: «На славу честь свою не променяю». Родилось оно в самый разгар совхозных распрей. После этого уж минул целый год. Но жил Рами все так же безбытно, как истинный поэт. И если ему удавалось хоть сколько-нибудь изменить свою жизнь, то взгляд на нее у него оставался прежним. Только мысли и слово стали более отточенными.

...На славу честь свою не променяю,

За славою дешевой не гонюсь.

Гореть я буду, справедливость защищая,

Перо обмакивая в кровь свою...

Место, которое выбрал Рами, чтобы побыть в уединении, и в самом деле стало для него чем-то вроде дома творчества. Сколько точек поставил он в те дни, дописав незавершенные произведения. А сколько появилось здесь совершенно новых стихов.

Благословенное, вдохновенное и неповторимое юрюзанское лето! Многие, наверное, жалели его: жить негде, вот и ютится в шалаше, бедолага! Рами и сам, наверное, сокрушался не раз: «Вот и оказался я на родной земле чужаком-кильмешаком!» Немало горьких мыслей приходило ему в голову. В один из таких моментов, когда в бессонную ночь рука его потянулась к висящему над головой охотничьему ружью, родилось стихотворение «Ружье и соловей»:

*Стоит в изголовье моем ружье:
Когда же кончится ночь твоя?
Возьми меня, нажми на курок,
Вот и вся тебе недолга...*

И в тот самый миг, когда, счеты с жизнью, казалось бы, уже сведены, окрестности Юрюзани вдруг замерли, очарованные соловьиными трелями:

*И тут разлилась, что весной — река,
По всей округе песнь соловья:
Опомнись, жизнь без того коротка —
Как ствол твоего ружья.*

*Выйди ко мне из темноты,
Из духоты своего гнезда —
Пойми, на свете стоит жить,
Хотя бы ради меня!*

Одно мгновение — и весь мир озарился снова, и именно тогда душа поэта наполнилась мелодичной «Рассветной песней»:

*Отчего так певуча рассвета песнь,
В мое сердце та песнь ворвалась.
Когда в черную бездну я летел,
Она подхватила меня и спасла.*

А ведь совсем недавно, когда Рами был подавлен, угнетен, к нему пришли совершенно иные строки:

Неприятен желтый, холодный рассвет,

Лишь носится ветер в небесной выси...

Может, явился ты мне напоследок,

Погулять в пустоте души остывшей.

В другой раз тяжелые переживания вылились в стихотворение «Одиночество». Даже в состоянии обиды, когда душе его наносили раны, поэт продолжал любить жизнь, обращаясь к ней: «Пойми и знай: люблю тебя, люблю, пусть даже сам я тебе не мил». Оставляя удел быть жалким рабу, он заявляет: «А я – хозяин, гордый творец, я – твой художник, я – человек!»

Одиночество помогло Рами укрепить его жизненную позицию, научило еще больше ценить звание человека: «Я и один вперед шагал бы, неся это звание, как знамя». Своего рода парадокс: одиночество еще больше сближает поэта с людьми и родной землей. На лоне природы каждая травинка и каждый листик, каждая пташка, как и старец Каратау, были ему собеседниками и душевными друзьями.

Прожитые на селе почти три года жизни – три осени, три зимы, три весны и два лета – сделали его более вдумчивым, развили в нем способность к всестороннему восприятию и пониманию жизни. В тиши своего уединения поэт по-философски осмыслил все, что пережил за это время вместе с земляками.

И вот что примечательно: по мере приближения весны Рами уже почти не притрагивается к дневникам, за апрель и май отправляет в Москву три письма. А уж в период отшельничества было и вовсе не до записей. Он весь пребывал во власти поэзии. Дневники ему всецело заменяли стихи, которые шли друг за другом цепочкой, сплетались и складывались в содержательную книгу. На ее страницах предстает своеобразный мир поэта, его полная напряжения и вдохновения, радостная и в то же время печальная судьба.

Несмотря на уединенный образ жизни, он не был затворником, продолжая поддерживать связь с людьми. Ким Саматов, живший некогда в Аркауле по соседству с Гариповыми и соревновавшийся с Рами по количеству прочитанных книг, которые они брали в трех библиотеках (в сельсовете, МТС, школе), и учивший в то время детей в Ахуново, вспоминает: «Он приходил каждый вечер, когда показывали кино, а как только сеанс заканчивался, переправлялся на лодке на другую сторону — в свой шалаш. Мы давали ему с собой хлеб и молоко. Подружился с охотниками-любителями Агзамом Омаровым и Тагиром Хановым, лодку брал у них... Они часто виделись с Рами, когда приходили проверять капканы для кротов. Как говорил Агзам, он складывал написанные стихи в банку или в бутылку и прятал под камнем на самом крутом месте Каратау. Я рассказал об этом его братишкам Равилю и Уралу. Только они, вроде бы, так ни разу туда и не сходили».

Именно тогда Рами Гарипов написал стихотворение «Глухарь», посвятив его «другу-охотнику Агзаму Омарову». Через много лет по моему сценарию был сделан документальный фильм, куда вошел отснятый в том месте, где стоял шалаш, эпизод. К участию в нем были привлечены те самые охотники, друзья поэта и его земляки. Что касается спрятанных под скалой Каратау стихов, то обсуждать этот вопрос вот так, с ходу, я не берусь, ибо знаю, что народ охоч до всяких небылиц. Не исключаю, что это всего лишь красивая легенда — плод чьего-то богатого воображения. По крайней мере, от самого поэта про тайник я не слышал. И потом, разве можно было уместить в банку или в бутылку написанные им тогда стихи? Да и если бы он зарыл их где-нибудь, то уж наверняка сказал бы кому-нибудь или попробовал сам отыскать.

Своими воспоминаниями о «летней» Рами Гарипова делится и Марс Закиров: «Поэт уехал в Каратау, где жил. Пробыл он там дней двадцать. Я не смог к нему съездить, но народ не оставлял своего любимца в одиночестве. Люди навевались к Рами постоянно. К его шалашу была проложена тропинка. Потом Рами со смехом вспоминал о тех временах: “Когда я находился в шалаше, вешал вывеску

“Добро пожаловать!”. А когда уходил, оставлял внутри бумагу, ручку, ломоть хлеба и воду”».

К поэту навевались и его друзья охотники, и пчеловоды, и молодежь, чтобы послушать стихи. Ему рассказывали всевозможные байки:

История знакома, но послушаю: —

Попробуй-ка ущицы, говорю.

Потом я чай покрепче заварю.

Какой же стол без чая?..

В этих строчках — один из моментов жизни поэта на природе. В такой обстановке общение между людьми приобретает иной характер. Обычные, вроде бы, встречи, но как желанны, когда по ним скучаешь, как весело они проходят. Жизнь тут наполняется новым содержанием. В тишине, царящей на берегу реки в окружении гор, голоса звучат отчетливее, краски кажутся более яркими. То, чего ты прежде не замечал, созерцаешь с восхищением, словно впервые видишь. Поражаешься красоте пейзажей, мимо которых проходил равнодушно:

Постой, постой, что я вижу:

Мечется пламя по веткам!..

Да нет, то не пламя, а белка

Ищет свое дупло...

Когда человек оказывается в лесу и остается один на один с природой, он становится более восприимчивым и чутким, зрение, обоняние и слух его обостряются. В своих деревенских стихах Рами Гарипов уделяет много внимания связи человека с природой. И благодаря этому ему удается обогатить свою лирику новыми качествами, сделать ее более многогранной. Чудесные дни, проведенные на яйляу-летовке, еще больше развили в нем наблюдательность, дали ему возможность почувствовать, как жили далекие предки, вернули его к корням. Не все накопленные им богатые впечатления вылились в стихи, вместиться в них так сразу они не могли. Но важно то, что эти

впечатления поэт накопил, бережно собрал в свою сокровищницу и в будущем часто черпал из этого источника вдохновение.

Шалаш Рами Гарипова стал центром поэзии, местом паломничества молодежи. Парни и девушки с удовольствием общались с поэтом и отдыхали у него в гостях, отвлекаясь от житейских забот. А тот не жалел для людей времени. И в память о многих встречах у него остались стихи. Обыденные, на первый взгляд, ситуации станут основой весьма необычных для башкирской поэзии произведений:

*Пришли без стеснения на склоне дня
В шалаш мой, чтоб песни послушать устало,
И рядом уснуть как ни в чем не бывало,
Меня не смущаясь, смущая меня!*

*Я встать не могу и уйти не могу:
На девушек спящих гляжу — не девчонок.
Просторен шалаш мой, и я не ребенок,
Не мальчик, что пас табунок на лугу.*

*Горбатая лодка. Река в забытьи.
Конь щиплет траву над излучиной спящей.
Все просто и странно.
В березовой чаще
Звенят сумасшедшие соловьи...**

Действительно — искренне, естественно. Нормальные человеческие отношения, основанные на уважении и на полном доверии друг к другу. Это прекрасное продолжение бытовавших в народе с незапамятных времен традиций, сохранившихся в своем первоизданном виде. По-видимому, такие отношения настолько в порядке вещей, что поэты не придают им особого значения. Для них важнее всего — чтобы чувства и мысли трогали, вызывали восхищение, а любовь воспламеняла сердца. Все так просто. Но эта простота чем-то пленяет.

Как оказалось, в те знойные летние дни, дождливые ночи, росяные рассветы и густые туманы звенели, звенели-

* Перевод Я. Серпина.

бредили не только «сумасшедшие» соловьи. То лето заставило трепетать и молодые сердца. Оно свело их на луговой тропинке и развело в разные стороны. Мы узнаем, что здесь, среди нетронутой природы, поэта вдохновлял и чей-то чарующий взгляд. Он всколыхнул в его душе целую гамму чувств, выплеснувшись в новые стихи. В такие блаженные мгновения поэтическую мелодию могли источать даже капли дождя:

*Тыпыр-тыпыр по шалашу
Дождь то ходит, то пляшет.
Никак не нарадуюсь я ему
И громовым раскатам.*

*Лишь на тебя тоску-печаль
Летний дождь навевает,
Горюешь, что уйти не смогла,
Меня одного оставив...*

*Сверкающей молнии клинок
Щедрый дождь оmyвает.
Пускай танцует он всю ночь,
Я так ему благодарен!..*

Этому дождю благодарен не только поэт, но и все живое, что есть вокруг. Чувствуется, что его захлестывают эмоции, и лишь сдержанность не позволяет проявлять их, быть откровенным.

Не перестаешь удивляться, какие параллели бывают порой в нашей жизни. Кто только не восхищался повестью прославившегося в 60-е годы на весь мир киргизского писателя Чингиза Айтматова «Джамиля»! Именно она зажгла его имя на небосклоне мировой литературы. И когда читаешь стихотворение «Пляска дождя...» Рами Гарипова, невольно приходит на память судьба героев Айтматова Джамили и Данияра, их шалаш.

Написанное Рами Гариповым в 1962 году стихотворение, начинающееся словами: «Я насквозь пропитан любовью, на языке каждой птицы, цветка...», заканчивается пылким признанием:

*Горя от любви, я мучаюсь жаждой,
Стоя по самое горло в воде,
Испил бы я с жадностью весь океан,
Не достает рука до тебя, Етегян*.*

Это лето было для Рами и жарким, и грустным, и вдохновенным, и очень плодотворным. И пусть он старается скрыть свои чувства от других и подавить их в себе, многие из написанных им тогда стихов так и пышут горячим дыханием любви. «Две красных капельки — две земляники ты сорвала и протянула мне» — что это была за красавица, протянувшая поэту ягоды, так и осталось неизвестным. Это их тайна — сорвавшей землянику девушки и полакомившегося поэта. Ну а нам приходится довольствоваться лишь этими словами:

*Те огненные ягоды мне любви,
Я вкус храню их — терпкий искони,
Как будто и не ягоды они,
А девичьи пылающие губы.***

А в другом стихотворении запечатлен образ голубоглазой девушки в белом одеянии:

*Я в лодке покачать тебя хочу,
Испить синевы лучистых очей.
Целыми днями, в предвкушении,
То и дело с тобой говорю я,
И тебя, в одеянии белом,
Ко всем больным ревную.
А вечером самое тебя
Жаждет испить душа моя.*

Штрихи к портрету юной красавицы добавляют строки из стихов «В глаза твои, как небо, голубые...», «Твоих глаз голубое пламя». Но Рами уже не столь наивен и не испускает, как прежде, страницы дневника безудержными

* Большая медведица.

** Перевод Я. Серпина.

признаниями, то и дело повторяя имя возлюбленной. Он старается как можно глубже упрятать свои чувства от посторонних глаз, замаскировать их. И только тревожные сомнения выдают сладкие муки того лета: «Моя любовь к тебе — не счастье, а лишь последний гром», «Быть может, то последняя моя любовь, света очей моих вспышка последняя».

А вот это, судя по всему, прощальная песня, обращенная к таинственной юрюзанской красавице:

*Даже если захочешь забыть,
Невозможно все это избыть.
Мы, как дети, смеемся сейчас,
А после печаль найдет на нас.*

*И однажды утром кто-то другой
Нежно погладит тебя рукой,
Знай, любимая, то моя рука,
Знай — это я ласкаю тебя.*

*Через муки пришел я к тебе,
Чистоту свою подарила ты мне.
Я рассыпал слова цветами,
Обернулись они стихами...*

Места, отмеченные пребыванием поэтов, становятся для потомков памятниками. Отверстие в скале на крутом берегу Юрюзани называют пещерой Салавата. Вошла в историю и арба Акмуллы — просветителя-поэта, путешествовавшего по башкирским аулам и казахским летовкам. Неразлучным спутником сэсна и виртуоза-музыканта Шайхзады Баби́ча была его крылатая мандолина. Свой неизгладимый след в нашей поэзии оставил рамиевский шалаш — кузница очень многих его стихов. А то место на Юрюзани, где он некогда стоял, стало достопримечательностью. Проложенная здесь поэтом тропинка не зарастает. После его ухода отсюда остатки того шалаша были смыты и уничтожены дождями и ветрами, снежными вьюгами да буранами. И только стихи, обретшие в этом месте крылья, прошли не одно испытание временем. Эти крылья будут держать их вечно.

Начало 60-х годов стало периодом расцвета творчества Рами Гарипова. Если в 1959 году он не написал почти ни одной строчки, то за 1961–1962 годы создал более ста пятидесяти стихотворных произведений. А если учесть и те, что остались в виде черновиков, то цифра получится еще более внушительной. Год от года поэт трудился все продуктивнее, а этот стал самым вдохновенным и удачным. В творчестве великого Пушкина самой благодатной порой стала вошедшая в историю Болдинская осень, вызвавшая в нем прилив творческих сил, а когда мы говорим о поэзии Рами Гарипова, то не можем не выделить юрюзанский период начала 60-х годов.

За неполные три года поэт прошел богатый на события отрезок пути, преодолев крутой подъем и заняв высокую ступень в поэзии. Работая с молодежью двадцати с лишним аулов, он познакомился с разными судьбами, общался с начальством разных уровней. Тогда же Рами увидел в новом свете земляков и, лучше поняв их, полюбил еще больше. А работа в районной газете добавила ему такого опыта, который он не получил бы ни в каком другом месте. Последние же недели юрюзанского периода поэт провел на лоне родной природы, черпая силы и энергию от родимой земли.

И за те же неполные три года Рами Гарипов трижды сменил место работы и жительства: Аркаул, где некогда было написано самое первое его стихотворение, — район-центр Малояз — шалаш на берегу Юрюзани. Сначала — комсорг, потом — журналист и под конец — вольный поэт. Каждый из этих этапов с испытаниями беспрестанно оттачивал и без того острый, пронизательный его ум, закалял сердце, заставлял искать ответы на нескончаемые вопросы. За этот срок укрепилась связь Рами Гарипова с родным краем, его людьми, Отечеством и народом, наполнив ее еще более глубоким содержанием.

Да, возвращение Рами на малую родину вошло в историю башкирской литературы как небывалое доселе явление. Остальные наши стихотворцы через такое не проходили. Несмотря на переезды, на перемены в жизни, Рами Гарипов оставался верным своей высшей цели и, где бы

ни находился, жил поэзией, всем сердцем болея за свой язык и народ. Когда на него клеветали, не изменял себе, когда его били по руке, не выпускал из нее перо.

Если поэт, побывавший в родных краях, возвращается с циклом стихов, для него это большая удача. А если у тебя сотни стихов — это уже радость всей литературы. Именно это стало апофеозом пребывания Рами Гарипова на родной земле.

И очень кстати будет вспомнить здесь его стихотворение «Маяк», вызывающее невольную ассоциацию с творчеством самого поэта, с достигнутыми им высотами в поэзии:

На скале высокой Каратау

Есть маяк. Он гордость этих мест.

На досуге время коротая,

На него взберись и глянь окрест.

Ты увидишь ленту Юрюзани.

Там деревни встали в караул.

А за ними — гордый, как сказанье,

Мой родной старинный Аркаул...*

Нелегко добраться до таких высот, откуда окрестности предстают перед тобой в уменьшенном виде, как на ладони. Но еще труднее удержаться на этом уровне и охватить разом открывшиеся взору дали. Чем успешнее творческая личность, тем больше ответственности возлагается на нее.

Задумывался ли об этом Рами, в последний раз проходя к своему шалашу по протоптанной им тропинке? Кто знает... Но совершенно очевидно, что в душе его сплелись два чувства: грусть, навеваемая предстоящей разлукой, и неудержимое стремление вперед, в дальний путь. «В дне сегодняшнем — ногою одной, и в завтрашнем — другой», — написал он там эти строки. Именно так и было: одной ногой поэт стоял на берегу Юрюзани, а вторую уже занес, чтобы ступить на холм, на котором раскинулась Уфа.

* Перевод А. Могучева.

Часть пятая

ПЕСНИ ЖАВОРОНКА

Рами Гарипов рвался в Уфу, чтобы поскорее выпустить свою новую книгу. Называться она будет «Песни жаворонка». Эта мысль пришла ему еще в прошлом году, когда он написал стихотворение с таким названием. Ничего другого Рами себе и не представлял.

С тех пор как вышел «Каменный цветок», минуло уже почти четыре года. Сколько же времени еще пройдет, прежде чем он сможет взять в руки новый сборник? Не слишком ли большим получается временной интервал? Вышедшее в печати — всего лишь малая толика того, что написано им. Об этом не знают не только любители поэзии, но даже близкие его товарищи, собратья по перу. В новом сборнике стихи будут, плавно вплетаясь друг в друга, передавать печали и радости родной земли, дыхание жизни. Они рождались одно за другим и задумывались как неразрывное целое. Поэтому хотелось бы, чтобы именно в таком виде его книга увидела свет!

Если начнешь перебирать да пересчитывать все, что создано Рами Гариповым до сих пор, получится невероятное количество. Только живя в деревне, он написал до двухсот стихотворений! Зато в конце 50-х годов поэт пережил настоящий творческий кризис. Наиболее бесплодным оказался 1959 год. Этот простой Рами сполна компенсировал в следующем десятилетии: 60-е годы, когда он лихорадочно работал, по праву можно назвать самыми плодотворными! За 1960—1962 годы написано было в два раза больше стихов, чем за предыдущие девять лет. А чтобы наглядно представить себе творческий размах

Рами Гарипова в тот период, достаточно просмотреть содержание первого тома его сочинений. Видно, у каждого поэта бывает свое Болдино.

Вот и прошли-пролетели благословенные аркаульские осенние, летние месяцы, юрюзанские зимы да весны. Рами стал снова уфимцем. 1 августа 1962 года он приступил к работе в газете «Совет Башкортостаны» в качестве литсотрудника. Редакция переехала в здание по улице Пушкина. Оно стало центром многих периодических изданий — прообразом Дома печати. Жизнь здесь была ключом.

Поэт вернулся в коллектив, в котором семь лет тому назад началась его трудовая биография. Несмотря на произошедшие за этот немалый срок перемены и на то, что многих из прежних сослуживцев он уже не застал, редакционная работа не претерпела каких-либо существенных изменений. Газета — она и есть газета: это бесперебойно работающий конвейер, и каждому сотруднику волей-неволей приходится принаравливаться к его жесткому ритму. Этому конвейеру нет дела до того, что ты писатель или поэт, время от времени навещаемый вдохновением. Рами Гарипов проходил через все это не единожды. И ему ни разу еще не встречался руководитель, который бы делал скидку на то, что его подчиненный — творческая личность.

Но в целом Рами был доволен. Радовало его, например, появление талантливой молодежи. Осенью 1962 года состоялась конференция молодых писателей, и когда обсуждался вопрос о притоке в литературу новых сил, выступающие выражали уверенность в том, что у нашей литературы обнадеживающие перспективы на будущее. Из молодых поэтов, чье творчество анализировалось во время работы конференции, всеобщий интерес был прикован к восемнадцатилетнему Рашиту Назарову, яркой звездой засиявшему на поэтическом небосклоне.

Здание, где располагались редакции газет, находилось неподалеку от Башгосуниверситета. И очень часто сюда приходили студенты, приносящие с собой свои рукописи. Некоторые из них даже совмещали учебу с работой в газете. Рами охотно помогал тем, кто прокладывал себе дорогу в литературу, был внимателен к ним.

В 60-е годы связь с начинающими литераторами стала очень важной, неотъемлемой частью его творческой жизни. Если раньше он сам относился к данной категории, то теперь уже считался состоявшимся поэтом, на которого молодежь взирала с благоговением как на опытного старшего товарища. В процессе общения молодых целеустремленных людей с этим талантливым неординарным поэтом, с мастером слова, установилась тесная связь, сложилось своего рода творческое объединение, что положило начало доброй традиции.

Мое знакомство с Рами Гариповым произошло именно в тот период, когда он начал работать в редакции газеты «Совет Башкортостаны», а с 1964 года мне посчастливилось сойтись с ним ближе, и общались мы вплоть до конца его жизни. И если четыре раздела книги о жизни и творчестве поэта были написаны на основе имеющихся материалов и в ходе внимательного изучения, обстоятельного анализа его произведений, то в данной, последней, части книги я излагаю факты, известные мне не понаслышке, а также события, свидетелем и участником которых был сам.

Нас связывало одно общее дело: мы оба служили родной башкирской литературе. Конечно, трудно переоценить значение документов, каковые представляют собой стихи Рами Гарипова, его дневники и статьи. Хорошо, когда имеются столь достоверные источники, позволяющие более подробно, выпукло и полно отобразить перипетии сложной судьбы поэта, показать его образ и творческий рост в динамике. Однако я решил этим не ограничиваться. Для меня было не менее важно представить и собственную точку зрения на события, происходившие на моих глазах на протяжении многих лет, как в самой республике, так и в литературной жизни, поделиться некоторыми соображениями и взглядами на те или иные явления, а также на литературные произведения.

Разумеется, не только исследователю бывает трудно порою разобраться в весьма своеобразном и сложном внутреннем мире поэта, но даже и ему самому. Говоря о творческом человеке, с которым тебе пришлось общаться, обсуждать всевозможные проблемы, к чьим советам ты прислушивался, ты одновременно ведешь речь и о своей

эпохе, о своем поколении и в какой-то мере о собственной судьбе. Здесь трудно бывает избежать субъективных моментов, продиктованных личным отношением к описываемому. Мнения людей совпадают не столь часто. Однако следует признать, что для достижения большей степени объективности необходимо учитывать разные позиции.

Сколько лет Раши не удавалось решить жилищный вопрос, и теперь он снова столкнулся с этой проблемой. Прощаясь со своим шалашом на живописном берегу Юрюзани, он вспомнил и вполголоса с грустью пропел слова из песни «Бииш»: «Лето я здесь, хай, летовал, только зимушку где перезимую». Это пристанище вдохновляло поэта на творчество, но не решало его сложных житейских проблем.

Перед отъездом в столицу он пишет письмо:

*«Председателю
Совета Министров
Башкирской АССР
товарищу Акназарову З. Ш.
от поэта, члена ССП СССР
Раши Гарипова*

Уважаемый товарищ Акназаров!

Я вынужден обратиться к Вам с этим письмом-заявлением и глубоко надеюсь, что Вы не оставите его без внимания.

Дело в том, что после окончания в 1955 году Литературного института им. М. Горького в Москве, четыре года проработав в редакции республиканской газеты и в книжном издательстве, по призыву партии я поехал работать в деревню и три года работал в новоорганизованном совхозе секретарем комитета ВЛКСМ, сотрудничал в райгазете, и вот теперь, после ликвидации районных газет, хочу вернуться в Уфу, заниматься творческой работой.

Но для этого у меня нет никакой возможности, т. к. уезжая в деревню, я по договоренности с правлением Союза писателей и исполкомом Кировского райсовета оставил свою квартиру (вернее – свой чердак) своему товарищу по работе Н. Мусину, а правление Союза писателей обещало

новую, как только приеду. Но правление не могло в этом году выделить мне квартиру, в результате чего я остался не только без квартиры, но и даже без полуразрушенного чердака, который я получил после долгих мытарств, когда уже в одной из редакционных комнат издательства умерла моя дочка от простуды... А претендовать теперь на этот чердак я не имею никакого морального права, т. к. товарищ Мусин тоже человек семейный, как и я, с двумя детьми, вдобавок к этому, самый плодотворно работающий из молодых башкирских писателей и в то же время учится на вечернем отделении Башгосуниверситета. Как я могу по отношению к своему собрату по перу поступить так не по-человечески? Как некоторые товарищи поступили по отношению ко мне, разделив трехкомнатную квартиру тому, который даже и детей-то не имеет?..

Значит — мне надо ждать, опять обивать пороги райсоветов, опять скитаться по частным квартирам с детьми!.. Но сколько уже можно терпеть? Я уже восемь лет мучаюсь без нормального жилья, лишенный самых элементарных условий для творческой работы. За это время я выпустил четыре книги, теперь заканчиваю книгу стихов “Песни жаворонка”, работаю над повестью о сегодняшней деревне и живу в шалаше в Салаватском районе, выслушав разные выкрики критиков-демагогов и районного начальства, без никакой материальной и моральной поддержки...

И все-таки бесконечно обидно становится за судьбу башкирских писателей, которых не так уж много в республике и которые могли бы гораздо больше сделать, чем они делают сейчас, мечтая о каком-то гнезде для существования...

Очень прошу Вас, тов. Акназаров и башкирское правительство, помочь нам и мне выйти из такого положения.

С великой просьбой — Рами Гарипов.
5.VI.1962 г.»

Сколько же боли сосредоточено в каждой строке. Это не только личное письмо, но и важный документ, показывающий, в каком тяжелом социальном положении находилось в тот период большинство башкирских писателей.

Кто из литераторов не писал такие горестные письма в надежде на лучшее будущее?! Подобные жалобы-заявления вполне могли бы составить в нашей литературе целый жанр. И читая письмо Раши Гарипова, мы видим, что, поднимая вопрос о собственных нуждах, он одновременно выступает в защиту всех башкирских писателей.

30 июля поэт пишет письмо на имя председателя Кировского райсовета Б. Ш. Кильдибекова с просьбой о выделении ему жилплощади: «В настоящее время не имею никакого жилья, живу с семьей в деревянном сарае бывшей квартиры». В справке, написанной в тот же день председателем правления Союза писателей Назаром Наджми, подтверждается: «Он действительно при отъезде в длительную творческую командировку по решению Правления Союза писателей БАССР от 30 июня 1959 года в Салаватский район свою жилую площадь по улице Фрунзе, 58, кв. 5, с согласия Союза писателей, оставил стоявшему на очереди молодому писателю Нугуману Мусину».

В такой вот незавидной ситуации оказался Раши Гарипов. Три года тому назад, в разгар творческого кризиса, он отправился в родные края, а когда вернулся в Уфу с женой, двумя сыновьями и с рукописью сборника «Песни жаворонка», в который вошли до двухсот новых стихов, был вынужден поселиться в сарае, располагавшемся как раз напротив его бывшей квартиры. Приехал духовно обогащенным, обладателем бесценного сокровища и увяз в нищете...

Таким образом, жизнь его в столице началась с противоборства, с жестокой схватки духовных сил с бытовыми невзгодами. Сколько семей молодых писателей годами влачили жалкое существование. Но подобных Раши Гарипову, кто уехал бы из Уфы и вернулся обратно с такой победой, башкирская литература еще не знала. Конечно, можно было бы привести в пример Хадию Давлетшину, писательницу с трагической судьбой. Над романом «Иргиз» она работала, где придется, а закончила его в Бирске. Вернуться же в Уфу, увидеть свое многострадальное детище напечатанным и получить признание при жизни ей не посчастливилось.

Известный языковед Акрам Биишев вспоминает: «Зашел он к нам как-то и говорит: “Мы из деревни сюда переехали”. “А где живете?” — спрашиваю. “В сарае”, — отвечает Рами. “Как это, в сарае?” Оказывается, когда он уехал в деревню, его квартиру в мезонине деревянного двухэтажного дома Союз писателей отдал другому. Рами, как ни в чем ни бывало, приехал в Уфу и поселился в сарае прямо напротив дверей того дома. А тут нагрянули осенние холода. Когда Рами пошел к себе, я не утерпел и увязался за ним. Приходим, и тут я вижу, как в углу сарая сидит, вся съезжившись, Надя с двумя детьми. Я был в шоке. Помог им собрать вещи и увел к себе. Мы проживали в одной из комнат трехкомнатной квартиры. Другие две комнаты занимали еще две семьи. В те времена — не то что теперь — в отдельных квартирах не жили. Не наладуешься, если достанется комнатка в двух- или трехкомнатной квартире. У нас было и без того три семьи, а когда подселилось семейство Гариповых, квартира и вовсе кишмя кишела. Какими же великодушными были раньше люди: ни моя жена, ни соседи ничем не выражали своего недовольства. Вот так мы, две семьи, семь человек, прожили в маленькой комнатухе больше двух месяцев».

Перебивавшиеся из сельской местности в город молодые представители национальной интеллигенции были безмерно рады, когда им удавалось снять хотя бы угол в одном из частных домишек на берегу Агидели. Отсутствие своего жилья тогдашняя молодежь воспринимала как должное и поэтому не особенно горевала по этому поводу. Мало того, к тем, кто селился в городских квартирах и ставил материальные интересы выше духовных, относились даже с некоторым презрением.

Вот что пишет в своих воспоминаниях о Рами Рашит Султангареев: «Наши люди, переезжавшие в Уфу, должны были непременно пройти через этот мост-чистилище. Выдержавшие испытание оставались, кто не смог — уезжали. В молодости на трудности особо не обращаешь внимания, думаешь, что все это в порядке вещей. Упорным терпение и силы давала любовь к журналистике, к литературе и ясная, осознанная цель. На живущих богато, в хоробах, мы даже поглядывали с осуждением, как на чужаков».

Рассуждать в таком духе могли, конечно же, те, кто только-только вступал в жизнь. А у главы семьи, трясущейся от холода в сарае, было одно на уме — обзавестись жильем. Хорошо еще, что в те времена отношения между людьми были более человечными, бескорыстными и находились люди, готовые протянуть руку помощи.

Забота, которую проявил Акрам Биишев по отношению к Рами Гарипову в такое трудное для него время, поистине достойна восхищения. Правда, есть в его воспоминаниях один момент, который требует некоторого уточнения. Так, он, в частности, пишет: «Равиль, проживавший в своей комнате один, семью брата к себе не пустил. Видимо, боялся, что они обживутся и потом уже не захотят съезжать».

Что и говорить, обвинение в адрес младшего брата Рами серьезное. В действительности же дело обстояло не так. Равиль Гарипов, получивший в декабре 1962 года квартиру на улице Октябрьской революции, тут же забрал старшего брата с семьей к себе. И целых пять месяцев они жили вместе в одной восемнадцатиметровой комнате. Вдобавок ко всему, долгое время с ними жила их мать, которая не сразу уехала в район по выходу из больницы, куда она попала со сломанной ногой. А 30 апреля 1963 года после разговора в Союзе писателей с Мустаем Каримом и Назаром Наджами Рами Гарипов переехал с семьей в гостиницу.

Прежде чем продолжить, считаю необходимым внести еще одну ясность: дневники поэта, вошедшие во второй том собрания его сочинений, заканчиваются на странице 429, с датой 11 июля 1962 года. На самом же деле эта запись должна быть датирована 11 июля 1963 года.

Чем был примечателен тот день? Вот что пишет Рами: «Пережив тысячи несчастий, я получил ордер на квартиру, о которой мечтал семь лет!

Сколько жизни, сколько сил угроблено из-за этой квартиры!..

За все восемь лет совместной жизни я ни разу не дарил жене такого большого подарка, как сегодня. Этот подарок — ключи от нашей квартиры.

Все пережитое, выстраданное — позади. И пусть мне будет суждено прожить оставшуюся жизнь здоровым и в работе!

Теперь у меня есть свой угол, где я могу сидеть ночами и писать стихи. Две комнаты и отдельная кухня, все удобства. Похоже, место спокойное. Прямо за окнами начинается лес. Лучше не придумаешь.

Ну ладно, попробуем начать все сначала».

Если бы это событие произошло в июле 1962 года, Рами и его семье не пришлось бы изведать столько мытарств. Но в том-то и дело, что вернувшиеся в Уфу Гариповы получили желанное жилье лишь через год страданий. Наконец-то они стали жить по-человечески. Их квартира располагалась на первом этаже дома, находившегося вблизи лесного массива неподалеку от остановки «Школа-интернат» (проспект Октября, 103/1, кв. 2).

Говоря о невзгодах, причиной которых было долгое отсутствие жилища, я не ставил перед собой цель изображать Рами Гарипова жертвой и пробудить в ком-либо чувство жалости к нему. В этом его судьба мало чем отличается от других. Через то, что выпало на долю Рами Гарипова, прошли очень многие его современники. Разве мало было таких, кто годами не мог дожидаться очереди на квартиру? Разумеется, не ему одному было тяжело. Поэт пережил то же, что и вся страна. Только его потери были иного свойства. Сколько стихов остались из-за всего этого ненаписанными.

Переезд семьи в собственную квартиру надолго снял проблему с жильем. Что же касается творчества, то успехи и радости чередовались у Рами с большими и малыми неприятностями. В начале 60-х годов судьба часто преподносила ему разного рода сюрпризы. Одним из самых приятных событий стал для него прошедший в Уфе в декабре 1961 года вечер поэзии. Воспоминания о бурных аплодисментах, которыми публика провожала его со сцены, долго грели поэту душу. На этой волне Гариповы встретили 1962 год и отметили первый день рождения младшего сына Азамата. А уже 4 января газета «Совет Башкортостаны» преподнесла Рами новогодний «подарок», опубликовав статью Гилемдара Рамазанова. До конца своих дней

не забудет он то состояние, в какое поверг его нанесенный несправедливыми обвинениями оглушительный удар.

Не успели еще зажить душевные раны, как на поэта обрушились новые напасти. Вместо того чтобы поддержать, его осуждают и поучают.

Из дневника:

1963 год, 3 января.

«В редколлегии “Агидели” обсуждали мой кубаир “Аманат”. Когда Рафаэль закончил читать, воцарилась тягостная тишина, никто не решался начать первым. Лица у всех напряженные, серьезные. Каждый высказывался втихомолку, пока Хаким-агай не дал, наконец, слово Ахнафу Харисову. На этот раз Харис-агай не сказал, как обычно, “капак”.

— В стихотворении использованы все возможности кубаира, произведение сработано до предела. Каждая строка будто отлита. Заставляет задуматься, подталкивает к новым мыслям. Но с категоричной формулировкой “Коль есть язык — страна родная есть, а если нет страны, то нет свободы” я не могу согласиться.

Как говорится, мягко стелет, да жестко спат. Точно так же повел себя Асхат Мирзагитов. По его мнению, стихотворение сделано классически. Что же касается идеи, то она, якобы, не соответствует программе партии. Когда идет процесс ассимиляции, слияния языков, стихотворение может дать повод к неоднозначным толкованиям».

С этого и началось обсуждение кубаира «Аманат». Произведение отвергли. «Ханиф Карим сказал: “Я присоединяюсь к мнению Ахнафа Ибрагимовича”. “Назар-агай вроде бы произнес пару слов, но так ничего и не сказал”. “А Рафаэль, как наивное дитя, попробовал было вступить за стихотворение, сославшись на Гамзатова и Туфана, но запутался в собственных суждениях, как рыба, угодившая в сеть”».

Проводимая в СССР в начале 60-х годов политика ассимиляции, курс партии, направленный на слияние языков, не только не встречали несогласия у членов редколлегии, но и не вызывали ни у кого из них даже малейшего сомнения. Нынешней молодежи трудно понять такую

позицию. Но попробовал бы кто-нибудь в те времена сказать хоть слово, которое бы противоречило линии партии! Сразу же возьмутся за тебя, начнут хлестать, а если не повиניшься, не признаешь своих ошибок, то, чего доброго, с треском сломают хребет.

Все сошлись в одном: к поэтической обработке кубаира «Аманат», к мастерству поэта не придерешься. Возражение вызвала аполитичность. Но ведь, если разобраться, в нем не было ничего такого, что противоречило бы партийному курсу. Какой в том грех, если поэт обращается к соплеменникам с такими словами:

*Ключ к языку — к народу верный ключ!
Храни его ты, как зеницу ока!
Утрадишь — сколь бы ни был ты могуч —
Умрешь как камень, молча, одиноко...*

*Не стань же камнем, коль тебе дано
Быть верным стражем языка, иначе
Ты на земле не можешь много значить
Подобно пню, засохшему давно!..**

Почему же собратья по перу боятся столь искренних пожеланий, почему выискивают в них политическую подоплеку?

Хорошо еще, что нашелся среди них человек, не побоявшийся выступить против сурового приговора.

«Стихотворение защитил один-единственный человек — Гайса Хусаинов, рекомендовавший его к печати.

— Я не могу согласиться с прозвучавшими здесь высказываниями. Стихотворение удивительно сильное. Речь в нем идет не только о башкирском, но и обо всех родных языках. Разве народ может существовать без языка? — сказал он.

Растерянный Фарит Исянгулов присоединился было к мнению Хусаинова, но потом, испугавшись, как бы чего не вышло, переметнулся на сторону Хариса».

Занявший принципиальную позицию Гайса Хусаинов оказался, таким образом, даже не в меньшинстве, а в единственном числе. Тягаться с целой сворой нападавших ему,

* Перевод Д. Даминова.

конечно же, было не с руки. И большинством голосов «Аманат» был отклонен. «Когда позиции обеих сторон прояснились и пора было выносить окончательный приговор, слово взял Хаким-агай*. Он сказал, что нельзя идти против истории, не считаться с положениями марксизма-ленинизма и поэтому он, как редактор, не может взять на себя такую ответственность...

...А ведь только вчера говорил: «Напечатаем во втором номере»».

О времена, о нравы!»

Сколько обидных, несправедливых слов приходится выслушивать поэту от своих соплеменников из-за того, что он так сильно любит родной язык и призывает им дорожить. Якобы, Рами выставляет себя единственным поборником родного языка. А разве другие не защищают, не берегут его? Почему он, куда бы ни пошел, все время читает это стихотворение? И по телевидению два раза читал!

Откуда же у них такие сведения, когда и где Рами Гарипов выступал со своим стихотворением? Можно подумать, что они секретные сотрудники КГБ.

О времена, о нравы!.. Какой паутиной готовы опутать человеческий разум! Стоит только слегка преступить дозволенные властью и официальной идеологией рамки, как тут же за тебя принимаются! И ведь вот что странно: члены редколлегии прекрасно видят и понимают, что «Аманат» — настоящая поэзия, но тем не менее идут на сделку с совестью, утверждая совсем не то, что думают на самом деле. Предпочитают держаться подальше от греха...

Прочитав этот кубаир на вечере поэзии, Рами Гарипов дал повод обвинить его в национальной ограниченности. Но поэт не только не отказался от него, но с еще большей горячностью стал отстаивать свое мнение. Нечего судить вслепую, не читая. Пускай прочитают последний вариант, переработанный и дополненный, и тогда поймут, что он прав. С таким намерением Рами отдал в журнал кубаир «Аманат», нисколько не сомневаясь в том, что его напеча-

* Главный редактор журнала «Агидель» Хаким Гиляжев.

тают. И просчитался. Однако он все равно не отступится от своего детища и, как в прошлый раз, продолжит работу с утроенной энергией. Рано или поздно, день его придет.

В такой вот непростой ситуации оказался Рами Гарипов, заново окунувшийся по возвращении в Уфу в литературную среду. 1963 год начался неудачно. Но жизнь не остановилась. Если не пропускают в печать кубаир, есть ведь и другие стихи. Не перечеркнут же они все его творчество. Надо поскорее браться за книгу.

Со сборником «Песни жаворонка» Рами связывал большие надежды. За десять лет он подготовил к изданию три книги. Все три знаменуют важные вехи на творческом пути поэта, но за последнюю он несет особую ответственность. Он впервые включил в свой сборник так много стихов. Правда, объем его невелик. Не более пяти печатных листов. Но Рами считает эту книгу весомой и значительной, ибо хорошо знает цену каждому из включенных в нее стихотворений. Что-то подсказывает ему, что новый сборник станет событием не только в его творчестве, но и для всей башкирской поэзии. Он то и дело обращается к рукописи и каждый раз убеждается в том, что не зря провел время в деревне.

Однако выпустить «Песни жаворонка» в задуманном объеме Рами Гарипову не удалось. Дело в том, что в те годы для поэтических сборников издательством был установлен жесткий лимит, не превышавший двух-трех печатных листов. По-видимому, вводился он из благих побуждений, с целью улучшения качества публикуемых книг. Но, несмотря на это, качество и контроль за ним, по-прежнему, оставляли желать лучшего. Некоторые ловкачи настолько хорошо приспособились, что умудрялись стряпать и печатать «сырые» вещи чуть ли не через год.

Что касается нового сборника Рами Гарипова, то если бы руководители издательства действительно заботились о качестве выпускаемых книг и были заинтересованы в развитии литературы, то они сделали бы для него исключение, изыскав возможность издать его в полном объеме и без задержки. Тем более что установленные нормы выдерживались не всегда: бывало, что средние сборники печатались без их учета.

Из дневника поэта:
 «1964 год, 7 января. Отнес “Песни жаворонка” в издательство. Даже не взглянули. Был бы здесь хоть один настоящий литератор. Единственное, что их интересует — это шахматы. Когда ни придешь, сидят, не отрываясь от шахматной доски. Хоть бы кто слово сказал о литературе... Сколько времени — месяцев, лет — проходит впустую. А в редакциях наших газет с утра до вечера играют в шашки. Время никто не ценит. Посмотришь на все это, и душу охватывает такая пустота. А им, наверное, кажется, что человек, который не разделяет их интересы, лишен великого удовольствия».

Звучит по-рашиевски резко. От таких слов любители шахмат и шашек просто взбесились бы. Откуда у азартных игроков время на просмотр принесенной поэтом рукописи?

Не встретив поддержки, Раши ушел из издательства, а после обеда принял участие в заседании русской секции Союза писателей. Он и без того был не в духе, а тут настроение испортилось еще больше: «Сотников сделал доклад. После полуторачасового бессодержательного выступления этого примитивно и шаблонно мыслящего человека уже сама литература начинает казаться бессмысленной. Это, скорее, профсоюзное собрание, нежели собрание литераторов».

Куда бы Раши ни пошел, нигде его душа не находит покоя: «Захожу в Союз, а там Назар-агай, Шариф-агай и Гайса как вцепятся в меня:

— Когда же ты, наконец, подготовишь доклад?

Как будто у меня есть время этим заниматься. Прихожу с работы весь вымотанный, нет сил даже на то, чтобы взять ручку.

Дома — дети, больная мать, шум-гам. Невозможно сосредоточиться. Поработал бы в редакции — далеко, задержишься там за полночь, добраться до дома потом целая проблема. Придется, видимо, попросить редактора отпустить на 4-5 дней и сбежать в гостиницу. Хорошо еще, что хоть освободился от рукописи. Будто гора с плеч долой. Только вот никакой заинтересованности в выпуске этой книги я уже не ощущаю. Раз нет возможности выпустить ее такой, как я сам хотел. Попробуй-ка втиснуть труд пяти

лет в два печатных листа. Все мои задумки сошли на нет. А что делать? Придется довольствоваться тем, что есть. Теперь у нас легче масло из камня выжать, чем книгу выпустить. План все сокращают и сокращают... До какой жизни дошел этот башкир...»

Так и кажется, будто слова о плане издательства написаны не сорок лет тому назад, а в наши дни.

Значительное место в большинстве произведений занимают внутренние монологи героев. А в этой книге приводится много фрагментов из дневников, которые, по сути дела, тоже представляют собой монологи беспокойной, ищущей личности, озабоченной судьбой своего народа. Немало здесь и моих собственных суждений, совпадающих или нет с мнениями других. Это естественно, ибо каждый видит и оценивает данного поэта, окружавших его людей и происходившие в его жизни события по-своему. Но все, что Рами Гарипов говорил о современниках и о своей судьбе, несмотря на то что он является героем моей книги, исходило непосредственно от него. А насколько он был при этом объективен — это уже другой вопрос. Главное для нас — как поэт воспринимал жизнь, что он думал по тому или иному поводу. Бывал он и резок, и чересчур требователен, не прощал беспечности, не переставал думать о литературе. Его послушать, то выходит, что все остальные тоже должны были думать и заботиться только о ней. Вернувшись с работы, он, в отличие от других, не искал отдохновения в кругу семьи или друзей, не расслаблялся, а старался улучшить удобный момент, чтобы остаться наедине с собой, со своими мыслями и стихами.

Было время, когда, не имея жилья, Гариповы мыкались по чужим углам, и вот у них появилась приличная, по понятиям того времени, квартира, но Рами как будто уже не испытывал былой радости. Похоже, безмятежная, размеренная жизнь — не его стихия, совсем как у Лермонтова: «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой».

Но зачем же просить бури, когда она сама готова обрушиться на тебя неожиданно, в любой момент. Вот и недавно пронесся страшный смерч, грозившийся с корнями вырвать национальную печать. Не прошло и полгода,

как Рами приступил к работе в газете «Совет Башкортостаны», как в республиках началось наступление на периодические издания, выходившие на языках коренных национальностей. Разумеется, приказ поступил сверху, из Москвы. Согласно этому распоряжению материалы, предназначенные для публикации на местах, должны были готовиться исключительно на русском языке, национальной же печати отводилась роль всего лишь копии-дубляжа. Таким образом, республиканские издания, печатавшиеся на национальных языках, подлежали ликвидации.

В начале 1963 года наступление на их права шло полным ходом. Первым за осуществление вероломного плана приступил редактор газеты «Совет Татарстаны», выходившей в Казани. Говорили, что он не только одобрил эту реформу, но и сам явился инициатором преобразования татарской газеты в дубляж русскоязычной. Этот почин был вскоре подхвачен и другими республиками.

Представители национальной интеллигенции Башкортостана, в первую очередь журналисты и писатели, забили тревогу. В апреле 1963 года в Уфе была организована акция протеста против решения Центрального Комитета КПСС о низведении национальных изданий в статус дублированных приложений к газетам, выходящим на русском языке. Одним из активистов этого движения среди пишущей братии становится Рами Гарипов.

Находясь на работе, Рами не отходил от телефона. Он и его товарищи старались использовать каждый час, каждую минуту, оповещая всех, какая угроза нависла над национальной прессой.

Акрам Бишев вспоминает: «На следующий день в здании Совета Министров, где на пятом этаже располагался Союз писателей, начал собираться народ. Длинный коридор заполнился до отказа. Пришли журналисты газет «Совет Башкортостаны», «Кызыл тан» и многие писатели. Чуть ли не больше всех шумел и возмущался слепой поэт Батыр-агай Валид, явившийся в сопровождении жены».

А вот что писал Рашит Султангареев: «Собравшись, они пошли в Союз писателей, где было высказано предложение о необходимости сходить всем вместе в областной комитет партии... Однако руководители Союза писателей

испугались и стали разгонять собравшихся. Короче, из ста пятидесяти в обком отправились только двадцать человек. И среди них, конечно же, Рами».

Итак, когда над судьбой национальной периодической печати нависла серьезная угроза, в Уфе случился такой переполох. Благодаря демонстрации протеста, организованной при самом активном участии Рами, проявившего в самый нужный момент бдительность и решительность, удалось спасти обреченные на верную гибель газеты, выходившие в республике на башкирском и татарском языках. Одержанная победа лишней раз подтвердила истину, что единство являет собой великую силу. Народ увидел, чего можно добиться, действуя сплоченно. А авторитет Рами Гарипова вырос в те дни еще больше.

Обратимся в очередной раз к записям Акрама Биешева: «Думаю, следует отдать должное Х. С. Сайранову. Будучи секретарем обкома, он мог вызвать милицию, разогнать нас, а главных зачинщиков отдать под арест. В то время такое было возможно. Но, видимо, он и сам не одобрял распоряжения ЦК, поэтому и не тронул нас, более того, тут же позвонил в Москву и так расписал наше движение, что нагнал на Центральный Комитет страху».

Главный партийный идеолог Башкортостана должен был понимать, что нововведение не сулило ничего хорошего, что оно не могло не встревожить общественность, литературные и журналистские круги, как, впрочем, и всех остальных, кто читал на родном языке. Мы не знаем, то ли он впрямь беспокоился о судьбе национальной печати, то ли боялся лишиться поста секретаря, но, как бы то ни было, вмешательство его помогло. Произошедшее отчетливо показало, к чему приводит беспечность. И пусть они видят — все те, кто пробовал наклеить на Рами ярлык националиста, заявляя, мол, «зачем поэт придумывает не существующую проблему, когда на родной язык никто не покушается?»: сегодня пытаются задушить печать, перевести обучение в школах на русский язык, объединить все нации и создать единый советский народ... А что будет завтра? Какие еще напасти ждут нас впереди?

Когда твоему народу угрожает реальная опасность, кажется, что проблемы, связанные с твоим собственным

творчеством, волнуют уже меньше. Что поделаешь, если жаворонка твоего душат, не дают ему петь во весь голос. Если созревшую в твоей душе за пять лет и переливающуюся через край песню безжалостно кромсают, не будешь ведь биться головой об стену. Какой от этого толк? Ценность книги зависит не от ее объема, успокаивал себя поэт. Взять, к примеру, того же Тукая. Толстенных сборников он не выпускал, но в сердца людей все равно вошел как Тукай!

Рами Гарипову никогда не забыть того трепета, ощущения радости и одновременно чувства горечи, охвативших его, когда он впервые взял в руки единственный на всю республиканскую библиотеку экземпляр книги Шайхзады Бабича «Молодой Башкортостан»! Был ли еще кто-нибудь среди поэтов его поколения, кто посчитал бы за счастье прочитать сей бесценный памятник — первую книгу Бабича, изданную на современном башкирском языке. Если кто и читал ее, то, прежде всего, ученые. Например, Ахнаф Харисов, составивший сборник его избранных произведений. Или Гайса Хусаинов, когда готовился писать труд, посвященный творчеству Сайфи Кудаша, — первую башкирскую монографию.

Если тоненькую книжечку Бабича поставить рядом с изданными после войны томами Сайфи Кудаша, то она составит лишь крохотную их часть. Но по своему значению этот кровью написанный в страшное безвременье сборник стоит целой массы таких книг, тем более, что очень многие из включенных в них стихов — не более чем однодневки. Если уж на то пошло, Салават или Акмулла и без книг сумели донести до потомков свои пламенные стихи и призывы, оставить неизгладимый след в памяти народной. И как бы ни раздирали живьем «Песни жаворонка», вытравить из книги душу они не смогут. Поэт будет искать возможность опубликовать свои стихи хотя бы частями. Для читателей, знающих цену слова, в памяти нации эти стихи все равно останутся одной неразрывной певучей песней.

Несмотря на неприятности, свои эмоции Рами держал при себе. Никого не охаивая, он старался смотреть на жизнь более широко, события оценивать с точки зрения

перспективы. Даже в тяжелейшие моменты поэт оставался сильным духом оптимистом. Глядя на его открытое, улыбочивое лицо, вряд ли кто догадывался, какие душевные муки терзают его, какие упадочнические мысли порою его одолевают! Еще бы, в общении с ним другие черпают силы, укрепляются духом. Но более внимательные и чуткие люди, видя глубокие морщины, рассекающие его лоб, еле уловимое выражение грусти во взгляде, задумчивость, чувствовали, в каком напряжении он живет.

Когда Рами переехал в Уфу и начал работать в газете, в Союзе писателей ему предложили подготовить доклад о состоянии современной башкирской поэзии. Многим было известно, каким высокообразованным, эрудированным человеком он был. Будет любопытно послушать коллегу, который три года провел вне литературной среды и долго не давал о себе знать. Рами Гарипову предстояло держать перед всеми серьезный экзамен.

Поэт охотно откликнулся на предложение и с увлечением взялся за дело. Привыкший любую свободную минуту проводить за чтением или заниматься творчеством, он с еще большим азартом засел за книги. Рами просмотрел и внимательно изучил вышедшие в последнее время поэтические сборники, подборки стихов в периодической печати и собрал для доклада большой, интересный материал. Ему было радостно видеть, что башкирская литература развивается. Сравнивая состояние башкирской поэзии начала 50-х годов с нынешним, он с удовлетворением заметил, что уровень мастерства стихосложения стал намного выше. Наметился отход от декларативности, возросло внимание к лирике.

Рами понимал, что на начинающих поэтов нельзя смотреть как на школяров, которые только и делают, что учатся у старших товарищей. Перенимать наработанный опыт у более зрелых коллег, безусловно, нужно. Это своего рода прекрасная школа, однако литература бывает сильна лишь тогда, когда поэты и писатели независимы в суждениях, когда они способны сказать свое собственное слово.

Рами Гарипов собирался говорить о современном состоянии башкирской поэзии в широком контексте, в связи с историческим развитием всей литературы. Он набросал

тезисы, состоявшие из более чем двадцати пунктов. Приближался день выступления, а мысли и сомнения лишь множились и тревожили его все сильнее. «С тех пор как мне поручили подготовить доклад о нашей поэзии, я только об этом и думаю. Сначала мне казалось, что нет ничего легче, чем разговор о поэзии. Но чем больше читал я наших поэтов и то, что о них написано, чем дольше думал, мои представления менялись... Вот уже сколько времени я постоянно думаю об этом, думаю на работе и даже во сне. Порою мне даже кажется, что я всю свою жизнь прожил ради того самого дня, когда должен буду держать речь... Но как бы я ни терзался, эти терзания доставляют мне наслаждение. Было бы здорово, если бы в выступлении я смог сказать что-нибудь новое!..» (18.01.64).

Сознавая, какая ответственность на нем лежит, поэт непрерывно размышляет. И изо дня в день идея вырисовывается все четче, растет уверенность: «Наконец-то мне удалось ухватить нить того, что я должен сказать о поэзии. Стержень есть, и теперь мне предстоит нанизывать на него свои мысли. Похоже, получится неплохо. Если бы дома были подходящие условия, я мог бы работать припеваючи. Но там лежит при смерти больная старушка, и мне приходится ежеминутно отвлекаться. В общем, этот доклад мне очень дорого обходится. Обыватель ждет от меня сенсации. А я буду говорить лишь то, что хочу сказать. Быть до конца осторожным мне, видимо, не удастся... Я ощущаю такой азарт, что готов ввязаться в схватку. Думаю, что поэзии вреда от этого не будет. Зато выявятся позиции. Если уж я не сумею защитить наше слово, то кто сумеет? Это моя задача. И я должен выполнить свой долг».

Решимость поэта превращалась в дерзость. Обычно скромный, на этот раз Рами, кажется, теряет чувство меры, оценивая свои возможности. Или он на самом деле был настолько уверен в себе?

И вот, наконец, в феврале 1964 года Рами Гарипов выступает с докладом, суть которого можно выразить, опираясь на его собственные слова: «Если сравним состояние нынешней поэзии с тем, что было десять лет тому назад, то увидим, какой невероятный скачок был сделан». Стре-

мясь выявить причину однообразия прежних произведений, выяснить, отчего большинство из них тяготело к одам, докладчик приходит к следующему выводу: «Основная причина заключалась в том, что умы и чувства людей были стянуты стальным обручем культа личности». Он считает, что культ «не только физически уничтожил наши первые литературные силы, но и нанес непоправимый вред творчеству последующих поколений». Не забывая о жертвах и восхищаясь мужеством писателей старшего и среднего поколения, которые смогли преодолеть заблуждения и ошибки и «с отчаянной решимостью начали заново свой жизненный путь», Рами Гарипов старается отметить каждое достижение современной поэзии.

Однако, радуясь успехам и открытиям, он понимает, что нельзя обойти вниманием и недостатки. Главное, что определяло дух его основанного на неопровержимых фактах и подкрепленного конкретными примерами обзора, — требовательность, принципиальность, чувство ответственности за судьбу поэзии, горячая заинтересованность в ее успехах. Соответствовал этому и характер самого выступления — прямой, резкий и едкий. Намеков Рами Гарипов не приемлет, предпочитая высказывать правду в глаза, его критика не пощипывает, а продергивает, пронимает насквозь.

Сказать, что его выступление потрясло публику, будет, пожалуй, недостаточно. Слушать прежде подобные доклады о поэзии литераторам не доводилось. Конечно, нельзя утверждать, что доклад его был построен на одной лишь критике. Так, почти четверть своего сообщения Рами посвятил анализу произведений Мустая Карима, созданных им в 1962—1963 годах: циклу «Кабардино-Балкарская тетрадь», стихам «В дороге — ноги, в песне — думы», «Другу», «Разговор со своей песней», «Когда журавли прилетают», обозначивших новый этап в развитии башкирской поэзии. Высокой оценки удостоились также стихи Ханифа Карима, Салыха Кулибая, Катибы Киньябулатовой, Ангама Атнабаева, Марата Каримова, Рафаэля Сафина.

Литературный процесс Рами Гарипов оценивает объективно, полагая, что здесь, как и в жизни, наблюдаются разные явления: вызывающие радость и огорчение, восхищение и тревогу. И чтобы читатель получил представление

о том, как естественно вплетаются его наблюдения в канву доклада, приведу некоторые фрагменты. Вот один из них: «В целом, Каримов (Ханиф Карим. — *Р. Б.*) чувствует слово, умеет отливать стихи. Ритм у них твердый и четкий, как поступь солдата, и разнообразный, в зависимости от содержания. В этом плане наш большой поэт Сайфи Кудаш мог бы исправить свои хромающие рифмы, как Мажит-агай времен медресе “Галия”. А рифмы у него (у Ханифа Карима. — *Р. Б.*) хлесткие, как удары пастушьего кнута!.. Если бы хотя бы кончик той плетки попал к поэту, родившему одну удачную рифму за всю свою жизнь “Как лаять научиться смог щенок” (это шутка), тот, наверное, подпрыгнул бы от радости... Попутно хотел бы сказать и о нем, а то Юсуф-агай Гарей, чего доброго, обидится».

Каково же было Юсуфу Гарейу выслушивать о себе высказывания типа: «Его требовательность по отношению к другим не касается его самого»; «А о том, что пишут другие, он отзывается так: “Да кому нужны такие стихи? Для поэзии это пройденный этап”»; «Короче говоря: делай так, как говорит Юсуф Гарей, и не делай того, что делает он».

От такого рода замечаний у многих, наверное, волосы встали дыбом. Разговоры начистоту, когда говоришь то, что думаешь, не взирая на лица, в литературных кругах до этого, можно сказать, не происходили. Между тем у докладчика не было ни малейшего намерения оскорбить, унижить кого-либо или поиздеваться. Несмотря на категоричность и даже резкость, все было выдержано в рамках приличия.

«Было опубликовано длинное стихотворение Тимера Арслана “Памяти друга”, посвященное Рашиту Нигмати. Будь Рашит Нигмати жив, простил бы он эту рифмованную прозу? Думаю, нет. Конечно, и здесь присутствуют элементы настоящей поэзии. Но, к сожалению, это отрывки из произведений самого Нигмати. И потом, почему у Тимер-агая такой деревянный язык?»; «Отчего в последнее время очень редко раздаются голоса таких поэтов, как Назар Наджми, Хаким Гиляжев, Гилемдар Рамазанов, Шариф Биккул, Муса Гали, а в прошлом поэтическом году они и вовсе молчали?»; «Когда в разных уголках нашей

страны Гамзатовы, Рыльские, Ухсаи, Туфаны вступились за родной язык, стихотворение Назара Наджми («Язык матери». — Р. Б.) воспринималось так, как будто он размахивал игрушечной саблей».

Да, после такого нелицеприятного анализа трудно было бы ожидать, что число друзей Рами Гарипова резко увеличится и что к нему бросятся со всех сторон пожимать руку.

В конце он снова возвращается к Сайфи Кудашу, напомнив о том, что в журнале «Агидель» вышло восемнадцать его стихотворений. Как подчеркнул Рами, может быть, ему и не следовало бы высказывать мнение о столь многоопытном поэте, который был современником Тукая, Гафури и Бабича, прошел их великую школу, но он считал, что не имеет права обойти вниманием его творчество — результат неустанный труда всей жизни.

Докладчик отмечает, что в начале 60-х годов творчество Сайфи Кудаша продолжает пополняться, что он сделал огромный шаг, перейдя от повторения общественного мнения к выражению собственного, от риторики к гражданственности, от тематической ограниченности — к масштабности. Сделав акцент на том, что поэт, по-прежнему, остается молод душой, Рами перечислил названия его новых удачных стихов, но не удержался от замечания, что наряду со зрелыми плодами он представляет на поэтическое застолье и недозрелые.

С этого момента Рами переходит уже на более резкий тон: «Имеют место и совершенно случайные стихи. Например, стихотворение «Не приведи Господь». Его можно было не писать, а если уж написано, то не печатать.

*Я шел по улице однажды,
И встретился мне человек,
Остановившись, попросил он
К тюрьме дорогу показать.
Застал врасплох меня его вопрос,
Меня в беспомощность поверг он.
Я заикался, язык заплетался.
Пусть этот рок минует меня —
Дорогу показывать к тюрьме.*

И мораль:

*Не приведи Господь,
К тюрьме дорогу знать.*

Как говорится, если даже и было такое, зачем нести всякий вздор. Это мог сказать либо глупец, либо шутник вроде Сагит-агая. А с чего же он так растерялся?

Не думаю, что фраза: «Не знал я адреса тюрьмы» является таким уж большим достижением. Уж кто-кто, а Сайфи Кудаш, потерявший стольких друзей, дорогу к тюрьме знает наверняка...»

Как представители старшего поколения, так и молодые писатели, конечно же, хорошо понимали, что сказано это не без умысла, а с явным намеком на события 1937 года. Таким образом, Рами Гарипов не только предъявляет строгие требования к творчеству, но и поднимает вопрос о человеческой совести, гражданской ответственности. Каким мужеством надо было обладать для этого.

Большинство коллег по достоинству оценили основательный, глубокий анализ состояния современной башкирской поэзии и прямоту Рами Гарипова. Но кое-кто затаил на него злобу. Не терявшие бдительности стражи порядка вместо объективной оценки вынесут ему суровый приговор. Вскоре поэт предстанет перед их судом.

Свои размышления о современнике Бабица Рами подытожил так: «Талант Сайфи Кудаша нуждается во взыскательной и доброй товарищеской критике. Мы, молодые, очень хотели бы, чтобы большой поэт был и большим мастером».

Час расплаты не заставил себя долго ждать. Вместо того чтобы поблагодарить Рами Гарипова за тщательно подготовленный и обстоятельный доклад и сдать его поскорее в печать, руководители Союза писателей устроили ему экзекуцию. Этот позорный процесс происходил в обкоме партии — в здании высшего руководства республики.

Запись в дневнике Рами от 11 марта 1964 года начинается такими словами: «Уже пять утра. А я все никак не могу заснуть. То, что происходило днем, так и стоит перед глазами. В обкоме обсуждался вопрос о моем “Национализме”».

Через некоторое время после доклада Рами принял участие в заседании редсовета Башкирского книжного издательства, где он резко выступил в защиту прав писателей. Директор издательства Куватов тут же написал в Союз писателей письмо, в котором извратил суть сказанного Гариповым. Руководители писательской организации — поэты, чье творчество было подвергнуто в докладе Рами жесткой, но справедливой критике, не замедлили воспользоваться этим поводом, чтобы поквитаться со своим обидчиком. Назар Наджми, Шариф Биккул и Асхат Мирзагитов передали в обком партии информацию о поведении Рами Гарипова, изобразив его анархистом-националистом, заносчивым и зарвавшимся хвастуном, не ставящим никого ни в грош. Он, якобы, клеветает на такого почтенного старого поэта, как Сайфи Кудаш, и завидует таланту Ангама Атнабаева. Но это еще не все, есть у него проступки и пострашнее: Рами Гарипов противопоставляет друг другу татар и башкир, выступает против решений партийных пленумов и т. д. Слушая эти обвинения, поэт невольно подумал: «Если бы повторился 1937 год, они давно бы меня уpekли куда-нибудь подальше».

Вот как Рами завершает запись 11 марта:

«А Султанов (секретарь обкома партии. — Р. Б.), похоже, умный человек. На его месте я бы тоже себя так ругал. Розанов не все понял (я говорил по-башкирски), но, мне кажется, что он объективный человек. Только Мустай-агай немного сбил его с толку. Будто бы меня пытаются использовать какие-то националистические группировки!.. Выходит, и у него есть группировка. Группа ведь не бывает односторонней. Но при чем тут я? У меня есть народ, а у моего народа есть трудная, сложная история, есть завоеванные им права и будущее. Я же только хочу, чтобы он пользовался всеми правами, которые дал ему Октябрь, чтобы никто над ним не измывался, чтобы именем его не спекулировали, чтобы поэты его не мучились, выпуская один раз в пять лет книжку в два печатных листа. И чтобы книга эта дошла до моего народа, чей справедливый приговор для меня важнее всего. Это единственное мое желание. Именно из-за этого святого желания я и хожу сегодня в залатанных штанах, живу

впроголодь, мучаю жену и детей... Именно из-за этого я заморозил в холодной комнатухе издательства моего ребенка. Только ради этой цели восемь лет я жил, где придется: в чужом сарае, в адских клетушках, на товарных складах, в заезжем доме, в гостиницах, растрачивая по ползарплаты на жилье, проливая кровавые слезы, работал, но писать ради денег не позволяла мне моя совесть. К другим народам относился как к своему и поэтому переводил их поэтов на свой язык.

Если потребуется, я готов пожертвовать собой ради будущего моего народа.

Однако хватит уже жертв, пора творить, по-человечески жить и строить нормальные человеческие отношения!»

Это не просто дневниковые записи, здесь я слышу монолог человека, который провел бессонную ночь и даже к пяти утра не может никак успокоиться. Душа поэта страдает, стонет и рыдает от обиды. О чем говорил он в обкоме доподлинно неизвестно, но можно быть уверенным в том, что сказанное им созвучно этим записям. Если бы кто-нибудь вызвался написать драматический фарс о позорном судилище над честным поэтом-патриотом с предъявлением ему незаслуженных обвинений, то ему не пришлось бы сочинять за него монолог. Раши сам излил его со слезами, любовью и ненавистью.

В монологе, в котором он задается множеством вопросов, есть один утешительный для обвиняемого момент:

«А как же честь? Чести не бывает много. У людей с мелкими помыслами она не может быть большой.

Трудно понять этих людей!.. Особенно трудно верить после всего этого человеку, которому доверял больше всего.

Если уж Мустай-агай так печется о своем имени, чего же ждать от других?

А вот Гайса (Гайса Хусаинов. — Р. Б.), сколько бы ни говорили о нем, что он “хвостом виляет”, оказался на самом деле мужественным человеком — единственным защитником, не побоявшимся подставить себя под удар. Думаю, что литература для него — не только хлеб, не только занимаемое им место, а дело чести, цель жизни. В литературе он не только ради себя, литературой он живет. На память приходят замечательные слова Станиславского:

“Надо любить искусство в себе, а не себя в искусстве”. Это не так просто. А торговать своей литературой, культурой, своим народом — это, по-видимому, легче?..»

Такую вот бучу подняли после того, как Рами Гарипов выступил в Союзе писателей со своим докладом, к которому он основательно подготовился, и высказался в защиту прав писателей на редсовете издательства. А что было бы, если бы поэт поделился с коллегами всеми замечаниями, скрупулезно записывавшимися им при чтении новых произведений? Безусловно, ему досталось бы еще больше.

Оценивая литературные новинки, Рами не церемонился с их авторами. Не пощадил даже близкого друга Рафаэля Сафина, отметив некоторые нелепости в его поэме «Доверие»: «Изрыгая пену, вращается без толку быстро вращающееся мельничное колесо». Продернул он также и другого своего коллегу: «...есть у Атнабая одна странная привычка: когда он проходит мимо чужого сада и видит там привлекательную деталь или образ в виде какого-нибудь цветка, он не успокоится, пока не сорвет его». Об этом многие перешептывались, а Рами записал свое мнение для себя, не включив это замечание в доклад.

Каждого поэта он старается понять максимально: «Некоторые стихи у Даян-агая такие длинные, что их без страха можно было бы сократить, не оставив ни строчки!» — замечает он и, немного подумав, добавляет: — «По правде говоря, Даян-агаем я недоволен. Однако то, что я недоволен, еще не означает, что Даяна нет».

Рами требует внимания к личности каждого: «Сейчас нам кажется, что Гафури наивен. Но это лишь говорит о наивности нашего исторического мышления».

Одна из самых больших бед, препятствовавших развитию литературы, было отсутствие у литераторов собственного мнения, гражданской позиции. Даже писатели не смогли вытравить из себя привычку жить по указке сверху, слепо и беспрекословно принимая все, что ни говорили лидеры государства. Когда в конце 50-х достигла своего апогея кампания против Пастернака, развязанная по приказу властей, в Башкортостане тоже прошли собрания-митинги с целью осудить его. И у нас нашлись такие, кто клеймил Пастернака позором, не читая. Люди, все еще

не избавившиеся от рабской психологии, с недоверием относились к проявлению независимости и к каждому новому слову. Тяготевшие над сознанием рамки сковывали мысль, ограничивали творческие возможности.

Рами Гарипов был сыном своей эпохи. Но он уже тогда понимал, что большинство далеко не всегда бывает правым. Поэтому, когда ему приходилось защищать свою позицию, будучи абсолютно уверенным в своей правоте, Рами не соглашался с мнением большинства. «У нас модно бить битых. Бьют Ш. Махмутова, Азата Абдуллина. И при этом заворачивают колотушку в красное. Однако во что ни ряди, а внутри все равно лежит бесстыжая, мерзкая дубинка». «Не забывай меня, солнце!» — единственное за последние годы сценическое произведение, которое я смотрел с огромным волнением. Это была поэма о человеческом духе».

Рами старается разглядеть в творчестве Шамиля Махмутова, которого не желали признавать, необходимые для поэзии качества: «Я не могу ругать Ш. Махмутова только потому, что он не нравится другим. Почему он должен походить на Мусу Гали или на Назара Наджми?»; «Ш. Махмутов будит мысль»; «Он ценен тем, что привносит в нашу поэзию новые интонации»; «Наша поэзия воспримет уровень интеллекта Шамиля, но я сомневаюсь, что она примет этот характер. У него есть будущее».

С такой вот готовностью подхватывает Рами любое стремление к новому. У него всеохватывающий взгляд и гибкое мышление.

Его критика бывала порою уничтожающей. Вот что мы видим, например, в черновике его доклада относительно Акрама Вали: «По возвращении с войны ему следовало сразу же взяться за прозу — он же занял место хорошего поэта, и осталась от него всего лишь пара стихотворных строк:

*Где б стихи ни начинал, к тебе я
Возвращаюсь, Родина моя».**

* Из стихотворения «Родине» (1936 г.) в переводе И. Цаголова. Перевод Я. Серпина.

Есть ведь поэты, не оставившие в памяти народа ни строчки.

Полностью сконцентрировавшись на проблемах настоящего, Рами Гарипов задается совершенно неуместным вопросом о необходимости введения ограничения в изучении прошлого: «Даже молодые крутятся возле надгробия Акмуллы, на которого хватило бы и Кирея Мэргена. Разве недостаточно того, что Ахнафы Харисы копаются в творчестве тех, кто покоится в могиле?»

В период, когда лишь недавно по-настоящему приступили к изучению литературного наследия, когда еще господствовала доктрина, утверждавшая, будто «башкирская литература началась только после революции», позиция Рами Гарипова, отличавшегося широтой взглядов, представляется более чем странной. Нельзя уделять внимание моменту нынешнему за счет снижения интереса к прошлому. Под горячую руку Рами попал как-то и Мустай Карим: «Сегодняшнюю противоречивую, сложную, героическую жизнь обходит стороной даже Мустай Карим, отвечающий на мучающие читателя вопросы лишь “загадочной” улыбкой, намекая на некие “темные течения”. Пьеса его уводит в давние времена и тоже построена на каких-то намеках. А почему бы ему не взглянуть открыто и прямо в сегодняшнее и не сказать о нем открыто и смело?»

В ту пору Рами Гарипов был не единственным, кто так думал. Произведения типа классической драмы «В ночь лунного затмения» появляются, что называется, раз в сто лет. Они намного важнее иных злободневных, заполняющих сцену заводским оборудованием или шумом строительных площадок. История дополняет настоящее. После трагедии, предостерегавшей через прошлое о проблемах дня сегодняшнего, Мустай Карим пишет драму «Страна Айгуль», главным героем которой был молодой современник, врывающийся, словно на крыльях, в большую жизнь.

Рами Гарипова беспокоило в первую очередь то, что происходило в данный момент, приковывая к себе основное его внимание: «Пускай наши слова не плавают, как подрагивающий поплавок, на поверхности. От того, что мы читаем стихи, прикрывая или закатывая глаза, улыбаясь

либо усиленно жестикулируя, мысль наша не становится глубже. И если читать через нос, результат будет тот же. Не станет она глубже и в том случае, если, читая, ты будешь тешить себя мыслью о том, что в этом году занимался больше научной работой. Не спасет положения и густой бас. И если даже прикроешь плешивую голову двумя-тремя волосками, риторика стиха, который читаешь, тебе все равно прикрыть не удастся» (14.12.63).

Если бы эти безымянные портреты были напечатаны в то время, когда они были написаны, и Назар Наджми, и Гилемдар Рамазанов, и Хаким Гиляжев, Гайнан Амири и другие легко узнали бы себя. И, разумеется, никто из них не сказал бы Рами спасибо. Пусть наблюдения поэта в свое время до читателя не дошли, зато новым поколениям эти живые картинки расскажут о его современниках и о той эпохе. Если вдуматься, дневниковые и прочие записи не рассчитаны на их немедленное опубликование, и все же они предназначены больше для других, чем для себя.

Не только в стихах, но и в десятках дневников поэт продолжает разговор с читателем, обращаясь через написанное им к современникам и потомкам. Глядя на морские волны, Рами говорил: «Передайте привет от меня людям будущего!» Жизнь — как море, которое находится в вечном движении: как волна накатывает за волной, так и поколение следует за поколением. Грядущие поколения поэт не увидит, а написанное им — будь то стихи или статьи, дневники или письма — встретится с потомками наверняка и передаст им от него привет. А если об этом не мечтать, если в это не верить, всей душой болея за родной язык, за родной край и за родную литературу, стоит ли жить?

Где бы Рами ни находился, днем ли, ночью ли, его постоянно одолевали мысли о бытии, о поэзии. В его стихах — судьба человека, лирика повседневной жизни. По всем дневникам, которые поэт вел на протяжении многих лет, разбросано столько стихов и их наметок. Содержащиеся в них философские мысли теснят прозу жизни, отдельные записи сплошь состоят из оригинальных суждений. А местами автор переходит на поэтический язык.

Приведем некоторые строки из записей, сделанных 9 декабря 1963 года под названием «Отдельные мысли.

Поэт»: «Будущее — это мой дом, в который я возвращаюсь каждый день». Человек, не знакомый с творчеством Рами Гарипова, возможно, заметит эту своеобразную мысль, но, не придав ей особого значения, продолжит читать дальше. А ведь из этих слов родятся впоследствии такие выразительные поэтические строки:

*Одной ногой ты в дне сегодняшнем,
Другой — ты в завтрашнем стоишь.
И в будущее так же возвращаясь,
Будто ты с работы к себе домой идешь.*

«У меня есть свои глаза, есть свое слово, и я имею право видеть по-своему и по-своему говорить» — потом эта мысль тоже превратится в стихотворение.

А написанную в тот же день фразу: «Уж коль перед царями поэт не склонял головы, другим он не будет кланяться и подавно» Рами Гарипов продолжит 28 февраля 1964 года:

*Перед царями головы не склонявший,
И перед другими башкир не склонит головы!..*

Такими вот строками заканчивает он свою дневниковую запись. Но искра в душе его не погаснет. Через восемь лет от той искры родится пламенное стихотворение «Салават-батыр». А о том, какую роль сыграет оно в жизни поэта, речь впереди.

Приведенные примеры показывают, каким источником вдохновения были для Рами Гарипова дневниковые записи, в которых он сконцентрировал все свои наблюдения и размышления.

Вот еще одна параллель: «Камень тяжел там, где падает. И хорошо, когда слово произнесено вовремя и к месту. Мнение, высказанное с опозданием, каким бы великим оно ни было, не может стать духовной пищей. Поэту следует знать, когда он должен произнести свое слово» (6.12.63). Казалось бы, сильнее не скажешь. Но для Рами это всего-навсего прелюдия к дальнейшим раздумьям. Творческий процесс не прерывается, мысль развивается и усложняется, и в результате у него вырабатывается

поэтическое кредо, каждая строка которого может быть использована в качестве афоризма.

*Да будет мужественным поэт.
Что за поэт, коли мужества нет.
И есть ли прок от правдивого слова,
После времени произнесенного?*

Не прекращающиеся ни днем, ни ночью поиски приводят к появлению среди прозаических строк настоящих поэтических жемчужин. Жизнь и творчество не останавливаются, препятствия закаляют, вера и надежда исцеляют, рост продолжается. И вот что поразительно: кажется, что в часы вдохновения сама природа благословляла Рами Гарипова, одобряла его помыслы, звала на праведные дела. Послушаем самого Рами:

«1964 год, 27 апреля. Прогремел первый гром. Это был очень странный гром. Вовсю идет снег. Было, наверное, часов 11 вечера. Я сидел в редакции, перерабатывая стихотворение “Испытание” про грозу, как вдруг ночную тьму осветила молния и прогрохотал гром. Я аж вздрогнул, после чего начал писать письмо. Какая-то непонятная выдалась нынче весна. Лишь бы все было к добру.

Вчера выходили в лес, собрали прямо из-под снега первые цветы. До этого мне не приходилось видеть, как под снегом растут цветы. Удивительно: под толстым слоем снега цветет, как ни в чем не бывало, подснежник — прекрасный весенний цветок. Природа берет свое. Не таковы ли и мои стихи?

Несмотря на холод, сверкает молния, гремит гром. Каким бы толстым ни был слой снега, под ним цветет подснежник. Какие бы гадости ни сыпались на мою голову, они ни за что не смогут сломить мой дух, погасить мою надежду.

*За славой быстротечной не должна
Ты слепо гнаться — не забудь о том,
Что молния вначале нам видна,
А гулкий гром разносится потом.**

---

* Перевод Я. Серпина.

Вчера ночевал у меня Шакир Галин. До четырех утра мы читали стихи, разговаривали. Утром заходил Равиль Бикбаев с женой. А ближе к вечеру подошел братишка Равиль. Сходили к Агидели, посидели на берегу».

Вокруг Рами витают стихи. Даже прозаические строки в дневнике того периода не менее поэтичны, чем стихи. Чего стоят цветущие под снегом подснежники. Какой великолепный образ!

Я знал, что поэт любил собирать из-под снега подснежники. Бывало, и сам помогал ему и даже писал об этой привычке Рами-агая прежде. Вон, оказывается, когда он впервые увидел эти цветы.

Какие бы ледяные ураганы ни сотрясали Рами Гарипова, все равно весна берет свое: и под снегом растут цветы. На вопрос поэта: «Не таковы ли и мои стихи?» так и хочется ответить, хоть и знаешь, что он меня не услышит: «К сожалению, именно так частенько и было».

В издательстве до сих пор лежит его книга. Поэт совсем было махнул на нее рукой. Однако, подумав, снова забрал сборник и принялся за работу, чтобы сократить его с минимальным ущербом. И осенью 1964 года третья книга Рами Гарипова «Песни жаворонка» попала к читателю.

«...Молния вначале нам видна, а гулкий гром разносится потом». Эти строки в точности передают судьбу очень многих стихотворений поэта, неопубликованных при его жизни. Но «Песни жаворонка», озарив небосклон поэзии, вовремя дошли до народа, подарив ему неслыханные доселе благозвучные мелодии и напевы. Эта небольшая книжица, всего лишь в два печатных листа, стала в башкирской литературе 60-х одним из крупных событий, принесла Рами Гарипову еще большую популярность. На вечерах поэзии экземпляры сборника быстро расходились, за поэтом по пятам ходили читатели, желавшие получить автограф. Я могу это лично подтвердить.

В тот год вышла моя первая книга «Степные горизонты» — маленький сборничек величиной с ладошку, и мне посчастливилось принимать участие вместе с Рами-агаем в традиционных осенних поэтических праздниках, проводившихся в Стерлитамаке и близлежащих населенных пунктах, раздавать там первые автографы.

Тон на таких мероприятиях задавали, конечно же, Рами Гарипов и Рафаэль Сафин, выпустивший незадолго до этого новую книгу «Доверие». Их выступления всегда сопровождались бурными аплодисментами. Мало кто из поэтов мог бы сравниться с Рафаэль-агаем по мастерству чтения. Он завоевывал публику своим артистическим талантом, а Рами покорял людей глубиной написанных им стихов и тем, как неторопливо он их читал своим глуховатым голосом. Многие из того, что вошло в его сборник «Песни жаворонка», мы — тогда еще молодые поэты — знали наизусть, особенно стихи про любовь.

Когда я вспоминаю ту солнечную, светлую осень, так и кажется, что она обдает мое лицо приветливым теплом. На стерлитамакском вокзале нас с песнями провожали начинающие поэты и влюбленные в поэзию парни и девушки. Они махали нам руками до тех пор, пока поезд не отъехал от станции. В вагоне Рами подарил мне свою книгу с надписью: «Равилю — вот и уезжаем мы от народа, но давай никогда не будем уезжать в душе, все, что есть в наших душах — все силы, всю веру и всю красоту, отдадим ему. Рами. 21/Х—64».

Первую страницу книги, сходной с лирической симфонией, открывает вступительное стихотворение, звучащее как возвышенная увертюра к этой симфонии:

*Хоть снега в низинах, а на лужах лед,
Жаворонок в небе о весне поет.
Сердцу земляничцев мил его прилет:
Жаворонка песня за сердце берет.*

*То стрелой он взмлет очень высоко,
То падет, как камень, и в тот миг легко
Землю к небу взбросит... И когда, какой
Медному бубенчику будет дан покой?*

*А весна на нивы не с его ль крыла
Падает лучами света и тепла?
Может быть, не слышен жаворонка взлет —
Собственное сердце о весне поет!**

* Перевод Н. Синцова.

Собранные в книге стихи звали к красоте, свету, совсем как жаворонок, пробуждающий мир по весне. Заданный вступлением приподнятый настрой продолжает усиливаться на протяжении всех пяти частей. Вот их названия: «Возвращение к песне», «Звездные думы», «Песни жаворонка», «Родные голоса», «Голубая весна». Как сказано в стихотворении «Испытание временем»:

*Все доброе, что есть в моей груди,
Все, сколько ты сумеешь унести,
Всю одержимость и любовь мою
Тебе навек я, песня, отдаю.**

И этим словам поэт остается верен на протяжении всей книги.

*Не рвал я глотки, чтобы всякий раз
Внимало время громким словесам,
Но по сердцу прошло оно, лучась,
И в сердце разорвалось потом.***

Они хорошо передают многогранную связь Рами Гарипова с жизнью. Уж сколько поэты драли глотку, доказывая, что они идут в ногу со временем, создают актуальные произведения. Их громкие восклицания били по барабанным перепонкам, но не трогали сердце. Да что уж там говорить, на начальном этапе творчества Рами тоже этого не избежал.

В 60-е годы шум в башкирской поэзии утихает, уступая место мелодичности и напевности, философичности и образности. Растет внимание к «диалектике души» человека, стремление к разнообразию чувств и мыслей. Все эти перемены каждое поколение и каждый поэт переживали по-своему. Книга «Песни жаворонка» стала одним из самых отрадных и значительных явлений нашей поэзии, потому что она привнесла в нее новые черты и ускорила процесс ее обновления.

* Перевод Н. Синцова.

** Перевод Я. Серпина.

Диапазон вошедших в сборник стихов широк. Насыщенные яркими и разноцветными мыслями и чувствами, они вызывают ассоциацию с радугой. В них есть все — радость труда и красота родной земли, вечность, величие и могущество природы, боль и гордость за прошлое народа, за его настоящее и тревога за будущее, страсть и любовные переживания. Люди села, живописные окрестности Юрюзани, источники вдохновения показаны здесь так, как не удавалось никому из других поэтов. Рами Гарипов ввел своих читателей в восхитительный, чрезвычайно своеобразный мир.

Эпоху, в которую он жил, Рами называл звездной: «Звездные думы», «Расскажи людям о человеческих чувствах, о дыхании звездной эпохи», «Сегодня человек влюблен в весь мир, любовь его не вмещается во Вселенную. Теперь ему нужен звездный язык, эй, время, дай крылья его вдохновению!»

Несмотря на то что Рами Гарипова одолевали со всех сторон невзгоды, моментов окрыленности в его жизни тоже было немало. И он умел находить поэтические средства, сообразные той звездной эпохе, как и созвучный ей «звездный язык».

Рами Гарипов внимательно следил за всем, что происходило в мире литературы, искренне радуясь поэтическим находкам коллег, восторгаясь мастерством старших поэтов-наставников. Вот что пишет Рами об одном из них: «У Мустая удивительно широкое видение: он с изумлением наблюдает за муравьем, пробирающимся из Европы в Азию, и в то же время представляет Урал как гигантскую птицу, одно крыло которой — Европа, другое — Азия. И он же видит его березовым листком» (6.12.63).

Для творчества самого Рами Гарипова 60-х годов характерен не менее широкий охват и вместе с тем пристальный взгляд на жизненные явления. Звездные мысли не отрывают его от земли, он разделяет тревоги и радости односельчан, косит сено и мечет вместе с ними стога, работает с хлебобобами ночами и встречает рассвет.

Тот, кому попадали в руки «Песни жаворонка» и кто читал стихотворение «Богатство», непременно должен был почувствовать ритм жизни поэта:

Итак, ты секретарь теперь —

Руководишь молодежью аула!..

...Если ты начальник, будь поэтом,

Трудись, засучив рукава!

Что, нелегко?

А ты и не жди

легкого пути!..

Вновь оказавшись на родной земле, Рами Гарипов наметил для себя рабочую программу: «Если ты начальник, то будь поэтом». А ведь когда он руководил комсомолом, его чиновничья суровость вполне могла погасить, высушить творческую мысль. У него же все было наоборот: руководитель-поэт чаще и глубже стал задумываться о философском смысле бытия. Это не может не радовать. И хотя за три беспокойных года жизни на родине, пока Рами трудился среди земляков в совхозе на комсомольской работе или в редакции, испытал немало разного рода неприятностей, столкновений и козней, без сомнения, это был успешный старт для нового этапа его поэтического роста. Через шесть лет после выхода его сборника «Каменный цветок» он с честью выдержал ответственный экзамен перед читателями и собратьями по перу, представив им новую книгу «Песни жаворонка». Для башкирской поэзии она стала большим достижением.

ИМЕЮ СЛОВО

Тысячи читателей и широкие круги литературной общественности даже не догадывались, что «Песни жаворонка» вышли наполовину урезанными. Поэт сократил сборник таким образом, что он воспринимался как единое целое. Все, кто его читал, сошлись во мнении: если Рами Гарипов, будучи занятым на ответственной работе в районе, сумел подготовить книгу, содержащую шестьдесят с лишним стихов, никто не удивился бы и не осудил его, если бы он дал себе некоторую передышку, прежде чем взяться за новую. Во всяком случае, того впечатления,

которое «Песни жаворонка» произвели на моих сверстников-поэтов и на тех, кто был моложе нас, хватило надолго, а многие из вошедших в него произведений стали для них эталонами.

Бывает, что и радости приходят одна за другой. В 1966 году вышла четвертая книга стихов Рами Гарипова «Полет». Читатели, все еще находившиеся под очарованием «Песен жаворонка», с любопытством встретили новый сборник, мол, посмотрим, каков же поэт в полете? «И когда он успел, этот упрямец Гарипов?!» — скрипя зубами, недоумевали, наверное, его недруги. А если бы они узнали, что вошедшие в книгу стихи были написаны еще на берегах Юрюзани и сколько еще не напечатано, они и вовсе лопнули бы от зависти.

В качестве эпиграфа к стихотворению «Курай», с которого начинается сборник, поэт выбрал строки из Шайхзеды Бабича:

*Мой курай, зазвени, заиграй
Всеми красками звонкого мира,
Все печали развей, мой курай,
Чтобы дрогнуло сердце башкира!**

Через этот образ Бабич дает представление об истории народа, о судьбе нации. А Рами Гарипов в своем стихотворении показывает плачевное положение того, кто творит великую мелодию курая:

*Простился кураист, а в шалаше
Курай оставил.
Дай-ка я подую!
По силам мне, ей-ей, и по душе
Сыграть на нем мелодию простую.*

*Но он, видать, послушен, да не всем,
Он знаться с незнакомцами не хочет.
В чужих руках он холоден и нем,
Не плачет, не смеется, не пророчит.*

* Перевод С. Липкина.

*А как тепло звучал он час назад —
От песни доброй каждый мог согреться.
Но кто-то, словно этому не рад,
Из палочки волшебной вынул сердце...*

*Курай без кураиста нелюдим
И безъязык, и кажется невзрачным.
Лишь комаров гонять ты можешь им,
Коль дымом начинишь его табачным.*

Да, не всякий башкир способен стать кураистом. Но в сознании каждого должен жить национальный дух. Как раз об этом и напоминает поэт. Если эта священная связь прервется, заглохнет, то умрет и дух народа. Если стереть, вытравить из народа историческую память, то навсегда забудутся и Салаваты, и Буранбаи, и песни, и обычаи.

*Но кураист ушел не навсегда,
Вернется он к замолкшему кураю,
И песня оживет, и песня та
Бессмертной будет — твердо это знаю!**

Эти заключительные строки обращены не только к кураисту, поэт намерен довести свои слова до соотечественников, потому что хочет, чтобы народ его существовал вечно. Такую вот прочную опору должен иметь дух человека, чтобы воспарить на дивную, божественную высоту.

В следующем за «Кураем» стихотворении «Имею слово» есть строки: «В глазах моих народа зоркий глаз, и оттого мне есть что вам сказать!» Они обязывают поэта ко многому. Рами отлично знал, о чем говорил: всю свою жизнь он стремился к самым высоким целям, принимал на себя груз самых ответственных обязанностей. Он долго думал об этом, прежде чем определился с названием для нового сборника. Когда «Полет» вышел в свет, Рами Гарипов то и дело повторял про себя одно стихотворение — из тех, что писал, живя в шалаше на берегу Юрюзани.

* Перевод Я. Серпина.

Начиналось оно словами: «Быть может, в грязи я погрязну». «Все буду видеть я глазами и умом народа», — заявлял он в том стихотворении. Сначала поэт хотел включить его в «Песни жаворонка». Не удалось. В сборник «Полет» тоже не пропустили. А сколько пришлось ему спорить из-за стихотворения «Имею слово». «Ты что, уже превратился в глаза народа? Знай меру!» — сказали Гарипову. Но ведь если «внутренний глаз» поэта перестает видеть, тогда и у народа затуманивается взгляд.

Вторая часть книги начинается стихотворением «Полет», по-видимому, навеянным воспоминаниями о том времени, когда Рами посещал аэроклуб. Как-никак, он первым из башкирских поэтов поднимался на самолете в небо, как пилот, и много раз обозревал землю с большой высоты! Уж кому-кому, а Рами Гарипову ощущение полета, окрыленности знакомо не по чьим-то описаниям, а по собственному опыту, причем со школьных лет. Впрочем, если бы в жизни его не было аэроклуба, такое стихотворение все равно, наверное, было бы написано, ибо он всегда находился в состоянии полета:

*Лечу, лечу!
 Едва ль не от рожденья
 Лететь куда-то требуется мне.
 Вся жизнь моя — то взлеты, то паденья,
 Сам — на земле, а взор мой — на луне.**

И дело не только в его характере. Ощущения Рами созвучны космической романтике, которой были охвачены советские люди в 60-е годы. Приветствуя очередную победу нашей страны в освоении космоса, он пишет:

*Летят два батыра! Они вернутся,
 Исполнив Родины приказ.
 Опять порадуют друзей,
 Врагов разгневают опять.*

* Перевод Я. Серпина.

Скажем недругу:
 это наша правда! —
 Солнцем вознеслась в небеса.
 Знай: от солнца укрыться можно,
 Лишь солнце укрыть нельзя!..

В этом небольшом стихотворении, названном «Опять наши!..», отчетливо просматриваются характерные черты того времени: разделение мира на два враждебных друг к другу, непримиримых лагеря, состязание между ними, происходившее не только на земле, но и в космосе... Рами Гарипов оперирует свойственными эпохе понятиями. Главное же — неисчерпаемые возможности человеческого разума. «Наш человек в космосе! — провозгласил на весь мир Левитан» — эхо той оглушительной новости забудется, но достижения научно-технической революции скажутся на поэтическом мышлении, образы станут масштабнее.

Вернемся к стихотворению, давшему название новой книге, и выделим его последние строки:

...Как небо, высока душа народа —
 Хочу я в ней оставить светлый след.*

Оставить след в возвышенной душе народа — вот в чем видит поэт философский смысл понятия полета. Чем больше становится личностей, способных подняться на такую высоту, тем выше дух нации и страны.

Ознакомившись со стихотворением «Полет», перейдем к первой строфе «Трав»:

Рождаюсь я
 И снова умираю,
 И воскресает снова жизнь моя.
 Вселенная!
 Ей нет конца и краю,
 Но лишь одна былинка в мире я.**

Казалось бы, поэт только что парил во Вселенной, стремясь оставить светлый след в душе своего народа, и вот

* Перевод Я. Серпина.

** Перевод Н. Милованова.

он уже превращается в травинку?!. Довольно странная метаморфоза, не так ли? Но когда начинаешь анализировать творчество Рами Гарипова, произведения башкирских поэтов 60–70-х годов, понимаешь, насколько естественна связь личности со всеми этими явлениями. В том, что происходит в огромном пространстве, разделяющем далекий космос и крохотную травинку, человек себя не теряет, напротив, он растет и зреет, обогащаясь новыми свойствами.

В современном ритме поэтическое мышление, система образов, структура произведений не могут не меняться. И к привычной земной жизни, и к стремлению к необъятным просторам космоса поэзия присматривается теперь внимательнее, размышляя о философском смысле их неразрывной связи. Растут духовные запросы личности, уже по-иному оценивающей свои права, возможности и свое место в мире.

Одно из стихотворений Рами Гарипова называется «Жажда», в первых строках которого он говорит: «Многого хочет человек, очень многого! Хотя надо ему так мало...», а сам предъявляет к жизни непомерные требования: «Пусть вся природа мне поклоняется, любит меня, как люблю ее я».

Для поэтов это в порядке вещей: они и раньше разговаривали с миром на таком языке. Вспомним хотя бы претенциозные заявления Шайхзады Бабица: «Моя вера — я сам! И слово мое — Коран!» А вот еще: «Пусть вспыхнет весь мир, как только дуно раз — “уф”, пусть поклоняется мне чудище, аждаха!» И когда Рами Гарипов называет себя кудесником, в чьей руке гаснет и зажигается звезда, он в какой-то степени продолжает его линию. Однако в «звездные» 60-е заявления такого рода не воспринимались как голословные, поскольку попытки выйти за рамки привычных представлений подкреплялись самой жизнью. Мечта человека проникнуть в космос воплотилась в реальность. И эти изменения сказались на психологии человека, на его мышлении.

О том, что идущая от поколения Бабица космическая романтика в эпоху освоения человеком Вселенной нашла отражение в башкирской поэзии и особенно в произве-

дениях Рашита Назарова, я уже писал и привел немало показательных примеров. Так, в одном из своих стихотворений он пишет о человеке, падающем с бешено скачущей лошади. Только у Рашита получается, что не всадник летит кувырком на землю, а Земля сама пролетает над его головой. Каждое из упоминаемых здесь явлений представлено непривычно: не поймешь, где небо, а где земля, горизонт исчезает, дорога от страха мечется туда-сюда, гора (не какой-нибудь холм, а настоящая гора!) прячется в сухостое, поверхность озера дрожит, покрываясь рябью... И вдруг Земля пролетает над головой человека! Словно поэт созерцает происходящее с запредельных высот Вселенной, как будто все движется с напряженной и нарастающей космической скоростью. Сила Человека растет, шире становится размах, меняется его роль. Он уже не только подчиняется, но и подчиняет, превращается в хозяина.

В стихотворении Мустая Карима «Другу», написанном в 1963 году, та же духовная жажда и не всегда легко осуществляемые желания, как обыденные, так и высокие:

*Друг мой, как же ненасытен ты!..
Если труд — то до седьмого пота.
Если спор — то спор до хрипоты,
Если пир — с заката до восхода.*

*Друг мой, сердцем ненасытен ты...
Если звезды — чтобы все на счастье,
Чтоб глотать глазам до темноты
Их без счета — и не насыщаться...**

На совет «Живи, соблюдая меру, мой друг, и, соблюдая меру, трудись» Баязит Бикбай ответил стихотворением «Я не стану меру соблюдать»:

*Если б жил я по меркам,
Если б по меркам писал,
Жизнь для меня была бы
Дешевой безмерно.*

* Перевод Е. Николаевской.

*Безмерно люблю я мир,
Безмерно люблю свой народ.
И жизнь моя — неповторима,
Как золото, безмерна.*

*Не давайте по меркам советы,
Меры не совпадают.
Нет между ними грани,
Сердце меры не знает.*

Поэт сказал, что, уходя из жизни, оставит после себя безмерное количество слов. Но возвратимся на 10–20 лет назад, чтобы еще раз вспомнить, какими были мерки в 40–50-е годы. Когда люди жили, боясь политических обвинений, когда свобода мысли была скована, загнана в тесные колодки, поэзия, как и вся советская литература, вынуждена была существовать, не выходя за рамки дозволенного. А в 60-е годы не только строптивая молодежь, но и бывалые поэты, хлебнувшие на своем веку немало лиха, стали мыслить по-новому. «Оттепель», грандиозные успехи в освоении космоса, более широкий взгляд на прошлое и настоящее, стремление к восстановлению справедливости по отношению к отдельным личностям и целым народам привели к изменениям довлевших над поэзией норм, открыв тем самым путь к свободе слова.

Особенно явственно проявилась перестройка сознания у поэтов старшего поколения. Сайфи Кудаш, Баязит Бикбай, Максуд Сюндюкле, Саях Кулибай, Гайнан Амири предали философию рассуждениям, чего не могли себе позволить прежде. И даже о любви писали теперь смелее и чаще, чем в молодости, предпочитая длинным поэмам лирические стихи. В одном из своих трудов я определил данное явление как «омоложение аксакалов».

Многообразие мыслей и чувств выразилось не только в их произведениях, это стало общей чертой всей поэзии. И большой вклад в укрепление новых качеств, развитие башкирской лирики внес своими сборниками «Песни жаворонка» и «Полет» Рами Гарипов.

* * *

14 июня 1968 года Рами записал в своем дневнике: «...что до меня, то я без ложной скромности могу сказать, что создал лирику». К тому дню мы еще вернемся, а пока я хотел бы заострить внимание на его заявлении о том, что он создал лирику. Несмотря на оговорку — «могу сказать», настораживает его категоричное «без ложной скромности». Звучит не только претенциозно, но даже дерзко! Эта запись сохранилась лишь в дневнике. А если бы она появилась тогда в печати, то непременно нашелся бы кто-нибудь, кто сказал бы ему: «Знай меру!» И был бы по-своему прав. Если Рами утверждал, что создал башкирскую лирику, значит, он считал, что прежде ее не было. Ведь то, что уже существует, не создают.

Это были годы, когда башкирская литература испытывала настоящий подъем, и слова: «Я создал лирику» без колебаний могли бы произнести как Мустай Карим, так и Назар Наджми. А раньше, разве у Бабича, Хая, Малиха Хариса и у остальных поэтов не было лирических стихов?

Разумеется, не один Рами Гарипов создавал башкирскую лирику. А то, что до конца 50 — начала 60-х годов этот вид поэзии был у нас в загоне, — факт бесспорный. Общественно-политическая обстановка в стране, жесткие каноны, господствовавшие в поэзии, сдерживали появление новых лириков, которые могли бы развить заложенные поколением Бабича традиции.

Фронтные стихи и послевоенные произведения Мустая Карима, первые книги Назара Наджми «Капельки», «Волны» выделялись на общем фоне, определяемом риторикой. Они влились в едва не иссякнувшее после Бабича течение, оживили башкирскую лирику. Заметный вклад в развитие этой своеобразной сферы поэзии в начале 60-х внес и Рами Гарипов. Поэзия Мустая Карима, Назара Наджми и Рами Гарипова способствовала тому, что башкирская лирика, состоявшая до них из разрозненных ярких эпизодов-вспышек, сформировалась в сложную многокрасочную систему, сотканную из разнообразных чувств, мелодий и напевов.

Без лирики поэзия не может быть полной. Долгое время башкирская поэзия, с тех пор как в ней образовалась

большая брешь, была ущербной. В 60-е годы пустующая ниша наконец-то стала заполняться. Утверждая так, я, в первую очередь, имею в виду произведения Мустая Карима, Назара Наджми и Рами Гарипова. Это не означает, однако, что завоевание лирикой «полного гражданского права» в башкирской поэзии 60-х годов — исключительная заслуга лишь их троих. Можно назвать целый ряд имен поэтов, писавших в тот период хорошие лирические стихи. Это были, как уже говорилось выше, переживавшие процесс обновления аксакалы, поэты-фронтовики Хаким Гиляжев, Муса Гали, Гилемдар Рамазанов, Шариф Биккул, а также выпустившие свои первые книги Рафаэль Сафин, Марат Каримов, Ангам Атнабаев, Абдулхак Игбаев, уже тогда составлявшие костяк поэзии. Настоящим прорывом в развитии башкирской философской лирики стали неповторимые стихи Рашита Назара, способные даже «высечь огонь ударом льда о лед». Потом в литературу хлынула талантливая молодежь, внесшая неопределимый вклад в дальнейшее развитие лирики. И тем не менее я придерживаюсь мнения, что начало решающему этапу в становлении башкирской лирики как стройной системы с прочной базой, с богатым содержанием и глубиной мысли положили произведения Мустая Карима, Назара Наджми и Рами Гарипова.

Стихами, вошедшими в сборники «Песни жаворонка», «Полет» и вышедшими после них, последний утвердил себя как тонко чувствующий философ-лирик. Главные черты его лирики — мечтательность, задумчивость и искренность. Недаром поэтическое творчество Рами Гарипова напоминает его дневники, с которыми он откровенно делился своими сердечными тайнами. Только в этих поэтических дневниках он не рассказывает о житейских неурядицах, не раскрывает всех деталей интимной жизни. Между тем поэт не считает нужным утаивать правду о самых трудных моментах в своей судьбе:

Отчего же я так одинок,

Одинок, как полная луна?..

Кому ж мне излить нежность свою,

Которой богат я, как весна?..

Иногда ему кажется, что ничего светлого в этом мире у него уже не осталось:

*Душа умерла, иссякла напрочь,
Живые чувства погребены уже.
Ни погожий день, ни тихая ночь
Тайные мысли не поверяют душе...*

Такие тяжелые переживания испытывали, наверное, и другие поэты, но говорить об этом открыто отваживались далеко не все. Ложный оптимизм в поэзии к тому времени был еще не изжит. Не перевелись и желающие обвинить стихотворцев в упадочничестве, в пессимизме.

Однако такие периоды дают поэту встряску, после которой дух его очищается и воспаряет еще выше. Рами Гарипов хорошо это понимал. Он хотел постичь мир во всем его многообразии: в счастье и в горе, солнечным, заснеженным и дождливым, приветливым и мрачным, воодушевляющим и опостылевшим. Любая из этих ипостасей была ему близка. В «Кукушке» все они связаны в один узел:

*Кукушка, кукушка!
Я не обижусь,
Коль нагадаешь мне малый срок.
Уйду я навеки, сполна изведав
Горе земное, счастье, любовь!..*

Поэт назвал это произведение песней. И после того как Роза Сахаутдинова положила «Кукушку» на музыку, она полюбилась народу именно в этом качестве. Несмотря на жанр и небольшой объем, в ней столько философии, столько, по выражению Пушкина, «светлой грусти». Здесь чисто гариповское тонкое восприятие мира.

Есть еще одна, свойственная Рами черта — простота его произведений, умение видеть красоту, находить поэтичность в самых простых и обыденных вещах и явлениях. В отличие от прежних, изредка появлявшихся образцов так называемой пейзажной лирики, природа в стихах Рами Гарипова предстает как один из центральных образов, как единомышленник поэта и задушевный друг. Тому есть

масса примеров. Но чем разбирать их, лучше остановиться на одном стихотворении, чтобы показать, какое место уделялось природе в лирике Рами Гарипова:

*Слипаются глаза,
Закрыв округу,
Сгущается безветренная мгла.
Как будто не давая спать друг другу,
«Тяни-тяни...» — кричат перепела.*

*Трещит костер, дразнящим ароматом
Уха, вскипая, наполняет дол.
Блестит луна над клевером несмятым,
Как над костром подвешенный котел.*

*Безмолвны дали.
Тополя, внимая
Забывшей сказке, смотрят в старину.
Лишь диких уток вспугнутая стая
Порою нарушает тишину.*

*Столетия пролетят, как птицы эти,
Поблекнет сказка.
Только мнится мне,
Что слушать буду и через столетья
Я сказку ту в полночной тишине.**

Я помню, как во время многочисленных встреч с публикой поэт размеренно и спокойно читал это стихотворение, заканчивая его словами: «А я, быть может, так и буду сидеть, пьянея даже от крика коростели». С такой концовкой оно выглядит эффектнее. Однако в книгах Рами Гарипова эти строки мне не удалось обнаружить. Были такие варианты, как «опьяненный волшебным языком», «опьяненный родной стороной», а «пьянея даже от крика коростели» не было.

Рами Гарипов хорошо понимал язык окружавшей его природы и философию всего живого. И себя он ощущал неотъемлемой частью природы. Три года, проведенные на Юрюзани, еще больше сблизили его с родными местами.

* Перевод Я. Серпина.

Пейзажи в его произведениях не были какими-то отдельными эпизодами или чем-то вроде вставок, они подталкивали его к философским размышлениям о смысле бытия, формировали в нем структуру оригинального образного мышления.

Поэт старался, как мог, продлить прекрасные мгновения общения с природой и, желая видеть во всем, что его окружало, лишь красоту, по-своему, по-гариповски, поэтизировал мир:

*Цветам голубоглазым у обрыва
Цвести не срок.
Но, оглядась кругом,
Сорви сережку с ивы — будет ива
Для нас с тобою голубым цветком.**

Поэтизируя окружающий мир, он несколько не идеализирует его. Перед горестями Рами не сгибается и никогда не остается равнодушным к красоте.

Живший и творивший в непростое время, он и сам был сложной натурой. На предательство и несправедливость поэт реагировал очень болезненно. Правдолюбцев никто не жалует. Поэтому пакостили Рами Гарипову немало. И только родная природа всегда была верна ему, именно в ней нашел он самого близкого друга.

Однажды, не зная, кому бы излить душу в момент отчаяния, поэт воскликнул: «Эх, броситься бы на землю и наплакаться вдоволь». В самое трудное время он тянулся к родной земле, в ней находил силу и опору, отчего вправде был сказать: «До чего бы я ни дотронулся, на что бы я ни взглянул, — все открывает мне свою тайну, все поет, разговаривает со мной». Он говорил: «В каждом дереве сижу я сам, подобно ясновидящему старцу» и жил, ощущая себя духом — хозяином земли. Рами писал, что, распрощавшись с белым светом, он будет лежать, «держа в руках корни вечнозеленой высокой сосны».

Стихи о природе традиционно определяли как пейзажную лирику. Обычно так называли этюды, которые имели

* Перевод Я. Серпина.

с душой человека мало общего. Стихи Рами Гарипова резко отличались от таких этюдов: природа в них представлена в неразрывном единстве с человеком. Рядом с ивой поэт и сам становился ивой, рядом с птенцом превращался в птенца, радовался счастьем и всей душой сочувствовал несчастью других. Он восхищался излучаемой глазами человека и цветком душевностью, искренностью и поклонялся красоте. Важно также и то, что явления природы Рами Гарипов умел соотносить с судьбой своего народа. Этим духом насквозь проникнуто, например, стихотворение «Уральский лес», посвященное известному нашему художнику Ахмату Лутфуллину. Каждый уголок уральского леса мог бы поведать множество разных историй. Обозревая природу, ты знакомишься с родословной своей страны, ибо «На древе Жизни есть все: одно поколение рождает другое», «Достоинство ветви умирают, поколениям новым солнечный свет открывая».

«Нет зла никому от меня, ведь я всего лишь подснежник», — писал Рами. В его лирике колыхание на ветру трепетного подснежника и пение жаворонка, шелест сухой листвы, раздающийся, когда пробивается к свету молодая трава, соловьиный рассвет, тайны уральских лесов — все это вместе взятое становится живой, одухотворенной частью человеческой жизни, неразделимо переплетается с судьбой народа.

Стихи Рами Гарипова оказали большое влияние на развитие философской лирики в башкирской поэзии. Этому вопросу можно было бы посвятить целое исследование с привлечением массы примеров. Особенно ярко самобытность поэта проявилась в его любовной лирике. «Любовь — это великий подвиг, а подвиг не каждому по плечу», — заметил Рами. «Не для меня была ты рождена, но этот мир ты сделала моим», — сказал поэт в другом своем стихотворении. Даже самые печальные моменты и муки любви он старался воспринимать как подарок судьбы, как счастье.

Такие поэты, как Рами Гарипов, умеющие показать величие любви, ее притягательность, чарующую мелодию и радующее взор многоцветье, встречаются крайне редко. Каждая красавица заставляет его вздрагивать, зажигает

в сердце огонь. «Бывает, встретишь девушку такую, что только ахнешь восхищенно ты!» — признается поэт. Подобные строки как раз и рождаются в момент потрясения, оставляющего в душе неизгладимый след.

*Когда-то ангелом была ты
И мне, как богу, поклоняюсь.
Голубыми были наши мечты...
Все розовым казалось.
И вот на землю спустились.
Мы встретились, когда газелью
По горам высоким бродила ты.
А теперь я — волк матерый.
Умом и сердцем в битвах закаленный.
Спустился ниже. Вот так встреча —
Я превращаюсь в аждаху-дракона,
А ты — в козу, что посреди дороги
Стоит, жует себе невозмутимо.*

Прямодушный и острый на язык, он высказал правду, глядя возлюбленной прямо в глаза, не собираясь склеивать то, что разбилось. Рами становился порою, наверное, излишне резок, говорил обидные слова. В одном из своих стихотворений поэт заявляет: «Я предал верность, но верна моя измена», однако в любви даже малейшая лож наносила ему глубокую, годами не заживающую рану, и предательство он никогда не прощал. Рами не шел против себя, любовь всегда оставалась для него святой, в жизни не видел он смысла без любви:

*Жизнь без надежды и любви
Лишается всякого смысла:
Очнувшись от грез, глаза открываю —
Точно вернулся в свою темницу.*

Эти образы рождены в момент осознания потери надежды и любви.

Рами Гарипов всю жизнь тянулся к людям, нуждался в общении, дружбе. Поэтому в стихах его часто говорится о письмах:

*Ждал хоть маленького письмеца,
Но не дождался, дорогая.
Нет, не держу я зла на тебя,
И не в обиде душа моя.*

Любовная лирика поэта вобрала в себя его сердечные муки, сердечные клятвы, самые сокровенные тайны.

Несмотря на всевозможные препоны, основная часть того, что создано упорным трудом за три года пребывания на малой родине, дошла до читателя с «Песнями жаворонка» и с «Полетом». Взятый Гариповым темп сохранялся и по возвращении в Уфу. Однако год на год не приходится. Не только в природе, но и в творчестве. В отличие от благословенных 1963–1964 годов, 1965-й проходил у Рами довольно вяло. Зато 1966 год оказался самым продуктивным. Да и последующие годы были успешными.

В 1964 году Рами Гарипов, специализировавшийся на стихах, написал свою первую поэму. Вначале он назвал ее «1937», потом переименовал в «Поклонение» (1937). Такого уточнения и дополнения требовали содержание произведения и сама постановка проблемы.

Черным смерчем пронесся по стране 1937 год, погубив огромное количество выдающихся личностей всех национальностей, включая лучших представителей башкирского народа. Истребляли не только государственных деятелей, но и цвет интеллигенции — интеллектуальную элиту государства. Но в конце концов настал момент, когда история страны, совершавшей победоносное шествие, предстала с изнанки, в самом неприглядном виде. С разоблачением культа Сталина повсеместно сносились каменные его изваяния, стали появляться статьи, стихи и даже крупные прозаические произведения, в которых шла речь о репрессиях 30-х годов. Холодная черная тень тех лет промелькнула и в поэме Александра Твардовского «За далью — даль». Только в башкирской литературе, ни в конце 50-х годов, ни позже, не было сколько-нибудь заметных произведений на эту тему. Первым решился на смелый шаг Рами Гарипов, посчитавший долгом сказать свое слово, поведать потомкам о том трагическом времени и о его уроках.

Как оказалось, задумал он это, когда еще начал работать в малоязовской районной газете. Вот как завершает поэт дневниковую запись от 10 ноября 1961 года:

«Если хорошенько вдуматься, дни наши пришлись на очень трудное время. С одной стороны — героика, с другой — трагедия (история и истерия!). Дай мне руку, история!..

*Береги как зеницу ока, поэт,
Правду истории в песне своей.
Ведь историю эту народ твой создал,
Мечтавший о справедливости!*

*Свободу, что слезами завоевана и кровью,
Не надо на откуп сплетням отдавать.
Все равно красивым тебе не быть,
Коль не будешь красоты народа замечать.*

*К настоящей правде путь лишь один,
И это — близкое будущее.
Будешь носить его в сердце своем,
Только оно даст плоды.*

*Лишь это песням души твоей
Сохранит настоящую жизнь.
Не поклоняйся ты всяким отцам,
Когда у тебя есть мать — земля твоя!..*

В этих строках просматриваются наметки идей, которые получают развитие в поэме «Поклонение». Для поэта самое главное — разобраться в истории, извлечь из нее нужные уроки.

В произведениях братских национальных литератур о политическом терроре главенствовала тема разоблачения культа личности и тоталитарного режима, преобладал критический настрой. Но обходилось и без проклятий. Что касается «Поклонения», то здесь мы видим, что его автор выбрал иной путь. Уже в самом начале он задается вопросами:

*Год тысяча девятьсот тридцать седьмой!
Время просит правду ему сказать:
Те тысяча девятьсот тридцать семь дубин
Наследство года семнадцатого?*

*Подобно волшебному кураю из сказки,
Скажи, кто кровавый сей пир затеял?
Если медом один конец обмазан,
То почему другой окровавлен?..*

Поэт пытается понять причины этой резни, выявить корни трагедии. Задача литературы, скорее, не в том, чтобы давать ответы, а ставить ребром вопросы, которые бы заставили людей задуматься о том, что происходит в нашей жизни. Почему у нас в стране столкнулись трагедия и торжество? Неужто все эти жертвы были принесены во имя великих побед?

*С одной стороны, в тридцать седьмом
До полюса наш человек долетел;
С другой стороны, в том же тридцать седьмом,
В неизвестные дали, куда и птицы не долетали,
Навечно спроваживали лучших людей...*

Отчего в одно и то же время создаются «Тихие Доны» и уничтожаются «Глубокие корни»?

Поэт рассуждает не только о черных сторонах, он потрясен тем, что в стране, достижениями которой восхищается весь мир, были возможны столь кровавые события. Они разрушили также мир его детства, коснувшись, таким образом, и его личной судьбы. Из рук мальчонки вырывают книги Бабича, Юлтыя, Хадии и сжигают их на кострах, как средневековые инквизиторы. И это горе не одного-единственного ребенка, а духовная трагедия целой нации, жестокий насильственный разрыв живой связи ее исторического развития, коварное оболванивание людей, особенно новых поколений, превращение их в манкуртов. Что привело к возникновению такой ситуации, «почему стране моей не хватило тогда прозорливости, чтобы узнать правду?» Почему? По какой причине? Такие вот вопросы, один за другим, ставит поэт в первой половине поэмы перед собой, перед читателем и перед историей. А найти ответ на них, ох, как не просто.

Поэма состоит из семи небольших частей. Начало пятой части гласит:

*Такие уж были времена, говорят...
А где ж совесть была человеческая?
Многие, совесть свою продав,
Как щитом, эпохой той прикрываются.*

Пусть даже на многие поставленные в поэме вопросы ответа нет, в данной строфе высказана очень важная мысль, которая могла бы помочь понять причины событий, происходивших в 1937 году. Порабощение личности, превращение человека в беспрекословного исполнителя, а страны — в мир тотальной подозрительности, натравливание людей друг на друга, торговля совестью — вот какими методами действовали головорезы 37-го года — года страха и беззакония. Если в 1917-м многие прятались, как совы, от света, то в 1937-м, продавая других, как лисы, они старались замести следы, мало того, вершили свои темные делишки, ссылаясь на время, «прикрываясь им, как щитом».

Поэт не жаждет мести, однако тех, кто является не топором, а топорищем («Кто ж не знает, что лес рубит не столько топор, сколь топорище?»), он клеймит едкими словами, которые уже сами по себе звучат как пожизненный приговор.

«Пусть даже проживет семь жизней он, но помнит обо всем!» — говоря так, Рами выдвигает на первый план проблему исторической памяти страны, подчеркивает, что нам следует извлечь уроки из тех исторических событий. И во второй части поэмы автор сосредоточил на этой проблеме основное свое внимание. Как раз с этим связано его решение внести в название дополнение. Ибо, если происходившие в стране в 1937 году кровавые события стали историческим фактом и рассматриваются как явление временное, то слепое поклонение, как страшная хроническая болезнь, не преходяще.

Напоминание о вопросах, поставленных в первой части поэмы, призывы не забывать уроки истории органично встраиваются в повествование:

*О варварстве том не забудет история,
Потомки далекие пусть помнят.
И если бог такой объявится вновь,
Пушкой с земли его сразу прогонят!*

Предупреждение, сделанное Рами Гариповым еще в начале 60-х о том, чем чревато слепое поклонение, превращение простого смертного в божество, было весьма своевременным, ибо уже в 70-е годы лизоблюдство, пустословие и ложь породили в стране нового «пророка». Ближайшее окружение намеренно лепило из него великую личность, которую возвело на пьедестал. Стало культивироваться еще не забытое идолопоклонство, сознание людей снова затуманивалось, творческое начало всячески подавлялось, народ вновь оказался втянутым в трудное положение. «Пусть поклоняется лишь человеку человек» — эти святые, вовремя высказанные пожелания поэта не смогли, к сожалению, дойти до читателей.

Из воспоминаний Рамаля Гарипова:

«Отец. По рассказам односельчан, он был приятным, доброжелательным, немногословным, работающим человеком. Больше всего он ненавидел ложь, лень, безделье. Даже самые вредные, злющие тетки робели перед ним и замолкали. Когда односельчане представляли нас людям, с которыми мы не были знакомы: “Это сыновья Ягафара!”, взгляд у них сразу теплел. Мы помним, как ласково они нам улыбались. Отец был членом партии. Среди его книг мы нашли “Малую Советскую энциклопедию” и “Историю ВКП(б)”. Там были вырваны страницы, на некоторых портретах выколоты глаза, а какие-то рисунки замазаны. Об этом Рами с горечью пишет в своей поэме “Поклонение”. Я думаю, что могу записать в число первых слушателей этой поэмы и себя. В один из дней 1964 года, когда мы хорошо сидели у нас дома, брат попросил мою тещу спеть. У жены и магнитофон был наготове. В тот вечер прозвучали “Родной язык” Тукая и “Родной язык” Рами. Тогда же он прочитал поэму “Поклонение”, пояснив вначале: “Это еще нигде не печаталось и, может быть, не будет напечатано”. Вот так у нас сохранился голос брата. Пусть уж радиослушатели простят за неважное качество записи, там есть помехи. Но Фаарида старалась, как могла. Если бы записа-

ли в радиокомитете, получилось бы, конечно, лучше... Да вот только так называемые “друзья” брата, оказывается, уничтожали даже те записи, которые уже были. В свое время голос Рами звучал иногда в эфире. И на голубом экране он появлялся. Но ничего не сохранилось».

Тысячу раз спасибо брату поэта Равилю и жене его Фариде за то, что они записали голос Рами Гарипова. К сожалению, обоих уже нет на белом свете. Пусть их души обитают в раю. Тем, что у нас сохранилась такая ценная реликвия, мы обязаны исключительно их стараниям. Башкирское радио повторяло эту запись не раз. Мне выпала честь подготовить первую передачу и вступление к поэме «Поклонение» в исполнении Рами Гарипова.

Вот еще на что хотелось бы обратить внимание. Несмотря на запреты, Рами Гарипов читал свою злополучную поэму на поэтических вечерах. И пусть в печать это произведение не попало, литературная общественность и многие читатели были с ней отчасти знакомы. Молва о поэме широко распространилась в народе. Когда она была закончена, я удостоился чести стать одним из ее первых слушателей.

Лишь в 1987 году, через двадцать с лишним лет после написания, поэма «Поклонение» была опубликована в журнале «Агидель» с моим вступительным словом, а до этого — в газете «Ленинец». Судьба ее схожа с судьбой поэмы Александра Твардовского «По праву памяти», которая была написана в 60-е годы, а напечатана лишь во второй половине 80-х годов.

Не иметь возможности донести до современников выстраданное тобой, самые важные свои мысли и пожелания — что может быть для поэта горше и тяжелее этого? Рами Гарипову пришлось испытать такое неоднократно, но при этом он ни разу не изменил себе и выбранному им пути.

«Нет, не встану я на колени перед ложью», — заявил тридцатилетний Рами. Только очень сильным личностям удается остаться верными таким словам. До последнего вздоха следовал он этим принципам. Поэт хорошо знал, что полуправда страшнее лжи. После XX съезда справедливость, казалось бы, восторжествовала, но правда

выдавалась народу лишь в минимально допустимых дозах. Стоило только появиться какому-нибудь произведению, объективно освещавшему ход исторического развития и негативные стороны нашей действительности, как его автору тут же начинали чинить препятствия. Основная же масса писателей и поэтов была вынуждена жить и творить, приспособливаясь к полуправде. Рами Гарипов предпочитал не размениваться, как другие, и держался особняком. Будучи сильной личностью, он всегда оставался верным принципу «Мне есть что сказать» и смело высказывал свое «заветное слово».

ЗАВЕТ И НАВЕТ

После трех лет, проведенных в родном районе, около пяти лет Рами проработал в газете «Совет Башкортостаны». По воспоминаниям коллег, он был очень трудолюбив, любое дело старался доводить до конца, в редакции нередко засиживался допоздна, уткнувшись в материалы.

Люди проявляют себя на работе по-разному. Некоторые вроде бы не выходят из-за стола, но не могут выдать за целый день ни строчки. Перебирая бумаги и разговаривая без конца по телефону, они изо всех сил пытаются создать впечатление, будто у них очень много работы, а между тем и за неделю не выполняют столько, сколько иные способны сделать всего лишь за полдня и при этом умудряются подготовить отличный материал.

К числу последних принадлежал и Рами. У него были свои приемы работы, и они не вписывались в рамки общепринятых. Берясь за работу, он не спешил, стараясь выполнять ее тщательно и качественно. О чем бы ни писал и не говорил Рами Гарипов, у него обо всем было собственное мнение и он умел его убедительно аргументировать. Рами привык работать ночами. И когда он являлся на работу, пропустив начало рабочего дня, или уходил пораньше, то навлекал на себя нарекания как нарушитель трудовой дисциплины.

Главный редактор и некоторые члены редколлегии газеты «Совет Башкортостаны», давно недолюбливавшие

поэта, решили вынести вопрос о его поведении на обсуждение, которое состоялось в конце марта 1967 года. Рами Гарипов раздражал руководителей не только своим пренебрежением к внутреннему распорядку, но и тем, что был намного образованнее, умнее некоторых из них, держался независимо и умел обоснованно защищать и отстаивать свою позицию.

Рашит Султангареев вспоминает: «Редактор попросил поэта посидеть в приемной, а сам совещается в кабинете. Через некоторое время вызывают Рами и допрашивают: почему в такой-то день опоздал на работу, почему в такой-то день рано ушел? Закончив допрос, велят ему выйти и подождать, а сами снова совещаются. Потом опять вызывают, короче, измываются, стараются унижить поэта, сломить его гордыню. Три раза вызывали, а в четвертый он сам зашел. Заходит и обращается к сидящим в кабинете “аксакалам”: “Вы — комедианты! Третье действие комедии закончилось!” и, обругав их самих, уходит. С работы, естественно, тоже».

Вот так завершился большой этап работы Рами Гарипова в башкирской журналистике.

В известной мере, его начальник был прав. Требовать от каждого сотрудника неукоснительного соблюдения дисциплины входило в его обязанности. Однако выпуск газеты, хоть и представляет собой непрерывный процесс, — не заводской конвейер. Кроме исполнительности, здесь необходим еще и творческий подход. Коллектив газеты должен объединять людей мыслящих, творческих, а таких невозможно постоянно держать в «ежовых рукавицах». Умный и дальновидный руководитель обязан быть не только требовательным, но и проявлять заботу о своих подчиненных, защищать их права и интересы. Таких, разумеется, мало, но они, все же, бывают.

Есть примеры, когда благодаря участливому отношению некоторых редакторов к поэтам рождались великие произведения. Один из них — случай, произошедший с Сергеем Есениным. В 1924 году он оказался в тяжелом положении. Узнав об этом, редактор газеты «Бакинский рабочий» Петр Чагин пригласил его в Баку и устроил в живописном пригородном местечке. Именно

там вдохновленный южной природой поэт создал свои знаменитые «Персидские мотивы».

Скажут: такое уж было время, мол, о том, чтобы не подчиняться строгой трудовой дисциплине в 60–70-е годы, не могло быть даже и речи. А вот Рами Гарипов считал, что это всего лишь отговорки, один их простейших способов оправдания тех или иных поступков. «Такие уж были времена, говорят... А где ж совесть была человеческая?» — вопрошал он. Когда поэта отвергли редакции, среди руководителей нашлись и такие, кто встал на его защиту.

Его коллега и приятель Ангам Атнабаев почти всю жизнь проработал в журналистике, сначала — в газете «Кызыл тан», потом — в сатирическом журнале «Хэнэк» («Вилы»). Он тоже был весьма своеобразной личностью, приказам не подчинялся, жил сам по себе. Невозможно себе представить, чтобы Ангам-агай аккуратно являлся в редакцию к девяти утра и исправно работал весь день за своим столом до шести вечера. Однако независимый нрав и стиль поведения Атнабаева несколько не умаляли значение его поэтического дара и журналистского таланта. Одно его выступление в печати оказывалось эффективнее работы целого отдела в течение месяца. Руководство газеты и журнала, где он работал, ценили поэта и создавали ему, как творческому человеку, благоприятные условия.

После ухода из редакции «Совет Башкортостаны» Рами недолго проходил в «вольных поэтах», ибо редко кому из башкирских писателей удавалось обходиться без работы, жить, рассчитывая лишь на случайные гонорары. Большинству приходилось совмещать творчество со службой. И вот в конце 1967 года судьба снова свела Рами Гарипова с печатью.

Это был год, когда после многократных ходатайств московские чиновники дали добро на создание в Башкортостане журнала для женщин. В 20-е годы в республике выходил журнал «Азат хатын» («Свободная женщина»), но век его был короток. И только в 1967 году взялись за создание специального журнала для женщин всерьез. Главным его редактором была назначена Катиба Киньябулатова. Обязанности ответственного секретаря возложили

на Рами Гарипова. Стартовавший под руководством поэтессы и поэта печатный орган сразу же задал его работе хорошее творческое направление, дав дополнительные возможности для развития башкирской литературы. Появилось еще одно поле для творческой деятельности. Сейчас, когда в республике такое обилие периодики на башкирском языке, современным читателям, очевидно, трудно по достоинству оценить значение события, которое в то время воспринималось как историческое.

Для нового издания было выбрано прекрасное название — «Башкортостан кызы» («Дочь Башкортостана»), после чего приступили к подбору способных кадров, занялись поисками постоянных авторов. Стремясь привлечь к журналу как можно больше читателей, Рами Гарипов не жалел ни сил, ни времени, добиваясь, чтобы каждый его номер был читабельным, отвечал запросам и интересам народа. Многие удивлялись, видя, как он выкладывается. Увлеченный подготовкой очередного номера, Рами очень часто оставался в редакции и после окончания рабочего дня. В его кабинет то и дело заходили люди, особенно молодые авторы. И вскоре его рабочее место превратилось в популярный творческий центр.

Редакция журнала располагалась в полуподвальном помещении одного из домов на проспекте Октября вдали от других редакций и фактически на отшибе. Несмотря на это, здесь всегда было много посетителей — не только жителей столицы, но и авторов из районов. Душа Рами Гарипова тоже всегда была открыта для людей.

Хорошее начало имело и успешное продолжение. Число подписчиков, любителей «Башкортостан кызы», как в самой республике, так и в соседних областях, из года в год неуклонно росло. По тиражу журнал вышел уже на передовые позиции.

Общавшиеся с Рами Гариповым должны помнить висевшую в его комнате карту Башкортостана, на которой были помечены места, где ему доводилось бывать. По ней видно, какую беспокойную жизнь вел поэт, каким неутомным он был. Сколько же районов и деревень охвачено им, сколько линий сошлось в Уфе.

Точно так же, как эти линии, сходились к нему пути-дороги самых разных людей. И особенно много народу перебивало у Рами, когда он работал в женском журнале.

Поэт любил путешествовать. Именно на тот период — на солнечную осень 1968 года — пришлась наша с ним поездка на мою родину — в Туксоран. За десять дней мы с Рами-агаем посетили до тридцати аулов Оренбургской области, проехав по дорогам, хранившим следы Даута Юлтыя, Мухаметши Бурангула, Сагита Агиша, Габдуллы Амантая и других выдающихся представителей башкирского народа. После нашего вояжа за счет жителей этих мест значительно возросло число подписчиков журнала «Башкортостан кызы».

Вместе с Рами Гариповым я как бы заново открыл для себя свой родной край, ближе узнал и понял его. Действительно, рядом с ним многое виделось по-новому. Иными предстали передо мной, раскрылись полнее и люди, и природа.

Такое происходило со мной в присутствии Рами Гарипова не раз — когда мы с ним поднимались на Уральские горы еще в самом начале строительства железной дороги Белорецк—Чишмы, когда ездили в Учалы и Ишимбай, в Федоровский и Илишевский районы. То же самое испытывал я, находясь вместе с ним в Москве.

После поездки в 1968 году в Оренбург я написал стихотворение, посвятив его своему спутнику Рами Гарипову:

*На этот свет явились мы
Не баловнями судьбы:
В тебе — Салавата раны,
Во мне — страдания Кинзи.*

*...Оплакиваем даже тех,
Кто жил задолго до нас.
Мы жили не в объятиях наших жен,
В объятиях народа жили мы...*

Чтобы обозначить места, где побывал поэт, карты Башкортостана будет мало. Маршруты его пролегли и дальше — в Челябинскую и Самарскую области. И отовсюду он привозил новые стихи. Частые поездки Рами Гарипова,

общение его с народом и авторитет способствовали в немалой степени росту популярности журнала «Башкортостан кызы», широкому его распространению не только в самой республике, но и за ее пределами.

В свою очередь сам журнал оказал благотворное влияние на творчество нового поколения писателей, особенно молодых поэтесс. Первый же его номер (№ 1, 1968) вышел с рубрикой «Девичьи голоса», где под заголовком «Пока я только в солнце влюблена» были напечатаны стихи Анисы Тагировой, Танхылу Карамышевой, Рамзили Хисаметдиновой, Гульфийи Юнусовой, Миннисы Юлдашбаевой, Фирдаус Галиевой, Зили Кусярбаевой. Публикацию этой подборки стихов, что было для того времени беспрецедентным явлением, организовал Рами Гарипов. Журнал продолжал радовать читателей материалами такого рода и в дальнейшем.

Уже в первых опытах некоторых авторов зоркий взгляд и интуиция поэта улавливали наличие таланта, угадывали блестящие перспективы. И молодые поэтессы, заявившие о себе уже в первом номере, не изменили своему увлечению: кому-то из них удалось достичь больших высот в поэзии, другие тоже, так или иначе, посвятили себя литературному творчеству. И в том, что поэтессы и писательницы заняли в современной башкирской литературе значительное место, есть несомненная заслуга журнала «Башкортостан кызы». Скольким молодым талантам открыли дорогу в широкий мир Катиба Киньябулатова и Рами Гарипов в особенности.

В конце 60-х годов вышла в свет серия сборников избранных произведений башкирских поэтов. В суперобложке с портретом автора, в хорошем оформлении и одинакового формата, такие книги у нас никогда еще не издавались. Сколько же радостных эмоций должны были вызвать они у Мусы Гали, Катибы Киньябулатовой, Гилемдара Рамазанова, Абдулхака Игебаева, Ангама Атнабаева и других поэтов, чьи сборники были включены в эту серию, пользовавшуюся у читателей большой популярностью.

Подготовил для нее свою новую книгу и Рами Гарипов. Из дневника поэта: «1968 год, 14 июня. Отнес в издательство

235 стихов. Если бы нашелся хоть один человек, способный понять и оценить пусть даже 35 из них — как счастлив был бы я тогда...»

Каким же одиноким должен был чувствовать себя поэт, полагавший, что в издательстве нет никого, кто бы мог его понять. Однако, вопреки его мнению, отношение здесь к нему было не таким уж и отрицательным. Претендуя иной раз на невозможное, Рами видел все в мрачном свете.

Для всех сборников этой серии был заранее установлен средний объем. И редактор книги поэт Галим Давлетов, даже при всем желании, не смог бы его увеличить, сделав для Рами Гарипова исключение. В небольшой томик избранных были включены до ста стихов, около двадцати из них в прежних сборниках Рами не печатались. Если бы все представленные им двести тридцать пять стихов вышли враз, для литературы это стало бы целым событием, которое лишний раз подтвердило бы, что Рами Гарипов представляет собой одно из самых ярких явлений башкирской поэзии. Но, увы, даже святыя мечты оказываются порой несбыточными, и самые благие порывы натываются на препятствия. А уж что касается Рами Гарипова, то в его жизни и творчестве нереализованного было особенно много.

Как бы то ни было, его книга с многозначительным названием «Аманат» в 1969 году увидела свет, заняв достойное место не только в этой серии, но и во всей поэзии. На первой странице «Аманата», как и в «Каменном цветке», было помещено стихотворение «Родной язык». К моменту выхода нового сборника оно уже успело завоевать популярность в народе. Данной книгой поэт как бы подытожил свои искания и успехи тех лет. Пусть и невелика по объему, но она представляла собой сборник избранных стихотворений, отличавшийся, помимо прочего, и неким композиционным своеобразием: начинаясь со стихотворения «Родной язык», книга завершается кубаирами «Думы мои» и «Аманат». Последний посвящен выдающемуся ученому-языковеду, полиглоту, писателю и мастеру жанра кубаира Джалилю Киекбаеву: «Горсть родной земли от меня на могилу Джалиль-агаю Киекбаеву». Данный факт заставляет задуматься о многом.

Кубаир «Аманат» поэт создавал на протяжении десяти лет, с 1959 по 1969 год. Стало быть, он неоднократно к нему возвращался. В этом произведении сосредоточены все его тревоги и переживания за судьбу родного языка. Столько лет он носил все это в своей душе, и каждое слово в стихотворении прочувствовано им. Оттого оно и совершенно, точно отлито.

Судьбу родного языка поэт связывает с судьбой родины, со свободой народа, с четырьмя стихиями — элементами, составляющими основу жизни человека: землей, небом, огнем и водой. Свои тревожные мысли по этому поводу он стремится передать другим. Именно поэтому Рами и выбрал жанр кубаира, который ораном-кличем звучат из уст бдительных эсэнгов с незапамятных времен в лихолетья, когда на родную землю обрушивались несметные полчища захватчиков, неся народу ужасы войны и бесчисленные беды. Главная его цель — разбудить, растормошить беспечных соплеменников, безразличных к судьбе языка, призвать их ценить и беречь его.

*Не стань же камнем, коль тебе дано
Быть верным стражем языка, иначе
Ты на земле не можешь много значить
Подобно пню, засохшему давно!..**

Вот как звучала последняя строфа в самом полном варианте сборника, вышедшего при жизни поэта:

*Язык и слово дедов и отцов —
Вот мой завет тебе,
Вот мой завет тебе.
Если будешь завету верен,
Доброго пути тебе,
Доброго пути тебе!..*

Эти благие пожелания поэта, в которых мы слышим завет потомкам, заставляют не только задуматься о печальной судьбе языков народов нашей страны, но и повергают

* Перевод Д. Даминова.

в тревогу. Прозвучавшие в кубаире предостережения воспринимались современниками как призыв быть настороже.

Произнося свои аманаты-заветы, поэт волновался за судьбу Отчизны и языка, а за бдительность и мужество его старались всячески опорочить. Но Рами не предал то, во что так свято верил, не устрасился угроз и злобных наветов. Патриотизм, народность, которые были присущи прежним его стихам, получили развитие и в новой книге в таких произведениях, как «Опасение», «Башкортостан», «На берегах Иргиза», «Думы мои», «Аманат» и др. А сколько стихов и поэм, пронизанных такими же мыслями и переживаниями, в эту книгу не вошли.

Написанный в 1966 году кубаир «Думы мои» тоже заканчивается тревожными думами-наставлениями:

*Коль в руках мужчины Родины судьба,
Пусть думает о завтрашнем дне,
Пусть не будет беспечен он...*

.....
*Оглядываю, обзираю
Реки, просторы Урала,
Реки, просторы Урала,
Хоть в ночь-полночь,
О чем бы ни думал я, —
О тебе мои думы, Родина,
О завтрашнем дне твоим!..*

И по содержанию, и по форме эти произведения резко отличались от большинства стихов башкирской поэзии 60-х годов. Ибо поднятые в кубаирах проблемы, касавшиеся судьбы нации и родного языка, волновали многих поэтов не настолько, чтобы лишиться из-за этого сна. По части образности в лирике в тот период были достигнуты немалые успехи, а вот боли за судьбу народа чувствовалось гораздо меньше. Тем не менее день ото дня проникновенные слова на эту тему раздавались все чаще. И самыми смелыми, эффектными и доходчивыми были высказывания Рами Гарипова.

Было приведено уже достаточно много примеров, чтобы читатель мог убедиться в том, что думы о судьбе нации занимали в творчестве поэта центральное место.

И это взятое им направление развивалось по нарастающей из книги в книгу. Какой широкой панорамой начиналось созданное в конце 50-х годов стихотворение «Сердце Урала», названное им самим легендой:

*Родная земля – будто сердце
Под вздыбленной грудью Урала.
Отсюда, как кровь по венам,
Бежит Агидель голубая.*

Кажется, в каждом камне Урала поэт читает его кровавую и славную историю, а в серебристых метелках степного ковыля ему видятся поседевшие волосы батыров, сложивших головы, защищая родную землю. Однако в его стихах не только стенания. В них предстает гордый образ Башкортостана и многострадального башкирского народа, сумевших выстоять и сохраниться, несмотря на бесчисленные, невозможные потери и вопреки злобным пророчествам, что якобы: «...недалек тот день, когда сыграет над могилою последнего башкира зауспокойную последний кураист!..» Вызвать жалость к народу, заставить лить слезы по поводу принесенных им жертв для поэта не самоцель, самое важное для него — попытка понять его историческую судьбу, показать его сильную волю и жизненный потенциал.

После пяти лет работы в газете «Совет Башкортостаны» еще пять лет своей жизни Рами посвятил журналу «Башкортостан кызы». Напряженная журналистская деятельность отнимала у него много времени и сил, и все же, 1962–1972 годы для Рами Гарипова, как для поэта, были очень продуктивными. Его творчество заметно выросло как в качественном, так и в количественном отношении. В тот период им было создано свыше пятисот произведений, не считая переводов, докладов, статей и прочих публикаций. Просто диву даешься плодовитости поэта. Какой неоценимый вклад внес он в нашу литературу, какое богатое наследие оставил. Это было поистине золотое десятилетие в творчестве Рами Гарипова.

Поэзия каждого народа проникнута заботой о его судьбе, но проявляется это у всех по-разному. Если мы проследим нашу историю на протяжении XVII–XX веков, то

увидим, что самой притесняемой нацией Российской империи был башкирский народ. Он больше остальных пострадал от колонизаторской политики и дольше всех сопротивлялся ей, боролся за свою независимость, поднимая восстание за восстанием. Эта упорнейшая, отчаянная борьба велась ценою неисчислимых потерь. Башкиры всегда обожевляли родную землю. Любовь к родине была у них в крови, беззаветная верность, готовность идти ради нее на любые жертвы — все эти передаваемые из поколения в поколение священные понятия закладывались в их сознание с колыбели и до самой могилы оставались неизменными. Издревле впитавшиеся в национальное сознание и в историческую память башкирского народа чувство родины, тревожные раздумья о судьбе народа присущи и нашей поэзии, являясь одной из отличительных ее черт.

По своей поэтической природе Раши Гарипов — задумчивый лирик с философским взглядом на мир. И поэтому неудивительно, что уже с самого начала эти мотивы заняли самое важное место в его поэзии и в дальнейшем все более усиливались. Превращение в 60-е годы понятия дружбы народов как духовного богатства нашей страны в голословный лозунг и в фальшивое знамя для прикрытия коварных замыслов удушения наций породило в поэзии обратную реакцию, пробудив и укрепив национальное самосознание. Многие башкирские поэты, особенно Раши Гарипов, крайне тяжело переживали любую несправедливость по отношению к своей нации.

В школьные и студенческие годы Раши мечтал написать поэму о Салавате, но так и не смог осуществить это намерение. А в 1971—1972 годах он написал стихотворение «Салават-батыр». Тогда же вдохновился идеей создания крупного произведения о Батырше и даже побывал в той проклятой каменной крепости, где оборвалась жизнь батыра. Однако из задуманной им многоплановой поэмы «Батырша» поэт успел написать лишь часть под названием «Шлиссельбургский узник» (монолог Батырши).

В начальных строках монолога предводитель восстания предстает перед глазами читателя подобным орлу со сломанным крылом: «Я пленник Батырша — батыр башкирский, — сию за решеткой, потерянный», «на руках — кандалы,

на ногах — кандалы», «остров — могила моя, зиндан из камня — саван мой». Но даже в этом небольшом монологе шлиссельбургский узник показан сильным, не теряющим присутствия духа, надеющимся на справедливость и ищущим способы борьбы, меры по удовлетворению законных требований его народа. Последние его слова полны ярости: «Эй, там, откликнись кто-нибудь! Письмо царю отправить должен я. Перо и лист бумаги белой дайте мне!»

Размышляя о судьбе своего народа, о его прошлом и настоящем, Рами Гарипов не приемлет пустословия и не бьет себя в грудь. Самое ценное для него — вечность жизни, преемственность поколений, рост и укрепление духа народа, его национального самосознания. Оттого и традиционные образы он раскрывает по-новому.

Кто знает, каким был бы Рами, родился он в иную эпоху и на другой земле. Если бы поэт не терзался мыслями о народе, о родимом крае, о родном языке, то, возможно, в его лирике было бы больше глубоких философских раздумий о таких вечных понятиях, как смысл бытия, жизнь и смерть, правда и ложь, верность и измена, любовь и ненависть. Но он неотделим от родной земли, от времени, в котором жил.

Судьба народа, история страны — это не прекращающийся, постоянно развивающийся процесс. Даже в самые сложные времена жизнь не останавливает свой ход, в ней то и дело происходят какие-то изменения, рождается что-то новое. Поэзия Рами Гарипова очень созвучна этой диалектике бытия. И с какой бы горечью ни думал он о прошлом, стихи его все равно устремлены в будущее. Поэт гордился славной историей своего народа и сквозь опыт прошлого стремился увидеть будущее. Его вера, мировоззрение и принципы коренились во впитанной им с младенчества жизненной философии нации, формировались и крепили под влиянием жизненного опыта его народа. Но он не замыкался в привычной ему среде и на дне сегодняшнем, а пытался постичь вечное движение во взаимосвязи всех его проявлений. Собратья по перу ценили его эрудицию, глубокие познания. Рами же не останавливался на достигнутом. Он продолжал читать и учиться, интересуясь самыми разными сферами науки и жизни.

Академик Нияз Мажитов вспоминает: «В мае 1967 года я пригласил Рами съездить со мной в археологическую экспедицию. Он согласился, и мы отправились в двухмесячное путешествие. Дорога наша проходила через Дюртюлинский, Калтасинский, Янаульский, Татышлинский, Бураевский и Мишкинский районы. Много раз застигал нас в пути дождь, машины буксовали. Вооружившись лопатами, мы занимались археологическими раскопками, искали предметы старины и изучали то, что удавалось найти.

...В том, что эти находки имели отношение к древнейшей истории Урала и к прошлому башкир, Рами несколько не сомневался и считал, что их необходимо исследовать. Он даже пробовал связать их с эпическими образами Урал-батыра и Сура-батыра».

Это путешествие оставило в творчестве поэта своеобразный след. В стихотворении «Горы-города», посвященном другу-археологу, Рами Гарипов пишет: «В поисках жемчужных украшений женских он ищет родной уголок». На нарекания типа: «Уходишь в каменный век и возвращаясь назад, напрасно потратив время» он отвечает: «Обогащаясь прошлым, я жадно вглядываюсь в будущее». Рами жил согласно принципу «Как возвращаешься домой с работы, так в будущее возвращайся ты».

А в следующем стихотворении он разговаривает с будущим:

— Открой мне, будущее, дверь!

— Кто на пороге? Кто ты?

— Не узнаешь? Вернулся я!..

Открой поскорей! Это я — Рами.

— Почему ж ты так припозднился, джигит?

— Много было в пути разных преград...

— Узнают ли тебя мои дочери и сыны?

— Узнают, вроде бы говорят.

— Откуда такая уверенность?

— От любви к тебе и к правде.

Ибо вера, любовь и надежда

Не теряются, в мелочах не гаснут...

И вот что любопытно: в будущее поэт не идет — в обоих случаях он говорит о возвращении. Это очень важный момент для правильного понимания его отношения к течению времени и к связи эпох. Рами Гарипов разговаривает с будущим на равных — ты да я. Он верит, что в будущем ему уготовано место и ощущает в себе способность возвращаться туда, как к себе домой.

Стихотворения поэта «Одной ногой ты в дне сегодняшнем стоишь» и «Открой мне, будущее, дверь!» при жизни его не публиковались. Для печатных органов, приученных пропагандировать будущее как торжество коммунизма, эти стихи, конечно же, были неприемлемы.

Прошлое, настоящее, будущее... В цепи времен каждое из этих звеньев поэту дорого — все они являются его достоянием. Но главное, что определяет судьбу личности — это его время, его сегодняшний день. Большая часть стихов Рами Гарипова — о времени, в котором он живет, о его собственной судьбе, неотделимой от судьбы народа, об этапах его биографии.

*Я временем, в какое мы живем,
Привык гордиться: боль его, и беды,
И свет, и поражение, и победы —
Все в сердце умещается моем!**

писал поэт, и в самом деле пропускавший через свое сердце трагические моменты, которые выпали на долю его Отчизны, живший ее заботами и радостями, окрыленный ее победами и успехами. Не зря же Рами называл свое время звездным.

Размышляя о времени, он никогда не руководствовался конъюнктурными соображениями. А ведь эта напасть подстерегает каждого поэта. Например, уехав к себе в район, Рами Гарипов вполне мог писать там навеянные впечатлениями заведомо беспроектные стихи безобидного содержания специально для какого-нибудь цикла под названием «Возвращение» либо «Путешествие». Однако он предпочел этому легкому пути более трудный и сложный, отображая в своих стихах не внешние, кричащие стороны той эпохи, а ее глубинные процессы.

* Перевод Я. Серпина.

«О времени своем я не кричал, это время в сердце моем кричало», — сказал поэт. Следующие строки из стихотворения «Испытание временем» давно уже стали афоризмом:

*Не рвал я глотки, чтобы всякий раз
Внимало время громким словесам,
Но по сердцу прошло оно, лучась,
И сердце разорвалось пополам.**

И все же не следует думать, что с этой связью все обстояло благополучно. Сын своей эпохи, Рами Гарипов на себе испытал тяготы того времени и не был чужд при-
сущей большинству современников наивной восторженности.

*Будущее — мир всеобщего созидания,
Будущее для меня — это песни, стихи.
Вот почему
я — коммунист,
революционер
и поэт! —*

такое заявление еще не дает оснований обвинять Рами в неискренности или в приспособленчестве. Будучи беспартийным, он тем не менее не отделял поэзию от идей революции, обновления жизни, как это закладывалось в общественное сознание.

Окрыленный космическими победами поэт, говоря о «Звездной эпохе», не мог не поддаться всеобщей эйфории. Например, глядя на спящего сына, он предается мечтам, что выразилось в стихотворении «Когда спит мой сын» (1962):

*Восторженно горящими глазами
Сынишка провожает самолет...
В его глазах пусть так же светит пламя,
Когда взлететь придет ему черед.
Когда влюбленно, пристально и строго
С великой высоты грядущих дней*

* Перевод Я. Серпина.

*Взглянув на землю, он поймет,
Как много
Ненужного и лишнего на ней.
Он скорбь и горе выметет с планеты,
Избавит мир от гроз и слез людских,
Переиначит хмурые рассветы
И краски новые найдет для них...**

В 1974 году Рами написал в стихотворении «Стерлитамак»:

*Помахивая огненным платком,
Как любимая, встретит тебя Стерле.
Он, как отец твой, такой простой,
И заботливый, совсем как мать...*

Здесь вырисовывается идиллическая картина: заводы — подобны серьезным дедам, дымящим, кроме всего прочего, трубками, которые наши аксакалы отродясь в рот не брали, а пламя из труб вызывает у поэта ассоциацию с платками в руках любимых, вагонетки же напоминают ему чаши, в которых грациозные девушки подают кумыс. Благодать, да и только, «любовь, счастье, надежда — здесь все в одном». Громкие лозунги, провозглашавшие, что «самые большие химические гиганты у нас», оказали свое воздействие и на сознание Рами, даже не представлявшего себе, насколько отравлены этой химией земля и воды. Вплоть до 80-х годов мало кто поднимал вопрос о надвигающейся экологической катастрофе. Из числа ученых предупреждали о ней лишь единицы, а из писателей — один Леонид Леонов. Основная же масса занималась тем, что восхваляла наступление на природу, стройки века, ведущие к ее гибели. В 50—60-е годы факелы, выпускаемые заводскими трубами, называли маяками коммунизма. Таким вот образом продолжалась традиция 20—30-х годов, когда поэты славил уголь и металл, как, например, Г. Салам в хрестоматийном стихотворении «Утро республики»:

* Перевод Я. Серпина.

Возрождается Башкортостан!

Одевается в сталь и железо

Аграрная страна.

Даже в 70-е годы, в период резкого ухудшения экологической ситуации, поэзия еще не полностью освободилась от этой традиции, и когда стране, а особенно регионам, подобным Башкортостану, стала угрожать реальная опасность, оказалась не в состоянии предупредить о грозящей катастрофе. Судя по всему, и Рами Гарипов, который всю свою жизнь защищал природу, так и не сумел избавиться от идиллических настроений.

По большому счету, во взаимоотношениях поэта с его эпохой это были всего лишь незначительные, эпизодические моменты. В целом же натуре Рами Гарипова претили неискренняя напыщенность, пустословие и слепое подражание. Слово полемизируя с Рафаэлем Сафиним, написавшим стихотворение «Восхищение», он замечает, что «Постоянное восхищение притупляет чувства, постоянное восхищение усыпляет разум» или: «Я восхищаюсь... Но — опасаясь!»* (стихотворение «Опасение»). Тем самым поэт защищал жизненность творчества.

Большое место в его поэзии занимали размышления об ответственности, долге и чести человека. В скольких своих стихотворениях осуждал он тех, кто больше говорил, чем делал, разоблачал пустозвонов, приветствовал мужество и смелость, защищал справедливость.

Будучи правдолюбом, он всегда высказывал своевременно и открыто то, что думал о своей эпохе, о сути явлений, о прекрасных и неприглядных сторонах жизни. Однако, в силу разных причин слова его не всегда доходили до читателя сразу.

Заостряя внимание на том, что Рами Гарипов был человеком большого ума, прямым и смелым, мы порою упускаем из виду его поэтическое мастерство. А ведь поэт — это, прежде всего, мастер слова, обогащающий язык, и его хранитель. В стихотворении, которое Рами посвятил Расулу Гамзатову, есть такие строки: «Даже

* Обыгрываются созвучные слова *ноклану* «восхищение» и *наклану* «опасение».

Шамиль не сумел защитить родину свою, а ее поэт завоевывает страны». Настоящие поэты посредством слова передают черты своего времени, проникают в будущее. И Рами Гарипов как раз из их числа.

Вот что писал Гайса Хусаинов о его поэтике: «В ней можно найти разнообразие форм: от древнего кубаира до современного свободного стиха. В башкирской поэзии Гарипов творчески учится лучшим ее качествам — глубине мысли, остроумию и совершенству формы. А что касается мировой классики, то он глубоко вникает в особенности творчества знаменитых поэтов — от Шекспира и Пушкина до Блока и Гамзатова — и по-своему, новаторски, развивает их в своей поэтике. Все это вместе взятое принесло Рами Гарипову признание в нашей поэзии, сделало его, в полном смысле, настоящим поэтом-мастером».

«Поэма интегралов» — совершенно новая тема, как лично для него, так и для всей башкирской поэзии в целом. Она вводит читателя в мир науки. Это произведение интересно тем, что показывает любовь в необычных условиях. В конце поэт восклицает: «Да здравствует наука и единые души!» Здесь ощущаются отголоски жарких споров о физиках и лириках.

Поэма «Сожженные письма» была написана в 1972 году, как и предыдущая. В ней использован сюжет, который не встретишь ни в одной другой поэме на военную тему. Обычно солдатские треугольники хранились бережно долгие годы, как бесценные реликвии, желтая от времени и ветшая от постоянного перечитывания, а тут потерявшая терпение женщина бросает письма в горящую печь.

Вот солдат в эшелоне проезжает мимо родных мест, мать с сынишкой бегут прямо с поля к телефону, но опаздывают, женщина рыдает от горя — с какой убедительностью и силой показаны все эти картины. К сожалению, оба произведения Рами Гарипов так и не успел доработать до конца, многое осталось в виде фрагментов, в черновом варианте.

Многие его стихи написаны традиционными десяти-девятисложными строфами. Между тем он мастерски оперировал разными поэтическими формами, вводя элементы свободного стиха («Возвращение к обеду»), по-своему

выстраивая привычные строфы («Когда перевалил за тридцать») с использованием таких размеров, как восемь — восемь («Вот моя родина»), девять — девять («Правда нужна нам, чтобы двигаться вперед»), десять — восемь («Неожиданно стал я твоим врагом») или четыре — семь слогов («Слепой дождь»). Такое вот разнообразие.

Не ограничиваясь рифмованием второй и четвертой строк, Рами создавал и лучшие образцы перекрестной рифмы («Взбираясь на горы», «В сером тумане солнечные иглы», «Праздник», «Жаворонок», «Сосна» и др.), пользовался также рифмами формы: а-а — б-б («Башкортостан», «Вслед тебе кричу»). Пятистрочную строфу в стихотворении «Железная дорога» он сохраняет от начала до конца.

Поэт был внимателен и очень требователен не только к звучанию каждой строки, но и к композиционному построению книг, придавал большое значение расположению стихов и тому, как они сгруппированы. Мастер слова хорошо знал, что лишь при учете этих моментов можно добиться нужного звучания и желаемого эффекта. Тех, кто возьмется за детальное исследование поэтики Рами Гарипова — богатства языка его произведений, нового звучания привычных слов, мелодии и гармонии стихов, — ждут интереснейшие находки и настоящие открытия. Рами разбирался во всех тонкостях языка, его память была хранилищем лексики, объем которой значительно превышал состав очень скудных словарей того времени. Некоторые из употребляемых им слов мне удалось обнаружить только в диалектологическом словаре башкирского языка. А иногда он и сам давал пояснения:

*...Ос һәнәген кулаа үзәм тәтәп,
Брәғһырман тәтәш һүләне.
(Һүлә, тизәр, беззә күбәне)*.*

Тем не менее диалектизмами Рами Гарипов не злоупотреблял. Он хорошо понимал, что мастерство поэта заключается, прежде всего, в том, чтобы уметь придавать новый блеск знакомым словам, и владел этим искусством в совершенстве. «Собираю старые слова и из них нанизываю

* Слова *һүлә* и *күбә* означают «копна».

новые», — говорил Мажит Гафури. Богатство языка, возможности слов безграничны. Рами Гарипов был мастером слова, приумножавшим красоту языка, его защитником и хранителем.

Рами вернул в поэзию кубаир. Впрочем, традиция эта в башкирской поэзии и не прерывалась. До новой эпохи она дошла через произведения Бабича, Нигмати, Бурангула и Киекбаева. А в 60-е годы Рами Гарипов по-своему развил жанр, влив в старинную форму современное актуальное содержание. Его кубаиры «Думы мои», «Аманат», напечатанные при его жизни, стали событием в литературе. О том, что он продолжал работать в этом жанре, говорят такие его произведения, как «Язык», «Сыну» и др.

Но все же следует признать, что Рами Гарипов был, в первую очередь, поэтом-лириком, одним из талантливейших башкирских лириков, чувствовавшим каждую частичку природы, чутко улавливавшим каждое движение, дыхание жизни. Он старался разнообразить свои произведения за счет тематики, жанров и форм. За какой бы жанр ни брался Рами, будь то стихотворение, песня, баллада, ода, элегия или поэма, он умел сказать свое слово, у его произведений было свое неповторимое звучание. Не чуждался Рами Гарипов и сатиры.

Поэт, переводчик, публицист, общественник и умелый организатор, а также фольклорист, положивший начало собиранию башкирского народного творчества в послевоенные годы и написавший в этой области труды... Таким многогранным предстает перед нами творческий мир Рами Гарипова.

Поэт продолжал и развивал традиции башкирского народного творчества и классической поэзии, но и в традиционных формах сумел показать себя смелым новатором. Кроме того, он поддерживал тех, кто экспериментировал со свободным стихом — верлибром. Так, например, Рами одобрял начинания и поиски Шамиля Махмутова, о котором уже говорилось ранее. Подобными опытами занимался и он сам. На вырванном из блокнота листке сохранилось написанное им 1 июня 1973 года стихотворение «Тишина без рифм», которое он посвятил Михаилу Пришвину:

*Похоже, молнии сверкать устали за ночь,
Гроза утихла перед рассветом.
Вокруг — торжественная тишина,
Наполненная лишь мотивом первозаданным...*

*Сосновый бор — как золотой орган,
Он в чистых, легких нежится лучах.
И поднимается туман, не смея
Сырых кустарников коснуться.*

*Какая красота, приволье, благодать!
И тайны в этом мире уж не тайны.
Быть может, вечность целая прошла,
Ненароком по волосам меня погладив.*

*Очнувшись от тревог, душа моя
Вновь силой наполняется неспешно.
В этой тишине лишь капля еле слышно
Падает на чашу, под которой скрылся гриб.*

Стихотворение и без рифмы воспринимается как стихотворение. Поэт, не рифмующий стихи, остается поэтом. Давая своему стихотворению такое название, Рами как бы хотел сказать: «Мы тоже не лыком шиты! И мы умеем слагать свободные стихи». Так и представляешь себе при этом его лукавую улыбку.

Новаторски осваивавший традиции народного творчества и мировой поэтической классики, Рами Гарипов смело использовал художественные приемы разных сфер искусства, расширяя тем самым возможности поэзии. Читая или слушая его стихи — такие, как «Журавлиная песнь», «Соловиный рассвет», «Олень», «Предвестники весны», «Песнь пустыни», «Незнакомка», «Уральский лес», «Три мелодии», «Чио-Чио-Сан», как будто воочию видишь перед собой картины Крамского и Саврасова, наяву слышишь мелодии Шопена, Бородина, Огинского. Перед глазами встает, точно изваяние, восхитительный образ уральского оленя. Какие бы традиции поэт ни развивал, он не утратил главного качества — народности своей лирики, для обогащения которой искал всевозможные пути. В процессе

поисков Рами Гарипов совершал открытия и в области перевода. Поэтическому переводу он придавал большое значение, занимаясь им всерьез, и мы не вправе обойти вниманием этот его многолетний труд.

АНТОЛОГИЯ ПОЭТА

У каждого искусства свои секреты и свои сложности. И в творчестве любого художника есть свои радости и муки. Из нескольких красок, видимых человеческому глазу, живописец способен сотворить удивительный мир. А сколько божественных мелодий создаст композитор при помощи всего лишь семи нот. Живописец видит то, чего не видим мы, композитор слышит то, чего мы не слышим. Они побеждают трудности, которые обыкновенный человек преодолеть не в силах, обладают чарами, недоступными остальным. И вот еще чему не перестаешь удивляться: рожденные где-то мелодии или живописные полотна, не лишившись ни тона мелодии родной земли, не потеряв яркости красок родного края, в неизменном виде доходят до других народов. Чего не скажешь о литературе...

Самая мощная преграда, разделяющая народы исстари, — не высокие горы и не непроходимые лесные чащи, не голые пустыни и не бурные реки, а языковой барьер. И тем не менее человечество еще за многие тысячелетия до того, как были изобретены сверхзвуковые самолеты, научилось его преодолевать. С древних времен страны и народы соотносились друг с другом посредством неугомонных великих путешественников, пытливых и смелых странников, мудрых послов, терпеливых торговцев, следовавших с караванами. А вместе с ними путешествовали толмачи-переводчики, знатоки языков.

Перевод — великое дело, это одно из самых необходимых условий прогресса. Для взаимопонимания, для постижения истины люди должны общаться. Общение же между народами зиждется на переводе, что не требует доказательств. Осознание этой непреложной истины несколько не умаляет значения перехода духовных богатств от языка к языку. Чем крепче связь той или иной нации

с духовным богатством, накопленным всем человечеством, тем она сильнее. Изучение чужого опыта способствует расширению кругозора каждого народа, открывает перед ним новые перспективы для роста.

Вот какую важную функцию выполняет перевод. Свои задачи у перевода литературного. Это очень сложный процесс. Только тот, кто пробовал перевести с одного языка на другой хотя бы даже маленький рассказик, отлично знает, какой это тяжелый, кропотливый и ответственный труд. И ему Рами Гарипов посвятил значительную часть своей жизни. Первые опыты в области перевода он начал делать в годы учебы в Литературном институте. Как бы предчувствуя, сколько сил ему понадобится, чтобы дать возможность соплеменникам ознакомиться на башкирском языке с лучшими образцами мировой поэзии, молодой поэт написал в дневнике: «Я уже сейчас отчетливо вижу, какое невероятное богатство даст мне перевод! Удивительно полезный труд. Ищешь слова, какие и в голову тебе не приходили! Будто сам пишешь. Для самоусовершенствования, для обогащения языка и для привития себе поэтической культуры перевод – самое нужное, самое полезное дело, самое интересное и увлекательное! Отныне цель моя и мой девиз: “Учись, переводя, обогащаясь, воспитывай себя”» (18.03.52).

Установка, которую дал себе Рами, вполне могла бы служить программой для всей литературы.

«Ночью переводил стихотворение Есенина о собаке, Лермонтова “Парус”. Дни стоят погожие, вечером пробовал написать стихотворение по-русски. Все это меня так окрыляло» (7.12.53).

И ведь какие великолепные стихи подобрал он для перевода. Есенина еще не ввели в школьные учебники, но Рами в первую очередь выбрал именно его стихи. Один только этот факт говорит о многом. А уж лермонтовский парус белел, маячил перед ним на горизонте уже со школьных лет, особенно в те моменты, когда ему было трудно. К таким классическим произведениям как раз и будет обращаться в дальнейшем Рами Гарипов как переводчик.

Несмотря на то что это был первый опыт подобного рода, оба стихотворения сделаны им на таком высоком

уровне, что могут служить классическими образцами поэтического перевода на башкирский язык. Эта работа стала для Рами Гарипова хорошей творческой школой. Что же касалось его собственных произведений, то в то время ему редко удавалось достичь такой же точности выражения мысли и гибкости языка. Вполне естественно, что после успешных переводов, когда строфы из-под его пера выходили словно отлитыми, он должен был непременно повысить планку требований к своим стихам. Переводческая работа оказала на поэта благотворное воздействие, позволив ему усовершенствовать мастерство. И вот что интересно: в процессе перевода русских стихов у него возникало желание писать по-русски.

Связь тюркоязычного мира с арабской и персидской литературой, осуществлявшаяся, главным образом, путем перевода отдельных произведений, идет из глубины веков. А вот контакты с русской литературой начались лишь в XIX веке. Один из показательных примеров – перевод на язык тюрки «Бахчисарайского фонтана», выполненный башкирским просветителем Мухамметсалимом Уметбаевым к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Внимание к переводу произведений русских писателей возросло в 20–30-е годы прошлого столетия. Особенно много было переведено на башкирский язык произведений Пушкина, что было связано с решением отметить в СССР в 1936–1937 годах на государственном уровне 100-летия со дня гибели великого русского поэта. Для успешного решения столь важной задачи республиканское правительство постаралось создать для авторов самые благоприятные условия. Выступая на пленуме Союза писателей СССР, председатель Союза писателей Башкортостана Афзал Тагиров сообщил об опубликовании свыше тысячи материалов, имевших отношение к Пушкину. Переводом его стихов на башкирский язык занимались более десятка поэтов. Грандиозное мероприятие, при подготовке и проведении которого было задействовано столько ресурсов, оказало развитию переводческой деятельности благотворное влияние тем, что привлекло к ней внимание общественности и дало мощный импульс для дальнейшего развития. После войны эта работа оживилась еще больше.

Таким образом, когда Рами Гарипов приступил в начале 50-х к переводам, в башкирской поэзии в этой области был уже наработан некоторый опыт. Однако вести речь о наличии традиции и школы было еще рановато. Да и по правде говоря, несмотря на немалое количество стихотворных переводов, удачные среди них, которые могли бы служить образцами, попадались крайне редко. До 50-х годов качество основной массы переведенного на башкирский язык с русского оставляло желать лучшего.

Мустай Карим тоже не был пока в состоянии создавать шедевры, равные русскоязычным оригиналам, пусть даже Рами Гарипов, который делал на этом поприще первые шаги, восторженно восклицал: «Я уже по первому опыту понял, что Мустафа-агай неспроста занимается переводами. Вот, оказывается, что является источником его словесного богатства!!!»

Обозревая историю зарождения и развития поэтического перевода с русского языка на башкирский и оценивая его перспективы на будущее, нельзя не отметить огромную заслугу в данной сфере Рами Гарипова, чья активная деятельность подняла это искусство на высоту. В опубликованную в 1958 году книгу «Каменный цветок» вошли двадцать два переведенных им стихотворения тринадцати авторов – случай для башкирской литературы, можно сказать, небывалый. Однако дело, разумеется, не в количестве, а в качестве. Пушкин и Лермонтов – вот с кого начинается список имен, представленных в книге.

Какой бы национальности ни были поэты, к которым обращался Рами, за счет требовательности, предъявляемой им к мастерству, переводы у него получались один совершеннее другого. Один из самых удачных примеров – известный всем «Утес» М. Ю. Лермонтова:

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;*

*Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.*

А вот как это звучит по-башкирски в передаче Рами Гарипова:

*Төн үткәрзе кескәй алтын болот
Күкрәгендә мәэрур каяның.
Һәм ашығып таңдан юлға сықты,
Күңелле ел менән шаярып.*

*Тик дымлы эз калды йөз һырында
Карт каяның. Әллә шуңлыктан,
Тора яңгыз, тәрән уйға сумып,
Һәм тын ғына илай бушлыкта.*

Стихотворение Лермонтова, начинающееся словами «Ночевала тучка золотая...», навечно вошло в русскую лирику одним из сверкающих бриллиантов. А в переводе Рами Гарипова это произведение обогатило башкирскую поэзию, придав ей новое звучание и расширив возможности башкирского языка. Благодаря своему таланту он доказал, что созданные на русском языке великие строки можно с такой же силой передать и по-башкирски! Поэт пробуждает в душе читателя еще большую любовь к родному языку и к поэзии.

Хотелось бы также привести четверостишие Абая:

*Прославленный утес. Он так высок —
Что облакам свои объятья распротер:
Лишь змея влезает на него ползком,
С разлету сокол до вершины долетает!*

На самом деле такого стихотворения казахский акын не писал. Основой для его создания послужило одно из высказываний в «Наставлениях» Абая, показывающих, каким великим мыслителем он был. Произнесенные им в прозаической форме слова Рами Гарипов обратил в крылатый стих. Главное не в том, имеется ли перевод такого качества на башкирском языке или нет. Самое важное — то, что они становятся общим достижением национальной поэзии. В дальнейшем требования к поэтическому слову будут определяться качеством и таких прозведений.

Самым тонким, самым сложным и трудным в литературном переводе считается стихотворный. При переводе с одного языка на другой невозможно достичь абсолютного соответствия оригиналу. Попробуй-ка сохранить мелодию стиха, его ритм и гармонию, перенести, как есть, употребляемые в нем идиоматические выражения!.. Но даже если нельзя передать на другом языке звучание переводимых слов, то смысл суждений автора, масштабность созданных им образов, своеобразие духовного мира поэта талантливый и опытный переводчик, свободно ориентирующийся в той или иной языковой среде, раскрыть способен.

Рами Гарипов работал, ставя перед собой эти высокие цели, и с успехом их достигал. Он как бы состязался с поэтом, которого переводил, всю душу вкладывая в то, что делал. Рами стремился к совершенству, пробуя самые разные варианты. Поэтому ему и удавалось искусно передать на башкирском языке написанные на разных языках и в разную эпоху произведения, сохраняя их колорит, тепло и аромат.

К переводам Рами Гарипов проявлял еще большую взыскательность, чем к собственным стихам. Почти четверть века, начиная с 50-х годов и до конца жизни, он отдал мировой литературе, сколько бессонных ночей провел над переводами, благоговей перед великими мастерами слова.

Диапазон переводимой Рами Гариповым поэзии был широк и по временным, и по географическим меркам. Так, между жившим в VIII веке китайским поэтом Ли Бо и поэтами 60–70-х годов XX века лежит более чем тысячелетняя история. Впечатляют также масштабы охваченного им пространства — от Японских островов до Британских и так — до самой Америки.

Собрав переведенные им на башкирский язык произведения более шестидесяти авторов, Рами Гарипов скомпоновал книгу «Моя антология». Как же он мечтал опубликовать ее! Сюда вошли переводы с персидского, узбекского, китайского, японского, французского, немецкого, английского, латышского, украинского, азербайджанского, грузинского, армянского, киргизского, осетинского, аварского, чувашского и других языков. Ко всем нациям Рами относился с одинаковым уважением. Во времена,

когда почти ничего не говорилось о литературе переживших трагическую судьбу крымских татар, он общался с поэтом Ризой Хамидом и перевел целую подборку его стихов.

Главное место в его книге отведено русской поэзии. Поэт намеренно начинает со стихов Пушкина и Лермонтова, дескать, если сумеешь взять такую вершину, то дальше будешь шагать уже намного увереннее.

Из-за того что он столь серьезно относился к переводам, тратя на них слишком много времени, вероятно, значительная часть его замыслов осталась нереализованной, стихи, которые он мог бы написать, не были написаны. Но это благое дело нисколько не обедняло Рами. Переводческая работа связывала его с другим миром, благодаря ей он мог общаться с мудрейшими представителями других народов, приобщаться к созданному ими духовным ценностям, преодолевая временные преграды и огромные расстояния. Сколько сладостных мгновений, праздников души пережил он в процессе этого общения. И тем, что Рами Гарипов достиг высокой поэтической культуры и мастерства, став одним из классиков башкирской литературы, он во многом обязан многолетнему переводческому труду, регулярным урокам, которые получал от гениальных мастеров слова всего мира.

В башкирскую поэзию Рами внес ощутимый вклад не только как поэт, но и как переводчик, заставляя «говорить» по-башкирски великих стихотворцев других народов. Занимаясь этим, он выявлял скрытые доселе грани родного языка, открывал его безграничные возможности. Переводы Рами Гарипова стали для нашей литературы очень важным приобретением, существенно обогатили ее.

Вообще-то, к выходу произведений талантливых писателей на другом языке следует относиться не просто как к очередному факту, а как к большому событию в жизни народа — носителя этого языка. Сокровищница, именуемая мировой литературой, как раз и состоит из выдающихся достижений, которым суждено было стать всеобщим достоянием.

В 60–70-е годы взаимоотношения национальных литератур в СССР вступили в совершенно новую стадию.

Если ранее данный процесс определялся, главным образом, влиянием русской литературы на национальные, то теперь, благодаря переводам на русский язык, отдельные явления национальных литератур становились не только частью общей советской литературы, но и силой, способной воздействовать на нее. Таких примеров по всей территории бывшего Советского Союза, начиная от самых западных границ до Чукотки, наберется очень много. Всей стране были известны имена Василя Быкова и Юрия Рытхэу. Немалый вклад в развитие советской литературы внесли Расул Гамзатов и Мустай Карим, Кайсын Кулиев и Чингиз Айтматов, чьи повести были переведены на разные языки мира. Трагедия Мустая Карима «В ночь лунного затмения» ставилась в десятках театров СССР и за рубежом.

Отдельные таланты, взращенные национальными литературами, которые прежде находились фактически в изоляции, поднялись над своей средой до такого уровня, что уже могли влиять на всеобщий творческий процесс.

В 1965 году был издан сборник стихотворений Расула Гамзатова «Звезда Дагестана» на башкирском языке. Вне всякого сомнения, его выход стал для того времени настоящим событием, оставившим глубокий след в развитии нашей поэзии.

Имя аварского поэта было известно башкирским читателям и до этого. Своими смелыми суждениями, запоминающимися образами, поэтическими открытиями он прославился на всю страну, завоевал огромный авторитет. После опубликования содержательной книги Гамзатова в качественном переводе его слово приобрело в башкирской поэзии середины 60-х еще больший вес. По силе воздействия книги «Звезда Дагестана» на умы ее можно было бы приравнять к самым успешным произведениям башкирских авторов тех лет: Мустая Карима, Назара Наджми и Рами Гарипова. Бесстрашное слово Расула Гамзатова в защиту родного языка, о необходимости беречь духовное богатство каждого народа проникало в сердца, заставляло крепко задуматься как читателей, так и поэтов.

Произведения Расула Гамзатова «Покуда вертится Земля», «Ракеты летят к звездам», «Звезды», «Родной язык»,

«Мустаю Кариму», «Проклятие», «Собрания», «Звезда Дагестана» перевел Рами Гарипов. Он выбрал те, что были наиболее близки его духу. Составитель сборника Рафаэль Сафин начинает его стихотворением «Покуда вертится Земля», а завершает поэмой «Звезда Дагестана». Удачная композиция углубляет и усиливает лейтмотив произведения — народ и дух, родина и язык.

Вот что заявляет Расул Гамзатов в своем стихотворении «Родной язык»:

*Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.*

Чтобы башкирский читатель прочел такое на башкирском языке да в то время, когда усиленно внедрялась в сознание людей идея, что у языков малочисленных народов нет будущего, что все бытующие на территории СССР нации сольются в единый советский народ! Нетрудно себе представить, какие чувства ими овладели. На всем протяжении книги эта мысль развивалась, накалялась и в поэме «Звезда Дагестана» достигла кульминационного момента.

Как авторитетно заявлял аварский поэт: «Для меня языки народов — как звезды на небе. Я не хотел бы, чтобы все звезды слились в одну огромную, занимающую полнеба звезду. На то есть солнце. Но пусть сияют и звезды. Пусть у каждого человека будет своя звезда».

В разгар бессмысленных споров псевдоученых о бесперспективности национальных языков и малочисленных наций пламенные речи и стихи Расула Гамзатова не только всколыхнули всю страну, но и укрепили дух очень многих людей, вселили веру народов в будущее.

Работа над переводом его произведений дала Рами Гарипову мощную духовную опору, он радовался представившейся ему возможности донести созвучные его собственным мыслям суждения Гамзатова до соплеменников. Сколько несправедливых упреков и обвинений услышал Рами из-за своего «Родного языка», сколько выстрадал, когда на заседании редколлегии журнала «Агидель» всем

скопом навалились на его «Аманат» и закрыли ему дорогу к читателю. Однако случается, что мир все-таки слышит правдивое слово. Пусть хоть изредка, но находятся люди, которые не боятся его произнести.

Переводя аварского поэта, Рами Гарипов не раз вспоминал разговор, состоявшийся в «Агидели», и как один из присутствовавших признался: «Что поделаешь, мы не можем поднять этот вопрос. Приходится подчиняться ходу событий. Или нужно быть Гамзатовым, чтобы напечатать это».

Такие вот слова он услышал, а потом все свели к шутке. Ну разве не грешно шутить в тревожное время, когда по всей стране разворачивается совсем нешуточная кампания по искоренению национальных языков?! Хорошо еще, что никто не осмеливается заткнуть рот Расулу Гамзатову, или он, лауреат Ленинской премии, депутат Верховного Совета СССР, коварным злопыхателям не по зубам?

То, что Рами может передать своему народу тревоги великого поэта на башкирском языке, уже само по себе является для него утешением. И не только утешением, но и одним из средств вынести этот архиважный, судьбоносный для нации вопрос через печать на суд общественности.

В «Аманате» Рами Гарипова тоже есть очень справедливые слова, которые не призывают ни к чему иному, кроме как хранить и беречь родной язык. Однако они пугают как тех, кто сидит наверху и трясется за свое место, так и собратьев по перу, которые должны были болеть всем сердцем за судьбу своего языка. И как тут не повторить строки стихотворения «Проклятие»:

*...Проклятье тем, кто и понятия
Иметь о чести не привык,
Проклятие, мое проклятие,
Унизившим родной язык...*

*В кавказца, как бы он ни каялся,
Проклятьем выстрелю в упор,
Когда бы он начальству кланялся,
А не вершинам отчих гор.*

*Будь проклят, кто забыл о матери,
Иль в дом отца принес позор.
Будь проклят тот, кто не внимателен
К печали собственных сестер.*

*Проклятье лбу: тупому, медному
И тем, кто лести варит мед.
Проклятие юнцу надменному,
Что перед старцем не встает...*

*Мне все народы очень нравятся,
Пусть трижды проклят будет тот,
Кто вздумает, кто попытается
Чернить какой-нибудь народ...*

Слова Гамзатова точно попадают в цель, подобно стрелам, пущенным рукой меткого лучника. В переводе Рами Гарипова они воспринимаются так, будто их произносит в порыве ненависти к несправедливости твой сородич, они понимают тебя до самого сердца:

*Намыџ заты хиџа йокмаџа,
Кџхџрлџйем вџхи и гџзџтеџ,
џсџџ телен ханџа хуџмаџаџ,
Лџгнџт хиџа, минџ лџгнџтем!..*

Мужественное слово поэта из Дагестана защищает не только аварский, но и башкирский язык. Несмотря на тысячи километров, разделяющие аварского и башкирского поэтов, в заботе о настоящем и о будущем своих родных языков они становятся единомышленниками и соратниками.

Я помню, как в конце марта 1970 года во время регистрации делегатов III съезда писателей РСФСР в Москве Рами Гарипов восторженно сообщил мне: «В списке мы с Расулом Гамзатовым оказались рядом». Факт этого совпадения глубоко символичен, кажется, что сама судьба свела их вместе — обоих бесстрашных защитников родного языка.

Написавший вступительную статью к книге «Звезда Дагестана» Назар Наджми назвал ее «Слово о нашем

друге». Но, пожалуй, более уместным было бы название «Слово о нашем учителе». Из тринадцати башкирских поэтов, чьи переводы вошли в этот сборник, лишь пара-другая имели счастье быть в дружеских отношениях с автором. А вот учителем Расула Гамзатова могли бы с гордостью назвать большинство башкирских поэтов. Для тех, кто живет интересами народа, озабочен судьбой родного языка, он навсегда останется правдивым и мудрым учителем. Творчество философа и большого мастера слова Расула Гамзатова, поднимавшего в поэзии самые острые, злободневные проблемы, появление его книги на башкирском языке способствовали развитию нашей поэтической мысли и стали хорошим подспорьем для молодежи 60-х годов в их творческих поисках. Ядром же этого процесса были стихи, переведенные Рами Гариповым. Стало быть, переводы являются не только средством знакомства с самыми выдающимися произведениями других литератур, но и своего рода богатой духовной подкормкой, дающей дополнительные импульсы развитию творческой мысли и совершенствованию эстетического вкуса нации.

В 70-е годы в Башкортостане прошли дни литератур России, Казахстана, Украины, Каракалпакии, Татарстана, Чувашии, Якутии и Горного Алтая. В свою очередь, в тех же республиках Дни башкирской литературы. В преддверии этих событий публиковались не только отдельные переводы, но и целые сборники, из которых особо следует выделить двухтомные антологии украинской и казахской литератур. В один из томов вошли стихи, в другой – проза. Башкирским читателям еще не приходилось знакомиться с литературой других народов в башкирском переводе в таком объеме.

Как говорится, долг платежом красен. Посетившие нашу республику литераторы не оставили сей добрый шаг без ответа. В 1976 году в Казахстане была издана приуроченная к Дням башкирской литературы прекрасно оформленная двухтомная антология, куда были включены «Агады Акидел» (произведения башкирских писателей) и «Сайра, сандугаш» (стихи башкирских поэтов).

Чем крепче такие связи, тем богаче опыт каждой национальной литературы. Особенно выгодны они поэтам,

у которых появляются иные возможности поработать над словом и заодно проверить уровень своего мастерства. Переводчики стараются как можно глубже вникать в особенности мышления поэтов другой национальности, проникать в систему созданных ими образов и органично, с минимальными потерями, вводить их в свою языковую среду. Только при соблюдении этих условий поэтические жемчужины разных народов могут стать достоянием всемирной поэзии.

Как правило, подготовка к мероприятиям большого масштаба не обходится без гонки и спешки. Не стали исключением и проводившиеся в Башкортостане дни литератур национальных республик. Поспешность стала причиной того, что среди вышедших поэтических переводов оказывалось немало откровенно слабых скороспелок.

К сожалению, в те годы у нас и особенно в Москве ответственная и тонкая, по своей сути, переводческая работа низводилась к уровню ремесла. Если бы речь шла только о наспех выполненных работах, приуроченных к какому-нибудь юбилею, к большой исторической дате или важной встрече. Но в том-то и дело, что взявшиеся за перевод национальных поэтов столичные «профессионалы» превратили это очень нужное дело в выгодный для себя промысел и, можно сказать, поставили производимую ими халтуру на поток. Они не заслуживают высокого звания профессиональных переводчиков. А вот труд истинных, великих профессионалов, блистательно справившихся с задачей сделать доступными русскоязычному читателю шедевры мировой классики, навечно останется в истории.

Рами Гарипов брался за переводы не от скуки и не ради заработка, он отдавал этому делу все свое время, вкладывал в него всю душу и свой талант. В то время как другие стремились попасть в коллективный сборник, планируемый в связи с каким-нибудь мероприятием, и спешно готовили переводы, Рами такого рвения не проявлял, предпочитая не торопиться. Многие его переводы, признанные со временем классикой, — это плоды многолетнего, кропотливого труда, к которым он возвращался неоднократно.

Любовь к переводческой работе у поэта произрастала из его отношения к миру, жизни, наднациональной природе,

из его менталитета. Ему хотелось расширить горизонты родной поэзии, дать возможность башкирским читателям познакомиться с классическими образцами мировой лирики.

Размышляешь сейчас об этом и не перестаешь возмущаться вопиющей несправедливостью. Всю жизнь Рами проявлял заботу о дружбе народов и литератур, старался донести до соплеменников через поэтические жемчужины других наций сердцебиение и свет их разума, сколько бессонных ночей провел ради этого, жертвуя собой. И как только у некоторых язык повернулся обвинять его в вузости, ограниченности и даже в национализме, хватило совести притеснять поэта и держать в опале? Впрочем, вопрос о совести и о чести в данном случае, пожалуй, даже не уместен...

Рами Гарипов был поэтом, сделавшим огромное число стихотворных переводов. Они составляют почти половину уже опубликованного — значительной части его поэтического наследия. Следуя сложившейся в советское время традиции, Рами переводил произведения национальных поэтов по их русскоязычным вариантам. Поэтому мы не можем сравнивать выполненные им переводы с оригиналом. Разговор здесь можно вести лишь о соответствии звучания этих произведений природе башкирского языка. В этом отношении переводы Рами Гарипова безупречны. Многие из них звучат так, будто слагались на башкирском языке.

Что касается переводов с русского языка, то возможностей для сравнения и компетентной оценки у нас достаточно. Сопоставляя их с оригиналом, каждый раз поражаешься умению переводчика подбирать самые нужные башкирские слова, удачные словосочетания. В сборник «Моя антология» вошли переводы произведений двадцати пяти русских поэтов. Не будет преувеличением сказать, что по количеству стрóf башкирские варианты полностью соответствуют русскоязычным оригиналам.

Даже при переводе короткого стихотворения нелегко бывает сделать эквивалент. Для этого требуется прикладывать изрядные усилия. А уж в крупных произведениях достигнуть максимального соответствия гораздо труднее. Между тем Гарипов с такой задачей справлялся успешно и даже объемные переводы умудрялся выполнить мастерски

филигранно. Когда читаешь, например, поэму Александра Твардовского «Ленин и печник» по-башкирски, то русский текст уже забывается. Переводчик настолько проникся природой произведения, сумел сохранить его гармонию и легкий юмор, что возникает впечатление, будто это башкирский поэт повествует о событии, имевшем место на башкирской земле. Несмотря на то что порядок слов здесь выдержан в соответствии с канонами башкирского языка, законы русского стихосложения переводчик не нарушает, сохраняя от начала до конца перекрестную рифму. Привыкшему к рифмовке второй и четвертой строк башкирскому поэту пришлось преодолевать немалые трудности, выстраивая строфы согласно требованиям русской поэтики. Если бы мы вознамерились привести в качестве примера самое удачное место, то ограничиться всего лишь одной строфой вряд ли смогли бы, ибо следующая за ней и все остальные в не меньшей степени могли бы служить образцами мастерства перевода.

История рождения у каждого из переводов Рами Гарипова своя. Например, читая, еще будучи студентом Литературного института, роман Горького «Клим Самгин», он узнал о существовании стихотворения Шелли «Озимандия», после чего записал в дневнике: «Свои мысли о Башкортостане Клим Самгин заканчивает последними строчками этого стихотворения» (5.04.55). Рами нашел его в переводе Бальмонта и, прочитав, перевел на башкирский.

Бывало, выходявшие сборники настолько захватывали Рами Гарипова, что ему хотелось тут же поделиться впечатлениями о них с другими, а запавшие в душу стихи — перевести на башкирский. Так, прочитав в 1973 году сборник Михаила Дудина, Рами пишет: «Вышедшая в этом году в московском издательстве “Современник” его новая книга (“Татарник”) потрясла, наверное, не только меня, но и многих других.

Книги этого известного русского поэта, давнего друга Башкортостана и башкирской литературы, положившего немало сил, чтобы вывести нашу поэзию на просторы всего Союза, нам особенно дороги. А что касается этой, то почти каждое из включенных в нее стихотворений мне так и хочется сделать “своим”. И я не удержался, не успокоился

до тех пор, пока не сделал многие из них “своими”, пока не перевел их на башкирский язык и не включил в “свою антологию”».

Осенью того же года Рами сделал перевод двадцати шести стихотворений Дудина, дав им тем самым законную прописку в башкирской поэзии. То, что беспокоило русского поэта, волновало и его башкирского собрата. Они оказались очень близкими по духу. Нет возможности остановиться на всех переведенных Рами Гариповым стихах Михаила Дудина, и я приведу лишь одно из них — «Твоей свободы выстраданный путь» («Огненная переправа»):

*Стихи, стихи, бойцы моей души.
Моя победа и моя отрава.
Забвенья и сомненья камыши...
И под обстрелом стонет переправа.*

*Что ждет тебя на дальнем берегу? —
Неведомо перегорелым нервам.
Сквозь тину и болотную кугу
Какое слово выберется первым?*

*Но ты жива, поэзия, жива!
Как тот приказ в фельдъегерском конверте,
Всегда твои нуждаются слова
Не в чем-нибудь, а в подтвержденье смертью.*

*Ты весь огонь берешь себе на грудь,
И, свет зари перемежая тенью,
Твоей Свободы выстраданный путь
Проходит через гибель к воскресенью.*

*Шиғырҙарым — яугир күҙ нурҙарым,
Еңеүҙәрем, һыуҙар эсәүем,
Яуған сакта курғаш ямғырҙары,
Иңрәп яткан һыуҙар кисеүем!..*

*Ни көтә һуң һезҙе алыс ярҙа?
Көйгән мейеләргә билдәһез.
Мүк-һазҙарҙан, камыш-баткылдарҙан
Алда сығыр икән ниндәй һүҙ?*

*Тик тереһең, тик тереһең, йырым,
Сапкын илткән һуңғы әмерзәй,
Хаклығыңды раҫлар өсөн бары
Мин корбанға әзер хәзерзән...*

*Бар утты һин күкрәгеңә алдың,
Таң яктыһын ялгап төндәргә,
Ғазап менән азат юлдар һалдың
Үлем аша килгән көндәргә.*

Разве Рами не знакомы подобные чувства?!

К некоторым стихам, например, Сергея Есенина, он то и дело возвращался на протяжении многих лет. Путь, приведший его к великому русскому поэту, был не так прост. Еще во время учебы в уфимской школе-интернате он запрашивал книгу Есенина, но ему не выдавали ее под разными предлогами: школьнику не положено знать это имя. В Москве таких ограничений не было. Однако до правильного понимания творчества этого поэта с трагической судьбой башкирский студент пока не дорос. Вот какую запись он сделал, учась на четвертом курсе: «Есть два Есенина. Первый — поэт кабака. Больной, изнуренный. Враг эпохи коммунизма. Хулиган, пишущий бандитские стихи — пережиток богемы, последний — певец патриархальной кулацкой деревни. Такой Есенин оставил после себя есенинщину» (30.03.54).

Избавившись от этих заблуждений, Рами радикально изменил отношение к Есенину. И великий русский лирик навсегда стал для него учителем. Впервые томик Есенина попал на его письменный стол в Доме творчества писателей на черноморском побережье. Работа, начавшаяся с «Песни о собаке», не прекращалась. В общей сложности Рами перевел на башкирский язык сорок пять стихотворений Есенина, то есть фактически целый сборник. Среди них — стихи, написанные в отрочестве, а также восемь нацарапанных кровью прощальных строк. Дошли до башкирского читателя и знаменитые «Персидские мотивы», способные состязаться с оригиналом по певучести и гармонии. Эта подборка претендует на право считаться вершиной башкирского поэтического перевода.

Есенин, один из самых ярких национальных поэтов, связан с русской природой, русской средой, как никто другой, по-русски мыслит и чувствует – и чтобы передать все эти тонкости без потерь, надо быть настоящим чародеем, владеть секретами словесного колдовства.

Таких, как Сергей Есенин, обычно относят к категории непереводимых. Рами Гарипов же, которому удалось проложить тропинку в творческий мир многих других поэтов, сумел подобрать волшебный ключик и к царству есенинских образов. Мало того, русский поэт превратился в родного ему по духу, в единомышленника, становясь опорой в тяжелые минуты.

В один из сложных периодов своей жизни – в феврале-марте 1972 года – Рами особенно много перевел Есенина. «Ко дню рождения дочери – 13 марта – перевел 13 стихов из “Персидских мотивов” Есенина... Дожить бы до 16-летия дочери. Тогда бы я подарил ей 16 стихов...» (13.03.72). «Ходили к Марьям-апай, читали Есенина. Надя по-русски, я – по-башкирски. Переводы очень понравились. Гузель и ее друг Валерий тоже слушали... Единственный выход – работа. Только работой мы и сильны!..» (1.04.72).

Пишет это человек, который вынужден уйти из редакции «Башкортостан кызы». Но рабочее место поэта не ограничивается редакционным столом. Творчество, дарованное ему судьбой, у него никому не отнять. Это его пожизненный труд. Пределы Рами безграничны, и наставников у него достаточно. Один из самых близких – Есенин.

Учиться у него, стараться как можно лучше понять его – к этому Рами стремился годами. «Есенин и депрессия. Всю ночь кололо сердце. Днем так и не смог поработать толком. Только к вечеру кое-как доработал “Табун”. Потом переработал варианты стихов 1965 года: “Отговорила роща золотая” и “Не бродить, не мять в кустах багряных”. Тогда я еще, оказывается, не чувствовал Есенина, как теперь» (2.04.72).

*Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.*

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
 Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
 О всех ушедших грезит конопляник
 С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
 А журавлей относит ветер в даль,
 Я полон дум о юности веселой,
 Но ничего в прошедшем мне не жаль...

Һөйләште лә тынды алтын саука
 Үзенең шат, кайын телендә.
 Торналар за оса йылы якка,
 Йәлләп тормай һис ни илендә...

Кемде йәлләргә һуң?
 Һәр кем шулай
 Килә, китә, өйөн калдырып.
 Тик тармалар менән бер тулған ай
 Карап кала барыһын, қаңғырып.

Карап торам мин дә туғайза
 Торналарзы елдәр кыуғаным.
 Шат йәшлегем генә бары уйза,
 Йәл дә түгел ергә тыуғаным...

В конце этого перевода поставлены даты: «3.X.1965—3.IV.1972». Так долго длилась работа над переводом одного стихотворения. Сомнительно, чтобы наспех сделанный перевод, приуроченный к какой-нибудь дате или мероприятию, звучал столь же естественно. А впрочем, проблема, может быть, даже не в сроках. Главная премудрость заключается в том, чтобы вникнуть в суть поэтического строя другого языка, осмыслить его особенности, в способности и умении найти в лексическом запасе башкирского языка соответствия им.

Вот и к этому стихотворению Рами Гарипов вернулся вновь семь лет спустя и еще сильнее наслаждался его красотой:

*Не бродить, не мять в кустах багряных
 Лебеды и не искать следа.
 Со снопом волос твоих овсяных
 Отоснилась ты мне навсегда...*

*Йөрәмәң инде, измәм ал кыуакты,
 Эҙләһәм дә тапмам эҙеңде.
 Төштә генә күрҙем мин ул сакты,
 Голо сәс көлтәһен үзеңдең...*

Когда Сергей Есенин читал это стихотворение в Берлине, Горький слушал его с восхищением, после чего заметил: «Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии...» Если бы великий писатель владел башкирским языком и услышал бы «Не бродить, не мять в кустах багряных» в переводе Рами Гарипова, он испытал бы, наверное, не меньшее наслаждение.

Конечно, и у Рами случались промахи. Так, в некоторых своих переводах он слишком уж обашкиривает русских поэтов. Например, пастушок, будучи русским, может «лихо заиграть на курае». Или: «Не стелили нам алые зори, желая нам счастья, красный намазлык?». Уж что-что, а намазлык — специальный коврик для намаза — в русский быт никоим образом не вписывается. А «проскакал на розовом коне» Рами подает как «проскакал на своем акбузате». И уж совсем недопустимо изображать мать Сергея Есенина, выходящую на дорогу встречать сына, «одетую в старый елян», вместо «старомодного ветхого шушуна». Нельзя же переносить реалии языка одного народа в языковую среду другого.

Что и говорить, в переводах подобные казусы бывают. Взять, например, перевод на башкирский рассказа одного русского мальчика: «Опять остановился, снова смотрю на Льва Николаевича. Он улыбается, и башкиры улыбаются. Я про себя прочитал: “Ла илахи илла алла”»*. Получается, что русский вдруг начинает читать мусульманскую молитву.

* Лев Толстой среди башкир. Уфа: Китап, 1970. С. 49.

Рами Гарипов мечтал выпустить стихи Есенина в переводе на башкирский язык отдельной книгой, но дальше издательства рукопись не пошла. Вот что он сказал по этому поводу заведующему отделом художественной литературы Агишу Гирфанову: «Вам говоришь одно, а вы думаете совершенно о другом. Сколько времени прошло, как я вам Есенина оставил, а он до сих пор лежит. А ведь некоторые вещи, которых и в плане-то нет, выходят без задержки».

И вот продолжение разговора:

«После этого он (Агиш Гирфанов. — Р. Б.) попросил у Рифа Мифтахова переводы Есенина.

— Заключение есть? — спрашивает.

— Я же написал его и отдал вам, — сказал Риф и вытащил свое заключение.

Агиш прочитал. Оказалось, что заключение было написано еще в сентябре 1972 года.

— Теперь уже поздно, план 1975 года утвержден в обкоме. Не можем же мы его изменить, — сказал он и включил в план 1976 года.

Потом долго ломал голову, что за поэт Есенин — русский или советский. Куда его включить: в русскую или в советскую классику?

— В русскую советскую классику, — сказал я, и он так и записал. — В следующем году будет отмечаться 80-летие Есенина, поэтому надо бы включить в 75-й год.

— Есенина пропустить нелегко, ты ведь знаешь про есенинщину, — говорит он.

— Было и прошло. Еще в двадцатые годы. Сейчас к Есенину уже другое отношение. Были времена, когда только за чтение стихов Есенина из комсомола исключали. А теперь его во все учебники включили...

Но разве ж этому человеку втолкуешь. Или он в самом деле невежда, или прикидывается, будто ничего не знает!.. Странно!.. Такая, видать, натура у тех, кто входит в литературу с «заднего хода»...» (17.06.74).

Если уж заведующего отделом литературы издательства приходится просвещать на уровне ликбеза, то можно себе представить трудности создания и выпуска книг.

Тем не менее записи 17 июня 1974 года заканчиваются в оптимистическом духе: «И все же на 1977 год я заставил включить “Мою антологию” (6 печатных листов), а на 1978 год — “Избранное” (7 печатных листов)».

Силы человеку дают такие святые чувства, как вера и надежда, а любовь его окрыляет. Для русских эти христианские добродетели являются духовной крепостью, составляющими нерушимого триединства — «Вера. Надежда. Любовь». Емко выраженная тремя словами формула бытия вечна, как и слова молитвы, не стареющие от постоянного их повторения. Если бы литература, поэзия не стали для Рами надеждой и верой, если бы он не надеялся и не верил, что слово его когда-нибудь дойдет до людей, если бы не горел любовью к своему народу, языку, разве смог бы он преодолеть превратности судьбы?

Вот и сейчас Рами Гарипов весь так и светится, окрыленный надеждой на то, что его книги выйдут одна за другой. Однако не суждено было этому осуществиться. Ни сборник Есенина, запланированный на 1976 год, ни вписанная им в план 1977 года «Моя антология», ни «Избранное», которое он мечтал выпустить в 1978 году, не увидят свет.

Между тем как планово, так и вне плана, будут беспрепятственно издаваться разного рода бесцветные творения, некоторые из которых удостоятся похвал и высоких премий. А ожидавший выхода трех своих книг Рами Гарипов, так и не увидев ни одну из них, уйдет из жизни в феврале 1977 года. Мог ли он тогда это предвидеть? Иногда неведение для человека — благо...

Как переводчик, больше всего сил и времени Рами Гарипов посвятил прославленному персидско-таджикскому поэту Омару Хайяму. Число рубаи, переводом которых он занимался регулярно и последовательно, из года в год неуклонно росло: если в 1972 году он перевел всего одно, в 1974 году — два, то в 1975 году — уже семьдесят три, а в 1976 — двести десять, за январь-февраль 1977 — сорок. Всего же им переведено на башкирский язык триста двадцать шесть строф.

Краткие сведения об Омаре Хайяме: родился в 1048 году в городе Нишапуре и там же в 1122 году скончался. Боль-

шую часть жизни провел в городах Балхе, Самарканде, Исфагане. Создал много великих трудов в области философии, астрономии, математики. Однако миру он стал известен как один из популярнейших поэтов Востока. Рубаи Омара Хайяма переведены на многие языки, а имя его окутано легендами. Хотя многие приписывают ему до пяти тысяч рубаи, исследователи считают его автором четырехсот четверостиший, а некоторые утверждают, что Омару Хайяму принадлежат только шестьдесят шесть рубаи из имеющихся древних рукописей.

Состоящие всего лишь из четырех строк рубаи Омара Хайяма насыщены глубочайшим философским смыслом, представляя собой в мировой лирике ни с чем не сравнимое явление. Каждый из читателей Омара Хайяма воспринимает их по-своему, сообразно собственным вкусам и взглядам. Бытует мнение, будто он прославляет развлечения, кутежи, винопитие. И довольно-таки многие воспринимают поэта на этом уровне.

В самом деле, как еще можно истолковать такие доступные пониманию человека строки, как эти:

*Все недуги сердечные лечит вино.
Муки разума вечные лечит вино.
Эликсира забвения и утешенья
Не страшитесь, увечные, — лечит вино!*

(Перевод Г. Плисецкого)

В другом рубаи — завораживающая многих картина:

*С фиалом в руке, с локоном пери — в другой
Сидит он в отрадной тени, над светлой рекой,
Он пьет, презирая угрозы бегущего свода,
Пока не упьется, вкушая блаженный покой.*

(Перевод В. Державина)

В этом присутствует еще какая-то сдержанность. А то ведь есть строки, по которым видно, что человек и вовсе махнул на жизнь рукой:

*Напейся, забудь даже, кто ты такой,
А недруги пусть потеряют покой.
Что в трезвости? — Помня о вечном конце,
Томить себе душу смертельной тоской!*

(Перевод В. Зайцева)

Однако вино в рубаи Омара Хайяма — это всего лишь способ показать бренность нашего бытия. Жизнь человека очень коротка, и поскольку жизненный срок его ограничен, он должен дорожить каждым мгновением. Вот о чем напоминают его четверостишия. Никто в этом мире не вечен — ни царь, ни гений. Если задуматься, то:

*И пылинка — живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была,
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!*

(Перевод Г. Плисецкого)

Разве родились бы следующие строки, если бы автор не понимал смысла бытия, не осознал, что то, что называется жизнью — всего лишь краткий миг вечности?

*Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей,
Издеваться над глиной, над прахом людей?
Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна
Положил в колесо. Ты безумец, ей-ей!*

(Перевод Г. Плисецкого)

Где бы ты ни был, тебе всюду что-то мерещится:

*Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чашу гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.*

(Перевод Г. Плисецкого)

Омар Хайям не приглашает к винопитию, он прославляет величие жизни. Призывает рушить искусственные

преграды, ограничения, защищает свободу личности, разоблачает показную святость ревнителей религиозного благочестия, изобличает фанатиков-кровопийц, рядом с которыми даже пьяница выглядит как праведник:

*Ты, муфтий, нас беспутнее подчас,
Мы во хмелю тебя трезвей в сто раз.
Пьешь кровь людскую, кровь лозы мы тянем, —
По чести: кровожадней кто из нас?*

(Перевод Ц. Бану)

То, что поэт критикует муфтия, вовсе не говорит о его безбожии. Вера в Аллаха не предполагает бездумное следование религиозным догмам. Когда-то и Мажит Гафури, доведенный до отчаяния несправедливостью, воскликнул: «Видно нет тебя, Аллах!» Сколько же проклятий посыпалось на него за то, что он позволил себе усомниться в существовании Всевышнего, но он, конечно же, не был безбожником, вероотступником. Дерзкие для того времени слова Бабича: «То ли Аллах, то ли сатана дурачит нас» тоже не следует расценивать как отказ от религии, от веры. И Хайям не выступает против религии, он лишь разоблачает тех, кто, прикрываясь своей религиозностью, творит зло.

Притворщиков, пытающихся изображать себя безгрешными, мудрец видит насквозь и бичует:

*Доколе будешь нас корить, ханжа ты скверный,
За то, что к кабаку горим любовью верной?
Нас радует вино и милая, а ты
Опутан четками и ложью лицемерной.*

(Перевод О. Румера)

Смысл жизни для Омара Хайяма — в веселом времяпрепровождении, но особенно — в облагораживающей человека любви:

*Изначальной всего остального — любовь.
В песне юности первое слово — любовь.*

*Несведущий в мире любви горемыка,
Знай, что всей нашей жизни основа — любовь!*

(Перевод Гл. Семенова)

В рубаи Омара Хайяма много разных мотивов, переживания здесь — то возвышенные, то мрачные, поэт предстает то задумчивым, то бесшабашным. Пусть жизнь проходяща и коротка, пусть со всех сторон ему строят козни, одолевает несправедливость, и пусть он даже порою впадает в грех, все равно человек прекрасен и совершенен. А выраженные в философских четверостишиях разнообразные мысли и чувства лишь всецело подтверждают эту истину:

*Мы — цель и высшая вершина всей Вселенной,
Мы — наилучшая краса юдоли брэнной,
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,
В нем, без сомнения, мы — камень драгоценный.*

(Перевод О. Румера)

Вот так пронзительный взгляд Омара Хайяма выявляет творческую сущность человека. Поэт возвысил это божье создание до космических высот. Мастер рубаи, ценивший гармонию и свободу личности выше схоластических взглядов, сияет неповторимым блеском среди таких ярчайших звезд Востока, как Рудаки, Хафиз, Джами, Саади, Руми, Навои, его произведения вошли в сокровищницу мировой лирики.

Появление рубаи Омара Хайяма в переводе Раши Гарипова стало для башкирской литературы важным событием. Этот труд обогатил ее, оказав большое влияние на развитие башкирской философской лирики. Вот как оценил его значение в своем докладе на научно-теоретической конференции, проводившейся в Башкортостане в Дни советской литературы в 1977 году, Ахияр Хакимов: «Не могу не напомнить о беззаветном, самоотверженном труде так рано ушедшего от нас Раши Гарипова. Он был талантливым поэтом, превосходно знал родной язык и, может быть, именно поэтому относился с таким великим почтением к языкам и культуре других народов. Мы все помним

его совершенные, будто отлитые, классические переводы на башкирский язык Есенина, Блока, Омара Хайяма. На мой взгляд, лучшего переводчика Омара Хайяма, чем Рами Гарипов, не было. Я знаю, о чем говорю, потому что мне самому приходилось читать разные переводы великого Хайяма. И для башкирских критиков должно стать делом чести дать достойную оценку его труду. Как поэзия, так и переводы Рами Гарипова входят в число наивысших достижений башкирской культуры».

Возглавлявший долгие годы один из отделов авторитетнейшего в свое время печатного органа — «Литературной газеты» — и являвшийся членом ее редколлегии народный писатель Башкортостана Ахияр Хакимов вращался в кругах творческой элиты СССР, общался со многими знаменитостями. Он был тонким знатоком слова, очень образованным, эрудированным, сведущим человеком, и получить столь высокую оценку от мастера, с которым Рами подружился еще в 50-е годы, ему было бы очень лестно.

Поэт всецело заслужил такие слова своим многолетним титаническим и бескорыстным трудом. Прежде чем приступить к переводу Омара Хайяма, он изучил жизненный путь и творчество поэта, провел тщательный сопоставительный анализ имевшихся русских переводов, ознакомился с публикациями на узбекском и других языках. Чтобы услышать, как звучат рубаи на персидском, вдохнуть воздух, которым дышал великий мудрец, проникнуться духом его народа, в августе-сентябре 1975 года Рами Гарипов посетил памятные места, связанные с его пребыванием: в Ташкенте, Самарканде, Бухаре. Несколько дней он провел в Душанбе, поработал в библиотеках, побывал на новом водохранилище при Нурекской ГЭС.

Кстати, путь башкирского поэта в Узбекистан и Таджикистан начался из Москвы, а помог ему туда съездить не кто иной, как Ахияр Хакимов, добившийся для него командировки. В январе 1977 года Рами побывал в Средней Азии вторично, на сей раз — в Ашхабаде, приняв участие в торжествах по случаю 200-летия со дня рождения туркменского поэта Саади.

В богатом, не имеющем себе равных, архиве Рами Гарипова (в этом отношении его можно было бы

поставить на одну доску с творческим наследием Ризы Фахретдинова) хранится солидный рукописный том в твердом переплете. В нем есть составленная с присущей Рами аккуратностью и педантичностью таблица с четверостишиями Хайяма, а также переводы О. Румера, Г. Плисецкого, В. Державина, И. Сельвинского и др. На каждой странице дается по несколько русскоязычных вариантов, местами — по четыре-пять переводов самого Рами, в конце он поместил наиболее удачные из них и записал дату завершения работы. По всем 326 переведенным им рубаи он провел настоящее исследование, что уже само по себе может рассматриваться как весомый научный труд!

Вот, оказывается, сколько поисков, сравнений, проб и, как сказано в одном месте этого тома, «превращений» предшествовало появлению переводов Омара Хайяма, считающихся одними из лучших в мировой литературе. Безусловно, деятельность Рами Гарипова в этой области требует специального изучения.

До чего же больно сознавать и как не жалеть о том, что этому большому мастеру, профессионально занимавшемуся стихотворными переводами, по крупницам, словно золото, собиравшему год за годом труд под названием «Моя антология», подарившему башкирскому читателю рубаи Омара Хайяма, стихи Есенина и других выдающихся поэтов разных времен и народов, так и не суждено было увидеть плоды своей интенсивной деятельности самому. Видители, некоторых руководителей издательства отпугнула «есенинщина». Хайяма же не печатали потому, что он будто бы пропагандировал пьянство. А сколько раз директор издательства возвращал назад стихотворения гения башкирской поэзии Рашита Назарова, заявляя: «Мы никогда не выпустим книгу стихов поэта, который находится в психбольнице!» На что же мог рассчитывать Рами при таком произволе?

«Моя антология», предисловие к которой было написано мной, вышла в свет много лет спустя после его ухода — в 1990 году. Рубаи Омара Хайяма были изданы отдельной книгой со вступительной статьей Гайсы Хусаинова в 1992 году. Как говорят в таких случаях, справедливость восторжествовала. Сам этот факт, конечно же,

радует, однако он ничуть не умаляет тяжести вины тех, кто чинил поэту препятствия, кто наносил ему незаслуженные обиды и глубокие душевные раны.

Переводчик Рами Гарипов совершил еще одно великое дело: в 1969 году он вернул своему народу эпос «Алдар и Зухра».

В связи с этим считаю необходимым посвятить читателя в предысторию. В 1961 году ученый Мурат Рахимкулов обнаружил в книжном фонде Народной библиотеки имени М. С. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде рукопись под названием «Мои вечера. Сказки башкирские». Рахимкулов известен, прежде всего, тем, что много лет занимался изучением произведений русских писателей о Башкортостане. Собрал их, он выпустил несколько томов.

Ученые утверждают, что упомянутое выше произведение является продолжением выпущенного в Казани в 1812 году «Куз-курпеса», переведенного с башкирского на русский язык Тимофеем Беляевым. Оно подается переводчиком в виде «вечеров» и посвящено Н. Н. Бахметьеву, находившемуся на посту генерал-губернатора Оренбургского края с 1798 по 1803 год.

Когда в конце 60-х годов в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР началась большая работа по подготовке многотомника башкирского фольклора, возникла проблема, связанная с необходимостью включения найденного произведения в один из томов. Если «Куз-курпес» был переведен в 1965 году Баязитом Бикбаем и Нажибом Идельбаевым, то перевод «Моих вечеров» достался Рами Гарипову. Восстановленный им эпос «Алдар и Зухра» вышел в 1973 году во втором томе собрания «Башкирское народное творчество».

Творческий путь Рами Гарипова всегда был тесно связан с фольклором. Собирать башкирское народное творчество он начал, как мы знаем, еще в бытность студентом, обходя во время летних каникул аулы северо-западных районов Башкортостана. Работал над составлением сборника пословиц и поговорок. Рами был и любознательным странником, и пытливым ученым, собиравшим и изучавшим произведения народного творчества, пишущим статьи, и поэтом, по-новому развивавшим в своем творчестве

народные традиции. У нас есть также основания считать его фольклористом. В башкирской литературе не так уж много поэтов, произведения которых насыщены философским духом народного творчества.

То, что Рами Гарипов прекрасно знал язык народа, фольклор, в течение стольких лет черпал вдохновение из этих родников, стало для него хорошим подспорьем, пригодилось при переводе важного документа на башкирский язык. Работал он над рукописью с душой и любовью, прикладывая все свои способности, умения и знания.

В апреле 1969 года я побывал в Москве в научной командировке. Вместе с Тимергали Кильмухаметовым, учившимся в аспирантуре, мы поехали в Дом творчества в Переделкино навестить Рами Гарипова и увидели, как самозабвенно он трудится. Поэт был весь погружен в работу. Казалось, что он где-то очень далеко, живет со своими героями во времена ханов.

Из письма жене, написанного в те дни:

«16 апреля 1969 г. Надя, дорогая! Салям!

Каждый день собираюсь тебе писать и некогда. Работы у меня хватит на три месяца! Перевод оказался гораздо труднее, чем я предполагал. Это ведь и не перевод в обычном смысле, а воссоздание башкирского оригинала, притом не настоящего времени, а далекого прошлого. Это почти то же, что по черепу человека восстановить лицо, облик его, даже характер и психологию далекого предка, его окружение и быт. Самое трудное — его язык, притом очень сильно искаженный русским переводчиком. Вот такая задача передо мною сейчас стоит, и я нахожусь в каком-то духовном смятении, как будто стою на перекрестке сотен дорог... Все передо мною загадка! Может быть, зря я брался за такую работу, где переводческое искусство сливается с научной — историко-этнографической и чисто лингвистической работой. Это мог бы делать только Жэлил-агай или Баязит-агай. Но их нет, а перевод нужен. Раз уж взялся за гуж — надо тянуть!.. Боюсь, что времени не хватит».

В отношении эпоса «Алдара и Зухры» он прав, говоря, что при его переводе требуется основательное знание истории и лингвистики. Данное произведение выполнено

от начала до конца как раз с учетом этих требований на высоком качественном уровне. Поражают проявляющиеся в каждом предложении гибкость языка, его богатство, народность стиля. Именно благодаря знанию фольклора Рами удалось справиться с поставленной перед ним очень нелегкой и непростой задачей – вернуть наследие народного творчества, возродить его на родном языке. Не знающий историю этого вопроса человек совершенно не почувствует, что это перевод. Еще в процессе работы известный фольклорист Хамид Ярми отметил народность перевода.

Приведу отрывок из другого письма:

«12 мая 1969 г. Переделкино, д/т.

Надя, дорогая!

Писать тебе некогда. Я весь ушел в сказку. Работаю теперь днем и ночью. Рука даже ноет. Первые главы читал татарскому ученому-фольклористу Хамиду Ярми, который отдыхал здесь. Он очень удивился богатству языка и моему знанию стиля народных повестей, отметил, что я нашел верный ключ и что совершенно не ощущается перевод, все воспринимается как первоизданный оригинал. Я, конечно, сам тоже думаю так и стремлюсь к этому, но боюсь: не перестараюсь ли, не обвинят ли меня в вольности перевода. Но дословный перевод меня никак не может удовлетворить, получится все по-книжному. Что будет, то будет! Я уже весь освоился в природе народной фантазии и не могу отступить. Жаль, что времени мало».

Переводить созданные на башкирском языке литературные памятники, сохранившиеся лишь в русском варианте, особенно сложно. Такая судьба постигла стихи Салавата. И та же история вышла с эпосом «Алдар и Зухра», который пришлось воссоздавать на основе «Моих вечеров». В этих случаях очень многое зависит от компетентности переводчика, от его чутья, образованности и таланта. И то, что русская версия башкирского эпоса попала в руки Рами Гарипова – сама по себе большая удача.

Еще один фрагмент одного из переделкинских писем:

«17/V – 69 г. Надя! Салям!

Получил твоё письмо – так повеяло домом, детьми. Хотелось на минутку взглянуть на вас, на ваше “житье” без меня и уйти обратно на месяц в свое долгожданное одиночество.

Я, оказывается, могу работать! Только нужно быть самим собой, без всяких редакций, без забот... Только что вошел в русло, а время мое кончается. Когда это повторится, не знаю. Как только берусь за Есенина, прет свое. Я между двух огней. Это немножко мешает, нервирует. Времени мало. Отдыхать я, конечно, не смогу — и вообще смогу ли я отдыхать когда-нибудь. Этого, наверное, и не дано».

Как всегда, Рами не хватает времени. Уж что-что, а сутки распределены на всех поровну: каждому из нас выделено по двадцать четыре часа. И никто уже не может к ним ни часа прибавить, ни убавить. Только вот одни маются, не зная, как убить время, а другие, наоборот, страдают от его нехватки.

Как обычно, находясь в Доме творчества, Рами работает, как одержимый, со всей страстью, не замечая, как дни и ночи сменяют друг друга. А тут еще выясняется, что одновременно с работой над «Алдаром и Зухрой» он занимается переводами Есенина. Кроме того, ему не дают покоя и собственные стихи, которые так и «прут» из него. Они ведь не спрашивают, есть у тебя на них время или нет — хватают за горло и посреди ночи.

В том же письме есть приписка: «Приеду 24 или 25 мая. Как получишь это письмо, пошли 40–50 рублей на дорогу телеграфом». Это уж совсем в духе Рами. Деньги еще как-то можно раздобыть, пусть даже в долг, а вот дни, часы, минуты ни у кого не займешь. Рами так и не научился беречь ни деньги, ни время. Жил весь в долгах. Только перед временем поэт никогда не оставался в долгу. Если уж на то пошло, время тоже, бывает, поддается человеку. Совершенные им дела помогают ему победить не только дни, но даже годы и века. Рами Гарипов бесконечно жаловался на дефицит времени, а в итоге ему удалось посредством своего творчества, оставленных трудов подчинить себе грядущие годы, сделать таинственное будущее своим.

По договоренности с Институтом истории, языка и литературы поэт сделал за определенную плату перевод «Алдара и Зухры» и ряд других работ. «Все свои обязательства перед институтом выполнил: “Шайтановы мухи” (Лоссиевский, Игнатьев), “Сказы башкир о змеях и драко-

нах” (Юлыев), “Асылыкуль” (И. Старков), а также подготовил и переписал легенду “Сон Бииша” (чей?)» (20.05.74). Далее: «Нур Зарипов прочитал “Шайтановых мух”. Попытался поправить одно предложение. Я согласился, мол, будь по-твоему. А другое предложение тронуть не дал. Нельзя: нарушаются мой стиль и моя цель. Без тавтологии нельзя было обойтись» (21.05.74).

Рами был вынужден браться за эти переводы, поскольку устроиться на работу не мог, а семью нужно было кормить. Однако как бы ни старались его низвести до уровня наемного работника, он оставался верен духовному наследию своего народа, хозяином и защитником своего слова.

В том, насколько требователен был Рами Гарипов к переводу, убеждает одна очень забавная, похожая на анекдот, поучительная история. Однажды в издательстве дали ему для внутреннего рецензирования (существовала такая добрая традиция) переведенную на башкирский язык книгу одного видного русского поэта. Проходит срок, а ответа все нет и нет. И вот три наших товарища, переведившие книгу, не зная что и думать, накупили гостинцев и отправились к Рами домой. Хорошо посидели, угостились, поговорили о том о сем и только перед уходом заикнулись о рецензии.

— Один из тех, кто переводил книгу, наверное, слепой, другой — глухой, третий — немой. А кто из вас слепой, кто глухой, кто немой — в этом уж сами разбирайтесь. Я такому уродливому переводу добро дать не могу, — сказал Рами Гарипов, возвращая сборник трем незадачливым товарищам.

Если бы поэт не был столь взыскателен, разве он смог бы создать переводы, способные стать классикой, войти в золотой фонд башкирской поэзии?

ЕДИНСТВЕННАЯ СТРУНА

16 ноября 1971 года Рами Гарипов должен был выступать в прямом эфире по Башкирскому телевидению. До начала передачи ему указали на одну строфу из стихотворения «Салават-батыр», и строго-настрого наказали, чтобы

он ее не читал. Однако Рами не внял предупреждению и прочитал ее. После того случая он подвергся новым гонениям, кольцо вокруг него все больше сжималось.

Вот как звучит внушавшая ужас начальству строфа, навлекшая на поэта очередные неприятности:

*Единство наше враг сломить не в силе —
Перед царями в самый трудный час
Мы головы покорно не склонили,
Кто голову склонить заставит нас?*

В обоих башкирских вариантах стихотворения упоминаются некие «иноземные враги», а переводчик Я. Серпин оставил просто слово «враг», и две последние строки звучат у него более обтекаемо, чем у самого Рами Гарипова, писавшего, что «если уж башкиры перед царями не склонили головы, то и перед другими не склонят». И это заявление «блюстители порядка» восприняли едва ли не как политическое преступление. Не ввели их в заблуждение и «иноземные враги», под которыми автор подразумевал, конечно же, врагов внутренних — тех, кто душил национальное развитие.

Не зря же он произносит такие слова:

*Как Агидель не остановит воды
И никогда не обратит их вспять,
Так никому у нас свободы
И песен Салавата не отнять.*

Это стихотворение — раздумья о кровавых событиях истории башкирского народа, о его героических личностях — посвящено создателю памятника Салавату Юлаеву со словами: «Сосланбеку Тавасиеву — от имени соотечественников, от имени земли нашей, нашей эпохи». Злобные же правители, в чьих руках было правосудие, использовали его против поэта.

За всю жизнь Рами Гарипову пришлось вынести немало несправедливых обвинений. Его современники часто пишут о том, как он, вынужденный покинуть сначала одну редакцию, потом — другую, остался без работы. А после

той злополучной передачи в ноябре 1971 года путь в средства массовой информации для него и вовсе был закрыт. Однако не привыкший сгибаться перед трудностями поэт не переставал вдохновенно трудиться. Напротив, тот год для его творчества оказался самым плодотворным. Очень многие произведения, созданные им в 70-е, были написаны именно тогда. После чтения по телевидению «Салават-батыра» он существенно его пополнил.

Как видим, даже в самые тяжелые моменты Рами Гарипов не охладевал к творческой работе. В его стихотворении о реке Шульган, которая исчезла под землей, а потом вдруг вышла наружу и проложила себе новое русло, есть такие строки: «Наполнился и снова заискрился, он в новой песне проложил течение. Не такова ль судьба мужчины, прошедшего огонь и воду?»

Порою, подобно невидимому Шульгану, Рами записывал создаваемые им стихи и поэмы, наблюдения и мрачные мысли в дневник. Некоторые из своих произведений он сам не спешил сдавать в печать, а те, что он предлагал, не публиковали.

И действительно, в Башкортостане того периода далеко не все из написанного им можно было бы напечатать. Взять хотя бы стихотворение «Алырымкош и Бирмэмкош» 1967 года, где есть такие строки:

*Будто игра «заберу — не отдам» —
Ай-хай, вся наша жизнь.
Что оставила ты мне, скажи.
Только душу я тебе не отдал!
...Отняла ты отца у меня,
Но Отечество отнять не смогла.
Не хотел я дитя свое отдавать —
Ты все равно его забрала.
Однажды заберешь мою мать
И выжжешь мне все нутро,
Только язык сэээнов я не отдам,
Тебе его у меня не отнять ни за что.*

Жизнь того, кто отстаивает правду, защищает человеческую честь, — это праведная борьба. Жизненный путь

такой личности не обходится без препятствий. Подобным людям нелегко донести свое слово до современников, сказать им то, что хочется. Именно так складывалась судьба и у Рами. Бывало, когда запрещали его стихи, когда его самого чернили, клеймя как националиста, он давал себе зарок молчать:

*Пусть слово серебро,
Но ценится, что золото, молчанье.
И мне б иной раз промолчать –
Но поздно эту мудрость я постиг.*

Даже понимая это, правдолюбец Рами Гарипов обуздать свою натуру не в состоянии. Чтобы хоть как-то выговориться, он обращается к дневнику: «Вот и пятидесятилетие отметили. Плакаты с громкими словами и лозунгами, символические картинки сорваны и брошены в грязные весенние воды, лежат там, где им положено лежать... Я видел, как их развешивали и снимали. Снимали их с гораздо большим энтузиазмом, чем вешали. И слова “Прошел их сабантуй...” произносились не без злорадства. Как будто тем самым они заткнули моей стране – моему Башкортостану – глотку... Как будто моей родине, моему народу, на котором она держится, так уж нужна была вся эта шумиха с присвоением имени пятидесятилетия каким-то предприятиям и “заслуженных” званий каким-то бездарным литературным “крысам”... И Орден Октябрьской революции навесили... А где же ее желанные моему народу плоды? Прямо смех разбирает!..» (2.04.69).

Такие вот мысли вызвали у поэта торжества по случаю 50-летия со дня образования БАССР. Причина сарказма кроется не столько в личной неудовлетворенности, сколько в отчаянии, испытываемом человеком, на глазах которого происходят тревожные события: «Чтобы в Уфе – в моей столице, в городе, где проживает столько башкир и татар – не было ни одной башкирской средней школы и ни одной татарской средней школы... (Школу-интернат я в расчет не беру, ибо ее содержат лишь для того, чтобы показывать иностранным делегациям). На всю Уфу только два баш-

кирских класса. В одном из них учится мой сын Азамат. Добираться туда — целая история. Рогервик! То ли ездить из одного конца города в другой в битком набитом трамвае, то ли топать пешком, если хочется (а отец, конечно же, хочет!). Расстояние — всего-то семь километров, а ему уже — семь лет! Уж сколько ходили перед пятидесятилетием в обком, в горсовет, в Совет Министров, обращались к руководству правительства Башкирской АССР, но так и не сумели добиться хотя бы двухколесного автобуса — мы, смиренные, бестолковые, блаженные башкорты!.. Всего какой-то один автобус для башкирских ребятишек, типа арбы, так и остался для меня самой большой мечтой. Хоть садись и пиши стихотворение об автобусе, как Исикава Такубоку — о доме!.. Да кто же это напечатает!.. Разве что Мустай-агай, забывший во время торжеств о себе, о необходимости школы для детей соплеменников?..» (2.04.69).

Давно пора было поднять в печати проблему школы, да кто пропустит твою статью в газету? Рами Гарипову вместе с группой уфимской башкирской интеллигенции долго пришлось обивать пороги кабинетов начальников разных рангов, прежде чем в столице Башкортостана открылась одна единственная башкирская школа.

Безжалостные законы жизни — это тебе не игра в «Алырымкош и Бирмэмкош» («заберу — не отдам»), в которую он играл когда-то в детстве... Из тебя высасывают всю силу и энергию, а взамен частенько не возвращают ни капли. Да еще и душу вытаптывают. Хочешь воспрянуть, подняться вновь, а крылья становятся все тяжелее и тяжелее.

*На жесткой земле распростерся я,
Неистребимый пырей пыльцой сорит.
Самолет пусть летит, громом гремя,
У меня ж нет сил в вышине парить.*

*Не надивлюсь я, глядя на пчел,
Нектар из ромашек белых пьющих.
Мне б тоже сладким нектаром стать,
Сделайте мед из меня, молю я.*

*Но нет, для лакомства я не гожусь,
Во мне, похоже, больше отравы...
В глаза проникает жгучий луч
Тучи, пропитанной ядом кровавым...*

В 1972 году трудно было рассчитывать на то, что в редакциях найдутся близкие по духу люди, которые решились бы поддержать тебя и выпустить это или подобные ему, связанные между собой стихотворения: «Струна», «Салават-батыр», «Язык», «Метаморфозы», «Батырша». Даже если такие смельчаки и нашлись бы, то им не дали бы это сделать бдительные сограждане, привыкшие просеивать все сквозь самое мелкое сито и не по одному разу. Сверху давно уже была дана строжайшая установка: печатать стихи Рами Гарипова как можно реже и лишь для отвода глаз.

Ох, и не задался же этот 1972 год!.. А ведь как замечательно вроде бы начался. 12 февраля Рами созвал родных, приятелей-коллег на свое сорокалетие, праздник получился очень теплым и веселым. А вскоре все пошло наперекосяк. Не успел отшуметь юбилей, как в дневнике появились такие строки: «В областном комитете состоялся бестолковый разговор. Урал Бакиров, Хазеев, Юсупов три битых часа пытались “помирить” меня с Катибой-апай. Примирение было возможно лишь между инквизицией и стариком Галилеем!.. Иного выхода, кроме как уйти, не осталось...» (14.02.72).

Работа в журнале начиналась дружно. Рами Гарипов видел, что поэтессы Катоба Киньябулатова, Фаузия Рахимгулова, Аниса Тагирова, Танхылу Карамышева великолепно владеют словом и искренне радовался успехам каждой. Все как один старались, выкладывались, объединенные прекрасной целью – сделать «Башкортостан кызы» популярным в народе журналом. Да вот только руководительницу журнала не очень устраивал стиль работы Рами Гарипова. Он получал от нее нарекания за то, что являлся в редакцию не вовремя, при этом она как будто не замечала, что ответственный секретарь целые дни напролет, чуть ли не до полуночи, просиживает на рабочем месте, окутанный клубами табачного дыма, готовя материал

и составляя макет. Вызывало недовольство главного редактора и то, что Рами собирал вокруг себя молодых коллег. Она считала, что тот пытается верховодить ими и сбивает с толку. И вот уже в обком, один за другим, стали поступать сигналы о непозволительном поведении поэта. Недоброжелатели так постарались, что даже уравновешенного Рами вывели из терпения. Он лишний раз убедился в справедливости поговорки «Делай добро — жди зло». Подлаживаться и угождать поэт не любил да и не умел, от слова не отступался. Но даже в тех случаях, когда он упорно настаивал на своем, все равно пытался понять других. Терпимый к мелочам, Рами не просал коварства. И, как признался он сам, единственное, что ему осталось в сложившейся ситуации, так это уйти.

Когда, казалось бы, дома кроме него никого не было, стихи не оставляли его в одиночестве:

Жизнь без надежды и любви

Лишается всякого смысла:

Очнувшись от грез, глаза открываю —

Точно вернулся в свою темницу.

Лишь в суете не замечаешь,

Как понапрасну проходит жизнь.

И до того мне темница приелась,

Что я в одночасье ее разрушил.

Перечитав написанные им строки, Рами содрогнулся от собственных слов. Вот и закончился еще один период его жизни. Мир от того, что произошло, не рухнет, только в душе его что-то потухло. Самое обидное и болезненное — это когда тебя не понимают. Ты ищешь единомышленников, понимающих тебя людей, а тебе пакостят исподтишка.

Когда одиночество становится невыносимым, Рами частенько вспоминается Хасан Туфан. И стоит лишь подумать об этом выдающемся татарском поэте, как начинаешь вновь наполняться силой, уверенностью и надеждой. Размышления о судьбе Туфана, хлебнувшего в жизни немало лиха, как раз и подвигли Рами Гарипова на создание поэмы «Поклонение»:

*Тысяча девятьсот тридцать седьмой год,
Кровью обагренный, в огне рожденный!..*

Полсада, которому нет еще двадцати,

Порублено топором, уничтожено...

.....

Словно не было на земле Бабича!..

Словно не было Туфана, Хадии и Юлтыя!..

Молодость Хасана Туфана была тесно связана с Уфой, с Уралом. Как Башкортостан любил Хасана Туфана, так и он воспринимал его как Родину, часто приезжая в нашу столицу. Его строки «в возрасте настоящего джигита был Салават» стали крылатыми.

Туфан всегда разделял радости башкирского народа, хранил глубокое уважение к его истории и культуре. Думая о судьбе республики, он заявлял: «Будущее твое велико, Башкортостан, и так близко моей душе». Поэт слышал, как знакомые ему уфимские улицы, где он жил, зовут его, говоря не «приезжай», а «возвращайся к нам». Из стихов Хасана Туфана, которые он посвятил башкирским поэтам, и из стихов, посвященных ему, можно было бы составить яркий разноцветный букет — символ настоящей творческой дружбы.

Рами Гарипов, считавший Хасана Туфана своим учителем, общался с ним с 60-х годов. Помнится, как после съезда башкирских писателей летом 1968 года группа литераторов побывала на берегу Демы, после чего нас ждало застолье в квартире Гариповых, где Хасана Туфана принимали как почетнейшего гостя.

Уйдя из журнала, Рами вновь занялся своими рукописями. А личный архив привел в порядок еще в прошлом году. Он бережно хранил в нем письмо Туфана, которое тот написал ему два года тому назад. Рами захотелось перечитать его:

«Мой духовный, творческий брат Рами!

Я обращаюсь к тебе так неспроста. Желание обратиться к тебе таким образом возникло потому, что я постоянно слежу за твоим творчеством, читаю твои стихи. Оно продиктовано чувствами, которые давно родились у меня в ходе раздумий.

Роднят нас с тобой думы о прошлом наших народов, тревоги об их настоящем и будущем. Я думаю, что наши сердца близки друг другу по своей сути и тем, что они являются как бы радиоприемниками, которые улавливают волны, исходящие из душ наших народов. Наши с тобой творческие устремления идут параллельными путями, они не пересекаются. Думаю, из-за этих твоих качеств я и считаю тебя моим дорогим младшим братом».

Всю жизнь искавший родственную душу Рами редко слышал в свой адрес столь искренние слова участия. И до этого письма, которое Хасан Туфан начал с сердечного, родственного обращения, он, так болеющий за свой народ, был для него чуть ли не святым, а тут и вовсе растрогал его. Когда получаешь поддержку от такого большого человека, преодолевать трудности значительно легче. Вот что пишет Хасан-агай:

*Дороги мне, о Рами,
Те, кто любит Родину, веру!
Кто живет лишь ради себя —
Они двуличны, брат мой!*

Если тебе понадобится добрый совет, будет нужна поддержка, помни, что ты, без всякого стеснения, можешь положиться на меня, что в Казани есть люди, готовые в любую минуту протянуть тебе родственную руку. В жизни приходится издавать не только призывный клич, но и крик о помощи. Если что — кричи мне через письма, и я раньше других услышу твой зов».

Рами Гарипов никак не ожидал получить от большого поэта столь теплое, длинное послание. Когда вышла книга «Аманат», он переслал ее татарскому поэту с такой надписью:

Х. ТУФАНУ

Посылая книгу «Аманат»

*Хасан-агай Туфану —
Среди поэтов — хану,
Пусть часто возвращается в Уфу,
К напевам башкирским;*

*Пусть крепко держит в руках
Поэзии знамя,
В семидесятом году
Новогодний привет
Я ему передам!
Пусть наденет свои очки
И напишет ответ на мой привет,
И будет письмо его как Завет!..*

Рами Гарипов втайне на что-то надеялся, но на такой ответ даже рассчитывать не мог! Какой он, оказывается, внимательный, уважительный, человечный, этот Хасан-агай!

Рами не хотел беспокоить корифея своими неприятностями. А что касается адресованного ему письма, то ему было очень дорого высказанное мнение о книге. Вот какое впечатление произвело на Хасана Туфана «Поклонение»: «Это произведение написано с высоким накалом, пылким вдохновением, с горением. Очень многие строфы брызжут поэтическими искрами...» — отмечает он и дает свои дружеские советы. «Рами, я несколько раз с большим удовольствием и волнением прочитал “Аманат”. На полях почти каждого стихотворения я выражал свое восхищение и делал пометки», — пишет аксакал.

Показать бы кое-кому его послание, может быть, тогда открыли бы путь его многострадальной поэме. Но Рами понимал, что это ему не поможет.

Хасан Туфан поделился с ним творческими новостями: «Если спросишь, писал ли я там (в Переделкино. — Р. Б.), — вот один пример: “Монолог Тимерхана”». Он даже полностью приводит стихотворение, посвященное родному языку. Конец его звучит так:

*Где бы я ни был,
Край мой родимый,
Ты мне Родина —
Мой родной, прекрасный язык.*

*Ты вера моя, родной язык!
Уж не потому ли,
Хоть мне голову и согнули,
Сердце мое непокорно?!*

Слова седовласого патриарха поэзии, фактически представляющие собой формулу жизненного героизма, Рами Гарипов воспринял как призыв к сохранению твердости духа и как пример верности родному языку. Это письмо является одним из наиболее впечатляющих фактов проявления бескорыстных творческих связей между национальными литературами, заветом новым поколениям о необходимости блюсти и развивать эти добрые традиции.

О том, насколько мудр и умен был многоопытный Хасан Туфан, прошедший тернистый путь и выдержавший удары грозных политических стихий, говорит сказанное им о «Покаянии»: «Это произведение, по-видимому, пока не сможет выйти в свет (ведь атмосфера предстоящего XXIV съезда уже не будет такой, как на XX съезде). Но как историческое произведение пусть оно будет в запасе, наготове. Ведь культ личности, принесший стране столько бед, история никогда не оправдает».

Поэты прекрасно знали, что власть имущие не примут сказанную ими правду на ура, но это не останавливало их. Написанный Туфаном с болью за судьбу языка, за будущность татарской нации «Монолог Тимерхана» тоже не вписывался в установленные сверху рамки. И, наверное, по этой самой причине то стихотворение не вошло в его двухтомник, вышедший в 1974–1975 годы.

Письмо башкирскому собрату по перу он завершает как старший заботливый друг: «Вот что я хотел тебе сказать сейчас, Рами. Твоя любимая и милая дочь отнимает у тебя, безусловно, много творческих сил. Но “Башкортостан кызы” — не только большая, но и великая, наиважнейшая работа! Готовь себе смену, способную вырастить и далее пестовать эту твою прекрасную дочь; даже если ты вынужден с головой уйти в журналистскую работу, не остывай к главному делу твоей жизни — к поэзии, не вздумай. Верь в свой талант. С родственным приветом твой Хасангай. Переделкино. 9.03.70».

Теплые слова, каких Рами не слышал от находящихся рядом с ним в Уфе аксакалов, произнес Хасан Туфан из Казани. Да, видно, не зря говорят, что дальнее солнышко лучше греет.

После ухода из журнала «Башкортостан кызы» прошло совсем немного времени, как поэт попадает в новую передрыгу. Как-то после одного вечера, состоявшегося в Стерлитамаке, в гостинице между Рами Гариповым и писателем Вазихом Исхаковым возникла перепалка, закончившаяся дракой. Резонанс от той потасовки получился очень громкий. Дело дошло до разбирательства в обкоме партии.

Из дневника: «Партбюро заинтересовалось стерлитамакской историей. Оказывается, Ахунзянов Т. И. сам ездил в Стерле.

Разговаривали с Фаритом (Фарит Исянгулов. — Р. Б.). Говорит — вы уж не давайте этому делу ход. Просто смех! А если вдуматься — это же наша трагедия.

Да уж, чтобы суметь доказать правоту, нужна правдивая атмосфера, правильно мыслящие люди, правдивое время.

Но где они? Сплошная экспансия и убожество!

Эх, люди, люди!..» (14.03.72).

А эта запись сделана 28 марта:

«Радио: “Горький и музыка”.

1. Квартет Бетховена.

2. Музыкальная картина Бородина “Средняя Азия”.

3. Римский-Корсаков — “Шехерезада”.

4. Стравинский — “Весна священная”.

Поразительные вещи. Какие только картины не всплывают перед глазами! До чего же мощная у музыки изобразительная сила!..»

ПЕСНЬ ПУСТЫНИ

(Слушая мелодию «Средняя Азия» Бородина)

*По бескрайней пустыне знойной
Ступают невозмутимые верблюды.
Пустынные ветры к ногам их гонят
Высокие гребни песчаных волн.*

*Пески да пески. Змеи песчаные
Жалят им ноги. Но верблюды
Идут степенно и величаво,
Как Боги, спустившиеся с небес.*

*Вечность с вечностью соединяя,
Тянется длинный караван,
Я же под долгую песню пустыни
Грежу красотою дальних стран.*

«Да, эта картина созвучна моему нынешнему настроению. В душе, и в самом деле, песчаная буря, горечь и одиночество. Хорошо еще, что самые тяжелые дни я провел с «Персидскими мотивами».

Сколько же в человеке лицемерия, мелочности, пако-сти! Скатывающийся снежный ком обрастает так, что превращается в гору, и даже пуговица кажется верблюдом. "Демагог, националист, скандалист, вождизм, авантюрист, самореклама..." Какие только ярлыки не навесили на меня из-за какой-то бездари. О времена, о люди!.. Терпи, мое сердце, терпи... Работать, засучив рукава, стиснув зубы, надо работать и работать — это единственное утешение.

Даже если от моих стихов не останется ни строчки, переводы мои имеют право на то, чтобы остаться!

Если порешить самого себя, пользы не будет никому. Пусть рот будет полон крови, сплунуть ее перед врагом нельзя.

Делай добро и клади в воду, если народ не узнает, узнает рыба... Справедливые слова!»

Как я уже отмечал ранее, если бы кто-нибудь вызвался написать драму о Рами, то он мог бы воспользоваться уже готовыми монологами из дневников поэта. Записей там не на один монолог. В дневниках Рами Гарипова столько самоанализа, что на его основе можно было бы провести целое научное исследование или создать потрясающее произведение психологического характера.

По стихотворению «Песнь пустыни» можно видеть, как глубоко умеет поэт проникать в мир музыки. Он пишет его, вдохновленный божественной мелодией, откровенно делится своими переживаниями. Поэт избрал для сравнения с собой навьюченного верблюда, ноги которого кусают змеи, а тот гордо ступает себе по горячему песку. Так и Рами, нагруженный думами и заботами о родине, шествует прямой дорогой, не сбиваясь с пути, тогда как ноги поэта хотят опутать кандалами. Человеку остается всего лишь одно средство — трудиться!

Через несколько дней он выражается еще более категорично: «Похоже, что случай в Стерле некоторые восприняли к сердцу даже ближе, чем я сам. Но выйти из этой ситуации нет никакой возможности. Она тупиковая. Один-единственный выход – работа. Мы сильны только трудом!..» (1.04.72).

А вот что пишет Рами на следующий день: «Всю ночь колото сердце» (2.04.72). Потрясения, сделавшие морщины на его лбу еще глубже и прибавившие седины его волосам, – все они скапливаются в одном сердце.

С февраля-марта 1972 года в жизни Рами Гарипова наступил самый тяжелый период. В последние пять лет, чтобы содержать семью, ему постоянно приходилось заниматься поисками работы. Сколько раз обивал он пороги издательства и редакций в надежде выпустить книгу и опубликовать стихи, ломился в закрытые двери начальников. Вышестоящие персоны делали вид, будто хотят ему помочь: направляли Рами то в журнал «Пионер», то в Институт истории, языка и литературы. Но даже если там и была работа, ему говорили, что вакансий нет. Вот и Раис Низамов близко не подпускает коллегу-однокашника к возглавляемому им журналу «Агидель». А ведь они вместе учились в Литературном институте и Рами ему всегда помогал, чем мог. Это был тот самый Раис, который, работая собкором газеты «Совет Башкортостаны» в северо-западных районах, написал о нем в свое время хвалебную статью. Почему-то новый главный редактор не прислушивается даже к словам самого Мустая Карима...

Одно дело – когда неустроенность из-за невозможности найти желанную работу длится месяцами, и совсем другое – когда это растягивается на годы, причем трудности наслаиваются друг на друга. Но больше, чем безработица, поэта терзало его бесправное положение. Он был уверен в своей правоте, отлично знал цену своим стихам, силу и значимость своих произведений, но отвечающие за печать люди признавать это не желали. Неопровержимые факты и доказательства отскакивали от их твердых лбов. Сколько унижений и стыда вынужден был терпеть Рами.

Из воспоминаний Рашида Султангареева: «Не скажу точно, какой это был год, кажется, середина 70-х. В Доме актера состоялось открытое партийное собрание. Повестку дня не помню, однако же участвовал в нем секретарь обкома. Доклад делал секретарь партбюро Фарит Исянгулов. Видимо, речь шла о национальном вопросе, о языке. Докладчик говорил примерно так: “Рами Гарипов – человек, подхвативший рваное знамя Заки Валидова. Башкирский народ, башкирский язык не нуждаются в его защите. Кто ему давал такое право!” Для того времени это было очень страшное обвинение. Рами, привыкший получать тумачи, не согнулся. Но после того как собрание закончилось, сказал докладчику: “Фарит, я впервые не подаю тебе руку!” В этом и выразился весь его протест».

Как же прорвать эту блокаду – выбраться из бесправного положения, которое хуже безработицы?

Свой протест поэт выражал не только тем, что он отказывался пожать руку обидчикам. Верный своим принципам Рами старался, насколько это было возможно, преодолеть препятствия, продолжал творческую работу. Писал стихи, готовил новую книгу. Поэтических переводов у него было уже на целую антологию. Когда поэту становилось особенно невмоготу, он вспоминал строки из Хасана Туфана: «Как же дорог ты мне, мой изящный родной язык, ты – моя Родина». И тогда словно появлялся какой-то проблеск надежды.

Как бы ни старались коварные недруги обвинить Рами в национальной узости, навесить на него ярлык националиста, они не смогли сломить его дух. Гордость и негибаемость поэта злили их и ожесточали еще сильнее, что усугубляло и без того нелегкое его положение.

Перечитывая дневники, он наткнулся как-то на запись, сделанную им 28 июня 1953 года во время экскурсии в Новгороде: «По линии матери во мне есть русская кровь... О, русская земля! Я воспринимаю эти слова так, как если бы был русским. Однако думаю я по-башкирски и горжусь тем, что башкир. Но я все равно далек от того, чтобы ограничивать себя интересами только своей нации».

Сколько времени прошло с тех пор, сколько воды утекло. Московский студент Рами женится на девушке-москвичке, которая учится говорить по-башкирски, поет башкирские песни и читает стихи мужа на его родном языке.

Взгляды зрелого поэта несравнимо шире, чем у того студента. Занимаясь переводами национальных поэтов, общаясь со многими из них, он расширял не только свой кругозор, но и горизонты всей башкирской поэзии. Разве можно обвинять этого человека в национализме? Даже некоторые его закадычные друзья и те внушали ему: «Ну что ты заладил – родина да язык, не пора ли сменить пластинку? Все дергаешь и дергаешь за одну струну!..»

*По очевидной для него причине
С укором говорит приятель мне:
Как ни старайся, ты – не Паганини,
А все играешь на одной струне, –*

так начинается стихотворение «Струна», которым Рами Гарипов ответил советчикам. Для него родной язык и родина – самая святая струна.

В вышедших после смерти поэта книгах тексты этого стихотворения даны в разных вариантах. К сожалению, произведение не было напечатано в 1972 году, когда оно было написано. Однако слова поэта способны проникнуть в сердца соотечественников в любые времена:

*Одна струна!
Но от души народной
Идет ко мне ее тугая нить.
Сто струн других, порвись она сегодня,
Ее бы не сумели заменить.*

*Ей равных нет – спасая от кручины,
Она сверкает, радуге под стать.
Я – не паук, что нить для паутины
В любом углу готов себе соткать...*

*Родимся мы на свет и умираем,
Заметь себе, не сто — всего лишь раз.
Простор, что мы зовем родимым краем,
Один у нас, язык один у нас.*

*Мне переборов сотни струн дороже
Одной струны неповторимый звук.
А остальные девяносто девять...
Что же, оставь их при себе, мой строгий друг.**

Когда пишешь подобные стихи, безработица, безденежье забываются. Пусть в редакциях для поэта не находится места, он не сидит сложа руки. У Рами свои представления о труде и о счастье, он подходит ко всему с собственными мерками. Если у него рождаются такие стихи, как «Батырша» и «Струна», значит, не все еще потеряно. К тому же есть еще и собратья по перу, с которыми можно поделиться секретами, переживаниями и радостями.

«Прочитал “Струну” Хасану (Хасан Назар. — Р. Б.). Перед отъездом в командировку читал Равилю Бикбаеву. Говорят, хорошее стихотворение. А для меня самого — лучшее из лучших. Поэзия и поэт в нем — единое целое. Несчастье личности — счастье поэта, а его счастье — несчастье личности. Софистика, разумеется. Разговаривали с Хасаном о том, как башкиры подарили Гете лук и стрелы, о поэте и личности, о М. Кариме, Р. Гамзатове, К. Кулиеве, Д. Кугульддинове, Н. Наджми... Мелкая личность всегда убивает поэта — это вечная трагедия. В сегодняшней поэзии так не хватает личности — не хватает человека» (17.06.72).

Поэта преследуют мелочность и несправедливость, а все его мысли, по-прежнему, заняты заботой о поэзии, об ответственности и о великой цели. У него есть намерение написать поэму «Мой отец» и еще много всяких планов... Эти помыслы, наверное, как раз и подтолкнули Рами к написанию «Сожженных писем» и «Поэмы интегралов», которые ему не удалось закончить. Сколько радости доставили ему завершённые стихи, а сколько черновики дожидаются, когда он прикоснется к ним вновь. Хоть

* Перевод Я. Серпина.

и не ходит на работу, а дел — невпроворот. И ведь именно в том самом, многотрудном 1972 году, Рами Гариповым написано больше всего произведений.

Как-то раз Якуп Кулмый, встретив Рами Гарипова, от души приветствовал его: «Склоняю голову перед великим башкирским национальным поэтом!» И тот записал после этого в дневнике: «Великий — ерунда. Самое верное по отношению ко мне — национальный. И в этом — моя трагедия» (16.06.72).

В невыносимые моменты Рами тянется к родной земле, уезжает к односельчанам. «Ночь. Луна. Сходил на берег Юрюзани. Думал о “Моем отце”. Должно получиться до тридцати стихов. Новая книга» (15.05.73).

«У меня еще очень много работы. К “Отчему дому” нужно еще добавить “Бабушкину могилу”, “Три свадьбы” и “Загадывая желание”» (4.06.73) — здесь тоже все время проходит в творческих заботах. Эти стихи, возможно, и были написаны, но пока нам известны лишь их названия.

Соскучившийся по земле поэт вскапывает огород, сажает картошку. Мастерит для одного пожилого односельчанина ворота. «Сегодня моя инэй*, пока я управлялся с работой по огороду, истопила баню — не банька, а рай!.. Я просто обязан написать о ней стихи. Вот эскиз: “Райская баня” (стихотворение в 25 строк. — Р. Б.). После бани — 200 гр. — берег Юрюзани. Лунные блики на воде. “И русая коса”, и я хмелею от соловьиных трелей. Великая мечта: работать себе спокойненько в сельской библиотеке и окутать всю деревню растениями — тополями, березами, черемухой, рябиной, калиной, сиренью...» (16.05.73).

Рами подолгу сидит под луной на склоне горы, предаваясь мечтам. Сколько полезных дел можно было бы совершить в родном ауле, организовать молодежь, собрать богатейшую библиотеку. Из него получился бы неплохой библиотекарь. Он справился бы, наверное, не хуже Мирхайдара Файзи. И на то, чтобы писать, хватило бы времени с лихвой. От черемух исходит такой аромат, как будто разбрызгали духи. В лунную ночь нет конца-края мыслям и мечтам. Новый дом, сад-огород, столярная мастерская...

* Мама.

Неужто выращенный им сад не будет благоухать такими лунными ночами, неужто не будут шуметь его тополя?.. Опять вспоминается стихотворение Такубоку «Дом», и снова берет тоска. Несбыточная мечта японского поэта о домашнем уюте...

*Напрасная и грустная моя,
И бесконечно милая мечта,
Мне было бы жалко потерять тебя!
И думаю в молчанье одиноко
Все о тебе, любимая мечта!..**

На родине к Рами как будто снова вернулись самые светлые дни его жизни, вспомнились дорогие ему люди, давно покинувшие этот мир, и казавшиеся неосуществимыми мечты словно начали воплощаться в реальность. Он помнит, когда был совсем еще маленьким, в деревне его дедов Гайфуллиных Ябуляке бросил на могилу бабушки сначала горсть ягод, потом — горсть земли. Ему никогда не забыть похожий на голубиное воркование мягкий, бархатный, завораживающий голос этой самой почитаемой в ауле женщины, знавшей и рассказывавшей множество сказов о Салавате, читавшей священные аяты, хвалебные молитвы-салаваты. И когда друзья и знакомые бросали на ее могилу землю, ему казалось, что он так и будет всегда звучать.

Как бы ни было ему на родной земле хорошо и привольно, оставаться здесь долго Рами не мог. Только поэт приступил к работе, как из Уфы звонит жена: он должен явиться в обком по поводу его книг.

Именно так: речь идет не об одной, а о нескольких книгах. Директор издательства Нуртдинов пришел в ужас, когда Рами принес с собой целую кипу сборников. Что поделаешь, чиновнику не понять величия и масштабов его творчества. Если бы книги Рами Гарипова выходили вовремя и при выпуске каждую из них не обдирали бы, как липку, их не скопилось бы столько. Рами заведомо знал, что его хлопоты, многократные обращения

* Перевод В. Марковой.

и к республиканскому начальству ничего не дадут. И все же не поехать в Уфу он не мог. Нельзя упускать последний шанс, если не ради себя, то хотя бы ради жены, которая все еще на что-то надеется.

Больше всего поэт озабочен сейчас «Рябинушкой-невестушкой». Ему хочется, чтобы книга вышла в более полном объеме. Из прожитых им сорока с небольшим лет более двадцати верой и правдой прослужил он родной литературе. Творчеству Рами Гарипов посвятил и отрочество, и молодость, и зрелость. Источник его вдохновения пока не иссякает, написанного за год хватило бы на целый сборник. Стихи его высоко оценивают и читатели, и литературная общественность, и критики. Поэтому у него есть право предстать перед народом с солидным томом.

С такими мыслями и надеждами готовил Рами «Рябинушку-невестушку». Он включил в этот сборник очень много новых стихов, добавил кое-какие из прежних, а также переводы. Ему хотелось представить в нем разные периоды своего творчества, но ядро должны были составить произведения, пока не вошедшие ни в одну из предыдущих книг.

Собранные здесь стихи, особенно те из них, что были созданы за последние годы, дали бы более полное представление о творчестве Рами Гарипова. Только такая книга смогла бы развеять слухи и кривотолки вокруг имени поэта, отразить его настоящий характер, довести до читателей правду о том, за что он болел всей душой и боролся. Кроме поэтического слова, иного средства поделиться с соотечественниками мыслями, сомнениями и тревогами, добиться их понимания у Рами не было. Он нуждался в общении с народом, как никогда.

Однако и на этот раз его ожидало разочарование: планом издательства было предусмотрено всего лишь три печатных листа. То есть, от семидесяти до семидесяти пяти машинописных листов или две тысячи сто строк. В этот объем не втиснешь даже не печатавшиеся ранее стихи. Рами настаивал на том, чтобы довели хотя бы до четырех печатных листов. Но не тут-то было. Руководство издательства сделало все с точностью наоборот: вместо запланированных трех оставили только два листа!

Заведующий отделом художественной литературы Агиш Гирфанов поставил Рами Гарипова перед фактом, сообщив: «Твою книгу мы уже спустили». Редактор сборника Равиль Шаммасов подтвердил его слова: «Уже сдали в набор, все прочитали, так что я тут ни при чем».

Куда теперь податься, с кем посоветоваться, у кого просить помощи? «Если бы я не был нищим, то совсем отказался бы от этой книги, да никак нельзя. Пришлось кромсать. Сократил полкниги и то, что осталось, отнес Кларе Тухватуллиной, а когда позвонил, чтобы узнать что и как, она ответила мне недовольным голосом:

— Читаю пока, читаю, придешь в понедельник.

Значит, надеяться мне не на что. Если Урал Бакиров не сделает что-нибудь, то все окажется без толку — лыко с камня не сдерешь.

Похоже, “Рябинушке-невестушке” суждено стать самой плохой моей книгой. Все новые стихи вычеркнуты. Каждый, кто читал, общипывал ее. Кончали прямо, как курицу Хужи Насретдина.

...В отделе литературы поверх висящих на стене обязательств написали: “План выполнен... Ура!” Моя книга пошла в набор самой последней...

— Из-за тебя мы ведь без премии можем остаться, — сказал Амир-агай (главный редактор издательства Амир Гареев. — Р. Б.).

— Кому — что...

О, времена!..»

Эту запись Рами сделал 15 июня 1974 года. А 17 июня поэт побывал в Башкирском обкоме КПСС. Клара Тухватуллина книгу прочла, но то, что она сказала, обрадовать не могло. По ее мнению, в его стихах один и тот же мотив, уныние, пессимизм, да и переводы в том же духе. Тем не менее Тухватуллина пообещала переговорить с Нуртдиновым, чтобы сделали три печатных листа.

Люди, отвечавшие за идеологическую работу в республике, обвиняли поэта в упадочничестве, считая, что как Рами Гарипов, так и великие поэты, которых он переводил, воспевают пессимизм. Партийные функционеры требовали, чтобы стихи были возвышенными, ясными, без

налета сомнения и неуверенности. Зачем им твои волнения, тревоги, сожаления, терзания из-за мнимых и явных грехов, стремление к чистоте и искренности, отчаянные поиски красоты и совершенства, тоска, страдания, покаяния, молитвы?..

К счастью, башкирская поэзия давно уже вышла за пределы довлевших над нею тесных рамок. 70-е годы стали периодом ее расцвета. Изображение действительности только в черном или белом цвете, попытки объяснения диалектики жизни, сущность вечной и беспощадной борьбы за существование исходя исключительно из классовых противоречий стали анахронизмом. Разумеется, от таких недостатков, как убогость мысли, схематизм, ложный пафос в стихах, отсутствие образности, недооценка значения слова, литературе не избавиться полностью никогда. Они не являются издержками болезни роста или периода накопления опыта, а присущи ей изначально. И все же времена, когда эти негативные качества преобладали, канули в Лету. В 70-е годы башкирская поэзия поднялась на одну высоту с самыми признанными поэзиями страны. Произведения Мустая Карима, Назара Наджми, Рами Гарипова, Рашита Назарова претендовали на то, чтобы занять место среди высоких достижений многонациональной советской литературы. Не каждый народ мог похвастать в тот период такими талантами. В башкирской же литературе этот список постоянно пополнялся новыми именами самобытных писателей, каждый из которых вносил свой весомый вклад в ее развитие.

Кажется странным: в то время как поэзия переживала подъем, завоевывая новые эстетические высоты, партийной идеологии не доставало глубины и широты мышления. В отношении к литературе партийные чиновники все еще руководствовались примитивными конъюнктурными соображениями, признавая за собой лишь направляющую и контролирующую функции. При этом они вели себя крайне осмотрительно, исходя из принципа «как бы чего не вышло», бдили и перестраховывались, как только могли. Все это неизбежно приводило к излишней подозрительности, когда едва ли не каждый автор казался им неблагона-

дежным и рассматривался как внутренний враг и потенциальный изменник родины, а в каждом произведении выискивались крамольные мысли. И как результат — придирки, безжалостное кромсание выпускаемых книг.

Пожалуй, больше, чем остальным башкирским литераторам, в этом отношении доставалось Рами Гарипову. У властей в те годы вошло в привычку наказывать авторов за малейшую провинность — за то, что чуть оступились, угодили в подпитии в милицию, за семейную ссору. Они пользовались любым предлогом, чтобы не давать писателям возможности печататься в газетах и журналах, запрещали даже упоминать имя «провинившегося».

Достаточно многие из башкирских писателей прошли через это и знают, что более суровой кары для творческого человека не придумашь. Но существует еще один изощренный и жестокий вид наказания — это когда вдруг ни с того ни с сего приостанавливают запущенную в производство книгу, обнаружив в ней нечто не соответствующее советским канонам, и даже вырывают страницы из уже готового издания. Подобное произошло, например, с одним из сборников Назара Наджми. Такая же участь постигла и мою поэму «Ностальгия». Сотрудники редакции «Совет Башкортостаны» получили выговора за то, что они ее напечатали. Я не смог включить ее в свои книги. В тот период имя Шайхзады Бабича снова оказалось под запретом. Стихи его из учебников изъяли, поэтическая двухтомная антология на русском языке вышла без Бабича. И публикацию моей монографии о жизни и творчестве великого поэта задержали почти на десять лет.

Возможно, некоторые считают Рами Гарипова первым башкирским диссидентом. Но против государственного строя он никогда не выступал, всю жизнь оставаясь преданным патриотом советской страны, творил ради нее и люто ненавидел ее врагов («Смотри, враг: это наша правда!»). Вместе с тем поэт не принимал порядки, тормозившие развитие, запреты, душившие мысль, недоверие и подозрительность. Судьба страны и судьба языка были для него неразрывными священными понятиями. Унижение наций, демонстрацию превосходства одного языка над другим он воспринимал как унижение Отечества.

*Язык и родину продавший,
Ты — трус, трясущийся от страха,
Таким могиле будешь в тягость,
И даже смерть побрезгует тобой.*

Такого рода стихи не могли не настораживать тех, кто заботился лишь о собственном благополучии, всеми силами стараясь удержаться на высокой должности. Не зря говорят, что на воре шапка горит: поведение власти предержащих показывало, что они прекрасно понимают, кому были адресованы эти вызывающие слова. Стоит ли в таком случае удивляться тому, что каждый выдаваемый Гариповым в 60–70-е годы сборник досконально перепроверялся и подвергался издевательствам, в том числе и «Рябинушка-невестушка»?

На следующий день после разговора в обкоме партии Рами Гарипов зашел к Мустаю Кариму. На очередном заседании правления Союза писателей тот отправил ему записку: «Рами! Ты на меня поглядываешь! Наверное, ждешь ответа. К сожалению, пока не могу сообщить тебе ничего утешительного. Я сам не смог получить положительный ответ. Возможно, подумаем над каким-нибудь другим вариантом. Об этом я не забуду, приму меры, переговорю с нужными людьми опять, разузнаю. 16.VIII.73 г. Мустай Карим».

Если тогда не вышло, то получится на этот раз. Надо получше все объяснить. А о том, что было дальше, какой разговор состоялся между двумя поэтами, читаем в дневнике:

«Ознакомившись с содержанием книги, вызвался сразу же позвонить Амиру Гарееву домой, но когда я сказал:

— Домашнего телефона у него, вроде бы, нет, — он решил написать письмо. Написав больше одной страницы, зачитал мне и велел ему отнести... В письме говорилось о том, что редактор выхолостил, искромсал книгу, что автора не ставят ни в грош и что требования его обоснованы. Поэтому Мустай-агай хотел бы, чтобы издательство приняло во внимание пожелания автора.

— Законные требования автора, — уточнил я.

Мустафа-агай так и написал. Потом, подчеркнув, что я уже 25 лет работаю в литературе и что он знакомится

с каждой моей книгой, писал рецензии, что принимает близко к сердцу судьбу «Рябинушки-невестушки», попросил не сдавать ее в набор, пока мы вместе не просмотрим после того, как он числа 24 июня вернется из Москвы.

Вот так, разговаривая со мной, он написал письмо и прочитал его. Это письмо лежит сейчас передо мной: «Амиру Гарееву. М. Карим»» (18.06.74).

Примерно через месяц поэты вновь возвращаются к этой теме:

«Разговор с Мустаи-агаем.

— Книгу твою прочитал, из новых стихов годятся все, кроме нескольких минорных. Переводы прочитал вместе с оригиналами. Сходим к Ахунзянову, когда он вернется. Ты уж подожди недельку. Сначала я сам с ним переговорю» (15.07.74).

Даже Мустаю Кариму не удалось облегчить участь «Рябинушки-невестушки». На последней странице книги справка: «Сдано в набор 20/VI.1974 года. Подписано в печать 3/IX.1974 года». Объем больше двух, но меньше трех печатных листов. Аминь. Вассалам. Вот так решилась судьба «Рябинушки-невестушки». И уже бесполезно говорить о ней ни внизу, ни наверху. Хоть головой бейся о камень, все равно ничего не изменить.

Гнется моя рябинушка,

Ягоды роняет моя рябинка.

Нет, то не рябинка —

Это я роняю свои слезинки...

Люди будут смотреть, как осыпается рябина, а на слезы твои никто не обратит внимания. Впрочем, ты и сам не захочешь их показывать.

Судьба книги — судьба поэта. В его творчестве это очередная ступень, даже своего рода очередной этап. Чем полнее новый сборник, тем лучше читатели смогут увидеть, как вырос поэт, каких успехов он добился. А если книгу кромсают — это все равно, что заткнуть говорящему рот или отобрать у живописца его картину и запереть, вырвать из рук его кисть. С этим сборником напрямую связана не только судьба самого художника, от него зависит

положение его семьи, двух сыновей и маленькой дочки. Кромсая книгу, отнимают хлеб у его детей. «Все трое ребятишек гриппуют. Говорят, гонгконгский грипп. Температура подскочила за 39 градусов. А на соки и всякое такое и даже на лекарства денег нет» (14.03.74).

Хотя поэт и сомневался, говоря, что «Рябинушка-невестушка» останется худшей из его книг, он был не прав. Несмотря на то что в первом его сборнике встречались и еще не вполне зрелые стихи, плохих книг Рами Гарипов не выпускал. Каждый издаваемый им сборник становился событием для литературы, получал высокие оценки и еще больше способствовал росту его авторитета. Книги Рами пользовались успехом, его имя и стихи были у всех на устах.

Сборник «Рябинушка-невестушка» состоит из трех частей. В первой, называющейся «Мой щит», — рассуждения поэта о вечных ценностях, жизненных опорах, без которых не может быть Родины и народа. Для Рами:

*С посохом, взятым у родной земли,
Шагать по дорогам легче и веселей.
А привыкнешь — и трость не нужна,
Даже если идти трудней.*

Когда так любишь Родину — вплоть до прутика-тростинки, то и вороний галдеж воспринимаешь как праздник:

*Есть смысл и в пении ворон,
Когда они, тишину нарушая,
Восторженным криком со всех сторон,
Весну соловьиную встречают.*

Эти вошедшие в книгу стихи можно назвать лишь «осколками» того, что создано поэтом в последние годы. Но и они отражают свет, излучаемый его внутренним миром.

К названию второй части — «Рябинушка-невестушка» — он в скобках добавил: «Только о любви». Рами Гарипов мечтал собрать воедино всю свою любовную лирику и выпустить ее отдельной книгой с таким названием. Мечта эта, увы, так и осталась неосуществленной.

В этой части до сорока стихов, мотивы которых гармонично сливаются друг с другом в одну печальную мелодию. Они лишней раз доказывают, какой вклад внес Рами Гарипов в развитие башкирской любовной лирики.

Что касается переводов, то они вошли в последнюю, третью, часть сборника, названную «Моя антология». Возможно, читатели встретили здесь малоизвестные стихотворения и удивились, насколько естественно звучат по-башкирски стихи, которые им хорошо знакомы.

А сколько произведений, включая поэму «Поклонение», выброшено, сколько пронзительных строк вычеркнуто немилосердными руками. Если бы их включили в книгу, она была бы гораздо сильнее. Они ни в коей мере не заглушили бы ее лейтмотив, в котором доминируют такие оптимистические чувства, как вера и надежда. Не было да и не могло быть никаких оснований для упреков автору в упадочничестве. Разве хулители стихов Рами Гарипова способны понять, что грусть и печаль поэта обладают очищающими душу свойствами, что волнения его и тревоги вызваны стремлением к духовному совершенству? Не таков их уровень. Эти людишки видят окружающий мир по-иному, сообразно своим представлениям о нем и принципам. Живя с оглядкой в напряженном ожидании указки сверху, опасаясь за свое личное благополучие и покой, они избегают всего того, что могло бы хоть как-то нарушить размеренный ход их устоявшейся жизни.

Рами Гарипов изо всех сил крепился, стараясь ничем не выдать снедавшие его боль и тоску. И даже когда у него были причины быть недовольным судьбой и спорить с ней, не брюзжал, не ныл, не разменивался по мелочам. Он не завидовал счастью других, не зарился на чужое. И сожалея о чем-то, проявлял терпение и выдержку:

Ой, ты рябина! Лета дни минули.

Зажгла ты поздно яркие огни.

Оставь в кистях пылающие угли

И для другого пламя сохрани.*

* Перевод В. Потемкиной.

Книга «Рябинушка-невестушка» притягивает к себе уже самим этим милым и благозвучным названием, манящим в таинственный мир поэта, который однажды признался: «Всегда хочется верить в чудо, душа без песни лишена надежды». И читатель, раскрывший сборник Рами Гарипова, убеждается вскоре, что он всецело оправдал его ожидания. Ему невдомек, какую глубокую рану оставила «Рябинушка» в сердце самого автора.

На последней странице книги, открывающейся стихотворением «Поэзия», приведены последние строки из «Проклятия» Расула Гамзатова:

*Проклятье трусу в дни обычные,
Проклятье дважды на войне.
Вам, алчные, вам, безразличные,
Проклятье с трусом наравне.*

*Мне все народы очень нравятся,
Пусть трижды проклят будет тот,
Кто вздумает, кто попытается
Чернить какой-нибудь народ.*

*Да будет проклят друг, которого
Не дозовешься в час беды.
И проклят голос петь готового
В любом кругу, на все лады.*

Те, кто «сыпал соль» на сердечные раны Рами Гарипова, читая эти слова, легко узнают, кого он имел в виду. Им так и не удалось сломить гордость поэта, заставить его плакать, сколько они ни старались. Оказавшийся в безвыходном положении, он был вынужден обратиться за помощью к великим и, так и не получив возможности донести до народа собственное слово, выразил свое состояние словами близкого ему по духу аварского поэта. Если эти люди затыкают рот ему, Рами, то пускай попробуют запретить говорить Гамзатову! Как сказал Хасан Туфан: «Это ведь наш Гамзат, это наш Расул!»

Несмотря на то что Рами Гарипов решил завершить свою новую книгу словами проклятия в адрес мелких

и продажных душ, мстительность была не в его характере. Он отличался милосердием и великодушием, возносившими его над злобой, — любовь поэта была сильнее ненависти.

Тоненькая книжица, последняя из вышедших при жизни Рами, какой-либо ощутимой материальной пользы семье его не принесла. И вот Рами опять в Аркауле. Жена его ищет правды в Союзе писателей и в издательстве. Но, так и не услышав ничего обнадеживающего, она направляется в «зеленый дом». Секретарь обкома партии по идеологии Тагир Исмагилович Ахунзянов принял ее без задержки. На беседу он вызвал заведующую отделом культуры Клару Тухватуллину. Надежда Васильевна записала состоявшийся в кабинете разговор, отрывок из которого я хочу привести:

«Т. И.: Он пишет стихи, от которых веет не нашим, не советским, в них боль за ушедшее, которое он хочет вернуть, он против советской власти.

К. Т.: Почему он видит мир не таким, как я, например? Я тоже окончила два института, воспитана комсомолом, современностью.

Н. В.: Рами никогда не показывает, что он окончил Литературный институт им. Горького. Он видит мир своими глазами, то, что видите вы — не видит Он. Потому что Он — Рами — Поэт...

Т. И.: Мы хотим, чтобы он больше обращался к нам и писал то, что нам надо, что вокруг нас. Ведь я настоял, чтобы после драки с Вазихом Исхаковым их обоих оставили в правлении СП. Вот за этим столом все хотели повернуть это как национальный вопрос, я не дал делу такой ход. Да и в том, что он в правлении, и я сам отношусь к нему как к талантливому поэту, если бы он не был талантлив, мы бы здесь о нем не говорили. Мы хотим склонить его на нашу сторону, поэтому “бьем его рублем”. Может быть, заставим вернуть в издательство полученные им 500 рублей — аванс за книгу.

Н. В.: Да, Рами принес 500 рублей. Но вы бьете рублем не только его, но и наших детей.

К. Т.: Мы слышали, что вы голодаете...

Почему он так старательно воспевает свое, башкирское? Вы и детей своих отдали в башкирскую школу учиться. Зачем?..

Т. И.: ...И у него есть стихи, которые нельзя печатать. Рами показывал мне свою поэму "1937 год". Я сказал, что ее надо спрятать подальше в архив для истории.

Н. В.: Но ведь как сделано, какое было время страшное, и звучит поэма прекрасно. И все написанное — правда.

Т. И.: Да, она сделана очень хорошо. Ну что ж, пусть приходит к нам, поговорим, может, что-нибудь и сделаем».

Беседа продлилась около часа. Женщина пришла с просьбой — помочь поэту с работой и издать книги. Она предупредила, чтобы о ее приходе не говорили Рами. После этого Надежда Васильевна отправилась в деревню:

«Я поехала за тобой в Аркаул. Дом пустой, а ты копал никому не нужную яму под туалет. Стоят березки, рябинки, посаженные нами в 1959 году во дворе. Настолько зрительно осталось — ты стоишь в яме уже по кудрявую голову. Так страшно защемило сердце мое. Я не берусь высказать те мысли, что появились тогда».

Рами постеснялся идти к секретарю обкома в залатанной одежде, и они купили в кредит новый костюм и рубашку. Из «зеленого дома» поэт выходит, сияя улыбкой, окрыленный надеждой устроиться на работу. Однако данные ему обещания не были выполнены. И он снова терзается мыслями о своем зависимом, бесправном положении.

Из-за кучки каких-то бездушных чинуш Рами Гарипов и не думает винить в своих бедах всю советскую систему, ибо он никогда не забывал то хорошее, что сделало для него его Отечество. И пусть «Рябинушку» его искромсали, они не смогли поколебать в нем веру, ядро которой составляли преданность стране и идеалам строительства новой жизни. В их правдивости башкирский поэт ни капли не сомневался.

Через десять лет после кончины Рами Гарипова группа писателей написала письмо. Оно было адресовано в будущее — девочке по имени Айгуль, родившейся в поселке Уфимский Хайбуллинского района: «Айгуль! Когда ты вырастешь, ознакомься с этими правилами и старайся жить по ним. Помни всегда о том, что ты являешься граждан-

кой нашей великой Родины, страны свободы и счастья — Союза Советских Социалистических Республик, который близок каждому человеку как друг, товарищ и брат. Береги нашу Родину как зеницу ока, умножай ее богатство и славу. Уверенно шагай по пути, указанному великим Лениным. Жизнь человека измеряется не количеством прожитых лет, а добрыми делами по отношению к другим людям, тем, какой след оставляешь ты на земле после себя. Будь честной, трудолюбивой и правой в больших и малых делах. Почитай своих родителей, старших. И не забывай, что счастье — это радостный труд на благо своего народа, счастливого будущего — коммунизма. Мустай Карим, Тамара Ганиева, Кадим Аралбай, Динис Буляков, Александр Филиппов. 5 июня 1987 года».

К тому времени, когда Айгуль должна была вскрыть и прочитать это письмо, будучи уже восемнадцатилетней девушкой, на нашей земле не существовало ни СССР, ни КПСС, великое государство распалось. Но перечисленные жизненные принципы не устарели. Они вечны.

Советская держава была для Рами Гарипова царством справедливости и добра. Любимое им Отечество вырастило и воспитало поэта, его сестру и братьев, огромное число сирот, дало образование. Сделало им столько хорошего, что всего и не перечислишь. Только почему же в этом государстве допускают произвол и несправедливость? Почему не карают таких руководителей?

Рами Гарипов безумно любил своих детей, обожал родственников, тосковал по матери. В стихах он часто обращался к сыновьям Салавату и Азамату, сколько пламенных строк, проливая горячие отцовские слезы, написал о любимой дочери Гульнаре. Трогательно заботился о братьях Равиле и Урале, о сестренке Маршиде, хотел, чтобы они учились, и поддерживал их как мог. Каждому из них Рами посвятил стихи. Воспел он и свою мать в стихотворении «Руки моей матери», ставшем классикой. Гюльмарьям-апай вдохновила его и на другие стихи. А сколько раз возвеличивал он ее на страницах своего дневника.

В 60-е годы поэт написал: «Разрывают мне душу три песни, рыдает моя душа, счастья для трех ребятишек прося». И тогда же воскликнул в отчаянии: «Броситься бы

на землю и наплакаться бы вволю хоть раз», но: «Только слез уже нет, в глазах мужчины остался металл...» Эту тему Рами развивает в стихотворении «И огонь умеет плакать тоже...», посвященном Ахияру Хакимову:

*И мужчина плачет непреклонный!
Только слезы – горькие подчас –
Не мелькают по ветру бессонно,
А на землю падают, светясь.
Так он плачет, чтоб тоской незримой
Не смутить ни дальних, ни родных,
Чтобы даже женщине любимой
Невзначай не выдать слез своих.**

Поэт не показывает окружающим свои слезы, но они горящими крупинками прожигают его сердце. Сколько бессонных ночей провел Рами, думая о семье, о детях. Душа его разрывалась на части, когда он, собираясь выйти из дома в надежде, что ему повезет, слышал от жены: «Без денег не возвращайся!»

Бывая дома у некоторых своих однокашников, Рами восхищался, видя, какой лад царит у них в семьях. После одного из таких визитов он, страдая от одиночества бессонной ночью, кажущейся ему нескончаемой, пишет: «А моя благоверная только и знает, что деньги требовать... Обзывает меня по-всякому... Провоцирует на драку... Какая низость! Попробуй-ка после этого писать стихи... Теперь я уже удивляюсь не тому, что не пишется, а тому, что умудряюсь писать. Половина моей жизни ушла на то, чтобы выстоять в борьбе со всей этой суетой, не зачерстветь, не окаменеть и не заледенеть. Одному Аллаху известно, сколько это еще продлится. Конца-края не видать. Но жить так тоже больше нельзя. Быть или не быть? Ах, вы детушки мои...»

Нетрудно себе представить, в каком состоянии писал он эти строки – загнанный в тупик безработный отец большого семейства. А каково было в этой безвыходной

* Перевод Я. Серпина.

ситуации его жене — доведенной до отчаяния матери трех ребятишек, не знавшей, как их прокормить. Ее тоже можно понять.

Рами не умел приспособливаться к обстоятельствам. В жизни он был не прагматиком, а романтиком и идеалистом. И как бы ни пытались обвинить его в антисоветизме, поэт всем своим существом, каждой клеточкой своего организма впитал в себя высокие идеалы советского строя. В то время, когда многие гнались за богатством, находясь под властью вещизма, он жил идеями. Дух голого энтузиазма 30-х годов проник в душу Рами еще с колыбели. Такому человеку, как он, ставившему духовное богатство превыше всего, жить было совсем не просто. Его кредо выразилось в этих строках: «Нет, инэкэй*, свой жизненный путь я строил, не рассчитывая на богатство». Ту же позицию Рами Гарипов демонстрирует и в отношении к любви:

*Не лисий воротник тебе на плечи,
Накину эту радугу на плечи,
И для волос, волос темнее ночи,
Прекрасней шали звездной я не встречу!
А это — посмотри, какие серьги!
Но вдруг луна покажется тебе неяркой,
Я небеса высокие измерю...
Одно прошу — не жди земных подарков!*

*Земной подарок для тебя — я сам,
Вот это сердце, эти небеса!****

Таких, как он, людей не от мира сего, постоянно преодолевающих земное притяжение и витающих в облаках, очень мало. Представить себе человека без жизненных потребностей невозможно. Поэтому Рами, привыкший жить по своим понятиям, вполне мог казаться окружающим странным.

* Мамочка.

** Перевод А. Хусаинова.

*До чего ни дотронусь,
На что ни взгляну я,
Все поверяет мне тайны свои,
Все говорит со мной и поет.*

*В сердцевине каждого древа
Сижу ясновидящим старцем.
Словно хозяин земли этой,
Привольно живу я на ней.*

*Мне бы лишь молока парного
Да ломтик хлеба.
Богатство мне — ни к чему,
Я б только заботы Отчизны
Взвалил на плечи свои.*

Читая это стихотворение, невольно вспоминаешь строки из Велемира Хлебникова:

*Мне мало надо!
Краюшку хлеба
И каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака!*

Вот сколько нужно было Хлебникову, объявившему себя «председателем земного шара». Рами Гарипов тоже готов взвалить на себя заботы страны, а для личной жизни ничего, никаких богатств не требует. Когда Родина счастлива, народ одухотворен, в мире благополучно, когда живы язык и родные напевы, что еще нужно поэту, чтобы чувствовать себя счастливым.

В связи с этим приходит на память сказанное о Рами Гарипове Мустаем Каримом: «Он хоть и не был полностью свободен от бытовых неурядиц, но стоял, кажется, выше их... В житейском плане ловкачом он не был... Но он не был бездельником, был очень трудолюбивым человеком, любимую работу выполнял с душой, со вкусом, с увлечением. Его звездной вселенной была литература, священным трудом — стихи. По природе своей Рами являлся дервишем-странником. С такой закваской, той же

породы были великий татарский поэт Туфан, тот самый Хасан Туфан, который высоко оценивал Рами Гарипова и называл его любовно “младшим братом”, а также великий сын балкарского народа Кайсын Кулиев. Мир они считали бrenным, поэзию – вечной».

Судьба моего героя и его характер не вписываются в привычные рамки. Возможно, кому-то этот образ покажется идеализированным. Но, как я уже неоднократно подчеркивал, здесь нет ни выдумок, ни преувеличения, ибо источником для данной книги послужили фактические материалы, включая стихи, дневники, письма поэта, а также свидетельства тех, кто с ним общался.

В советской литературе положительный герой был центральной фигурой. В этом плане наша литература представляла собой уникальное явление в мире тем, что прославляла лучшие человеческие черты, внушала народу чувство оптимизма и уверенности в будущем. В свою очередь, этот общий позитивный настрой способствовал росту числа произведений, где советская действительность изображалась в розовых тонах.

В этот мир порою приходят люди, чьи духовные качества, благородные устремления и образ жизни как бы поднимают их над жестокой реальностью, над житейской суетой. Таким создал Аллах и Рами Гарипова. Но утверждать, что он был безгрешным человеком, ангелом во плоти, я, конечно, не берусь. Все знают, что абсолютно идеальных людей на свете не бывает. Моему герою, естественно, тоже было о чем сожалеть, в чем винить себя и каяться. Начнешь копать, у кого угодно найдутся провинности и хоть какой-нибудь изъян. Я же, со своей стороны, предпочитаю акцентировать внимание на лучших качествах личности, нежели на недостатках, так как уверен, что любой человек изначально и по сути своей склонен к светлому, прекрасному.

Людам, являющимся по натуре искателями и скитальцами, выживать в этом суровом и жестоком мире особенно тяжело. Несмотря на то что Рами одолевали сплошные неприятности, творческого ритма он не терял. Только вот сохранять здоровый ритм сердца в таких условиях очень трудно. Если бы хоть один сборник был выпущен в том

виде, в каком поэт его задумывал. Так ведь нет, все книги, изданные при его жизни, выходили в свет бесцеремонно урезанными, поруганными.

В 1971–1974 годах несправедливости преследовали Рами Гарипова одна за другой. После выступления на телевидении, когда он дерзнул, несмотря на предупреждение, гордо произнести на весь Башкортостан слова о том, что башкир, не склонявший головы даже перед царями, не станет кланяться никому, доступ в печать ему закрыли. Вынудили уйти из журнала. Всю вину за то, что произошло в Стерлитамаке, свалили на него одного, а чтобы прочно закрепить на нем ярлык националиста, постоянно выискивали, к чему бы еще придрататься. Объем книги «Рябинушка-невестушка» срезали до двух печатных листов. Уж как ни бился Рами, как ни добивался, как ни умолял, чтобы его увеличили хотя бы на сорок или тридцать страниц, — никто так и не помог ему, и последний сборник вышел в жалком и неприглядном виде. Все эти издевательства и унижения пришлось на долю одного человека, обиды и боль копились в одном сердце. Что ответишь детишкам, растерянно и с мольбой глядящим в твои глаза, как объяснишь им и их бедной, доведенной до крайности матери, почему ты оказался в такой ситуации?

События, разящие поэта в самое сердце, происходили одно за другим. А тут еще один непредвиденный случай, усугубивший его и без того отчаянное положение. Рами не нашел в себе сил отвергнуть искреннее чувство той, что готова была отдать ему свою душу. В самый сложный, запутанный период своей жизни он вдруг встретил любовь, на которую не смог не откликнуться. Все было покрыто тайной. Но, увы: «Тайна раскрылась. Шило в мешке не утаишь. Зачем мне врать? Если от меня родился человек, разве я преступник? Ведь я никого не убил!.. Почему тебе можно заботиться о своем счастье, а другим нельзя? Если человек со слезами выпрашивает крохотный подарок, почему я должен отказывать ему?» (27.03.73).

И тут же, рядом с этой записью, — стихотворение, в котором есть такие строки:

*Почему за сей подарок светлый
Поднимаешь ты плоть на меня?
Что за дело тебе до греха моего,
Кару сам я приму на себя...*

Слова Рами Гарипова «Я предал верность, но верна моя измена» были подхвачены народом и стали крылатыми. Поэт не защищает измену, считая добродетелью верность. В жизни случаются разные повороты, однако если человек пришел к какому-то решению, то уже не должен от него отступать.

Верность Рами ценить умел, стараясь не размениваться на мелкие чувства и не терпя распутства. Как-то, после одной из творческих встреч в районе, он побывал в гостях у очень приятной женщины. Вот как поэт описал свои впечатления:

«Гулко бьющееся мужское сердце и укрощение самого себя. Проснулся Данил, я потрепал его по голове, ощутив колючие, будто иголки ежа, волосы и вдруг услышал рвущие сердце слова:

— Совсем как мой отец, это место моего отца.

Ох, уж эти детские сердечки. Я прослезился, но, победив страсть светлыми, добрыми чувствами, почувствовал облегчение и ушел.

Прощаясь, я видел два переполненных слезами глаза!

Может быть, эти глаза всю жизнь так и будут стоять перед моими глазами!

Все так просто, естественно — ты мог бы сделать то, чего тебе хочется, но не делаешь. И все же я набрался решимости, заявив сказавшей мне без шуток женщине, что в баню она зайдет после меня:

— Я бы помыл тебя, да нельзя. Сама знаешь.

А вернувшись домой, написал стихи...» (31.03.73).

Такие вот чувства испытал поэт при встрече с женщиной, у которой год назад погиб муж. Проявленной им воздержанности и добропорядочности подивились бы не только люди нынешней эпохи, когда попираются законы приличия и нравственности, но и жившие в прежние, более целомудренные, времена. Для Рами Гарипова сохранение чистосердечных отношений было делом чести.

шего вдохновения, который Рами испытал в 1962 году, повторился ровно через десять лет. Однако эта яркая вспышка оказалась для него последней. После 1972 года в душе поэта что-то надломилось, стихи стали появляться все реже. А в 1976—1977 годах он вообще мало что создал. В этом отношении Рами Гарипов повторил судьбу Александра Блока.

Его товарищи никогда не слышали от него жалоб на сердце. Рами не любил жаловаться. Помню только, как он сказал, что когда ехал однажды в поезде, во сне у него кольнуло в сердце, и обмолвился, что в последние годы частенько немеет затылок.

Как оказалось, сердце беспокоило Рами Гарипова уже давно. И лишь в дневнике он написал все, как есть: «В 4 часа утра случился сердечный приступ... Приехал врач, сделал два укола». Тогда, 23 декабря 1963 года, поэту не было еще и тридцати двух лет.

А вот запись за 14 июня 1968 года: «Сердце болит. Наверное, мне уже пора покинуть этот свет. Если бы только от этого был хоть какой-нибудь толк!.. Твоему народу!.. В том-то и дело, что нет...»

Через три года: «Работал по 15—16 часов. Видать, недолго осталось жить... Сердцем чую» (23.07.1971).

Запись от 2 апреля 1972 года: «Всю ночь кололо сердце».

Более года спустя (21.05.1973): «Сегодня ночью проснулся от боли в сердце, Наде ничего не сказал — вижу, жить мне осталось немного. Только бы умереть по-человечески».

Еще одна грустная запись: «Почему у меня так на душе? То ли жизнь подходит к концу?» (4.06.1973).

Три месяца спустя (9.09.1973): «Вырвалась из клетки земной птица души моей» — такое вот у меня состояние... Не забываю день своего рождения — (Чтобы не забыть день моей смерти). Вся жизнь человека умещается в короткой черточке. 1932—1999/?)...» — Рами написал предполагаемую дату своей смерти и поставил знак вопроса. Если бы он не ошибся в расчетах, то прожил бы на двадцать два года дольше!

Фаузия Рахимгулова, с которой Рами работал в «Башкортостан кызы» и поддерживал с ней дружеские

отношения, была, наверное, одной из тех, кто последним видел его зимой 1977 года. Он показался ей грустным. «Передо мной всегда стоит вопрос “Что делать?” И я так и не нашел пока на него ответ», — признался поэт.

Как уже упоминалось выше, первая часть книги Рами Гарипова «Рябинушка-невестушка» называется «Мой щит». Однако стихотворение с таким названием в сборник не включили. По-видимому, редактора смутили эти строки:

Так, сжав клинок, перед началом дня

Во мгле подстерегает смерть меня.

Но, солнечными песнями храним,

Смеюсь я над клинком ее кривым.*

Несмотря на то что собственные стихи не писались, Рами не прекращал переводить Хайяма. Рубаи заполнили новые страницы толстой, как альбом, тетради.

В конце января 1977 года во время поездки в Туркменистан на празднование 200-летия Саади к поэту вновь приходит вдохновение. В пути рождаются стихотворные эскизы:

Куда ни кинешь взор — бескрайняя степь,

До того бесконечна, что глаз утомляет.

И в степи той вечной ты — всего лишь

перекати-поле.

Мысль горькая эта сердце мне опалает.

* * *

В пути мне встретился лишь верблюд,

Жующий бурьян неторопливо.

Вот так, когда был в снегу Каракум,

В страну туркменов явился я.

Данный факт говорит о том, что даже там, среди пустыни, Рами не может оторваться от Омара Хайяма. Дух

* Перевод Я. Серпина.

мудреца, поэта и ученого был рядом с ним до последнего вздоха. За день до смерти, 18 февраля 1977 года, Рами перевел следующее рубаи:

*Когда Вселенную достигнет день конечный,
И рухнут небеса, и Путь померкнет Млечный,
Я, за полу схватив создателя, спрошу:
«За что же ты меня убил, владыка вечный?»**

*Ахырызаман етеп, көнө байыганда,
Күк кыйралып, Кош юлы ла юк булганда,
Һакалынан һелкөп тотоп Тәңренең мин:
«Шулмы эшен, – һорармын, – был Йһһанда?»*

Это последние стихотворные строки, начертанные рукой Рами Гарипова... Из огромного количества рубаи башкирский поэт выбрал те, что были ближе всего его неугомонному, беспокойному духу: не прекращающийся поединок с судьбой вплоть до судного дня.

Я считал это четверостишие заключительным аккордом до тех пор, пока не ознакомился с последними страницами его дневника:

«11.02.77. Завтра мне исполняется 45. В уфимском аэропорту я услышал свое имя, громко произнесенное до боли знакомым, дорогим мне голосом: Надя.

Мы с ней, можно уже сказать, совершенно чужие люди. Но прожитая жизнь, 21 год моей жизни, вонзились в сердце мое, будто 21 кинжал.

Еще один бессмысленный разговор – совсем как в тот день, когда я уезжал. Разрывающая сердце горечь, боль!..»

В ночь на 12 февраля Рами видит сон, который он тут же превращает в стихотворение «Сон накануне сорокапятилетия». Те, кому интересно его содержание, могут прочитать его в третьем томе собрания сочинений Рами Гарипова. Я же приведу лишь его конец:

* Перевод О. Румера.

*Зеркальце твое,
Что на ладони,
Расколось прямо пополам.
Латиницей на обороте
Ты вывела «Любовь твоя»,
Мол, будет мне от несчастий
оберегом она!..
О, если бы эта сила
тебя саму сохранила.
Отчего ж ты тогда —
четверть века тому назад —
Мне его не вручила?..*

Через двадцать пять лет судьба еще раз свела поэта с его первой любовью, которую он так и не смог забыть, — пусть не наяву, но хотя бы во сне. И свидание это оказалось прощальным.

День своего рождения — сорокапятилетие Рами отмечает с детьми.

«12.02.77.

Ночь. Азамат с Гульнарой улеглись спать.

Легли, не особо показывая свои чувства. Они, конечно, по-своему переживают. Я сдал стеклотару на 7 рублей 50 копеек и постарался устроить им маленький праздник. Купил молоко, катык, кефир, сливки, сахар и лимон. Сварил курицу, зафаршировал отваренной в бульоне картошкой (с солью, перцем, луком, лавровым листом), обжарил в духовке, бульон заправил лапшой. Вроде бы вкусно получилось. Потом пили со сливками чай, заваренный из душицы и других трав. Сам я вместе с чаем выпил больше половины “Экстры”, помычал, пропустив сквозь сердце всю прожитую мною жизнь».

Вот так Рами Гарипов отпраздновал свое сорокапятилетие. В тот вечер он размышлял о характерах сыновей и дочери, об их судьбе, о будущем. Свою последнюю запись поэт завершил такими словами: «А чего я больше всего хотел бы пожелать своим детям — до конца сохранять силу воли. Каким бы чувствительным ты ни был, самое главное — это сила воли! Именно она поддерживала во мне жизнь, заставляла меня собрать все мои силы

в кулак! Пусть малые беды треплют, сотрясают меня, я думаю, что выдержать большие беды у меня достаточно сил. Меня пока невозможно сломать!..»

Это звучит настолько убедительно — так и кажется, что поэт способен даже сокрушать горы.

19 февраля у него родилось такое стихотворение:

Не верь, не верь бурану-Февралю,

Пусть бесится без отдыха и сна.

В нем нет коварства, я же говорю, —

В его объятьях девушка-Весна.

Она придет, и будет как всегда:

Земля полна весеннего огня,

И растворятся горе и беда,

Но это будет в мире без меня.

Но как тебя оставить, умереть?..

Но не снести мне жизни, не стерпеть...*

И это были последние строки поэта. В них — пронизательность провидца. А 20 февраля сердце Рами Гарипова перестало биться.

ШКОЛА РАМИ

20 февраля 1977 года в Уфе, в Доме актера, должно было состояться открытие конференции творческой молодежи республики. Я спешу туда. У входа встречаю Нажиба Асанбаева. Он явно чем-то озабочен. Произносит негромко:

— Равиль, ты слышал? Умер Рами Гарипов.

Я был ошарашен, не зная, что сказать. Никак не мог поверить. Это было так неправдоподобно — чтобы такой крепкий, здоровый, сильный мужчина, как Рами-агай, даже не знавший, что такое насморк, внезапно умер?

Все были в шоке от этого известия. Ночью с поэтом случился сильнейший сердечный приступ, и его увезли

* Перевод А. Хусаинова.

на скорой в больницу, что на улице Тукаева. Несмотря на все усилия, врачи так и не смогли его спасти. И на рассвете 20 февраля 1977 года сорокапятилетний Рами Гарипов умер от разрыва сердца.

По отношению к молодым он всегда был внимателен и заботлив, радовался от души появлению новых талантов и возлагал большие надежды на предстоящее собрание, ожидая приятных сюрпризов. Начинающие поэты тоже очень хотели встретиться с ним. И вот теперь, когда участники конференции настроились на серьезный разговор о будущем нашей литературы, собираясь обменяться мнениями, обсудить рукописи, произошло такое большое горе.

Мне казалось, что у меня не хватит сил не только, чтобы организовать работу секции поэзии, но и даже принять в ней участие. Эта ужасная потеря словно лишила всех дара речи. Первое время мы только молча смотрели друг другу в глаза, полные скорби. Но надо было как-то собраться, сосредоточиться, не допустить того, чтобы наше общее дело разладилось. То, что сердце Рами Гарипова остановилось именно в тот момент, когда он готовился к встрече с молодежью, говорит о многом. Не исключено, что и в последние минуты жизни он думал о молодых коллегах. И если бы мы сейчас дали волю чувствам, оцепенели от горя и остановили работу, наш учитель этого не одобрил бы.

Пока мы обстоятельно анализировали и обсуждали рукописи начинающих поэтов, Рами-агай так и стоял у нас перед глазами. Получилось, что забота о молодых авторах переплелась с болью утраты.

Прощание с Рами Гариповым состоялось там же — в Доме актера. Скольких собратьев по перу проводили мы из этого прекрасного здания в последний путь. Но столько народу, как в тот день, я не видел там ни до, ни после. Фойе не вместило всех, кто пришел проститься с Рами. Даже площади перед зданием — и той оказалось мало для желающих проводить его.

Поэт лежал в гробу словно живой: как будто прикрыл глаза и слушает протяжную, печальную мелодию курая. Тягостные, мучительные мысли покинули его, глубокие складки на лбу разгладились, лицо помолодело. Таким

и остался Рами Гарипов в памяти людей – красивым и просветленным. Стихотворение, которое я читал у гроба моего учителя и друга, родилось, разрывая мне душу, в бессонную ночь перед прощанием с ним:

*В ненастье, снежным февралем,
Взлетел он и ударился с лету –
Беркут гордый о гордую скалу.
Был он вернее верных,
Отчаяннее отчаянных.
Февралем порожденный,
Рухнул в сугроб он февральский.
Как зеркало, треснула его Юрюзань,
Пламя изверг Янгантау, как вулкан.*

*Сколько коварных лис затаившихся
Отпугивал он даже тенью своей.
Отчего же в февральскую пургу
Крылья беркута вдруг обгорели?*

*Обгорели крылья,
А может, сердце его
Сковал воздух студеный?
В сердце, воспламененное стужей, –
Капает лишь соль,
Лишь соль, соль капает.*

*Февральские ветры теплым снегом
Трещины-раны земные закрыли.
Почему предвесеннему февралю
Не суждено увидеть весну?*

*Пусть ветер беснуется, и в лицо
Могильным холодом веет,
Все равно
Я слышу журчание ручьев,
Весны дыхание свежее чую.*

*Как почка, ты распахнулся,
Превратился в каплю, растаяв вдруг.*

*Весною весну воспеваает любой,
Ты ж видел набухшие почки зимой.*

*Своим уходом ты сердце мое
На сотни осколков разбил.
И плачет февраль, усыная твою могилу
Цветами майскими белыми.*

Перечитывая последнее стихотворение Рами Гарипова, написанное им накануне своей кончины, 19 февраля, я не перестаю поражаться удивительному совпадению: он пишет о феврале: «В его объятиях девушка-Весна». Когда мы провожали Рами-агая, бушевал февраль, Уфу завалило снегом, но в этом буряне я тоже почувствовал дыхание весны. Рами и сам всегда тянулся к весне, смотрел в будущее, жил мыслями о завтрашнем дне литературы и нашей жизни.

Обозревая жизненный путь поэта, исчисляемый всего лишь какими-то сорока пятью годами, я словно вижу, как передо мной один за другим проходят главные его этапы: Здравствуй, мир! Здравствуйте, родимый дом и родной аул! — До свидания, аул! — Здравствуй, Уфа! — До свидания, Уфа! — Здравствуй, Москва! — До свидания, Москва! — Здравствуй, Уфа! — До свидания, Уфа! — Здравствуй, аул! — До свидания, аул! — Здравствуй, Уфа! — Прощай, дорогой мне белый свет!

В этом ряду упоминаются названия мест, где проживал Рами Гарипов: Аркаул — Москва — Уфа. Четвертым и самым последним местом его пребывания стала вечность. Идя по ступеням жизни, человек не только поднимается вверх, но и опускается вниз. Как и человеческая судьба, то, что мы называем ступенями, преисполнено таинства, заключает в себе некий философский смысл. И в один из пасмурных дней, когда бушевал февральский теплый буряне, движение поэта по жизненным ступеням навечно остановилось.

В тот день буряне не прекращался до вечера и снег все падал и падал, налипая на мокрую поверхность. Как будто сама природа горевала вместе с людской толпой, в которой были собратья Рами по перу, много студентов, участников

конференции. У многих текли по щекам слезы, которые сливались с таявшими на лицах снежными хлопьями. Эта большая потеря оставила в душе народа постоянно напоминаящую о себе рану.

Не имевший педагогического образования и ни дня не проработавший преподавателем Рами Гарипов был по своей натуре учителем — чутким и внимательным. Молодежь, пришедшая в литературу в 60—70-е годы, тянулась к нему, прислушивалась к его дельным советам. Он заботился о начинающих поэтах, оказывал им бескорыстную помощь в приобретении опыта. Рами больше других писателей поддерживал связь с молодежью, искренне радовался появлению новых заметных имен. И сам искал перспективных молодых людей, когда выезжал на встречи в районы. При этом он не был щедр на похвалы, возвращая иной раз авторам их рукописи, испещренные замечаниями. Но даже если чьи-то первые стихи выглядели бесцветно, Рами старался выявить в них искорки таланта, начинал работать с молодым поэтом и, как правило, чутье его не обманывало, его усилия оказывались не напрасными. В ходе и в результате такой кропотливой работы даже у безнадежных, на первый взгляд, авторов обнаруживался творческий потенциал. Свою задачу поэт видел в том, чтобы пестовать новоявленные таланты. Творческое общение с ним становилось для многих из них настоящей школой.

Когда кто-нибудь читал Рами Гарипову новое стихотворение, то слушал с большим вниманием и иногда высказывал очень жесткие критические замечания. Так взыскательно Рами относился к произведениям любого, невзирая на возраст автора. Бывало, что он выносил слишком суровый и даже несправедливый приговор, руководствуясь субъективным мнением. Нельзя, например, согласиться с его оценкой одной из самых успешных поэм Назара Наджми, ставшей классикой нашей поэзии. Некоторые из молодых авторов, опасаясь нелицеприятной, резкой оценки Рами Гарипова, предпочитали не давать ему свои стихи во второй раз, а иные и вовсе отдалялись от него. Тем не менее творческая связь поэта с молодежью никогда не прекращалась.

Среди наших литераторов немало тех, кто удостоился лестной оценки со стороны Рами Гарипова. Одним из них был Нур Хабиров, о котором мы уже говорили ранее, как и о Рашите Назарове. К появлению этой яркой звезды на поэтическом небосклоне он отнесся как к событию большой важности.

А кто первым приветствовал приход в литературу уроженца оренбургских краев Зигата Султанова? — Не кто иной, как Рами Гарипов. Кто прочитал в рукописях сборники Махмута Уразаева (Гибата), Маулита Ямалетдинова, подробнейшим образом проанализировал их и первым отозвался о них как о многообещающих талантах? Опять-таки, Рами Гарипов.

Он проявлял внимание и к никому не известным авторам: «Гали Ильясов из Юмагузинского района принес тетрадь со стихами. Очень оригинальный, подающий надежды парень. Не все стихи удалось разобрать. Он торопился, да и у меня времени не было. Но то, что я сказал ему, выслушал очень внимательно, доверчиво» (6.12.63).

К сожалению, талант Гали раскрылся не полностью. Если бы не умер раньше времени, то не раз порадовал бы и Рами Гарипова, и любителей поэзии.

Только большим талантам дано создать свою школу. В башкирской поэзии такими мастерами стали Шайхзада Бабич, Мустай Карим. Со временем к ним присоединился Рами Гарипов. Если начнешь перечислять тех, кому выпала удача пройти его школу, получить у него уроки, получится внушительный список, но и он будет далеко не полным. Кроме уже названных, отметим такие имена, как: Тимер Юсупов, Хасан Назар, Сафуан Алибаев, Мухамет Ильбаев, Хуснулла Тулякаев, Ирек Киньябулатов, Рашит Шакур, Газим Шафиков, Кадим Аралбаев, Асхаль Ахметкужин, Галим Давлетов, Вафа Ахмадиев, Равиль Нигматуллин, Барый Нугуманов, Шакир Галин, Асылгужа Багуманов, Венер Янбеков, Риф Туйгунов, Риф Даутов...

Большое влияние оказал Рами также на прозаиков и ученых: Рашита Султангареева, Анура Вахитова, Диниса Булякова, Марьям Буракаеву, Ахияра Хакимова, Тимергали Кильмухаметова, Марата Мингажетдинова, Мухтара Сагитова, Зиннура Ураксина, Фанузу Надершину.

Говоря о «школе Гарипова», нельзя только ограничиться упоминанием тех, кто вырос под его непосредственным влиянием. Своего рода школой творчества для молодых коллег Рами были его духовное богатство, основательное образование, глубокое мышление, широкое мировоззрение, прямота и принципиальность. Он подавал им пример не только своими творениями, но и качествами смелого, мужественного человека, хорошего, надежного товарища. И пусть не все представители нового поколения башкирской интеллигенции, работавшие в различных сферах, были в деталях знакомы с творчеством Рами Гарипова, они все равно были наслышаны о нем как о незаурядной личности.

14 июня 1968 года, в тот самый день, когда поэт ощутил сильную боль в сердце, он с удовлетворением записал в дневнике: «Хорошо еще, что есть у меня Равили, Тимеры, Мухаметы, Хасаны и еще много других почек... (Только вот Рашит болен, зато — гений). Нет, мои 18 лет, наверное, не совсем уж прошли впустую».

«В последнее время вслед за Анисой Тагировой в нашу молодую поэзию пришли многообещающие Танхылыу Карамышева, Гульфия Юнусова, Рамзиля Хисаметдинова, Факиха Нафикова (Тугузбаева. — Р. Б.), Зиля Кусярбаева, Суфия Якупова, Роза Муратова, Галия Каримова, Альмира Гайнетдинова (Абузарова. — Р. Б.), Фирдаус Галиева (Баширова. — Р. Б.), Минзия Шахманова, Фания Абдуллина, Гульнур Якупова. Это очень отрадное явление! У каждой из них формируется свой голос. Однако им, кажется, не хватает внимания. Мы даже не смогли выполнить настоятельную просьбу покойного Жалиль-агая Киекбаева подготовить и выпустить сборник, посвященный творчеству молодых поэтесс. А ведь некоторые из них достойны того, чтобы стать авторами даже отдельных сборников» — писал Рами. Они тоже прошли его школу.

Кто еще, кроме Рами Гарипова, в конце 60-х годов проявлял такую трогательную заботу о молодых, кто выступал на собраниях, защищая их интересы?..

У многих из перечисленных поэтесс в разное время вышли хорошие книги, они получили признание и известность. А то, что кто-то из них в дальнейшем не проявил

себя на литературном поприще, вовсе не означает, что наставник переоценил их талант. Творческие пути не у всех бывают прямыми и легкими. Некоторые приходят в литературу по окружной дороге, преодолевая немалые сложности и трудности. Бывает также, что условия жизни складываются не в пользу таланта, губят его. Иногда же человек сам отступает от своей цели, не проявляет должного упорства. Случается и так, что утихший, казалось бы, голос раздается вновь. Из тех, кто «воскрес» таким образом, я бы назвал Зилю Кусярбаеву.

Рами Гарипов тяжело переживал добровольный отказ талантов от дальнейшего творчества, называя это «потерей для литературы». Он болезненно воспринял, когда, несмотря на первые успешные шаги, вступившие вместе с ним на литературную стезю однокашники Рифгат Алгушаев, Ханиф Сафаров, не пожелали развивать свои способности. Тревожила его также судьба пропавших из виду Рашита Ахтарова, Файзи Сиражетдинова, Карам Бакирова, в особенности — Нура Хабирова, работавшего вяло, от случая к случаю.

Талант, цель и упорный труд были для Рами неразделимыми понятиями. Небрежное отношение к данному природой таланту, разбросанность, растрачивание сил и времени по пустякам он считал если не преступлением, то непростительным грехом. Рами Гарипов был уверен, что из талантливого ветреника, легкомысленного, беспечного автора ничего путного не получится. И жизнь не раз доказывала его правоту.

Предательство ученика по отношению к своему учителю считается во всем мире святотатством, одним из самых тяжких грехов. Что касается нас, учеников и последователей Рами Гарипова, то мы можем, я думаю, гордиться тем, что остались ему верны. В последние годы жизни Рами-агая я и Тимер Юсупов общались с ним особенно часто, беседовали, читали друг другу и обсуждали наши новые стихи. К нашей компании нередко присоединялись Динис Буляков с Сафуаном Алибаевым. Мы дружили семьями и часто вместе отмечали праздники. В те времена люди любили собираться и были очень гостеприимны.

Несмотря на то что Рами в последнее время не работал ни в одной из редакций, связи с Союзом писателей не порывал, активно участвуя в его работе. Когда на заседаниях секции обсуждались рукописи, высказываемое им мнение оказывалось решающим. Помнится, как шумно прошел под его руководством вечер поэзии. Это мероприятие проходило в переполненной зале здания общества «Знание», находившегося напротив Главпочтамта.

В трудные моменты друзья поддерживали Рами, как могли. Когда он остался без работы, Динис Буляков несколько лет подряд увозил его вместе с Надей летом в Мелеузовский район — в свой родной аул на живописном берегу реки Нугуш. Там их заботливо принимала добрая, радушная Нагима-апай — мать Диниса. Помогали им и его соседи, родные, земляки.

Близко общаясь с Рами-агаем, мы не позволяли себе фамильярничать с ним, всегда относились к нему с почтением, как к старшему товарищу, умному и мудрому советчику.

Со временем многое забывается. И некоторые пробелы в памяти приходится восполнять по рассказам других. Например, если бы я не прочитал записи Рашита Султангареева, то сам, наверное, и не вспомнил бы, как мы, пятеро друзей Рами Гарипова, сложившись, купили для него костюм, чтобы проводить его в последний путь. Зато я могу рассказать, как после смерти поэта мы занялись его архивом.

Динис Буляков, Тимер Юсупов, Сафуан Алибаев и я поставили перед собой цель собрать все его стихи и как можно быстрее донести до народа те из них, что никогда не печатались. Не откладывая дело в долгий ящик, мы и наши жены — Райля Булякова, Дамира Юсупова, Фарзия Алибаева и Фарида Бикбаева — дружно взялись за дело. В центре этой работы была, разумеется, Надежда Васильевна.

Рами Гарипов оставил потомкам богатое творческое наследие. Поэт бережно собирал свои рукописи и содержал их в идеальном порядке. Об этом мы, конечно же, знали, но никто из нас и представить себе не мог размеров

его архива. Увидев десятки тетрадей, множество блокнотов, толстые папки, мы были и поражены, и восхищены. Оставить после себя такое огромное количество трудов — уже сам по себе настоящий подвиг, героизм! Только сколько же времени понадобится для того, чтобы хотя бы внимательно просмотреть все это?!

И вот как-то в один из выходных собрались мы у Гариповых дома и, поделив большую часть его блокнотов на четыре семьи, приступили к их изучению. Отмечая не публиковавшиеся стихи, мы тщательно сортировали их. Завершив этот этап работы, снова уселись за один стол, распределили между собой новую порцию блокнотов и разошлись по домам. Так, благодаря слаженной работе, нам удалось подготовить даже не десятки, как предполагалось вначале, а сотни стихов.

Надо сказать, что прежде ни у кого из наших поэтов не было найдено такого количества неопубликованных произведений. В тот момент мы еще не задумывались и не вполне сознавали, с каким уникальным для башкирской литературы явлением столкнулись. Все были сосредоточены лишь на одной мысли — творческое наследие поэта поскорее донести до читателя. Результат не заставил себя ждать: в печати одна за другой стали появляться большие подборки гариповских стихов. А в 1979 году вышла в свет подготовленная нами солидная книга под названием «Звездные думы». При жизни самого Рами Гарипова ни один из его сборников не выходил в таком объеме и с таким полиграфическим качеством. В нее вошли около ста стихов из более чем двухсот, найденных в архиве.

Предисловие к первой подборке стихов, опубликованной после смерти поэта, написал я. Книга «Звездные думы» тоже открывается моей статьей «Завещание поэта». А начинается она так:

«Вечерами, когда уже синел горизонт, когда первое дыхание весны будоражило кровь, он любил разгребать рассыпчатый снег и искать под ним цветы. А когда подносил к лицу беленький крошечный подснежник, радовался так, будто клад нашел. Вот так, всю свою жизнь, поэт радостно встречал наступающую весну. Горя нетерпением,

он ворошил снег, чтобы отыскать и поскорее подарить кому-нибудь нежный цветок, и точно так же искал цветы в душах людей. Думаю, что свет, исходящий из людских сердец, тоже воспринимался им как сокровище, подобное этому проклюнувшемуся сквозь толщу снега цветку.

В памяти многих людей, видевших и знавших Рами Гарипова, осталась, прежде всего, его сдержанная, обаятельная улыбка. Есть люди, у которых, несмотря на то что они улыбаются, глаза остаются холодными. А вот Рами Гарипов, протягивая человеку руку, одаривал его от всей души своей приветливой, лучистой улыбкой».

Самым любимым временем года Рами Гарипова была весна, самыми любимыми цветами – подснежники, самым любимым явлением природы – течение реки, самой любимой птицей – жаворонок. Все это – символы, поэтические знаки прекрасной поры обновления мира. И сам поэт, покинувший этот свет, как будто воскрес, родился заново. После смерти наступило бессмертие.

Сколько вечеров, посвященных поэту, было проведено с тех пор, сколько раз звучали его произведения в школах, в высших учебных заведениях, на разных сценах и площадках. Его стихотворение «Родной язык» занимает самое видное, почетное место в классах. В руках учителей оно стало волшебным ключом, при помощи которого они отпирают перед детишками двери в мир поэзии.

Вот какую речь произнес я, открывая в филармонии торжества «Аманат», организованные в память о Рами Гарипове башкирским национально-культурным центром «Ак тирмэ»:

«Трудно сказать, кого на сегодняшнем творческом вечере любимого народом поэта Рами Гарипова больше: тех, кто общался с ним при жизни, кто видел и слышал его – его современников, или представителей совершенно нового поколения, знающего его только по стихам?

Думая о пришедших на этот вечер, а также о тысячах наших читателей, любителей поэзии, которые не смогли принять в нем участие, невольно задаешься вопросом: кто из нас больше знает о Рами Гарипове? Читатели, что следили за его творчеством в 60–70-е годы, ожидавшие выхода каждой новой книги поэта? Или сидящая здесь

молодежь, открывшая для себя поэтический мир Рами Гарипова в 80-е?

Безусловно, за десятилетие, прошедшее с конца 70-х годов, и по сегодняшний день поэзия Рами Гарипова раскрылась по-новому. За это время в книгах “Звездные думы”, “Песня подснежника”, в журнале “Агидель”, в газетах были опубликованы сотни не издававшихся ранее стихов и поэм. В Москве вышел сборник на русском языке. Творчество Рами Гарипова было удостоено премии имени Салавата Юлаева. О поэте написано много статей. Прошли грандиозные творческие вечера. Но мы все еще продолжаем работать над его наследием, чтобы более полно раскрыть его творчество и довести до читателя в более полном объеме. Готовится книга воспоминаний. Стало быть, новое поколение будет знать о Рами Гарипове больше.

Нельзя, однако, забывать вот еще о чем. Даже уже известные произведения Рами Гарипова нынешняя эпоха раскрывает по-новому. С каждым годом мы все более осознаем, насколько смелым, жизненным, глубоко содержательным является его поэтическое наследие. Это значит, что и в этом смысле грядущее поколение будет ближе к Рами Гарипову и лучше понимать его, духовное общение с ним станет шире.

Проживший недолгую жизнь Рами Гарипов, тем не менее, оставил после себя долговечное творчество. Поэзия Гарипова оказалась намного счастливее его самого. Поэзия гонимого, притесняемого при жизни поэта получает сейчас должную оценку, и ценность ее постоянно растет.

Считаю необходимым сказать также и о том, что Рами Гарипова нам придется еще изучать и изучать. Читатели не могли не обратить внимание: ежегодно в печати появляются его не публиковавшиеся прежде стихи.

Вот одно из таких стихотворений:

Куда же идет человечество?

Если б знало оно, куда,

Одумалось бы, наверное,

И остановилось на полпути.

Но не ведает, себя обманывает,

Множа ложь и сея варварство.

*На безумие разум работает.
На погибель всего живого.*

*А земля все вращается, вот-вот взорвется...
И если б хоть что-то зависело от нас,
Мы на пути ее распростерлись бы,
Чтоб от трагедии удержать...*

Эх, становлюсь я рабом сомнения!

Написано это стихотворение 24 апреля 1964 года. Таки-ми вот тревожными мыслями жил Рами Гарипов в то время, когда в мире было пока еще относительно спокойно, когда перед человечеством не нависла, как теперь, угроза катастрофы!

Вспоминать о том, какие тяготы выпали на долю поэта, каким незаслуженным обвинениям и наветам он подвергался, разумеется, нужно. Однако не будем забывать, что он и сам был беспощаден к себе, никогда не мирился с ложью, поклонялся только правде. Жилось ему всегда сложно, ибо цели и помыслы у него не были простыми и мелкими. Он довольствовался малым и не предавался беспечности и праздности.

Далеко не у всех поэтов жизнь складывается удачно. В большинстве своем это личности с очень трудной, трагической судьбой. Поэт обычно спорит, конфликтует со своей эпохой, интуитивно предвидя опасности, угрожающие человечеству, их жизни и благополучию. А у таких беспокойных людей, живущих с постоянной тревогой и болью в душе, судьба не может быть счастливой.

Приведу строки из одного стихотворения, написанного им 27 декабря 1963 года:

*Людей полюбил я с детства,
Верил им безгранично.
И всем своим существом
Всяких мещан ненавижу.*

*Они отравляют воздух вокруг,
Над языком моим глумятся.
Мерзкими, грязными руками
Цветы моей родины срывают...*

Почему же многие тогда и даже после него не тревожились за наш язык, за воздух, которым мы дышим, так, как поэт? Теперь мы без обиняков можем задать этот вопрос какому-нибудь большому начальнику, всесильному дяде. И тот же вопрос должен задать самому себе, глядя правде в глаза, каждый, кто любит свою Родину и народ. Особенно сегодня.

Аманат предназначен не для прошлого. Аманат предназначен для будущего. Раши Гарипов — не только историческая личность, это поэт дня нынешнего, находящийся в первых рядах борьбы. И он же, как никто другой, — поэт будущего, к которому грядущие поколения будут обращаться за советом. Раши Гарипов не дожил до возраста, когда составляют завещания. Зато он оставил свои стихи-клятвы, заветы-аманаты, способные проникнуть в душу народа.

Быть верным заветам Раши Гарипова — значит, быть требовательным к себе, быть едиными, верными народу, правдивыми. Не уподобляясь некоторым, кто, даже не удосужившись взять в руки книгу поэта и прочитать хотя бы строчку из его стихов, склоняет во всеуслышание, треплет его доброе имя, вместо того чтобы гореть на работе, душой болеть за святое так же, как он.

Только так мы сможем сохранить верность аманату Раши Гарипова

24 февраля 1989 года».

Больше всех и, в первую очередь, чтят заветы поэта, конечно же, в его семье. Все дети Раши Гарипова имеют высшее образование, у них прекрасные семьи. Они радуют свою мать, Надежду Васильевну, внуками и внучками. Любимая дочь Гульнара — педагог-музыкант, Азамат — художник, создавший известный многим портретный образ своего отца, в котором сумел передать его непокорный дух. Салават тоже посвятил себя нужному делу, став связистом, обеспечивающим связь между людьми.

Земляки не забывают о добрых делах сыновей Ягафара Гарипова. Они бесконечно благодарны Равилю Гарипову за то, что он провел в Аркаул воду, а Уралу Гарипову — за подсоединение их домов к высоковольтной линии.

Дать людям свет и воду — благое дело! Прямо-таки в духе старшего брата-поэта!

Число почитателей, поклонников таланта и творчества Рами Гарипова продолжает расти. Вместе с тем, люди, которые не поддержали его в самое трудное для него время, не протянули руку помощи, обманув его доверие и ожидания, преобразились у всех на глазах: лицемеры надели другие маски и под личиной огорчения стали делиться воспоминаниями об ушедшем поэте, принялись оплакивать его.

В самом деле, после смерти Рами Гарипова таких, кто решил остаться в истории, примазавшись к его честному имени, развелось немало. Даже вчерашние враги не стесняются называть себя друзьями Рами, пишут и выпускают поэтические посвящения, из которых уже можно составить целый сборник. Есть среди них вполне искренние и достаточно талантливые люди.

За годы, прошедшие после вечера «Аманат», организованного в рамках «Ак тирмэ», возвращение Рами Гарипова в день нынешний и в завтрашний продолжалось, многосторонняя связь поэта с народом все более крепла. Телевидение, радио готовили о нем передачи, был снят документальный фильм, ставились пьесы. Ему было присвоено высокое звание «Народный поэт Башкортостана». Выпустили собрание сочинений в трех томах. Если при жизни Рами Гарипова было выпущено с огромными препятствиями семь его маленьких книжек, то уже после смерти поэта — четырнадцать изданий его произведений. Это количество превосходит число прижизненных сборников в два раза, но по объему все его прежние книги, вместе взятые, могли бы уместиться в одном скромном томике.

На протяжении последних тридцати лет мелодичные стихи Рами Гарипова вдохновляли композиторов на создание прекрасных песен, которые очень полюбились народу. Некоторые из них звучали при жизни поэта. В конце 70-х годов Роза Сахаутдинова сумела по-новому представить его творчество в песенном жанре. Начатое ею успешно продолжают и ее коллеги. Стихи Рами Гарипова, преисполненные гармонии и народности, как будто сами

поются. Большинство из написанных на его слова песен пользуются огромной популярностью.

Преобразованная в гимназию прославленная республиканская башкирская школа, в которой учился Раши Гарипов, с 1994 года носит его имя. В Аркауле, в отреставрированном родном доме поэта, открыт музей. Перед домом-музеем установлен медный бюст, выполненный Николаем Калинушкиным. Такой же красивый памятник есть и в уфимской гимназии. Ежегодно в день рождения поэта в этом учебном заведении происходит церемония вручения премии его имени.

Первым из поэтов Башкортостана, кто удостоился самых больших почестей на государственном уровне, был Мажит Гафури. Ему первому присвоили звание Народного поэта и подарили просторный дом в Уфе. Произведения Гафури издавались постоянно и целыми томами. После смерти поэта его имя увековечили в названии района, откуда он был родом, в названиях колхозов, улиц, парков, присвоили театру. В столице, как и в Зилим-Каране, открыли дом-музей.

Подвергавшийся гонениям, во многом из-за своего прямого, неукротимого характера и гордости, Раши Гарипов слышал в свой адрес и много хорошего, ощущал благодарность со стороны соотечественников, что уже само по себе было для него очень важным подспорьем. Но причитавшиеся почести были возданы ему, в основном, увы, лишь после его ухода. Как тут не воскликнешь: «О люди, если бы поэта ценили вы, пока он жив!»

Да, творчество Раши Гарипова оказалось счастливее его. Повторившись, я вдруг осекся при мысли: получается, что я как бы противопоставляю творчество поэта ему самому? Но ведь если задуматься, человек, оставивший после себя такое богатое творческое наследие, фактически не ушел от нас, просто у него началась вторая жизнь — бессмертие. И если первая половина жизни поэта была ограничена всего лишь какими-то сорока пятью годами, то продолжительность его дальнейшего существования будет напрямую зависеть от того, сколько просуществует его нация. Истинно Народный поэт — неотъемлемая часть своего

народа. И пока на земле есть башкирский народ, будет и Рами Гарипов. Такие личности, как он, озаряют светом разум и обогащают кругозор своей нации, придают ей могущества, окрыляют и в то же самое время укрепляют ее дух.

Рами Гарипов внес очень большую лепту в развитие башкирской поэзии. Его совершенные, с эстетической точки зрения произведения явили собой новый этап в развитии нашей лирики, обогатив ее глубоким философским содержанием. В поэзии Рами Гарипова получил развитие подлинный патриотизм, идущий от поколения Баби́ча. Когда родной язык оказался под угрозой исчезновения, поэт храбро, чуть ли не в одиночку, бросился на его защиту. Он призывал всех уважительно относиться к слову, мастером которого был.

Рами Гарипов мыслил широко, считая необходимым крепить связь с традициями мировой классики, доводить поэтическое слово разных народов до башкирского читателя, предъявлять к творениям самые высокие требования. Особенно приветствовали отстаиваемые им принципы молодые.

Если попытаться дать краткий и емкий ответ на вопрос, что дал башкирской поэзии Рами Гарипов, то я бы сказал, что он подарил ей самого себя — великую, неординарную личность, целый мир, называемый миром Рами. Оставшийся до конца самим собой, он без остатка посвятил свою жизнь литературе, принес ей себя в жертву.

Самоотверженность — одна из отличительных черт, главная составляющая его характера. Творчество Рами Гарипова, его жизнь можно понять и правильно оценить, рассматривая их лишь в единстве торжественных и трагических моментов, взлетов и падений. Как поэт и как личность, Рами Гарипов никогда не разменивался и не мелочился. Он был непоколебим в своих убеждениях и не поддавался, устоял, даже когда его хотели уничтожить. Рами был сильным и твердым, как и его слово.

Поэт весь растворялся в любимой им природе:

*Я небом был, паря над облаками,
Я был землей, когда ходил по ней.*

*Я был огнем, когда пылало пламя,
Я был водой, когда журчал ручей.**

И такие же неразрывные узы связывали его с людьми, с народом — со всем тем, чему он всегда поклонялся и во что веровал. Будучи влюбленным в мир, в котором он жил, Рами не смотрел на него сквозь розовые очки, понимая всю его противоречивость, проявляющуюся, в частности, через истину и ложь, благородство и низость. Но при этом жизнь не представлялась ему черно-белой.

Рами Гарипов — мудрец, Рами Гарипов — философ, чьи суждения и наблюдения дают богатейший материал для ученых, занимающихся исследованием развития философской мысли у нашего народа. В 50–70-е годы, в обстановке назревших в обществе противоречий, лучшие представители нации мужественно отстаивали свою гражданскую позицию в борьбе за сохранение народности, духовного наследия, родного языка. И это имевшее место в истории республики движение невозможно себе представить и оценить объективно без учета многогранной творческой деятельности Рами Гарипова.

В период застоя решительное и веское слово поэта будоражило и встряхивало беспечных, заставляло людей задуматься, способствовало пробуждению в них совести и национального самосознания. Любя башкирский народ до самозабвения, он считал своим долгом предостерегать соплеменников от равнодушия и, когда требовалось, стыдил их, старался задеть самолюбие. Такой была школа Рами Гарипова.

И задаешься закономерным вопросом: «Будь он жив сейчас, что говорил бы, что одобрял бы, осуждал?» Впрочем, еще в 60–70-е годы Рами Гарипов призывал соотечественников смотреть в будущее: «Одной ногой ты в дне сегодняшнем, другой ты в завтрашнем стоишь». Вспомним, как он в свое время стучался в ворота сегодняшнего дня: «Открой мне, будущее, дверь!»

Свое слово поэт произнес давно и с расчетом на то, чтобы оно дошло до грядущих поколений. Многие из прин-

* Перевод Я. Серпина.

ципов, которые защищал Рами Гарипов, претворились в жизнь спустя годы уже в обновленном Башкортостане. Если здесь уделяется должное внимание национальным языкам, если башкирский язык в республике поднят на уровень государственного, если растет количество журналов и газет, открываются национальные театры, значит, мечты его сбываются. Заветы поэта актуальны по сей день. Его поэзия и теперь выполняет свою благородную миссию, соответствуя духу самоотверженной совместной деятельности наших соотечественников, нынешнего поколения его собратьев по перу, государственных деятелей, нашего Президента. Поэтому государство уделяет большое внимание наследию Рами Гарипова, постоянно заботится о том, чтобы потомки чтили его заветы.

Мустай Карим, еще в 1948 году посетивший вместе со своим другом Михаилом Дудиным Башкирскую школу-интернат, в которой учился Рами Гарипов, заметил после беседы с юношей: «Этот джигит снаружи пеший, а внутри у него будет скаковой конь».

Крылатый конь-тулпар, вылетевший из души Рами Гарипова, и в дальнейшем будет прокладывать дорогу вперед.

В радостные и одновременно грустные дни, когда открывали памятник поэту перед зданием его школы, у меня родились такие строки:

Рами-агай!

Что творилось с душой твоей,

Когда к памятнику твоему

Возлагал цветы

Внук твой Джалиль?

В тот момент сын Азамата Гарипова Джалиль был, наверное, самым счастливым из внуков. Ребенок поймет это, когда вырастет. Ставя памятники своим выдающимся представителям, нация, по сути дела, отливает памятник себе. Возвышая лучших своих людей, народ возвышается сам. Почитая их, учится уважать и себя. Памятники предназначены живым — с сей истиной не поспоришь. Эти мудрые слова следует вспоминать и повторять как можно чаще.

Когда заводишь речь о том, как тяжело было выживать Рами с его большим семейством, когда он годами не печатался, какие страдания и муки доставляли ему политические преследования, некоторые начинают выражать свое недовольство, мол, незачем выставять его столь жалким. Я же, со своей стороны, убежден, что прошлое нужно показывать таким, каким оно было, ничего не меняя и не шлифуя. О том, кто любил правду, надо говорить правду. А жалким поэт никогда не был, как бы ни старались его унижить, поставить на колени. Иное дело — чего стоили ему чинимые козни, как терзали они его душу, сколько сил и здоровья отняли, унесли.

Что же касается продолжительности жизни поэта, то она измеряется ведь не только отпущенным ему сроком пребывания на земле, но, главным образом, тем, как долго бывает востребовано творчество. Все его радости, горести, должности, статус и быт, независимо от того, находилась ли его квартира в престижном доме, либо ему приходилось ютиться по чужим углам, ел ли он сытно из золотой посуды или страдал от голода, нежил ли в любви, будучи баловнем судьбы, или, наоборот, был лишенным ласки изгоем — все это уходит вместе с ним, как говорил он сам: «А все ненужное тебе — со мной исчезнет, обратясь во прах земной...» Потомкам же остаются лишь его воплотившиеся в произведения восторги и боль, страсть и ненависть, взлеты и поражения.

И все же, чем больше будут знать они о жизни поэта, тем лучше будут его понимать. Вот о чем я думал тогда, стоя рядом с памятником Рами Гарипову.

Летопись своей жизни он вел сам и оставил ее нам, а биография души — в его стихах. Душа лирика полнее всего раскрывается в творчестве. Кроме того, уже само по себе богатое наследие и уникальное явление представляют его дневники, дополняемые воспоминаниями современников. Только сопоставив и объединив все эти источники, можно будет составить максимально полную картину о сложном мире поэта, о его судьбе.

Дать, вырастить и воспитать личность, подобную Рами Гарипову, ставшему гордостью и украшением своей нации и страны, — это великая честь и счастье для любой дерев-

ни, каждого города и народа. Однако мало осознавать и гордиться, нужно еще уметь ценить труд выдающихся людей, дорожить ими и своевременно, пока еще свежи воспоминания, позаботиться о том, чтобы они стали достоянием потомков.

Похоже, и мы понемногу учимся понимать ценность нашего духовного наследия, оказывать должное внимание нашим авторитетам, воздавать им по заслугам. Это очень важное и отрадное явление. Но успокаиваться пока слишком рано. Нам предстоит огромная работа по доскональному изучению наследия многих других башкирских писателей. Да и творчество Рами Гарипова все еще требует к себе внимания.

Чтобы лучше понять поэта, нужно побывать не только на его родной земле, но и в его эпохе. Мне много раз доводилось бывать на родине Рами-агая и после его ухода, но вернуться в то время, в какое он жил, в прошлое, физически невозможно. Однако человеку доступны ведь и другие способы. Так и я, совершая путешествие в мир Рами Гарипова, шагал разными путями-дорогами, в том числе по его незабвенным поэтическим строфам и по дневниковым строчкам, словно наяву обозревая то, что происходило с ним когда-то. Нередко передо мной оживали картины, которыми мы вместе восхищались, события и явления, которые нас тревожили. У меня было такое ощущение, как будто на меня нисходит свет не только от прошедшего, но и от будущего.

И вот путешествие мое окончено. А тем, кто поддерживал меня в этом беспрестанном движении вперед, кто желал мне доброго пути, я хотел бы выразить мою самую искреннюю признательность.

16. 08. 2006

Рами Гарипов с матерью Гюльмарьям Хизбулловой в годы учебы в Уфе

Рами в годы учебы в школе-интернате

Латифа Сафина, Ягафар и Гюльмарьям Гариповы с дочерью Маршидой. Июль, 1941 г.

Рами Гарипов (крайний слева) среди студентов Литературного института им. М. Горького во время встречи с выдающимся турецким поэтом Назымом Хикметом

Рами с учительницей Марьям Гималовой

Молодая семья Рами и Надежда Гариповы

*На свадьбе сестренки Рами Гарипова Маршиды. Слева направо:
Маршида, брат Равиль, сын Салават, мать Гюльмарьям
Хизбулловна, Рами Гарипов. 1 января, 1960 г.*

Поэт на коне

*Нияз Мажитов и Рами Гарипов в археологической экспедиции.
Лето, 1967 г.*

Сафуан Адибаев, Рами Гарипов, Анур Вахитов. Май, 1968 г.

*Группа башкирских писателей, прошедших московскую школу.
Слева направо: Р. Сафин, Р. Гарипов, М. Карим,
Р. Низамов, Ш. Янбаев*

*Хасан Назаров, Рами Гарипов,
Асхаль Ахметкужин*

*Хоть и разного возраста,
но взгляды общие. Слева
направо: наверху — Тимер
Юсупов и Динис Буляков;
внизу — Сафуан Алибаев
и Рами Гарипов*

*Равиль Бикбаев и Рами Гарипов на стройке железной дороги
Белорецк—Чишмы*

Рами Гарипов с дочерью Гульнаррой и матерью Гюльмарьям Хизбуловной в Башграмтеатре. Ноябрь, 1976 г.

Семья поэта. Рами Гарипов с супругой Надеждой Васильевной, сыновьями Салаватом и Азаматом и дочерью Гульнаррой

40-летие
Равля Ягафаровича.
23 августа, 1974 г.

На 65-летию матери. Слева направо: Рами, Маршида, Урал,
мать Гульмарьям, Равиль Гариповы. 1963 г.

*Надежда Васильевна
Гарипова на открытии
бюста Рами Гарипова
в школе-интернате № 1.
Уфа, 1997 г.*

*Во время церемонии открытия мемориальной доски на доме,
в котором проживал Рами Гарипов*

ПЕСНИ ЖАВОРОНКА

Есть у Рами Гарипова стихотворение про жаворонка, который огненным бубенцом звенит в вышине, у самого солнца, будто притягивая землю к небу. Нет, это не жаворонок. Это — самозабвенно поет сердце поэта.

Так пело его сердце... И оно слишком рано, слишком неожиданно разорвалось — разорвалось на большой высоте башкирской поэзии. Из сорока пяти лет его жизни двадцать семь мы были рядом — порою чуть на капельку дальше друг от друга, порою совсем близко... Но всегда рядом. Казалось, я все знаю о нем: его страстные порывы и заблуждения, его явные радости и затаенные огорчения. По его скупым рассказам и щедрым стихотворениям я создал даже представление о его детстве. Его детство будто идет посреди высокой травы, неся на плече отцовскую косу. Отец погиб на войне, а давно созревшая трава ждет косаря. Шествует босоногий косарь и кормилец семьи, только бритая голова его мелькает.

Знал я и о том, что самая любимая на свете река его — Юрюзань, «державная» река его родной сторонки, в которой мальчиком купал своего коня когда-то Салават Юлаев — далекий предок Рами Гарипова по исхоженным тропам и испитой воде. Я тоже видел эту реку, пил воду из нее. Она полна глубинного волнения. Это неспроста...

Я ловил себя вот на чем. Мы в городе не всегда помним номер дорогого нам дома и квартиры, куда чаще всего ходим. Мы заходим туда просто, не оглядываясь и ничего не запоминая. Нечто подобное случилось сейчас со мной. Я заглядываю в книги и справочники, чтобы уточнить те или иные факты из биографии Рами Гарипова. Никогда

раньше не помнил дня его рождения. Он родился, оказывается, 12 февраля 1932 года. Селение его называется Аркаул, что таится в Приуралье. Пятнадцатилетним юношей он приехал в Уфу и был принят в школу-интернат для осиротевших детей. А через три года он станет студентом Литературного института имени Горького и прочтет мне в номере гостиницы «Москва» замечательный цикл стихов о родном крае. Первое, опубликованное в 1950 году в башкирском литературном журнале стихотворение называлось «Ленин». Но не с того еще стихотворения начался поэт Рами Гарипов.

Четыре долгих, бесконечно в юности долгих, года нужно было, чтобы появилась на свет первая книга стихов «Юрюзань», которая оповестила о рождении нового поэта и утвердила его. Он запел голосом земли, хотя первоначально не очень уверенно и ровно. В то время в печати поделился я своей радостью и небеспричинными тревогами по поводу «Юрюзани». Я радовался приходу такого поэта, который способен прислушиваться не только к громкой песне листьев дерева, но и к шепоту его корней, который не скажет праздного слова, не сделает ненужного жеста. Я боялся, что в этой книжке Рами почти исчерпал свою биографию — свое военное детство. Что же будет с ним дальше, о чем он будет писать? А себя он зарекомендовал таким из стихотворцев, кто не умеет себя ни выдумывать, ни придумывать, а остается в творчестве таким, каким является в жизни. Его поэзия не может существовать без его биографии.

Появилась более зрелая по мысли и более совершенная в художественном отношении вторая книга Рами Гарипова «Каменный цветок». Она стала приметным явлением в нашей национальной поэзии. В то же время в ней замечался налет придуманного и представляемого, меньше было пережитого и выстраданного. Некоторые стихотворения были лишены своего чувственного родословия — откуда и зачем они пришли к нам? Грозил поэту опасность оскудения его общественно-эмоциональной биографии. Это он сам хорошо чувствовал, от этого мучился. Я дорожил и буду дорожить всегда тем, что он доверял мне свою

боль и муки свои. И однажды он принял решение. Будучи уже признанным поэтом и отцом семейства, он, погрузив весь свой нехитрый скарб и домочадцев в старую полуторку, уехал из Уфы в свои родные края — туда, ближе к горам, чтобы снова с косою на плече идти босиком по утренней росе — не потехи ради, а надобности для.

Больше трех лет Рами Гарипов был в родном совхозе комсомольским вожаком. Его жизнь наполнилась заботами о делах и людях. Поиски радости в себе в его стихах обернулись поисками счастья в других. Расширились его поэтический взор, границы его эстетического общения с миром. Обыденное часто превращалось для него в необычное, ибо повседневность, куда ты вкладываешь мечты и помыслы, обретает уже более высокий смысл. (А высота — всегда необычность.) Незаметное становится заметным, неприметное — приметным. Нужно сказать, по характеру Рами не был покладистым, уживчивым и терпимым — особенно в деловых взаимоотношениях. Поэтому это время для него было не просто годами любования и восхищения красотами природы, человеческих дел и собственной причастности к ним. Он прошел там насыщенный волнениями и размышлениями кусок жизни, перебарывая и отстаивая себя. И он приобрел право сказать:

*Я небом был, паря над облаками,
Я был землей, когда ходил по ней.
Я был огнем, когда пылало пламя,
Я был водой, когда журчал ручей.*

Годы работы в деревне помогли ему пристальнее вглядываться не только в сущность современной действительности, но и в истоки и исторические дали духовного бытия народа. Появился ряд стихотворений и монолог «Аманат» («Завещание») о преемственности духовных ценностей и нравственных завоеваний. Особенно монолог «Аманат» отмечен незаурядным мастерством. Обрела большую чувственную достоверность его любовная лирика, засверкали более яркими и четкими красками стихи о природе. Он вернулся в Уфу с новой книгой, которая являла собой

ощутимый сдвиг в художественном осмысливании поэтом времени. Но поиски, принесшие удачи и огорчения, продолжались до последних лет. Радость приносили ему и его читателям звонкие по звуку, ясные по мысли стихотворения, полные торжества жизни, как спелые гроздья. Это его находки. Некоторое увлечение в тех же поисках арсеналом устаревших художественных средств, застывшими, как рисунки в янтаре, эстетическими категориями и нравственными идеалами, обращенными часто к прошлому, ограничивало возможности его дарования. Это — поэта потеря, а наше — читателей — огорчение.

Уже наступило было столь желанное для творчества внутреннее равновесие, увенчивающее зрелость, и поэта не стало. Разорвался в вышине огненный бубенец — сердце поэта...

Мустай Карим

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Начало пути	3
Самый близкий друг	13
Внутренние часы	27
Откроются ли секреты творчества?	32
Первые опыты и маяки	43
И манят меня неведомые дали (<i>В донских степях</i>)	63
Пятый океан	77
Почему же так мучительна любовь?	85
Последние экзамены	101

Часть вторая

Здравствуй, Москва!	107
Сомнения и поиски	138
Московская школа	161
Друзья и наставники	176
Материнские руки	194
Любовь и верность	226

Часть третья

Здесь отражается жизнь страны	264
«Язык народа — язык правды»	283
«Цветок, изваянный из камня»	301
Сплочение	325
Написать бы хоть строчку!..	342

Часть четвертая

Возвращаюсь к песням моим	355
Поэт на коне	381
Посещая дальние края, набирайся ума-разума	413
Дела небесные и земные	429
Когда объединяются три таланта	436
Последний мой день в комсомоле	451
Первый удар	460
Шалаш творчества	477

Часть пятая

Песни жаворонка	493
Имею слово	529
Завет и навет	550
Антология поэта	571
Единственная струна	603
Школа Рами	645
Песни жаворонка <i>Мустай Карим</i>	675

Научно-популярное издание

Бикбаев Равиль Тухватович

РАМИ

книга о поэте

(Перевод с башкирского Гузель Хамматовой)

Редактор **А. Д. Хуснутдинова**

Художественный редактор **А. Р. Мухтаруллин**

Технический редактор **Г. Р. Исакова**

Подписано в печать 18.03.2021. Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура ВТВachkort. Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,70. Усл. кр.-отт. 36,12.
Уч.-изд. л. 31,57. Тираж 1000 экз. Заказ 01568-22.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Бишевой.
450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.

Отпечатано с готовых файлов.

Открытое акционерное общество «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, Московская область, г. Подольск, проспект Революционный, 80/42.

